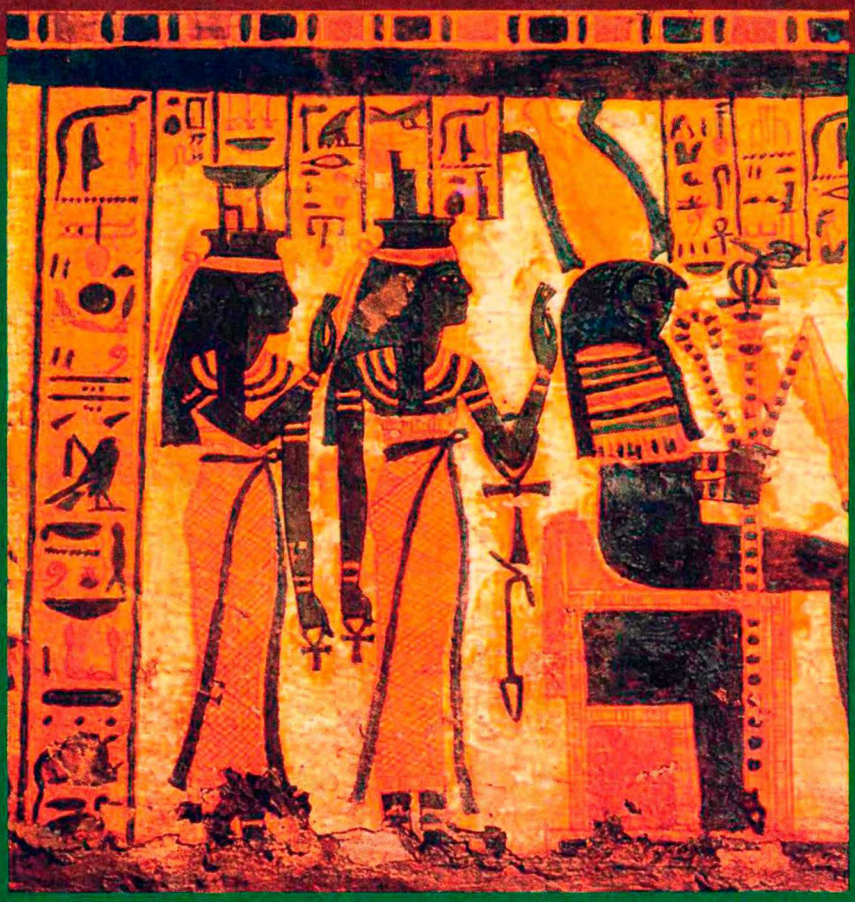
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИМВОЛОВ



·АКАДЕМИЯ·

Wolfgang Bauer
Irmtraud Dümotz
Sergius Golowin

LEXIKON DER SYMBOLE

Вольфганг Бауэр
Ирмтрауд Дюмотц
Сергиус Головин

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИМВОЛОВ

МОСКВА
«КРОН-ПРЕСС»

ББК 86.391 ГЕР
Б29

Перевод с немецкого

Г. ГАЕВА

Художник

Н. ОРЕХОВ

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.

Б29 Энциклопедия символов / Пер. с нем. Г.Гаева.— М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. — 512 с. — Серия «Академия».

ISBN 5-232-00896-X

Впервые переведенная на русский язык, книга вобрала в себя богатейший материал по истории культур многих народов мира. На языке оригинала имеет название «Лексикон символов» и выдержала 14 изданий в Германии. Авторы дают свое толкование древнейших индейских, греческих, индийских и христианских символов. Читатель найдет занимательные размышления о символике народных сказок, символов из преданий о мудрых женщинах-«ведьмах», астрологической и алхимической символике, попробует разобраться в толковании таинственных карт Тарот, увидит, что и наше время рождает свои символы, и, наконец, познакомится с биографиями выдающихся деятелей мировой культуры, ставших своего рода символическими личностями (начиная от Шивы и Заратустры и заканчивая Фрейдом, Юнгом и Эйнштейном, — всего 39 биографий).

52Р(03)—98

© MECO Verlag GmbH, Dreieich
Lizenzausgabe fur Fourier Verlag GmbH, Wiesbaden
© Перевод, Г. Гаев, 1995
© «КРОН-ПРЕСС», 1998

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. *Вольфганг Бауэр* 9

ДРЕВНЕЙШИЕ СИМВОЛЫ. *Сергиус Головин* 17
Несколько вступительных слов по поводу древнейших, или основных, символов. Новые открытия. Народная культура в Европе. Молодежь в поисках утерянных знаний. Вертикальный луч. Единорог. Горизонтальная линия. Крест. Линга в сосуде йони. Чаша, дуга. Крест (лотос) как отображение мира. Розенкрейц. Якорь. Трезубец Шивы (трипул). Трезубец в Европе. Древо жизни. Треугольник. Квадрат. Свастика. Пятиугольная звезда (пентаграмма). Семикратность. Круг. Космическая змея. Абраксас. Павлин: пестрое многообразие мира.

СИМВОЛЫ ИНДИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ. *Сергиус Головин* 47
Брахма, Шива, Вишну. Тримурти. Брахма-созидатель. Супруга Брахмы — Сарасвати. Брахма и Сарасвати путешествуют. Шива-разрушитель. Тигровая шкура Шивы. Мертвые головы Шивы. Барабан Шивы. Парвати — жена Шивы. Ганеша. Картикейя. Нанди, верховное животное Шивы. Вишну-хранитель. Вечная супруга Вишну — Лакшми. Кама. Индра, повелитель божеств. Гаруда — птица Вишну. Бесконечная змея. Десять аватар. Рыба-аватара. Черепаха-аватара. Вепрь-аватара. Лев как воплощение Вишну. Карлик как воплощение Вишну. Рама с топором (Рама-аватара). Рама. Кришна. Будда-аватара. Калки-аватара.

ИНДЕЙСКИЕ СИМВОЛЫ. *Жанетт Вулвертон, Отто Вирт* 83
Индейцы. Земля — Вселенная — Маниту. Скала — гора — пирамида. Дерево — столб — крест. Солнце — Луна. Вода — источник — дождь — облако. Птица — змея — оперенная змея. Логограмма. Сумасшедшая Лошадь. Джеронимо/Гойатлей. Анна Мэ Пиктоу/Аквоп. Мария Сабина. Рокочущий Гром.

СИМВОЛИКА И МИФОЛОГИЯ ГРЕКОВ. *Ирмтрауд Дюмонц* 115
Введение. Янус/Дианус. Крон (Хронос). Зевс. Аполлон. Гадес/Аид. Посейдон. Гефест. Артемида/Диана. Дионис. Приап. Афина. Эрос/Эрот и Психея. Ясон. Медея. Тесей, Минотавр и Ариадна. Одиссей. Цирцея и Одиссей. Эдип и Сфинкс. Геракл и Кербер/Цербер. Прометей. Атлас. Хирон. Сирены. Пандора.

СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСТВА. *Вольфганг Бауэр, Ирмтрауд Дюмонц* 173
Введение в символику раннего христианства. Изгнание из рая. Распятие Христа. Троица. Архангелы. Дьявол. Четыре евангелиста. Мария, царица небесная.

СИМВОЛИКА СКАЗОК. *Сергиус Головин* 209
Символы народных сказок. Герой и героиня сказок. Чудесный лес. Стихийные существа. Волшебства. Благодарные животные. Медведь. Учитель магии. Лесная ведьма. Бессмертные. Опасности. Семь гор. Принцесса.

СИМВОЛЫ ИЗ ПРЕДАНИЙ О МУДРЫХ ЖЕНЩИНАХ. *Сергиус Головин* **229**
Мудрые женщины в Европе. Древние старухи. Глаза ведьм. Помело. Ночные тени. Полет. Гора собрания. Танец. Животные ведьм. Летучая мышь. Сова. Кошка. Свет и туман. Ночной огонь. Царица ночи. Книга. Козел.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ. *Сергиус Головин* **255**
Семь планет. Астрологический символ Луны. Лунный мир. Лунные люди и чем они характеризуются. Астрологический символ Марса. Мир Марса. Люди Марса и их занятия. Астрологический символ Меркурия. Мир Меркурия. Люди Меркурия и их занятия. Символ Юпитера. Мир Юпитера. Люди Юпитера и их занятия. Астрологический символ Венеры. Мир Венеры. Люди Венеры и их занятия. Астрологический символ Сатурна. Мир Сатурна. Люди Сатурна и их занятия. Астрологический символ Солнца. Мир Солнца. Солнечные люди и их занятия. Двенадцать знаков зодиака. Сила воздействия отдельных знаков зодиака (качество). Планетарные дома. Овен (Aries). Телец (Taurus). Близнецы (Gemini). Рак (Cancer). Лев (Leo). Дева (Virgo). Весы (Libra) Скорпион (Scorpio). Стрелец (Sagittarius). Козерог (Capricornus). Водолей (Aquarius). Рыбы (Pisces).

СИМВОЛЫ АЛХИМИИ. *Сергиус Головин* **291**
Алхимия, или герметические науки. Четыре стихии. Четыре царства и населяющие их существа. Четыре темперамента. Триада герметистов. Искусство алхимии. Ступени превращения. Меч Парацельса.

СИМВОЛЫ ТАРОТ. *Сергиус Головин* **307**
Карты Тарот. Шут (маг, шпильман, уличный певец). Верховная жрица (папесса, царица ведьм, богиня земли). Госпожа (царица). Господин (король). Первосвященник (папа, верховный жрец, посвященный). Решение (влюбленные). Повозка (триумф, победитель). Справедливость (равновесие). Мудрец (отшельник). Колесо счастья (колесо удачи). Сила. Испытание (повешенный). Смерть. Умеренность, Дьявол (господин ночи, мастер шабаша ведьм). Разрушение (храм, Вавилонская башня). Звезда. Луна. Солнце. Воскресение (Страшный суд). Мир (время). Дурак. Младший Аркан Тарот.

СИМВОЛЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. *Вольфганг Бауэр, Ирмтрауд Дюмонц* **341**
Введение. Автомобиль. Нищие. Наркотики. Столовый прибор. Телевизор и самолет. Культ домашних божков. Гигиена. Улыбайтесь, улыбайтесь! Контроль. Человек с большой головой. Современные Дельфы. Мотоцикл. Кочевники. Современные рыцарские ордены. Группы «Помоги самому себе». Телефон. НЛО. Несчастные случаи. Время — деньги.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ. *Вольфганг Бауэр, Ирмтрауд Дюмонц* **377**
Введение. Шива. Заратустра. Моисей. Соломон. Гермес Трисмегист. Пифагор. Гераклит. Эмпедокл. Клеопатра. Хильдегард из Бингена. Альберт Магнус. Жанна д'Арк. Тритемий. Фауст. Агриппа. Парацельс. Николай Коперник. Браге и Кеплер. Галилео Галилей. Джордано Бруно. Якоб Бёме. Калиостро. Сен-Жермен. Казанова. Джон Ди. Декарт. Месмер. Элифас Леви. Гурджиев. Мадам Блаватская. Кэрролл. Распутин. Говард Филипс Лавкрафт. Зигмунд Фрейд. Карл Густав Юнг. Алистер Кроули. Альберт Эйнштейн. Тимоти Лири.

ОБ АВТОРАХ

Вольфган Бауэр, родился в 1940 году. Дипломированный психолог. Соучредитель основанного в 1972 году во Франкфурте исследовательского института «Psydata» («Псидата») и один из его руководителей до середины 1980 года. Наиболее углубленные исследования в этот период проведены по темам «Взаимоотношения: мать — дитя», «Проблемы поведения у детей и подростков» и «Группы «Помоги самому себе». С этого времени работает независимым психологом в социальной и терапевтической областях.

Издатель многочисленных книг по этнологии для широкого круга читателей, иллюстрированных изданий, каталогов, а также брошюр по психологии.

Ирмтрауд Дюмотц, родилась в 1952 году. Дипломированный педагог. Много сотрудничала на радио: работы по символике комиксов, представления о ведьмах средневековья, обычаи этнических меньшинств и пограничных социальных групп.

Сергиус Головин, родился в 1930 году в Праге. В трехлетнем возрасте оказался в Берне — на родине своей матери, где вырос в почти легендарном в настоящее время Маттенхофе.

После второй мировой войны много путешествовал по Европе и стал очевидцем таких событий, как, например, зарождение в Париже «новой богемы» между Сартром и Кокто.

В 50-х годах Сергиус Головин стал одним из основателей направления «фантастического реализма» в искусстве; в 1964 году вышла в свет его книга «Магическая современность» — таким образом его можно с полным правом назвать первым хронистом современного мифического молодежного движения.

Бывший библиотекарь (с 1950 по 1968 год), он живет в настоящее время в Интерлакене (Швейцария). Его важнейшими произведениями являются: «Мир Тарот», «Боги атомного века», «Магия запретных сказок», «Ведьмы, хиппи, розенкрейцеры», «Адриан фон Бубенберг».

В 1974 году Сергиус Головин был удостоен премии швейцарского шиллеровского общества в знак признания «его больших заслуг в области этнографии и культур социальных прослоек, стоящих на краю общества».

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

Стараясь найти единое решение в оформлении качественно очень разного иллюстративного материала, приходилось то и дело прибегать к компромиссам. Поэтому добавленные к текстам картинки следует воспринимать скорее как пример или доказательство: их воспроизведение вовсе не единственная цель этой книги.

За подготовку текстов к отдельным темам, а также за перерисовку символов выражаем глубокую благодарность Энгелю Шрамму и Райнеру Добрамыслю.

Ингу Вольфхардт сердечно благодарим за печатание сложных рукописей, а Эберхарда Касперцака, Рольфа Дамрау и Катю Редеманн за трудоемкую корректуру.

За указания по использованию литературы, а также за предоставление материала и доброжелательное обсуждение концепций этой книги мы благодарим всех членов клана Головиных: доктора Михаила Менделя (Билефельд), доктора Фелькерта Хааса (Берлин), доктора Томаса Хауспильда (Гамбург), доктора Ганса Юргена Забаровски (Хюнфельден), Алексу фон Штрайт, Каролу Ивен, Джеймса из книжного магазина Middle Earth (Франкфурт), Райнера Г. Фойхта (Альмендинген) и Хума. Мы благодарим Бассэ (скен) Воудоо и Джейкилла за то, что они побуждали нас к возвышенному.

Но особую благодарность заслуживает Абрахам Мельцер, ибо без его созидательных идей, без его юмора и постоянной готовности помочь не могло бы возникнуть чудо создания этой книги.

Вольфганг Бауэр и Ирмтрауд Дюмотц

«Я — чеширский кот, иногда я протягиваю все четыре лапы и стою только на пятой...»

Введение

«Мы видим только то, что населяем»
(T. Leary, Games of Life, 1980)

При разработке идеи «Лексикона символов» в его нынешней форме нам представлялись особенно важными несколько моментов: прежде всего мы ставили перед собой задачу не просто перечислять символы (слева — рисунок, справа — его описание), как это делается во многих современных лексиконах. Они руководствуются догмой и чистым прагматизмом, а между тем заинтересованный читатель при чтении таких книг остается с глазу на глаз с символами, лишенный тех данных и интерпретаций, которые активизируют ассоциативное мышление и побуждают углубиться в «потерянный мир символов» (Эрих Фром) и освоить его в ненавязчивой игровой форме.

Мы решили уйти от такого подхода и предложить широкому читателю книгу, не перегруженную академическими рассуждениями[1] и не навязывающую ему жесткой трактовки, сковывающей его воображение.

Еще больше нам хотелось бы избежать опасности необоснованно выделить или придать слишком большое значение какой-либо отдельной группе символов в ущерб другим.

Сама специфика темы удерживает от подобной чересчур академической (либо односторонне эзотерической) трактовки, нам никак не следует забывать, что все наши знания о символах и мифических фигурах восходят к преданиям и обычаям «простого» народа, к долгое время державшимся в тайне традициям кочевых племен и народов, к «потусторонним» путешествиям шаманов, ясновидящих и мистиков, к рассказам, песням, мистериям и культовым обычаям прежде всего странствующих народов.

Знатоки фольклора (в отличие от известных братьев Гримм или ирландца Джеймса Джойса) не всегда с пониманием и любовью обходились с доверенными им тайнами. Древнее знание, мудрые предания нередко вовсе не принимались во внимание, к ним относились как к суевериям, всячески искажали и разбавляли водой рационализма. Символы и мифы, обычаи и практика магов чужеземных стран сводились к банальностям и экспонатам кунсткамеры, их пытались систематизировать лишь как элементы религиозных культов.

Порой какой-нибудь специалист и пытался «распознать истину из уст народа», но препятствием оказывалась собственная «ученость», которая скорее была «псевдоученостью»[2].

К тому же некое изображение лишь тогда вырастает в символ (и здесь точки зрения теологов, психологов, символистов и этнологов совпадают с определением Юнга), когда в картинке присутствует что-то помимо его непосредственного и очевидного значения. «В нем должен содержаться еще и некий «неосознанный» аспект, который никогда не может быть однозначно пояснен или определен».

Чтобы подобраться к потайному «божественному» смыслу символа, необходимо иметь опыт общения с

Мир состоит из чащи символов, весь смысл в том, чтобы, опираясь на знания древних, найти и сорвать «золотые яблоки» в этом заросшем лесу

ним. Юнг[3] говорит: «Когда душа начинает понимать символ, перед ней возникают представления, недоступные чистому разуму».

Именно поэтому психонавигаторы всех времен руководствовались магическими сигиллами — картинками Тарот, сложной символикой мáндалы (вытканными в том числе и на восточных коврах), цветными орнаментами и картинками на окнах кафедральных западно-европейских соборов,— отправляясь в путешествие в иные психологические пространства и реальности, исследуя «миры бессознательного». Особенно велика заслуга мага из Англии Алистера Кроули (и его ученика, мистика и художника-сюрреалиста Остина Османа Спэра), который вновь вернул в европейское обращение утерянную технику мистического эксперимента[4].

Путеводителями такого рода были и сказители в восточных караван-сараях, на базарах, у кочевых костров. Они могли усадить слушателей на «ковер своего воображения» и унестись с ними в миры мечты, фантазии, другие уровни сознания[5].

Французский исследователь символов Марк Соньe охарактеризовал функцию символов как «обобщенное выражение науки о чудесах». «Символы, — говорил он,— показывают нам все, что было и что будет, притом в неизменной форме».

В то же время содержание, которое мы находим в той или иной форме, разнится от одного человека к другому, от одной культуры к другой. Если, скажем, на одежде греческого юноши II века до Р. Х. мы видим свастику, то этот знак должен был охранять человека от демонов (на носу судов, принадлежащих скандинавским пароходствам, и по сей день можно увидеть такой же знак в том же значении). Увы, свастика, вытканная на митре святого Томаса Беккета, не спасла его от дьявольских убийц, а национал-социалисты, которые прямо-таки обожали свастику, стали истинными исчадиями ада.

Но если сегодня мы увидим свастику на кожаной куртке панка, это всего лишь его провокационное желание «показать кукиш» обществу и обратить на себя внимание[6].

И все же, как бы ни менялись интерпретации и ассоциации, связанные с символом, архетип его значения, основная посылка, остается, на

каком бы уровне мы ни рассматривали символы.

Например, трезубец остается символом божественной и королевской власти и у индийского бога Шивы, и у хеттских богов погоды, и у греческого Посейдона (римского Нептуна), его держит в руке громовержец Юпитер-Зевс, им потрясает кельтско-ирландский бог моря Мананнан, сын Лера, и именно он передал этот трезубый скипетр своей сестре, владычице морей Британии.

Великие философы Бёме, Гегель и Маркс видели в трезубце тезис, антитезис и синтез как обобщенную суть западной философии, в которой нашли свое место и трехмерные, размещенные во времени и пространстве, естественные науки.

А разве не восходят к этому трехмерному представлению о времени и христианские представления об аде (прошлое), бренном существовании (настоящее) и небесах (будущее)?

Этими примерами мы хотим пояснить только одно: трактовка символов тесно связана с личностью самого лица, которое взялось за толкование, с его социальным, культурным и географическим окружением, с его сознанием, но в первую очередь с его намерениями, ведь и его Тарот можно превратить просто в карточную игру Тарот, как это делают австрийские крестьяне, которые просто-напросто выбрасывают из Тарот 22 больших аркана. Но с полным набором тех же карт можно предсказывать будущее. Другой же в мире символов этих карт может увидеть древнейшую эзотерическую систему обучения или связь с каббалистическими, астрологическими и другими оккультными науками.

Именно эта тяга к «искусству

Поиск смысла символов неизбежно заставляет нас обратиться к своим генетическим корням

думать картинками», как выразился индуистский философ Х. Кумарашвами, является фундаментальной основой творческого мышления и поступков, именно в ней, возможно, наш единственный шанс избежать пустой рутины и не превратиться в винтики гигантского часового механизма, тикающего в бездуховной Вселенной.

Черпая из бездонного колодца мифов и символов, мы находим в себе силы и желание понять и преобразовать окружающий нас мир. Физик Вольфганг Паули особенно подчеркивал огромную значимость картин-архетипов для научных исследований: «В развитии научных идей понимание представляет собой долгий и трудный процесс, который принимает рациональные формулировки за счет предварительной переработки содержания в бессознательном. Организационную роль играют при этом архетипы, именно они являются тем искомым мостиком, который перебрасывается от чувственного восприятия к идее и является необходимой пред-

Волшебство музыки, как и волшебство любви, открывают мир полный чудес и символики

посылкой для возникновения естественно-научной концепции».

Нам хотелось бы, с одной стороны, представить читателю процесс толкования символов не очень упрощенно, а с другой,— не дать ему заблудиться в чаще толкований (отняв тем самым желание самому вникнуть в значение символов и мифов).

Таким образом, настоящая книга представляет собой компромисс между обоими подходами. В ней неизбежно нашли отражение и субъективные взгляды авторов, особенно в трактовке греческих символов и символических структур повседневности.

В главе «Символика и мифология греков» авторы старались освободиться от корсета представлений, навязанных классицистами XVIII и XIX веков, мы придерживаемся той точки зрения, что многочисленные фигуры греческой мифологии являются отображением символических сил и конфликтов человеческой души, другими словами, что мифам можно придавать и терапевтическое, и когнитивно-алхимическое значение, играющее роль как для рассказчика, так и для слушателя.

В «Символах повседневности» авторы проделали практически пионерскую работу, ведь столь плотно обступивший нас материальный мир с трудом поддается символическому и мифическому анализу, за деревьями трудно видеть лес. Традиционно мифология предпочитает говорить о рае и аде, о прошлом или будущем.

В других же главах для авторов было важно восполнить дефицит знаний, характерный, скажем, при рассмотрении индуистских или индейских символов, либо оспорить расхожие представления вроде тех, что «Тарот и астрология — это чистое суеверие», или что, «с научной точки зрения, символы алхимии не выдерживают никакой критики», или что «символы христианства настолько обсосаны исторической наукой, что уже никому не интересны».

Как уже отмечалось, для нас было куда важнее подвести читателя к группам и наборам символов, дать ему взвешенную интерпретацию архетипической сути определенного символа с использованием античных и средневековых источников, нежели монотонно отреферировать все возможные толкования и интерпретирующие системы.

Возьмем, скажем, «Белоснежку» — этот «вечный мотив» спящей красавицы. Этот архетип можно трактовать самым различным образом: по критериям гештальтфилософии и понятиям психоанализа, с точки зрения социологии и этнологии, и даже привлекая литературную критику, но при этом мы покажем лишь многослойность и мощный творческий заряд ар-

хетипа на самых разнообразных уровнях, но не приблизимся к конечной истине. Пусть читатель сам будет подхватывать и перебрасывать мячи, которые мы ему пасуем, пусть он разделит с нами восхищение и радость обращения с символами.

Если тексты и картинки этой книги побудят читателя более внимательно присматриваться к окружающей его жизни, рассказывать другим истории самого захватывающего приключения — его собственной жизни (используя картины, легенды, символы, которые были известны и чтились его предками и нисколько не утратили своего значения), мы будем считать, что главная наша цель достигнута.

В этом смысле следует понимать и иллюстрации данной книги — скорее как «случайные» приложения и примеры. Пусть сам читатель дополнит их своим пониманием и раскроет их смысл. (Кстати сказать, белые статуи греческих богов, которые представляются современному человеку эстетическими шедеврами, были, как было доказано недавно, весьма пестро раскрашены и выглядели куда более весело, хотя, возможно, и более аляповато).

Вольфганг Бауэр

Алиса оставляет позади мир нормальных представлений и входит в мир Зазеркалья, другими словами, она переступает порог привычной реальности, как герои многих других сказок. Здесь она может найти все, сделать все, стать всем, кем ей хочется — великаном, карликом, королевой, шахматной фигурой, либо, наоборот, повелительницей шахматных фигур

1) Выходящий с 1968 года ежегодник, издающийся Манфредом Луркером, «Библиография символики, иконографии и мифологии» приводит в виде кратких рефератов примерно около 7000 вышедших в стране и за границей работ.

2) Для мифов или символов губительной оказывалась ситуация, когда их канонизировали прислужники какой-либо господствующей в данном географическом ареале группы, в этом случае их изымали из того поля тяготения, в котором они возникли, и лишали потенциала развития. Оставался жалкий охотничий трофей, который давал лишь слабое представление о красоте и первородной мощи живого зверя.

3) C. G. Jung: Man and his Symbols, London, 1964.

4) A. Crowley: The Vision and the Voice, San-Great Foundation, 1972.

В этой книге Кроули описывает результаты заклинаний и медитаций, которые он пережил совместно с Виктором Нойбургом в 1909 году в Алжирской пустыне. Помимо заклинаний «демона хаоса» Хоронзона, Кроули пытался установить контакт с тридцатью эфирами, «мирами ангелов», опираясь на попытки английского мага доктора Джона Ди, предпринятые им в конце XVI века. Представление образов из «бессознательного» с помощью методов «магического» обращения давно уже стало применяться под всякими наименованиями как в психотерапии, так и в психогигиенической профилактике. Также: J. H. Schultz: Das autogene Training, Stuttgart 1964; Roy Eugene Davis: Schopferische Imagination, Frankfurt/Main 1978, Hans Carl Leuner: Katathymes Bilderleben, Basel 1977; Eugene T. Gendlin: Focusing, New York, 1978.

5) Исследователь сказок ван дер Лейен хорошо описывает, какое впечатление производят такие сказители на слушателей: «Такие рассказы оберегают слушателей от опасности; осужденные легче переносят заточение, правителям они облегчают тяжесть их ремесла и находят в них самых благодарных слушателей, последний посильщик скорее откажется от разных благ, нежели лишит себя удовольствия слушать побывальщины. Когда приходит время услышать рассказ, все собираются вместе, даже духи трясутся от радости, если им дают послушать сказку. Каким бы опасным ни было положение, каким бы губительным ни было промедление к действию, араб пренебрежет опасностью и жизнь отдаст за интересную историю». (Hans Dieckmann: Geliebte Maerchen, Hildesheim, 1978 г.)

6) Американский фантаст Ф. Лейбер в своем романе «Хозяйка тьмы» убедительно показывает, как много интерпретаций можно вложить в один символ: злобный маг Тибо де Кастри с помощью хитроумного черномагического ритуала, связанного со свастикой, хочет разрушить небоскреб. Однако его приспешники, которым он поручил исполнить свое намерение, превращают отвратительный ритуал в веселую шутку.

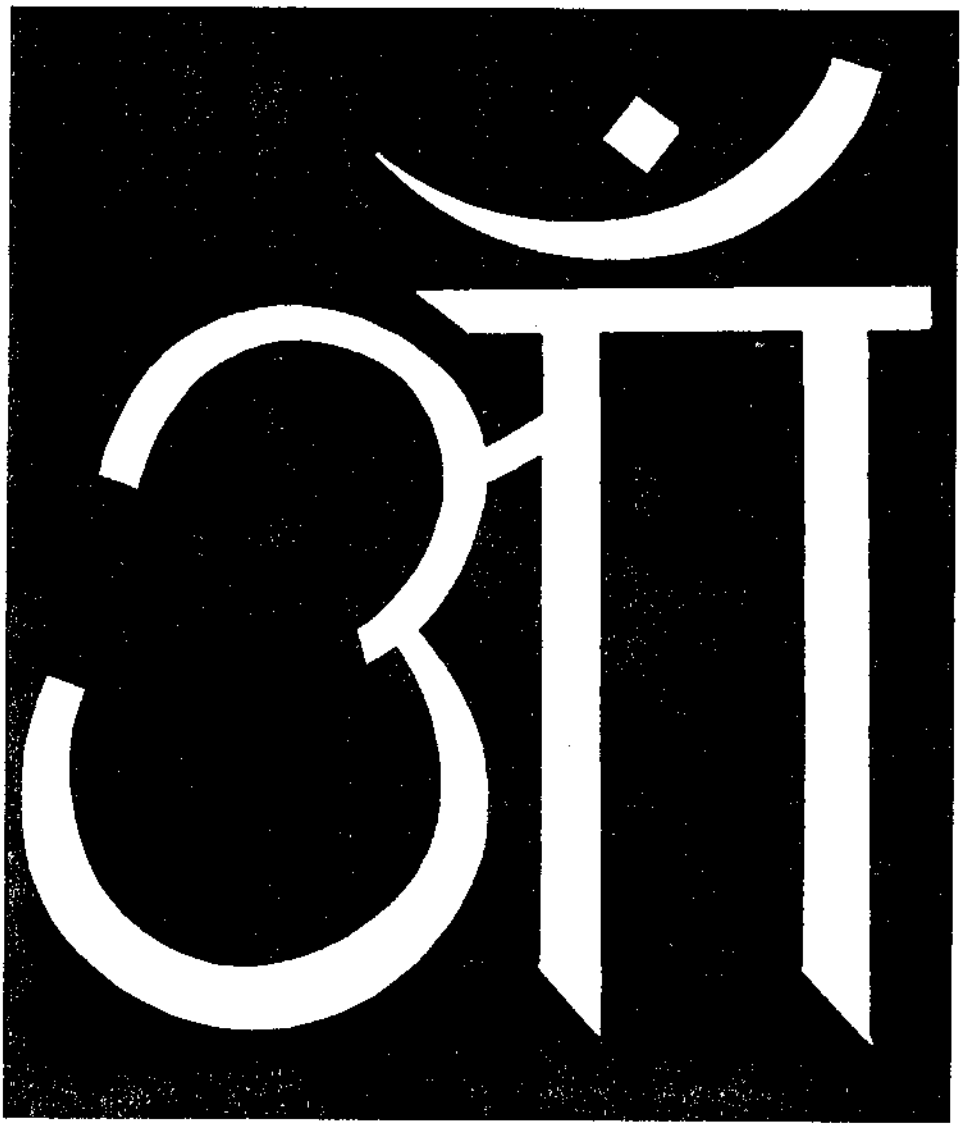
Литература

Zur Einführung
zu empfehlende Literatur, Lexika, Reader und zusammenfassende Darstellungen

Donald Attwater: The Penguin Dictionary of Saints, Middlesex 1965
Hans Bächthold-Stäubli: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, 10 Bände, Berlin 1927
Francis Barret: The Magus, A complete System of occult Philosophy (Vorwort von Timothy d'Arch Smith), Secaucus 1967 (Nachdruck der Ausgabe von 1801)
Kurt Baschwitz: Hexen und Hexenprozesse. Die Geschichte eines Massenwahns, München 1966
Gaby Becker (u.a.): Aus der Zeit der Verzweiflung. Zur Genese und Aktualität des Hexenbildes, Frankfurt/Main 1977
Werner F. Bonin: Lexikon der Parapsychologie, Bern 1976
Ernst Bloch: Das Prinzip Hoffnung, 3 Bände, Frankfurt/Main 1976
Joseph Campbell: Myths to live by, New York 1978
Wilhelm Capelle (Hrsg.): Die Vorsokratiker. Die Fragmente und Quellenberichte, Stuttgart 1968
Arkon Daraul: A history of secret societies, New York 1962
Dictionare des Sociétés Secrètes en Occident, Paris 1971
Reinhard Federmann: Die königliche Kunst. Eine Geschichte der Alchemie, Wien 1964
Karl R. H. Frick: Licht und Finsternis. Gnostisch-theosophische und freimaurerisch-okkulte Geheimgesellschaften bis an die Wende zum 20. Jahrhundert, 2 Bände, Graz 1978
Sergius Golowin: Hexen, Hippies, Rosenkreuzer. 500 Jahre magische Morgenlandfahrt, Hamburg 1977
J. R. Grigulevic: Ketzer – Hexen – Inquisitoren, 2 Bände, Berlin 1976
G. W. F. Hegel: Werke (Band 18), Frankfurt-Main 1971
Hans Hümmeler: Helden und Heilige, Siegburg 1954
Francis King: Magic, the western Tradition, London 1975
Warren Kenton: Astrologie, Frankfurt/Main 1976
Detlef-Ingo Lauf: Symbole. Verschiedenheit und Einheit in östlicher und westlicher Kultur, Frankfurt/Main, 1976
Timothy Leary: The Intelligence Agents, Culver City, 1979
Carl G. Liungmann: Der Intelligenzkult. Eine Kritik des Intelligenzbegriffs..., Hamburg 1973
REL Masters/J. Houston: Mind Games. The guide to inner space, London 1972
Horst E. Miers: Lexikon des Geheimwissens, Freiburg 1970
Elaine Pagels: The gnostic Gospels, London 1979
Kurt Seligmann, Das Weltreich der Magie, Stuttgart 1958
Keith Thomas: Religion and the decline of magic, Middlesex 1973
Lynn Thorndike: A history of magic and experimental science, 4 Bände, New York 1929
Sphinx Magazin, No 1–8, Basel
Paul Watzlawick: Die Möglichkeit des Andersseins. Zur Technik der therapeutischen Kommunikation, Bern, 1978
Colin Wilson: The occult, Frogmore 1973
Robert Anton Wilson: Cosmic Trigger, Basel 1979
T. H. White: Der König auf Camelot. Band 1, Stuttgart 1978
Benjamin Lee Whorf: Sprache – Denken – Wirklichkeit. Hamburg 1963
Wörterbuch der deutschen Volkskunde, Stuttgart 1974
Zolar: The encyclopaedia of ancient and forbidden knowledge, London 1973

Древнейшие символы

Священный слог Аум



Несколько вступительных слов по поводу древнейших, или основных, символов

Культура возникает как попытка живого ума познать и осмыслить истины нашего мира. Очевидно, что при этом мы всякий раз вступаем в известное противоречие с культурой прошлого, с иными культурами и пытаемся синтезировать, обобщать различные мифы и символы, стараясь свести их к каким-то общим знаменателям, пытаясь найти единый корень этих мифов.

Фауст с дворянами в небесах

«Путешествия» грека Одиссея или аргонавтов, приключения одного из древнейших героев Востока Гильгамеша, «космические» полеты великого царя-мага Соломона в преданиях восточного мира, путешествия арабско-иранского морехода Синдбада, знаменитых европейских рыцарей Ожье Датчанина или рыцарей «круглого стола» Артура — независимо от того, имелись ли реальные прототипы этих сказаний или герои были вымышлены, — истории эти восторженно принимались аудиторией, будь то придворная знать или простой народ.

Чудесные приключения в реальных и потусторонних мирах, случавшиеся с любимыми героями, находили отклик в душе каждого слушателя, всякий примерял их как бы к собственному опыту и представлениям, возникало множество картин и символов, которые каждый мог толковать на свой лад и вкус, использовать по праздникам или в будни.

Новые открытия

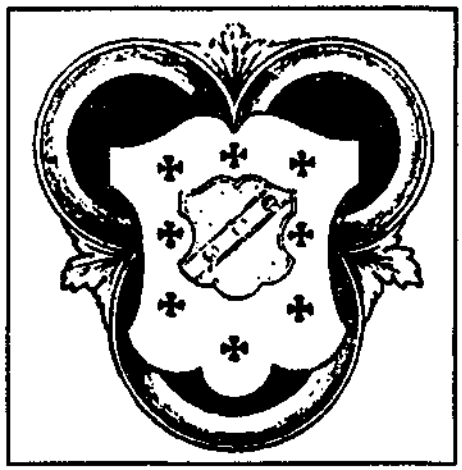
Сказания повествуют о властителях средневекового хазарского царства, которое простиралось от Урала до австрийских Альп, что они, прежде чем выбрать религию, устроили спор между представителями различных конфессий и, послушав всех, приняли иудаизм. Князь Владимир, к которому перешло владение этими землями, действовал аналогичным образом и высказался в X веке в пользу византийского христианства, пленившего его красотой церковной службы.

Парацельс (из книги L. Bechstein «Bildnisse und Lebensrisse beruehmter deutscher Maenner», Berlin, 1890)

Позднее на том же пространстве утвердились татары (их «царство» простиралось от Вены до Тихого океана!), гуцульская легенда утверждает, что татары меняли религии в зависимости от настроения своих князей (ханов).

Недоброжелательные критики видели в этом поверхностное, несерьезное отношение к мировоззренческим истинам религий. В то же время образованные люди с Востока, с которыми автору доводилось встречаться после обеих (1914—1945) мировых войн, смотрели на это совсем иначе: славяне, русские, грузины, татары, калмыки, евреи-караимы в Крыму рассказывали о своих великих вождях, ученых, поэтах, которые в религиях и культурах других народов, за различными фасадами, обычаями, символами обнаруживали общее, присущее всем.

И правда, почти у всех племен, живших на территории вышеупомянутых царств, обнаруживается большая терпимость к другим верованиям, терпимость, которая в более позднее время кажется почти непредставляемой. Рассказывают, например, что татарские ханы, независимо от веры, имели в своем окружении шаманов, представителей буддистской религии, ислама, иудаизма, христианства. В столице хазарского ханства существовали якобы особые судьи для приверженцев каждой религии, то есть и для христиан, и для евреев, и для мусульман, и для язычников.



Герб Парацельса

Астрологи и алхимики средневекового христианства постоянно используют исламо-арабские (и персидские) источники. Мусульманские ученые постоянно восхищаются глубокими «магическими» знаниями древних греков и индусов. Занятие символами и мифами убеждает нас, что мудрецы всех времен и народов создавали средства для взаимопонимания и передачи знаний от одних народов к другим, вопреки разделявшим их границам.

Ученый эпохи Возрождения Генрих Корнелиус Агриппа Неттесгеймский начинает свой труд с посвящения аббату Триттейму. Любопытно, что он вспоминает при этом, как они оба дружески беседовали в монастыре близ Вюрцбурга «о химии, магии, каббале и других тайных науках».

Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541), известный под именем Парацельса, родился неподалеку от знаменитого монастыря Айнзиделн, где врачевал еще его высокоученый отец. Владельцы поместий Неттесгейм и Гогенгейм, которым мы благодарны за собрание и систематизацию символики в алхимических, астрологических и других учениях средневековья, имели много общего: они были тесно связаны с учеными, которые издавна находили прибежище в библиотеках

и кельях крупных монастырей и хранили там собранные веками знания.

Оба упомянутых нами ученых трудились в ту эпоху, когда уходили в забвение творческие традиции предшествовавших веков, в эпоху, когда Европу потрясали войны за власть над мирянами. Ученые старались проверить почерпнутые ими из тайных архивов и учебников по магии сведения во время своих путешествий как при дворе, так и среди простого народа.

Народная культура в Европе

XIX век характеризуется возникновением яростной партийной пропаганды, которая представляла старые замки и крепости как «свидетелей угнетения простого народа в средние века»; теперь они становятся сценой мрачных историй в готическом стиле, от которых волосы встают дыбом. Уютные покои старых замков перетолковываются как «пыточные камеры», развивалась целая индустрия по изготовлению цепей, лобных мест, скамей для пыток, поясов целомудрия и прочей металлической дребедени, которая свидетельствовала бы о «мрачных нравах средневековья».

На самом же деле многие средневековые крепости представляли собой хранилище культурного наследия древних родов и народов, где веками скапливались различные ценности, начиная от обычаев и кончая политическими и историческими раритетами, которые становились помехой для центральной власти — той угодны были покорные подданные, унифицированная «государственная нация».

В своей довольно автобиографичной книге «Зеленый Генрих», изданной в 1854 году в Брауншвейге, Готтфрид Келлер очень убедительно передает, насколько население маленьких европейских городов, ремесленники, странствующие торговцы были пропитаны духом средневековой традиции. Он подробно описывает семью старьевщика, что жил неподалеку от его отчего дома.

Сюда изо дня в день стекался отовсюду любопытный народ. Как правило, это были люди, которые собирались, чтобы потолковать о странном и необычном, ведь тяга людей к религии и чудесам находила всегда обильную пищу.

Здесь читали книги о предсказаниях, рассказы о путешествиях в дальние страны и о чудесных небесных знамениях, рассказывали о

Фауст изучает магию (со старинного лубка)

крестьянских семьях, у которых еще хранятся старые языческие книги, что они-де, перешедшие в крестьянское сословие потомки древних родов, крепости и башни которых были разбросаны по всей стране. О колдовских мазях и о шабаше ведьм на Лысой горе рассказывали как о чем-то очевидном. Писатель еще в детстве нашел таблицы символов некой «сумасшедшей шарлатанской теософии», а в ней — указание, как представить четыре основные стихии, которым он неоднократно пользовался впоследствии.

Воспоминания Келлера, как и многие другие источники, убеждают нас, насколько неправомерно было бы в прошлом отделять образовательный уровень народа от академической учености. Именно старьевщица, которая и была центром притяжения собравшихся, ухитрялась сплавить воедино фантастические народные предания и рассказы о других временах и чужеземных странах.

Среди книг, которые постоянно проходили через ее руки, «она отдавала предпочтение нордическим, индийским и греческим мифам», книгам, изданным в прошлом веке с большими складными гравюрами. «Ее занимали все боги и идолы старых и новых языческих племен, ей были интересны их история и как они выглядели на картинках...» — пишет Келлер.

Народная культура и образование «друзей правды», что искали истину в потайных библиотеках замков и монастырей, имели много общего, и свидетельство тому многочисленные устные и письменные источники. Последователи Парацельса неустанно искали скрытый смысл в народных преданиях, вновь открытые мифы ушедших веков пускали корни в народные были и небыли, порождая почти забытую веру в сказочное.

В 1967 году автору довелось увидеть сработанный в конце XVIII века крестьянский шкаф. Шкаф украшен резьбой, представляющей молодого человека, который собрался искать приключения на Востоке и оставляет свою девушку. Мы видим, что и два столетия тому назад существовали своего рода «хиппи», которые надеялись найти философские откровения на Востоке.

Молодежь в поисках утерянных знаний

Хаос как следствие мировых войн XX века, боязнь еще более страшных конфликтов в будущем вызвали к жизни в 60-х годах широкое молодежное движение от Калифорнии до Катманду в Непале. Молодые люди пытались перебросить мост к великим культурным традициям прошлого. Скандально известный ирландско-американский ученый и поэт Тимоти Лири даже видел в хиппи нечто вроде «кельтского Ренессанса».

В кругу самых образованных молодых людей Соединенных Штатов, страны, в которой с XIX века делается все, чтобы представить Старый Свет как «хлам и старье», последователи Лири начали всерьез заниматься такими вечными вещами, как цыганские карты Тарот, мировоззрением «самого мудрого и влиятельного ума» Европы Парацельса. Об этом же говорит английский буддист Алан Уотте: «Смотришь на искусство этих молодых людей и поражаешься: они сумели заново обнаружить изысканность истинного ремесла с его красками,

изобилием, точностью и интересом к детали, воистину как будто мы вернулись во времена персидских и кельтских миниатюр».

В 50-х и 60-х годах европейские «бродяги» потянулись к осевшим после гонений по всей Европе в Камарге и Пиренеях цыганам. Пораженные, застывали они перед открывшейся им символикой, которую дома честили как «средневековое суеверие» и которая оставалась известной разве только отдельным специалистам. Теперь они воочию видели, что все это еще живо, что во Франции и Испании (и не только среди малообразованных людей) распространено искусство предсказаний и гаданий, что эти пассы и жесты служат не только средством общения малограмотных людей, но и как субкультура, как средство выработать собственный жизненный стиль и внести разнообразие в жизнь, на которой тяжелым игом лежит шаблон городской цивилизации.

Таковы были первые шаги этого молодежного движения. Затем появились журналы, фильмы, и особенно музыка, которые стали чрезвычайно модными в Америке и Индии после 1966 года. Хиппи стали собираться на свои слеты, в частности, в крепости Вальдек в Хунсрюке в 1969 году и близ Асконы в 1978 году. Практически без каких-либо громких объявлений из англоязычных стран собрались сюда до трех тысяч молодых людей (точную цифру назвать трудно — это ведь не концертный зал!).

Для собравшихся молодых людей (и в 1969, и в 1978 г.) был характерен совершенно новый и вместе с

Поклонение Шиве. Линга

тем вечный стиль жизни, половина из них и прежде уже ходила путями древних бродяг, чтобы из первых рук познакомиться с «недоразвитыми» культурами, и все были уверены, что этим культурам были присущи ценности, утерянные в последние столетия.

Молодые люди были убеждены, что надо вернуться к забытым традициям и вернуть их в свой повседневный быт. Они хотели жить совместно в домах, которые вписываются в зеленое окружение. Они старались открыть новые духовные ценности, восстановив связи европейской культуры с высокоразвитыми культурами других стран и прошедших веков. Если раньше различную символику искали поэты — от романтика Новалиса до Германа Гессе, то теперь это стало увлечением тысяч молодых людей.

В такое переходное время занятие символами и мифами перестает быть самоцелью и уделом ученых. Многократно перетолкованные и подновленные мы находим старые символы в новой поэзии, в фольклорном молодежном искусстве и даже на обложках самых интересных грампластинок, не говоря уже о средствах массовой информации, комиксах и кино.

Приведная из древности символика казалась в XIX веке пережитком прошлого, но XX век убедил нас, что древние таинства оказывают влияние и на современность, более того — они побуждают нас задуматься о будущем.

Вертикальный луч

Как повествует Шива-пурана, первородный образ бога Шивы — это луч света, не имеющий ни начала, ни конца; ни один из иных богов не мог постичь истоки и цели этого чуда.

Луч, то есть вертикально стоящая линия, — это простейший образ (символ), здесь активный, действующий, основной элемент сотворения. Из этого первородного луча фантазия искусства создаст бесчисленное количество естественных и производных символов мужской силы.

В науке о гербах — геральдике — вертикальные, «стоячие», линии обозначаются красным цветом, ведь они символизируют стремящееся ввысь пламя.

Номады (кочевники) Средней Европы также использовали в своем знаковом письме вертикальный штрих как символ мужского поведения, как призыв к своим соплеменникам держаться своих убеждений, не сдаваться.

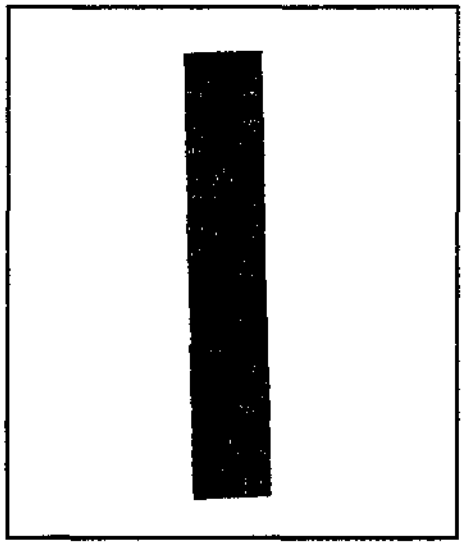
В этом месте уместно сослаться на различные естественные предметы, которые используются как символы: в Индии, например, вертикально стоящие обелиски, кристаллы, сталагмиты в пещерах передают идею животворящего мужского начала.

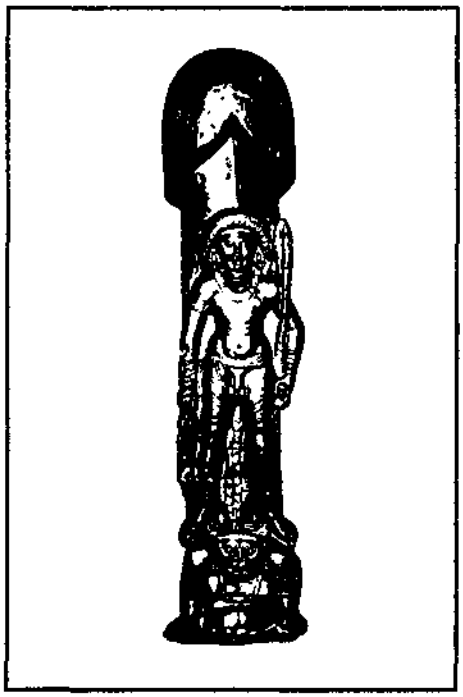
Императорский скипетр, маршальский жезл, палочка волшебника, копье вождя — все это символизирует власть правителя, а согласно индийской мифологии — творческую мужскую энергию.

Сюда, пожалуй, следует отнести многие культовые сооружения из камня: пирамиды, обелиски, которые для Агриппы Неттесгеймского были олицетворением огня.

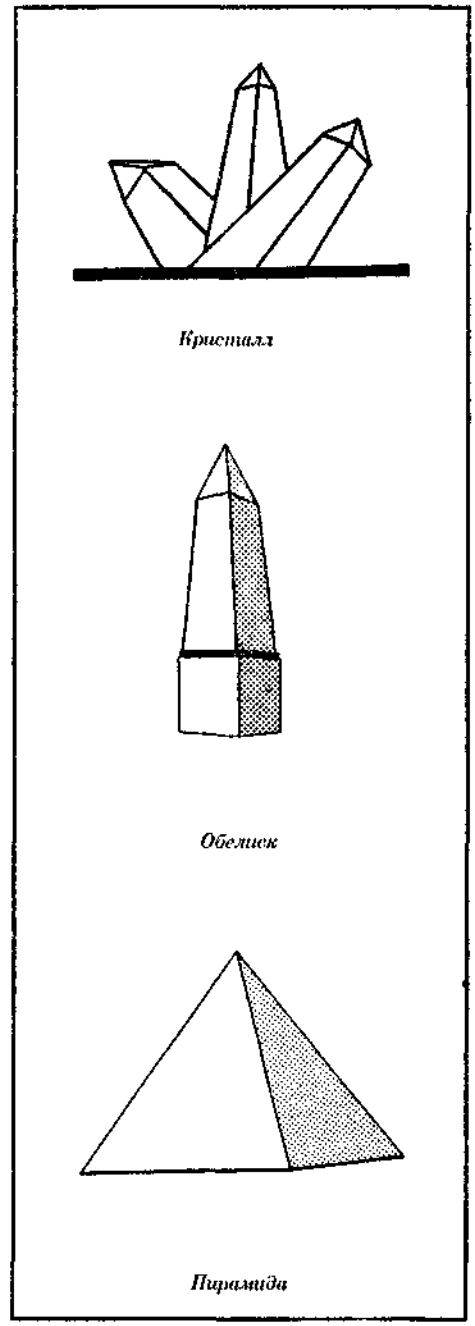
Единорог

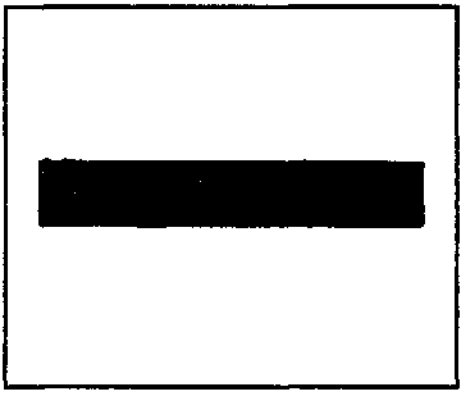
Сказочное существо единорог, часто упоминаемое на всем пространст-





Культовый лингa





ве от Восточной Азии до Европы, в индийской мифологии также является символом живородной мужской энергии.

В песнях трубадуров и живописи того времени единорог, «конь с крепким рогом во лбу»,— самое мощное и неукротимое животное, которое становится кротким и падает на колени, только когда видит перед собой «прекрасную девственницу» — рыцарская культура от Индии до Западной Европы обожествляла женское начало мира и делала его назначением всех творческих потенций мужской стихии.

Горизонтальная линия

В противоположность вертикальному лучу, который в Шиве-пуране создал все миры, горизонтальная, лежащая линия,— несомненно, древнейший знак горизонта, земной поверхности.

В геральдике горизонтальные линии рисуются синим цветом, цветом спокойной водной поверхности.

В знаковом языке номадов горизонтальный штрих — требование пассивного («женского») поведения, требование лечь, сложить оружие, прекратить сопротивляться, сдаться.

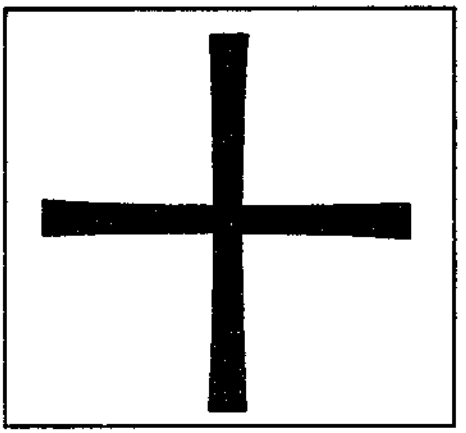
Крест

Если скрестить обе линии — вертикальную, которая объединяет верхний и нижний миры, и женскую горизонтальную, которая представляет земную поверхность и водную гладь, то мы получим самую простую картинку, которая только есть в мире.

Перед нами возникнет изображение четырехкратия, которое всегда означало материальный мир — вещность. Это наша земля с четырьмя сторонами света, образованная четырьмя стихиями. Еще в дохристианской символике крест был и символом страдания, ведь корень всех бед — реальность мира, с которой приходится считаться.

В византийской и православной русской церкви и их основных сектах стараются, по возможности, не показывать распятого Христа, ведь он указывал нам веселиться и превозмогать муки земных страданий.

В различных видах креста часто можно усмотреть попытку художни-

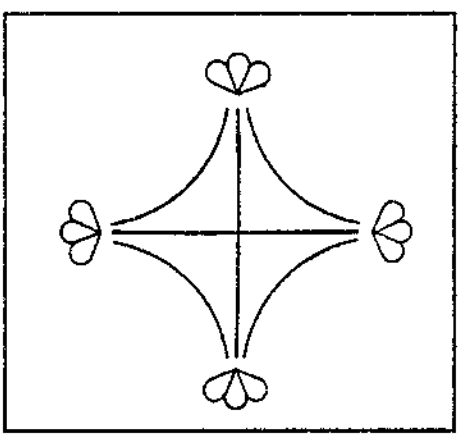


ков еще более явственно представить его как инструмент пыток.

Мистики и фольклорные источники нередко декорируют крест цветами и листьями, трансформируя его таким образом из символа страдания в ствол древа жизни, в олицетворение вечного роста, весны, пасхального воскресения.

Линга в сосуде йони

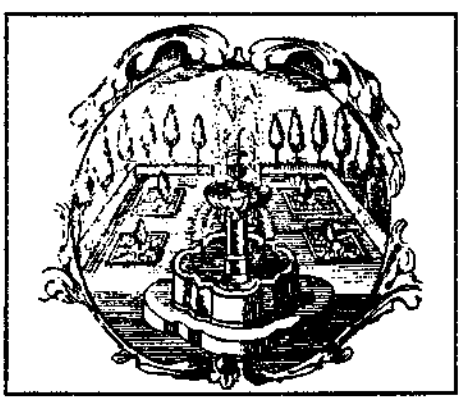
Индуистская религия представляет мужской и женский элементы (ак-



Линга и йони на почтовой марке

тивный и пассивный, производящий и принимающий) в виде вертикального лингы (фаллоса) — знака живородной силы Шивы — и йони — чаши, женского лона, сосуда, в который опущен линга.

Когда английские путешественники, в частности Селлон, ознакомились в Индии с этим изображением и его местом во всей мифологии, это привело, через Дженнингса, который, исходя из этого изображения, толковал всю символику алхимиков и розенкрейцеров, к волне энтузиазма, с ко-



Колодец в саду, обнесенном стеной (Boschius: «Ars Symbolica»)

торым европейцы начали познавать тайные учения. Нет сомнений, что «колодцы с живой водой» — это популярный мотив средневековой литературы, возникший из сходных пред-

Хартман фон дер Ауэ

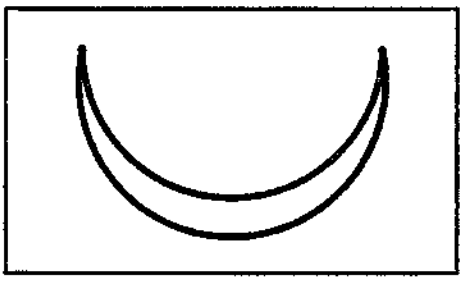
ставлений как сплав магически-эротических символов женского и мужского начал. На изображениях эти колодцы нередко окружены невысокой оградой — намек на скрытый смысл, который надо распознать.

В Австрии, где со времен Возрождения особенно охотно прибегают к аллегориям, в качестве фигуры фонтанов очень часто изображают Марса, прямо-таки перегруженного различной военно-мужской символикой. «Наиболее популярная тема — знаменосец. Эту статую устанавливают в центре города и она символизирует мужество, упорство и смелость. Марс иногда несет на себе только часть амуниции, но меч или кинжал всегда при нем. В правой руке у него штандарт, флаг или знамя, либо же он размахивает тяжелым мечом» (Bouffard/Creux).

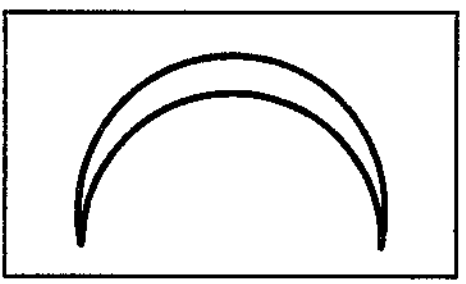
Чаша, дуга

По Агриппе Неттесгеймскому «части круга» означают на языке магических символов богиню Луну, женское начало творения вообще.

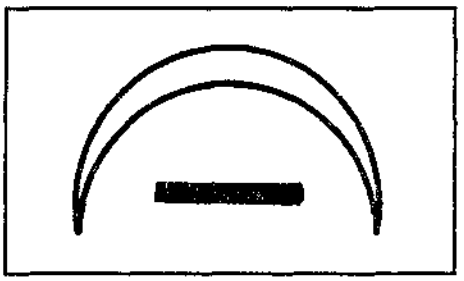
В индийской поэзии лунный серп



очевидным образом связывается с тем, что в рыцарской поэзии называется чашей Грааля, то есть емкостью, в которой хранится эликсир жизни «сома». Из чаши эликсир проливается на землю, питая и придавая силу всему живому. Она собирается в священных растениях, и человек может вернуть жизненный эликсир соком этих растений.



Перевернутый серп, как правило, — также символ женщины. Если же под ним находится еще и горизонтальная линия, то для цыган с юга

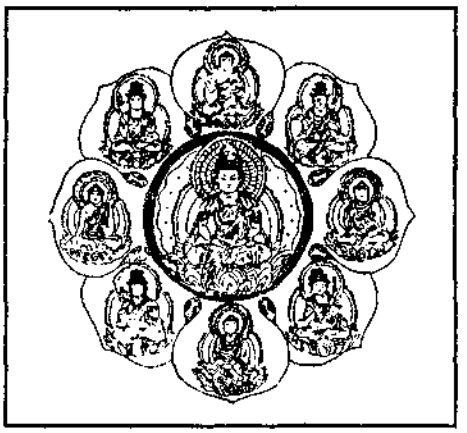


России — это мертвый человек, спокойствие в гробу.

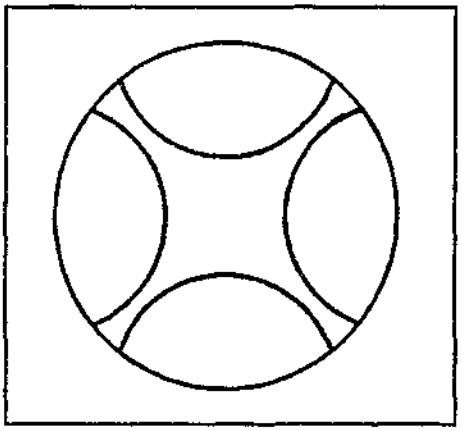
На Украине старые надгробные камни на курганах называют «бабами», от слова «баба» — женщина, бабушка, повивальная бабка. Существует поверье, что захороненные здесь древние герои, которые покоятся в лоне матери-земли («мать-сыра земля»), когда-нибудь снова оживут. То есть в этом случае дуга — символ возрождения!

Крест (лотос) как отображение мира

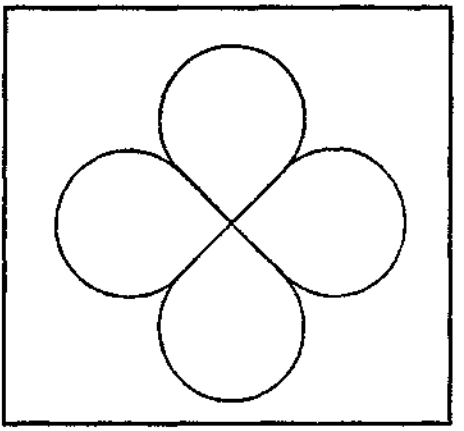
Мистическая география индусов видит в лотосе отображение земли, которая плавает, подобно водяному цветку по поверхности океана. Раскрытая чашечка цветка, расположенная строго посредине,— гора богов Меру (индуисты и по сей день полагают, что гора действительно существует и находится где-то в Гималаях). Члены теософских обществ, учрежденных последователями Елены Блаватской, возникшие десятками в XIX веке в Северной Америке и Европе, были убеждены, что «где-то в высокогорных долинах между Непалом и Монголией живут бессмертные существа (так называемые махатмы), которые своими астральными силами управляют судьбой мира».



Вокруг этого места поднимаются другие гигантские горы — как тычинки, лепестки раскрытого цветка, как четыре основных части света. Некоторые брамины видят в этом символ четырех главных культурных центров, расположенных вокруг «кры-



ши мира», то есть сама Индия — на юге, греческо-европейское Средиземноморье — на западе, области, подвластные татаро-монголам,— на севере и Китай — на востоке. Другие же государства, венцом окружающие



основные, многочисленны и малозначимы, ведь все они находятся под влиянием четырех основных культур. Кстати, гуцулы — карпатские славяне — видят символ мира в четырехдольном листе клевера.

Розенкрейц

К началу XVII века на пространстве бывшей Римской империи, которое заняли немецкие государства, начали распространяться рукописи тайного братства розенкрейцеров, о которых до сих пор спорят, существовали ли они в действительности.

Дело в том, что спор исходит из неверной предпосылки, согласно которой под братством понимают хорошо организованное сообщество наподобие нынешних союзов или партий, у которых есть правление, списки членов и так далее и тому подобное.

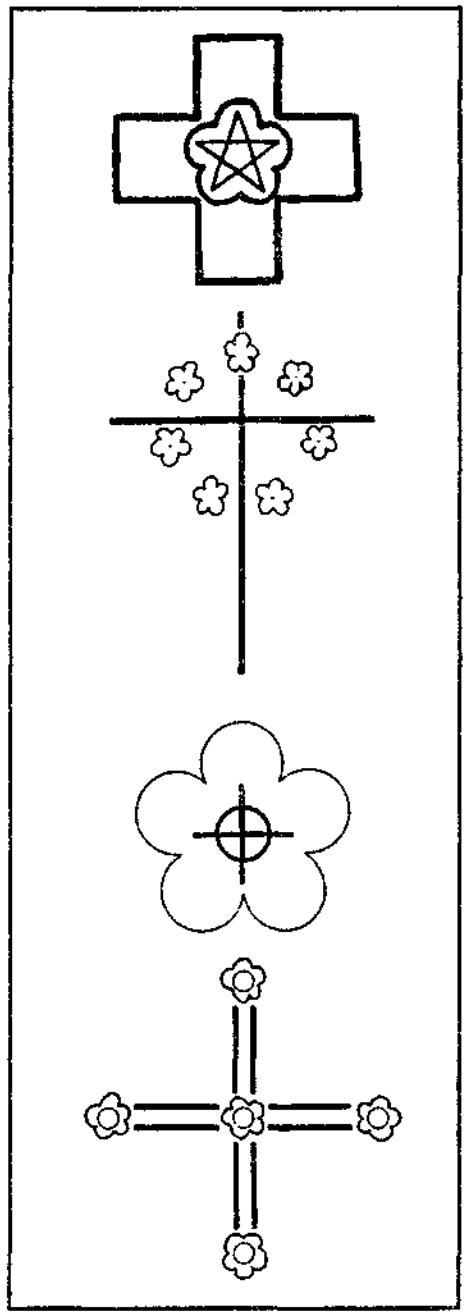
В свое же время под братством понимали сообщество людей, которые видят свое внутреннее сходство друг с другом и помогают друг другу легче переносить тяготы земного существования. Очевидно, розенкрейцеры требовали от своих братьев высокой образованности и возводили свою общину к «Кристиану Розенкрейцу» — благородному немецкому рыцарю, жившему в средние века и искавшему истину в долгих путешествиях между родиной и Ближним Востоком.

Безусловно, идеи розенкрейцеров помогали образованным людям Европы находить опору и верить в будущее даже в хаосе тридцатилетней войны. Примечательно, что именно когда на полях бушевали сражения и человечеству грозил духовный кризис — в XVII—XX веках,— возникали многочисленные братства, которые называли себя истинными последователями старых розенкрейцеров.

Тайна розенкрейцеров лежала, несомненно, в их символе, в разное время изображавшемся по-разному, и в имени их мифического основателя, ведь это слово означает крест, увитый розами.

Нередко это трактовали как намек на мудрость, которую легендарный основатель ордена принес с собой с Востока, как это делали бесчисленные и совсем не мифические трубадуры, рыцари, пилигримы. Некоторые толкователи, которые видят во всех розенкрейцерах адептов алхимии, усматривали в символе намек на тайное искусство ордена делать золото из неблагородных металлов (всякий умный человек со времен средневековья и позже прежде всего искал пути к богатству и власти).

По представлениям древних, а также и более поздних великих астрологов, в частности Агриппы Неттесгеймского, роза — цветок богини Венеры и, тем самым, символ самого



прекрасного периода в жизни человека, любви, красоты.

Иранский поэт Хафиз считал, что мир создан для любви, символом которой для него были роза и соловей.

Другой иранский поэт Джеладдин Руми поет:

Когда весна на крыльях упорхнет,
Когда куст розы белым облепит,
Тогда умолкнет горлю соловья...

Роза, в соответствии с мистическими и эротическими представлениями ислама, становится при этом символом космической силы:

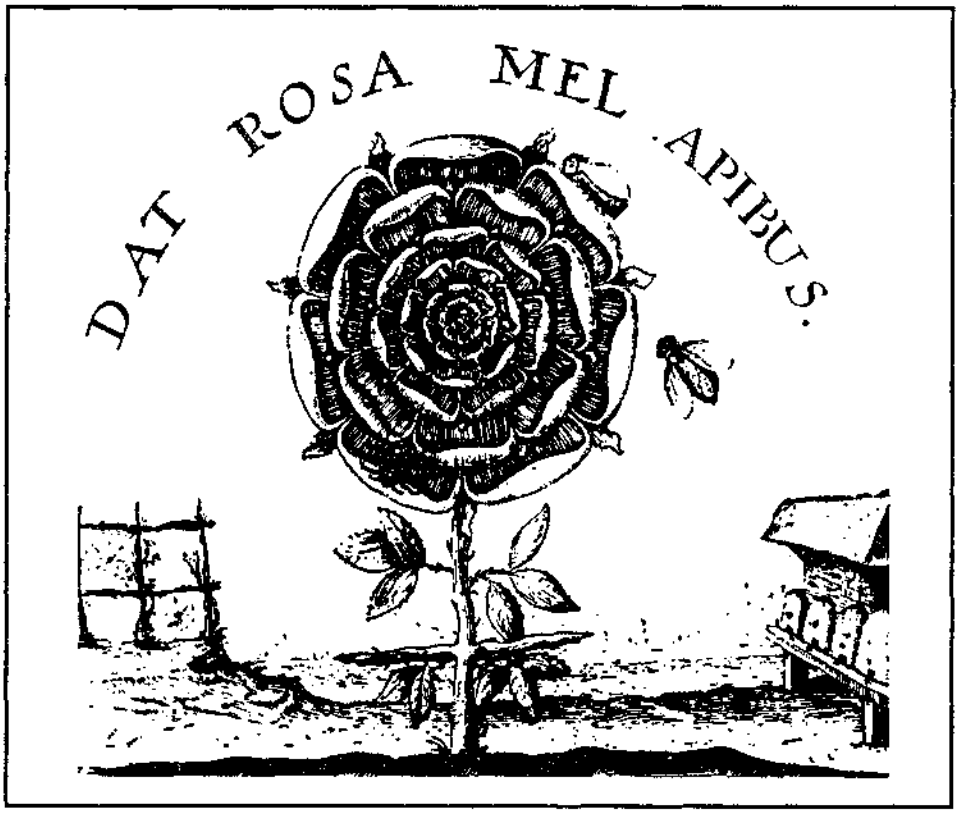
Пылает роза как подарок солнца,
А лепестки ее суть маленькие луны.

Как луны обращаются вокруг солнца, купаясь в его лучах, так и любовь притягивает к себе, согласно восточной философии (и эту концепцию с удовольствием переняла средневековая рыцарская поэзия Европы), все животворное. При этом имеется в виду любовь к другому полу, ко всем живым существам, и прежде всего к Богу.

«Замечательная красота розы, ее чарующий запах, весь ее вид превратили цветок в символ счастья и процветания во всех мировых культурах. Роза символизирует и самое прекрасное время дня, поэтому ионический поэт назвал Эос (богиню утренней зари) «розовоперстой» (Фридрайх).

Христианская мистика, да и мистика других предшествовавших ей культур — все они поразительным образом совпадают в почитании розы, будь то народная песня, благочестивое сказание или средневековые картины; Мария, Богоматерь, всегда

Павлин в розетке (Boschius: «Ars Symbolica», 1702)



Из книги Basilius Valentinus «Zwoelf Schluessel der Philosophie», 1660

сидит в розовом саду или в розовых кущах.

Крест в сочетании с пятью лепестками розы становится символом Воскресения и радости.

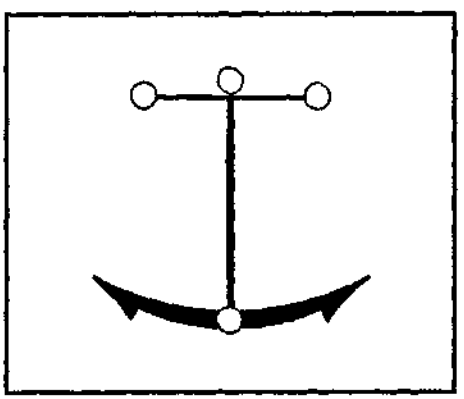
Если в верхней части креста находятся три розы, а в нижней (только не над поперечиной) еще четыре,— это означает счастливое объединение духовного (небесного, божественного) мира, обозначаемого триадой, с нижним, земным, смертным миром, который обозначается числом четыре.

Якорь

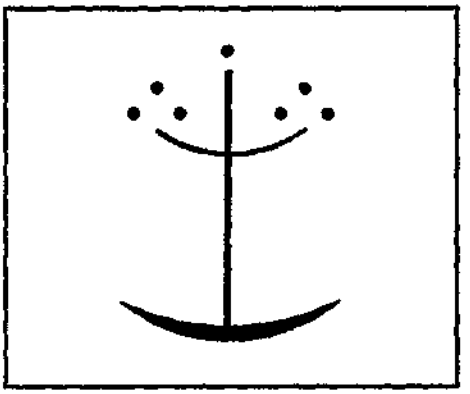
В многочисленных своих изображениях, особенно относящихся к раннему христианству, якорь обнаруживает близкое родство с символами креста и трезубца, дополнительно в нем — намек на прочное «закрепление» новых религиозных общин (а в Римской империи они представляли малочисленное меньшинство), на их стойкую веру в хаосе языческого окружения.

Верхнюю часть изображения можно рассматривать как отображение

человека (так это было, например, у одного племени бессарабских цыган), стоящего вертикально и вытянувшего руки вверх, то есть к небу (точки вокруг него понимают как звезды, «по которым можно ориентироваться ночью и найти верную дорогу»).



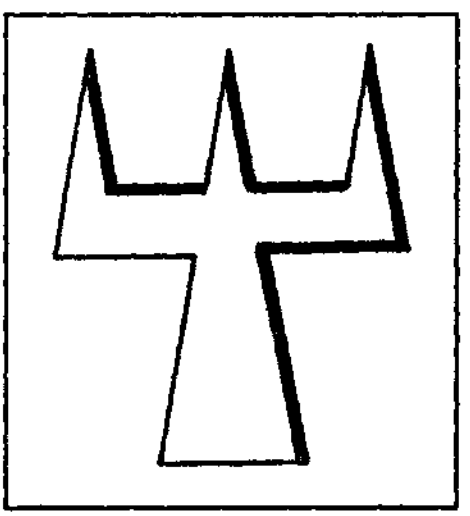
Часть окружности, дуга внизу,— знак материального *мира*, *Земля*, которая вновь и вновь порождает человека.

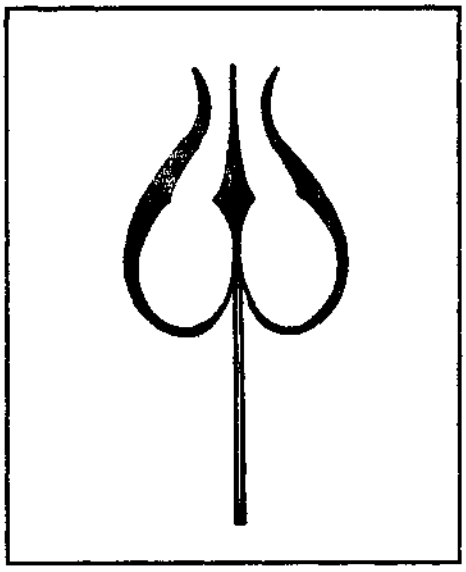


Трезубец Шивы (тришул)

Этот символ индийского бога Шивы претерпел в искусстве народов, мигрировавших с территории Гималаев, так много стилизаций, что европейские цыгане вообще называют все кресты словом «тришул», хотя на самом деле слово это обозначает трезубец!

Три острия в руках Шивы, миро-



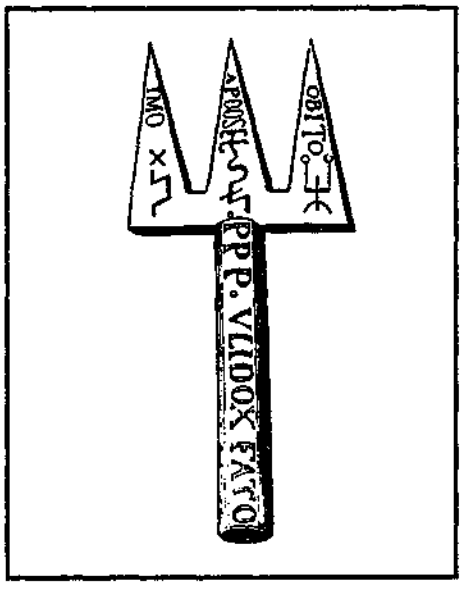


вого бродяги и разрушителя обмана, означают три главные возможности мышления и действия: пассивность, инерция, активность. Активность — энергичное, целенаправленное деяние, познание истинной сути мира — отражена в среднем, вертикальном и самом остром зубце.

Под тремя зубцами можно понимать и «триединство времени» (трикалу), отсюда и священное движение — поднятые вверх три пальца правой руки (трисхула-хаста).

Не исключено, что и трезубец античного бога морей Посейдона или Нептуна также исходит из круга этих представлений. Древние греки — островной народ, любивший море и морские приключения. Ничего удивительного, что бог-путешественник и разрушитель должен иметь оружие в виде мощного трезубца.

Трезубец в Европе



«В эпоху раннего христианства трезубец был замаскированным знаком Христа, позднее его устремленные вверх концы стали выражением ортодоксальной идеи триединства, троицы» (Урех).

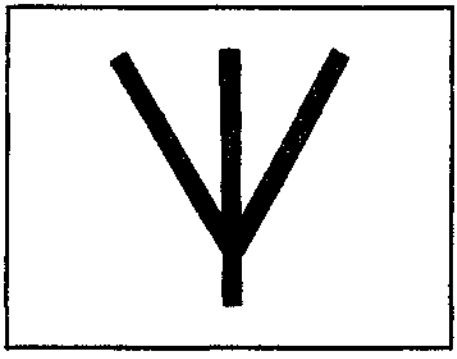
Цыгане Восточной Европы изображают крест похожим на трезубец, поэтому местное население и дало ему различные наименования вроде «цыганского креста» или «черной вилки», а отсюда уже рукой подать до ночных атрибутов ведьминого шабаша («чертовы вилы»).

Парацельс рассказывает, что многие европейские маги вместо волшебного жезла охотно пользуются трезубцем, который, согласно подробным пояснениям Элифаса Леви, представляет собой образ Троицы. «Трезубец

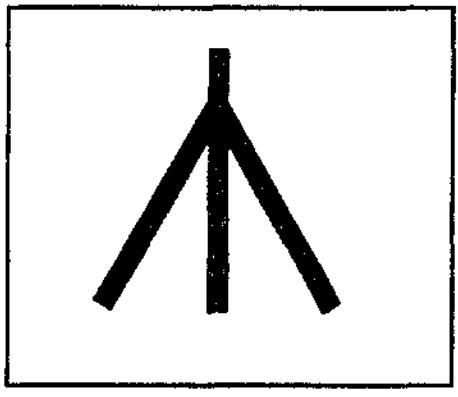
Парацельса» был для него прежде всего выражением триады человеческой жизни: Архей, то есть дух, Од (тонкая материя человеческой жизни или ее пластический медиатор) и, наконец, соль — для последователей Парацельса, алхимиков и розенкрейцеров — видимая материя.

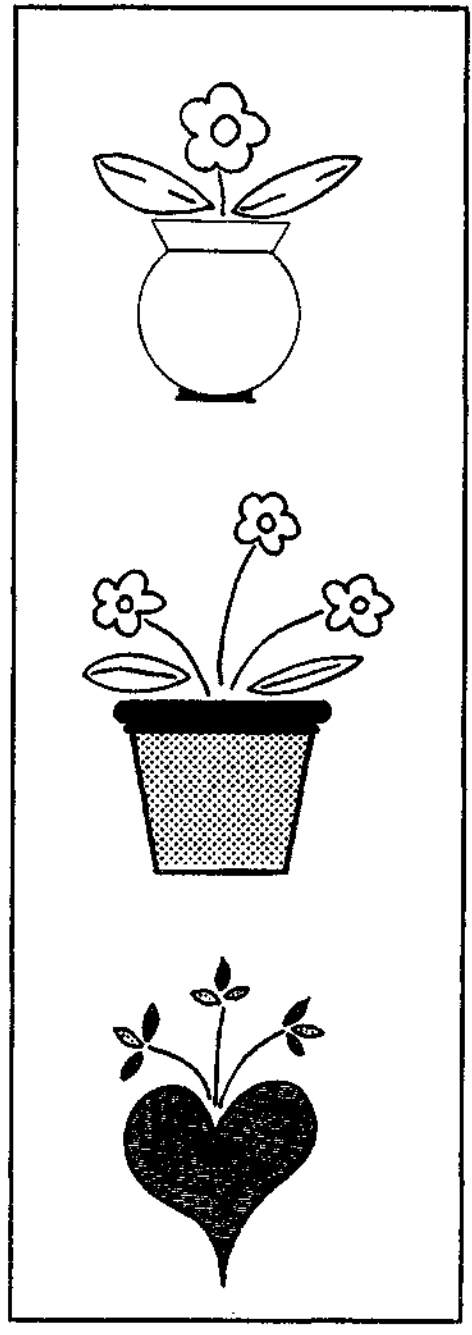
Дерево жизни

В германских рунах, которые придумал, по преданию, властитель шаманов и мифический дух Один, руна «ман» означает мужчину, чело-



века, который поднял обе руки вверх, взывая к божественным силам.





Противоположным знаком является руна «ир» — знак женского начала, а в соответствии с представлениями многочисленных современных исследователей, еще и символ «злых сил» ведьм и друидов. С таким толкованием никак нельзя согласиться, ведь женщина в древности олицетворяла мудрость, и лишь в более поздние века ей стали приписывать связь с дьяволом и злыми духами.

«Ир», собственно говоря, означает тис, то есть одно из священных деревьев германских племен. В одном обрядовом заклинании руна «ир» понимается как «всеобъемлющая», в этом случае руна указывает нам на корни, на «бессознательное» знание, пришедшее к нам от предков.

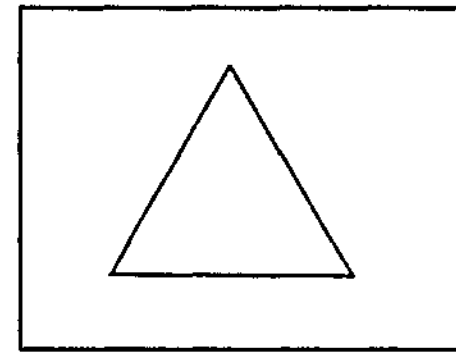
А вот объединение обеих рун даст нам дерево жизни, питающееся соками снизу и сверху и являющееся символом вечного существования.

Думается, что с руной «ман» и другими аналогичными представлениями связаны столь любимые в крестьянском фольклоре цветы на трех стеблях, растущие в горшках.

Такие же изображения можно было встретить еще в тридцатых годах нашего века на старых цыганских повозках,— они были символом плодородия, процветания, успехов в жизни и во всех начинаниях.

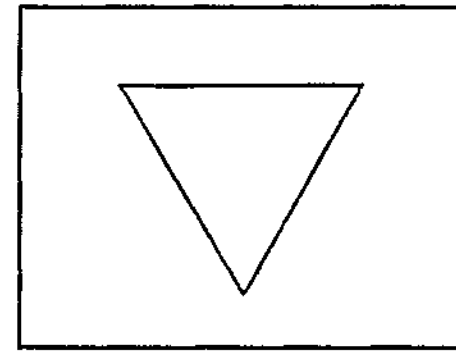
Треугольник

Как линга в индийской мифологии, треугольник — прежде всего символ созидательной мужской силы, другими словами — творческой силы бога. И наоборот, треугольник, вершина которого обращена вниз, — знак женского начала, плодородного лона. Согласно Агриппе Неттесгеймскому,



Юнону нередко обозначали треугольником как олицетворение женщины.

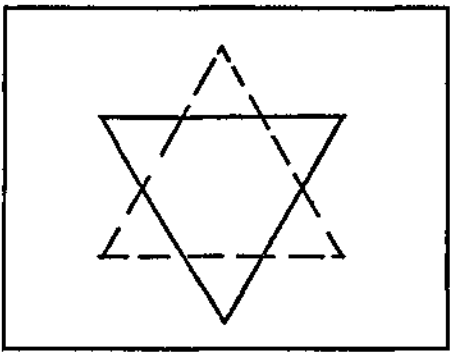
Для европейских алхимиков треугольник вершиной вверх означал язык пламени, «мужской» огонь, а треугольник, обращенный вершиной

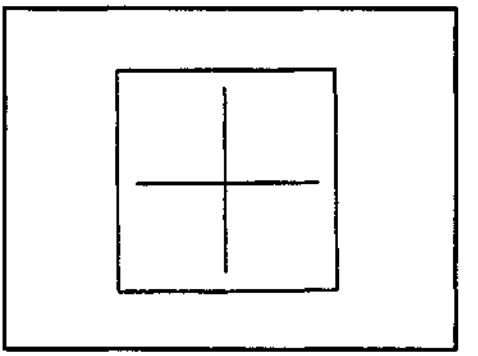


вниз, — воду, что сбегает с горных вершин, с облаков вниз, к Земле.

Если же наложить оба знака друг на друга, для индусов это будет означать объединение созидающего и порождающего начал, знак любви богов ко всему земному, а земного — к богам, объединения, из которого во веки вечные рождается все и вся.

В Европе этот знак считали пришедшим с Востока, он был известен, в частности, как «звезда Давида»,

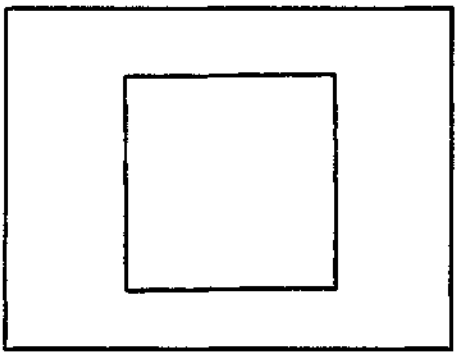


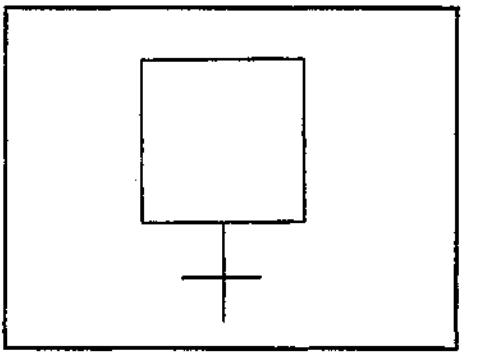


шестигранник использовали в народных верованиях (много взявших как от евреев, так и от цыган) как защиту от злых сил.

Квадрат

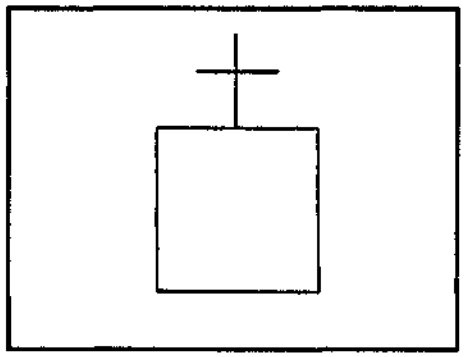
Квадрат охотно применяют как знак материального мира, составленного из четырех стихий, которые в свою очередь соответствуют четырем сторонам света. Изображение трактуемой таким образом материи становится еще более убедительным, если внутрь квадрата вписать крест, в такой форме оно будет напоминать нам о кресте на могиле, об окне тюрьмы, о том, что все проходит. Сказал ведь мудрец: «Наша Земля была бы мрачным склепом, если бы мы не ведали о могуществе нашего духа».

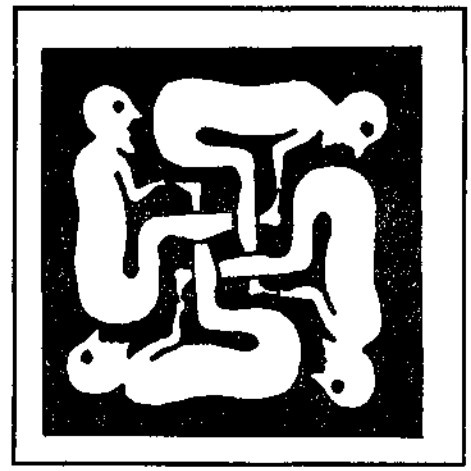




Крест под квадратным камнем — символ тяжести земли, представления, что нет в мире ничего иного, кроме прихотливой игры стихий, что мир — ад, безнадежная пропасть, темница, Тартар.

Напротив, крест над квадратным камнем — символ надежды, это дерево жизни, которое пробилось из могилы, это возможность искупления, воскресения. Нередко этим знаком обозначали «философский камень», который будто бы может дарить бессмертие и вечную молодость.



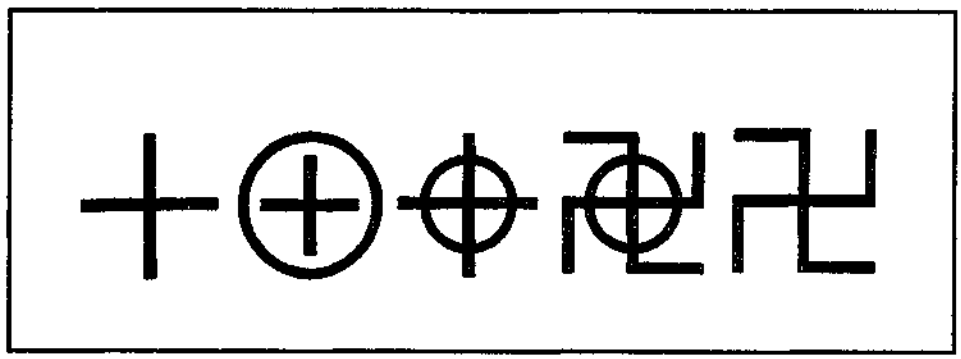


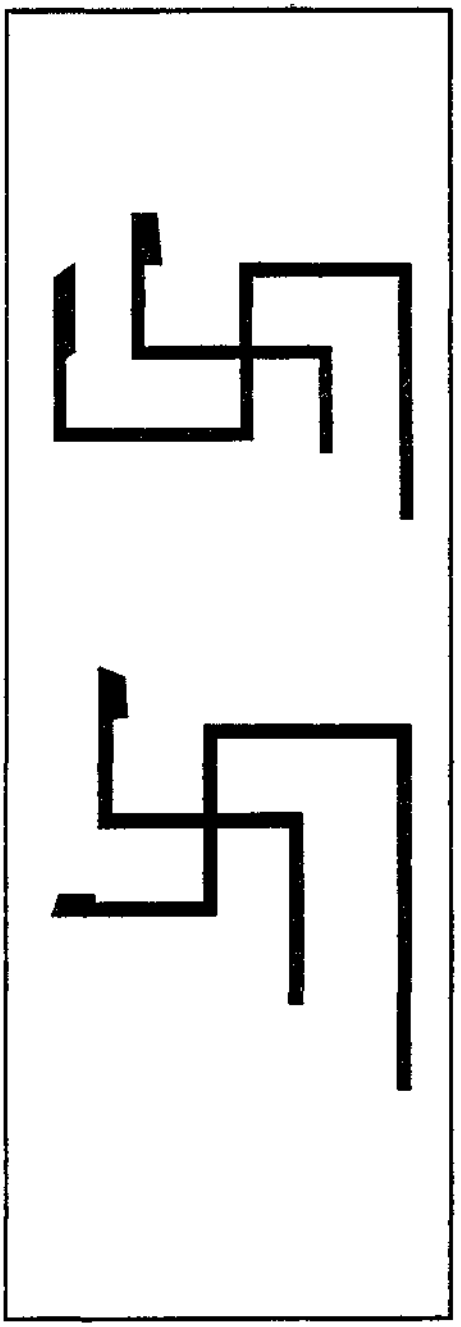
Свастика

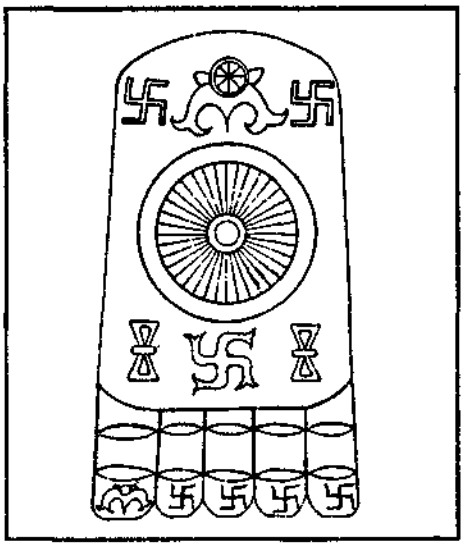
Свастику, крест с перпендикулярно загнутыми концами, также нередко трактовали как символ четырех основных сил, сторон света, стихий. Не случайно свастику находят в древнекитайских манускриптах в обозначении таких понятий, как «область», «страна» (см. I. Schwartz-Winklhofer).

В то же время если квадрат как знак материи характеризует ее как нечто мертвое, застывшее, противопоставленное жизни, то свастика скорее напоминает нам колесо, окружность, движение, превращение элементов, смену времен года.

Психоаналитик Вильгельм Райх объяснил в своей книге, вышедшей в 1933 году, притягательное действие свастики на массы: «Она действует на подсознательные эмоции наблюдателя. Свастика — не что иное, как изображение обвившихся друг вокруг друга людей, схематическое, но в то же время вполне узнаваемое. Одна линия означает половой акт в гори-





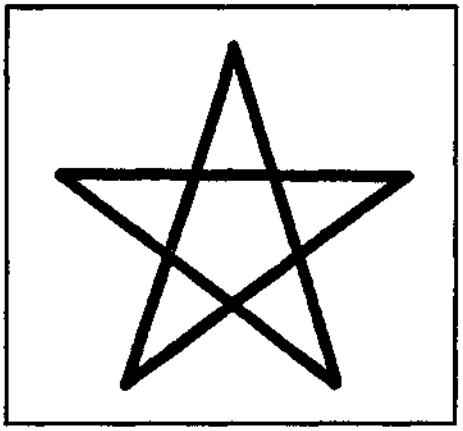


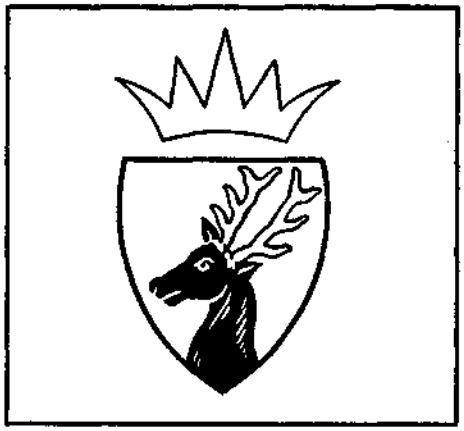
Отпечаток ступни Будды

зонтальном, другая — в вертикальном положении. Можно предположить, что этот символ будоражит скрытые от нас самих струны в организме, притом тем больше, чем меньше удовлетворен человек, чем более он похотлив. Если же приписать этому знаку дополнительно идею верности и чести, то он сумеет удовлетворить и моральные сомнения и будет тем более охотно принят».

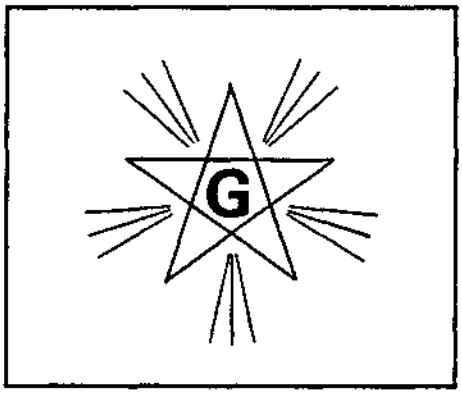
Пятиугольная звезда (пентаграмма)

В народе такую звезду еще называли «ведьминой ногой». «Нога» означает, по-видимому, опору колдовской науки ведьм. Некоторые ученые пытаются усмотреть в слове «друде» («ведьма») отголосок слова «друид» («жрец у древних кельтов»).





Такие маги, как Агриппа Неттесгеймский, вписывали в рисунок звезды фигуру сознательного человека: четыре нижних луча (треугольники) — руки и ноги, распростертые так, как будто человек хочет объять весь мир, а верхний луч — голова. В этом случае пентаграмма становится знаком «адептов» и звездой магов, которые полагали, что, благодаря знанию законов мира, который большинству представляется четырехсторонним, они могут найти путь к счастливому бытию.

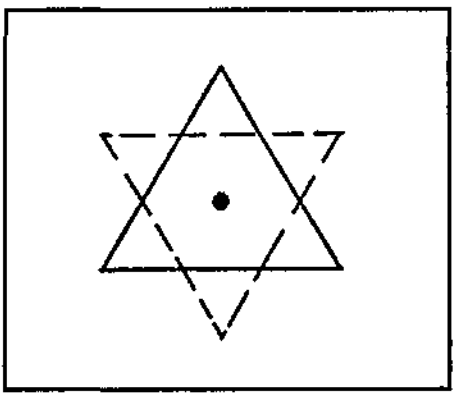


Леви говорит по этому поводу: «Пентаграмма, которую в гностических школах называют пламенной звездой,— это знак всемогущества и духовного самоконтроля... Буква G, которую свободные каменщики вписывают в центр пламенной звезды, напоминает о двух священных словах древней Каббалы: «гнозис» и «генерацио». Пентаграмма означает также «великий архитектор» — ведь с какой бы стороны мы ни смотрели на нее, мы видим большую букву А».

Мы уже видели, что сходным знаком преодоления материи «пробужденным человеком» были растения с пятью лепестками (роза, лилия, виноград). Геральдики утверждают, что корона, нередко изображенная над гербом высоких родов (кавалеры, рыцари), непременно должна иметь пять зубцов.

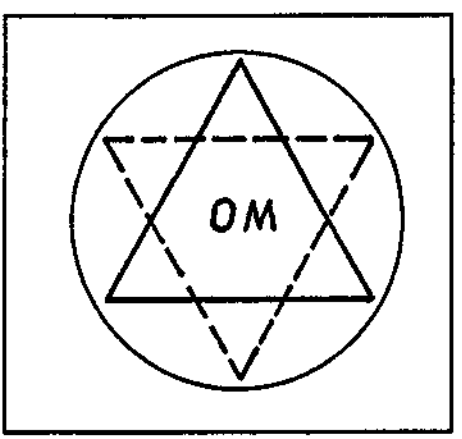
Семикратность

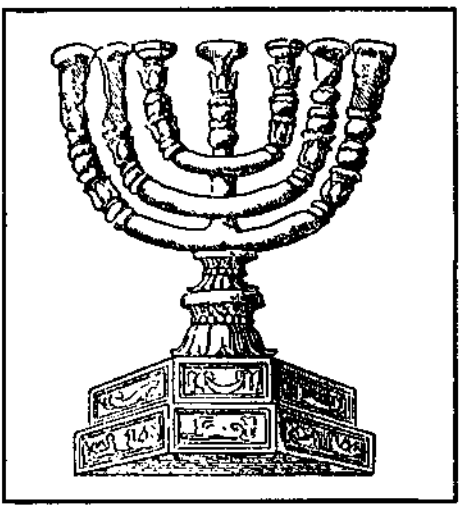
Любопытно отметить, что звезда с шестью лучами обозначает не только шестикратность, но и семикратность, только в этом случае в центр



ее помещают точку. В алхимии и других родственных магических представлениях эта точка посредине обозначает золото или солнце «в кругу других шести металлов или планет».

Суеверные заклинатели духов или охотники за спрятанными сокровища-

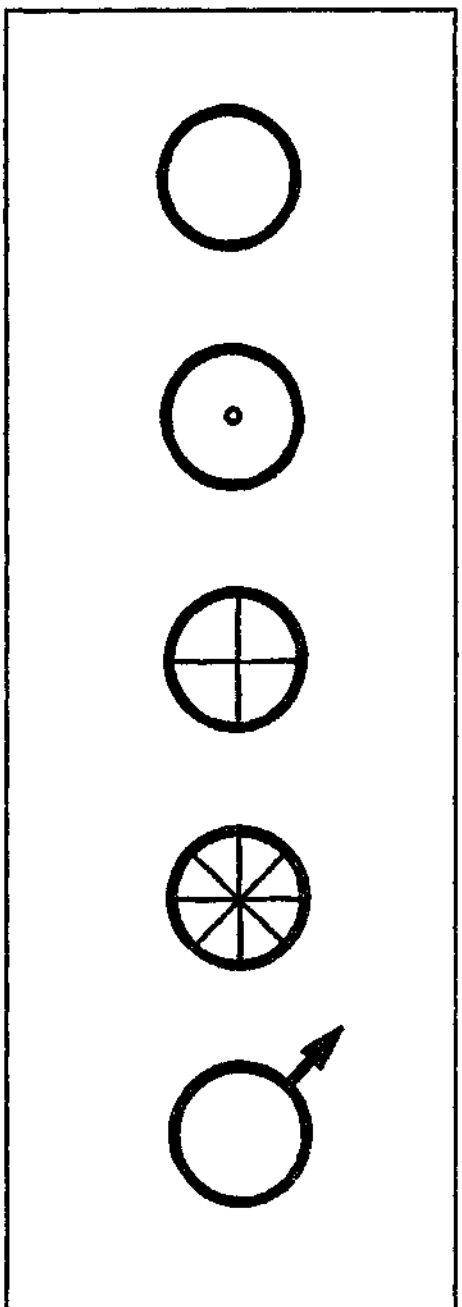




Семисвечник из храма в Иерусалиме

ми рисовали на земле «защитное кольцо», в центре которого опять-таки рисовали шестиугольную звезду, только в ней вместо точки, обозначающей солнце, писали слог «ОМ». Хорст и другие издатели XV—XVIII веков, которые печатали книги о заклинаниях, полагали, что это магическое слово пришло в Германию с Востока, это — индийско-тибетские «ОМ», «ОУМ», «АУМ» — слова, которые обозначали для мистиков творческую силу бога, создавшего всю Вселенную.

Семисвечники, которыми пользовались евреи, также означают 7 первородных сил божественного, которые нашли свое отражение в библейских сказаниях о семи днях сотворения. Не исключено, что через иудейско-хазарское царство такие светильники проникли в различные народные секты на Руси. Семисвечники нередко использовали во время священных занятий и встреч маги Западной и Средней Европы.



Круг

Агриппа Неттесгеймский поясняет, что древние спрятали в своих рукописях великие тайны, например, все округлое они приписывали миру, солнцу, надежде и счастью. Окружность означала небо, части ее (дуги, чаши) — Луну.

Ноль, этот чудесный символ нашей математики, пришел к нам в средние века через мусульман (а русские утверждают, что через еврейских хазар), а ведь это — не что иное, как окружность, обрисовывающая пустоту, ничто. Соответственно кольцо с точкой посредине в астрологии обозначает солнце, в алхимии — золото, у розенкрейцеров — императорскую власть, которая в центре несет творческое начало, дающее смысл всему окружению.

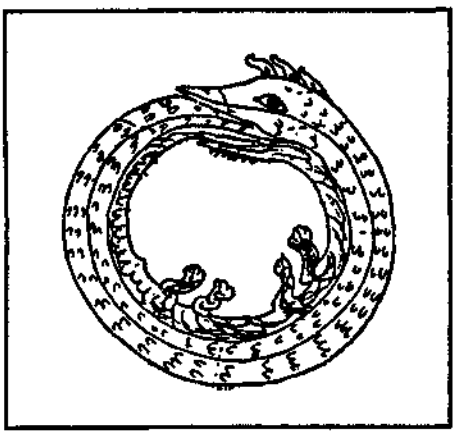
Кочевники, что перемещались в предгорьях Альп, то есть на пространстве между Баварией, Бургундией и Провансом, понимали под окружностью нечто совсем иное, а именно — требование двигаться дальше, перемещаться в другие местности. Знатоки толкуют это изображение как упрощенную картинку колеса от цыганской повозки, другие же усматривают в этом знаке символ вечного движения, постоянных перемещений кочевников. Они бесконечны, или, другими словами, кончаются на том же месте, с которого начались, то есть это — движение по кругу.

Космическая змея

Змея, которая кусает собственный хвост, то есть бесконечна, была в индийской мифологии символом кру-

говорота Вселенной или времени. Она окружает Землю, которая подобно цветку лотоса находится в центре океана. Змею можно увидеть также на панцире медленно, неотступно ползущей по вечности черепахи.

Такую змею (Оурборос) знали и



греки, они пытались осмыслить ее значение через гнозис — единство, которое в древности понималось как Вселенная. Через мифы образ змеи проник в мистику алхимиков. Змея вечности иногда рисуется с четырьмя лапами. В этом случае их следует понимать как четыре стихии. Иногда у нее есть даже крылья, это — постоянное движение энергии мира.

Собственно говоря, мы пришли уже почти к изображению дракона. Победа над ним мифического героя мыслилась философами-мистиками как символ познания мира и победы как таковой, ведь «в знании — сила».

У алхимиков или розенкрейцеров герой может попирать дракона ногами либо даже скакать на нем. В рыцарской поэзии герои перемещались в пространстве на грифах — гибриде орла и змеи, которые в мгновение ока переносили рыцаря из родового поместья в царство фей на Востоке.

В тантризме жизненная сила человека представлена как сила змеи, здесь нашли свое отражение не только способность змеи сворачиваться в кольцо, но и обновляться, меняя кожу, что делало змею символом круговорота энергии в мире и человеке, а также и смены эпох (тем самым символом круговорота Солнца через зодиак). Сюда можно отнести и ежегодное перемещение Солнца по кругу созвездий либо мира, который, как учат брамины, идет своим путем через космические века.

Абраксас

Гностическое изображение абраксаса, несомненно, навеянное идеями античности и Востока, кажется еще более странным, чем змея Оурборос. Это изображение мы видим на амулетах и геммах позднего Рима, его след не теряется и в средние века. Оно вновь делается популярным в эпоху Возрождения и играет опреде-

ленную роль даже в символике сегодняшних адептов оккультных наук в Северной Америке и во Франции. Что же такое абраксас?

Это — воин в доспехах, по крайней мере в верхней части тела. В одной руке он держит плеть — символ власти, в другой — круглый щит. Однако вместо ног мы видим у абраксаса два змеиных туловища, а сверху — голову петуха. Петух олицетворяет начало нового дня, стало быть, это провозвестник утра и победы.

Амулеты абраксаса можно обнаружить в наши дни в культуре хиппи. Пожалуй, вся эта фигура родственна победителям драконов на картинах алхимиков или всадникам на шее грифов в рыцарской поэзии, ведь перед нами — герой, которому ведома череда бесконечных противоборствующих друг с другом сил. Он умеет покорить их себе, вырваться из этой круговерти и выйти на новый виток — к утру нового дня. Поэтому и во времена древнего Рима, и в наши дни абраксас — конечно же, символ победы и счастья.

Павлин — пестрое многообразие мира

Павлин нередко делается олицетворением бесконечного разнообразия, веселого духа, с которым Бог творил эту землю, развлекаясь как хотел. В индийской мифологии, когда Кришна и Радха — две ипостаси бога Вишну — танцуют и забавляются в вечной радости любви, на них смотрят павлины.

Существуют культовые игрушки, например: Кришна и Радха качаются на качелях, а на столбах качелей мы снова видим павлинов. Пестрый павлин словно говорит нам: как бы тяжела ни была жизнь, какие неприятные сюрпризы она бы нам ни приносила, *это неизбежно, надо находить* радости в жизни и верить, что ее многообразие позволит всегда найти положительную грань.

При индийском дворе павлин всегда сопровождал изображение обоих божеств — Кришны и Радхи — и был символом образцовой жизни в любви и красоте. Отсюда, с Востока, пришло в Европу изображение павлина либо просто павлинье перо в шляпе рыцаря как символ его высоких нравственных помыслов.

Некоторое противоречие можно усмотреть в том, что индийский Марс, бог войны Картикейя, сын мудрого Шивы, скачет на павлине, однако на самом деле никакого противоречия тут нет: если вчитаться в древние индийские книги, посвященные военному искусству, мы увидим, что войны тогда не были средством массового истребления людей, какими стали войны XX века — скорее это были турниры, нечто подобное рыцарским состязаниям в Европе.

Эти состязания старались сделать как можно более пышными и зрелищными. Нередко, как если бы все протекало по заранее подготовленному сценарию, кровавая схватка между представителями насмерть враждовавших родов завершалась вдруг обручением юноши и девушки из обоих кланов и праздником, который мог длиться неделями.

Лишь мрачный аскет, для которого весь мир только «юдоль печали» и «разврат», для которого жить на этом свете уже само по себе казалось дьявольской хитростью, мог усмотреть в павлине отрицательный символ.

Даже гностики, которые на пороге средневековья пытались раскрыть тайны божьего промысла (и в результате впоследствии почти все обратились в ересь), выбрали павлина как выражение своих мистико-философских откровений. «Если внимательно приглядеться к его оперению, мы найдем 365 различных красок. Стало быть, это космологическая птица, ведь Василид различал 365 различных небес (по числу дней в году).

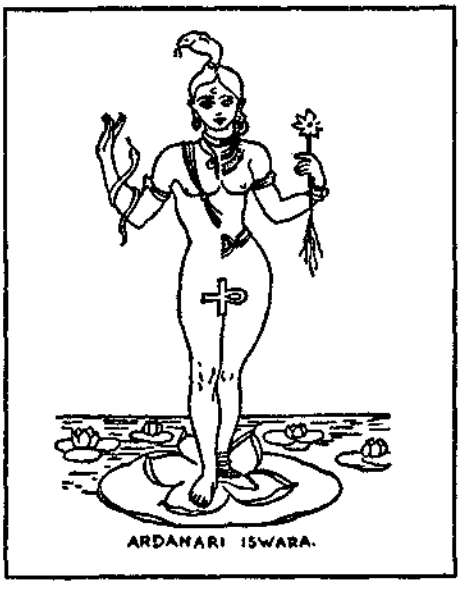
Интересно, что яйцо павлина бледно и невзрачно. И вот оно — чудо! Из ничего рождается радуга — это семя, спрятанное в яйце, ищет себе выход.

Так же, как яйцо павлина становится ярким и красочным, будучи оплодотворенным семенем павлина-петуха, так и мир нуждается в божьем семени, чтобы стать привлекательным» (В. Шульц).

Литература

A. Afanassiew, Poetitscheskija wozzrenija... (Die dichterischen Naturanschauungen der alten Slawen), Moskau 1868 ff.
H. C. Agrippa von Nettesheim, De occulta philosophia, Hrsg. K. A. Nowotny, Graz 1967
J.V. Andreae, Fama fraternitatis..., Hrsg. R. v. Dülmen, Stuttgart 1973
F. Barrett, The Magus, London 1801
H. Bayley, The Lost Language of Symbolism, London 1912
R. R. Beer, Einhorn, München 1977
J.G. Bennet, Gurdjieff..., Freiburg 1976
Bhagwan Shree Rajneesh, The Book of the Secrets, Poona 1975 ff.
P. Bouffard/R. Creux, Brunnen, Genf 1973
J. Brengues, La Franc-Maçonnerie du bois, Paris 1973
J. Chevalier, Dictionnaire des symboles, Paris 1968
J.E. Cirlot, A. Dictionary of Symbols, 2.Aufl., London 1976
J. Ennemoser, Geschichte der Magie, Leipzig 1844
W.Y. Evans-Wentz, The Fairy-Faith in Celtic Countries, London 1911
W.Y. Evans-Wentz, Tibetan Yoga und Secret Doctrines, 2.Aufl., London 1965
K.R.H. Frick, Die Erleuchteten, Graz 1973 ff.
A. Friedrich/G. Budruss, Schamanengeschichten aus Sibirien, München-Planegg 1955
F. Fritz, Khajuraho: Die Götter, Böbingen 1971

St. Germain, The Most Holy Trinosophia... Hrsg. M.P. Hall. Los Angeles 1963
A. Gichtel, Theosophia practica, Neudruck, Schwarzenburg 1979
B.Z. Goldberg, The Sacred Fire, London 1931
S. Golowin, Frei sein, wie die Väter waren, Hirten, Dichter, Philosophen..., Bern 1979
W. Gorodzow, Dako-sarmatskie religioznye motiwy... (Religiöse Motive der Dako-Sarmaten in der russischen Volkskunst), Moskau 1926
A. Govinda, Grundlagen tibetanischer Mystik, 3. Aufl., Weilheim 1972
K. Grant, The Magical Revival, N.Y. 1973
H. Jennings, Die Rosenkreuzer, Hrsg. A.v.d. Linden, Berlin 1912
A. Kalyanaraman, Aryatarangini, The Saga of the Indo-Aryans, Bombay 1969–1970
R. Koch, Das Zeichenbuch, Leipzig 1936
T. Leary, Future History Series, Los Angeles 1976ff.
T. Leary, Was will die Frau? Basel 1980
E. Lévi, Dogme et rituel de la haute magie, 3. Aufl., Paris 1894
E.J. Lindner, Die königliche Kunst im Bilde, Graz 1976
J. Matter, Histoire critique de gnosticisme..., Paris 1828
H.E. Miers, Lexikon der Geheimwissenschaften, Freiburg 1970
A. Mookerjee, Tantra-Kunst, Basel 1967
A. Mookerjee, Tantra Asana, Basel 1971
A. Mookerjee, Yoga Art, London 1975
Papus, Traité élémentaire de magie pratique, Paris 1893
Paracelsus, Sämtliche Werke, Hrsg. B. Aschner, Wien 1926–1932
L. Pauwels, Monsieur Gurdjieff, Paris 1954
A.J. Pernety, Les fables egyptiennes et grecques..., Paris 1786
Picatrix..., Hrsg. H. Ritter/M. Plessner, London 1962
P. Rawson, The Art of Tantra, London 1973
W. Ruben, Krishna, Istanbul 1944
H. Schick, Die geheime Geschichte der Rosenkreuzer, Schwarzenburg 1980
W. Schultz, Dokumente der Gnosis, Jena 1910
E. Schuré, Die großen Eingeweihten, Mit Vorwort v. Rudolf Steiner, 11. Aufl., Leipzig 1925
I. Schwarz-Winklhofer/H. Biedermann, Das Buch der Zeichen und Symbole, Graz 1972
E. Sellon, Annotations on the Sacred Writings of the Hindus..., London 1865
E. Urech, Lexikon christlicher Symbole, Konstanz 1974
A. Viatte, Les sources occultes du romantisme français, Paris 1928
W. Wegmüller: Zigeunertarot, Basel 1975
H. Wirth, Der Aufgang der Menschheit, Jena 1928
O. Wirth, La franc-maçonnerie, Mayenne 1973–1974
J. Woodroffe, Shakti und Shakta, 3. Aufl., Madras 1920
J. Woodroffe, Principles of Tantra, 4. Aufl., Madras 1970



Символы индийской мифологии

Брахма, Шива, Вишну

Некогда европейцы считали религию Индии и те великие мудрые истины, которые в ней сокрыты, явно восходящими к самой глубокой древности, к тем незапамятным временам, когда к нам пришла культура Вавилонии, Сирии, Египта. Между тем, если круг представлений последних знаком нам лишь приблизительно, по спорным свидетельствам и недостоверным сказаниям, то мир индийских богов живет и поныне.

Греческие путешественники утверждали, что в Индии особенно почитается бог пьяного веселья Дионис и великий герой Геркулес, по-видимому это Шива, царь танца, и Вишну, который, приняв земной облик справедливого земного властелина (его звали то Рама, то Кришна, то Будда), устремлялся на битву с асурами и искоренил в конце концов весь род этих дьявольских правителей.

В настоящее время все больше усматривают исходное родство между индийскими и греческими божествами, но и в древности оно не ускользало от внимания наблюдательных мыслителей.

Однако, если бесчисленные древние мифы тех времен, когда были живы Гомер и Александр Великий, Пифагор и Мегасфен, оказались почти забытыми современниками, превратились в легенды седой старины, индийская культура сохранила полную преемственность. Почти полмиллиарда индусов успешно держат оборону от исламского и христианского влияния и, даже основывают новые колонии в Африке, южных морях, на островах Карибского бассейна и в Южной Америке. Трудно назвать философию или религию, которые не испытали бы глубокого влияния индийской культуры.

Хорошо образованный человек всегда осознавал связь между принципиальными положениями культур Средиземноморья и стран, лежащих к северу от Альп, с теми духовными ценностями, которые были выработаны на территории, окружающей Гималаи. Недаром старые картографы

Хари Хара

искали рай где-то в окрестностях Индии, и в Индии жил, по преданию, легендарный священник и миссионер, таинственный повелитель царей и принцев Иоанн. И не забудем, что из Индии пришли три мага, которые первыми явились поклониться новорожденному младенцу, приветствовавшие рождение Сына Божьего.

Мифические прообразы европейского рыцарства, такие как Артур, Ожье Датчанин, Парсифаль, Лоэнгрин, явно имели родственников сре-

Саддус. Индийские святые

ди азиатских героев. Недаром они и вернулись в эти края вместе с чашей Грааля. Средневековые хронисты (назовем, скажем, баварца Авентина) повествовали о странствиях племен, которые впоследствии осели в Европе, на территориях вокруг Черного моря, Кавказа и в Индии.

Этот поиск «света, который идет с Востока», «истины о происхождении рода человеческого», которым были заняты последователи Парацельса, розенкрейцеры, романтики, гегельянцы, теософы, и, наконец, хиппи в 60—70-х годах уже нашего века — очевидное свидетельство той живой связи, которая соединяет нашу культуру с Индией, которая никогда не прекращалась и побуждала все новые поколения устремлять свои стопы на Восток, на поиск Истины. На территории Индии (и в соседних странах до Монголии и татарских ханств) никогда не существовало единой централизованной веры, и все же, в противоположность Европе, здесь всегда существовало единое духовное пространство. Возможно, в этом и кроется тайна столь мощного влияния Индии.

Европеец стоит на шаткой почве, ведь его идеи, те духовные истины,

которые ему предлагают, и связанные с ними символы пришли из самых разных источников, и, соответственно, его философские поиски никак не бросят якорь — христианство для него имеет уж больно ориентальный привкус, сказки родного края — чересчур языческие, сказания о героях несут явную кельтскую либо греческую печать.

В то же время для образованного индуса соответствующие элементы образуют единое целое, мы видим это по образцам поэзии царских дворов Индии в средние века, а также и сегодня. Эта связь никогда не прерывалась!

В историях о первоначальном создании мира, которые повествуют веды и пураны, в народных сказках о феях и волшебниках, в рыцарском эпосе, в котором явно прослеживается родство с «Илиадой» и легендами «Круглого стола» короля Артура, в историях о боге Вишну, который принял человеческий облик, чтобы избавить людей от угнетателей, в самых закоренелых суевериях и в трудах мудрейших философов — индус всюду найдет примерно одни и те же представления о божествах (даже марксистскую диалектику он через Гегеля приводит к благочестивому Шанкарачарию — одной из ипостасей бога Шивы).

Здесь мы остановимся только на некоторых символах, характерных для великих индийских богов. Все многочисленные фигуры божественного ареопага на территории от Кашмира до Бали вращаются в конечном счете вокруг трех основных божеств, принимая различные облики, подчас точь-в-точь смахивающие на ангелов, фей, блаженных, эльфов из наших народных сказок.

В тех регионах Европы, где еще живы народные поверья, сохранилась и живая связь с индийской культурой, не менее живая, чем тысячу лет назад, когда великий арабский путешественник Аль-Бируни сравнивал греков с индусами и находил массу совпадений.

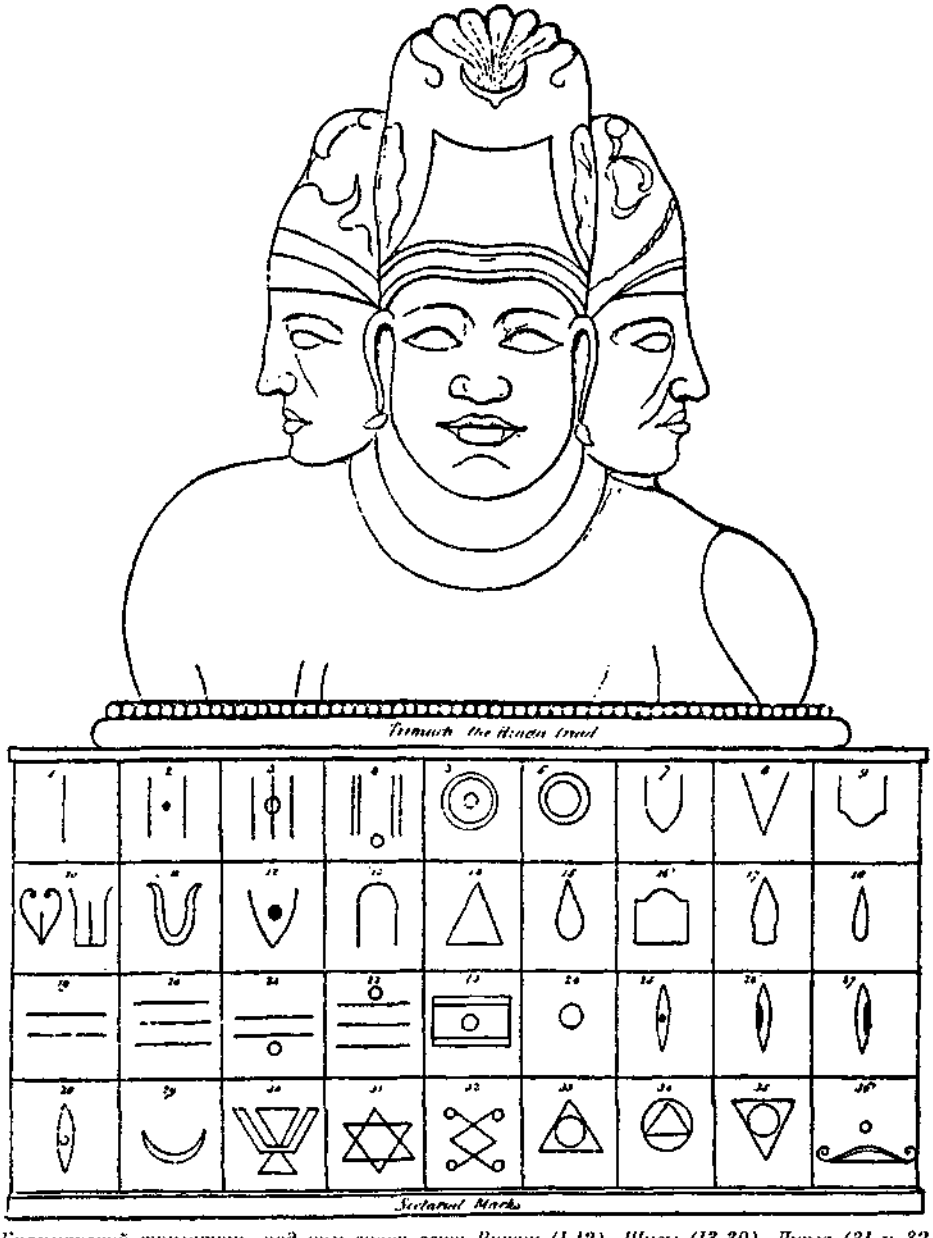
Тримурти

Три основных индийских бога создают триединство, и, соответственно, их изображают как существо с тремя головами и тремя лицами. Одновременно это и три основных силы на земле, которые влияют друг на друга,— немыслимо существование без созидания нового и разрушения отжившего. Сохранение, необходимое космическое равновесие между ними, способствует тому, чтобы ни один из этих двух процессов не преобладал над другим.

Этот индийский символ Гегель соотнес со своим философским учением о тезисе, антитезисе и синтезе. Не забудем, что часть жизни Гегель провел в Берне (1793—1796) где был домашним учителем в семье из старинного рыцарского рода. В доме была отличная библиотека, а члены семьи поддерживали тесные связи с образованными военными, служившими в Азии, так что не исключено, что становление Гегеля-философа питалось впечатлениями от общения с людьми, хорошо знающими восточную культуру.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые начинали «младогегельянцами», разработали, основываясь на идеях Гегеля, свое понимание исторического процесса: существование человека начинается в индийской

Шива, Вишну и Кришна



Брахманский тримурти, под ним знаки сект Вишну (1-12), Шивы (13-30), Дурга (31 и 32), Тримурти (33-35) и Рамы (36)

древности в общинах, тесно связанных с природой. Затем человек покидает такое состояние и переходит в новое, современное, характеризующееся эксплуатацией человека человеком, а затем приходит в синтезе к первоначальному положению вещей, но с новым просветленным пониманием своего пути в истории, основанным на знании всех подводных камней, всех тупиковых решений, которые следует избегать.

Индийские оккультисты (а за ними и члены европейских и американских оккультных лож) нередко поясняют триединство тримурти как гуны — три главных причины всего нашего поведения и действий.

Красная гуна — раджас — это гуна страсти, как правило, ее приписывают Брахме. Черная гуна — тамас — гуна глупости, и, наконец, белая гуна — саттва — познание.

Человек никогда не руководствуется только одной гуной, прежде чем решиться на что-то, он колеблется между всеми и в своем поступке в конечном счете берет частицу от каждой гуны. Таким образом, в поступке можно использовать следующие варианты: тамас-раджас, раджас-тамас, раджас-саттва и, наконец, саттва-раджас (казалось бы, имеются еще варианты тамас-саттва и саттва-тамас, но они невозможны для психологии индуса, поскольку тупость и инертность, с одной стороны, и познание, с другой, исключают друг друга и не могут встретиться в одном человеке).

Черный цвет принадлежит Шиве-разрушителю. На самом деле Шиву всегда представляют в ослепительно белых одеждах, ведь он «разрушает разрушение», он появляется там, где возникают страдания (из-за людской ограниченности, из-за дурных привы-

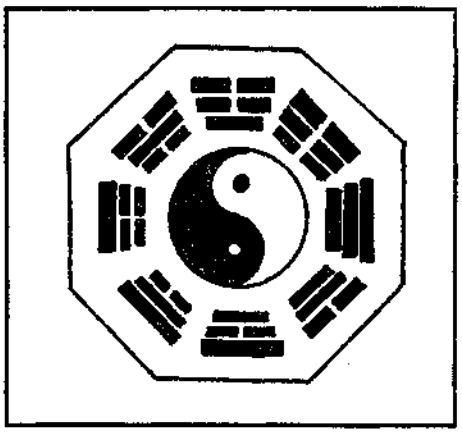
Тримурти

чек, из-за забвения мудрости), и указывает путь к лучшему, избавление от несчастий.

Та сторона тримурти, которая характеризует Вишну (хранитель), в большинстве учений соответствует саттве — состоянию высшего познания, цвет ее — белый.

Если Шива — свет, пронизывающий любую тьму, то Вишну в большинстве своих воплощений как герой или как король Кришна рисуется темными цветами — темно-синим, а то и черным. Это объясняется так: все, что хранитель Вишну старается удержать, представляется ограниченному «простому» человеку вредным, недобрым, бессмысленным. А между тем все должно быть сохранено, чтобы мир не потерял ничего из своего разнообразия, из богатства своих красок.

Так из древнеиндийской религии тримурти, которая одновременно вовлекла в орбиту своего влияния представителей белой, желтой и черной рас, населявших территории вокруг Гималаев, пришла в Восточную Азию



Китайский символ Инь-Ян

идея о противоречиях, которые оказывают влияние друг на друга: в китайской монаде Инь-Ян мы видим в центре черного полукруга белую точку и в центре белого полукруга — черную.

Изображение тримурти в индийских храмах помешало большинству индийских религий согласиться с идеей власти исконного зла, дьявола, который борется с богом за власть над миром. Все действия богов основаны на идее единства, они служат совершенствованию мира и развитию его общности.

Три главных бога — Брахма, Шива и Вишну — лишь разные проявления одной и той же тайной первопричины. Индуизм не даст различным сектам превознести одну сторону божественного откровения над другими, ведь сказано: «Шива в своем темном мире — белый, потому что он постоянно размышляет над существом Вишну. Вишну в своем чистом и светлом мире — темный, потому что он непрерывно думает о Шиве».

Примечательно, что в Махабхарате эти два основных бога постоянно превозносят друг друга как превосходящего себя самого. «Шива — самый преданный поклонник Вишну, непревзойденный образец вишнаитов. Вишну — преданнейший последователь Шивы».

Брахма-созидатель

Индийская мифология основана на цикличности Вселенной. Считается, что Брахма — бог-созидатель — спит в течение 4 320 000 000 лет, затем

Брахма

Брахма вместе с Вишну на листе лотоса

он просыпается и за такой же срок создает все миры, чтобы затем вновь заснуть. Миры исчезают, а потом снова появляются, когда пробуждается Брахма.

Когда европейские ученые услышали про это учение, оно стало для них убедительным доказательством безмерной глупости языческих религий. В то же время такие умы, как Бейли или Вольтер, отдавали должное астрологическим и астрономическим рассуждениям, на которых покоились подобные представления — индийская философия внесла свой вклад (пусть нередко неправильно истолкованный) в создание новых представлений о мире как постоянном круговороте энергии и о постепенном, простирающемся на миллионы лет, развитии всех форм жизни — во времена Просвещения, Французской революции и романтизма.

В начале творения Брахма выходит из раскрывающегося лотоса, поднявшегося из пучин первичного океана (абха-йони). Точнее говоря, он в виде сияющего зародыша миров проклевывается из золотого пра-яйца — отсюда и почитание золота и яйца в индийском фольклоре, возможно, и корни философии алхимиков.

У Брахмы четыре руки и четыре головы. В руках он держит четыре книги вечного знания — веды. Вспомним, что индусы различают 4 основных элемента и 4 основных направления: дхарма — следование законам жизни; арта — приобретение умения завоевать себе место в обществе, богатство и власть; кама — приобретение способности наслаждаться жизнью, подобно феям; и, наконец, мокша — освобождение от уз повседневности, внутренний покой. Индусы делят на 4 периода, соответствующие этим четырем целям, по большому счету, как всю мировую историю, так и жизнь отдельного человека. Кстати, философия каждой из четырех каст также ориентирована на одну из целей человеческого существования.

Брахма — и созидатель Вселенной, и великий старец. Поэтому его охотно представляют в виде седоволосого бородатого старца, особенно в фольклорных мотивах, откуда их переняли бродяги и хиппи. Брахму называют еще в Индии «великим архитектором», который некогда набросал план создания Вселенной и строит ее, руководствуясь своими воспоминаниями.

Супруга Брахмы — Сарасвати

Иногда абсолютно ложно представляют великую триаду богов Индии как триаду мужских существ. На са-

мом деле это — первородные источники, каждый из которых может обнаружить как мужское, так и женское начало (шакта, шакти), и именно благодаря их взаимодействию рождается бесконечная власть богов над миром. Если боги иногда милостиво являются в виде смертных существ взору простых людей, то, как правило, в виде таинственной супружеской пары, которая ниспосылает всяческое благословение (в подобной иконографии триединство оборачивается шестью фигурами плюс единый бог, а число семь означает исходное могущество, свойственное всем богам тримурти).

Имя Сарасвати, богини-супруги созидателя, носит также один из священных потоков в древней Индии, который, согласно ведам, «низвергается с гор в океан». «Сарас» в ее имени, собственно, означает «жидкость». Это слово относится ко всему, что течет, будь то человеческая речь, мысль или же вода.

Сарасвати наряду с супругом-архитектором является также символом красоты, гармонии созидания. Ее обычно представляют как прекрасную женщину в белой одежде, она сидит на цветке лотоса и играет на щипковом инструменте вине (как утверждают веды, этот инструмент был придуман богами в незапамятные времена). В семидесятых годах этот инструмент появился в квартирах увле-

Брахма и его супруга Сарасвати

ченных индийской культурой адептов Европы и Северной Америки. Особенно предлагалось прибегать к инструменту женщинам во время родов — он якобы приводит всех присутствующих в состояние гармонии и превращает плод любви двух человек в создание богов. Предполагалось и наличие определенных жестов и мимики, которые также должны были дать состояние восторженности, экстаза, благодаря которому ребенок появляется «без болей» — как мистическое чудо.

Сарасвати — прародительница всех искусств и наук, которые познают и восхваляют мудрость бога, проявившуюся в созданных им мирах. От Сарасвати люди научились слову, языку, письму, умению создавать умные ученые книги, поэзию, музыку, изобразительные искусства.

Если Сарасвати изображают с несколькими руками, то в одной она держит книгу (для поклонников Сарасвати любое стихотворение и научное открытие — всего лишь воспоминание из прежних веков, находка того, что было некогда хорошо известно!). Она может держать также венок из роз, четки — знак благочестия, а для мудреца также намек на бесконечное круговращение всех творений в прошлом и будущем. Сарасвати может держать в руках также крюк, которым погоняют слонов. В этом тоже видят воплощение божественной гармонии — согласно мифам, прекрасная Сарасвати может своим искусством и знаниями, почерпнутыми из древнейшей религии, править миром и направлять его к ей одной известной цели.

Брахма и Сарасвати путешествуют

Бог-созидатель так же, как и его супруга, перемещается, как правило, верхом на водяной птице — это гусь или лебедь. Вспомним, что и античная мифология выбрала лебедя за его

Брахма на лебеде

чистоту и красоту как птицу Венеры. Венера либо плывет на лебеде, либо лебеди влекут ее повозку.

Брахма сидит на космическом лебеде — «дело в том, что земля, как считалось, плавает в океане, а путешествие Брахмы на птице Гамза означает воссоединение земли и воды, необходимое для процветания и роста всего живого» (Фридрих). И здесь мы видим идею спасения всего живого от волн всепоглощающего моря, как это мы знаем из Библии.

Иногда в поэзии хинди вместо лебедя или гуся можно увидеть утку — потому что этих птиц днем всегда видят вместе парами и они расстаются только на ночь, то есть могут

служить символом верности и супружеской любви. Согласно некоторым представлениям, почерпнутым из индуизма, водяные птицы, на которых путешествуют боги, воплощают красоту и любовь во всех их проявлениях.

Шива-разрушитель

Хотя Шива уничтожает все отжившее, мы чаще видим его в образе юного прекрасного бога. Он всегда спокоен, хотя и вступает порой в схватку, принимая черты разъяренного демона Рудры или Бхайравы.

Супруга Шивы Кали

Махадева и Бхавани

Сидит ли он на высокой горе, размышляя над сутью созидания Брахмы, или танцует, или появляется в окружении неведомых существ, среди которых мы можем распознать черты его супруги Кали, — черты Шивы обычно всегда исполнены мудрости и полного спокойствия — он ведь к тому же еще и бог времени (маха-кала), и поэтому он в курсе всех закономерностей развития универсума, что позволяет всем существам достичь совершенства и добиться самых высоких целей.

По этой причине приверженцы Шивы видят в нем мастера и учителя (маха-гуру, гуру-деву, маха-риши, маха-сидху) познания, которое приходит к человеку различными путями: углубленным изучением магических тайн тантризма, оргиастическими танцами или медитацией — в любом случае мудрость Шивы даст нам в конце концов душевный покой и счастье, уравновесит все противоборствующие силы.

Изображение Шивы в детском комиксе: пламя, из которого появляется бог, символизирует разрушающее начало

Шива — разрушитель и созидатель всего живого, противоречие, которое, согласно индуизму, разрешается в том смысле, что на самом деле ничто полностью не уничтожается, а происходит только трансформация, переход из одной формы в другую. Разрушая мир, Шива делает это на благо ему (рисунок взят из фольклорного плаката)

Тигровая шкура Шивы

В индийских сагах Шива нередко бродит по горам и лесам нагим или одетым в звериные шкуры. В мифах он вообще нередко предстает первобытным человеком, в котором только пробуждается сознание, понимание окружающего. Он побуждает к развитию все средства прогресса (не забудем, что вначале следует разрушить существующее!): огонь, оружие, инструменты, магические биологически активные вещества трав.

Супруга Шивы — Шакти — скачет на тигре — воплощении человеческих страстей, которые она может развязать или усмирить, обучая этому колдовскому искусству всех женщин. Согласно мифу, древние мудрецы, бесконечно ревновавшие к Шиве, который увлекал чувственной любовью их жен, создали страшное чудище — тигра. Шива убил хищника и смастерил себе из его шкуры одежду. На многих изображениях он просто сидит на тигровой шкуре. Его внутреннее состояние описывается понятием «каши-пури» — «сияющий город» (от «каш» — «блестеть, сиять»). В переносном смысле это означает полное преодоление всей низменной животной алчности, которая столь часто обуревает людей.

Мертвые головы Шивы

Шива, вечно юный и прекрасный, нередко изображается рядом со своей любезной супругой на кладбище. Для Индии, где трупы, как правило, сжигают, это означает, что он сидит, собственно говоря, на куче пепла. На Шиве (либо на Шакти — женской ипостаси этого бога) мы видим украшение, бусы или четки из черепов. Эта бесконечная цепь — символ столетий, которые канули в вечность, древних, стершихся в памяти челове-

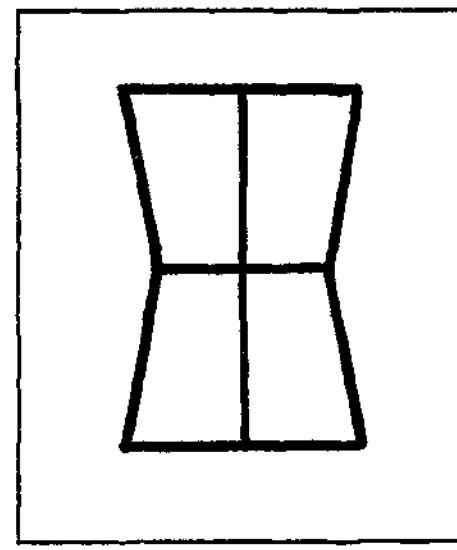
Шива и Кали

Адда-Нари

чества рас и забытых империй. Одновременно это и напоминание о том, что то, что сегодня кажется нам могущественным и находится в расцвете сил, когда-нибудь также канет в забвение и разрушится.

Шиву окружают дикие звери, невероятно энергичные и жадные (*тигр, змея, лев, буйвол*). *Все они*, если не уметь их усмирять, означают разрушение. Одновременно они символизируют культ смерти, понимание бренности всего живущего, меланхолию, картину мира как поле руин, черепов, пепла.

Своей мудростью Шива разрушает и чрезмерное возвеличивание, и избыточное презрение к сегодняшнему дню. Именно поэтому он стал богом индийской алхимии (разайяна), которая ставила перед собой задачу познать тайну вечно обновляющихся жизненных сил земли и самого человека.



Барабан Шивы

Барабан Шивы

Видимый мир понимается как танец Шивы. Шива танцует то в одиночку, то со своей супругой Парвати. Он танцует в окружении пламени, от которого отбрасываются лучи, языки, огонь, энергия,— по-видимому, прообраз нимба вокруг головы святых и волшебные кольца в индийском искусстве.

Шива задает себе и всем другим ритм с помощью барабана, по которому он стучит с обеих сторон. Этот барабан понимают иногда как поле извечного напряжения между мужским и женским полюсами бытия. Даньелу считает, что в этом можно видеть контур самого древнего символа. Чтобы получить это изображение, берут два трезубца — мужской — огненный, острия которого глядят вверх, и женский, водяной, с остриями, обращенными вниз. Барабан можно составить из двух черепов, накрытых натянутой кожей, стянутых шнуром.

Это и символ взаимодействующих противоречий, китайского инь и ян, но, без сомнения, и воспоминание о шаманских барабанах каменного века, равномерное постукивание по которым приводило людей в экстаз.

Парвати — жена Шивы

Шива сидит на самой высокой горе в центре мира, откуда он обозревает все времена и все страны света. Жену его, соответственно, называют Парвати — «горная женщина». Считают, что она — дочь повелителя Гималаев — высочайших гор Земли.

Если Сарасвати и Лакшми — женские ипостаси двух других великих богинь триединства (тримурти) — всегда едины со своим супругом, в Индии существует множество сект, которые почитают как высшее божество только жену Шивы. Они объявляют ее Кали («черной») — могущественной повелительницей всемирной ночи, мира, материи.

«Четыре руки Кали — это четыре направления мирового пространства или кругооборот человеческого существования. Кали поднимает четыре свои руки вверх, символизируя завершение всех вещей и своего бесконечного царства, охватывающего все и вся. На языке символов четыре руки всегда означают господство, в этом и суть символа креста».

В дохристианское время культ Кали в Индии привел к тому, что только «Великая мать», мир, материя признавались как единственное начало и конец всего сущего. Отсюда был только шаг к оправданию убийства с целью обогащения. В XVIII и XIX вв. по Индии прокатилась волна убийств, погибли миллионы (!) последователей культа Кали. Именно тогда на сцене появились англичане. Они объявили себя защитниками мира и порядка, а на самом деле завоевали и подчинили себе Индию.

Обычно Кали окружена сонмом женщин, она обучает их магическим искусствам. Эти женщины (дакхини, йогини, бхайрави, шакини) во всех отношениях сильно смахивают на наших ведьм: так же, как и дочь Гималаев Парвати, они живут в горах, и поклонники тантризма стараются там отыскать их след.

На многих изображениях Кали как символ своего божественного происхождения поднимает и держит поднятую вверх руку открытой — для индийцев и для европейских кочев-

Шива и Парвати

ников это все еще напоминание о жесте «не бойся, здесь нет никакой опасности». От этого жеста у нас осталось протягивание правой руки как знак: «у меня нет оружия и я не нанесу тебе вреда».

Другая рука также открыта и указывает вниз — знак того, что богиня все свое благословение низвергает на землю, на своих почитателей.

Ганеша

Его создали оба: и Шива и Кали. У него голова слона, и мистики усматривают в нем идею единства малого мира, в котором влачит свое существование смертный человек, и Вселенной, закономерностей которой он постичь не в силах.

Для индусов самое мудрое животное в воде — дельфин, на земле — слон, отличающийся своей отличной памятью. Путешествует же Ганеша на мыши, которая символизирует потаенное, малоприметное действие, по ночам. Четырьмя своими руками Ганеша правит миром, он — властелин традиции, которая всегда в нужную минуту заявит о себе.

Ганеша на мыши

Картикейя

Бог войны Картикейя тоже создан Шивой. У него есть также имена Сканда или Кумара (юноша). Он никогда не женится, ведь его женская половина (каумари) — не что иное, как войско богов. Картикейя

Бог войны Картикейя на павлине

путешествует на павлине — символе могущества, а на знамени у него — петух, приветствующий новое утро.

Мы говорили уже, что другое имя бога войны — Сканда. Индусы полагают, что от этого санскритского слова произошло название Скандинавия. В значение этого слова заложена идея вспрыскивания, проливания мужского семени, оплодотворения, нападения как в эротическом, так и в военном смысле.

Индийские мудрецы видели два способа не дать человеку погрузиться в скуку отупления и рутины: это либо движение, пробуждение мира военными отрядами Сканды, либо знакомство с культурами и постижение их божественного и космического смысла, чем занимается Ганеша.

Бык Шивы — Нанди

Нанди, верховое животное Шивы

Бог Шива разъезжает на гигантском быке — популярное олицетворение мужской созидательной силы, благодаря которой непрерывно обновляется и продлевается существование Земли. Ведь все существующее на планете управляется и регулируется стремлением к продолжению рода.

Нанди может быть представлен как мускулистый мужчина с головой быка, возможно, отсюда пришел античный миф о Минотавре — человеке-быке, который подкарауливает в лабиринте (символ противоречивых явлений мира) героев и уничтожает их. Шива искусен почти во всех хитросплетениях тантризма, а также в алхимии (расайяна), своих поклонников, последователей и почитателей он учит, как обращаться с быком, то есть как подчинять себе свои чувственные порывы, которые в противном случае захлестнут сознание, как направить свое бытие на более возвышенные цели. Даньелу упоминает, например, такие призывы к Шиве: «О господин, кто бы ни пытался усмирить быка, ты один это можешь! Ты едешь на быке и охраняешь земли».

Вишну-хранитель

Этот индийский бог покоится на космической змее вечности либо сидит на золотом троне. Вишну украшен всеми признаками королевского достоинства — драгоценными камнями и золотой короной. Конечно, как и подобает царю в индийской жаре он восседает под зонтиком, который подчас толкуется как знак космоса. В этом случае стержень зонта означает мировую гору (меру), а сам купол — звездное небо с отдельными знаками зодиака.

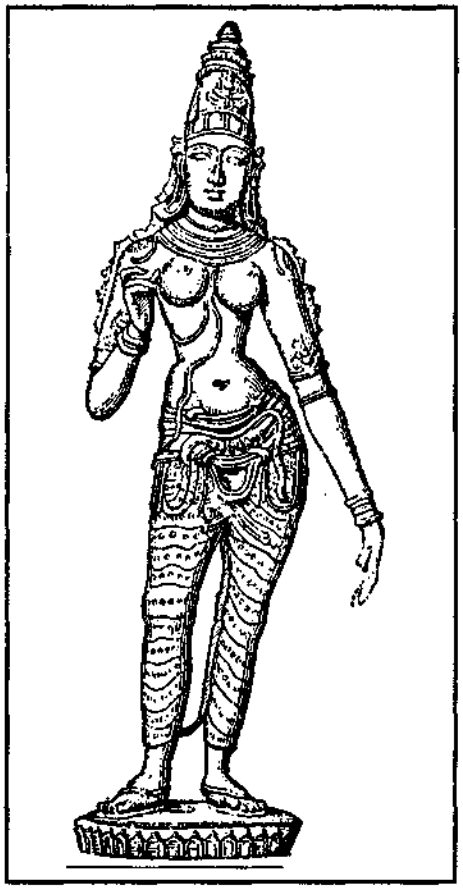
Вишну на лотосе

Знаки царского достоинства показывают, что в хаосе творения и разрушения к Вишну стекаются все существа, испуганные происходящим, а Вишну сохраняет порядок и вновь восстанавливает разрушенное. У Вишну четыре руки, в них он держит четыре священных предмета: булаву (каумодаки) — символ природной силы Земли, метательный диск (чакру) — знак его власти над всем, что описано окружностью Вселенной, рог, сделанный из раковины,— свидетельство сокровенных знаний из незапамятных времен и цветок лотоса — уверенность во всегдашней победе жизни и развития. Иногда Вишну носит меч и тогда становится прообразом индийских рыцарей, которые также считали себя хранителями космического порядка.

Вечная супруга Вишну — Лакшми

Лакшми в индийской мифологии — богиня счастья, изобилия и красоты. Другое ее имя — Шри. У нее есть ребенок — бог любви Кама (как тут не вспомнить Венеру с Эросом (Амуром).

Когда Вишну принимает образ человека-героя и спасает страну от тиранов-завоевателей, Лакшми также рождается как обыкновенная женщина и сопровождает супруга в его аватарах. Если, например, Вишну обращается в крошечного пигмея и тремя своими шажками обманывает завоевателя-асура, Лакшми предстает в виде лотоса (падма, камала). Для царя Рамы она — его верная супруга Сита. Лакшми замечательно владеет искусством принимать всяческие пре-



Лакшми — богиня красоты

лестные образы. Например, когда Вишну принимает земной облик правителя Кришны, Лакшми обращается в его многочисленных жен — тут и пастушка Радха, и принцесса Рукмини.

Индийский эпос никогда не устает превозносить любовь обеих ипостасей божественного существа Вишну друг к другу. Вишну может принимать разные облики: если он Пурана, то тогда Лакшми — это свет, а Хари (это на самом деле Вишну или Кришна) — повелитель всего сущего, если он Говинда, то он — любовь, а его очаровательная супруга Лакшми — радость. Можно сказать, что все, что среди богов, людей и животных, может быть причислено к мужчине, это — Хари, а все женское — Лакшми. Любовь мужа к жене, вообще любовь, обращенная к другим существам, пришла к нам как отражение отношения великого хранителя Вишну к своей супруге-лотосу — блюстительнице всех жизненных радостей.

Кама

Эротический бог Кама — сын великой богини Лакшми. Когда Вишну принял облик земного царя Кришны, он родил Каму как принца Прадумна. Кама ездит на попугае, кото-

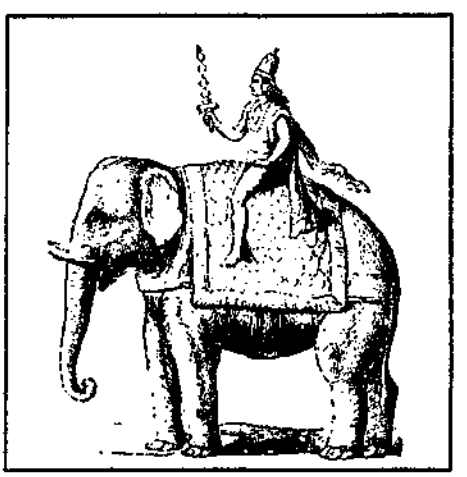
Эротический бог Кама

рый для индусов нередко является символом поэзии, и время от времени он выкрикивает имена возлюбленных вперемешку с именами богов.

Стрелы Камы — различные цветы, которые для индуса символизируют любовь. На красном знамени бога мы видим дельфина (макара). Женой его является Рати — эротическое желание. Феи — танцовщицы и музыкантши — толпой сопровождают Каму. Иногда предполагают, что Кама — одухотворенный образ древнейшего бога огня Агни, он пробуждает во всех существах любовную энергию, иногда даже в боге-разрушителе Шиве, он несет людям вечно новый «огонь», возрожденную любовь к жизни, а миру —весну.

Индра, повелитель божеств

Рядом с Вишну мы видим царя и повелителя разных божеств (дэвов) Индру. Индра — одновременно еще и повелитель молний и великий противник асуров. Он, так сказать, Вишну для простого народа, ведь хранителя миров в его истинном облике почти невозможно постичь. Индра же, напротив, вполне доступен пониманию. Он живет в роскошном дворце, окружен прекрасными феями, музыкантами-эльфами и небесными танцовщицами. Такое понятие о роскоши перешло затем на Ближний Восток, а оттуда в Европу, где правители дворов пытались осуществить на практике представления о роскошном мире Индры.



Индра — повелитель молний

Индра — царь богов

Злые асуры свергают Индру с престола (на протяжении мифических тысячелетий индийской истории это случается с ним довольно часто), и ему не остается ничего другого, как позвать на помощь своего друга и покровителя Вишну. Вишну принимает

земной облик и становится героем Кришной, а Индра — Аржуной, самым известным королем Махабхараты, родственником и другом Кришны. Тем самым как бы заново утверждались рыцарские традиции мудрости и красоты, столь необходимые для продолжения человеческого рода.

В руке Индра держит молнию (которая затем в других азиатских странах превратилась в скипетр). Он сидит на слоне — фольклорный символ буйной неуемной силы и памяти. Нередко Индра — также хранитель напитка или растений, дающих бессмертие, вечную молодость и мудрость.

Гаруда — птица Вишну

Вишну странствует по миру на священной птице Гаруда. Она сияет, как самое яркое пламя, поэтому, когда птица возникла, боги приняли ее вначале за бога огня Агни. Летит она со скоростью света, а крылья ее такие мощные, что она может задержать ими вращение миров. У Гаруды голова орла, для богов она похищает напиток, благодаря которому они делаются бессмертными (амрита).

Гаруда убивает змею самолюбования

Именно на Гаруде Вишну направляется на бой со злыми демонами (ашура), на ней же он развлекается с прекрасной своей супругой Лакшми, путешествуя по невообразимо бесконечным звездным мирам. Пожалуй, Гаруда — прообраз всех чудесных восточных птиц, например, птицы Симург, на которой древние короли и герои путешествовали по воздуху и объезжали небеса, чтобы справиться с труднейшими поручениями и выявить великие тайны.

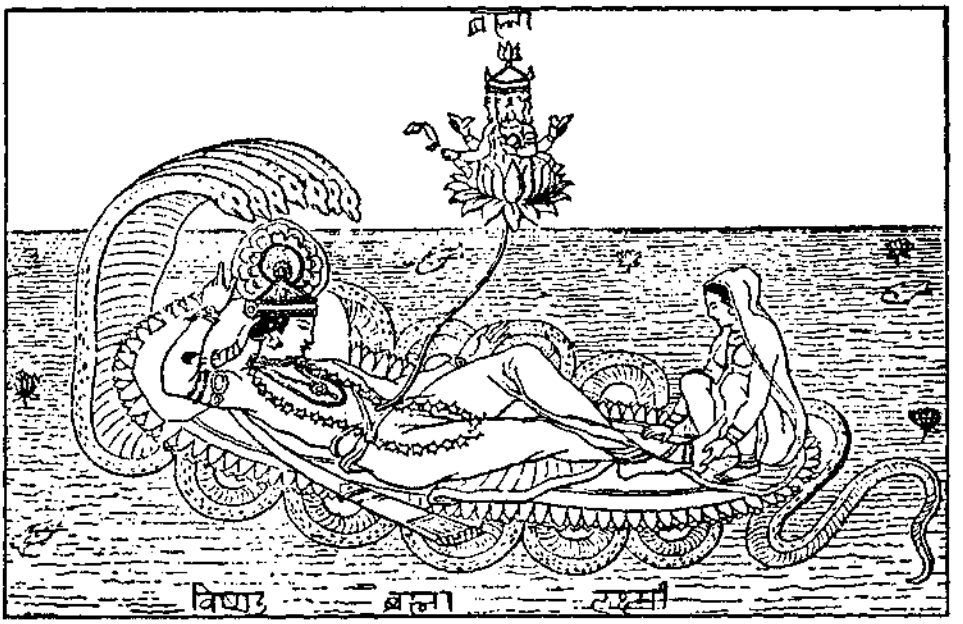
Еврейско-арабский царь Соломон в восточных сказках также путешествует на чудесной птице. В данном случае — это образ волшебника и мага, который в один миг может явить перед собой все, что происходит в мире, и понять связь между самыми отдаленными событиями.

Шаманы Северной Америки вызывают божественную громовую птицу в облике орла. Даже доктор Фауст, знаменитый волшебник немецкого народного эпоса, брал орлиные крылья, чтобы с их помощью постичь тайны мироздания.

Бесконечная змея

В отличие от других великих богов, Вишну и Лакшми не довольствуются только одним верховым животным. В их «стойле» имеется и еще одно чудище, а именно змея, не имеющая конца (ананта).

Когда завершается очередной виток мироздания и весь мир исчезает,



Вишну и Лакшми на змее

великий бог отправляется отсыпаться на первозданных водах, а ложем ему служат кольца змеи Шеша-Нага. Это загадочное существо рисуют иногда с бесчисленным количеством голов, которые означают миры. Иногда же голов «всего» семь — тогда это основные силы творения.

Змея означает вечность, космический круговорот сил и всех явлений. Гаруда — это действия Вишну, его активное вмешательство в события, «чтобы не дать сгинуть добру», уничтожить эксплуататоров и врагов людей, восстановить добро и справедливость.

Для смертного в этом видится некоторое противоречие — постоянная необходимость что-то предпринимать, с одной стороны, и неизбежность возврата событий, с другой.

Рассказывают, что Шеша и Гаруда очень ревниво относятся друг к другу, а поклонники их даже вступают друг с другом в стычки.

Вишну же нравятся обе, для него в действии и покое нет никакого противоречия, ведь он спит и нежится в состоянии, которое лежит абсолютно вне наших представлений, но и в этом состоянии его дух создает таких героев, как Рама, Кришна и Будда, они наводят порядок в мире, который грезится спящему Вишну.

Десять аватар

Бог-хранитель может принимать бесчисленное множество обликов. В сказании говорится: «Попробуй сосчитать песчинки на морском берегу, и все равно ты скорее кончишь свой

счет, чем если попытаешься исчислить количество обликов, которые принял я в путешествиях в пространстве и времени».

Так же как живущее в народе поверье, учит и Бхагавата-пурана: «Как из моря, которое нельзя вычерпать, во все стороны устремляются реки, так и тот, кто снимает все страдания и представляет собой все сущее на Земле, имеет бесконечное множество воплощений. Все провидцы, которых знает мир, все боги, все божественные законы — это все он, все — дольки от его единой сути».

Индийская традиция называет 22 важнейших облика вечного хранителя. Мы не исключаем, что тождество этого числа с количеством больших арканов в картах Тарот — отнюдь не совпадение. Чтобы оправдать именно это число, индусы называют, как правило, 10 основных превращений (маха- или юга-аватары), которые повторяются каждые 4 320 000 лет (1000 таких обращений дают 4 320 миллионов лет — один день Брахмы).

«Чтобы спасти землю, святых богов, священников и священные рукописи, чтобы обеспечить каждому существу внешнее и внутреннее совершенство, наш господин принимает образ земного существа»,— говорит Бхагатава-пуране.

Рыба-аватара

Бог-созидатель Брахма засыпает по завершении своих свершений и перед началом следующих. В этой ночи, которая длится, как мы уже говорили, 4 320 000 000 лет, его сознание дремлет, и именно в это время демон крадет веды, священные книги знания, которые нужны богу,

Рыба-аватара

чтобы заново построить мировой порядок. Тогда хранитель миров Вишну принимает образ рыбы, бросается в пучину и там побеждает демона. Когда Брахма просыпается, Вишну уже удается вернуть его книги. В популярных индийских сказаниях Вишну на картинке выскакивает из воды в виде прекрасного юноши, но нижняя часть его тела все еще находится в рыбе.

Иногда злой демон скрывается в раковине улитки, то есть представляется моллюском. Именно из раковины победитель Вишну изготовляет для себя рог — одно из четырех своих главных отличий.

Конечно же, это изображение можно толковать и в астрологическом смысле: уходящая половина года, когда «солнце спускается вниз», и на нашем небосклоне отмечена знаком

моллюска — Рака, а та половина года, когда свет и тепло прибывают, отмечена знаками Рыб, Водолея, а то и Козерога, которого иногда изображали с рыбьим хвостом. В таком случае вечное побоище противников — не что иное, как схватка между светлым и темным временем года — силами, решающим образом влияющими на жизнь на Земле.

Палеонтолог Эдгар Дакэ, находившийся под сильным влиянием теософии Блаватской-фон Хан, попытался доказать, что в великих мифах мы находим наследственно закодированные воспоминания о событиях, которые произошли миллиарды лет тому назад. В сагах он находил упоминание о существах, которые жили в те времена, когда предки человека бегали на четырех ногах, а то и вовсе плавали рыбами по мировому океану.

Дакэ приводит в качестве примера изображение из рукописи майя, которое действительно напоминает индийские мифы — из огромной скрученной раковины выглядывает существо (похожее на демона — противника Вишну). По представлениям Дакэ, такие существа действительно имели место в нашем далеком прошлом...

Битва между Вишну и чудищами морскими для индусов, которые и в наши дни приемлют образную символику своих сказаний, представляет собой отголоски событий, произошедших в далеком прошлом, тогда рыбообразные предки нынешних наземных животных покинули влажный мир раковин и вышли на медленно выраставшие из пра-океана берега будущих континентов.

Боги Передней Азии, Дагон или Оаннес, также изображаются наполовину мужчинами, наполовину рыбами — явное отображение мифов о Всемирном потопе. Существует еще один вариант, согласно которому первый человек (ману) ловит маленькую рыбку и защищает ее, а рыбка в благодарность предсказывает Всемирный потоп. Маленькая рыбка вырастает в огромную рыбину, которая впоследствии увлечет за собой суденышко рыбака в безопасную гавань, что позволит ему начать человеческий род заново, как Ною.

Черепаха-аватара

Это воплощение бога Вишну, как считают индийские мудрецы, появилось намного (миллионы или даже миллиарды лет) позднее, чем космическая рыба. В этом мифе хранитель миров выглядит как огромная чере-

Черепаха-аватара

паха. На спине она несет гору Мандару. При этом вокруг этой гигантской скалы, подобно канату, обвивается змея Вишну Ананта. За один конец змеи тянут боги (дэвы), за другой — демоны (асуры). Молочное море, что лежит у подножия горы, внезапно начинает бурлить, гора начинает вращаться, трещать и раскалываться, осколки ее и деревья падают в океан. В самом океане происходят сложнейшие алхимические процессы, в результате которых возникают вещества, которые так понадобятся человечеству в ходе его дальнейшего развития: напиток бессмертия (амрита), райское древо, корова изобилия, богиня счастья (Лакшми), небесный жеребец, феи и многое-многое другое.

Индусы и европейцы XVIII—XIX вв. находили в этом мифе подтверждение своих представлений о постепенном развитии жизни, о геологическом периоде, когда первобытное море, населенное улитками-рыбами, сменилось участками еще не очень твердой земли, на которой самым прогрессивным, с точки зрения эволюции, животным были закованные в панцирь рептилии.

Если так смотрит на эту легенду геолог, то для мистика в ней — постоянная борьба между двумя крайностями человеческого существования: дэвы отображают божественные законы и культуру, асуры (это слово индийцы охотно читают как не-суры, а-суры, то есть не-боги, «сура» — очень древнее слово, обозначающее «хмельной» или «наркотический напиток») — это создания, которые пытались понять мир не эмоционально, а умом. Любопытно отметить, что брак, в котором главную роль играет материальный элемент, в Индии называют «асурным».

Черепаха Курма очень старая, медлительная, панцирь ее со временем сделался почти совсем круглым, за время своего существования она много насмотрелась и убедилась, что все в мире повторяется — философия индусов уже со времени существования героического эпоса со скепсисом относится к идее исторического прогресса, она видит, что культура постоянно колеблется, как маятник, между различными способами видения мира и что всякий раз заново разгорается борьба между дэвами и асурами (как не вспомнить борьбу богов и титанов в греческом, германском, кельтском эпосе).

Вепрь-аватара

В этом мифе также трудно не распознать напоминаний о пра-истории Земли, ведь в нем она также погружается в океан. Тогда Вишну принимает образ знаменитого мощного болотного зверя вепря, который клыками поднимает землю из пучины. Только после этого возникли те семь частей света, которые существует и по сей день.

Лев как воплощение Вишну

В этой истории власть над миром захватил страшный царь демонов. Он преследует своего благочестивого сына, который верит в божественное, то есть в Вишну. Великая трудность заключается в том, что асура нельзя убить ни днем ни ночью, ни в его замке, ни за его стенами, это не может сделать ни человек, ни зверь. Вишну принимает облик существа, которого,

Вепрь-аватара

Лев-аватара

собственно говоря, не существует. В виде человека-льва (нарасинха) он появляется в сумерках из колонны, которая находится не внутри замка демона, но и не снаружи его.

Это воплощение бога находило особенно много сторонников среди рыцарей и царей: человек-лев означает мужество, веру в Вишну — хранителя мирового порядка, нахождение выхода из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

Вишну-лев — олицетворение гордости, чести, мужества, силы в лучших значениях этого слова. Отсюда и культ льва среди народов Азии, Малой Азии, а затем и Европы.

Карлик как воплощение Вишну

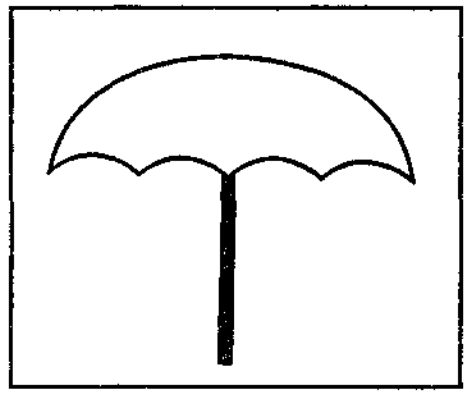
Если четыре первых воплощения Вишну относятся, как правило, к древнейшим временам, то его человеческие образы, скорее, более позднего происхождения.

Властитель демонов распространил свою власть над землей, небом и подземельем (три мира!). Он старается все время упражняться в своих искусствах и приумножить их, и вот как-то в такой момент к ним приходит Вишну в виде маленького карлика и просит у него кусочек земли — всего-то размером в три шага. Когда страшный асур идет на эту сделку, Вишну принимает свой нормальный, то есть космически гигантский, вид и в три шага покрывает всю Вселенную, которая отныне и на все времена принадлежит богам.

Мистики видят в этом идею тождественности между подземельем (адом), миром людей и божественными небесами, которые являются на

Карлик-аватара

На картах с аватарами-животными рисуют рыбу, черепаху, вепря, кошку, но когда дело доходит до карлика, то обычно оказывается достаточно символизирующего его круглого зонтика, который карлик обычно держит в руке на храмовых изображениях.



Зонт — азиатский символ господства

деле всего лишь различными возможностями взглянуть на одно и то же. Карлик может тремя маленькими шажками объять все эти царства. Это значит, что, стоит настроить себя — и, не сходя с места, можно увидеть весь окружающий тебя мир как место шабаша демонов, как бесконечную борьбу хорошего с дурным и, наконец, как авансцену, на которой боги утверждают свой порядок.

Индийские карты с картинками, которые часто сравнивают с картами Тарот, изображают десять аватар. При этом в Индии не считается, что это — профанация мифологии. Даже если игрок, захваченный страстью игры, вовсе не думает о символах, все равно в подсознании он отмечает символические детали, поэтому и во время игры творит угодное богам дело.

Индийские священники — брамины — нередко носят зонтик как знак своей власти (как и сосуд с водой, ведь и Вишну в этой аватаре держит сосуд). Но ведь это — и символ карлика (гнома) под грибом. Все шаманы в Европе и Азии пытаются отыскать магическую силу в священных грибах, да и в европейских сказках гномы в качестве зонтиков часто держат над головой грибы.

Карлик-божество, который тремя шагами пробегает всю Вселенную, соответствует мальчику с пальчик из наших сказок, который нашел «семимильные сапоги» и побеждает всех злодеев.

Таким образом, перед нами предстает картинка из древнейшего времени, когда правили шаманы, когда

человек постигал опасное искусство экстаза и мистических представлений и когда он вдруг чувствовал себя, хотя сам был невелик и немощен, куда более могущественным, чем дикая окружающая природа.

Рама с топором (Рама-аватара)

Если в тех аватарах, о которых шла речь, говорилось о возникновении земли, жизни, первочеловека, то в шестом воплощении Вишну рассматривается создание божественного порядка.

Рама с топором

Дворяне, рыцари (кшатри) становятся заносчивыми, хотят прогнать священников и даже свергнуть богов с небес. Приходится вмешаться Раме, и он убивает высокомерных дворян своим знаменитым топором — он похож на дровосека, который рубит стволы дворянских деревьев. Впрочем, полностью их уничтожить он не собирается, ведь в этом случае исчезли бы дворянские представления о защите слабых и бедных, благородство и хорошие манеры. Поэтому Рама вливает новые силы в потомков дворянских родов и обновляет их касту.

По индийскому мифу, Рама 21 раз уничтожает дворянские роды. В этой борьбе усматривают бесконечный процесс — рыцари деградируют, если они перестают понимать задачу как установление божественного порядка. Но, стоит им снова начать выполнять предначертанную им функцию, рыцари вновь находят подобающее им на иерархической лестнице место, и даже мистический топор Рамы не может их полностью искоренить.

Рама

Есть Рама с топором, есть и другой Рама. Чтобы отличить его от предшественника, другого Раму — седьмую аватару — изображают с его любимым оружием — стрелой (бана) и луком (дхану). Иногда появляется и верный союзник Рамы обезьяна (капи), недаром в мифах о Раме неизменно появляется и царь обезьян Хануман.

Если первый Рама озабочен созданием порядка в мире, основанного на космических представлениях, второй Рама отстаивает достоинство брака как выражения вечной связи между мужем и женой. Даже и в наши дни, когда индусы говорят о том, что хотят счастья и добра для своего народа, они говорят «рама раджа» (государство Рамы).

Рама с обезьяной

Враг человеческой культуры — повелитель демонов Равана — крадет у Рамы его супругу Зиту (конечно же, это не что иное, как воплощение великой богини счастья Лакшми). Вишну в образе величайшего из героев — Кришны — штурмом берет крепость князя асуров. Важнейшие легенды индийского эпоса рассказывают о невероятных приключениях, которые пережил при этом Кришна.

Хануман рассказывает Раме и Зите о своих приключениях

Хануман вместе со своими обезьянами строит мост между Цейлоном и Индией

Главным его союзником является человек-обезьяна Хануман. «Когда я забываю, кто я есть, это — я, — говорит Хануман Раме-Вишну. — Когда же я вспоминаю, кто я есть, то это — ты».

Нередко в Ханумане видят символ человеческого существа, в котором еще много от зверя, но который, познав божественное в любви, дружбе и верности, сам становится Рамой, воплощением Вишну — земным выражением высочайшей идеи творения.

Кришна

Восьмое воплощение бога Вишну относится ко времени, непосредственно предшествующему эпохе калиюги,

Кришна-аватара

то есть к четвертому тысячелетию до начала христианского летоисчисления. На индийских игральных картах для этой аватары часто используют изображение быка или коровы. В этом усматривают переход обитателей Индустана к скотоводству (так же как лук и стрела Рамы — отображение того времени, когда люди были в основном охотниками). Приверженцы астрологических подходов видят в этом подтверждение своих подсчетов, согласно которым третье-четвертое дохристианское тысячелетие было эпохой Тельца.

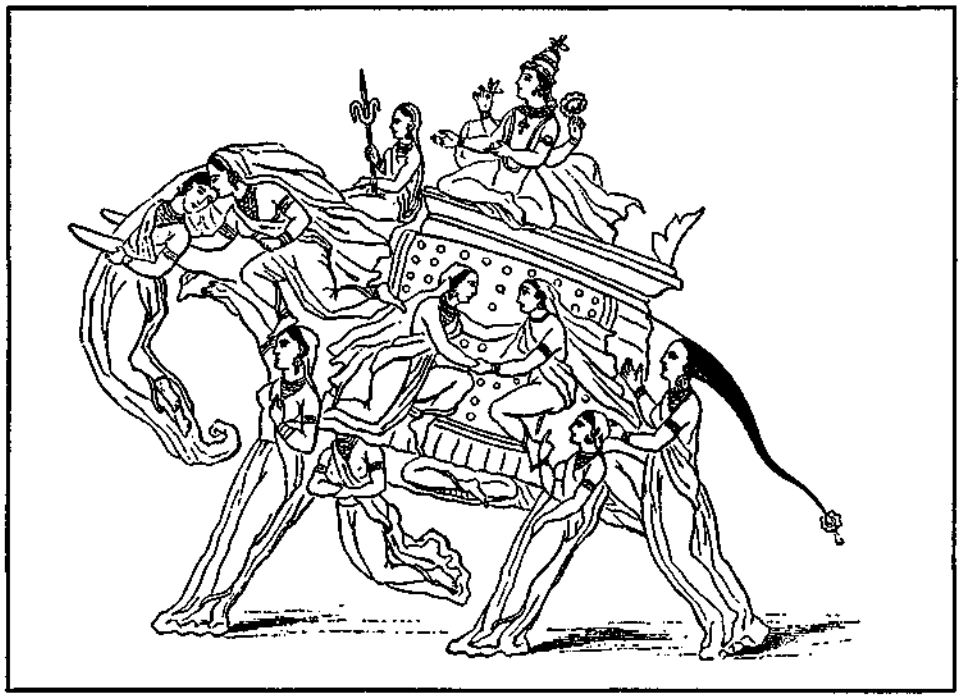
Еще один символ на картах — это диск (чакра) Вишну. Чакра — круг — может означать единение людей, общину. Кришна, который во всех мифах предстает перед нами красавцем с добродушным нравом, создает, куда бы он ни пришел, сообщество жизнерадостных и веселых людей.

Время, когда родился Кришна, внешне характеризовалось предельным выражением самолюбования, властью и роскошью. На самом же деле это была эпоха отвратительной деградации. Непобедимым народом йадава правит жестокий властелин Камса, что родился от связи матери с одним асуром. Камса покоряет мир, всюду преследуя людей, помнящих и верящих в традиции, при нем женщины лишаются подобающего им уважения. Камса впервые в индийской истории повелел забивать коров на мясо. Он пытается искоренить во всем подвластном ему государстве любое упоминание о богах тримурти, прежде всего о Вишну-хранителе.

Потомки благородных родов, которые не хотят принимать участия в безбожных пирушках господина, спасаются бегством и находят себе убежище в отдаленных пастушьих хижинах, у людей, среди которых не угасла еще наивная и чистая вера и связь с природой. Васудева и его супруга Деваки — потомки старинного царского рода — рожают сына Кришну и скрывают его среди пастухов.

Асурские советники Камсы пророчествуют, что должен быть рожден мальчик, который станет его погибелью, поэтому он отдал приказ убивать всех мальчиков, которые родятся в его стране, чтобы покончить и с принцем Кришной. Заодно он задумал изничтожить руками своих подручных и всех пастухов, которые живут по старым обычаям.

Однако божественным промыслом Кришна постоянно спасается, ребенком и юношей он проводит время в счастливых любовных играх (криш-



Кришна, которого несут гопи

наиты и по сей день считают, что это — символ самого блаженного состояния человека) с прекрасной пастушкой Радхой и ее подружками-пастушками. Его замечательная игра на флейте — символ гармонии всех живых существ. Стоит Кришне поднести флейту к губам, как и хищники и травоядные ложатся к его ногам и внимают чудесным мелодиям. (Невозможно предположить, чтобы иранское или европейское искусство обошлось без прямых, либо опосредованных аллюзий с этим мифом. Достаточно вспомнить хотя бы античные истории о божественном музыканте Орфее, о любви с раннего детства Дафниса и Хлои, о романтиках пастушества в Провансе и Бургундии, о мотивах барокко и рококо, да, наконец, и о «Волшебной флейте» Моцарта, в которой явно слышится влияние Востока).

Впоследствии Кришна свергнет жестокого Камсу, сам станет царем и придаст новый блеск культу Вишну. Подобно всем дальнейшим сказочным принцам (он их прообраз), Кришна будет победоносно странствовать по свету и освобождать прекрасных принцесс из-под власти свирепых асуров.

Будда-аватара

Если большинство воплощений Вишну имели место в бесконечно далеко отстоящие от нас эпохи, то Кришна считается «вполне возможным реальным историческим персо-

Кришна-дитя

нажем», воином из времен, когда предки нынешних индусов были еще пастухами. И уж абсолютно однозначно исторической фигурой является Будда, который родился примерно за полтысячелетия до начала христианской эры.

Кришна-божественный пастух

Будда-аватара

Приверженцы Будды незадолго до появления Христа достигли территорий Средиземного моря, Египта, Малой Азии, да и сейчас буддистские секты можно встретить на всем пространстве от Цейлона на юге до Монголии на севере, от Калмыкии на западе до Японии на востоке через Тибет и Китай.

Кришна провел детство среди простых людей и, став затем повелителем, привнес новое жизнеутверждающее содержание в царские дворы, деградировавшие под влиянием безбожного учения асуров. Будда, напротив, был сыном царя, индийские и другие буддистские источники не устают превозносить его красоту, богатство, превосходство в любых видах боевых спортивных состязаний, его глубокие познания в математике и других науках, красоту и статность

его жен. Но Будда не хочет пользоваться радостями жизни, если на свете есть униженные и оскорбленные, он покидает свой роскошный двор, блеск которого он считает лицемерным и обманным, и удаляется в пустыню, чтобы найти в одиночестве путь к освобождению от всех уз материального мира.

На индийских игральных картах знаком этой аватары является цветок лотоса — символ творения и познания закономерностей, истинной сути. Иногда можно встретить также изображение головы просветленного принца — некоторые видят здесь указание на то, что у приверженцев Будды его философское учение считается наивысшим пределом духовного развития человека.

Астрологи указывают на то, что Будда-аватара появился в эпоху Овна, а Овену, по представлениям как индийских, так и европейских астрологов, из всех частей тела больше всего подвластна голова.

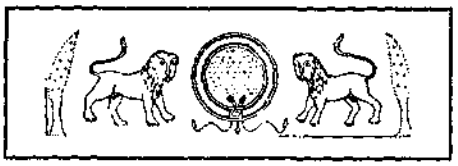
Белая лошадь-аватара

Калки-аватара

После девятой аватары Будды для индусов существуют еще так называемые «частичные» аватары: воспоминания о Раме, Кришне и Будде все еще живы в мире, они вдохновляют людей на подражания, вновь возбуждают божественный дух. Здесь речь идет как о небольших островках, которые отпочковались от континентов великих культур, так и о довольно мощном и широком религиозном течении кали-йуга —поклонении материи и демонам показного богатства и власти. Приверженцы этого культа нахальны и агрессивны, высокомерны и заносчивы. Они отвергают брак, признавая лишь кратковременные чувственные связи. Государи понимают свою власть не как умение руководить своими народами, а как источник максимальной прибыли. Священники (брахманы) только именуются приближенными к богу лицами, на самом деле они малообразованы и вся их «работа» заключается в том, чтобы польстить быстро меняющимся на троне государям и черни. Все достижения культуры, образования, красоты человеческих обычаев пренебрегаются и растаптываются.

Но на белом коне (калки) Вишну прогонит захвативших власть асуров и вновь восстановит благородные ценности истинной мудрости и человеческих достоинств, начнется новая эпоха (махаюга) и новый круг аватар.

На игральных картах в качестве символа десятой (последней) аватары мы видим коня и огненный меч Вишну. И то и другое — символы активной действенной мужской созидающей новый мир силы бога.



Иллюстрации

Die Abbildungen zu dem Teil „Indische Symbole" wurden folgenden Büchern entnommen: M. Göll: Illustrierte Mythologie, 1878 / Dr. Vollmer's Wörterbuch der Mythologie aller Völker, Stuttgart 1874 / Systematische Bilder-Galerie, Freiburg 1825/27 / Paul Carus: The History of the Devil, 1900.

Литература

Arya, Pondichery 1914–1921

Bhagavata Purana, Hrsg. E. Burnouf, Paris 1840–1898

G. Bühler, The Laws of Manu, Oxford 1886

G. Bühler, The Sacred Laws of the Aryas, Neudruck, Delhi 1969

F. Creuzer, Symbolik und Mythologie der alten Völker, Leipzig 1810 – 1812

E. Dacqué, Urwelt, Sage und Menschheit, München 1924

A. Danielou, Le pantheisme hindou, Paris 1975

M. Eliade, Le Yoga . . ., Paris 1954

J. Goerres, Mythengeschichte der asiatischen Welt, Heidelberg 1810

S. Golowin, Hexen, Hippies, Rosenkreuzer, 500 Jahre magische Morgenlandfahrt, Hamburg 1977

H. v. Glasenapp, Indische Geisteswelt, Wiesbaden o. J.

S. Gupta, Lakshmi Tantra, Leiden 1972

J. Herbert, Ganesha, Lyon 1946

Harivamsa, Hrsg. S. A. Langlois, London 1834 – 1835

J. Herbert, Narada, Lyon 1955

W. D. P. Hell, The Holy Lake of the Acts of Rama, London 1952
J. Herbert, Le yoga de lamour, La geste de Krishna, Paris 1973
H. Jakobi, Das Ramayana, Bonn 1893
J. Jolly, The Institutes of Vishnu, Neudruck, Delhi 1965
A. Kircher, China monumentis..., Amsterdam 1967
W. Kirfel, Die Kosmographie der Inder, Hildesheim 1967
E. Lamarisse, Le Prem sagar, Paris o.J.
Markan deya Purana, Hrsg. F. E. Pagiter, Calcutta 1888–1904
S. Mazumdar, Ramayana, Calcutta 1958
L. v. Schroeder, Indiens Literatur..., Leipzig 1887
M. L. Sen, Lord Sreekrishna, Calcutta 1954
The Siva-Purana, Delhi 1970
Vamana Purana, Hrsg. A. S. Gupta, Varansi 1968
V. G. Vitsaxis, Hindu Epics, Myths and Legends in Popular Illustrations, Delhi 1977
H. H. Wilson, The Vishnu Purana, London 1840
H. Zimmer, Indisches Leben, Berlin 1879

Индейские символы

Индейцы

Первые картинки из жизни индейцев, с которыми мы познакомились по книжкам, были, как мы теперь знаем, насквозь фальшивыми. Можно сказать, что они представляли собой скорее проекцию европейской мечты, чем подлинную индейскую реальность. И все же осталось какое-то общее впечатление, которое уже никогда не покинет нас, представление о жизни на природе и в тесной связи с ней, простые и честные отношения между людьми, гордость и достоинство. Возможно, что эти впечатления возникли именно в умах европейцев как отражение их мечты, неудовлетворенности тем обществом, в котором они жили. Это была мечта об альтернативе, желанная, хотя и недоступная.

То, что мы позднее узнали об индейцах, было уже ближе к реальности, хотя и оставалось еще иллюзией. В ситуации, когда мыслящему человеку стало ясно, что наша цивилизация идет по гибельному пути, что она теряет связь со своим прошлым, что она задыхается, закованная в бетон и бюрократию, и уже не хочет думать о будущем, мы искали ответ в философии индейцев. Индейская философия — это мировоззрение общины, в которой человек воспринимает себя как часть окружающего мира и, следовательно, не противопоставляет себя природе (которую нужно подчинить себе!), но чувствует родство с ней: мать Земля, отец Солнце, бабушка Луна, кукуруза, паук, река — все это живые, «одухотворенные» существа, которые нужно уважать и ни в коем случае не разрушать, чтобы не нарушить равновесие целого (универсума) и тем самым не разрушить самого себя. Это общинная культура с обозримыми социальными структурами, где власть не означает господства, в которой есть место и мужчинам, и женщинам, и старым, и молодым. У каждого своя функция, и каждый нужен общине. Пусть это общество — не рай, в нем имеют место и нападения, и войны, но в нем нет тюрем и домов для сумасшедших, здесь не бьют детей, здесь продумывают последствия политических решений вперед до седьмого колена.

Сегодня этот мир индейцев совсем иной. Для них самих — это уже не то, что должно быть снова отвоевано.

Это ушедшее индейское общество мы не можем принять целиком, но находим в нем для себя интересные решения. Мы учимся у них. «Как знать, может быть, мы все-таки братья и сестры, давайте проверим»,— говорит бургомистр города Сиэттла.

Земля — Вселенная — Маниту

Майя представляли Вселенную в виде четырех точек, колец, окружностей или шаров, которые распределяются по сторонам квадрата вокруг пятой точки, кольца, окружности или шара, занимающего середину (рис. 1). Более того, это —

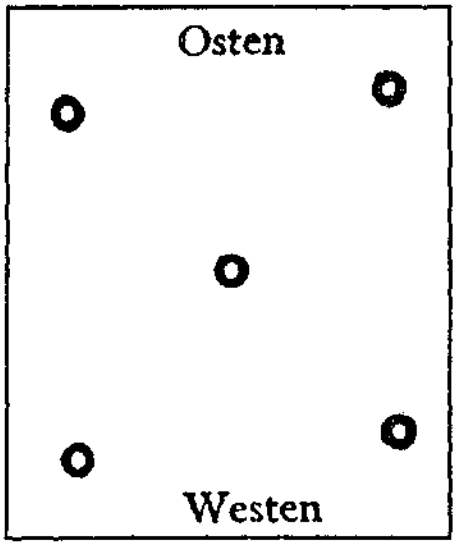


Рис. 1

не только изображение, это и есть сама Вселенная.

Каждое отдельное кольцо символизирует солнце. Четыре бога по углам мира объединяются в центре, да и они сами — не что иное, как отделенные части центрального божества.

Попол-ву, священная книга кичемайя, утверждает: «Как указали Тсакол, Битол, Алом и Кайалом, так и было создано все на земле и в небесах, так и было все собрано и разделено на четыре части, и было измерено небо и протянули мерную нить от неба до земли, и растянули ее на четыре угла. И когда протянули все линии и параллели неба и земли, то и свершилось все, и было все хорошо измерено и четырехугольно».

По представлениям современных хорти-майя, четыре угла космического квадрата соответствуют внешним точкам видимого горизонта, по которым держит свой путь солнце по

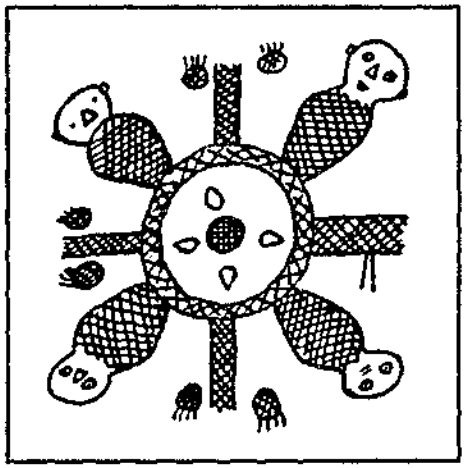


Рис. 2

небу в течение года. Это — точки солнцестояния и главные сферы (восток, запад, север, юг) пересечения космического креста со сторонами квадрата.

Для индейцев оджибва в Миннесоте земной круг выглядел при создании мира как показано на рисунке 2, для индейцев хопи в Аризоне — как

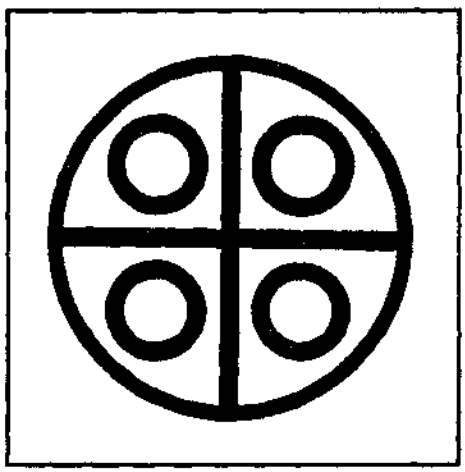


Рис. 3

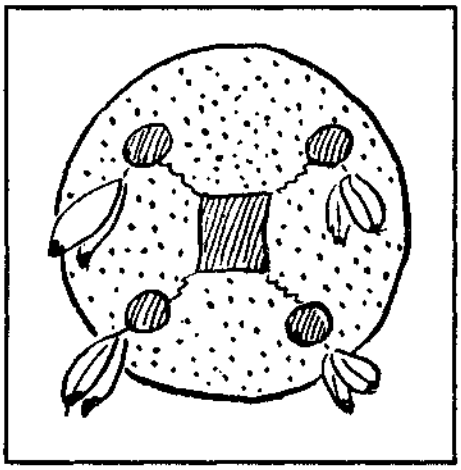


Рис. 4

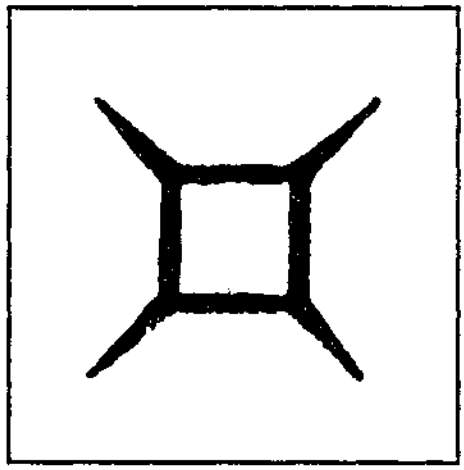


Рис. 6

на рисунке 3: «Четыре нации, четыре расы существуют в мире и держат его в равновесии».

На щите индейцев дакота (рис. 4) мы видим четырехугольную землю, подвешенную на четырех основных точках на фоне синего неба, с которого свешиваются перья.

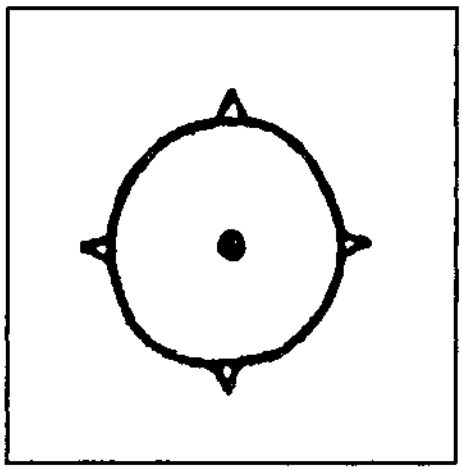


Рис. 5

Тахуантинсуйя — мир четырех сторон света инков — поделен на четыре области, или суйя. Они отходят от куско — пупа мира — на северо-восток (антисуйя), северо-запад (шинчасуйя), юго-запад (кунтисуйя) и юго-восток (колласуйя). Также разделена и столица Куско.

В представлении индейцев ленапе-алгонкин в Оклахоме и Канаде изображение земли с четырьмя кончиками (рис. 5) — это одновременно и образ верховного божества, первого существа, появившегося на земле. Квадрат с четырьмя отростками (рис. 6) означает для индейцев сиу Землю и дующие с четырех направлений ветры. Верховный бог (Маниту), Вселенная и Земля в представлении индейцев легко общаются и созвучны друг другу.

Хорти-майя устанавливают на алтарь в центр образованного четырьмя жертвенными чашами квадрата большой, увитый зелеными листьями крест. На полу храма ножками алтаря — «земного стола» — служат четыре (по возможности) идеально круг-

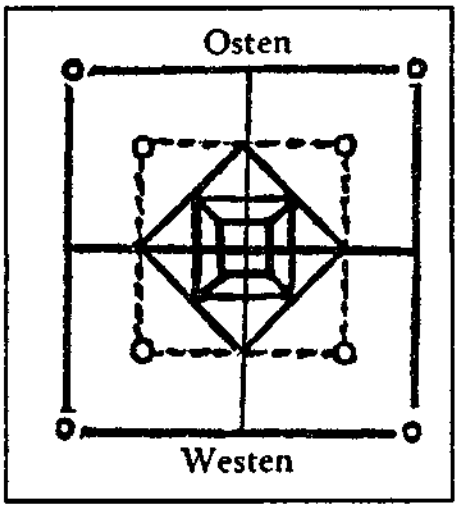


Рис. 7

лых камня. Священнослужители храма поясняют, что это делается для того, чтобы обозначить космический квадрат — магический пояс, преграду, которая служит для защиты алтаря и божка. Ту же самую защитную функцию имеют и четыре деревянных креста, установленные на четырех воротах — выездах из деревни — и украшенные цветами и пестрыми бумажными ленточками. Эти выезды соответствуют четырем дорогам, которые отходят от центра на четыре стороны света.

Существует еще один воображаемый квадрат; он включает в себя всю территорию, на которой живет племя. Этот квадрат помечают четырьмя пограничными крестами, составленными из положенных друг на друга камней. Это — и примерные границы территории и, одновременно, четыре стороны света (рис. 7).

Если представить себе пол храма, соединенный воображаемой линией с алтарем, мы получим основание пирамиды, вершина которой будет указывать на божка. Алтарь становится пирамидой, которая покоится своим основанием на земле. Если спроецировать составленную из концентрических квадратов схему вверх, по вертикали, мы получим гигантскую ступенчатую пирамиду — символ всей Вселенной, которая для индейца ограничивается его собственным миром, территорией, на которой он живет. Каждая часть, каждая ступень пирамиды — символ магического барьера, защищающего божка от недобрых сил.

Скала — гора — пирамида

В мифологии племени омаха-сиу ветры, что дуют со всех направлений — с востока, запада, севера и юга — сдувают воду с пра-скалы — центра Вселенной — и оголяют лежащий под ней камень. Поэтому, когда сиу думают, как бы им отобразить середину, им прежде всего представляется образ скалы. Камень — олицетворение долговременной прочности, изначального и самого древнего, символ начала начал. Каменный обелиск стоит в центре, на деревенской площади, разрывая своей вертикальной устремленностью плоскую равнину прерии. Здесь можно совершать жертвоприношения и оставлять дары прорицателям.

В древнейшие времена во многих районах Мексики на горных вершинах были заложены культовые сооружения. Позднее же на искусственных насыпных холмах, представлявших собой ступенчатые пирамиды, начали строить храмы (рис. 8).

Для европейца небо — это свод,

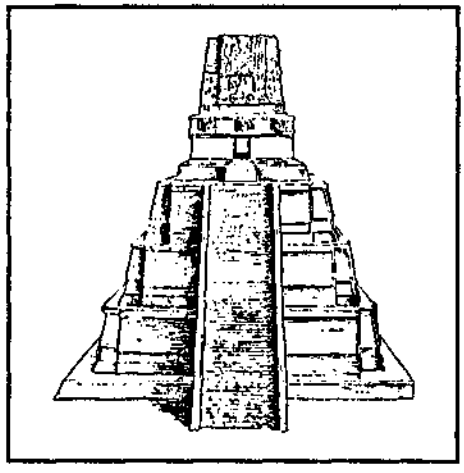


Рис. 8

купол, но для других народов небо — это гора, на которую в первой половине дня солнце взбирается вверх, а во второй — спускается с нее. Только склоны этой горы напоминают ступени. Поэтому для многих народов Центральной Америки «искусственная гора» — ступенчатая пирамида — символ неба. Древние майя и современные гуичолы устанавливали в храмах к некоторым праздникам миниатюрные пирамиды из дерева, изображая «солнечную лестницу» (рис. 9), а главную пирамиду — Теночтитлан — идентифицировали со «змеиной горой» («коатепль»), на которой когда-то родился юный бог солнца Уицилопочтли, восвавший с луной и звездами.

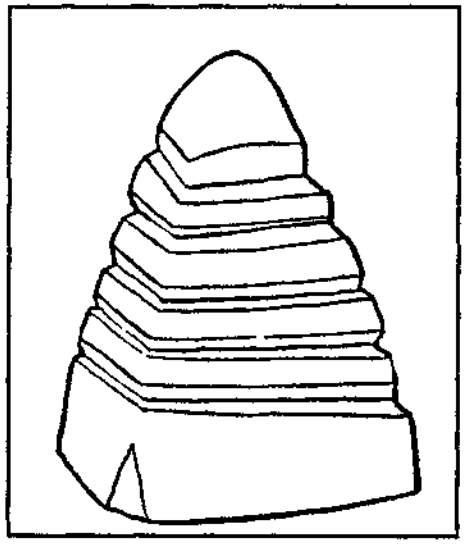


Рис. 9

Дерево — столб — крест

Согласно индейским преданиям, в центре мира находится огромная гора, и на ней, как рассказывают индейцы оглала-сиу, стоял Черный Олень и обозревал оттуда весь земной круг, священное кольцо, внутри которого жил его народ. Здесь же росло цветущее дерево. Это было замечательное дерево. Вначале оно представляло собой только палочку красного цвета, но она оказалась невероятно

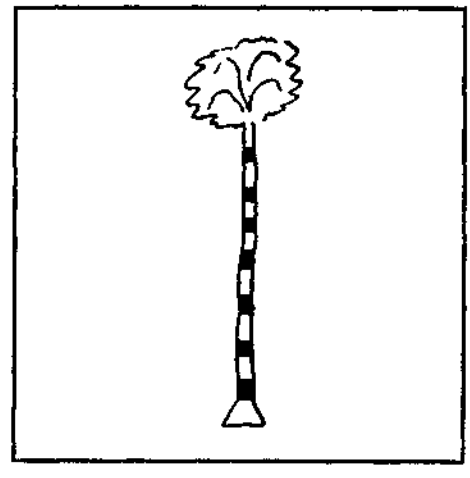


Рис. 10

живучей и плодоносящей. Палочка превратилась в могучее дерево с бесчисленными побегами, так что под его ветвями могли разместиться все племена человеческие. Это дерево-мир Черный Олень получил в подарок от «дедов четырех сторон света, от Верха и Низа», он воткнул блестящий цветущий отросток так, чтобы четыре табуна лошадей, светившихся четырьмя сияющими цветами, расположились вокруг волшебного побега. И он поднялся вверх, раскинул ветви и превратился в исполинское дерево, непрестанно говорящее своей неумолчной листвой и поющее мириадами населяющих его птиц.

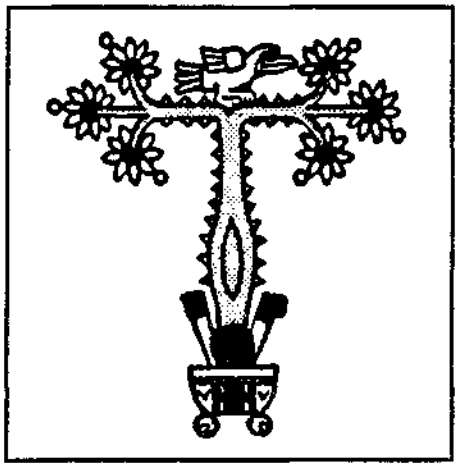


Рис. 11

У индейцев омаха существует ритуал, в котором они рубят хлопковое дерево, срывают с него листья и кору и несут в становище. Там двое мужчин раскрашивают дерево чередующимися красными и черными кольцами, что следует понимать как день и ночь, как небо и землю, как покой и развитие (рис. 10). После этого они устанавливают его в центре становища.

Это — сейба, священное хлопковое дерево майя, которое с незапамятных времен было центром деревенской площади, здесь проходили ярмарки, устраивались ритуальные танцы и народные увеселения. Это дерево — Первое дерево мира, прародитель Вселенной и человека — имеет более чем тысячелетнюю традицию и божественное предназначение так же, как и каменные сооружения.

Индейцы хорти отмечали свои ритуалы перед деревом-крестом. Это был крест, увитый листьями, — намек на первородное дерево, которое после жертвы богам чудесным обра-

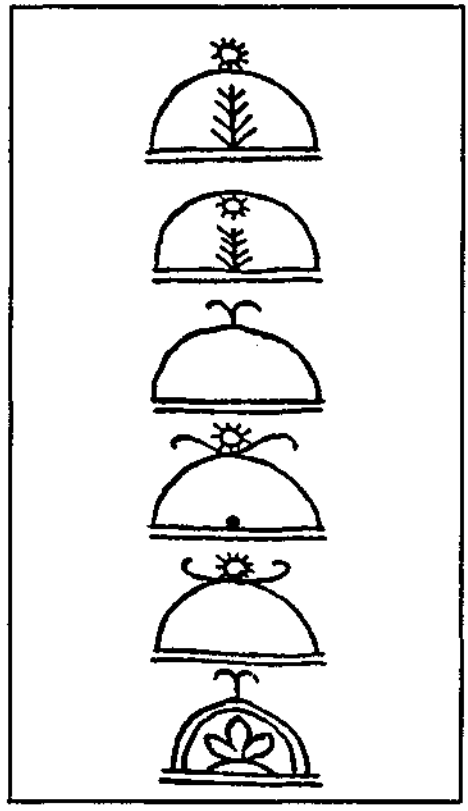


Рис. 12

зом украсилось листвой и плодами. Это дерево хорти называют также «благословенным» или «милосердным» столбом, ведь он обладает такой же чудодейственной силой, что и прадерево, — он вызывает дождь, он заставляет растения развиваться, он — символ плодородия природы и женщин.

Подобное же дерево жизни мы находим в Мексике. На рисунке 11 мы видим крестовидную сейбу, с ветвей которой свешиваются шесть цветков, по три с каждой стороны. А на самой верхушке дерева сидит птица.

Ирокезы считают, что на твердой, невидимой (она обращена в сторону от них) поверхности земного свода живут онгве — прообраз всех земных существ. Там, наверху, нет ни солнца ни луны, но онгве не живут в темноте — свет им дает «пламенное дерево» и его цветы. «Пламенное дерево» существует не только для онгве, оно прорастает и в нижний мир могучим вязом или сосной. На индейских вышивках мы видим это дерево в центре небесного купола. Иногда дерево изображено весьма реалистично, иногда просто намечено как трилистник, но оно всегда делит пополам основание Космоса. С высоты на дерево светит солнце.

На других вышивках можно видеть светящееся небесное дерево, стоящее на дуге горизонта. Иногда в

Рис. 13

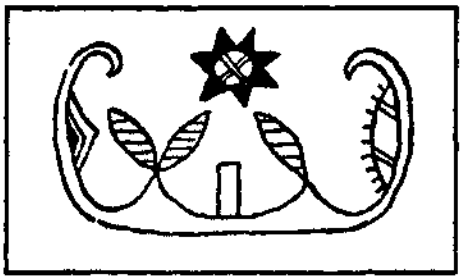


Рис. 14

ветвях его запуталось солнце. И наконец, можно увидеть в одном сюжете оба варианта — явное свидетельство того, что онгве из верхнего мира объединились с людьми из нижнего (рис. 12).

У многих племен на северо-востоке Соединенных Штатов и Канады обращает на себя внимание мотив сдвоенной кривой, оба конца которой загнуты внутрь. Из этой кривой вырастает дерево. Иногда оно помечено просто абстрактной линией, иногда достаточно четко обозначено листьями. Дерево расположено на одинаковом расстоянии от обоих концов кривой (рис. 13).

А вот интерпретация сходного рисунка (рис. 14), данная индейцем племени пеноб-скот-алгонкинов. Это вигвам посредине долины, что лежит между лесистыми холмами. Сверху — солнце, слева и справа — день и ночь.

Солнце — Луна

Религия ацтеков вся посвящена солнцу и ставит дневное светило в центре всего мироздания. Изображение солнца — доминирующий мотив искусства ацтеков. Солнце изображается как круглый диск, края которого образуют стилизованные перья,

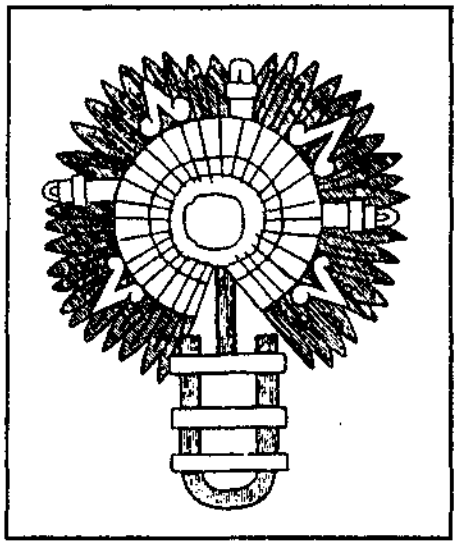


Рис. 15

лучи, а также части иероглифа, обозначающего понятие «драгоценный камень».

На рисунке 15 мы видим золотое солнце с центральным кругом из перьев птицы кецаля. Это реликвия, добытая в бою испанцами.

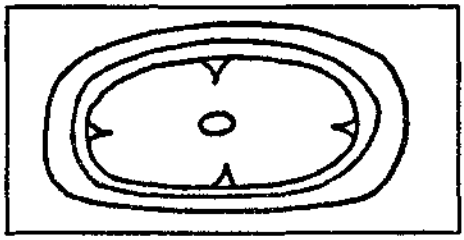


Рис. 17

Разделение на четыре либо восемь частей по солнечным или кардинальным точкам, которое можно видеть и на многих других изображениях солнца, например на фризе храма в столице тотонаков Кемпоаллан (рис. 16), указывает на то, что в представлениях индейцев солнце, как и Земля и вся Вселенная, совмещаются и совпадают с верховным божеством.

«Кин» — иероглиф майя, обозначающий отрезок времени длиною в день, упрощенно стилизует солнце (рис. 17).

Любопытно отметить, что у индейцев гопи символом солнца выступает скунс (рис. 18), потому что его запах настолько же всепроникающ,

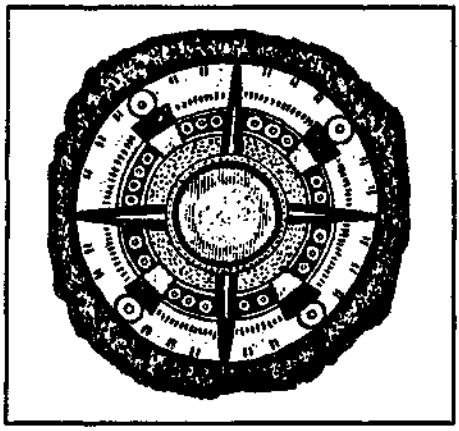


Рис. 16

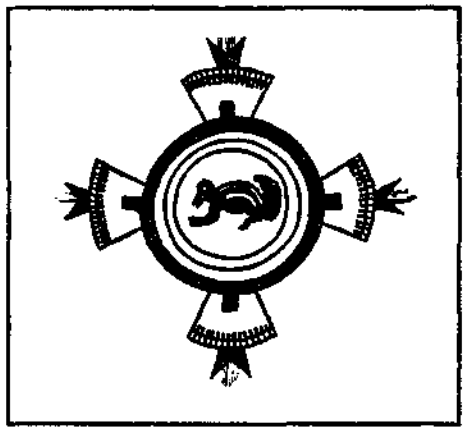


Рис. 18

как лучи солнца, которые расходятся по всему миру чтобы дать жизнь всем существам — растениям, животным, людям. Та же идея отражена в рисунке на спине скунса — «тувоттаот» («солнечный щит»). Скунс держит в передних лапах щипцы, которые в ритуальной церемонии используются, чтобы перенести тлеющие угли в четыре священные пещеры, где возжигают четыре священных огня. Эти четыре огня представлены небольшими отростками на краю вишнево-красного кольца — еще одного символа солнца. Внутри этого кольца изображено кольцо оранжевого цвета. Это — дарящее жизнь тепло, в то время как внутреннее белое кольцо — нестерпимый блеск и испепеляющая жара солнца. Орлиные перья, которые отходят от четырех огней и указывают на четыре стороны света, символизируют великое значение этой церемонии — от нее на все четыре стороны простираются лучи солнца, порождающие четыре огня.

Легенда рассказывает: однажды юный герой племени наскапи, живущего на полуострове Лабрадор, которого звали Чикапи, залез на дерево. Стоило ему дунуть на тоненький ствол, как дерево начало расти так, что наконец стало задевать кроной небо. Тогда Чикапи слез с дерева и нашел прелестную тропинку, по которой солнце каждый день путешествовало по небу. Чикапи сильно удивился и затаился в засаде. Вскоре появилось солнце и сказало Чикапи: «Ну-ка, уберись с моей тропинки!». Чикапи ответил: «А ты перелезь через меня!» Солнце отнекивалось, но в конце концов перелезло через Чикапи, при этом сожгло его одеяло, сделанное из шкуры карибу. Чикапи рассердился и поставил силки, куда солнце и попалось на следующий день. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы выбраться из тенет. Оно отбрасывало при этом во все стороны лучи и тени, то есть день сменялся ночью. Чикапи решил помочь солнцу и послал мышь, которая быстро перегрызла веревки.

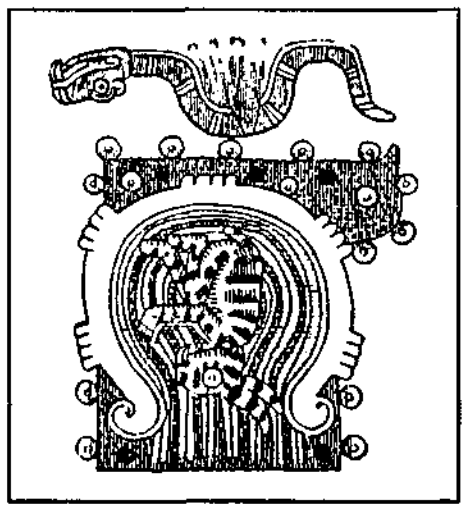


Рис. 19

В другой легенде рассказывается, как Чикапи берет верх над луной. Согласно мифу, раньше не было ночи, и солнце всегда стояло над горизонтом. Только после вмешательства Чикапи день стал чередоваться с ночью. По представлениям индейцев, Солнце и Луна — одно и то же светило, только люди видят его с разных сторон. Оба они образуют солнце, только оно, в свою очередь, бывает дневным и ночным, причем луна — это и есть «ночное» солнце.

Если Солнце — это огонь, то Луна — это вода.

Ацтеки рисовали луну в виде полумесяца, сделанного из кости и за-

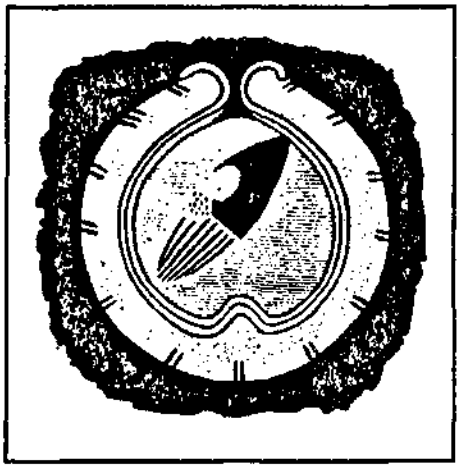


Рис. 20

полненного водой. Внутри полумесяца сидел кролик — ацтекам казалось, что лунные пятна напоминают фигуру кролика. Змея на рисунке 19 подчеркивает эту связь с водой и с птицей Кецалькоатль.

На фризе в храме Кемтоаллан вместо кролика изображен каменный нож, окруженный водой в лунной чаше (рис. 20).

Иероглиф майя, снова в простейшей стилизованной форме, изображает лунный полумесяц (рис. 21).

На щите племени дакота мы видим под лунным серпом всадника, окруженного четырьмя отстоящими друг от друга на равные расстояния

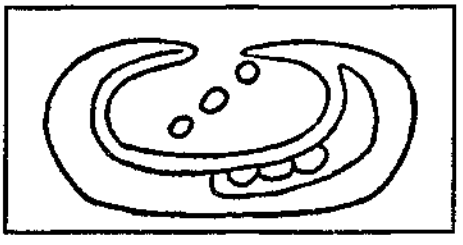


Рис. 21

Рис. 22

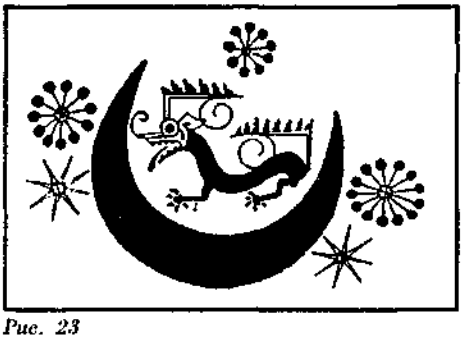


Рис. 23

кольцами (рис. 22), а на вазе племени мохича, которое населяло Перу до инков — хищника в полумесяце (рис. 23). Мохича, похоже, вообще отдавали предпочтение лунному богу, он то изображен в виде земного повелителя, которого несут на носилках, то в виде кормчего на сплетенном из тростника плоту. Такие плоты до сих пор в ходу у рыбаков северного побережья.

Вода — источник — дождь — облако

Символы воды в простой и запоминающейся стилизации находят еще в виде наскальных изображений у индейцев гопи (рис. 24 и 25). Текучую воду ацтеки изображали как поток из нескольких ручейков, на концах которых рисовали круглые капли и белые домики улиток (рис. 26).

Рис. 24

Рис. 25

Согласно некоторым рукописям ацтеков вода вытекает из подземного ключа (рис. 27), а у индейцев ольмеков она низвергается дождем из облака (рис. 28).

Тольтекский наскальный рельеф, представляющий богиню воды и кукурузы (рис. 29), которая поднима-

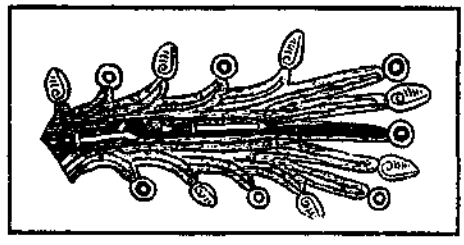


Рис. 26

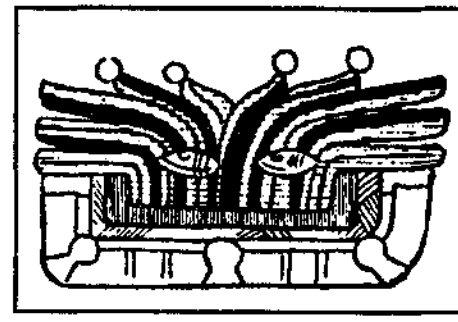


Рис. 27

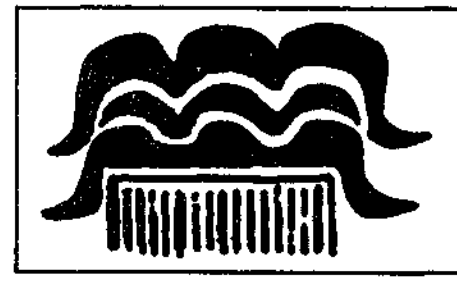


Рис. 28

Рис. 29

ется из воды, отмеченной волнистыми линиями, домиками улиток и перекрученным орнаментом, показывает, что древние индейцы, для которых главные ценности в жизни составляли здоровье и пища, хорошо понимали, насколько они зависимы от воды.

А у современных майя — хорти самой главной церемонией года считается праздник змеи, который отмечается перед началом сезона дождей. Он состоит из целого ряда ритуальных манипуляций. У священного родника — он же сердце или пуп Вселенной, опускающийся до «самого подземного царства» — сооружают в центре космической идеограммы, помеченной четырьмя камнями, увитый листьями крест. К кресту на длинной веревке привязывают двух индеек, петуха и курочку, и петух наскакивает и несколько раз топчет курочку. В конце праздника их принесут в жертву богам.

Жрец приглашает небесных богов спуститься на землю и принять пожертвованную им пищу, а затем умоляет как можно скорее прислать дождь, «новое питье, новую пищу, детей и здоровье всему племени». Ведь великое божество, которое сидит в центре Вселенной, «дает все». После

Рис. 30

этого петуху отрубят голову, а курочку живой бросают в бьющую ключом воду источника, который называют «водяной глаз Че Ке» (Че Ке — это имя мифической птицы). На дне источника живет «великая змея» Но Чи Хан, которая и проглотит индюшку.

Птица— змея— оперенная змея

Орел (рис. 30), а на территории, где протянулся хребет Андов,— кондор (рис. 31), всеми индейскими племенами воспринимается как космический символ и почитается как воплощение света и неба.

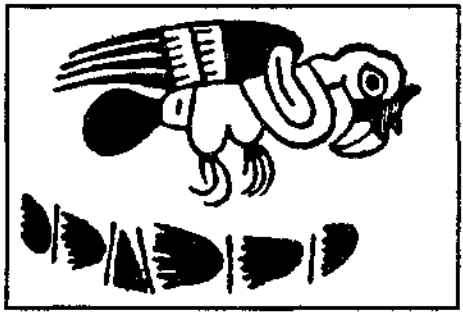


Рис. 31

Вырывание сердца у пленников — известный вид жертвоприношения ацтеков — по сути своей было жертвой, посвященной солнцу — «Орлу». «Они рассекают человеку грудную клетку толстым широким ножом, сделанным из кремня, и вырывают ему сердце. Сердце они называют драгоценным кактусовым плодом Орла. Они поднимают сердце к солнцу, как бы отдавая его на съедение Бирюзовому Принцу и Поднебесному Орлу. А пленника, принесенного в жертву, называют Орлиным Человеком», — описывает свидетель этого страшного обряда.

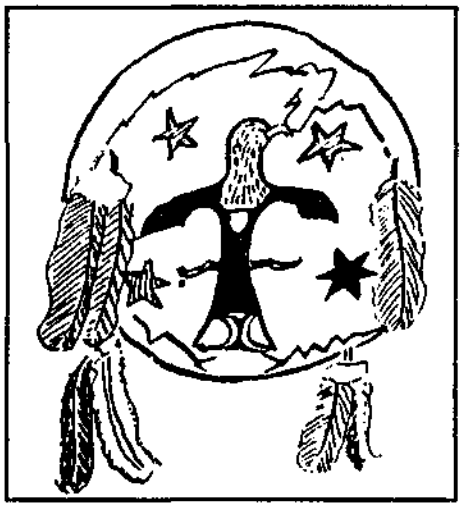


Рис. 32

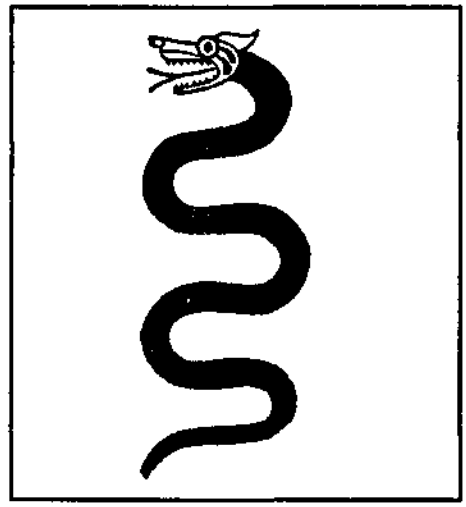


Рис. 34

Орлами называют себя также воины. Умереть на поле сражения или даже на жертвеннике врага было для них честью. Ведь смелые становятся полубогами и участвуют в небесных празднествах.

Наряду с солнечной птицей — орлом — индейцы почитают загадочную Птицу-гром, которая также может приносить дождь. На щите индейца племени дакота (рис. 32) Птица-гром летает между четырьмя звездами и четырьмя пучками перьев — кардинальными точками. И индейцы алгонкин считали, что во время гро-

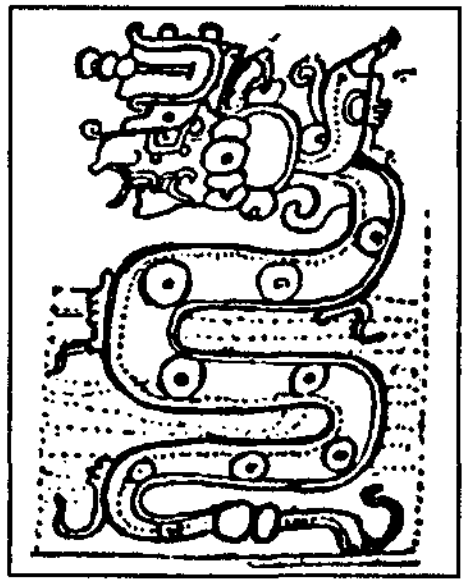


Рис. 35

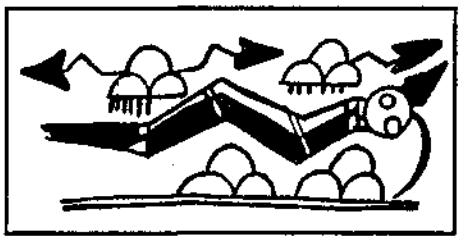


Рис. 33

зы Птицы-гром взмывают вверх и в струях дождя вступают в схватку с водяными духами, имеющими облик змеи.

Рис. 36

На рисунке 33 изображена Змея-гроза индейцев тэва (юго-запад Соединенных Штатов), на рисунке 34 — змея, как ее изображали индейцы, жившие до инков в Перу.

«Большая змея» хорти летом спит на дне колодца, прикованная золотой цепью к серебряному столбу. Она просыпается только тогда, когда под возгласы священников в глубь колодца опускаются жертвоприношения. Змея — «госпожа воды, она может отдать или задержать воду».

На рисунке 35 мы видим змеевидное существо из мифологии майя. Тело ее опущено в воду, а на голове — украшение, которое носит бог кукурузы.

Священнослужители хорти полагали, что бог дождя объединяет в себе два существа, которые ни в коем случае нельзя смешивать. Это дух облака, который и есть, собственно говоря, бог грозы и дождя, и существо, на котором он перемещается по небу, змея, она же облако (рис. 36).

«У этого бога есть крылья, он — господин всех припасов. Он — создатель урожая, он дает приплод скоту, у него много сыновей, и он несет добро. Он должен подчинить себе облако, чтобы владеть им и орошать землю».

В одном древнем мифе майя говорится: «Небеса пропитались дождем, они содрогнулись громом, пролились струями, и на землю опустился божественный дождь».

Соединение змеи с птицей находит прообраз в Кукумаце майя (майя, живущие дальше на север, его называют Кукулкан, толтеки — Кецалькоатль). Как говорят священные книги, это — обобщенное название для всех созидающих богов.

Название это, собственно, означает «змея, покрытая зелеными перьями птицы кецаль». Птица кецаль, которую индейцы считают красивейшей из всех пернатых (рис. 37), обитает в западных горах Гватемалы и отличается роскошным оперением хвоста с металлическим зеленым оттенком.

Оперенная змея (рис. 38) некогда означала воду и бурный рост всех растений под действием дождя. Люди майя говорили о Кукумаце, что она — «сердце моря», а чипасы называли Кукулькан — «змеей, плавающей в воде».

Во времена тольтеков покрытая перьями змея стала символом неба вообще, на рисунках можно увидеть оперенную змею, пожирающую кролика — животное Луны (рис. 39).

Таким образом, в Кецалькоатле

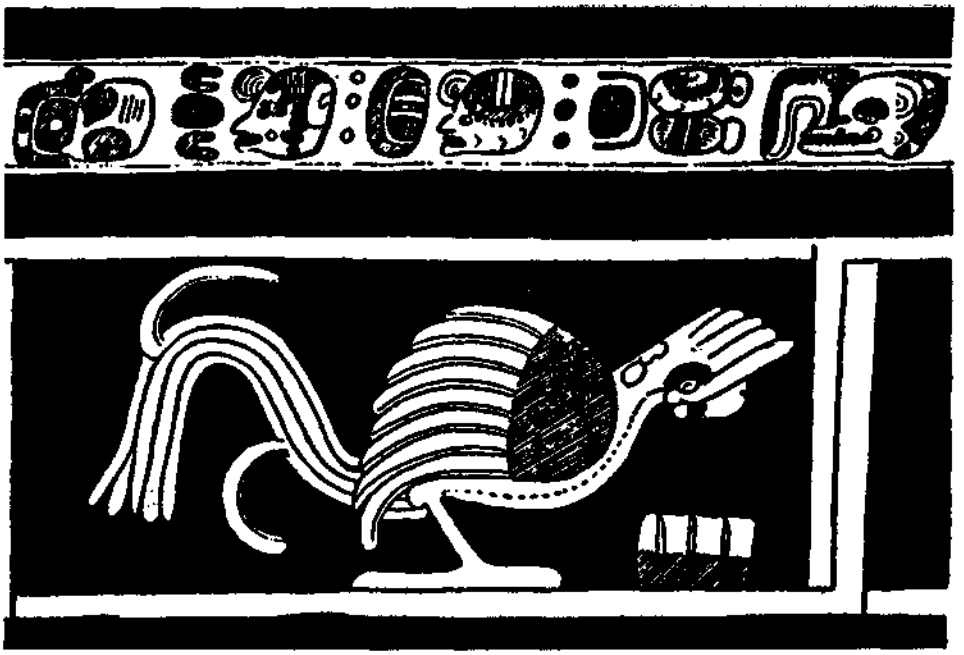


Рис. 37

— оперенной змее (Рис. 40) — наиболее популярном из всех божеств древних индейцев — слились в одно целое самые различные божества.

Он мог символизировать, например, бога ветра, в этом случае ему посвящалось все круглое, закрученное, спиралевидное, завихряющееся. Храмы, посвященные Кецалькоатлю как богу ветра, делались круглыми, чтобы как бог ветра он мог дуть или дышать в любом направлении и никак не мог удовлетвориться четырехугольным строением, где ему были открыты всего четыре стороны.

В собрании Венского музея Кецалькоатль как бог ветра удерживает руками небо. Не забудем, что небо — это хранилище воды, так что Кецалькоатль не даст облакам убежать в сторону и заставляет их пролить воду, а ветер разносит ее от одной деревни к другой.

Он может быть также богом ночного неба и утренней звезды, которая по утрам вытаскивает солнце на небосклон. В этой ипостаси он также — основатель мудрости жрецов, создателей всех культовых обрядов. Собственно говоря, он сам — первосвященник.

Кецалькоатль может быть, наконец, изобретателем и хранителем тайн врачевания, волшебных лекарственных растений, символом учености, поэзии и всего прекрасного; в таком варианте он идентифицируется с мифическим правителем тольтеков бородатым повелителем жрецов Че акатлем. Именно во времена Че акатля у тольтеков наступил Золотой век. Ему, однако, был уготован печаль-

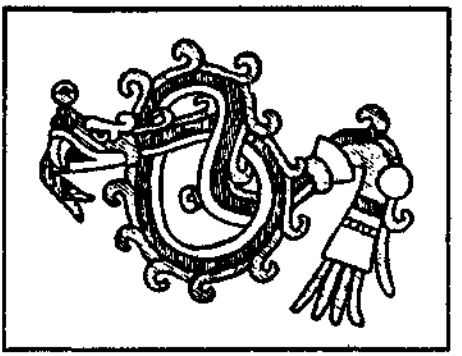


Рис. 38

ный конец: повелительница ведьм, науськанная его вечным соперником Тескатлипоком, уговорила Че акатля отведать вкус волшебного гриба. Че акатль откусил гриб, впал в наркотическую эйфорию и овладел ведьмой. Когда он пришел в себя, он сразу вспомнил предзнаменования, понял, что нарушил священные запреты и вынужден был покинуть Толлан. Че акатль — Кецалькоатль запрятал в земле свои сокровища и взял с собой только своих верных слуг. Все они

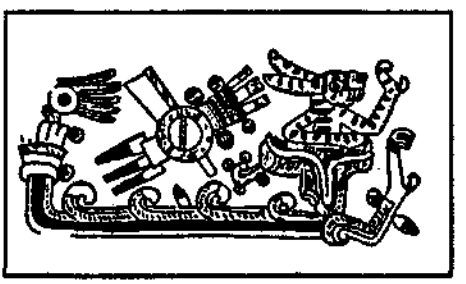


Рис. 39

погибли во время путешествия.

Че акатль добрался до берега моря, взошел на изготовленный из змеиных шкур плот и направил парус в сторону восхода солнца. Его проглотил огонь восходящего свети-

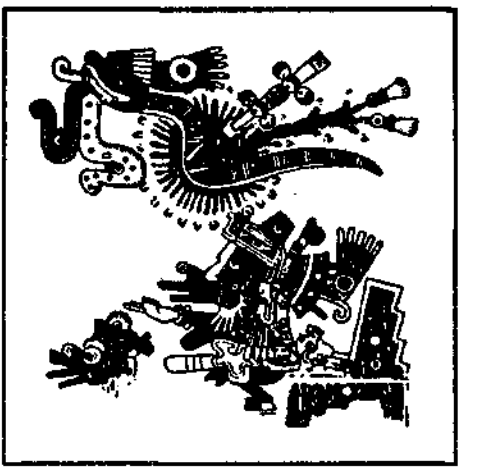


Рис. 40

ла, а сердце его превратилось в утреннюю звезду — ее всегда можно увидеть во время солнечного затмения.

Все последующие правители тольтеков носили с тех пор титул Кецалькоатля. Позднее этим же титулом именовался верховный жрец ацтеков, так что предполагалось, что правители государства — потомки верховного жреца.

По другой легенде, бородатый Че акатль — Кецалькоатль вовсе не был проглочен солнцем. Когда-нибудь он вернется из страны восходящего солнца, свергнет с престола кровожадного бога Тескатлипоку — Уитцилопочтли, и тогда снова наступит Золотой век.

Именно эта легенда сыграла столь роковую роль в судьбе последнего царя ацтеков Монтесумы — в бородатых испанцах, предводительствуемых Кортесом, он увидел предсказанного сказанием Кецалькоатля с его свитой, которому он, по преданию, должен был отдать свой трон. Последствия этой ошибки были ужасны!

Логограмма

Большая часть описанных выше символов индейских племен подпадает под определение понятия оджибва (рис. 41).

На верхнем краю изображения мы видим большой круг с четырьмя выступами. Это — Китче Маниту, Создатель-Круг,— означает дух. Чтобы передать понятие «Великий дух», вокруг маленького круга нарисована дополнительно большая окружность. Четыре выступа, указывающие четыре стороны света, обозначают, что дух присутствует повсеместно.

Полукруг под знаком Китче Маниту, опущенный концами вниз, — небо и Вселенная. Непосредственно под ним — символ солнца, его прямые и округлые линии олицетворяют жизнь и время. Под солнцем видим мужчину в круге — человек и круг совокупно суть человеческое существование. Линия жизни и силы соединяет символ жизни с символом Китче Маниту. Обе отходящие дуги обозначают дерево жизни, растительный мир, от которого зависит все живое на земле.

Основание линии и дерева жизни — прямая горизонтальная линия — символизирует землю и камень — вещества, из которых сделана мать Земля. Различные маленькие рисунки — изображения племен, общин и семьи, различных живых существ.

Рядом с фигурой мужчины в круге с каждого бока изображены еще по двое мужчин и по одной женщине. От губ мужчин отходят волнистые линии, это — язык, истории и различные сказания. Рядом всегда стоит женщина — символ изначальности и постоянства женского начала. Наконец, самые крайние фигурки означают добычу пищи. Четыре основных типа животных, дерево жизни, Земля, мужчины и женщины вместе означают Бытие и Время.

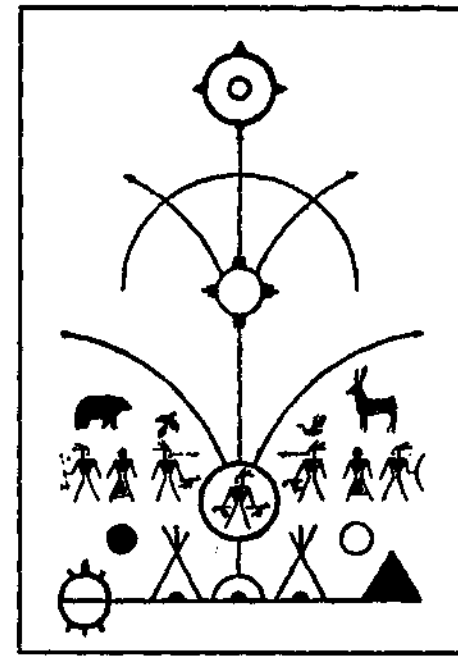
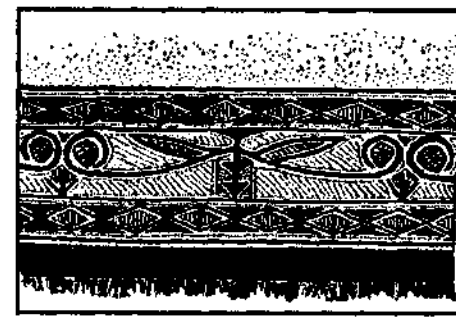


Рис. 41



Литература

(1) Rafael Girard: Die ewigen Mayas, Vollmer, Wiesbaden o. J.
(2) Werner Müller: Die Religionen der Waldlandindianer Nordamerikas, Reimer, Berlin 1956
(3) Hopi – Eine indianische Botschaft von Dan Katchongwa, Arbeitsgruppe für nordamerikanische Indianer, Düsseldorf o. J.
(4) Werner Müller: Glauben und Denken der Sioux, Reimer, Berlin 1970
(5) Abdon Yaranga Valderrama: La concepción del mundo o cosmovisión andina, Sonderdruck, Université des Langues et Lettres, Grenoble 1973
(6) Horst Hartmann: Die Plains- und Prärieindianer Nordamerikas, Museum für Völkerkunde, Berlin 1973
(7) Walter Krickeberg: Altmexikanische Kulturen, Safari-Verlag, Berlin 1956
(8) Eduard Seler, Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde, Bd. I–V, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, Graz 1960/61
(9) Michael D. Coe: The Maya, Pelican Books 1971
(10) Frank Waters: Book of the Hopi, Penguin Books 1977
(11) Theodorf-Wilhelm Danzel: Mexiko I, Folkwang-Verlag, Hagen und Darmstadt 1922
(12) Hans Dietrich Disselhoff: Geschichten der altamerikanischen Kulturen, Oldenbourg, München 1953
(13) Hans Biedermann: Altmexikos heilige Bücher, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, Graz 1971
(14) Herbert J. Spinden: A Study of Maya Art, Dover Publications, New York 1975
(15) Cottie Burland: Werner Forman, Gefiederte Schlange und Rauchender Spiegel, Herder, Freiburg 1977
(16) Basil Johnston: Und Manitu erschuf die Welt, Diederichs Gelbe Reihe, Düsseldorf 1979

Сумасшедшая Лошадь

Сумасшедшая Лошадь получил свое имя от картины, которая привиделась ему во сне. А приснилось ему, будто он попал в мир духов всех вещей, и сам он — дух. «Его конь стоял там неподвижно,— рассказывал Черный Олень (родственник Сумасшедшей Лошади),— и одновременно все время гарцевал вокруг, как будто он был тенью».

Аура магического сопровождала Сумасшедшую Лошадь до самой смерти. Из всех вождей племени дакота (часть сиу), которые правили в последние десятилетия прошлого века, он обладал самой большой харизмой. Его бескомпромиссная борьба с белыми, его мужество, его неподкупность (а его нередко пытались подкупить) и особая власть, которая, как рассказывали, делала его неуязвимым в бою, — все это превратило человека в легенду, которая и сейчас не увядает среди соплеменников.

К началу второй половины XIX века индейцы чейенна и сиу в северных прериях (сегодняшняя Монтана и окружающие горы) оставались непобедимыми. Территории эти не очень привлекали белых. Здесь останавливались лишь по дороге на запад, прежде всего к золотым приискам в Монтане и Айдахо. Но и белые караваны, лишь ненадолго задерживавшиеся в этих местах, становились все большей угрозой: когда в 1866 году вдоль тропы Боузмэна в Монтане была построена цепочка фортов и задумали построить железную дорогу, когда в этих местностях стало появляться все больше солдат, поселенцев и золотоискателей, охотничьи угодья индейцев оказались в опасности. Началась война, и близ форта Фил-Кирни

Если внимательно присмотреться... то у левой скалы... появляется профиль индейца Сумасшедшая Лошадь?

американская армия потерпела сокрушительное поражение. Последовали дальнейшие стычки, и в конце концов солдаты ушли с тропы Боузмэна и покинули свои форты. В 1868 году в форте Ларами был подписан мирный договор.

К этому времени Сумасшедшей Лошади было лет 20. Сам он не был сыном вождя, его родственники были знахарями, но та особая власть, которая пришла к нему после его знаменитого сна, сделала его предводителем народа оглала, и соплеменники с восхищением толковали о его делах. Черный Олень, ему тогда было 12 лет, рассказывает: «Думается, что я немного боялся его. Не то чтобы я боялся, что он сделает мне больно, — просто боялся, и все. Да и все его боялись, такой он был человек. Когда он был в своей палатке или когда с небольшой группой воинов находился на тропе войны, он мог шутить и смеяться, чтобы подбодрить воинов. Но когда он был среди людей, он как бы никого не замечал, разве что маленьких детей. Все дакота любят попеть или потанцевать, но он никогда не принимал участия в веселье. И все же все его любили и делали все, что бы он ни сказал, и шли, куда он приказывал. Сумасшедшая Лошадь лично для себя ничего не требовал, и пони у него было меньше, чем у вождя. Рассказывают, что, когда было мало дичи и стало голодно, он вовсе перестал есть. Он был очень необычным, может быть, часть его тела все время находилась в стране его видений».

Договор, заключенный в форте Ларами, не принес индейцам желанного мира — в горах Блэк-Хиллз нашли золото, и в священную страну сиу, чейенов и арапачо, куда по договору не должна была ступать нога белого человека, толпами хлынули золотоискатели, поселенцы, солдаты. Многие индейцы племени дакота, в том числе и вождь оглала Красное Облако, жили в резервации на северо-западе Небраски и старались все-

ми силами избежать вооруженного столкновения с пришельцами, но Сумасшедшая Лошадь не смирился. Вместе с другими племенами: татанка, хункапа, йотанка и вождем Сидящим Быком он ушел на север, чтобы оттуда сразиться за страну дакота. Правительство потребовало от мятежных индейцев немедленно вернуться в резервации, но Сумасшедшая Лошадь вежливо дал понять, что такой марш оглала смогут осуществить только по весне. В поисках Сумасшедшей Лошади солдаты напали в марте 1876 года на мирную стоянку индейцев. Оставшихся в живых Сумасшедшая Лошадь взял к себе и двинулся к месту, где стояли индейцы хункпапа. Он давно уже изучал технику военных действий, и поэтому ему удалось 17 июня 1876 года одержать победу над солдатами, которыми руководил генерал Крук. После победы индейцы отправились на охоту в Литтл-Биг-Хорн, к ним присоединились многие сиу и чейены. В Литтл-Биг-Хорн собралось до десяти тысяч индейцев и среди них четыре тысячи воинов, и тут последовала новая атака белых солдат под командованием генерала Кастера. И это нападение завершилось полным поражением. На поле боя остался и сам генерал Кастер.

Правительство Соединенных Штатов объявило все резервации на военном положении и заставило живших там вождей уйти из Блэк-Хиллз в новую резервацию на реке Миссури. В противном случае им угрожали отнять ружья и лошадей и прекратить поставки продовольствия. После этого отряды белых отправились в новый поход, чтобы подчинить себе последних свободных индейцев, которые жили на севере под предводительством Сумасшедшей Лошади и Сидящего Быка и охотились на буйволов. Сидящий Бык в конце концов ушел со своими людьми в Канаду, но Сумасшедшая Лошадь не хотел покидать свою страну. Солдаты прочесывали местности, отыскивая его. Они снова напали на мирную деревню, и вновь бежавшие индейцы нашли приют у Сумасшедшей Лошади. Его самого солдаты не нашли, но положение Сумасшедшей Лошади становилось все более трудным. Стояла зима, запасы продовольствия и патронов кончались.

Как рассказывает Черный Олень, Сумасшедшая Лошадь был тогда «еще более странным, чем обычно». Нередко он покидал становище и уходил прочь, в зимнюю стужу. При этом, когда он возвращался, всегда давал своим людям ценные советы. Похоже, что он предвидел скорую смерть и хотел позаботиться о будущем своего народа. Когда правительство пообещало ему отвести земли в стране дакота, Сумасшедшая Лошадь повел своих изголодавшихся людей и лошадей на юг. Его пригласили на беседу с «Большим Белом Отцом» в Вашингтон, но Сумасшедшая Лошадь отказался, заявив, что «между мной и Великим Духом нет никакого Большого Отца». Наконец, от него потребовали явиться на переговоры с генералом Круком в форт Робинсон, но там его передали полиции. При виде тюрьмы Сумасшедшая Лошадь попытался убежать, но его схватил полицейский (он сам был индеец, его звали Маленький Большой Человек, и раньше он воевал плечом к плечу с Сумасшедшей Лошадью), а другой солдат проткнул его штыком. «Они не смогли убить его в бою, они заманили и подло убили его»,— говорит Черный Олень. В тот же вечер Су-

масшедшая Лошадь скончался, ему было чуть больше тридцати лет. Это было 5 сентября 1877 года. Родители похоронили его в никому не известном месте.

А в 1977 году группа тележурналистов из Италии приехала к горе Рашмор в Блэк-Хилла. Когда они проявили дома отснятую пленку, то явственно увидели, что над головами четырех президентов Соединенных Штатов, высеченных в скале, высится голова индейца, обточенная за долгие годы дождями и ветрами. Для индейцев оглала не было никаких сомнений, что это — Сумасшедшая Лошадь, ведь дух его всегда живет в Блэк-Хиллз.

Джеронимо/Гойатлей

Его лицо можно увидеть на стенах многих квартир, ведь это — Джеронимо, вождь апачей, предводитель индейских партизан. В руке ружье, выразительное лицо, в нем и жесткость, и гнев, и решимость, и отчаяние, и печаль. Когда была впервые сделана его фотография, Джеронимо было 57 лет и за плечами его лежали 30 лет боевых действий против американских и мексиканских солдат и против множества других белых, для которых он стал символом кровожадного дикаря. Его преследовали, предавали, он был ранен, взят в плен — и всегда он снова ускользал и оказывался на свободе. Он скрывался в горах на юго-западе Соединенных Штатов и в Мексике и неизменно брал верх над превосходящими его числом правительственными войсками. В детстве он совсем не знал белых людей, а потом провел всю жизнь в непрестанных сражениях с ними.

Когда американцы заинтересовались Юго-Западом с его залежами полезных ископаемых, апачи имели за плечами опыт 250-летней войны против испанцев. С новыми завоевателями они заключили в 1862 году в Санта-Фе мирный договор, но он долго не просуществовал. Правительство Соединенных Штатов пыталось загнать апачей в резервации, в которых индейцы жить не хотели. Для поселенцев и золотоискателей они были дикарями, которых следовало поставить на место; в Мексике, на территории которой апачи всегда проводили часть года, их преследовала мексиканская армия (мексиканские власти платили по 100 долларов за один скальп индейца). В одном из таких нападений мексиканских солдат в 1858 году Джеронимо, которому было 29 лет, потерял мать, жену и детей. Вместе с другими апачами он открыли боевые действия против мек-

сиканской армии, в ходе которых Джеронимо стал боевым вождем апачей.

Джеронимо сражался и против солдат Соединенных Штатов Америки в Мангас-Колорадо (во главе племени бедокоэ-апачей, к которому принадлежал он сам) и в Кочизе (с апачами-чиракачуа). Вот как он поясняет это в своей биографии: «С самого начала и офицеры, и солдаты всячески притесняли индейцев. Нас постоянно обманывали, и мы решили, что никогда не следует доверять отрядам американских солдат». По окончании боевых действий, когда многие апачи поселились в резервациях, остальные снова вернулись на территорию Мексики. Среди них был Джеронимо. Они крали у мексиканцев скот и лошадей и обменивали их в штате Нью-Мексико у белых скотоводов на ружья, патроны, одежду и виски.

Американской армии такая вольная жизнь апачей была совсем не по душе. В 1877 году Джеронимо взяли в плен и доставили в индейское агентство «Сан-Карлос» в резервации Уайт-Маунтин. Согласно новому плану правительства, которое до того постоянно перемещало апачей из одной резервации в другую, в этой резервации должны были жить все апачи, а остальная территория отдавалась колонистам и искателям золота. Но жить в резервации оказалось невозможным: хаос государственной бюрократии и манипуляции чиновников и торговцев привели к тому, что многие апачи так и не увидели полагавшегося им по правительственному соглашению провианта: золотоискатели отказывались покидать отведенные апачам участки, поселенцы пытались отнять законные участки апачей мошенническими обещаниями.

В случае любого конфликта правительство становилось на сторону белых и обвиняло индейских вождей. Вождь апачей мимбра Викторио ушел в 1879 году в Мексику с твердым решением никогда не жить в резервации и вести «вечную войну» против белых. После смерти Викторио боевые партизанские действия продолжил его соплеменник Нана, которому было уже 70 лет.

Вскоре почувствовал опасность и Джеронимо. «Летом 1883 года прошли слухи, что офицеры решили заточить наших вождей в тюрьму. Мы решили, что лучше умрем как мужчины в бою, чем за тюремной решеткой». Вместе с 250 индейцами Джеронимо перешел границу и присоединился к Нана. В следующем году его и Нана уговорили вернуться в Сан-Карлос, но, когда Джеронимо узнал, что его собираются арестовать, он снова покинул резервацию с отрядом в 400 человек и появился в Мексике. Пресса рассказывала душераздирающие истории о жестокости индейцев, генерал Крук получил приказ найти беглецов и либо убить их, либо принудить к безоговорочной капитуляции. Когда апачи узнали, что в месте, где они обычно скрывались, их поджидают мексиканские солдаты, они сдались. Но Джеронимо не хотел возвращаться в Сан-Карлос, он знал, что его либо в кандалах привезут во Флориду, либо убьют по дороге, и бежал. Американская армия и тысячи мексиканских солдат преследовали Джеронимо с его спутниками, поначалу без малейшего успеха. Джеронимо сражался отчаянно: «Мы не дрожали за свою жизнь, мы знали, что на нас науськивают каждого».

Американцы изготовились к последнему сражению. Войско из 5 ты-

сяч солдат, нескольких тысяч вооруженных добровольцев и 500 разведчиков было собрано, чтобы победить 34 воина Джеронимо. В конце концов Джеронимо сам явился к генералу, чтобы договориться о мирном решении. Ему было обещано, что ему вернут землю и скот, что вскоре он увидит свою семью и его никогда больше не будут арестовывать. Но, как только Джеронимо сдался, его сковали и отправили во Флориду в военную тюрьму, а с ним и много других апачей, которые мирно жили в резервации.

Джеронимо считался военнопленным, и ему было запрещено возвращаться в Аризону. Тогда прежние враги апачей — киова и команчи — предложили Джеронимо и индейцам из племени чиракачуа переехать в их резервацию Форт-Силл в Оклахоме, где Джеронимо и прожил до самой смерти. Он, насколько это было возможно, привык к новым условиям, принял христианскую веру и даже ездил под стражей на международную выставку в Сент-Луисе, где продавал свои фотографии (ему было разрешено оставить у себя часть заработанных таким образом денег). Он раздавал автографы и участвовал в состязаниях по бросанию лассо.

Джеронимо увидел вдруг другой мир и даже сказал: «Похоже, белые — все-таки миролюбивый народ». И все же белое правительство не было настроено миролюбиво к Джеронимо и отказало ему в просьбе разрешить вернуться вместе с соплеменниками в родные места. Джеронимо умер в возрасте 80 лет в 1909 году в больнице резервации Форт-Силл. Говорят, останки его были выкопаны и погребены заново где-то на юго-западе Соединенных Штатов или в Мексике.

Литература

S.M. Barrett (Hrsg.): Geronimo, Ein indianischer Krieger erzählt sein Leben, München 1979

Анна Мэ Пиктоу/Аквош

Анна Мэ родилась в 1945 году в резервации Микмак в Нова-Скошиа. Это типичная резервация: старые, давно нуждающиеся в ремонте домики, разбитые грязные неасфальтированные дороги, мало кто из жителей-индейцев имеет работу, люди мрут как мухи. Если бы Анна Мэ провела всю свою жизнь в резервации, может быть, ей нашлось бы место клерка в управлении резервации или она продавала бы сувениры туристам, а скорее всего, существовала бы на пособие для безработных индейцев.

Мать бросила семью и детишек, и Анна Мэ вынуждена была уйти из школы — типичный эпизод из жизни стандартной индейской семьи в резервации. Ничего удивительного также в том, что Анна Мэ с другом отправились в Бостон, чтобы найти там работу,— так поступали тысячи и тысячи индейцев. За работу Анна получила жалкие гроши, в 19 она родила первого ребенка, в 20 — второго и стала жить на социальное пособие.

Но дальше жизнь Анны Мэ сделала крутой поворот и выскочила из стандартного русла — к 28 годам Анна Мэ становится одним из главных действующих лиц в индейском движении, она — типичный воин, она очертя голову бросается в борьбу за

интересы своего народа, постоянно помня о том, что тысячи ее соплеменников влачат жалкое существование в резервациях. Она обнаруживает поразительный организационный талант, она неистощима на новые идеи, концепции, в ее голове роятся фантастические проекты. А в 30 лет она стала святой мученицей индейского движения.

Политическая активность Анны Мэ началась в Бостоне. Вначале это были стычки с властями и полицией, консультации других индейцев по различным проблемам адаптации к городской жизни, демонстрации, работа учительницей в культурном центре, а затем в детском саду. Мужа Анны все эти политические страсти не волновали, у него нашлось другое увлечение — белая женщина. Анна Мэ подала на развод и предоставила дочери выбирать, с кем ей остаться, — с матерью или с отцом. Дочь предпочла материальный достаток отцовского дома, и Анна Мэ до самой смерти не смогла примириться с этой потерей.

В 1972 году несколько индейских организаций, в том числе Движение американских индейцев (ДАИ), основанное в 1968 году, организовали «поход нарушенных соглашений» в Вашингтон, где захватили помещение Бюро по делам индейцев. В этом походе приняла участие и Анна Мэ, а когда весной 1973 года в резервации Пайн-Ридж, Южная Дакота, индейцы оглала сиу захватили городок Вундед-Ни, Анна Мэ, конечно же, участвовала в его захвате. Как и для многих других, это событие стало поворотным моментом в ее жизни.

Главным для Анны Мэ был возврат к утерянным индейским традициям, к той жизненной философии,

которую некогда исповедовали ее предки. Именно в момент событий вокруг Вундед-Ни Анна Мэ обручилась со вторым мужем Ногечиком Аквошем, ритуал обручения по всем правилам был выполнен индейским шаманом.

Захват Вундед-Ни был поворотным моментом в индейском движении вообще, он обратил на себя внимание общественности, как, впрочем, и внимание ФБР и ЦРУ.

Хорошо отработанная в борьбе с негритянскими и социалистическими организациями тактика гражданской войны теперь была применена и относительно ДАИ. ФБР снабжало суды ворохом сомнительных доказательств, свидетельствовавших против руководителей индейского движения, в том числе таких, которые угрозами выбивали из «свидетелей».

В организацию проникли агенты ФБР, один из которых, Дуг Дерхем,

стал директором отдела национальной безопасности ДАИ. Его разоблачение подорвало основы организации и создало климат, в котором каждый подозревал каждого. Эта атмосфера всеобщего недоверия затронула и Анну Мэ.

Через год после событий в Вундед-Ни Анна Мэ становится одной из самых заметных, а потом и главной фигурой в движении американских индейцев. Все, кто с ней работает, относятся к Анне с огромным уважением и симпатией. «Она смотрела на сто лет вперед,— вспоминает одна из сотрудниц, — она хорошо знала, как добраться из пункта А в пункт Б». В 1975 году она переезжает в резервацию Пайн-Ридж, где в первую очередь занимается организацией женщин; она вообще находила с ними контакт лучше, чем с мужчинами руководителями ДАИ.

С момента захвата Вундед-Ни резервация Пайн-Ридж стала опасной для людей из ДАИ; до 1975 года здесь убили около сорока человек. Летом 1975 года насилие достигло кульминации: 26 июня при нападении специальных отрядов ФБР на становище индейцев оглала были убиты два фэбээровца и один индейский юноша. Полицейские власти использовали это как предлог к массовым репрессиям против населения резервации — сама резервация была подвергнута многонедельной осаде, члены ДАИ, которым предъявлялось обвинение в убийстве, безжалостно преследовались. В прицел ФБР попала и Анна Мэ Аквош; ей угрожали (один чиновник пообещал Анне, что если она не поможет следствию, ее скоро уберут), ее арестовали, снова выпустили на свободу и снова арестовали. Ее всячески преследовали и вскоре у нее появилось предчувствие, что ее убьют. И все же она продолжала работать, хотя и получала от ДАИ очень незначительную поддержку. Более того, распространились слухи, что сама Анна Мэ — агент ФБР. Оснований для этого не было ни малейших, и все же Аквош не удалось рассеять подозрений. Она предупреждала, что ДАИ само губит себя такой политикой, но никто не прислушивался к словам Анны Мэ, так что вскоре организация потеряла свой авторитет.

24 февраля 1976 года в высохшем русле реки на северо-восточной окраине резервации Пайн-Ридж было найдено тело Анны Мэ Аквош. Вначале полицейские власти объявили, что не могут идентифицировать труп. Как причину смерти назвали переохлаждение и постарались быстрее провести захоронение. Для идентификации трупа отрезанные руки послали в Вашингтон, и вскоре все дело выплыло наружу. Друзья и родственники потребовали эксгумации, и тогда стало ясно, что Анна Мэ была убита выстрелом в голову из револьвера с близкого расстояния.

В марте ее хоронили по индейской традиции. Падал снег. Четыре молодые женщины за ночь выкопали гроб из могилы — не нашлось ни одного индейского воина, который взялся бы за эту тяжелую работу. Известные руководители ДАИ отсутствовали и на похоронах — часть из них сидела в тюрьме, часть находилась в бегах, некоторых, наконец, мучил стыд, а может быть, они подозревали, что Анна Мэ была убита кем-то из их организации по подозрению, что она — агент ФБР.

Тайна этого убийства так и не была раскрыта. Власти явно не хоте-

ли выяснять подробности этого дела, и это усугубляет подозрение, что здесь не обошлось без рук ФБР.

ДАИ постепенно выпало из кризиса. ФБР пыталось использовать смерть Анны Мэ, чтобы напугать других активистов, но для женщин, да и для мужчин — сторонников движения ее пример не отпугивал, а скорее поощрял на подвиги.

Литература

Johanna Brand: The Life and Death of Anna Mae Aquash, Toronto 78

Мария Сабина

Когда испанцы в XVI веке завоевали Мексику, они обнаружили вещи, приводившие их христианскую душу в трепет. Одной из таких вещей были священные грибы — индейцы использовали их в ритуальных церемониях, во время которых они погружались в мир провидческих откровений и открывали в себе целительные способности. Испанцы запретили эту «чертовщину», после чего знахари и колдуны стали заниматься своим промыслом потаенно. Западный мир заново познакомился с этими чудесами только в середине XX века. Ими заинтересовались вначале антропологи, а потом хиппи и другие беглецы от цивилизации, которые надеялись научиться у индейских шаманов умению находить «иную реальность». Тогда-то вновь и были открыты священные грибы, и мексиканские индейцы с изумлением обнаружили себя в центре общественного интереса. Ими восхищались и восторгались. Именно во время этого бума общественного внимания в самом фокусе оказалась одна женщина, которая совсем не

ожидала, да и вовсе не стремилась к бурному интересу к своей особе. Эту женщину звали Мария Сабина, она была родом из Гуатла-де-Хеменес из штата Оаксака, что находится в горах на юге Мексики.

Мария Сабина — простая женщина, она не умеет ни читать, ни писать и не знает ни слова по-испански. «Я не знала, что такое школа, понятия не имела, что такие вещи существуют в природе. А если бы у нас и была школа, я нипочем бы туда не ходила, у нас слишком мало времени для этого. Раньше ведь мы работали от зари до зари»,— говорит она. Мария Сабина много работала всю свою жизнь.

Когда они были маленькими, Мария вместе с сестренками должны были приглядывать за курами и козами, собирать хворост, мужчины работали на хозяина — богатого землевладельца, женщины ткали и шили. А когда нужно было сажать или убирать кукурузы и бобы — основную пищу крестьян, — то на работу выходила вся семья.

Уже в 14 лет Мария Сабина вышла замуж, но после шести лет брака муж оставил ее с тремя детьми, а вскоре и умер. Двенадцатью годами позже Мария Сабина вышла замуж вновь; от этого брака было рождено шесть детей, пять из них умерли. И этот муж оказался непутевым, и он умер через 13 лет после того, как они поженились. Мария Сабина решила не связываться больше с мужчинами, она чувствовала, что ее удел — стать «мудрой», как многие поколения ее предков: «Я решила отдать себя целиком этому занятию, чтобы избавлять людей от болезней и быть ближе к Богу. К грибам следует относиться с почтением, я чувствую, что я им сродни, они — мои родители, я — их кровь. Это правда, мне было на роду написано стать знахаркой. Я ведь дочь ниньос сантос» (ниньос сантос — священные грибы, их имя произносить нельзя, поэтому пользуются эвфемизмами).

Впервые Мария Сабина познакомилась со священными грибами, когда ей было шесть лет. Она присутствовала во время церемонии исцеления (велада), а через несколько дней случайно нашла несколько таких грибов и попробовала их на вкус. «Грибы дали мне новые силы»,— заявила она. Марии открывались видения, она чувствовала, что грибы обращались к ней «голосами, которые приходили как бы из другого мира».

В супружестве она грибов не ела: — «Когда спишь с мужчиной, чистота грибов разрушается»,— говорит она; но потом, расставшись с мужьями, она принялась лечить людей. Грибами Мария Сабина вылечила сестру, которая до этого обращалась ко многим знахарям, и после этого народ валом повалил к замечательной врачевательнице.

Для Марии Сабины очевидно, что лечит людей не она и даже не грибы, а та неведомая сила, которая скрывается в грибах. Когда она берет грибы, она может вступить в контакт с этой силой, распознать причины болезни, может говорить и даже петь на «языке мудрости» и лечить, прикладывая руки к больному. Ниньос сантос и другие мистические существа во время видений приходят и учат ее; звери, растения, ветер, вода, земля, огонь, звезды являются Марии Сабине и говорят с ней. Но не только они, ей являлись и Бенито Хуарес (президент Мексики — индеец, XIX век) и такие библейские персонажи, как Иисус, Мария, апостолы. В глазах Марии Сабины нет никакого противоречия в том, что языческие видения перемежаются с христианскими. Ведь все это — бог и его лики. Она принимает церковную веру, и церковь терпимо относится к таким людям, как Мария Сабина.

В 1955 году к ней приехала чета американцев. Они были не похожи на обычных посетителей. Мария Сабина рассказывает: «Они искали священные грибы. Но они не хотели их есть, потому что были больны. Они искали бога. Его звали Уоссон, ее — Павловна». Это были исследователи,

и они опубликовали свои изыскания и беседы с Марией Сабиной. Сама Мария не видит в этом ничего плохого, но некоторые соплеменники упрекали Марию в том, что она рассказала чужакам про грибы. Наверное, недовольные и подожгли ее дом со всеми пожитками.

После этой публикации в мире узнали о «мудрых». Все чаще стали наведываться иностранцы. Они приезжали из США, Аргентины, Франции, Италии, Японии. Фотографии Марии Сабины появились в газетах (а в 1979 году она даже снялась в заглавной роли в одном фильме), ритуал лечения был записан на магнитную ленту и появился на грампластинке, грибы подвергли химическому анализу. Мария Сабина долго терпела подобные чудачества, но потом все чаще стали наведываться люди, для которых грибы были родом наркотика. «Мне трудно было объяснить им, что велада — это не просто церемония вызова бога, в этом ритуале должна быть цель, и эта цель — лечение человека»,— вспоминает она.

Некоторые местные крестьяне начали продавать грибы посетителям. Гуатла стала притягательной точкой для наркодельцов. «И светловолосые и темноволосые молодые люди пренебрегали нашими традициями, они не уважали ниньос сантос». Наконец вмешались власти, они запретили въезд в деревню посторонним, а в 1971 году запретили также торговлю грибами и использование галлюциногенов.

Но сделанного не вернуть. «С того времени, когда приехали чужаки, искавшие бога, ниньос сантос потеряли свою силу. Больше они нам не помогут. До той поры, когда приехал Уоссон, я чувствовала, как священные грибы поднимаются мне навстречу. Теперь ничего больше нет, все куда-то ушло». Другие жители деревни тоже жалуются: «Теперь грибы говорят по-английски. Ушел Великий Дух, разрушен наш бог, бог мацатеков».

Литература

Alvaro Estrada: Maria Sabina, Botin der heiligen Pilze (Vorwort Dr. Albert Hofmann), München 1980

Рокочущий Гром

Самое трудное предприятие — это написать биографию Рокочущего Грома. Писать историю его жизни — это значит собрать бесконечное количество самых противоречивых фактов, предположений, положительных и отрицательных эпизодов из его прошлого и настоящего. Никто из людей, кому довелось с ним общаться, не взял бы на себя риск подтвердить стопроцентную достоверность этих фактов.

Рокочущий Гром — личность, которую можно презирать или почитать, фигура, которая одновременно вызывает и уважение, и подозрение. Можно констатировать лишь несколько непреложных фактов, да и то непреложных в том смысле, что здесь сходится большинство свидетельских показаний, а именно: что Рокочущий Гром — индеец, что ему где-то от 40 до 50 лет, он женат, у него трое детей, он живет в городке Карлин в Неваде и работает на железной дороге Саутерн-Пасифик. Таковы официальные данные.

Неофициальные же, которые подвергаются периодически сомнениям как со стороны белых, так и индей-

цев, следующие: Рокочущий Гром — духовный вождь, философ и признанный руководитель индейцев чероки и шошонов, он — знахарь и шаман, хранитель богатейших знаний и традиций предков, он посвящен в загадки бытия и мироздания, ему ведомы бесчисленные тайны, которые подвластны избранным на уровне инстинктов, а не в виде безжизненных цифр и фактов.

Если попытаться выразить главную суть Рокочущего Грома, его философии и призыва, то она, пожалуй, кроется во фразе, которая, конечно же, сразу вызывает целый шквал мыслей и ассоциаций: «На все всегда можно найти правильный момент и верное место». Другими словами, человек — часть естественного потока жизни, ему остается только понять свою цель на земле и быть верным своему предназначению. Это совсем не значит, что он должен пассивно принимать заранее запрограммированную и уготовленную для него нишу, что он ничего не может изменить в своей судьбе, просто ему следует оттачивать все свои чувства и способности, чтобы во- время распознать нужный момент и нужное место, когда он внутренний свой импульс сможет преобразовать во внешнее деяние. Этой философией внутреннего понимания и внешнего действия, этого пути духовного сближения с неведомыми нам, но существующими целями и предназначениями Рокочущий Гром расставит верные символы в нужное время и в нужном месте.

Время: конечная стадия технологической дилеммы развития человека, когда человек начинает отрываться от своих основ, от питающей его материальной и духовной среды, от земли. Место: движение американских хиппи и те волнения, которые принесла в мир вьетнамская война. Сюда же следует отнести студенческие революции 60-х годов.

Люди — в поисках новых ценностей, они понимают, что старые представления изжили себя, что мир встал на голову. Возрождается сопротивление индейцев образу жизни белого человека — современного американца. Покончив было целиком с индейской культурой, думающий американец вдруг начинает интересоваться ею, пытается спасти оставшиеся крохи.

И тут вдруг появляется на сцене Рокочущий Гром. В его философии и делах пилигримы и ищущие всех мастей вдруг открывают для себя надежду обрести утраченное равновесие между душой и Духом, между человеком и Космосом.

Рокочущий Гром строит мост между Белым Человеком и Краснокожим, между надеждой и действительностью, между словом и делом,

между естественным порядком вещей и так называемой общественной необходимостью, между существующей иерархией ценностей и подлинным положением дел, когда и человек, и зверь, и все другие формы бытия равновелики и равнозначимы.

Рокочущий Гром всегда исповедует свою философию и использует свои идеи взаимодействия правильного места с правильным временем — и тогда, когда по просьбе крестьян во время засухи вызывает дождь, и тогда, когда борется против хищнического использования ресурсов планеты, и тогда, когда взрывает и тасует привычные границы внутреннего и внешнего.

Пришло время ставить новые ориентиры.

Когда? — Сегодня.

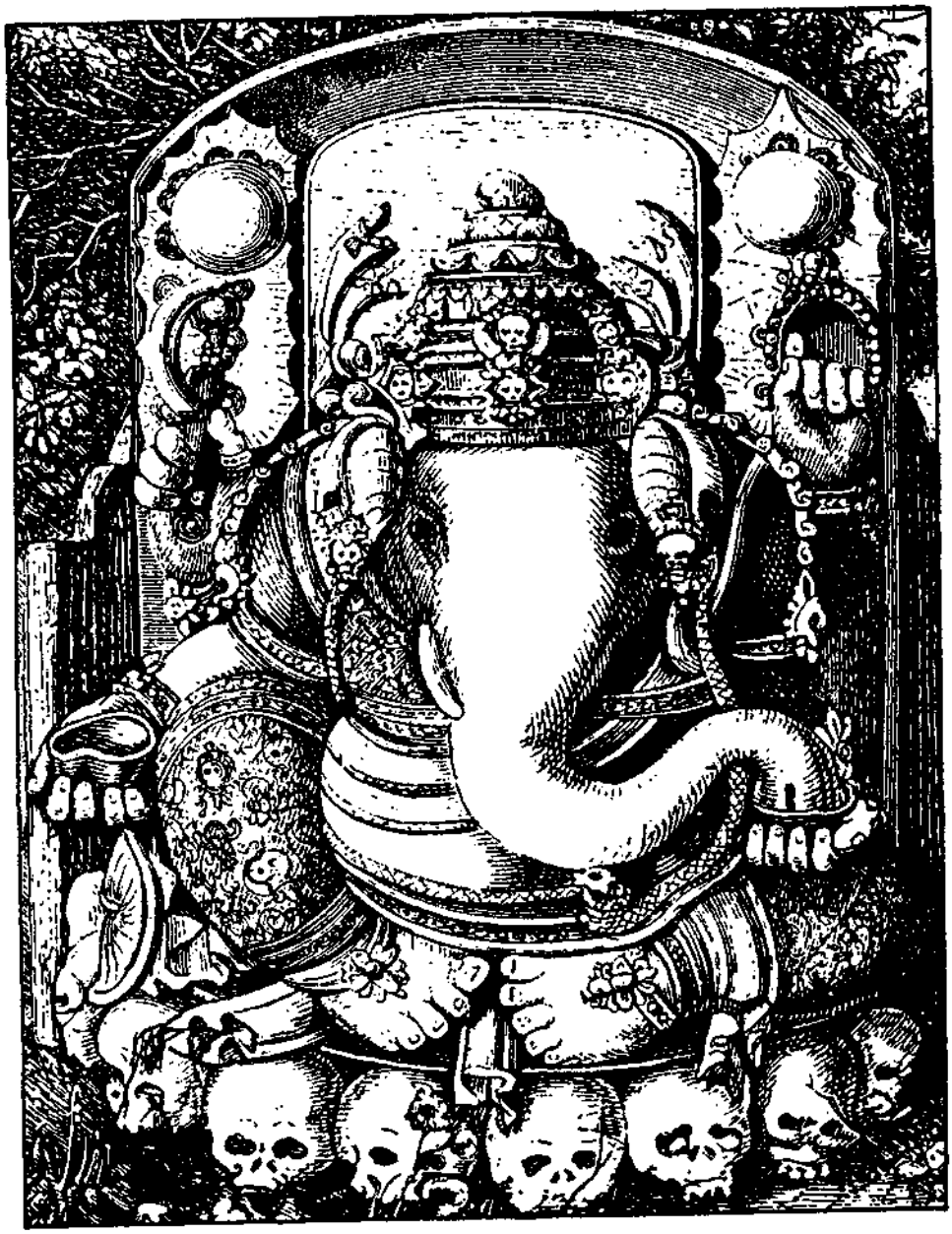
Где? — Здесь.

Если нужен дождь, человек должен уметь вызвать его себе на пользу.

Литература

Doug Boyd: Rolling Thunder, München 1978

Символы индийской мифологии



Зевс-Олимпиец

Введение

Существует такая наука — сравнительная мифология. Она демонстрирует чудеса. Если сопоставить друг с другом бесконечное многообразие космологий, культур, богов, мы откроем многочисленные соответствия и параллели. Из ночи предыстории человечества всплывают самые причудливые ассоциации. В самых противоположных точках земного шара обнаруживаются изображения, системы, ритуалы, танцы и личности, настолько похожие друг на друга, что было бы нелепо списывать все это на прихоть случайности. Невероятную популярность приобретает сравнительное религиеведение, сопровождаемое и строго научными доказательствами, и подчас весьма дилетантской «шерлокхолмщиной». Миллионы читателей напряженно сравнивают доказательства и улики, подтверждающие либо опровергающие сходство богов и мифов, наличие у них единого происхождения. Наиболее известными в этой мишуре открытий стали пришельцы из космоса Деникена. При всей научной спорности его постулатов надо признать, что Деникен возбудил общественный интерес к вечному вопросу: откуда мы сами, какова та исходная матрица, с которой напечатан человек, его поведение, его эмоции, его мышление?

В Германии основы сравнительного научного изучения религий были заложены после того, как ученый мир ознакомился с «ригведой» — одним из самых древних памятников философии и мифологии Индии.

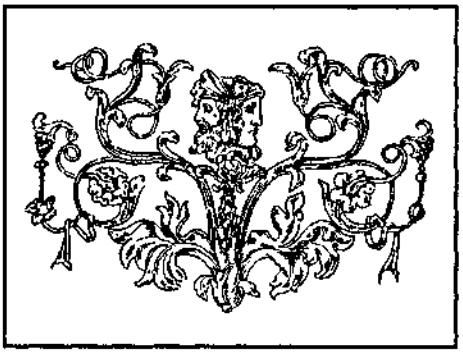
Индийский пантеон так густо населен, в нем представлено такое множество богов, его мифы так красочны и разнообразны по сюжету, что

найти параллели во внеиндийской мифологии не составляет никакого труда. Даже кельтская и греческая мифологии не могут отрицать родства с индийскими корнями. Достаточно назвать имя Прометей и вспомнить, что индийское «прамата» означает «брать себе», а также «получать огонь трением».

Трезубец Шивы вновь обнаруживается в руках Посейдона и кельтского морского бога Маннанана, сына Лера, но и христианские черти в аду помахивают трезубцами. Исцеляющий бог Аполлон-Эскулап обнаруживает поразительное сходство с индийским Рудру: тут и посвящение в юноши, и стрелы, навлекающие болезнь, и искусство врачевания. В Индии есть легенда, в которой бог — повелитель ветров сражался с демонами, похитившими его скот. Как тут не вспомнить греческого Аполлона, который искал украденных у него коров? Битва Геракла с Герионом находит соответствие в сражении Индры с Витрой. Когда древние германцы повествовали о диком охотнике и бешеных вепрях, когда классические греческие мифы рассказывают об оргиях Диониса, мы также вспоминаем об Индре, который скачет на белом коне с

борзой Сарамейей у стремени. Подобно Юпитеру и Вотану, он мечет громы и молнии, он убивает змею Ахи — безусловно, он прообраз всех героев, побеждающих драконов и великанов, будь то Персей, Тристан или «храбрый портняжка».

У каждого народа был свой бог и своя богиня любви, бог солнца, бог войны, мать-богиня земли и бог — властитель подземного мира. Однако похожи не только сами личности богов и героев, но и ритуалы, молитвы, танцы, культы. Вот один из наиболее поразительных по общему сходству



лейтмотивов: герой или святой справляется со множеством испытаний. Он вступает в схватку с демонами и чудищами, будь то порождения его фантазии или реальные явления, и, когда он побеждает их благодаря своему мужеству, ловкости, уму или иным добродетелям, он познает великую истину и становится бессмертным. Эта схема, которая присутствует в эпосах самых различных религий и мистерий, отмечается не только в высокоразвитых культурах. Нет, она обнаруживается и в легендах индейцев прерий, у киргизов, у коренных жителей центральных районов Австралии. Ученые обратили внимание на это обстоятельство при изучении «Илиады» и связанных с этим произведением источников.

В отличие от теологов мы полагаем, что мир богов возник не только для исполнения космического закона, но и для того, чтобы передать какие-то основные принципы или платонические идеи. Он также призван отобразить великое разнообразие и пестроту образов и событий, с которыми человек встречается на земле. По своему внешнему виду мир богов эстетичен, по своим проявлениям он чувственен. Таким образом, он соединяет реальное и духовное, мистическое и материальное, душу и окружающий мир. В истории индийских религий эта комбинация наиболее ярко выражена в тантризме, который также ищет гармонии между материей и духом.

Тантризм, как говорят его последователи, восполняет разрыв между физической реальностью и внутренним миром, для него нет противоречия между органическим и порожденным духом. Слово «тантризм» происходит от санскритского корня «тан» — расширение, это метод дальнейшего развития человеческого сознания, пробуждения дремлющих в человеке

духовных сил, привлечения их к выполнению реальных задач. Тантризм — это не только теория, но и практика, он пытается воссоединить дух и материю. Он исходит из посылки, согласно которой сознание и бытие — единая и единственная сила становления личности.

Любопытно отметить, что для сути мифологии безразлично, движемся ли мы снизу-вверх или сверху-вниз. Можно спуститься с высоты космических творений вниз к бесконечному разнообразию конкретных форм, которые принимает единый дух, либо напротив — человек может воспарить из сферы конкретного чувства в высоты универсального сознания. Это движение в обоих направлениях — существенная характеристика мира богов, в ней мы видим отражение как абстрактных принципов, так и Шивы-Шакти: Шива — принцип спокойствия, Шакти — женское начало — принцип творческой энергии, раскрытия самого себя и одновременно познание природы, активный принцип, благодаря которому бог-супруг проявляет свои потенциальные качества. В этой поразительной двойственности скрывается тотальная универсальность.

Так же как греческий мир богов, учение тантризма покоится на принципиальном дуализме: идея мужчины — «пуруса» (космическое сознание) и идея женщины — «пракрити» (космическая сила природы).

Пуруса действует статически и отображает трансцендентальный уровень, пракрити, напротив,— это кинетическая энергия, импульс созидания, из которого возникает и развивается чувственный мир. Тантризм

пластическое многообразие человеческих чувств. Аид, Посейдон и Зевс являют не только прошлое, настоящее и будущее, но переживают подлинные любовные и военные приключения. Этот дуализм — явные и скрытые аспекты божества — мы видим и в индийской мифологии в образе видит свое назначение в том, чтобы интегрально соединить полярности, чтобы познать радость от реализации духовного. Чувственная энергия греческих богов и богинь, утверждение ими бесконечного космического многообразия и, прежде всего, их многочисленные любовные приключения

указывают на то, что секреты любовного искусства индусов проникли в Элладу. Эрос приводит в движение неподвижную трансцендентность, а медитирующий Шива доводит ее до вибрации, создавая извечную связь между извергающим началом и принимающим лоном. Мир во всем его великолепии и многообразии возникает из объединения изначально противоречивых мужского и женского принципов.

Это событие окончательно реализуется за счет раскрытия дремлющей в человеке космической силы — кундалини. Эта энергия накапливается в нижней части человеческого тела, но определяет всю психофизическую сущность человека. Чтобы пробудить эту силу, разработан строгий ритуал, который возбуждает психические центры организма (чакры). Кундалини поднимается по телу снизу-вверх вплоть до самого высокого уровня сознания, давая полное раскрытие возможностей человека и способствуя их физической реализации. Другими словами, нужно основательно встряхнуть спящие зоны нашего мозга, в котором накоплено бесконечное количество картин и идей, но который используется лишь в ничтожной степени. Самый высший психический центр, в котором кундалини раскрывается полностью, называют шахасрава. Процесс подъема совершается благодаря асане — соединению мужчины с женщиной. Их половая энергия преображается в космический поток, образно говоря, открывается третий глаз. Таким образом, индийская мифология трансформирует эротическое чувство в духовное начало, а подчеркнуто любовное времяпровождение греческих богов оказывается необходимым для полного раскрытия всех их иных добродетелей.

Символически кундалини изображают как огненную змею, которая в нормальном состоянии недвижно покоится в нижних участках тела. Нетрудно увидеть здесь сходство с фаллосом (лингой). Уместно отметить, что мистерии со змеей или фаллосом в изобилии встречались и в Древней Греции. Символы змеи несут Афина, Деметра, Дионис, Зевс, Асклепий. Кадуцей, жезл Гермеса, обвивают две гадюки, Пифия в Дельфах, как и Кикрей на Саламисе, были змеиными богами. Приверженцы Диониса тоже обвиты змеями, они несут жезл, на конце которого изображена сосновая шишка, сильно напоминающая фаллос. Когда искусный Прометей украл божественный огонь, он спрятал его в полой ветке и унес с Олимпа, размахивая веткой как змеей.

Как пишет исследователь античности Роберт фон Ранке-Гравес, в доклассическую эпоху в Греции мужские божества были подчинены главной богине. Но в любовниках у нее был собственный сын, которого представляют то в виде змеи мудрости, то в виде звезды жизни.

Разве нам не вспоминается тут Кецалькоатль, оперенная змея ацтеков и майя? Да и в Древнем Египте был известен культ змеи. В Книге Мертвых говорится: «И Сет, он ткет в моем спинном хребте... Мой фаллос — живой привет Осириса» (имеется в виду, что сила змеи поднимается в спинном мозге снизу-вверх).

Крест на лбу, который мы часто видим на изображениях фараона — это третий глаз, а пересечение вертикальной линии с окружностью указывает на соединение мужского начала с женским. Думается, несложно доказать, что змея Урес на голове египетских царей также имеет связь с кундалини.

Змею почитали гностики и многочисленные еретики средневековья. Для гностиков она означала вселенную и непрерывный цикл развертывания общего из частного и возвращения общего в частное. В отличие от христианской мифологии гностики полагали, что змея и есть само происхождение жизни, освободившее Адама и Еву от оков предрассудков. Змея становится, таким образом, первым мятежником мировой истории, который отнимает у богов их святые тайны и приобщает к ним людей.

А ведь змеи нередко становились символами охраны тайн и мистерий. Значит, они символизировали не только поднимающуюся энергию, но и демоническое, изрыгающее яд чудище. В греческой мифологии змеевидные демоны охраняют различные предметы — символы познания и космических откровений. Это и золотые яблоки Гесперид, которые выкрал Геракл, и золотое руно, на которое покусились аргонавты. Как хранитель святилища Олимпии Зевс Сосиполис является в образе змеи, чтобы предотвратить обрушивание аркад. У собаки Кербера, которая охраняет вход в ад, змеиный хвост. Таким образом, огненная змея соединяет в себе и демоническое и просветляющее, ее логично толковать как символ пути через лабиринт, который герой должен пройти, чтобы достичь высшего познания. Герои греческого эпоса — Тесей, Персей, Геракл, аргонавты —

должны были покончить как с внешними врагами, так и с терзавшими их внутренними противоречиями, прежде чем достигнуть более высокой ступени сознания.

В тантризме мы находим также идею использования лекарственных веществ, расширяющих возможности сознания и облегчающих путь к различным чакрам. Уоссон попытался доказать, что знаменитый божественный напиток индейцев — сома — получали из экстракта мухомора (amanita muscaria). Тантристы использовали во время определенных ритуалов вещества, расширяющие возможности сознания. Они пили «бхариг» — смесь, которую готовят из листьев конопли,

либо курили «ганжу» — другое наркотическое средство, либо втирали в кожу золу сожженных наркотических трав.

Греческая мифология, особенно в ее различных мистериях, изобилует волшебными напитками и ведьмиными котлами. Ученый Ранке-Гравес предполагает, что мухомор жевали и козлоногие сатиры, и люди-лошади (кентавры). При этом у них возникали галлюцинации, они приобретали дар пророчества, увеличивалась мышечная сила и сексуальная потенция. На раме одного этрусского зеркала мухомор изображен у ног Иксиона. Иксион был фессалийским героем, который вкушал амброзию в обществе богов. На аттической вазе, изображающей кентавра Несса, можно увидеть также небольшой тонкий гриб, который растет на коровьем навозе.

Боги, которые питались, собственно говоря, только нектаром и амброзией, осудили на вечный голод царя Тантала именно за то, что он нарушил табу и раздавал амброзию смертным.

В книге, вышедшей в 1960 году, Роберт фон Ранке-Гравес высказал предположение, что амброзия — таинственный элемент орфических, элевзинских и других мистерий, связанных с Дионисом. При этом все участники культа должны были хранить в строжайшей тайне, что они принимали в пищу. Перед их взором открывались незабываемые видения, казалось, им открывается бессмертие. Предположение Ранке-Гравеса подтверждено теперь детальным исследованием культа Деметры, выполненным Хофманом и Уоссоном. Они полагают, что во время мистерий, связанных с Деметрой, использовали и спорынью, содержащую ЛСД.

Подобно тому, как мы находим аналогии между культурами Индии и Америки в образе оперенной или огненной змеи, мы обнаруживаем также аналогии в использовании небольшого гриба, который произрастает на навозе. Гриб называется «псилоциба». Теперь уже каждый знает об экспе-

риментах, выполненных Хаксли, Хофманом, Юнгерсом и Гелпке. Менее известны опыты Ранке-Гравеса, а они обнаруживают поразительное сходство индейских культов с мистериями Древней Греции. Сам ученый, приняв такой препарат, слышал голос жрицы, вызывавшей бога гриба Тлалока. Как и в греческих мифах, предания мацатеков говорят, что грибы появляются там, куда ударяет молния.

Змеиная корона Диониса украшает и голову Тлалока, и так же, как его греческий «коллега», Тлалок, если надо было спасаться, уходил на дно морское. Кровожадный местный обычай отрывать головы жертвы, возможно, аллегорически происходил от обычая отрывать шляпки священных грибов, потому что ножки грибов в Мексике не едят. Нередко на грибе сидит жаба, поэтому земноводное также стало эмблемой Тлалока.

Эротика и психоделитические растения — вот два столпа, на которых строится во всем мире мир богов. Оба элемента мы встречаем в мифологии любого народа. Лишь в материалистическом мире Запада они приобрели апокрифический смысл, в частности в XIX веке в кругах богемы, и только в 60-х годах нашего века эта комбинация основных элементов оказалась открытой заново. Человека, которому принадлежит заслуга открытия связи между тантризмом и сознательным использованием наркотических средств, зовут Тимоти Лири.

Здесь уместно еще раз вспомнить, что именно тантристы сделали попытку сгладить противоречие между внешним (физическим) и внутренним (духовным) миром. Соответственно и при интерпретации мифов существуют два подхода: психологический, особенно у Юнга и Керени, и исторический, где уместно прежде всего назвать имя Ранке-Гравеса. Психологи усматривают в мифологии первопричины человеческой души, самые первичные формы и нормы жизни. Психологический мир человека рождается из мифа. «Это схема на все времена, духовная формула, которая черпает свои типические черты из подсознания и переводит их на язык практической жизни» (Томас Манн). Таким образом, миф представляет собой архетипический внеличностный резервуар образов, из которого душа человеческая черпает фигуры и события. Это материал, из которого сотканы все наши сновидения, и тот, кто хочет

заниматься душой человека, должен разгадать мифы. Мифологию в этом смысле называют «коллективной психологией», «совместным, не принадлежащим только одному человеку владением познаваемыми и узнаваемыми изображениями» (Керени).

В то же время Ранке-Гравес, который, как он признается, сумел проникнуть в суть мистерий за счет специальных экспериментов над собой, преследовавших цель расширить возможности познания, видит в греческой мифологии политико-религиозную историю. Для него мир богов укладывается в гигантское историческое полотно конфликтов между началами патриархата и матриархата в Европе. Древняя Европа, по мнению Ранке-Гравеса, никаких богов не знала, была только одна Великая Богиня, и только она одна почиталась как бессмертная и неизменная. Ее власть усматривается, например, в том, что в религиозных представлениях еще не было понятия отцовства. У Великой Богини были любовники, но лишь для собственного удовольствия. Люди трепетали перед богиней, они приносили ей жертвы и поклонялись ей. В пещерах и хижинах в центре стоял очаг, он также представлял собой сердцевину жизни человека той поры, сердце общины, символ мистерии первородного материнства.

Ранке-Гравес также бросает взгляд в сторону Индии, на юге которой до сих пор существуют матримониальные общества, где потомство прослеживается только по линии матери. Знатные женщины рожают детей от незнатных, без имени и звания любовников.

Таким образом, греческий миф — это прежде всего история борьбы между традициями матриархата, которые вытесняются новыми силами завоевателей с севера. И Ранке-Гравес без труда находит в любом греческом мифе отголоски этой исторической борьбы.

Послушаем тантриста, и он без труда разрешит этот спор. Он скажет: правы оба, и приверженцы психологической, и приверженцы исторической школы, ведь в истории нашла отражение наша душа, равно как история отражает нашу душу.

Субъективное и объективное — это выражение одного и того же, это лишь различные углы зрения, под которыми рассматривается один и тот же предмет. Европейцу трудно понять это, ведь европейская традиция исходит из принципиального противопоставления субъекта и объекта.

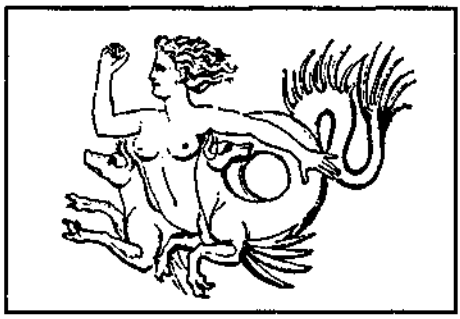
С тех пор как Сократ на рыночной площади издевался над мифами, их начали относить к сфере бредовых фантазий. В этом направлении немалый вклад внесли схоластики, позитивисты и сторонники марксистского учения. Особенно непоправимый урон мифу нанесли годы фашизма. Свою разрушительную жажду власти национал-социалисты пытались прикрыть ширмой германского мифа, существовавшего только в воспаленном воображении фашистских идеологов и лишенного какой бы то ни было исторической традиции.

Руны и германцы, открытые якобы заново в тридцатых годах, исторически никогда не существовали. После крушения «тысячелетнего рейха» миф пытались спасти, придав ему окраску рационализма. Но можно ли приручить чудище, просто не замечая его?

Вновь и вновь делаются попытки ввести жизнь в ложе с одними лишь рационалистическими берегами. А ведь

мало кто станет утверждать, что одного рационализма достаточно для интерпретации массового сознания нашего общества. Вся история XX столетия, его политические фигуры мифологически заданы в неменьшей мере, чем мир древних греков. Такие современные мифы, как атомная энергия, биологические компьютеры и станции на околоземной орбите тут же находят свое адекватное отражение в научной фантастике.

Если признать, что человек замешан на духовном и чувственном, то не остается ничего иного, как признать значение мифа, в котором история записана в ее чувственной форме. Конечно, позитивисты и левые либералы могут не согласиться с нами, но миф исчезнет только тогда, когда исчезнет человек. Поэтому при политической интерпретации мифа уместно не отрицать этого факта, а заняться вопросом, какие мифы следует приветствовать: параноидно-гибридные или позитивно-сюсюкающие. Вопрос непростой, но, прежде чем взяться на него отвечать, следует изучить миф и понять, что за ним скрывается и как с его помощью можно изменить мир. Именно в этом смысле мы хотим представить ниже фигуры греческой мифологии.



Попытка представить психологическую и историческую стороны мифа, его актуальную и вневременную сущность, его происхождение и его устремленность — дело очень непростое, ведь исследование взаимосвязей такого рода только начато. И все же дети Земли уже устремились в путь — на поиск древнейшего искусства любви, на открытие тайн лекарственных растений и расширяющих горизонты познания средств.

Янус/Дианус

Это римско-италийский бог входов и выходов, дверей и всякого начала. В искусстве его изображают с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны. В своей книге «Золотая ветвь» Фрейзер узнает в Янусе прообраз бога леса и вегетации. Под именем Дианус его чтили в дубровых рощах Неми. Там ему служил жрец, который был приравнен к королевскому достоинству. Жрец должен был днем и ночью охранять посвященный его культу дуб — ведь тот, кому удавалось отломить ветку дуба, приобретал право убить жреца и занять его место.

Согласно древней италийской мифологии, однажды имело место святое обручение Дианса и Дианы — богини леса и плодородия. Поскольку Янусу, как и Юпитеру, посвящен дуб, Фрейзер полагает, что эти боги идентичны, как идентичны женские богини Юнона и Диана.

Янус — самая загадочная фигура бога Древнего Рима. Его называют созидателем, богом богов, предтечей всего божественного ареопага. Это

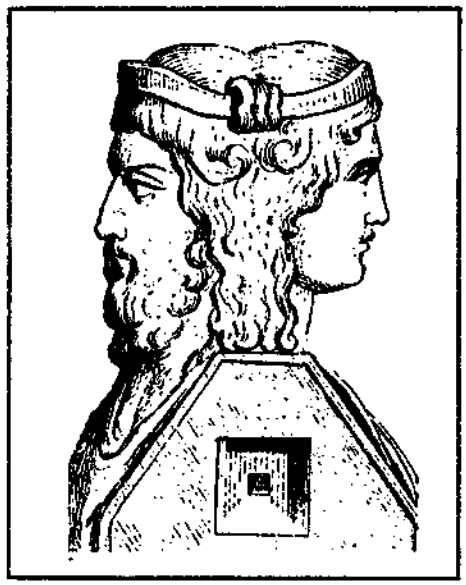
напоминает нам индийского бога Вайю, которого также при перечислении называют первым, и иранского Ваю, которого представляют в виде двойной фигуры — Добра и Зла. Как богу начала и конца ему приписывали большое мистическое значение, ведь для римлян первый шаг имел решающее значение для успеха всего задуманного, первый шаг определял все остальные. Если человек начинает что-то новое, он проходит в ворота и попадает в другое пространство. Это касается как перемещений человека во времени и пространстве, так и перемещения душ.

Таким образом, Янус становится богом порога, и мы видим его у входа многих римских домов и у ворот многих городов. К тому же он должен был охранять вверенное его попечительству помещение, отпугивать враждебных чужаков и демонов и приглашать приятных гостей. Соответственно его лицо не имеет демонических черт, как у многих других стражей ворот, оно выражает, с одной стороны, силу и решительность, с другой — дружелюбие и мудрость. Его значение как стража ворот и его двойной лик известны и в других культурах, особенно в африканских. Можно увидеть параллель ему в двухголовом божестве, которого бушмены Суринама всегда ставят при въезде в деревню.

Ритуальное убийство жреца этого бога в Неми и его почитание как бога природы включают это божество в длинную череду культов вегетации, главная идея которых — победа юного бога весны над зимой. Здесь же и основа многочисленных мистерий, культов Диониса, Аттиса, Адониса, Осириса. Согласно Фрейзеру, это общее выражение религиозной магии превращения природы, которое заключается в смерти и приходящего ей на смену воскресения.

Изображение бога с двумя головами позволяет трактовать этого бога самым различным образом. Он становится символом любого противоречия: внешнее и внутреннее, душа и тело, миф и разум, правое и левое, консервативное и прогрессивное, материя и антиматерия, одним словом, вся диалектика находит в этом боге свое пластическое синтезированное воплощение. Но максимальное художественное наполнение этот образ находит, когда ему приписывается еще и двуполость.

Нет ничего удивительного, что патриархальный Рим представлял Януса почти всегда с лицом мужчины, ведь отец семейства был безраздельным хозяином дома. В то же время народы, жившие на полуострове Италия, в мифологии которых говорилось об обручении Дианусa и Дианы, видели в этом боге как мужское, так и женское начало. В искусном художественном изображении удается представить оба полюса в их единстве, и тогда голова двуполого Дианусa оказывается символом такого социального и психического состояния, которое уже не связано только с матриархальной или только с патриархальной формой сознания общества. И в то же время изображение не лишено подчеркнуто характерных черт мужчины и женщины, пластика представляет собой поле вибрации, где разделение сливается в единство, чтобы затем вновь отъединиться друг от друга. Эта двуполость напоминает божество нового Эона, о котором говорит Кроули в «Книге Тота», а в картах Тарот так рисуют дурака.



Как социальный символ голова Януса имеет вполне реальный прообраз, ее можно рассматривать как общественно-политическую тенденцию, которая предпочитает оглядываться назад и учитывать традицию, чтобы сделать более обоснованным и более уверенным свое поведение в будущем. Самое убедительное отражение такая тенденция находит в европейском регионализме, в котором преобладают экологическое и молодежное движения. Молодые баски, бретонцы, валлийцы, эльзасцы хотят больше знать о своей ушедшей культуре, о ее традициях, чтобы противопоставить их технократической бюрократии государства.

В экологическом движении ФРГ также оказались плечом к плечу представители консервативного и левоанархистского лагеря — очень редкое явление для социальной и духовной истории Германии. В своей книге «Переживут только племена» Вайн Делория пишет, что движение американских хиппи потерпело поражение потому, что оно не опиралось на традиции и ритуальный опыт; если принять такую точку зрения, то можно сделать вывод, что остатки индейской традиции и крестьянской культуры обречены на вымирание, если они не будут подпитываться энергией, которую дает им молодежное движение. И тогда двухголовый Янус мог бы стать символом такого синтеза.

Литература

F. Börtzler: Janus und seine Deuter, Bremen 1930
L.A. Mac Kay: Janus, Berkeley 1956
James George Frazer: Der goldene Zweig, Frankfurt 1977

Крон (Хронос)

Начало и первопричину всех вещей греки видели в Хаосе — пропасти, заполненной тьмой и туманом. Из этого лона поднялась вначале твердая земля — широкогрудая Гея и ее противоположность — пустой мрачный Тартар. Третьим же появился Амур — бог любви, который объединяет противоположности. Гея горит желанием творить и создавать, так, в частности, она сотворила из себя огромное звездное небо; Уран — место, где будут пребывать будущие боги. Мрачное, земное, глубокое стало матерью светлого, высокого, небесного.

Праматерь Гея вступила в сожительство с Ураном, и в результате этой связи возникли титаны. Сам отец ужаснулся их облику и столкнул детей в Тартар. Но

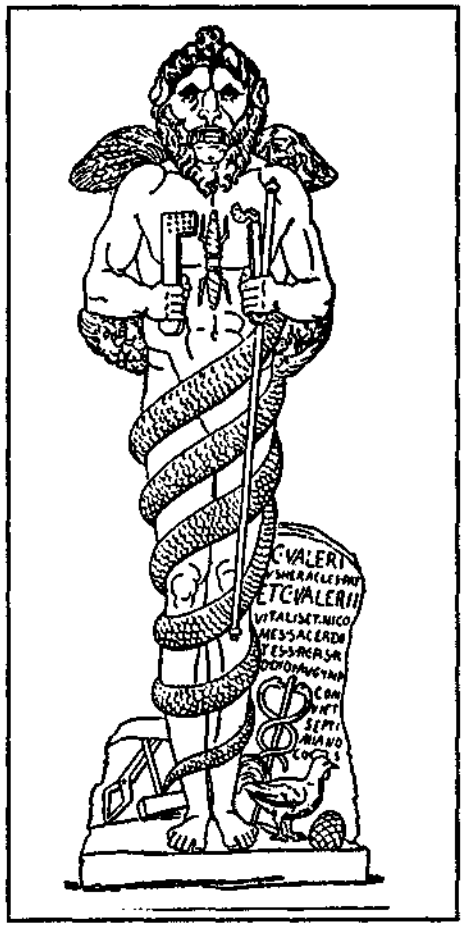
Гея вздыхала и печалилась о судьбе своих детей. Она задумала месть и сковала первый серп, который дала самому юному из своих сыновей и самому хитроумному — титану Крону. И когда Уран хотел в очередной раз оплодотворить Гею, Крон серпом оскопил его. Капли крови, которые падали на землю, обратились в фурий — богинь мести, гигантов и горных нимф. А семя Урана упало в море, и из него появилась Афродита — богиня любви, из непорожденная.

Подобно отцу, Крон взял в супруги сестру Рею, а детей уничтожал, проглатывая их. Самый младший из его сыновей, Зевс, впоследствии лишит отца власти, как некогда это проделал Крон.

Крон, сын Урана — воплощения звездного неба и Геи — богини земли — олицетворяет принцип времени — ведь самые первые отсчеты времени проводились древними с помощью наблюдения за звездным небом. Часто Крона изображают с песочными часами в руке, а название точного прибора для измерения времени — хронометр — дано в память о Кроне-Хроносе, титане греческой мифологии. Он заглатывает своих детей, едва они появляются на свет, как время бежит вперед, поглощая секунды, минуты, часы. Другой символ Крона — серп, он тоже говорит об уничтожении и через причудливые ассоциации стал символом смерти, завершающей расчеты с живым.

В греческом мифе о возникновении мира Крон означает третью ступень развития после Хаоса и любви, которая объединяет возникшее противоречие между тьмой и светом. Однако ни одна из этих ступеней полностью не исчезает. Правда, Сила восстает против Силы, Сила побеждает Силу, но и побежденная, низверженная Сила все еще остается достаточно могущественной. Хронос как принцип организации времени, которое все явления выстраивает в хронологическом порядке и тем самым демонстрирует их конечность, хотя и побеждается Зевсом — вечным духом, но, как сообщает миф, не исчезает, а попадает в Элизиум, где предается бесконечным играм.

По другой версии, Крон спасается бегством в Италию, и под его правлением приходит Золотой век: люди живут подобно богам, они всегда счастливы и беззаботны, сильны и здоровы. Когда же наступает время умирать, люди впадают в дремотный сон и в нем освобождаются от своей земной оболочки и превращаются в



демонов. В память об этой райской жизни в Риме ежегодно 17 декабря праздновали сатурналии (от слова Сатурн — римского имени Хроноса). В это время рабам давали все возможные свободы, как бы стиралась разница между рабом и господином. Рабов сажали за роскошно накрытые столы, а господа должны были их обслуживать. Вначале этот веселый праздник длился только один день, потом стал продолжаться неделю.

Зевс

Зевс — третий сын Крона и Реи, был предусмотрительно спрятан матерью от отца, который, как известно, проглатывал своих детей. Уран, отец Крона, на которого он напал с серпом, перед смертью предупреждал его, что его тоже лишит власти один из собственных сыновей. Зевса вырастили нимфы, а затем он появился при дворе Крона, где с помощью матери получил должность виночерпия. Воспользовавшись представившейся ему возможностью, Зевс подмешал к медовому отвару горчицу и соль. Крона стошнило от противного напитка, и он изверг из себя всех проглоченных им детей — братьев и сестер Зевса. Они выбрали Зевса своим предводителем в битве с титанами.

Битва эта длилась десять лет, и чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Наконец Рея посоветовала детям взять в союзники циклопов, мятежных сыновей Урана, низвергнутых им в подземное царство. Зевс освободил циклопов, а те дали ему замечательное оружие — молнию. Гадес (Аид) подарил Зевсу шапку-невидимку, а Посейдон — трезубец. С таким арсеналом и с помощью братьев и сестер Зевс победил отца и сам стал главным среди богов. Посейдон, Гадес и Зевс бросили жребий, кому быть правителем какого царства. Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Гадесу — подземное царство душ умерших, а землей боги владеют сообща.

Зевс начал свататься к своей близняшке-сестре, но без успеха. Пришлось прибегнуть к хитрости.

Зевс обернулся растрепанной жалкой кукушкой, сестра прижала ее к груди, чтобы согреть, и тут Зевс вновь принял свой обычный облик и овладел сестрой. Пришлось ей, чтобы избежать позора, согласиться стать женой Зевса.

Этот союз омрачался постоянными раздорами между супругами. Бесчисленные любовные похождения Зевса и постоянная ревность и мстительные поступки Геры составляют изрядную часть всех мифов. Зевс, который редко расставался с извергающей гром булавой, с ее помощью держал в подчинении

весь сонм олимпийских богов, которые готовы были к ссорам и раздорам по любому поводу и в любое время. Сам же он был уязвим только для стрел богини любви Афродиты.

Зевс — самый младший из детей Крона — кронидов, представлял в греческой мифологии само небо; об этом говорит и его имя, означающее свет. Благодаря его уму и хитрости олимпийские боги одержали победу над своими предками-титанами. Зевс может усмирять эти необузданные, бездумно и слепо действующие природные силы, но он не может их уничтожить. Он прогнал их в Тартар — акт, символизирующий победу светлого духа над темными силами природы.

На Крите и в Додоне Зевсу поклонялись именно как богу природы, оплодотворяющему и питающему, богу, который летом проливает дождь на изнуренную землю. Зевс виделся грекам и в шелесте дубовой листвы, и в полете голубя — птицы, посвященной этому небожителю, но он мог разгневаться и тогда насылал темные силы грома и разрушающую молнию на головы смертных.

И в Додоне, и на Крите, где он вырос, как утверждает миф, рождение Зевса отмечалось по весне музыкой и оргиастическими танцами, а его спуск осенью в подземное царство — печальными причитаниями. Зевсу был посвящен также бык — символ неуемной плодородной энергии.

Наряду с Зевсом — богом природы мы обнаруживаем у Гомера также Зевса космического:

Как только он нахмурит брови,
Трясется весь небесный свод.
Он всемогущ и всеобъемлющ,
Пред ним склоняется земля,
А от улыбки громовержца
Светлеют сразу небеса.

Этот Зевс отмечен знаком орла — птицы, которая парит в чистом эфире и оттуда молнией падает вниз. Ему же посвящены вершины гор, которые из облачной атмосферы земли возносятся к горному эфиру (эфир нередко рассматривался как пятая стихия в дополнение к земле, воздуху, воде и огню). Эфир — это чистый дух, преодолевший и воспаривший над грубой материальностью четырех других стихий.

Афина Паллада, скульптура Фидия

Цвет Зевса белый, то есть свет в чистом виде. Орел, эфир, свет и молния символизируют уровень астрального сознания по ту сторону грубой земной материи. Зевс олицетворяет собой середину Вселенной, центр универсального сознания, от которого исходят все другие импульсы. Зевс в курсе всего происходящего, от его взора не ускользнет ни одно событие, даже если оно только должно произойти в будущем. Даже бога-оракула Аполлона называют прорицателем Зевса. Выше его стоит разве только Мойра — богиня судьбы, которая сплетает в единую ткань судьбы отдельных людей.

Но Зевс также и Большой Отец: и боги, и люди — его дети. Нередко он, дух, спускается на землю и соединяется здесь со своими дочерями. «Это божественная и всемогущая энергия юности, которая не останавливается ни перед чем. Зевс столь обилен, что неба ему не хватает, и он обращает свой взгляд на дочерей смертных». (Из книги о богах, изданной в 1795 году). Собственно говоря, все возлюбленные Зевса суть воплощения под разными именами и с разными чертами облика и характера единственной небесной богини Геры, и только монотеистское усердие ее слуг пытается низвести их до простых смертных наложниц.

В отличие от других богов и богинь греческого пантеона, каждый из которых имел свои достоинства и недостатки, Зевс совершенен, в нем идеально сплавлены все противоречия. Его скипетр-молния одновременно символизирует и свет, пронизывающий тьму, и несущее смерть разрушение. Орел и бык олицетворяют воспаренную и земную созидательную энергию. Властелин мира, как принцип духа и универсального разума, не подвержен никаким страстям, кроме любви. Он дух, обрученный с материей и принимающий все новые и новые формы.

Вотан — соответствующий Зевсу бог германцев

Литература

H. Diels: Zeus, in: Archiv für Religionswissenschaften 22, 1926
S. Mariantos: Die Wanderung des Zeus in: Archäol. Anz. 77, 1962
H. v. Hülsen: Zeus, Vater der Götter und Menschen, Mainz 1967
J. Fink: Der Thron des Zeus in Olympia, München 1967

Аполлон

Бог юности, музыки и врачевания, Аполлон — близнец Артемиды. Еще в очень юном возрасте он убил в Дельфах дракона Пифона и взял себе оракула. Так он стал дополнительно богом предсказания, а также богом мышей, потому что мыши могут угадывать будущее.

Как бог музыки он особенно отличался игрой на лире. Как-то са-

тир Марсий вызвал его на состязание, и Аполлон победил, но не удовлетворился этим, а обезглавил соперника. Он также состязался в искусстве игры на лире во Фригии с Паном и также победил. Жертвой этого поединка стал царь Мидас, у которого выросли ослиные уши — так наказал его Аполлон за то, что Мидасу больше понравилась игра Пана.

Об Аполлоне рассказывают бесчисленные любовные истории. Кстати сказать, он не всегда выходил победителем. Например, ему не удалось соблазнить родную тетку Гестию, которая хотела остаться девственницей, не удалось завоевать любовь нимфы Синопы. Правда, после долгих уговоров Синопа согласилась отдаться ему, если Аполлон выполнит одно ее желание. Аполлон согласился, и тогда Синопа объявила, что хочет на веки вечные остаться девственницей. И еще одно разочарование постигло Аполлона, когда он преследовал нимфу Дафну. Она предпочла превратиться в лавровый куст, только бы не стать добычей Аполлона.

Не всегда удовлетворялись гомосексуальные наклонности Аполлона: своего любимца Гиацинта он по нечаянности убил, меча диск, и тогда мальчик Кипарис впал в такую печаль, что уже не мог ответить на любовь бога.

Похоже, что самым любимым занятием Аполлона была охота со своей сестрой Артемидой.

В античной Греции Аполлон — могущественнейший из богов, стоящий рядом с Зевсом. Он — символ утонченности, мужской красоты, благородный исполин. Как бог музыки, он символизирует искусство, умеренность, здоровье и право. Ученые XIX века и немецкая классика считают его «самым греческим» из всех греческих богов, богом, которому подчинены ремесла и искусство. Известны сотни имен Аполлона, в частности Феб — «смеющийся». Он был богом юности, молодые люди жертвовали ему длинные волосы, когда становились мужчинами.

На западном фронтоне храма Зевса в Олимпии имеется самое впечатляющее скульптурное изображение Аполлона. Изображенный в центре битвы лапифов и кентавров, олицетворяющих варварство и дикость, Аполлон символизирует цивилизацию и закон. Правда, с другой стороны, это делает его по преимуществу государственным божеством, выступающим против старых народных религиозных обрядов, тесно связанных с природой. Так понимал его Ницше, для которого этот бог был мифическим воплощением духа Эллады, греческой классики, в противоположность архаистическим или дионисиевым течениям в эллинизме.

Аполлон — символ человека, который перестал быть зависимым от природы и в то же время неудержимо стремится к ней. Он все время — в преследовании нимф и дриад, но безуспешно. Вообще его контакты с женскими божествами, олицетворяющими силы природы, не ладятся. Как воплощение государственной религии, он подавляет примитивную религию и анархическое изъявление опьянения.

Кстати, бог Аполлон был известен за тысячи лет до того во Фракии. Великолепная бронзовая статуя и культовая колесница, относящиеся ко II тысячелетию до Р. Х., найденные в Аполлонии (теперь Созополь на Чер-

ном море), указывают нам на его следы. Колесница, влекомая птицами, опирается на три колеса. На ней восседает бог. Зигерт предполагает, что в данном случае мы имеем дело с гиперборейским Аполлоном, который каждую осень покидает на повозке, в которую впряжены лебеди, свой родной остров Делос в Греции и через море, сушу и по воздуху отправляется на север в царство Борея, северного ветра, а весной возвращается обратно.

Слово «гиперборейцы» образовано от греч. «живущие по ту сторону северного ветра» или от фракийск. «живущие за горами». Гиперборейцы — легендарный народ «на крайнем севере земного круга». Геродот помещал их в область Венгерской впадины или в современную Трансильванию. Греки считали, что гиперборейцы пребывают в вечном удовлетворении и, таким образом, их страна — земной рай. Для фракийцев Аполлон был богом растений и пастушества, в частности, его задачей было охранять жизненно важную пшеницу от мышей.

Как бог света, Аполлон был для фракийцев также врачевателем, который, однако, своими стрелами может принести и боль, и смерть. Зигерт предполагает, что в его культе «музыка, танец, предсказания и экстаз... объединились в инструментарий диагностики и терапии, которые мы назвали бы сегодня психосоматической терапией. Дионис, Орфей и Замолкс венчают своим искусством все мыслимые достижения в этой области».

Таким образом, Аполлон вовсе не противоречил Дионису, как кажется Ницше, находившемуся под влиянием фарисейской греческой филологии

Аполлон — повелитель небесных сфер и времени изображен здесь в окружении муз, планет и трех граций. Три звериные головы змеи олицетворяют известные нам три аспекта времени: лев — настоящее, волк — прошлое, собака — будущее

XIX века, противопоставлявшей аполлоновское и дионисийское начала. Фракийский Аполлон жил также в полной гармонии с женскими божествами, олицетворявшими природу, — на рисунке мы видим средневековую картину, которая очень напоминает фракийский рельеф в описании Марии Зончевой. «Три нимфы объединены в гармонии мелодичного ритма. Они танцуют ногами, руками, всем телом, их обнаженные тела совершенны и прекрасны. Фракийские нимфы — не ангелы, сопровождающие богов, они абсолютно земные существа».

Александр Фол, директор Института изучения фракийской культуры в Софии, предполагает, что фракийские и греческие мифы имеют общие корни в минойской культуре. Это означает выделение на первый план невоинственных, мирных черт Аполлона, ведь Крит издавна считался островом игры и танца. В последнее время эти влияния прослеживаются еще дальше в глубину веков, и при этом обнаруживается поразительное сходство Аполлона с индийским божеством Рудрой.

Большое значение для религии и политики Греции имел посвященный Аполлону дельфийский оракул. Пифия — жрица Аполлона, восседала на треножнике, установленном над трещиной в скале, из которой поднимались одуряющие газы, которые приводили Пифию в состояние экстаза. В этом состоянии она произносила какие-то слова, которые жрецы храма трансформировали в стихотворные ответы на поставленные им вопросы. Последние работы Уоссона и Хофмана об элевсинских мистериях позволяют предположить, что и в этом случае речь идет о психоделитических препаратах.

На орфической культовой чаше, выполненной в IV веке до Р. Х. представлен гиперборейский Аполлон с лирой в руках и грифом у ног. На чаше изображены фигуры, олицетворяющие различные стадии инициации. Согласно Кембеллу, фигура Аполлона означает, что ученик уже овладел знаниями, которые позволяют ему судить, что и кто движет людьми. Лира напоминает нам о «гармонии сфер» Пифагора, гриф у ног объединяет черты солнечной птицы и солнечного зверя, то есть орла и льва, которые противопоставлены соединениям животного и рыбы. Таким образом, Аполлон, сидящий с лирой в руках на горе Геликон, охраняет вечные формы (какой бы временный облик они ни приняли), которые Платон назвал «универсальными идеями».

Три грации рядом с Аполлоном заимствованы из произведения неоплатоника Гафирия «Practica musice» о музыке сфер. Это те три стороны обнаженной души, какими она предстает перед богом. Эфросиния — «радость» — не хочет ничего знать о настоящем и сиюминутном, она олицетворяет божественную милость, которая управляет миром. Аглая — «сияющая» — смотрит богу прямо в глаза, указывая на то, что в общении с богом душа человека приобретает свою завершенность. Наконец, Талия — «обильная» — уравновешивает достоинства и недостатки двух других граций. Кембелл предполагает, что три грации и гиперборейский Аполлон представляли три образа бога в одной божественной субстанции, и лишь впоследствии, согласно христианской доктрине, они были редуцированы до одного мужского бога. В средние века Аполлона почитали прежде всего как бога стихосложения, и Вольфрам фон Эшенбах говорил, например, что он всем обязан Аполлону и музам. В Аполлоне он видел «сияющий свет», сияние которого высвечивает языческую традицию в поэзии миннезингеров.

Литература

W. Stechow: Apollo und Daphne, Leipzig/Berlin 1932
F. G. Jünger: Griechische Götter – Apollo, Pan, Dionysos, Frankfurt 1943
P. Amandry: La mantique apollonienne à Delphes, Paris 1950

O. Panagl: Apollos Pythonkampf und die Delphische Orakelgründung im Spiegel antiker Mythenkritik (Kairo, NF XII/1970)

Гадес/Аид

Аид — брат Зевса и Посейдона, он вместе с ними сверг своего отца Крона. Для успешной борьбы циклопы подарили ему шапку-невидимку, и после того, как братья победили и поделили между собой небо, море и подземное царство, Аиду досталось последнее. С помощью своего трехголового пса Кербера Аид следит за тем, чтобы никто не покинул подземное царство.

Сюда в виде теней и фантомов спускаются умершие. Главный вход в подземное царство находится на берегу реки Океана на склоне, огражденном черными тополями. Богобоязненные родственники кладут покойным монету под язык, чтобы они могли оплатить услуги Харона, жадного гребца, который перевозит мертвых в своем челне через реку Стикс. Одним из притоков Стикса является Лета, некоторые души пьют из нее воду и тогда теряют память. Герои гуляют по лугам, заросшим асфоделиями, предаются воспоминаниям о делах минувших, хотя в воспоминаниях их нет ни радости ни печали. Провинившиеся, самым известным из которых, пожалуй, является Сизиф, несут положенное им наказание. В тьму подземного царства было брошено и большинство титанов. Хаос считался частью подземного царства.

Царство Аида начинается далеко на западе, где солнце опускается в пучину морскую. Так возникает идея ночи, смерти, тьмы, зимы. Когда Аид отправляется на собрание богов на Олимп, черные кони влекут его колесницу. Символ Аида — двузубые вилы — указывает на то, что он правит жизнью и смертью. Стихия Аида — земля, которая вновь заби-

рает к себе своих детей, но в лоне ее таятся семена новой жизни. Аид — антитеза своему брату Зевсу, свет противопоставляется тьме, жизнь — смерти, активная творческая сила созидания небожителя Зевса — земной инерции. Зевс — властитель будущего, Аид правит прошлым.

Имя его значит «невидимый», в отличие от Гелиоса — «видимого», бога солнца. Изображают Аида с головой, повернутой назад. Он становится, таким образом, «не глядящим в глаза», внушающим страх богом смерти, который заставляет исчезнуть и делает невидимым все живое. Жертвы ему приносили, отвернув лицо от места жертвоприношения. Греки боялись вслух произносить его имя, чтобы не привлечь к себе внимание Аида. Поэтому ему придумали второе имя — Плутон («богатство»), имея в виду, что ему, как богу подземного царства, принадлежат все сокровища.

Мифы о подземном царстве всегда включают в себя истории о каком-либо путешествии, предпринятом богом или героем. Герои могли быть посвященными или непосвященными, и соответственно их ждала разная судьба. Одиссея, скажем, в Тартар послала Цирцея, он должен был найти там душу прорицателя Тиресия и спросить его об исходе своего возвращения домой. Одиссей принес в гроте на краю света в жертву двух овец. Как только кровь овец стекла из горла в расщелину, из подземелья начали подниматься души тех, кто испил крови. Они начали беседовать с Одиссеем, рассказывали ему о своей судьбе, отвечали на вопросы. Но мертвецов становилось все больше, их речи сменались в бессвязный поток, и Одиссей испугался. К тому же нельзя было исключить возможности, что повелительница ведьм Персефона не пошлет навстречу Одиссею страшную голову Горгоны Медузы.

Наряду с самым распространенным представлением, согласно которому подземное царство — это место пребывания умерших, душа которых отделилась от их земной оболочки, существует и еще одна возможность интерпретации — орфические мистерии говорили о том, что Гадес присутствует и в этом мире, подобно тому, как христианство исходит из того, что и бог и дьявол существуют помимо человеческого бытия. Здесь мы снова усматриваем тантристскую традицию, согласно которой боги и демоны, рай и ад могут трактоваться как зеркальное отражение нашей собственной психики.

Такая принципиальная концепция существования материи, предполагающая, что все феномены пространства и времени как возникают, так и впоследствии разрушаются, не может рассматриваться как взаимоотношения Добра и Зла. Это необходимое движение, без этого нет событийности мира. Миф о Гадесе-Плутоне утверждает, таким образом, что бессмертная фигура, которую христианство разделяет на бога и черта, — это и есть сам человек. Поскольку умершие живут дальше в воспоминаниях и, даже если их не вспоминают, остаются в сокровищнице подсознания,

то подземное царство можно понимать как подсознательное в самом человеке. Тот, кто хотел осознать самого себя, должен был, по учению орфиков, испить «памяти» из правого ручья, Мнемозины, и избегать левого ручья, Леты — «воды забвения», помеченной белыми кипарисами. Эти мифологические представления хорошо сочетаются с недавно открытыми свой-

ствами правого и левого полушарий головного мозга — правое полушарие хранит, оказывается, картины и мифы прошлого, хотя они редко бывают востребованы.

Заклинание умерших, известное в очень многих культурах, призванное получить от них знания и власть, можно рассматривать как внутренний психологический процесс, в ходе которого субъект, например Одиссей, вызывает на поверхность забытые тени собственной истории, дает им жизнь — кровь — и разговаривает с ними, чтобы отыскать истинный образ себя самого. Поход в подземное царство есть на самом деле путешествие во времени — в прошлое. Давно забытые фигуры возникают там из резервуара памяти.

Тартар предлагает не только мрачные картины. Существуют и красочные рассказы об островах, где живут блаженные и где Крон правит любимыми героями. Сообщается о таких местах царства Аида, где, оказывается, всегда светит солнце, о лугах, затененных кустами ладана, на которых цветут красные розы, и где умершие состязаются в метании диска, в игре на лютне, в верховой езде и гимнастике. С деревьев на этом лугу свешиваются ветви под тяжестью золотистых плодов. Керени предполагает, что такие представления о рае внутри подземелья могли прийти из критской мифологии.

Литература

Karl Kerényi: Die Mythologie der Griechen, München 1966

Посейдон

Посейдон — бог моря, землетрясений и лошадей, брат Зевса и Аида, сын Реи и Крона. Отец проглотил, а впоследствии исторгнул его из чрева. Посейдон, делящий с братьями управление миром, постоянно участвует в различных распрях. Одной из самых известных является выяснение с Афиной вопроса относительно того, кто управляет Аттикой. Чтобы показать свое расположение к этой области, Посейдон ударил своим трезубцем в землю, и на Акрополе забил фонтан с морской водой. Зато Афина посадила рядом с этим ключом первое оливковое дерево. Собрался третейский суд, который решил, что подарок богини более полезен людям, и Аттику присудили Афине.

Большую часть времени Посейдон проводил в море. У него был водный дворец, он мчался по волнам на колеснице, запряженной двумя лошадьми. Ему были подвластны также и источники, и реки с пресной водой.

Бесчисленны его любовные истории, как, впрочем, и у других греческих богов. Когда Деметра в поисках дочери попала в Аркадию, за ней с похотливыми помыслами устремился Посейдон. Чтобы скрыться от его домогательств, Деметра превратилась в кобылицу, но Посейдон тут же обернулся жеребцом и все-таки догнал Деметру.

И он обольстил Медузу, которая была когда-то прекрасной девушкой в храме Афины. Плодом этой связи был, в частности, замечательный конь Пегас — любимец муз. Посейдон любит лошадей и также кентавров. У Посейдона было бесчисленное количество детей как от нимф, так и от смер-

тных женщин. Он был, к примеру, отцом нескольких аргонавтов, а самым известным из его сыновей среди смертных был Тесей. Другим его сыном был Полифем, и, когда Одиссей ослепил его, ярость Посейдона не знала границ. Так что бедняга Одиссей нипочем не добрался бы до Итаки, если бы ему не пришли на помощь другие боги.

С другой стороны, Посейдон бывает и мягким, и терпимым. Например, он дал власть диоскурам помогать мореплавателям, попавшим в кораблекрушение.

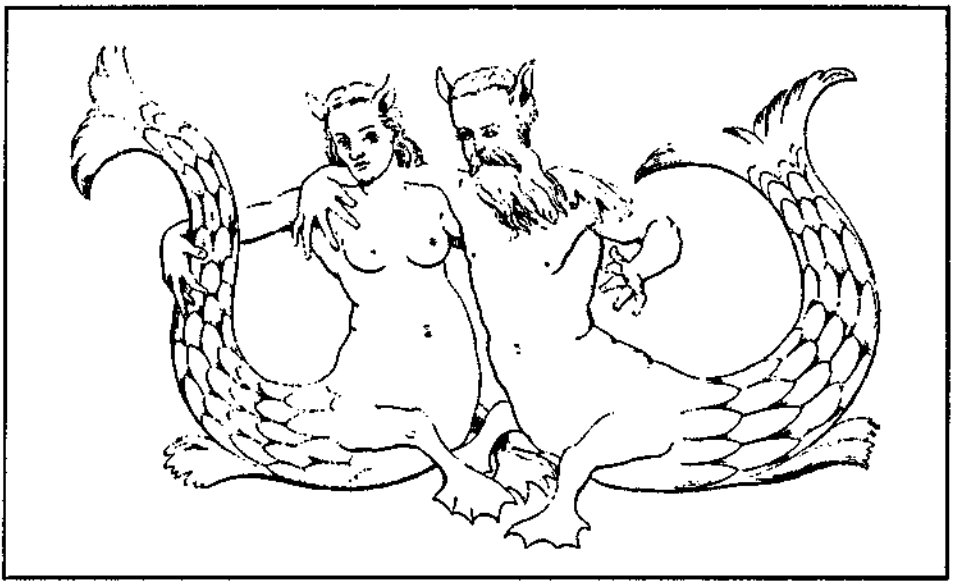
Если братья Зевс и Гадес олицетворяют извечное противоречие света и тьмы, то элемент Посейдона — вода. Никогда не обретающее покоя, вечное движение воды есть образ бесконечного потока жизни. Посейдон обуздывает, утихомиривает разнузданные бушующие силы природы, огромной силой своей сглаживает пенящиеся волны. Но стихия снова и снова восстает против своего господина. Именно из-за этого непокорства стихий Посейдон часто изображается как гневливый, легко выходящий из равновесия колосс.

Супругу Посейдона зовут Амфитрита, в эпосе Гомера это значит просто «море». Амфитрита долго колебалась, выходить ли замуж за Посейдона, как сомневались и Гея, и Персефона, когда решали, брать ли им в мужья Зевса и Гадеса. Ранке-Гравес трактует это как момент перехода к патриархальным отношениям, когда в результате замужества женщина теряла свою независимость. Связь с Деметрой, которая, возможно, дала имя и Посейдону (Посейдан — «супруг богини Да»), намекает на бывшие узы

с твердыней, землей,— ведь в конечном счете землей владели все три брата.

Трезубец — знак власти Посейдона над морем обнаруживается как в индийской, так и в христианской мифологии. Для Шивы — это его основное оружие, для дьявола — один из основных «товарных знаков». Во времена эллинизма при Александре Македонском нередко обнаруживаются подобные смешения западных и восточных религий и философий.

Три зубца символизируют положение бога моря между обоими братьями — непрерываемая связь времен: прошлого, похороненного в царстве Гадеса, и будущего, которым правит Зевс. Таким образом, Посейдон — властелин настоящего. Властитель морей и рек, он властвует над приливами и отливами, над приходящей и убегающей волной, так напоминающей взлеты и падения в судьбе человека. Рокочущая накатывающаяся стихия воды — это ли не образ необузданных человеческих страстей, любви и гнева?! Посейдон вечно занят тем, что успокаивает волны, будь то волны моря или кипение страстей. Он также повелитель лошадей. Вообще Посейдона увлекает все, что быстро движется, и галопирующая лошадь вызывает перед ним образ стремительной, изменчивой и прихотливой волны. Рядом с Посейдоном — различные фигуры, связанные с лошадьми. К примеру, гиппокампони — «конь-чудище» или морские кентавры, которые наполовину лошади, а наполовину — змеиподобные рыбы, океаниды и персиды Гиппо, Гиппоноя и Гиппотоя, по имени которых мы можем предположить, что в них было что-то от кобылиц. Один из любимейших сыновей Посейдона — крылатый Пегас — олицетворение полета человеческого духа в неизве-



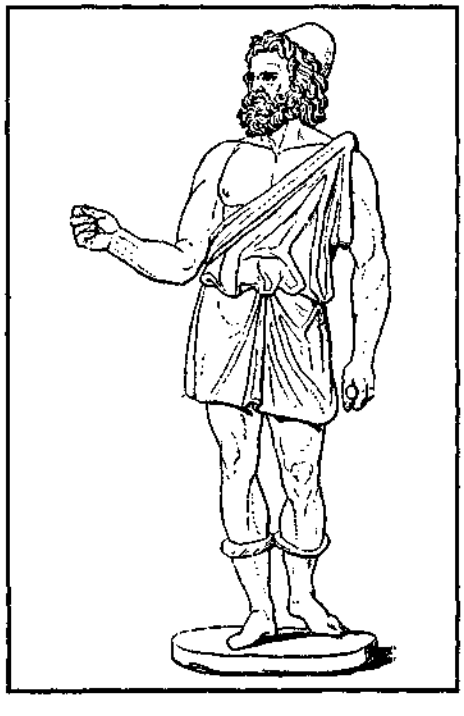
данные миры фантазии и творческого воображения.

Литература

F. Schachermeyer: Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens, Salzburg 1950

Гефест

Гефест — сын верховных божеств Зевса и Геры. Правда, в одном из более поздних мифов утверждается, что Гера родила Гефеста без содействия своего мужа, а просто отведав чудодейственного растения из ревности, когда узнала, что Афина родилась из головы Зевса. Гефест родился хромым, и мать так невзлюбила его за это, что сбросила его с Олимпа вниз. Но Гефест не разбился, его поймали в полете богини морских пучин, и в благодарность за это Гефест выковал им великолепные украшения.



А матери он решил отомстить и сковал такое кресло, что если в него сядешь, то больше уже не подымешься. Гера была в восторге от красоты этого трона, но стоило ей сесть на него, как она погрузилась в волшебную дремоту. Гефест ни за что не хотел раскрывать тайну освобождения, и только после того, как Дионис напоил его, Гефест согласился выпустить мать из железной хватки трона. Гефест был пьян, но не настолько, чтобы не выговорить для себя определенные привилегии,— он потребовал от матери официально подтвердить, что та выдаст за него Афродиту.

По Гомеру, у Гефеста на Олимпе была собственная мастерская, где он ковал замечательное оружие и различные предметы. Позднее он перенес свою кузницу в вулканические горы, откуда и происходит римское имя Гефеста — Вулкан. Помощниками его в кузнечном деле были циклопы.

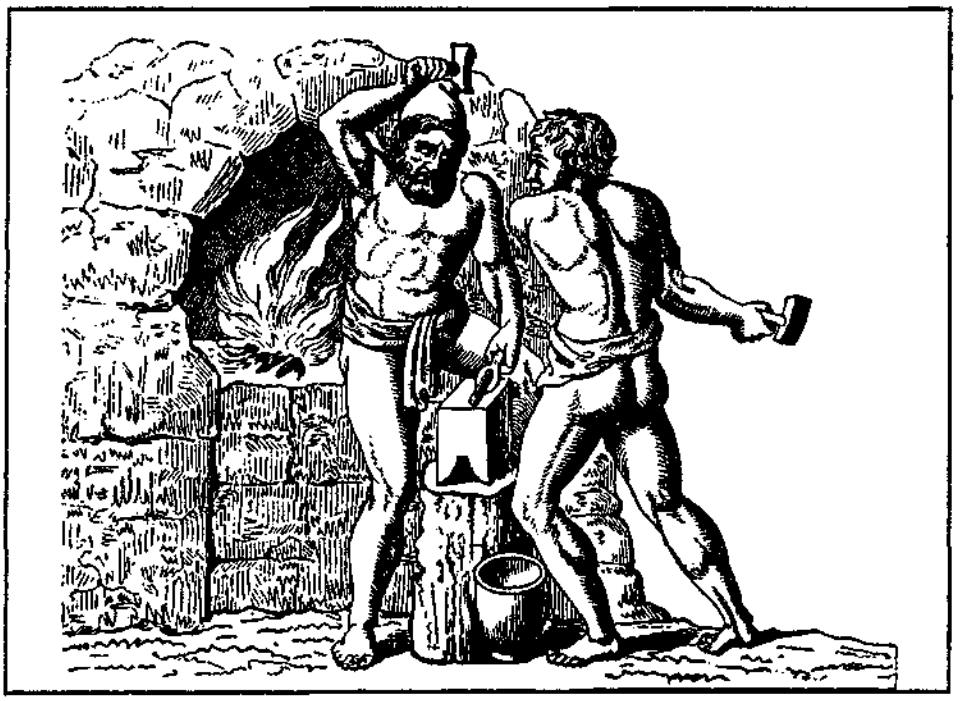
Стихия Гефеста – разрушение, но одновременно и созидание — ведь он пользуется в кузнице огнем, который вначале все уничтожает — плавит, а затем помогает сковать новый предмет, изготовить из старой новую форму.

Среди олимпийских богов Гефест обращает на себя внимание тем, что он — чуть ли не единственный работник, ремесленник. У него нет времени брить бороду, он всегда в саже и копоти, невысок ростом, но очень мускулист, волочит за собой ногу.

Если сам он неказист, то изделия, которые он кует, отличаются изысканным изяществом и вкусом: тут и причудливые устройства, которые сами перемещаются на колесах, и замечательные украшения, в том числе скипетр самого Зевса, солнечная колесница Гелиоса и щит Ахилла.

В скандинавских мифах часто упоминаются похожие на карликов горбатые кузнецы. Подчас их нарочно делали уродами, чтобы приковать их к ремеслу, чтобы у них не возникло желания выйти из тесной темной кузницы на свет. Они выковывали оружие и, не общаясь с людьми, не могли передать тайны своего ремесла врагам. В древние времена оружию приписывалась магическая сила, так что любой кузнец приравнивался к магу, тем более что непосвященные не понимали, что за процессы совершаются в кузне, в результате которых под действием огня из куска железа появляются совершенно непохожие на него предметы.

Помимо самой идеи мрачного кузнечного ремесла, Гефест олицетворяет вообще художника, фантазия которого материализуется в его художественных произведениях. Об этом говорят, например, выкованные из золота движущиеся устройства, которые тысячелетия спустя обернулись роботами. Хромой, сброшенный с Олимпа за свое уродство сын Юноны оказывается способным выковать замечательные украшения. В теме Гефеста греки объединили уродство с красотой, ведь он выпросил у отца в качестве супруги прекрасную Афродиту, богиню красоты, которая была



одновременно богиней любви, объединения. Конечно же, ждать от Афродиты верности не приходилось, и действительно, за спиной мужа она сошлась с его братом — богом войны Марсом, ведь противником любви являются спор, борьба, а это — стихия Марса.

На Олимпе Гефест выступал чем-то вроде придворного шута. Потом он стал исполнять также функцию Ганимеда, самого красивого из смертных, которого в свое время боги забрали на Олимп, чтобы он исполнял обязанности виночерпия и протягивал Зевсу кубок. Иронизируя над своим недостатком, Гефест подносил богам наполненный нектаром кубок, и боги, громко подшучивая, смеялись над этой выходкой Хромого.

Гефест олицетворяет огонь — один из атрибутов Зевса. Огонь пришел на землю с ударом молнии. В римском варианте он также олицетворяет тлеющий огонь, которым пышет земля изнутри. Его святилища сооружали перед городскими воротами. Хотя его и почитали как покровителя, все же определенное недоверие к Гефесту сохранялось, и горожане предпочитали держаться подальше от Гефеста и его огненных потех.

Литература

L. Malten: Hephaistos, in: Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts 1912
M. Delcourt: Hephaistos ou la légende du magicien, Paris 1957
M. Stein: Hephaistos

Артемида/Диана

Артемида — богиня-девственница, покровительница родов и диких животных. Дочь Зевса и Лето, сестры Аполлона. Она — богиня охоты, поэтому постоянно бродит по лесам в сопровождении нимф. Во время этих охотничьих потех ее девственность нередко оказывается под угрозой. Самая известная из подобных историй — ее встреча с Актеоном. Этот царь однажды случайно проходил мимо источника, где купалась Артемида с подружками. Он начал подглядывать за ними и был просто потрясен красотой Артемиды. Богиня заметила царя и в наказание превратила его в оленя, а борзые Актеона не узнали в олене хозяина и разорвали его в клочья.

Артемида — «нетронутая» — упросила отца дать ей возможность всегда оставаться девственницей. Она находится в тесной связи с Луной. Ее брат-близнец Аполлон олицетворяет солнце, так что Аполлон и Артемида представляют в греческой мифологии основные элементы астрального культа. Артемиде как Мунихии, «светящей во тьме», отдавали в Афинах особые почести и устраивали празднество в месяц мунихион. Девственность Артемиды соответствовала светящей луне, которая посылает в ночной тишине свой холодный целомудренный свет.

Как-то одна из жриц Артемиды нарушила запрет и вступила в связь с любимым юношей, за что богиня наказала всю страну, наслав на нее чуму и проказу. Артемида покровительствовала юным девственницам, дававшим обет целомудрия. Артемида пронизывает тьму светом факела, который она зажгла от отцовской молнии, и разит стрелами, пущенными из золотого лука, старых и больных людей, чтобы род человеческий был вечно молодым. Поэтому богиня

юности в греческо-гомеровской мифологии одновременно является и богиней смерти.

В своей проповеди, опубликованной в 1795 году, Карл-Филипп Мориц сказал: «Среди всех поэтических творений древних Артемида — одно из самых возвышенных и симпатичных, ведь даже понятие разрушения она без содрогания трансформирует в идею юности и красоты, превращая в гармонию, казалось бы, несоединимое».

Первоначально Артемида не почиталась как девственница. В культах Малой Азии она защищала новорожденных как от зверей, так и от людей. В Эфесе, где ее храм относился к семи чудесам света, Артемиду почитали как хранительницу беременных и рожающих женщин и изображали с несколькими грудями.

След Артемиды прослеживается вплоть до Фракии, где ее называли Бендида. Она гонится с луком в руке в сопровождении собаки или оленя за кабаном. У фракийцев она была богиней-матерью, ей была подчинена вся природа, и она же питала все живое. Сестру фракийского Аполлона упоминают также в связи с Эскулапом — богом врачевания.

Наиболее типичный вид жертвы, которую приносили богине-матери, — свинья. Если греки сооружали для своей богини храмы, то фракийцы воздавали должное Артемиде под открытым небом вблизи гротов и подземных источников. Напрашивается вывод, что оба аспекта Артемиды связаны с минойской культурой — ведь изображения богов, найденные на Кипре (кстати, почти все они — женщины), представляли собой две основные концепции.

Один из аспектов — повелительница природы. На изображениях Артемида либо прислоняется к дереву, либо окружена дикими животными, чаще всего змеями, птицами или фантастическими существами, которые часто симметрично, как в геральдике, сидят справа и слева от нее.

Второй аспект — Великая Мать. Нагая или полунагая женщина с подчеркнутыми женскими формами, большими выпуклыми грудями и пышными бедрами. Греческую Артемиду сопровождали только женские существа: нимфы гор, лесов и ручьев.

Как итальянская Диана, более поздняя римская богиня Луны Яна, она, по Фрейзеру, в доримской мифологии стала супругой бога растительности Дианусa и тем самым сделалась верховной богиней тогдашнего пантеона богов — покровительницей природы.

Наряду с функциями богини охоты, хранительницы женщин и плодородия, Артемида выступает также как покровительница рабов, и этот культ сохранился чуть ли не до XIX века. Исследователь цыган Леланд обнаруживает у ведьм Северной Италии культ, в котором Диана выступает как богиня обездоленных, бесправных, вообще простого народа. В своей книге «Арадия — учение ведьм» он приводит формулу заклинания:

Ты, Великая Диана,
Ты, повелительница Неба на земле,
Ты, хранительница ключей от подземного царства,
Ты, защитница всех несчастных, воров и убийц,
а также
Женщин, судьба которых не задалась и которые ведут дурной образ жизни,
Но ты знаешь, что они — добры по натуре,
И ты — Диана — несешь кусочек радости в нашу злосчастную жизнь.

Образ Дианы менялся со временем более, чем какой-либо другой. Если в древних культах Малой Азии ее чтили как богиню плодородия, то в духе эллинистического пуританизма она превратилась в вечную девственницу — богиню охоты, а в связи с ее функцией представительницы луны, проливающей холодный безжизненный свет, Артемида превращается во всегда юную богиню смерти с безболезненно, неслышно убивающими стрелами.

И вот уже в Северной Италии она становится в культе ведьм покровительницей воров, убийц и проституток. И при этом она для простого народа — Мать Мария и покровительница Вечного города Рима.

Если присмотреться, то в средневековой ведьме мы также находим все аспекты, свойственные Диане, сумму всех исторических значений, напластовавшихся друг на друга. Она — акушерка, она — Великая Мать, девственница, которой не нужны мужчины (так же как дочери фараона, она терпит рядом с собой только одного мужчину — собственного брата), ангел смерти и, наконец, всепрощающая Мать всех несчастных.

Литература

Ch. Picard: Die Ephesia von Anatolien, in: Eranos-Jahrbuch 1938
K. Hoenn: Artemis – Gestaltwandel einer Göttin, Zürich 1946

Дионис

Дионис — бог вина и всех растений, известен еще под именем Вакх. О его рождении существует много легенд. По наиболее известной, Зевс обольстил Семелу. Когда ревнивая супруга узнала, что Семела беременна, она приняла облик повивальной бабки и уговорила Семелу попросить Зевса, чтобы тот явился перед ней в своем истинном облике. Зевс долго отнекивался, но в конце концов посетил Семелу в виде молнии, и огонь сжег несчастную влюбленную. Зевс спас нерожденного ребенка из чрева матери и взял его с собой. Гермес принес ребенка к нимфам, они и вырастили Вакха, наряжая его в девичьи платья.

По другой версии, титаны схватили по приказу Геры новорожденного, разорвали его на куски и сварили в котле. В месте, куда капала его кровь, начали расти гранатовые деревья. Бабушка Рея собрала все части ребенка и снова соединила их.

О юности Диониса рассказывают такую историю: его украли пираты, моряки судна, которое должно было доставить Диониса в Наксос. Они хотели получить выкуп, так как не сомневались, что это ребенок из богатой семьи. Несмотря на сильный бриз, судно вдруг остановилось. Раздались звуки флейты, мачты обвили виноградные лозы и плющ, а весла превратились в змей. Матросы пришли в ужас, когда на палубе появились львы, пантеры и медведи, и в страхе попрыгали в воду, где и превратились в дельфинов.

Гера все еще никак не могла утолить свою жажду мести и наслала на Диониса безумие. Потеряв рассудок, он скитается по Египту, Сирии, другим странам Ближнего Востока, пока не попадает во Фригию, где его исцеляет богиня Кибела. Восточные одежды

и многочисленные восточные обряды, которые он перенял от нее, он ввел потом в Греции.

Диониса толпами сопровождали и менады, и сатиры, и силены. Мужчины и женщины одевали на себя во время праздников Диониса звериные шкуры. Вакханалии проходили, как правило, по ночам на вершинах гор. Сотрапезники упивались до того, что видели иногда бога в образе козла или быка. Празднества порой обращались в дикие безумства. Про менад рассказывают, что во время оргий они могли растерзать на куски животных и даже детей, порою своих собственных.

Самое главное оружие Диониса — сумасшествие, которое он мог насылать на противника. Дионис много путешествовал и побывал даже на берегах Ганга. После того как Дионис учредил свой культ до берегов Индийского океана, он вызволил свою мать из Тартара, поднялся на небеса и стал жить на Олимпе.

Полагают, что Дионис был фригийского происхождения. «Дио» по-фригийски означает «Зевс», «ниос» — «юноша», то есть «сын Зевса». Дионис был богом плодородия и растительности. Культ Диониса предусматривает ритуалы мистического единения с богом, в состоянии религиозного экстаза почитатели Диониса воображали себя богоподобными.

Если для героев Гомера смертных отделяла от богов непреодолимая дистанция, то культ Диониса позволял ее преодолеть. Фигуры козла или быка, изображение ребенка с рогами или короной из змей напоминают о духе леса и зерна из скандинавской мифологии.

Дионис был также богом деревьев. Нередко его изображали как вертикально стоящий столб с маской вместо лица. Ему был посвящен зеленый цвет — символ роста и животворящей силы природы. Дионису, как и Деметре, приносили жертвы, чтобы он способствовал росту плодов на полях и в садах.

Как рассказывает миф, именно Дионис научил человека виноделию. Сначала это был несброженный сок дикого винограда. Он тоже вызывал опьянение, но отнюдь не такое сильное, какое вызывают наши сегодняшние вина. Дикое вино использовали во время религиозных церемоний, чтобы достигнуть единения земного человека и бога, которому он поклонялся.

Культ Диониса противоречил государственной религии греков — официальное мировоззрение централизованного государства ожесточенно боролось с этим богом природы с отчетливо выраженными эротическими и гермафродитными чертами. К тому же мистический культ жизни и растительности, который пришел в Элладу с Дионисом, представлял собой своего рода провокацию по отношению к пантеону греческих героев. Женщины, которым эти герои надоели до чертиков, толпами сбегались на праздники Диониса.

Непризнанный официально, культ Диониса был способен на мстительные акты. Так, например, Пенфей, представитель антиэротической военной касты, который хотел запретить вакханалии, был растерзан вакханками, и Фивы распахнули ворота перед культом Диониса.

Воспитание Диониса как девочки (кстати, так же воспитывался и Ахилл) напоминает принятый на

Крите обычай воспитывать мальчиков до наступления половой зрелости в темноте, то есть в женских покоях.

Дионис мог являться в образах быка, льва или змеи — календарные эмблемы поделенного на три части года. Зимой он рождался как змея, весной он становился львом, а к летнему солнцестоянию его приносили в жертву и поедали как быка или козла. Гранатовое дерево, которое выросло на его крови, было также деревом Фаммуза и Адониса. Таким образом, культ Диониса, равно как и Фаммуза и Адониса, был культом умирающего и воскресающего бога и, следовательно, одним из культов, из которых впоследствии развилось христианство.

Вакханки, жрицы Диониса, увешивали себя дрессированными змеями, что напоминает нам о практиковавшемся в Индии мистическом культе змеи и об огненной змее кундалини.

В Македонии культ змеи был государственной религией. Рассказывают, будто бы Филипп II иногда видел, что рядом с его женой в постели вытягивалась змея. Филипп полагал, что это — Зевс, принявший змеиный облик, и поэтому скромно удалялся в этих случаях из покоев супруги. Александр тоже знал о любви матери к змее, так что эта история легитимизировала представление о божественном происхождении Александра — царя Македонии.

В книге Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» высказана идея, что искусство Диониса пытается убедить нас в вечной радости жизни: только мы должны искать эту радость не в явлениях, а за явлениями. Мы должны понять, что все, что возникает, должно быть готово к концу; мы вынуждены всматриваться в ужас индивидуального существования, и все же мы не должны застывать в этом страхе. Метафизическое утешение временами вырывает нас из устоявшегося механизма привычных форм образа жизни. Мы действительно на короткие мгновения бываем первобытными существами и испытываем необузданную жадность и радость бытия.

Борьба, мучения, уничтожение существующего кажутся нам необходимыми при избытке многочисленных форм бытия, при избыточности плодотворной мировой воли, когда мы словно становимся о д н о с безмерной жадностью к бытию. Стоит нам поверить в извечность и неразрушаемость наших желаний в дионисийском смысле, как жизнь может обернуться к нам оборотной стороной медали.

Сам Ницше видел идеал в достижении равновесия дионисийского и аполлоновского начал.В свое время, то есть во второй половине XIX века,

он видел преобладание аполлоновского начала и пытался в противовес ему оживить незаслуженно подавленную и проклятую силу дионисийского начала. Пуританскую, развращенную и немощную государственную религию следовало вернуть к жизни посредством жизненной силы и веселья юного бога Диониса, олицетворяющего весну.

Миф о Дионисе мог бы актуализироваться в связи с движением «зеленых», противостоящим титаническим силам сверхтехнократического общества.

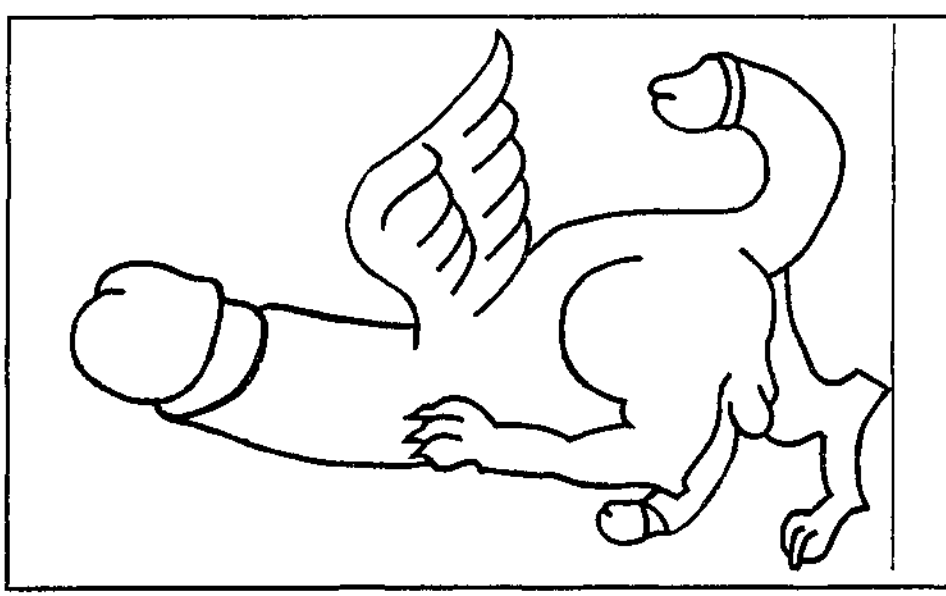
Литература

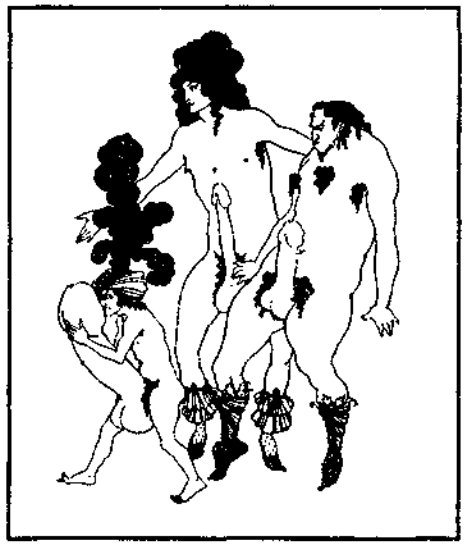
F.G. Jünger: Griechische Götter, Apollon, Pan, Dionysos, Frankfurt 1943
K. Kerényi: Die Herkunft der Dionysos-Religion nach dem heutigen Stand der Forschung, Köln/Opladen 1956
M.P. Nilsson: The Dionysiac Mysteries of the helenistic and roman age, Lund 1957

Приап

Фригийский бог плодородия Приап лишь достаточно поздно стал почитаться в Греции как бог плодородия животных и растений. Согласно греческой мифологии, Приап — сын Диониса и Афродиты. Вечно ревнивая Гера прикоснулась своей волшебной рукой к животу беременной Афродиты, и та родила ребенка с огромными гениталиями. Когда Приап вырос, он однажды вызвал на соревнование осла, который являлся символом эротической потенции. Приап показал свой фаллос, и у него он оказался короче, чем у осла. Разгневавшись, он убил осла. Его отец, Дионис, сделал это животное бессмертным, поместив его на небеса и превратив в созвездие.

Как сын Диониса, Приап символизирует аспект мужской потенции этого бога. В Малой Азии в бесчисленном количестве устанавливали и поклонялись его стеллам в виде фаллоса, позднее они появились в садах и виноградниках Греции, символизируя плодородие. Тайна зачатия и продолжения рода представляла для греков извечную божественную загадку





— ведь она позволяла сохранить род человеческий, который постоянно нес потери в результате старости и болезней.

Место, где сооружали стеллу-фаллос, называли местом жизни и смерти — mortis et vitae locus. В акте зачатия возникает новая жизнь, но одновременно уничтожается прежняя форма жизни. Таким образом, в одном акте неразрывно соединяются жизнь и смерть. Наряду с этим значением Приапа, как символа единства жизни и смерти, на уровне обычного, повседневного сознания он символизировал мужскую потенцию.

Изображения фаллоса как символа плодородия известны у всех древних народов. Рассказывают, что кельты танцевали вокруг вертикально стоящих камней — менгиров. Бретонская сказка повествует о том, что от этих менгиров исходит такая сила, что и многие столетия спустя, когда сам камень превратился в песок, на месте, где он стоял, человека охватывает неуемное желание пуститься в оргиастический танец.

Литература

H. Herter: De Priapo, Gießen 1932
M. Coulon: La pöesie priapique, Paris 1932
J.J. Dulaure: Les cultus priapiques, Paris 1953
Th. Vanggaard: Phallos – Symbol und Kult in Europa, München 1971

Афина

После того как Зевс сошелся с титанкой Метидой и она забеременела, оракул предсказал, что если Метида второй раз забеременеет, то она родит сына, который лишит Зевса власти. Тогда Зевс проглотил Метиду, не дожидаясь, пока она родит первого ребенка. Но

вскоре у него появилась безумная головная боль, казалось, что череп просто раскалывается на части. Зевс так кричал от боли, что содрогался небесный свод. Поспешивший ему на помощь Гермес сразу же понял, что нужно делать. Он призвал Гефеста, а по другой легенде, Посейдона, который вогнал в череп Зевса клин. Постукивая молотком, он расширил возникшую трещину, и из нее выскочила с воинственным кличем Афина в полном вооружении.

Афина, или, в римской мифологии, Минерва, «мудрая», была любимой дочерью Зевса. Странные обстоятельства ее рождения указывают на то, что она представляет собой один из аспектов всеобъемлющей личности Зевса. В Афине реализуется принцип женской мудрости, который затем в христианской мистике почитался под именем Софии. Если стихией Зевса является эфир — чистый дух, то Афине подчинен воздух, она повелительница воздушной сферы.

В акте рождения Афины без труда просматривается азиатское представление об открытии третьего глаза — щель, которую Гефест пробивает в черепе Зевса по совету Гермеса,

Рождение Афины из головы Зевса (из книги: M. Meier Atalanta Fugiens, Oppenheim, 1618)

возможно, была проделана именно во лбу между глазами. То обстоятельство, что Афина, в отличие от других детей богов, не росла и не воспитывалась, а появилась на свет в полном росте и величии с победным кличем, указывает на то, что она — символ озарения Зевса.

Мудрость Афины проявляется, правда, не столько в духовной сфере — она по-прежнему сохраняется за Зевсом — сколько в повседневной практической жизни, а она, как известно из греческой мифологии, прежде всего представляла собой поле брани. Афина дает советы и подсказывает тактику греческим героям, вселяет в них мужество или сдерживает необузданность. Ее холодный расчет берет верх над бездумной отвагой, в битве за Трою Афина противостоит самому богу войны Марсу. Она с огромной силой швырнула ему в лоб межевой камень, и поверженный Марс рухнул навзничь и закрыл своим огромным телом почти все поле брани.

Афина обучает людей, она считается изобретательницей ткацкого станка и обработки шерсти. Она научила

их выжимать масло из плодов оливкового дерева, поэтому Афине всегда приносили в жертву оливковое масло. Это масло выступает также как символ мудрости и света, ведь оно горело в лампадах, внося свет во мрак ночи, как земной, так и духовной. Как многие другие греческие боги, Афина объединяет в себе противоречие: с одной стороны, это богиня, управляющая кровавыми битвами, с другой — изобретательница искусств, она учит людей обустраивать, облегчать свое бытие.

На груди Афины чаще всего можно видеть голову Медузы, нередко в сплетении змей. Змея — древнейший символ знания, недаром и библейская традиция именно в этом смысле понимает змею в известной истории изгнания из рая. В связи с эпизодом рождения Афины из головы Зевса змея может иметь еще одно значение — азиатский культ змеи обещает своим адептам просветление, если им удастся произвести акт совокупления, полностью владея собой.

На совете олимпийских богов голос Афины может склонить чашу весов в ту или иную сторону. Но Афина всегда решает в пользу обвиняемого — основной принцип римского права, доживший до наших дней, но не всегда соблюдаемый. Как всякая истинная мудрость, греческая мудрость тоже добрая.

Литература

F. Brommer: A. Parthenos, Bremen 1957
K. Kerényi: Die Jungfrau und die Mutter der griechischen Religion. Eine Studie über Pallas Athene, Zürich 1952
S. Kauer: Die Geburt der Athena im altgriechischen Epos, Würzburg 1959
M. Müller: Athene als göttliche Helferin in der Odyssee. Untersuchungen in der epischen Aristie, Heidelberg 1966

Эрос/Эрот и Психея

За красоту Психею повсюду чтили и обожествляли в такой мере, что ее называли второй Афродитой. Ревнивая Афродита велела своему сыну Эроту выпустить стрелу так, чтобы Психея стала самой безобразной среди людей. Но Эрот, напротив, был так очарован прелестью Психеи, что увел ее в свой дворец, где, невидимый, навещал ее по ночам. Сестры завидовали ей и утверждали, что невидимый бог — чудище, так что Психея решила заколоть его кинжалом. И тут перед ее глазами предстал самый прекрасный юноша, который, разъяренный, тут же покинул ее. Психея пережила еще множество страшных приключений, а Афродита насылала ей одну беду за другой. Выяснилось, однако, что любовь Эрота не увяла. Он вызволил Психею из всех бед и упросил Зевса взять на Олимп и сделать бессмертной.

Согласно Э. Нойману («Амур и Психея»), по приказу Афродиты Психею должны были отдать в жены самому безобразному из людей. Здесь мы видим один из древнейших мотивов обручения с мертвецом — для матриархальных культур любая свадьба в определенном смысле носит характер смерти, ведь один из основополагающих принципов женского — это идентификация матери и дочери, и под таким углом зрения свадьба видится кражей, насилием. Но над Психеей не совершается насилие — Эрот перенес ее в сказочный дворец, где она проводит приятнейшие ночи.

Нойман истолковывает ее ложе как соблазнительную приманку, место, где она живет в темном раю сексуальности и безымянной радости. Ночные любовные утехи Психеи соответствуют принципу матриархата, запрещающему любовную связь с индивидуальным мужчиной. Он допускался только в качестве анонимной силы, представляя божество. Но Психея одновременно попадает под власть мужского, и за это, с точки зрения матриархата, возможно лишь одно наказание — убить и кастрировать. Это как раз то, чего требовали обе сестры Психеи, — с точки зрения глубинной психологии этой ситуации эти сестры не что иное, как теневые стороны души самой Психеи.

Следующий конфликт: в самом теле возлюбленного она ненавидит зверя и любит своего мужчину. Этот конфликт Психея может разрешить только тогда, когда узнает своего любовного партнера. В этом знании она выходит из темноты бессознательного, разрывая свою связь с матриархальным, и идет навстречу с мужским. «Она отдается своей судьбе, как любящая, ведь она Психея, ведь ее сущность есть духовное, которому недостаточно бытия. И лишь тогда, когда Психея узнаёт Эрота не только как анонимного обольстителя, но и видит его, вот в этот-то момент она по-настоящему встречает его и тогда, именно в этот момент потери и отчуждения, она любит и познает Эрота осознанно».

Афродита, как великая мать, добилась разлуки Психеи и Эрота, и, ярая соперница, заставляет Психею решить четыре труднейших задачи. Эти задачи истолковываются как стадии женской инициации: она должна покорить Эрота, даже развить, чтобы освободить архетипического возлюбленного и сына великой богини-мате-

ри из транперсональной сферы господства и перевести его в сферу индивидуальной любви.

Первая задача заключалась в том, чтобы рассортировать тысячи перемешанных семян — мотив, который мы впоследствии встретим в сказке о Золушке. Нойман интерпретирует эту кучу семян как «ойроборическую смесь мужского» и как символ промискуитета, которому соответствовал матриархальный культ гетер. Психея решила эту задачу с помощью муравьев — символ мира инстинктов.

Вторая задача заключалась в том, чтобы нащипать золотую шерсть с диких агрессивных овец. Овны с золотой шерстью представляли мужской солнечный элемент и мужскую агрессивность вообще. Психее удается решить эту задачу ночью, когда сила солнца снимается мягкостью луны.

В качестве третьей задачи Афродита заставляет Психею добыть воду из подземных рек Стикса и Кокита, обе — символы мужской жизненной энергетики; вечные изменения, способность зачать, рождение и смерть — должны быть собраны в одном сосуде. Зевс начинает восхищаться упорством в любви своей будущей невестки, он посылает ей орла, который и исполняет невозможное.

При решении последней задачи Психея попадает в непосредственную конфронтацию с хтоническими силами матриархата, с Персефоной в подземном царстве. Мужское негативное, как мужской промискуитет, как смертоносное мужское и как непостижимое мужское, она уже преодолела. А вот в последнем случае она как будто терпит неудачу: ведь она берет от Персефоны мазь для самой себя и умирает. Но, как бы абсурдно это ни звучало, именно в этом ложном поведении заключается ее победа — ведь она поступает как истинная женщина — крадет мазь, чтобы понравиться Эроту, который затем снова возвращает ее к жизни.

Тем самым в процессе становления самосознания ей удалось преодолеть три компонента мужского архетипического поведения и сохранить свою женственность. Но претерпевает изменения и Эрот, он высвобождается из крепкой, прочной матриархальной связи мать — сын и вступает в новую связь как мужчина со своей женщиной. Результат, в котором мужское и женское встречаются сознательно, как это мы позднее находим в любовной рыцарской поэзии средневековья, по-видимому, должен был так понравиться богам и богиням, ориентированным на природные ритмы, что они это обожествили и дали Психее доступ на Олимп. Но в поступке богов можно усмотреть известную долю хитрости. Индивидуальная, то есть человеческая, любовь обнаруживает себя в сердце и делах Психеи как сила, которая не уступает Олимпу, представляя тем самым угрозу его архетипическому миру. Когда она была взята в космос, она сама стала архетипом, заняв подобающее место в пантеоне эротики и укротив тем самым ее революционный характер.

Литература

Erich Neumann: Amor und Psyche, Frankfurt 1926
R. Reitzenstein: Das Märchen von Amor und Psyche bei Apuleius, Leipzig/Berlin 1912
A. Dyroff: Das Märchen von Amor und Psyche, Köln 1941

Ясон

Ясон — сын царя Эсона, после его смерти трон царя нечестным путем занял его брат Пелий. Собственно говоря, наследником престола был Ясон и, чтобы избавиться от него, Пелий посылает Ясона за золотым руном, которое охранял в Колхиде огнедышащий дракон. Ясон, чтобы решить эту задачу, поднимается на корабль «Арго», сопровождаемый самыми знаменитыми героями Греции, среди которых — Геракл, Орфей и Тесей. По названию судна герои называют себя аргонавтами.

После многочисленных приключений аргонавтам удается с помощью влюбленной в Ясона Медеи добраться до Колхиды. Теперь Ясону предстоит выполнить труднейшую задачу: он должен на двух изрыгающих пламя быках с железными ногами вспахать поле Ареса и засеять его зубами дракона. Из этих зубов вырастают многочисленные воины огромного роста. Медея дарит Ясону волшебную мазь, которая защищает его от огня. Она советует ему бросить обломок скалы в толпу выросших из посева воинов. Ясон так и делает, воины обвиняют друг друга и обращают свое оружие против самих себя.

Ясон вернулся с Медеей в Грецию, но потом оставил ее. Медея так разъярилась, что убила обоих своих детей и новую возлюбленную Ясона. Покинутый и ненавидимый всеми Ясон странствует из города в город, из страны в страну, но стариком возвращается в Коринф, где когда-то жил с Медеей. Он садится в тень заброшенного «Арго», вспоминает свои прошлые подвиги и оплакивает свою несчастную жизнь. Он хочет повеситься на бушприте, но тот внезапно обрушивается на Ясона и убивает его.

Ясон и аргонавты сделались в Европе прообразами героев, отправляющихся на поиски истины, скрытой за видимостью вещей. Поиск золотого руна интерпретируется как поиск золота и философского камня алхимиков. Золотое руно, за которым гнался Ясон, считается однозначно мужским символом, для Ноймана — даже деструктивной силой мужского начала, которая соответствует отрицательному мужскому принципу смерти, с точки зрения матриархата. Поэтому Психее Афродита и давала задание — ощипать шерсть

золотого барана, чтобы погибнуть в разрушающем жаре полуденного солнца — символе мужской энергии. На подчеркнуто мужские компоненты в мифе об аргонавтах указывают гомоэротические связи между героями, отношение Геракла к своему оруженосцу Гиласу. Менады разорвали Орфея как раз из-за его гомосексуальных наклонностей. И много других намеков того же рода.

Известно, что самофракийские мистерии (а обращение аргонавтов по совету Орфея происходило в Самофракии) были посвящены ярко выраженному мужскому культу. Боги, кабиры, стоящие в центре этой культуры, по Геродоту, обладают подчеркнуто мужской природой: в их святилище мистерий стояла совокупляющаяся фаллическая пара. Культ допускал возможность зачатия и рождения мужчиной, поэтому Гёте, например, воспринимал его как слепое поклонение фаллосу. Кабиры были богами, «которые беспрестанно плодили сами себя и, кажется, не знали, что они есть».

Хотя мистерии кабиров будто бы и ведут свое происхождение от Гекаты — великой матери душ и повелительницы призраков. Отсюда становится понятной еще одна связь с Медеей, ведь та — жрица Гекаты и, в более глубоком понимании, ее воплощение. Именно благодаря своему исключительному положению она получила право распоряжаться золотым руном — символом мужской агрессивности. В своей крайней форме Геката предстает и как защитница и как уничтожительница мужского.

Ясон, представитель мужской агрессивной культуры, и Медея, жрица Гекаты и тем самым представительница женской агрессивной культуры, не совмещаются друг с другом, между ними отсутствует связующий или, как говорит Керени, герметический принцип: первый вестник и первый посредник находится между абсолютным «нет» и абсолютным «да», а точнее — между двумя врагами, между мужчиной и женщиной. Он стоит на почве, которой, собственно, нет, и наводит мост. Из мира бездорожья, бессвязности, текучести и призрачности он вызывает к жизни новое рождение.

Существует более простая и не менее убедительная трактовка, в соответствии с которой эротическое отношение Ясона к Медее, а позднее к Главке, диктовалось как будто бы соображениями политической власти. Ясону не дано было постичь таинство любви, он остался маленьким князьком, недостойным подарка бессмертия со стороны богов.

Мотивы, похожие на сказание об аргонавтах, мы находим в кельтской мифологии. Кельтский герой Килвич получает от отца приказ запрячь желтого полосатого быка и распахать холм, заросший колючими кустами. Другой герой — Передур — с помощью царицы Кристинабил убивает морское чудище. Кристинабил дарит герою магический камень, с помощью которого тот может получить все золото, которое он пожелает.

Параллель к сказанию об аргонавтах мы находим в подвигах Геракла, например, в легенде о золотых яблоках Гесперид, которые охранял недремлющий дракон.

Литература

K. Kerényi: Hermes der Seelenführer, in: Das hermetische Prinzip, Zürich 1943

H. Venske: Die orphischen Argonautika in ihrem Verhältnis zu Apollonios Rhodios, Berlin 1941

K. Meuli: Odyssee und Argonautika, Berlin 1921
J. R. Bacon: The Voyage of the Argonauts, London 1925
Volkert Haas: Magie und Mythen im Reich der Hethiter, I. Vegetationskulte, Pflanzenmagie, Hamburg 1977

Медея

Когда аргонавты прибыли в Колхиду, Медея влюбилась в Ясона и, усыпив дракона, помогла ему овладеть золотым руном. Она убила своего брата, преследовавшего аргонавтов, и бросила его труп в море. Медея жестоко отомстила Пелию, которому Ясон отдал золотое руно и который не выполнил своего обещания; она сказала его дочерям, что их отца можно омолодить. Чтобы убедить их, она взяла старого барана, разрубила его и сварила в котле, а потом превратила в ягненка. Потрясенные увиденным, дочери убили своего отца и разрубили тело на части, но Медея не стала воскрешать Пелия.

В Коринфе она жила с Ясоном и родила ему двух сыновей. Когда Ясон затем задумал жениться на Главке — дочери царя Креота, Медея отомстила и той — она сделала вид, что желает примирения, и послала сопернице одеяние, надев которое Главка сгорела в пламени. После этого Медея убила своих сыновей и с помощью бога солнца сбежала в Афины. Там она попыталась отравить Тесея, но ей это не удалось и ей пришлось покинуть и этот город.

Медея — величественная волшебница в греческой мифологии. Колхидская Медея близка к фракийской лунной богине Гекате и является ее жрицей. Она владеет всеми тайнами растений, целебных, ядовитых, дурманящих. Беда ее в том, что она не хочет отдавать должное великой космической силе любви. Она так любит Ясона, что не останавливается перед предательством и убийством брата, но ее безграничная любовь обращается, когда Ясон покинул ее, в столь же безграничную месть.

Как жрица Гекаты — представительницы уходящей культуры матриархата — она убивает своих сыновей; Ранке-Гравес сообщает, что в поздней фазе матриархата часто имели место кровавые жертвы мальчиков. Таким образом, Медея становится символом детоубийцы и безграничной мести.

Мотив, стоящий за детоубийством, можно понимать и в переносном смысле — она убивает свое прошлое, чтобы начать новую жизнь. Так же, как и Ариадна, Медея становится из-за любви предательницей, ведь она покидает свой род и является причиной смерти брата. И так же, как Ари-

адна, она в конце концов возвращается в лоно своего клана и ей даруют бессмертие, ведь в любви боги видели силу, которой следует все прощать.

Известный фильм о Медее, снятый Пазолини с Марией Каллас в главной роли, допускает социально-политическое толкование мифа: если в античности, равно как и в многочисленных позднейших интерпретациях сказания об аргонавтах, действия Медеи неизменно осуждались как жестокое варварство, то Пазолини встал на ее сторону. Пазолини создает фантастические, возбуждающие воображение картины, позволяющие зрителям погрузиться в мистику варварского мира Колхиды и принять ее. Таким образом, древнее сказание может прочитываться как история третьего мира во взаимодействии с материалистическими западными технократиями.

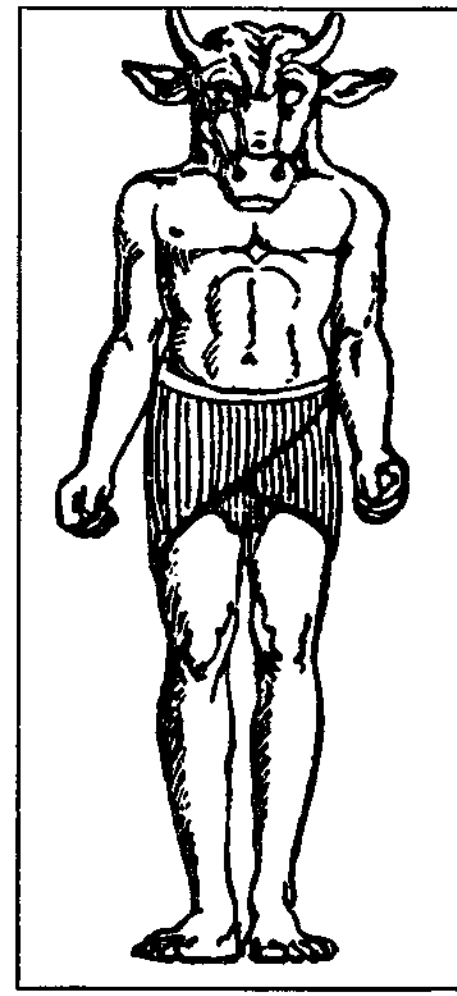
Котел Медеи, в котором можно пережить второе рождение, упоминается также в ирландской истории о Передуре. Подобные котлы — вообще частая деталь кельтской мифологии. Это дает основание Ранке-Гравесу предположить, что Медея была гиперборейской, то есть в его понимании, британской богиней.

Литература

K. Kerényi: Töchter der Sonne, Zürich 1944
K. Fritz: Die Entwicklung der Jason-Medea-Sage und die Medea des Euripides, in: Antike und Abendland 8, 1959
H. Friedrich: Medeas Rache, in: Nachr. der Akad. d. Wiss. Göttingen 1960/Nr. 4

Тесей, Минотавр и Ариадна

Тесей — это аттический Геракл. В юности он пережил множество приключений и схваток с великанами и чудовищами. Когда он был в Афинах, мачеха Медея пыталась отравить Тесея, но он раскрыл ее замыслы и прогнал из страны. Как известно, в те времена полагалось раз в девять лет посылать в лабиринт на острове Крит на съедение Минотавру четырнадцать жертв (семь юношей и семь девушек). Тесей добровольно соглашается отплыть в их числе на ост-



ров. Там в него влюбляется Ариадна, дочь царя Миноса и сестра Минотавра. Замечательный кузнец и архитектор Дедал придумал волшебный клубок шерсти, с помощью которого Тесею удается найти выход из лабиринта. Он возвращается, весь в крови убитого им Минотавра, и попадает в объятия Ариадны. После этого Тесей вместе с Ариадной покидает Крит и отправляется на остров Наксос. Здесь он бросает спящую Ариадну на берегу.

Ариадна пробуждается, видит, что Тесей ее бросил, и горько плачет и корит себя за то, что покинула свой род и поверила Тесею. В это время появляется Дионис в сопровождении сатиров и менад и овладевает расстроенной и покинутой Ариадной. А Тесей, приближающийся к родным берегам, забыл поставить белые паруса вместо черных, под которыми он плавал. Отец видит траурные паруса и, уверившись в смерти сына, бросается в море. Тесей становится царем Афин. За время правления он ввязывается в многочисленные авантюры, в частности, в войну с амазонками, царицу которых, Антиопу, он берет в жены. Жизнь его завершается так: его приглашает на пир другой царь, который оказывает Тесею всяческие знаки внимания, а потом коварно убивает его, столкнув со скалы.

Тесей — это блестящий национальный герой, искатель приключений, в которых он всегда одерживает победу. Самая главная побудительная причина его действий — политическая власть. Он бросает жену, чтобы вступить на трон, как в легенде о Дидоне и Энее, описанной Виргилием. Эней выполняет труднейшие задачи и основывает Рим, но затем готов поменять Рим на любовь, то есть политические задачи дня на мистерии ночи.

С самых ранних лет Тесей оказывается вовлеченным в придворные интриги, и этот аттический Геракл все свои помыслы подчиняет задаче расширения и укрепления власти Афин на море. Любовные увлечения Тесея также имеют политическую окраску: он вступает в союз с Федрой, сестрой Ариадны, чтобы дать отпор претензиям Крита на владычество на море, он женится на Антиопе, чтобы обезопасить от нападения северные границы Афин. Его можно было бы, пожалуй, назвать политическим карьеристом и империалистом, что в последнем определении особенно справедливо, потому что Тесей утверждал превосходство жесткого мужского подхода, характерного для новой Греции, над эротической минойской культурой Крита.

Блестящий представитель мужского героизма, Тесей — архетипический антипод Минотавра. Это чудовище с головой быка и телом человека с большой охотой представляют как символ всего демонического и злого вообще. В нашем веке ему воздвиг памятник Пикассо своей «минотавромахией».

Для художника Пикассо быки — «это животные, животные, которых ведут под нож. И это — все, что меня в данном случае интересует».

На самом деле, это причудливое существо значительно сложнее. Как утверждает Кемпбелл, его нельзя объяснить только исходя из исторических фактов или из подсознательных образов. Минотавр пришел из царст-

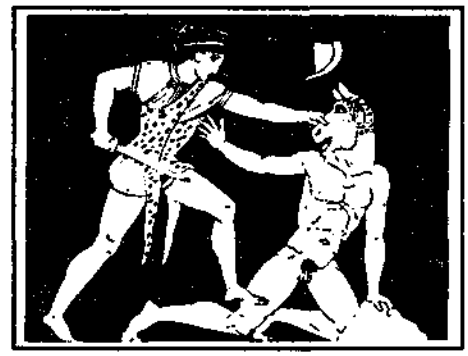
ва теней культуры, ставшей совершенно нам чуждой. В ее архаических представлениях духовное объединялось с животным и приобретало божественный характер.

Бык был широко распространенным в странах Средиземноморья символом плодородия, поэтому как вариант вышеуказанного значения Минотавра можно трактовать как сочетание чувственно-физической и духовной эротики. Символом отца Минотавра — Посейдона — является трезубец. В Индии Минотавру соответствует Нанди — бык Шивы.

Ариадна — брошенная и разочарованная возлюбленная Тесея. Ей не понять, что для мужчины эротика не составляет всего спектра жизни, что у него есть и другие цели. Охваченная любовью, Ариадна убивает брата и покидает свой род, становясь предательницей из любви — весьма частый образ в греческой мифологии. В минойской культуре Ариадна занимала довольно высокое место, ведь ее имя означает «святая», «чистая» — имена, которые присваивали правительнице подземного царства. На острове Наксос она становится прообразом всех покинутых влюбленных, горько оплакивающих свою судьбу. В прекрасном стихотворении Ницше «Жалоба Ариадны» она свою боль и свои муки доводит до того, что она готова открыться чувственной любви, вот тогда и появляется Дионис и берет ее в супруги.

Лабиринт имеет двойное значение — космическое и эротическое. В первом случае — это потеря духа в процессе созидания, в духе неоплатонизма это — грехопадение. Соответственно путь из центра лабиринта наружу это — возврат к духовным ценностям. При раскопках в Кноссе на Крите обнаружили сложную, запутанную систему комнат и коридоров. На открытой местности нашли танцевальную площадку, пол которой был покрыт мозаикой, изображавшей лабиринт. Мотив мозаики — ритуальные эротические сцены весны.

В архаические времена круговой танец был формой мужской и женской инициации. Путь через лабиринт, по Элиаду, — это акт инициации к обретению бессмертия, подобно тому, как мифологическая борьба с драконом есть акт инициации. Поскольку смерть тут следует понимать как ритуальную сеть, которую каждый посвященный должен пережить, то и семь юношей, и семь девушек, которых



отправляют в лабиринт, возможно, вовсе не предназначены в жертву, а лишь проходили посвящение в культ. Некровавая история минойской культуры могла говорить только о такой интерпретации.

Нить Ариадны, с помощью которой Тесею удается выбраться из лабиринта, понимается как красная нить, которая должна проходить через различные хитросплетения мысли. Но это — только технический аспект. Не забудем, что нить придумал самый замечательный из минойских инженеров — Дедал, который и

лабиринт построил, и выход из него указал. Одновременно нить — и подарок Ариадны своему возлюбленному, она символизирует, таким образом, соединение эзотерической техники и космической силы любви, занимающей центральное место в индийском тантризме. Мы неоднократно указывали на связь культур средиземноморья с индуизмом и поэтому усматриваем в критских мистериях указание на кундалини — поднимающуюся с пола змею желания и познания.

Освобождение Ариадны приходит с Дионисом, который берет ее себе в жены. В связи с этим любопытно отметить, что у Минотавра есть еще и другое имя — Астерий; поклонники Минотавра чтили его как звезду. В то же время Астерий — имя, которое во время мистерий выкрикивают, желая вызвать Диониса как мальчика и дитя. В Дионисе Ариадна вновь находит своего брата, находит утраченную связь с родом. Это совершенно отчетливо видно на одной известной фреске в римской галерее. Здесь бог встречается со своей невестой, не земной женщиной, а возникающей откуда-то Персефоной или Афродитой. Она спит, но она не покинута. Богиня принимает приближающегося к ней бога с сопровождающей, сидя на скале. Она протягивает Дионису чашу, которую Дионис наполняет вином.

Путешествия Тесея находились под покровительством Афродиты, но покинув Ариадну — служанку Афродиты, он тем самым перестал служить и самой богине. Афродита страшно мстит Тесею. Она делает так, чтобы умер его отец, а его будущая супруга Федра влюбилась в его сына Ипполита, приведя в смятение двор. Тесей, как и Ясон, должен был умереть насильственной смертью, потому что он не познал суть любви. Ариадна же принимается в сонм богов Олимпа.

Литература

H. Lucas: Der Tanz der Kraniche und die Hochzeit auf dem Meeresgrund, Emsdetten 1971
A. v. Salis: Theseus und Ariadne, Berlin 1930
F. Weißengruber: Labyrinthus. Hic habitat Minotaurus, in: Festschrift zum 400jährigen Jubiläum des humanistischen Gymnasiums Linz, Linz 1952
L. Cottrell: The Bull of Minos, London 1954
E. Meinschad: Die Ariadnesage in der Literatur des 18. Jahrhunderts, Diss., Wien 1941

Одиссей

Одиссея можно назвать одним из первых дезертиров в истории человечества — вспомним, как он всячески уклонялся от троянского похода. Одиссей же придумал способ ворваться в город (Троянский конь). Из всех вернувшихся домой воинов с ним произошли самые невероятные приключения, описанные Гомером в его «Одиссее». Назовем только некоторые из них.

Одиссей попал на землю лотофагов, где спутники его настолько пристрастились к вкушению плодов лотоса, что Одиссей с трудом отбил у них эту охоту. На острове циклопов он попадает в пещеру Полифема — сына Посейдона, одноглазого великана. Когда гигант спросил, как его зовут, Одиссей ответил, что его имя Никто. После этого он напоил Полифема вином, а когда тот уснул, взял кол и нагрел его конец в пламени костра, после чего выжег этим колом единственный глаз Полифема. С

жутким криком вскакивает Полифем, но когда братья спрашивают, кто же принес ему такое страдание, Полифем отвечает, что никто, и смеющиеся братья уходят. Одиссей связывает по три овцы вместе и прячет под брюхом у них своих спутников. Полифем откидывает кусок скалы, которым он прикрыл вход в пещеру, и выпускает овец на волю, предварительно ощупывая каждую из них. Но под руками у него — только овечья шерсть, и, таким образом, он выпускает из пещеры и овец, и спутников, и самого Одиссея, спрятавшегося под брюхом крупного барана. Таким образом, Одиссей не только спас себя и спутников, но и запасся вкусным провиантом для дальнейшего плавания. Только тут Полифем понимает, что его обманули, и швыряет огромные камни вслед кораблю Одиссея.

Одиссей, наконец, прибывает на родину, но из-за неосторожности своих спутников он вновь вынужден ее покинуть. Бесконечные приключения продолжаются. Он попадает в подземное царство, вступает там в связь с Цирцеей, которая превращает его спутников в свиней. Семь лет проводит Одиссей у ведьмы Калипсо. Калипсо предлагает ему разделить трон и сделаться бессмертным, но он отвергает все, чтобы увидеться с женой Пенелопой. Наконец, он возвращается на Итаку и в одежде нищего попадает в собственный дом. Неузнанный и сопровождаемый насмешками, ходит он по комнатам своего дворца, где женихи преследуют Пенелопу предложениями жениться на ней и проедают в бесчисленных пирах добро Одиссея. Одиссей расстреливает их всех из лука (только он мог натянуть тетиву этого замечательного оружия), и этим эпизодом его странствия заканчиваются.

Одиссея — это миф о мореплавании, как и его восточное соответствие, приключения Синдбада-Морехода. В нем преодолеваются две принципиальные опасности мореплавания: океан, символизирующий бессознательное, и затишье (мертвый штиль) означают душевную резиньяцию и стагнацию. Цель странствований — возвращение Одиссея к своей новой жене, своей душе (anima) и к своему домашнему очагу. Чтобы достигнуть этой цели, он должен устоять перед лицом многочисленных смертельных опасностей. В греческой версии Одиссея есть история изгнания из рая, но она показывает необходимость вернуться к своему исходному пункту — мистерия, которая обнаружится в идеализме Платона, в особенности у Плотина. Но в противоположность этому она представляет собой не только духовный процесс, но и вполне реальный, чувственный, поскольку

Пенелопа и Телемас живые, настоящие существа. Таким образом, в Одиссее универсум приключений, путешествий и возвращения переносится в подлинный, реальный мир.

Было бы упрощением рассматривать этот эпос только с точки зрения его исходного и конечного пунктов. Ведь Одиссей наряду с многочисленными опасными и мучительными приключениями переживает множество прекрасных и удивительных встреч с чужеземными странами. В противном случае что заставляло его по нескольку лет жить с ведьмами Цирцеей или Калипсо и иметь от них нескольких детей? Одиссей, несомненно, питает немалую страсть и любовь к приключениям, правда меньшую, чем Синдбад, который вообще задерживается дома на крайне непродолжительное время и вновь бросается в странствия очертя голову.

Отец Парсифаля — Гамурет — также часто покидал свою супругу — прекрасную Курневаль, чтобы отправиться на поиски приключений, да и умер он в поединке. Керени называет Одиссея странником, мы предпочитаем видеть в нем путешественника, ведь он был твердо убежден, что вернется к своим. Странник, несмотря на то что куда-то движется, все время привязан к твердой почве, с каждым шагом он прибавляет к своим владениям еще кусочек земли. Это владение является духовным, а не физическим процессом, и все же странник непременно опирается на твердую почву и ищет человеческого общества. Совсем иное дело — путешественник. Он — в постоянно подвешенном состоянии, для иного человека, имеющего более глубокие корни, путешественник кажется человеком, который как будто постоянно от чего-то спасается. Он бежит и человеческого общества, которое представляется ему чем-то связывающим, а подвешенность приводит его к состоянию, которое описано как «герметический принцип». Вот как высказывается Керени: «Разве такое путешествие не является и возвращением домой и бегством из дома, то есть «герметичным»? Путешествие — нормальная жизненная ситуация, но бездны, которые должен преодолеть странствующий, оказываются островами Цирцеи или Калипсо. Бездны и в том смысле, что он не стоит на твердой почве, а продолжает парить между жизнью и смертью».

Для нас имя Одиссея — синоним хитрости и изворотливости ума, синоним человека, способного на различные трюки. Если его противник, циклоп и каннибал Полифем, символизирует тупую силу, Одиссей выделяется рядом с ним блеском неожиданных решений. Свои жизненные задачи он пытается решать не в открытом бою и не за счет конфронтации, а за счет хитрости и умения уговорить и обмануть. С другой стороны, именно эти черты не позволяют видеть в Одиссее классического героя. В эпических сказаниях Киклоса он скорее фигура отрицательная: вор, обманщик, дезертир, интриган. Менталитет, ориентированный на героя, показывающего свои доблести в бою, не мог найти в Одиссее ничего положительного. И все же для греков, народа торговцев и мореплавателей, Одиссей был идеалом.

Ницше пишет: «Что восхищало греков в Одиссее? Прежде всего, умение врать и хитроумно мстить, не пасовать перед неожиданным поворотом события, если нужно, быть благороднее любого благородного, но

вообще быть тем, кем ты хочешь стать. Их восхищало его мужественное упорство, умение использовать все подходящие средства, всегда обнаружить присутствие духа. Его дух всегда вызывает восхищение богов, они смеются, стоит им вспомнить о хитроумии Одиссея».

Тот, кто умеет вызвать милостивый смех богов, вряд ли может стать антигероем. Шутка и хитрость уже не раз обезоруживали олимпийцев. Керени ставит хитроумного Одиссея рядом с Гермесом, чьи воровство и мошенничество не только терпелись, но и принимались со смехом.

Похоже, хитрость, наряду с любовью,— единственное оружие, которое могут использовать люди против богов. Одиссей — прежде всего человек, ведь он отказался от бессмертия, обещанного Калипсо, лишь бы вернуться к жене и сыну. По Керени, «Одиссея» — не поэма о героической жизни, итогом которой является неотвратимая смерть, а поэма о жизни, пусть и перемешанной с подкарауливающей ее смертью. Оба противоположных полюса здесь совпадают. Мир Одиссея — жизнь, находящаяся в подвешенном состоянии и постоянно соприкасающаяся со смертью, подобно тому, как лицевая сторона ткани соприкасается с изнанкой. В жизни есть кулисы и есть подводные рифы, она полна провалов и пропастей, и Одиссей не минует их, но искусно преодолевает.

Путешествия Одиссея и по сей день оказывают сильнейшее влияние на литературу и тем самым на жизнь современного человека. Достаточно вспомнить «Улисс» Джеймса Джойса. Его герой — рекламный агент Леопольд Блум — переживает массу душевных приключений на самом узком пространстве, не выходя из города Дублина. Здесь Пенелопа — женщина, которая постоянно ждет своего героя, женщина, воспетая в гимнах Марией Сабиной — духовным предводителем современных индейцев мацатеков.

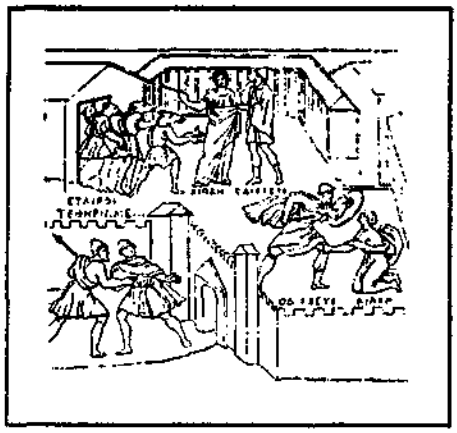
Литература

K. Kerényi: Die Mythologie der Griechen, München 1966
K. Kerényi: Hermes der Seelenführer, in: Das hermetische Prinzip, Zürich 1943
H. Friedrich: Odysseus in der Hölle, in: Geistige Überlieferung. Das 2. Jahrbuch Berlin 1942
A. Herrmann: Die Irrfahrten des Odysseus, Berlin 1927
R. Merkelbach: Untersuchungen zur Odyssee, München 1951
G. Germain: Genèse de Odyssée, Paris 1954
E. Bradford: Reisen mit Homer. Wiedergefundene Inseln, Küsten und Meere der Odyssee: Bern/München/Wien 1964

Цирцея и Одиссей

На единственном оставшемся судне Одиссей плывет на восток и причаливает к Острову утренней зари. Правит здесь Кирка (Цирцея) — дочь бога Гелиоса и Персеиды. Цирцея несравненно владеет всяческими волшебствами. Вокруг ее дворца бродят волки и львы, но они не нападают на спутников Одиссея. Наоборот, они встают на задние лапы и ластятся к ним, ведь на самом деле — это люди, превращенные Цирцеей в зверей.

Цирцея устраивает для спутников Одиссея роскошный пир, но в еду она добавила волшебный порошок, так что после празднества



все они превратились в диких свиней. Сам Одиссей на пиру не присутствовал, и от одного моряка, которому удалось улизнуть, он узнает о волшебстве. Ему удается взять верх над ведьмой. Она просит пощады, и Одиссей обещает пощадить ее при условии, что она снимет чары с его спутников, если он будет жить во дворце Кирки.

Он нисходит в царство Аида, а потом возвращается к Цирцее и говорит ей: «Что за ужасная судьба посетить это царство! Для большинства достаточно одной смерти, а коль вернешься, значит, тебе на роду пережить две».

Спутники Одиссея влюбляются в Цирцею и превращаются в толпу влюбленных дураков, с которыми можно делать все, что пожелаешь. Одиссея так просто не возьмешь, его обучал любовному искусству сам Гермес и он вполне защищен от женских чар. Он пожевал волшебной травы, а потом вырвал из ножен меч и бросился на волшебницу, чтобы проткнуть ее мечом. Цирцея испуганно вскрикнула, упала на пол, обняла Одиссея за колени и взмолилась:

«Горе мне! Кто ты, могущественный чужеземец, которого не берет мой волшебный напиток? Не тот ли ты хитроумный Одиссей, о прибытии которого мне когда-то говорили прорицательницы? Если ты — Одиссей, то верни меч в ножны и давай будем друзьями». (Эту версию мы рассказываем по книге Шваба для юношества и оставляем за собой право усомниться, действительно ли были греческие герои такими целомудренными). Победа над Цирцеей дала Одиссею и его спутникам возможность провести счастливый год на Острове утренней зари, в течение которого Цирцея оказывала Одиссею и его команде всяческие любовные любезности.

Через год герои стали собираться в обратный путь. Правда, прежде Кирка отправила Одиссея в подземное царство, чтобы он добыл там предсказание оракула. Если интерпретировать это событие символически, то Кирка послала Одиссея в его собственное подземное царство (подсознание), чтобы он нашел путь к самому себе. Первоначально она, как богиня-мать, которая вначале рождает, любит, а потом проглатывает своего сына, могла представлять собой и подземное царство и смерть, поскольку Эя, Остров утренней зари, не что иное, как остров смерти, на котором богиня смерти прядет свою пряжу и поет свою песню. В Колхиде у нее было кладбище, обсаженное ивами и посвященное Гекате, богине Луны. Превращенные в свиней спутники Одиссея напоминают нам о метемпсихозе, ведь свиньи были посвящены прежде всего богине смерти, и Цирцея кормит их дикими вишнями Крона — красной пищей мертвецов. В кельтских мифах свинья (или вепрь) — священное животное великой богини.

Литература

K. Kerényi: Töchter der Sonne, Zürich 1944
A. Strassinopoulou-Skiadas: Der Kirke-Mythos – Dichterische Behandlung und allegorische Deutung, Diss. Kiel 1962
B. Paetz: Kirke und Odysseus, Berlin 1970

Эдип и Сфинкс

После того как Эдип убил отца, приняв его за разбойника, он приходит в Фивы. Перед воротами города лежала Сфинкс — существо с лицом и грудью женщины и телом льва. Она задавала каждому проходившему загадку, и того, кто брался, но не мог справиться с этой задачей, Сфинкс разрывала на части. Таким образом она погубила сына нового царя, и царь объявил, что отдаст все царство и руку царицы Иокасты, матери Эдипа, тому, кто избавит город от страшной Сфинкс.

Эдип разгадывает загадку Сфинкс: «Какое существо имеет сначала четыре, потом две и три ноги?» — «Это человек, — отвечает Эдип. — Сначала он ползает на четвереньках, потом ходит на двух ногах, а стариком пользуется палкой как третьей ногой». Эдип женится на собственной матери и становится царем. Лишь много позже, когда у него уже было четверо детей от Иокасты, Эдип узнает, с кем он состоял в браке. Иокаста повесилась, а Эдип ослепляет себя и нищим скитается по своему царству. Ему пришлось претерпеть много горьких унижений и бед, но он искупил свою вину. У разверстой бездны он ожидает своего бога, который позвал его, но нельзя было понять, шел ли голос с небес или

из подземного царства. Старик исчез — беззвучно и мягко, словно на крыльях духа, увлекаемый в глубину. Но Тесей, который единственный сопровождал его до порога, прикрыл глаза рукой, как перед божественным ликом.

Наиболее распространенная интерпретация мифа об Эдипе видит в трагедии те фантазии, которые переживает каждый ребенок на основе своего опыта. Фрейд отводил мифу об Эдипе, Эдипову комплексу — центральное место в своей сексуальной теории и возвел миф в ранг самого популярного в XX веке.

Если рассматривать это в более глубоком понимании, Эдип переживает три типичных опыта человеческого бытия. Вначале он, находясь в полном неведении, слепо отдаваясь судьбе, убивает отца и женится на матери. Он решает вечную загадку Сфинкс, древний вопрос: «Что я семь?» — и тем самым становится человеком. Когда же он постигает ве-

личие человеческой судьбы, он не выносит этого знания. Если вначале он был слеп по неведению, то теперь он сам ослепляет себя, познает меру собственной вины и становится нищим.

В новой ипостаси он освобождается от своего трагического прошлого, своей кармы и в конце концов своего земного бытия, притом неведомым для прежней греческой мифологии способом получает бессмертие: он и не принимается в сонм богов как бессмертный, но и не спускается в царство Аида. Крылья духа несут его вниз, в бездну, но в то же время Тесей вынужден прикрыть глаза, как будто он ослеплен непостижимым неземным светом. Смерть Эдипа напоминает путь восточных мудрецов, которые прерывали колесо жизни и завершали переселение душ, чтобы погрузиться в ничто, в нирвану.

Литература

C. Robert: Oedipus, Berlin 1915
E. Dirlmeier: Der Mythos von König Ödipus, Mainz 1948

Геракл и Кербер (Цербер)

Последний и самый трудный подвиг Геракла заключался в том, чтобы вытащить из Тартара трехголового пса Кербера. Перед этим он прошел посвящение в элевсинские мистерии. После ритуального очищения он спустился в подземное царство. Перевозчик Харон испугался грозного вида героя и перевез его через реку Стикс. Когда Геракл потребовал от Аида отдать ему пса, бог гневно ответил: «Он будет твой, если только ты сумеешь одолеть его, не пользуясь своим оружием». Геракл схватил Кербера за шею и с такой силой стал душить его, что псу ничего не оставалось, как повиноваться. Когда Геракл вытащил пса из подземного царства на дневной свет, он снова стал оказывать сопротивление и лаять всеми своими тремя пастями. Ядовитая слюна Кербера падала на зеленый луг и прорастала ядовитым растением аконитом, который еще называют гекатеей, потому что Геката первой стала его использовать. Парализующий яд аконита использовали фессалийские ведьмы для приготовления так называемой «летучей мази» — она делала нечувствительными руки и ноги и имитировала чувство взлета, отрыва от земли. В конце концов Геракл привел дьявольского пса назад в Аид.

Кербер охраняет Стикс, границу между миром людей и подземным царством. На картинке в книге Гафурия «Practica musice» мы видим змею с тремя головами: посредине голова льва, слева — волка, справа — собаки. Гафурий считает, что именно так выглядел Кербер, у которого тоже было три головы и змеиный хвост. Три головы символизируют всепоглощающее время в трех его аспектах (настоящее, прошлое, будущее), в которых проявляется на земле неизменная сущность покоящегося в себе бога. В «Сатурналиях» Макро-

биуса (XV век) мы читаем: «Лев, сильный и непредсказуемый, символизирует настоящее; волк, который утаскивает свою добычу, — отображение прошлого, которое отнимает у нас воспоминания; собака, которая, повизгивая, крутится вокруг своего хозяина, указывает на будущее, которое непрестанно обманывает нас в наших надеждах».

На картинке в книге Гафурия три головы Кербера, венчающие его змеиное туловище, соответствуют трем грациям, богиням изящества, которые образуют женское триединство. Таким образом, страх может стать обворожительным, если он пройдет через змею — еще одно указание на огненную змею, индийскую кундалини, которая также поднимается снизу вверх.

В Кербере нетрудно увидеть и обратное триединство и тем самым, формулу Трисмегиста: «Что внизу, то наверху». Таким образом, собака как самое низшее из всех животных приобретает особое значение в мистической символике. Тристан подарил Изольде собачку из страны Авалон, которая отличается такой шелковистой шерсткой и до того нравится рыцарю, что он иногда забывает свою любовную печаль. Языковое соответствие мистической инверсии мы находим в английском языке: «dog» (собака) и «god» (бог).

Легенда о подвиге Геракла указывает нам путь, который должен пройти герой, чтобы победить чудовище мистерий собственной души. Трехголовая собака — существо, абсолютно противоположное богу, собственно говоря, последний страх, который надо преодолеть мисту. Так, например, Виргилий и Данте в самой глубине ада обнаруживают трехголовое чудище, и лишь после того, как им его удалось миновать, начинается восхождение в более высокие сферы.

Геракл стремится к бессмертию и хочет тем самым преодолеть время. Как мы убедились, три головы Кербера символизируют прошлое, настоящее и будущее. Однако время нельзя победить силой оружия, поэтому Аид и поставил условие, чтобы Геракл сумел взять верх над псом без оружия, только за счет своих собственных возможностей. Таким образом, он опускается в свое подсознание, соответствующее в индийской мифологии открытию третьего глаза.

Яд Кербера, приведенного Гераклом из подземелья,— это яд фантастического, иррационального, и если в легенде слюна Цербера материализуется в растение аконит, то сок аконита, содержащий алкалоиды, опять же может спровадить человека, его попробовавшего, в подземное царство. Тот факт, что Геракл отвел собаку обратно, означает, что разовое преодоление границы между сознанием и бессознательным не устраняет эту границу вообще. Напротив, скорее следует считать, что уход в мир иррациональных сил может быть для человека таким же смертельным, как и застывание в структурах реальности. Путь к бессмертию ведет через оба этих мира.

Литература

Manfred Lurker: Hund und Wolf in ihrer Beziehung zum Tode, 1909
H. Scholz: Der Hund in der griechisch-römischen Magie und Religion, Diss. Berlin 1937
F. Kretschmar: Hundestammvater und Kerberos, Stuttgart 1938

Прометей

Прометей создал человека. Прометей — титан, но он предвидел, что Зевс пойдет против Крона, и перекинулся на сторону богов. Он выполнял функцию акушера при рождении Афины из головы Зевса, а та в благодарность обучила Прометея архитектуре, астрономии, математике, навигации, медицине и металлургии.

Зевс постоянно чувствовал вызов человека и поэтому отказывал людям во владении огнем. Тогда Прометей находит доступ к огненной колеснице солнца с помощью Афины. От колесницы он возжигает факел, отламывает кусочек тлеющего древесного угля и дарит его смертным.

Мстительный Зевс приковывает голого мятежника к столбу в горах Кавказа. Каждый день из года в год к Прометею подлетает орел и клюет его печень. Это непереносимая боль. Каждую ночь, когда в горах становится холодно, печень Прометея снова отрастает.

Через много лет на Кавказ приходит Геракл и освобождает Прометея из оков.

Прометей, «предвидящий», был мудрым, сильным и искусным титаном. Боги любили его, и он дрался на их стороне в битве с титанами. В то же время он ставит под сомнение всемогущество и универсальность знаний Зевса, за что тот его невзлюбил.

Из земли Прометей вылепил человека по подобию богов. Художник, каковым его часто представляют, вдохнул в свое творение божественную искру и тем самым стал творцом, а его творение стало равным ему самому. Этим Прометей вызвал зависть к себе богов.

Прометей воплощает стремящийся в высь человеческий дух, который, овладевая стихиями, пробуждает к жизни с помощью воды «оплодотворенную семенем неба» землю и вдыхает в нее пламя духа. Однако тот, кто смеет играть с богами, то есть с космическими силами в себе и вокруг себя, краплеными картами, вызывает зависть и гнев богов. Зевс изгоняет Прометея после того, как тот попытался обмануть его и подсунуть ему худшие куски жертвенного мяса.

Наказание, наложенное на Прометея, заключается в том, что он

должен разделить участь созданных им людей. Он попадает в круговорот смерти и нового рождения: орел, символ духа Зевса, выклевывает днем его печень, которая за ночь снова вырастает. Греки считали, что печень есть местопребывание страстей и вожделений, которые хотя и могут быть подавлены (укрощены) духом, однако снова и снова восстают против него.

Но в мифе о Прометее человеческий дух преодолевает наказание: Геракл убивает стрелой орла и освобождает Прометея. Смертный (ведь Геракл только потом за свои подвиги обрел бессмертие) пробил себе мужеством и неустрашимостью дорогу к богам и примирил с ними людей. Геракл олицетворяет иной аспект человека, нежели Прометей: не только его мужество, но и его находчивость избавляют возгордившийся творческий дух Прометея. Он советует наказанному носить камень с Кавказа, вправленный в кольцо, чтобы наложенное на него Зевсом наказание все же исполнилось. В этом акте преодолевается иллюзия реального мира, полного наказаний, которые должны выносить несчастные смертные. Хотя камень связывает Прометея с его прошлой судьбой, он одновременно является символом того, что человеческий дух преодолел фатализм и уже не осмысляет свою судьбу как неподвластную ему заданность.

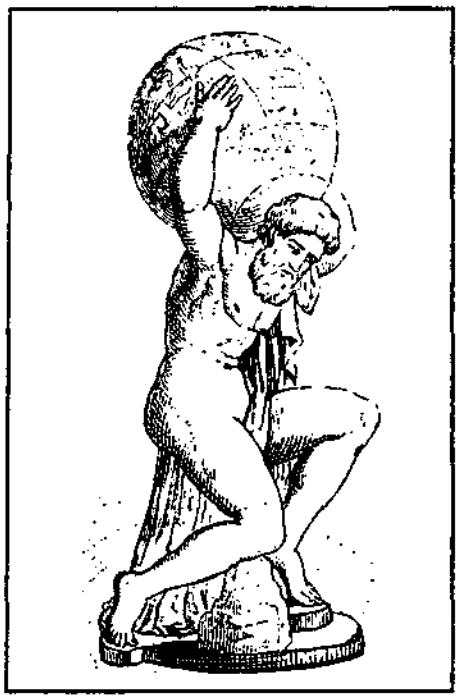
Литература

J. Fränkel: Wandlungen des Prometheus, Berlin 1910
K. Kerényi: Prometheus, das griechische Mythologem von der menschlichen Existenz, Zürich 1946
R. Trousson: Le Thème de Prométhée dans la littérature européenne, Genève 1964

Атлас

Атлас, по происхождению тоже титан, сражался в битве против богов на стороне Крона. Олимпийцы победили, и Зевс приговаривает Атласа к наказанию — вечно держать на своих плечах небесный свод. Один раз, правда, ему удается освободиться от своей ноши — Геракл попросил его добыть золотые яблоки из садов Гесперид и на время взвалил ношу на себя. Атлас добывает яблоки, но, вкусив свободы, не хочет больше держать на себе небосвод. Гераклу приходится прибегнуть к хитрости. Он просит Атласа на время подержать ношу, пока он не сделает себе подушку, чтобы тяжесть неба не так давила на голову. Поверив Гераклу, Атлас снова подставляет свои плечи, а Геракл убирается восвояси.

Как сообщает миф, Атлас поддерживал небесный свод на северо-западной оконечности знакомого грекам мира. Там находилась самая высокая из известных грекам гор. Ничего удивительного, что они полагали, будто



она подпирает небо. В кельтской мифологии мы находим родственную фигуру гиганта Уселлури, который держит на плечах и землю, и небо, и море.

Полузабытые мифы об Атласе называют его отцом различных природных божеств — Гесперид, Майи, Плеяд. В греческой мифологии Атлас олицетворяет титанические силы, разделяющие небо, и землю, и природные силы материи, которые боги сумели подчинить себе.

В переносном смысле фигуру Атласа, держащего небо, можно понимать как противопоставление человека животному. Человек гордо и свободно держит голову, хотя нередко и отягощен грузом невыполнимых желаний, своим собственным небольшим небесным сводом. Как показывает история об Атласе и Геракле, человек может сбросить этот груз, и все же каждый должен нести свою ношу сам и не передоверять ее другим.

Литература

E. Tièche: Atlas als Personifikation der Weltachse, in: Museum Helveticum 2 1945

Хирон

Хирон — кентавр, сын Кроноса и океаниды Филиры. В отличие от других кентавров, диких и необузданных по своей природе, Хирон отличался мудростью и ученостью. Он воспитал многих известных героев Эллады, в том числе Ясона, Асклепия и Ахилла. Хирон был весьма сведущ в искусстве врачевания, он был талантливым скульптором. Когда Геракл освободил Прометея из оков в горах Кавказа, то, по легенде, кто-то все равно должен был умереть, и Хирон отказывается от бессмертия в ответ на освобождение Прометея.

Хирон — очень дружелюбный кентавр, в отличие от остальных представителей своего народа, демонов гор и лесов. Некогда считали, что кентавры первоначально были

воплощением горных рек и потоков, возникающих при обильных осадках; их связь с природой выражена в том, что они полулюди, полукони. Как сын Крона, Хирон знает все тайны врачевания, то есть умения искать во время болезни помощи у природы. Как титан, он относится к свергнутому Зевсом роду необузданных природных божеств, которым были ведомы древние мудрости. Реальной власти в настоящем у него нет, так что он становится воспитателем героев.

Хирон воспитал целое поколение греческих героев и впоследствии был нечаянно ранен отравленной стрелой Геракла. Молодое поколение героев побеждает древний род титанов, правда, как описывает миф, в результате несчастного случая. Мы имеем здесь дело со сменой поколений — младший сменяет старшего, вобрав в себя его знание.

Бессмертный кентавр выпрашивает у Зевса смерть в обмен на освобождение Прометея, которому было предсказано, что он освободится от мук, когда кто-то добровольно возьмет на себя наложенное на него наказание. Зевс переносит Хирона в звездное небо, ведь, по древнему астральному мифу, звезды — это сияющие души бессмертных.

Литература

W. R. Dawson: Chiron the Centaur, in: Journal of the History of Medicine and allied Sciences, 1949

Сирены

Когда корабль Одиссея приблизился к стране сирен, они сладко запели и обещали Одиссею знание обо всех грядущих событиях на земле. Но Одиссей помнил совет Цирцеи: «Заткни уши, когда услышишь музыку сирен, прикажи своим спутникам привязать тебя за руки и за ноги к мачте и не отвязывать, какими бы карами ты им ни грозил».

Так и было сделано. Одиссей клял своих спутников и угрожал им смертью, если они не отвяжут его. Но они были верны его первоначальному приказу и еще крепче привязывали его к мачте. Судно благополучно миновало остров, а сирены были так разгневаны, что покончили с собой.

В основе легенды о сиренах лежит соблазнительная заманчивая прелесть голубой волны в соединении с опасным скалистым берегом. Сладкое пение сирен очень заманчиво, но блаженство, которое они обещают — это смерть. Поэтому сирены, как ангелы смерти, венчают памятники на могилах.

Согласно греческому мифу, родина сирен — скалистые острова между Сицилией и Италией, на которых во множестве можно было увидеть выбеленные кости — следы кораблекрушений. Как сообщает миф, сирены приобретают особо сильную власть над моряком во время штиля, когда на палубу выносили еду. Люди оказывались под палящими лучами полуденного солнца, и нередко их настигал солнечный удар. Однажды сирены вступили в состязание с музами и проиграли этим небесным созданиям, олицетворявшим радость искусства, радость танца, пения и любви. Как рассказывает знаток древностей XVIII века Карл Филипп Мориц, на одном памятнике в Италии изображена сирена в виде полуптицы-полуженщины. В руках она держит две флейты. Сирена угрюмо смотрит на победившую ее музу, которая одной рукой держит сирену за крыло, а другой — выщипывает ее перья. Сирена, этот женский демон подземелья и смерти, наказана. Ведь в греческой мифологии сила жизни и искусства побеждает силу смерти.

В переносном значении сирена — это неудовлетворенная страсть. Сиренам давали различные другие имена, которые значили «та, со страстным голосом», «очаровывающая», «та, со звонким голосом», «пленительная». Сирены раздаривают сладкие обещания, но не могут их выполнить, ведь они полуптицы-полуженщины. Подобно водяным нимфам из сказок, они, как олицетворение природы, не имеют души. Но, если нимфу полюбит человек, она спасется, хотя при этом погибнет как сирена, ведь она — именно неисполнимое желание.

Как символ морских пучин, они олицетворяют также и пучины души героев, которые должны им противостоять. Ведь это те бездушные вожделения человека, которые увлекают его в собственные пучины. Сирены подчинены царице подземного мира Персефоне, они встречают новое пополнение в ее темном царстве. Одиссей смог противостоять им за счет того, что был привязан к мачте. Другими словами, он наложил оковы на разрушающие страсти своей души, которые затянули бы его в мир подсознательных и потому опасных желаний.

Литература

C. Picard: Néréides et Sirènes, in: Annales de l'Ecole des Hautes Etudes de Grand, 1938
J. R. T. Pollard: Muses and Sirens, in: The Classical Review, 1952

Пандора

Зевс завидовал людям, которые умели обращаться с огнем, подаренным им Прометеем. В наказание он наслал на них бесстыжую Пандору, создание Гефеста и Афины. Несмотря на предупреждение Прометея, люди приняли Пандору. У этой «скромницы» был с собой ящик, в котором было спрятано все зло, все неприятности. Когда Пандора открыла крышку, из нее вылетели старость, болезни, сумасшествие, пороки, несдерживаемые страсти, боли, смерть. Они вылетели как облако и упали потом на всех людей. Единственное хорошее, что было в ящике, это Элпис — надежда. Только одна она и досталась людям в утешение.

Ящик Пандоры, заполненный всем злом, что есть в этом мире, символизирует то, что люди не сумели правильно обращаться с огнем в его мистическом значении света познания. Муки и беды, вылетевшие из открытого ящика, олицетворяют неконтролируемые силы подсознания самого человека. Тот факт, что ящик принесла возбуждающая желания девица, указывает на опасность, которая может исходить от красоты, от наружного обличья, от «майя». Красивое зло было украшено венками цветов и укутано в сверкающие белые одежды, но Гермес обучил его бесстыдству и коварству собаки и вложил в его грудь ложь, лесть и зависть.

В этой притче говорится о том, что, несмотря на все предупреждения, люди суют свой любопытный нос куда не надо и оказываются в плену собственных неуемных страстей. Беды, которые при этом возникают, они проецируют на весь мир и становятся собственными рабами. Надежда заключается в том, что человек сможет обуздать свои страсти и быть их хозяином, а не рабом.

Литература

H. Türck: Pandora und Eva, Menschwerdung und Schöpfertum im griechischen und jüdischen Mythos, Weimar 1931
O. Lendle: die Pandorasage bei Hesiod, Würzburg 1957

Символы христианства

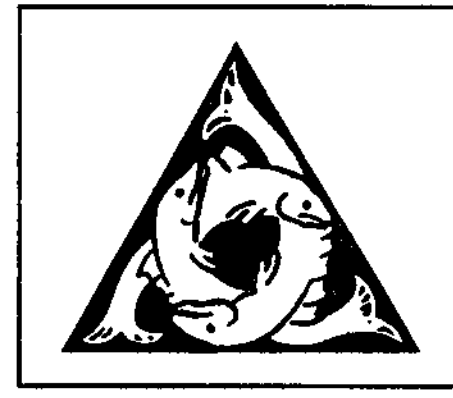
«Прекрасно быть христианином!»

Введение в символику раннего христианства

Имеющиеся в нашем распоряжении источники о развитии раннего христианства, с одной стороны, недостаточны, с другой — дают несколько искаженное представление о раннехристианском учении, поскольку последующие поколения выбирали и сохраняли из него только то, что соответствовало их собственным интересам. Из того наследия, которым мы располагаем, можно заключить, что раннее христианство было резервуаром, вобравшим в себя самые разные религиозные течения, на основе которых лишь со временем сложилось самостоятельное законченное учение.

Как иудаизм, так и раннее христианство имеет очевидную связь с астрально-мистическими культами Вавилонии и мистикой чисел Пифагора. Из семи планет в Библии возникают семь архангелов, из четырех элементов Эмпедокла, предшественника Сократа, — четыре евангелиста, а 12 учеников Иисуса Христа символизируют 12 знаков зодиака. Рождение Иисуса Христа совпадает с началом эпохи Рыб — представление, заимствованное из астрологического понимания мира, а именно, что различные эпохи истории человечества знаменуются различными знаками зодиака. Рождение Христа отмечается как рождение нового Эона, нового века, отсюда и его название — Большая Рыба.

Новый век, как любая новая эпоха, должен был полностью изменить мир. Христос хотел полностью преодолеть поверхностность, бездуховность, бездушие, властолюбие и жестокость, царившие в мире. Семена своего учения он заронил в души своих учеников. Правда, создается впечатление, что учение Христа о новом грядущем царстве чуть ли не с самого начала подверглось профанации. Иной мир — Царство Божие, которое, по словам Иисуса, каждый носит в себе,— часто понималось как своего рода рай, который будто бы открывается каждому, кто слепо следует Господу. Этим все кончалось, бездумность, леность ума снова взяли верх. Об этом свидетельствуют многочисленные мученические смерти, на которые шли первые христиане, надеясь таким образом получить пропуск в рай.

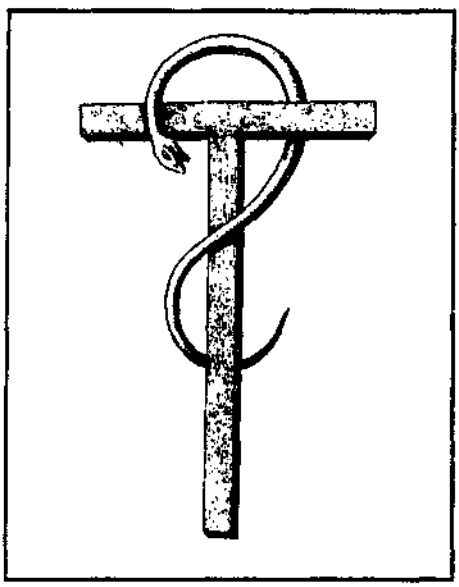


Изображение доктрины триединства

Ранние христиане представляли собой пеструю смесь обращенных евреев, ученых греков, выходцев с Востока, а также римлян, число которых постоянно росло. Небольшим общинам, разрозненным и территориально отдаленным друг от друга, было трудно противостоять другим религиозным течениям. Только в IV веке христианство принял первый римский император. Рассказывают, что император Константин накануне сражения, на успешный исход которого

он почти не надеялся, обратился с молитвой к христианскому богу, чтобы он ниспослал ему победу. Ночью ему было видение креста с надписью: «Сим победиши». И он действительно выиграл эту битву и принял христианство.

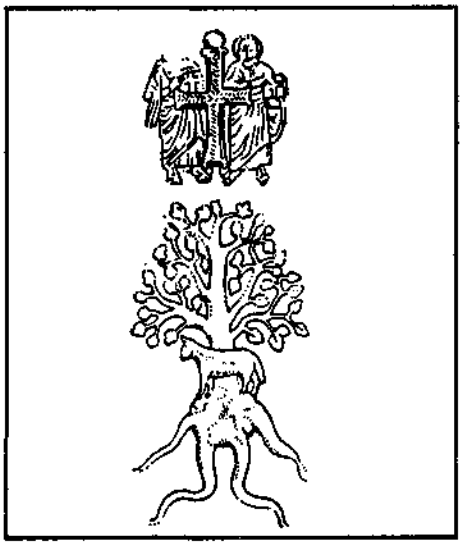
Универсальное христианство должно было стать основой универсальной Римской империи. Похоже, что христиане с лихвой отплатили тем, кто прежде преследовал их. Примерно в это же время осуществляется программа освобождения христианского учения от определенных элементов — их объявляют еретическими (ошибочными) и исключают из лона церкви. Гностические секты, которые не считали аскетический путь христианства единственно спасительным и принцип любви — «агапе» — понимали, имея в виду реальное значение этого слова, были прокляты, равно как и секты, которые в Боге Отце хотели видеть единство Бога Отца и Бога Матери, как показывают рукописи, найденные в египетской пустыне неподалеку от местечка Наг-Хаммади. О том, что такой взгляд может быть опасным даже в наше время, свидетельствует ранняя смерть папы Иоанна Павла, который незадолго перед тем утверждал: «Бог — Отец. Но в еще большей степени — Мать».



Змея на кресте — распространенный тайный знак ранних христиан. Гностики («другие» христиане) в своих культовых отправлениях вообще отождествляли змею с Иисусом Христом

Упоминаемые в Новом Завете любовные трапезы, которые ортодоксальной церковью трактуются лишь как символические, в некоторых сектах осуществлялись реально. Специалист по Древнему Востоку Аллегро указывает источники, которые позволяют заключить, что акт крещения в определенных случаях был связан с эротическим ритуалом. В данном случае мы находим в раннем христианстве продолжение традиций всех примитивных религий, которые исключались из него лишь постепенно.

Шел спор о путях, которые ведут к избавлению и просветлению человека: с одной стороны, аскетический путь, который постепенно утверждался в христианской церкви как единственно приемлемый, с другой стороны, эротический и более близкий к культам примитивных религий путь, который отвергался христианским учением. Подобная борьба имела место и в Индии между правым и левым путем; правый путь требовал аскезы и чисто символических обрядов, левый же предполагал всестороннее развитие человеческих сил, в том числе эротических, как условие для спасения (освобождения) души. Надо сказать, что и в Индии сторонники эро-



Согласно христианскому учению, четыре корня под знаком креста дают новый единый цветущий куст

тического пути, которые составляли там меньшинство, подозревались в самых худших пороках, но они никогда не подвергались таким гонениям, преследованиям, как это было в христианской практике.

Вполне можно допустить, что всевозможные извращения, в которых подозревали гностиков, как и представителей «левого» пути, представляли собой скорее плод больного воображения ортодоксов, подавленная фантазия которых находила выход в кошмарных видениях. Так называемые «черные мессы» средневековья по их устройству можно объяснить тем же самым феноменом крайне скованной фантазии и чувственности.

Последовательное удаление определенных элементов из христианского учения превращает его постепенно в застывшую и чуждую народу систему. В этом кроется принципиальное отличие христианства от индийской религии, да и от практики в Римской империи, где не отторгали, а интегрировали чужих богов.

В раннем средневековье были вынуждены, однако, снова потихоньку вводить божков чужих религий, изгнанных до того из христианства, через задний вход в виде святых.

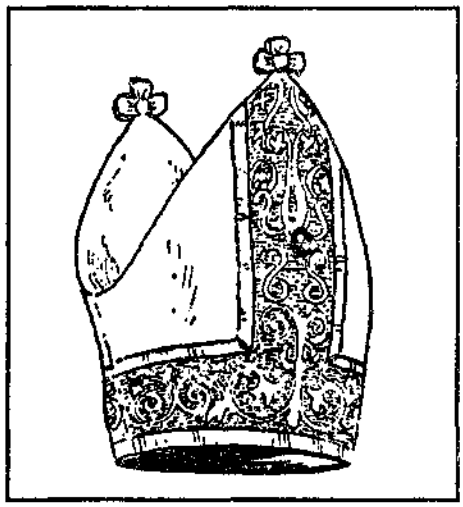
Центральная идея христианства о существовании совершенного бога, у которого нет имени, потому что он всеобъемлющ (это представление христиане заимствовали у евреев), казалась малопригодной для народной религии, в которой во все времена было несравненно разнообразнее и живее, чем в уединении монашеских келий и строгом аскетизме, в котором видели путь к спасению души.

Однако народная религия и эзотерическое учение сосуществовали в христианстве не в столь добрых отношениях, как в азиатских и восточных религиях. Хотя простому народу было малопонятно эзотерическое учение Христа, аскетический путь отрешения духа от материального мира, священники пытались влить в людей разжиженный напиток христианской мудрости, вместо того чтобы дать им возможность счастливо жить с их божками. Процесс просветления души, который каждый должен совершить сам, начали осуществлять временно исполняющие обязанности бога на земле священники.

Были времена, когда запрещалось иметь Библию. Это требование христианских священников имело печальные последствия — любое знание, любая попытка понять процессы познания тут же гасилась, а народ держали в неведении.

Правда, в других религиях опре-

Уже в первые века своего существования христианская церковь видит все больше и больше людей во власти дьявола, причем дьявол видится чаще всего в других — в христианах с другими взглядами, в иноверцах и т.д. (Dict.Infernal.)



Открытая пасть рыбы: митра, головной убор, который по сию пору носят епископы

деленное знание также держали в тайне, однако именно такое знание, которое постигалось на основе многолетних упражнений. Но в Азии никогда не доходили до того, чтобы, с одной стороны, держать в тайне рукописи и знания, с другой же — настаивать на том, чтобы простые люди слепо верили в то, что они не могли понять. Из-за этой нелепой ситуации передачи знания в христианской церкви произошло то несоответствие внутреннего и внешнего, которое Юнг описывает следующим образом: «Христианская культура оказалась страшно выхолощенной. Она — только внешний лоск, внутри же человек остался незатронутым и потому неизменным. Состояние его души не соответствует внешней вере, христианин отстает в своей душе от внешнего развития. Да, внешне есть все — в картине и в слове, в церкви и в Библии, но в глубине души, как и прежде, царствуют архаические боги, то есть внутреннее соответствие внешнему образу бога отсутствует из-за недостатка душевной культуры, и поэтому человек застрял в язычестве. Христианское воспитание старалось вовсю, но этого было недостаточно. Слишком немногие постигли, что божественный образ (бог) — это внутреннее состояние собственной души человека. Человек встречается с Христом в церкви, но не в душе своей...»

Царство Божие на земле уже в первые века христианства часто понималось не в смысле духовного развития человека, а, особенно после обращения римского императора Константина, как насильственное распространение христианства — часто из

Аскеза, столь милая христианскому учению, никогда не имела глубоких корней в народе («Монахиня у гроба возлюбленного», рисунок Л. Рихтера)

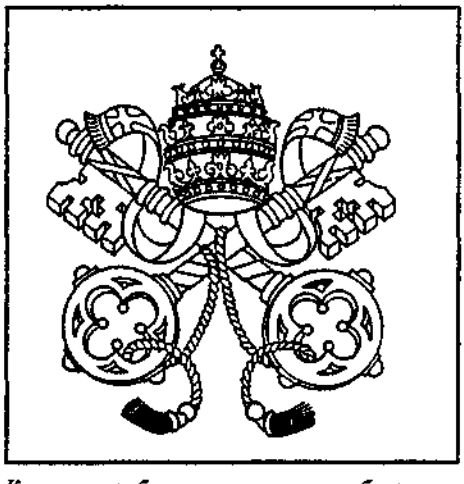
политических соображений. Благодаря железной дисциплине папская церковь пережила развал Римской империи и уже в раннем средневековье начинает строить централизованные организации, как например,

Монограмма — чаще всего используемый символ раннего христианства. Монограмма в окружности отображает вечность царства Иисуса Христа. Греческие буквы «альфа» и «омега» подчеркивают притязания бога быть «началом и концом всех вещей», всего, что есть, что было и что будет. Два голубя — символ святого духа и «божьего мира»

инквизиция, которая была, пожалуй, непревзойденной родоначальницей всех национальных тайных служб позднего времени.

Церковь полностью отказалась и от обета бедности, которого Иисус требовал от своих учеников, хотя ордены нищих периодически протестовали против богатства официальной церкви, которая в средние века была самым крупным феодалом. Эзотерическая «благая весть» первых христиан — создать Царство Божие на земле — стала в дальнейшем пониматься церковью как право на светскую власть. Об этом говорит многолетний спор между римскими папами и немецкими императорами. Тем самым оказалась полностью разрушена «благая весть» Иисуса Христа, который хотел вырваться именно из порочного круга властолюбия и насилия в мир, где высшим принципом являются мир и любовь.

В век Просвещения малопонятный бог был спущен с небес. В XVIII веке было провозглашено: бог там, где разум и человеческие силы, а не в небе. В XIX веке Фридрих Ницше заявил: «Бог мертв», и достаточно заглянуть в пустые церкви, чтобы убедиться в правильности этого пророчества великого философа. Поэтому наши последующие страницы представляют собой попытку на основе центральных фигур и символов христианского учения, погребенных под целыми горами пепла и золы (в немалой степени усилиями самой церкви), откопать древнюю мудрость о спасении человеческой души.



Ключи от небесного царства в гербе папы — символ эзотерического знания, которому Иисус учил своих учеников. Этим тайным знанием он в переносном смысле дал апостолам и их последователям «ключи» к высшему пониманию смысла и цели жизни

Изгнание из рая

Когда Адам и его спутница отведали плодов древа познания, они обнаружили, что они — люди. «И открылись глаза у них7 и узнали они, что наги». Они осознали, что у них есть тело, и тем самым произошло разделение тела и сознания. Одновременно они увидели, что они — мужчина и женщина, и прикрыли свою наготу листьями смоковницы. Женский аспект Адама, андрогенного ангелоподобного существа, обособился в женщине. Это противоречие — мужчины и женщины, духа и тела — поставлено Библией в начале истории человечества.

Бог запретил человеку пробовать плоды от древа познания Добра и Зла: «Не сеньте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть». Оказывается, плоды древа познания содержат в себе тот же яд, что и ящик Пандоры, который в греческой мифологии принес чересчур любопытным грекам все плохое, болезни и сознание смерти.

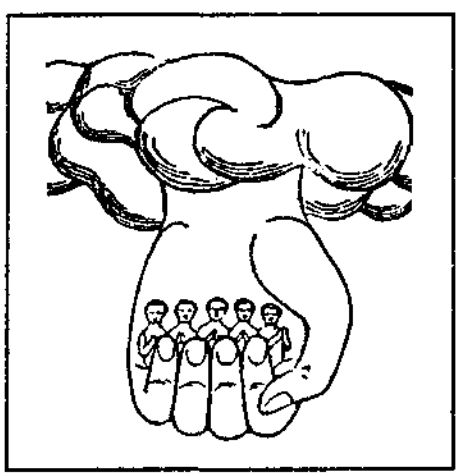
Адам и Ева познают себя как людей (из M.Engels, Darstellung der Gestalten Gottes, Luxemburg, 1894)

Фольклорная интерпретация этого мифологического мотива видит причину наказания людей в зависти бога. В сборнике еврейских рукописей Хаггада, которые были написаны примерно в то же время, что и Ветхий завет, представление о зависти бога к людям находит выражение в том, что бог Яхве собственноручно закапывает Моисея так, чтобы никто не мог найти его могилу и чтобы народ почитал Яхве, а не Моисея. Именно сходство человека с богом (его богоподобность) вызывало гнев богов, что мы видим также и в греческой мифологии.

Другое объяснение изгнания из рая находим, когда угрожающая человеку смерть понимается не в физическом, а в духовном смысле. В этом случае умирает только Адам, поскольку, как человек бессознательный, он практически не отличается от животных и находится во всеохватывающем единстве с природой и богом. Его смерть — одновременно рождение человека. Как ребенок в акте рождения отделяется от матери, с которой он до того находился в неразрывной связи, так отделился от природы гермафродитный ангел Адам. Знание, которое он получает, а именно знание Добра и Зла, следует понимать не как приобретение определенных нравственных представлений, а скорее как осознание самого себя существом, которое, в отличие от животного, может делать свободный выбор и действовать как ему захочется, а не быть полностью детерминированным. В то же время знание своей

особенности влечет за собой страдание и боль. Смерть ангела, равнозначная рождению человека, означает, что отныне человек должен в поте лица добывать хлеб свой и в болезни рождать детей своих.

Понятно желание изгнанного, оказавшегося чужим в чужом мире, вернуть утраченное единение, вернуться в рай. Христианский путь обретения утраченного единства, «соединения с богом», состоит в том, чтобы освободиться от всех соблазнительных пут, которые связывают человека с материальным миром. Бог запретил людям есть плоды древа жизни, которое тоже стояло в раю. Осознание самих себя, которое приходит с вкушением плодов дерева познания, приносит и осознание неизбежности собственной смерти. Люди приобрели знание, но одновременно стали смертными. В христианской мистике приобретение божественного бессмертия, преодоление смерти равнозначно преодолению плоти и освобождению духа.

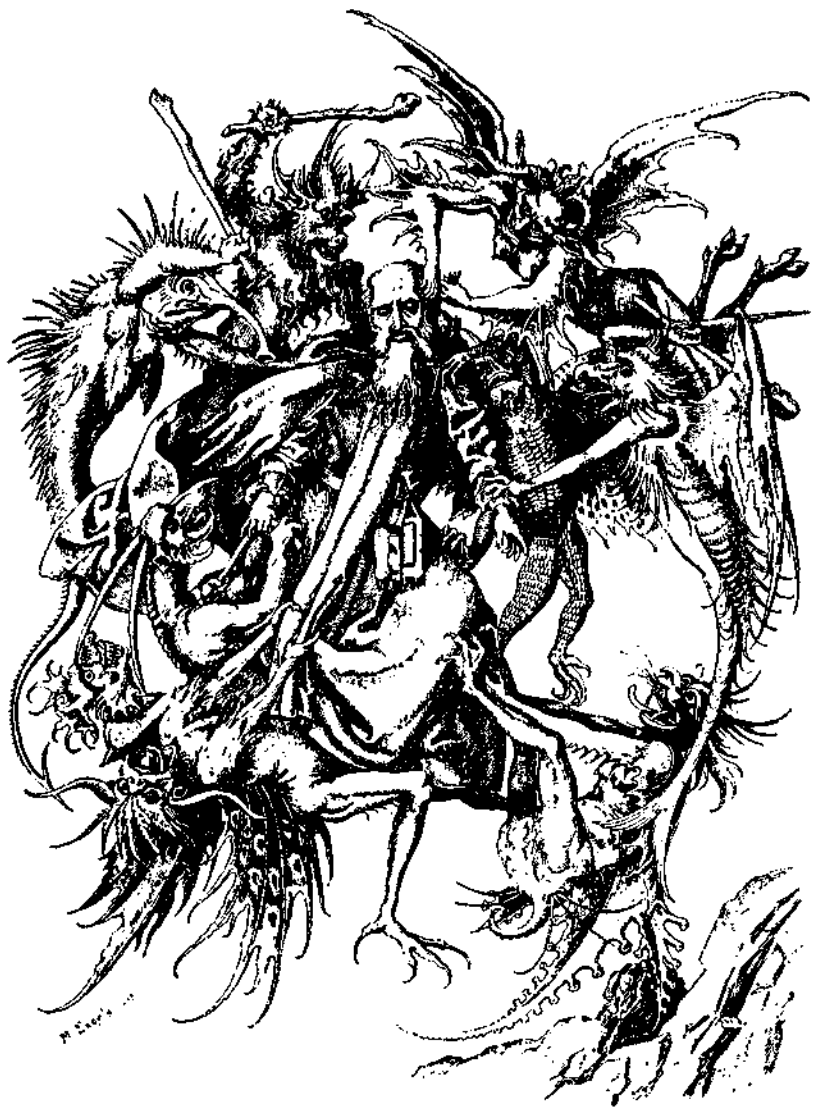


Рука бога (из облаков) защищает правого, но одновременно не дает ему найти самого себя и обнаружить бога, спрятанного внутри него, то есть внутри самого человека

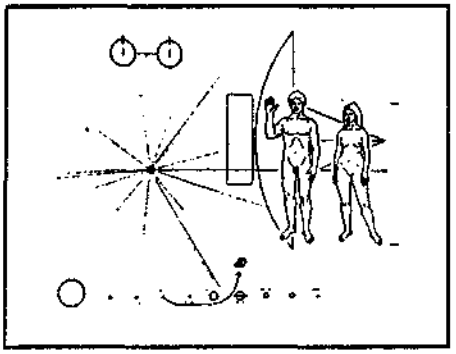
Женский принцип в Книге Бытия — Ева, «матерь всех любящих». Это она, науськанная змеем, соблазнила Адама отведать запретных плодов. Хитрое животное из райского сада пообещало Еве: «Нет, не умрете. Но знает Бог, что в день, когда вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Змея здесь — символ мудрости матерей, ее яд может принести смерть, а может — излечение разных болезней. Змея — животное, не имеющее рук и ног и поэтому могущее только ползать по земле; это единственное животное, которое может укусить свой собственный хвост, и потому она — символ вечности. Змея сбрасывает свою кожу и становится совершенно беззащитной, но потом у нее отрастает новая кожа, и потому она — символ вечного обновления и возрождения.

И в Книге Бытия змея также вещает раздвоенным языком — ведь Адам и Ева, хотя и становятся богоподобными, начинают различать добро и зло, но с осознанием своей смерти они одновременно теряют божественное бессмертие.

Стихия змеи — земля, материя, которая в смысле христианского учения противостоит освобождению духа из подземелья противоречий, в которое он сам себя заточает. «Тело — темница души», — так учили орфики, секта, эмигрировавшая из Индии в Грецию. Распад тела, то есть смерть, должна соответственно означать освобождение духа, но не сексуальности, как увековечения физического существования. Чтобы спасти дух, нужно преодолеть праматерь Еву, саморождающуюся змею, обновляющую



Искушение святого Антония (рисунок по Мартину Шонгауэру): плотские желания и страсти, подавляемый и унижаемый аспект человека, теряют другой, благочестивый, его аспект, алчущий аскезы и стремления к трансцендентальной духовности



Плакат американского агентства НАСА, символизирующий человечество, покидающее солнечную систему

свою кожу. Возврат к единению с богом был бы равносилен состоянию, в котором реальность всех предметов, определяющих человеческое бытие, признается иллюзией.

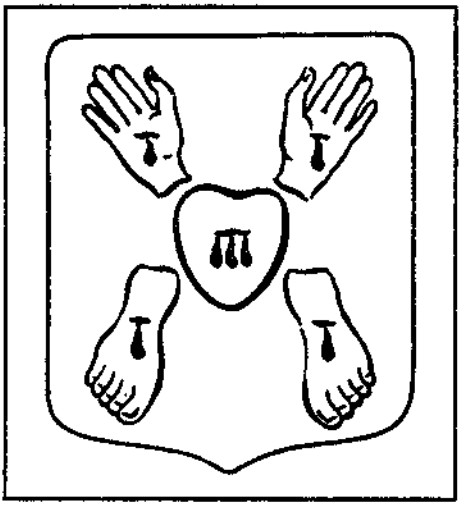
Еще одно доказательство существования определенных, хотя и трудно постижимых, архетипических представлений человека заключается в том, что история изгнания из рая читается как аллюзия на тантристское миропонимание. Здесь мы тоже видим вначале неразличимое единство мужчины и женщины, тела и духа. Это единство распадается на два полярных пола, и женское начало продуцирует мир явлений — преходящую «майя», так же, как Ева, праматерь всего живого из Библии. Определенные варианты индийской традиции йоги учат преодолению противоречия между мужчиной и женщиной, духом и материей, которое понимается как восхождение по ступеням процесса творения, процесса развития мира в обратном направлении — к первоначальному единству в акте физической любви. Христианская мистика отвергает этот путь, как, впрочем, и другие эзотерические учения. Согласно христианскому учению возврат к единству с богом — это путь аскезы, освобождения от оков земного чувственного мира, и каждый должен проделать этот путь в одиночку.

Распятие Христа

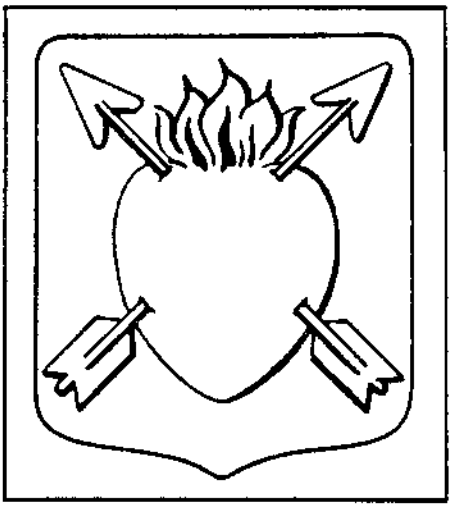
Смерть человека — это рождение бога

Бог явился людям как человек, в образе сына своего Иисуса Христа, как думали ученики Христа. Безымянный бог евреев Яхве (набор букв, не имеющий никакого смысла) инкарнировался в облике простого человека. Хотя и рассказывают, что Иисус совершал чудеса, но в этом смысле он мало чем отличается от прорицателей и целителей, которых в то время было немало.

Иисус на кресте — бог, который прошел весь путь смертного с его взлетами и падениями



Пять ран Христовых — символ победы духа над телом



Сердце Иисуса, пронзенное стрелами (эмблема отца церкви святого Августина)

Мистерия Иисуса Христа — это его смерть на кресте. Воплотившийся в человека бог прошел весь круг человеческого существования до своего горького конца — он умер смертью разбойника, позорной смертью на кресте.

Само по себе распятие Христа было несправедливым, бессмысленным актом произвола, но в плане мистерии Христа его мученическая смерть осмысляется как процесс полного освобождения человека от земных оков. Распятие — это не только бессмысленные муки несправедливо осужденного. Путь страданий есть одновременно путь очищения, воскресения бесконечного бога из конечного человека. Пять ран Христовых, стигмы, на руках, ногах и груди символизируют смерть пяти чувств, с помощью которых человек воспринимает материальный мир. Их можно понимать также как пять пальцев руки, которые ощупывают мир. Чтобы устранить разрыв между Богом и человеком, человек Иисус должен лишить себя ощущений, которые несут ему его чувства, эгоцентрические представления и иллюзии, что он — обособленная от мира личность, и тем самым смочь снова слиться с Богом, то есть стать Богом. Прежний человек, «эго», всеми силами пытается отвратить смерть, и страдания символизируют именно это сопротивление. Преодоление «эго» в индийской традиции изображается, в частности, как цепь маленьких отрубленных человеческих голов или голов демонов. Богиня Кали носит эти головы как ожерелье, чтобы показать, что она освободилась от них.

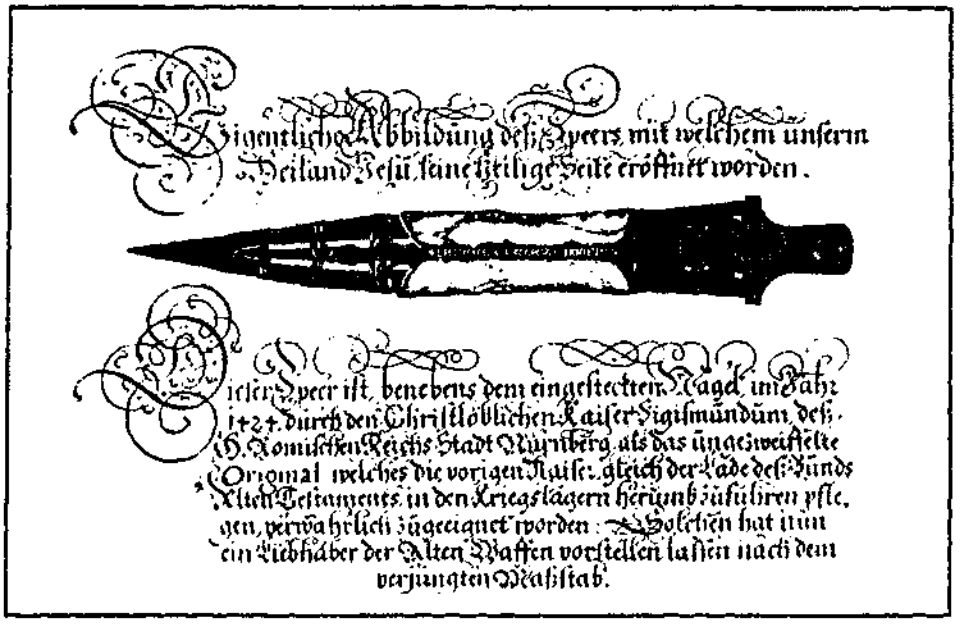
Воскресение бога, бесконечного, совершенного, всеобъемлющего, в христианской мистике предполагает смертность конечного, ограниченного человека. Обращение, отстранение человека от внешнего, наносного, выражается в символе смерти. Ев-

рейская интерпретация этого процесса называет кающегося грешника «мастером обращения» и ставит его выше непогрешимого, праведника. Христианские мученики, которые прямо-таки сладострастно шли на крест вослед своему господину, похоже, понимали это учение слишком буквально. Они считали, что отказ от тела автоматически влечет за собой освобождение духа. В смысле высказываний самого Христа одна лишь физическая смерть еще не дает пропуска в царство духа, ведь он учил своих адептов: «Не ходите и не гоняйтесь... ибо... Царствие Божие внутрь вас есть».

Пренебрежение Иисуса к миру земному, к его сущности видно из его заповеди ученикам — раздать свое добро бедным, оставить жену и детей и следовать за ним. «Царство мое не от мира сего», — поучал он своих учеников, и не исключено, что последующие поколения христиан делали вывод, что «тот мир» должен, так сказать, географически отличаться от мира земного, хотя Иисус, несомненно, имел в виду духовный элемент.

Так же, как Иисус уговаривал своих учеников разорвать узы, соединяющие их с окружающим миром, так и сам Христос отделился на кресте от своего тела, преодолев страдания и продемонстрировав, таким образом, победу духа над материей. То же самое демонстрируют и индийские факиры.

Сам крест символизирует объединение противоречий, преодоление



Святое копье, которым легионер Лонгин пронзил бок Иисуса

дуалистического взгляда на мир, который стал уделом человека с той поры, как он был изгнан из рая.

Горизонтальная линия креста — женский аспект, земля, материя, вертикальная же — мужской аспект, творческое начало, небо и дух. Это противоречие может быть понято и как единство времени, символом которого является горизонтальная линия, и вечности, представленной вертикалью, причем вечность может пересекать время в любой точке. Место пересечения обеих линий, в котором оба аспекта сливаются воедино, одновременно становится источником энергии, из которого мир развивается во всех четырех направлениях.

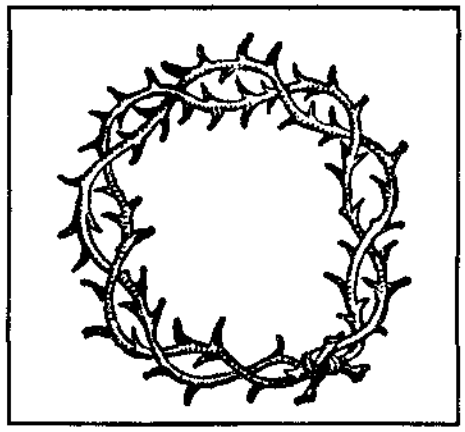
Благословляющая рука священника, отбрасывая тень, превращается в рожицу черта. Это еще один символ вечного противоречия между добром и злом, светом и мраком (рисунок Элифаса Леви)

Людям средневековья порой казалось, что кресты валятся с неба

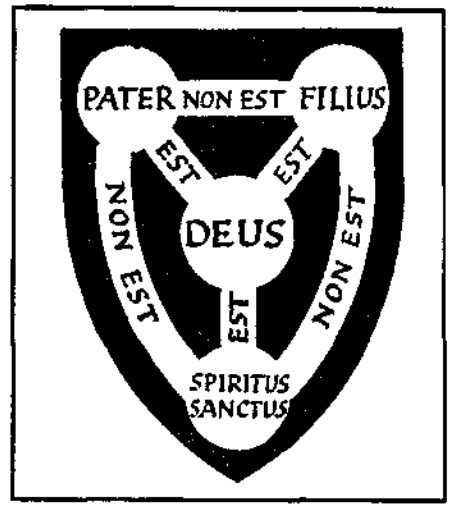
Роза в центре креста символизирует это первоначальное единство, из которого развился мир, подобно тому, как он развился из цветка лотоса в индийской религии.

Принцип, который стоит за процессом объединения противоречий в знаке креста, — это примирение дуализма в духе любви («агапе»). «Всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам», — учил Христос. Это прегрешение против духа появляется, если человек теряет веру в одну-един-

Воскрешение Лазаря: анализ рукописных свитков секты ессеев, найденных в пещерах у Мертвого моря, позволяет предположить, что здесь речь идет, скорее, о пробуждении «из смерти безмыслия», то есть ритуала инициации, которому подверг себя Лазарь



Терновый венец, который римские легионеры надели на голову Христа — символ мученичества, которое испытал Иисус как человек



Символическое изображение святой Троицы

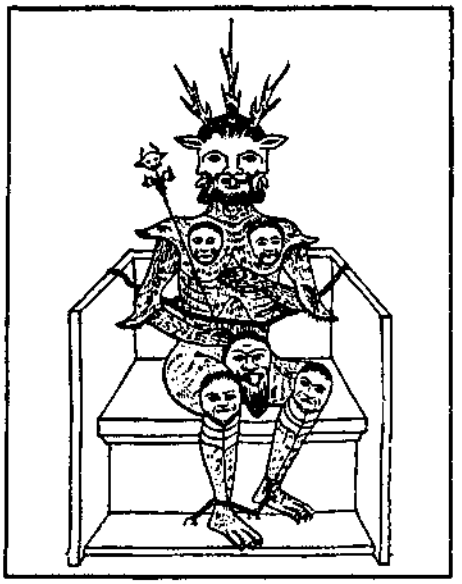
ственную истину — христианское учение — и сомневается в объединении противоречий в духе.

Безграничная боль разобщенности, отчужденности человека снимается благодаря принципу бесконечной любви, который объединяет непримиримые противоречия между богом и человеком. Символ этой бесконечной любви — голубь как голубь мира и в то же время древний знак богини любви Венеры. Примирение вечности и конечности человеческого существования в человеческом духе на основе любви — «агапе» — вот формула воскрешения в христианской мистике. Человек должен родиться дважды, первый раз — физически, второй раз — духовно, и тогда он вновь обретает свое единство с Богом.

Троица

К концу II века до Р. Х. в раннехристианской церкви возник острейший спор по поводу отношений Бога Отца, Иисуса Христа и Святого Духа. Высказывания Священного писания по этому поводу оказались весьма туманными и нуждавшимися в разъяснениях. Особенную загадку для отцов раннего христианства в символе Троицы представляли фигура Иисуса Христа как богочеловека и роль Святого Духа. Первые шесть соборов были посвящены прояснению этих вопросов.

Отцы церкви находились в незавидном положении — идея христианского триединства вобрала в себя элементы представлений о троичности из азиатской, египетской и эллинистической культур, которые сплелись в трудно распутываемый узел. Триединство в индуизме включало Брахму как создателя, Вишну как хранителя и Шиву как разрушителя. При переносе этого представления на христианство мы обнаруживаем Бога как творца, Иисуса как посредника и дьявола как разрушителя. Египетский вариант триединства: Осирис, Исида



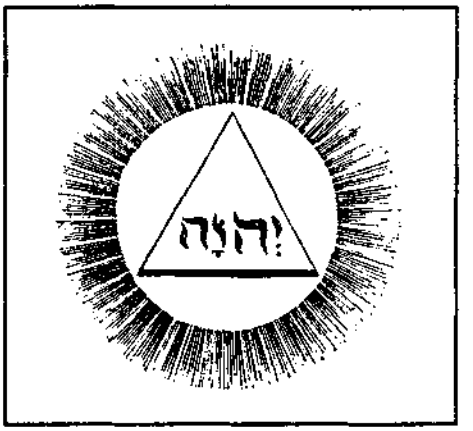
Средневековье весьма последовательно противопоставило небесной Троице триединство Зла (рисунок из французской рукописи XV века)

и Гор. В переводе на христианскую терминологию Осирис — бог заходящего за горизонт солнца — это Бог Отец, Мария — Исида, которая собирает разбросанные всеми ветрами члены своего брата и мужа Осириса и зачинает с ним Гора, восходящее солнце, или Иисуса Христа.

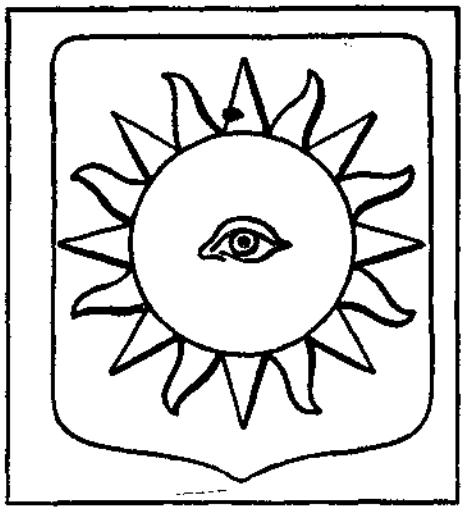
Обращенные в христианство греческие евреи, которые, в частности, руководили чрезвычайно важной для раннего христианства теологической школой в Александрии, разработали в течение V века концепцию триединства, тесно связанную с эллинистическими представлениями. Бог Отец осмыслялся как бесконечный дух, сын его, Иисус Христос, и Святой Дух стали интерпретироваться как единство обоих во всеобъемлющем принципе любви и примирения. Несомненно, здесь было заимствование из магии чисел Пифагора, у которого первые три числа понимались примерно в таком же смысле.

Помимо проблемы определения соотношения между Богом Отцом, Богом Сыном и Святым Духом, для ранних отцов церкви особенную труд-

Символ вечного господства триединого бога над землей

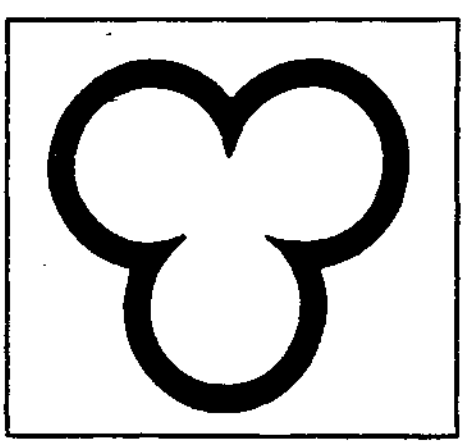


Символ триединого Иеговы согласно христианской вере



Эмблема Фомы Аквинского. Отец церкви и «изобретатель» схоластики Фома Аквинский полагал, что на свои философские произведения он был вдохновлен непосредственно Богом Отцом (здесь как глаз в солнце).

ность представляло отмежевание как от иудейского монистического учения, так и от персидского дуалистического учения Заратустры. Если объявить



Символ троицы как элемент украшения церковных окон, очень возможно, заимствован у сарацинов

Голубь — символ Святого Духа — был в древности символом богини любви, в Вавилоне — Инны-Иштар, в Греции и Риме — Афродиты — Венеры

Иисуса Христа не Богом, а только человеком, то было бы трудно принципиально разграничить христианство и иудаизм. Если же Христа объявить Богом, то, строго говоря, у было бы два бога, и притязание на монотеизм было бы неправомерным. К тому же в этом случае Бог Отец и Бог Иисус Христос должны были бы каким-то образом противопоставляться друг другу, и христианство тем самым волей-неволей сближалось бы с дуалистической концепцией Заратустры.

Между IV и VII вв. до Р. Х., наконец была разработана концепция,

согласно которой Христос был и Богом и человеком. Соответственно двум природам, божественной и человеческой, которые соединяются в богоподобной личности Христа, равным образом существуют и две воли и две энергии, божественная и человеческая, которые и действуют сообща во благо рода человеческого. Чтобы сохранить идею бога как бесконечный принцип вне земной конечности, в качестве посредника между богом и человеком был использован Иисус Христос, который содержит в себе оба аспекта.

Женский аспект, представленный в египетском триединстве богиней Исидой, в раннем христианстве большого значения не имел. Только в средние века и в связи с рыцарской поэзией Марии отводится место, которое до этого занимал ее сын — место посредника между человеком и богом. Именем Марии начинают называть церкви, например соборы в Реймсе и Париже, ее изображают как святую Мадонну, во многих церквах появляются алтари Марии.

Святая Троица символизирует трехмерность места, времени и пространства. Это самое полное описание всеохватывающего мира в смысле христианского учения. Эти три аспекта существуют независимо друг от друга, и все же они представляют единого Бога, который проявляется в этих трех аспектах, как показывает символ триединства: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. Отец — это не сын, сын — не Святой Дух и Святой Дух — не отец.

Символ Бога Отца — рука, его творческая сила, либо глаз, который все видит. Знаком Христа является крест — единство человека и Бога, барашек, то есть жертва, которую приносят во спасение человечества, и рыба. В раннехристианской церкви Христа называли Большой Рыбой, поскольку его рождение приходится на начало эпохи Рыб, согласно астрологическому разделению эпох по знакам зодиака. Знаком Святого Духа является голубь или пламя. Голубь летит, опустив голову вниз, из вечности духа в ограниченное (конечное) время земли и соединяет человека с Богом. Другими словами, это означает, что Святой Дух символизирует познание единства Бога и человека в бесконечной любви.

Архангелы

Как посланники Бога ангелы являются посредниками между небом и землей. Это промежуточные существа, которые неподвластны земным законам времени и пространства, их тела не из плоти и крови. Они подобны природным духам средневековья, сильфам, ундинам, саламандрам и гномам, которые властвуют над стихиями, но не имеют души.

Согласно христианскому учению, ангелы в иерархии стоят ближе к человеку, чем к Богу. В Откровении Иоанна ангел является евангелисту и показывает «святый» город Иерусалим «приготовленный как невеста». Иоанн падает на колени, чтобы поклониться ангелу, но ангел говорит: «Не делай сего; ибо я — сослужитель тебе, и братьям твоим пророк и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись».

Перед Богом как люди, так и ангелы — несовершенные существа. В Библии сообщается о семи архангелах, хотя по именам названы и более или менее обрисованы только четве-

Архангел Гавриил приносит Марии весть о рождении Христа

ро. Число семь очень важное число как в Ветхом, так и в Новом завете (в семь дней бог создал мир, в книге Откровения нужно было снять семь печатей, семь урожайных и семь неурожайных лет и так далее). Оно связано с известными к тому времени семью планетами. Считалось, что каждая из них определенным образом влияет на Землю. У каждой планеты был свой ангел: у Сатурна — Орифиил, у Юпитера — Захариил, у Марса — Заманл, у Солнца — Михаил, у Венеры — Анаил, у Меркурия — Рафаил и у Луны — Гавриил. Представление об ангелах как о существах, олицетворяющих планетный разум, было дополнено в средние века носящими несколько фольклорный характер поверьями, что правильные окружности созвездий — не что иное, как балет ангелов, кружащихся на небесной сфере и передвигающих звезды.

Агриппа Неттесгеймский ссылается на Гермеса Трисмегиста, который семь архангелов называл «семью регентами мира... которые направляют в наш нижний мир уловленные небесами влияния всех звезд и созвездий».

По именам в Библии названы четыре архангела: Михаил, Рафаил, Гавриил и Уриил. Как посланники Бога, они властвуют над четырьмя ветрами и символизируют одновремен-

Три святых архангела — Михаил, Рафаил и Гавриил — на картине Джан-Франческо Каротто (XV век)

Архангел Михаил повергает архангела Люцифера, восстававшего против Бога. Михаил нуждается в борьбе с Люцифером, как кузнец — в огне, ведь только в вечной борьбе с Люцифером он полностью реализует себя как защитника Царства Божия

но четыре стороны света. Эти четыре архангела стоят вокруг трона бога и возвещают, каждый по-своему, его волю.

Самый воинственный из них — Михаил — непрерывно сражается с драконами, змеями и демонами. Он защищает Царство Божие от всех, кто восстает против Бога и сомневается в его всемогуществе. Его имя в буквальном переводе с древнееврейского означает «кто как бог». На всякого, кто пытается уподобиться Богу, низвергается меч Михаила. Его принцип — божественная справедливость, поэтому его нередко изображают с весами в руках как участника Страшного суда, взвешивающего человеческие души. В духовном смысле Михаил означает истинную сущность человека, которая находится в постоянном борении против демонов тщеславия и эгоизма, являющих другой аспект человеческой души.

Архангел Гавриил — ангел возвещения. Он, в частности, возвестил рождение Иоанна Крестителя и оповестил деву Марию о рождении Христа. На многих изображениях мы видим Гавриила с лилией в руке — символом соединения неба с землей, человека с Богом. Его имя, само по себе, есть весть, ведь оно означает «сила Божия». Всемогущий Бог примиряется с людьми, посылая им для избавления своего сына. В Христе произошло воссоединение бога и человека, как утверждает Библия. Духовное значение Гавриила заключается в возрождении божественного духа в земном человеке. Гавриил возвещает второе, внутреннее рождение человека, который осознает себя как существо божественного происхождения.

Ангелы-хранители — это мы сами в нашем более сознательном и разумном состоянии

Самый добрый и милосердный архангел Рафаил — утешитель и целитель людей. Именно он предстал пастухам в рождественскую ночь со словами: «Не бойтесь!». Знак Рафаила — рыба, символ самого Христа, и его функция неразрывно связана с аспектом Иисуса Христа как избавителя. Рафаил — значит «помощь, исцеление Божие». Как Иисус, он странствует по миру в сандалиях и с посохом в руке, исцеляя людей, терзаемых страстями, внутренними противоречиями и сомнениями. Олицетворяя принцип сострадания, он, помогая людям на всех путях их жизни, тем самым олицетворяет и саму надежду.

Уриил, четвертый архангел, почти никак не обрисован в Библии, его редко можно увидеть на религиозных изображениях. Его имя означает «пламя Божие», то есть можно предположить, что Уриил соотносится с принципом Святого Духа, знаком которого также является пламя. Одновременно пламя объединяет его с падшим ангелом Люцифером, место

Падший ангел изображается соответственно с атрибутами ночи и глубины. У него крылья летучей мыши, в руках в качестве скипетра — змея, скачет он на помеси волка и дракона

которого на христианском небе и занимает Уриил.

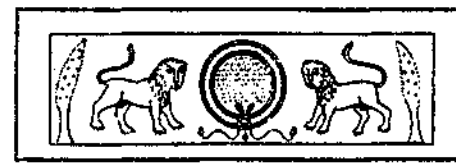
Четыре архангела символизируют определенные аспекты христианского триединства: Гавриил соответствует принципу Бога Отца, Михаил и Рафаил символизируют воинственный и исцеляющий аспекты Иисуса Христа, Уриил приписан Святому Духу.

Согласно народному поверью, ангелы защищают детей, беззащитных существ и людей, которые попали в опасность. Ангел-хранитель, который в момент высшей опасности внушает человеку спасительную идею, есть не что иное, как более высокая ступень сознания самого человека, которое большей частью находится в полузабытьи.

Сияющее, нематериальное тело ангела, о котором сообщает Библия, поразительно напоминает феномен, который в других культурах описывается как астральное тело человека. Астральное тело — точное подобие физического тела, его двойник, но только на духовном уровне. Азиатские и индийские учения говорят, что, хотя любой человек имеет такое астральное тело, лишь мудрецы и маги, благодаря определенным упражнениям, способны воспринимать астральное тело человека, которое находится по ту сторону опыта повседневной реальности.

Еще одно народное поверье связано с ангелом смерти, который неслышно препровождает умирающего в иной мир. Люди, которые пережили клиническую смерть и вернулись из промежуточного царства между жизнью и смертью, рассказывают о фигуре в белом, которая сопровождала их. Эзотерические учения Азии разработали определенные ритуалы отделения души от тела. В них, несомненно, сказался больший опыт общения с ангелами смерти, нежели у их христианских братьев.

Объединение звезд, ангелов и человеческой души относится к краеугольным представлениям различных мифологий и религий. «Духи приходят со звезд и снова возвращаются туда, звезды магическим образом общаются с земными духами, духи тождественны звездам, звезды — духам, ведь предполагается, что и те и другие — одной природы», — пишет Сергиус Головин в книге «Боги атомной эпохи».



Дьявол

Мефистофель:
Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Ubique daemon — дьявол повсюду. По крайней мере, такое представление господствовало в средние века.

Возжелала ли бедная монахиня кустик цикория — в кусте сидит сатана. Возрадуется ли монах пению птички в его одинокой келье — в пении ее кроется дьявол. Многолики искушения великого обольстителя, и человеку трудно их углядеть.

Ни в какой другой религии отрицательное, злое не сосредоточено в таком концентрированном виде, как в фигуре дьявола в христианском учении. У него ноги козла, как у греческого бога Пана, он с крыльями и с рогами, от него несет запахом

Люцифер, «властитель жаб», с крысиным хвостом, восседает на троне у входа в ад (из книги: M. Engels. Darstellung der Gestalten Gottes. Luxemburg, 1894)

Сатана предлагает Иисусу господство над миром (из книги: M.Engels. Darstellung der Gestalten Gottes, Luxemburg, 1894)

смолы и серы, он — хитрая змея или страшный дракон, с которым постоянно борется архангел Михаил.

Но он может и маленькой темной фигуркой усесться на плече человека, непрестанно внушая ему злые мысли. Таким представляется вездесущий черт в христианской мифологии.

Некогда он был ангелом, самым прекрасным из всех ангелов, созданных Господом. Его имя Люцифер — «тот, кто несет свет». Он отпал от Бога и был изгнан (из библейских текстов не ясно, на землю или в ад). Отцы церкви не вполне единодушны в том, в чем же, собственно, было его прегрешение. Данте в своей «Бо-

жественной комедии» сообщает, что в гордыне своей он «поднял ресницы на Творца». Согласно другой версии, Люцифер не хотел быть подобным богу, но в то же время ревновал к человеку, поднял мятеж и был отрешен от божественных законов.

В Откровении святого Иоанна Богослова сообщается о борьбе между ангелами. Архангел Михаил, всегда держащий сторону Бога, взялся подавить бунт: «И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним».

Война на небе напоминает о битве богов и титанов в греческой мифологии. Возможно, из этой же мифологии идет хромая нога — характерная помета черта. Но если в античных мифах молодое поколение в конечном счете всегда берет верх над старым — Крон побеждает отца, Урана, и в свою очередь оказывается повержен сыном, Зевсом, а побежденные сбрасываются в Тартар, — то в Библии побеждает всемогущий Бог: Люцифер изгоняется с неба.

Сам Бог сотворил дьявола: во-первых, потому, что нет ничего, что сотворил бы не Бог, ведь Бог совершенен и ничто не происходит помимо его воли; во-вторых, потому что Бог — это чистая любовь и добро, и, следовательно, зло не может быть присуще ему.

Нетрудно увидеть, что оба эти понятия — единого, всеобъемлющего и единого, доброго бога несовмести-

Люцифер, каким его представляли себе в XIX веке (Dict. Infernal)

мы. Если Бог — это все, то он должен включать в себя и зло, если же бог — чистая любовь, то в нем не может быть ненависти. Это и есть одна из центральных проблем средневековой схоластики, которая пыталась отделить бога от негативных элементов. Мистики, такие, как Якоб Бёме, решали проблему иначе и видели в боге и свет и тьму.

Если зло все же существует в мире и оно — не от бога, то зло должно иметь иное происхождение, а именно — от дьявола.

Опыт средневекового человека — голод, лишения, религиозные войны, чума, социальные потрясения — слишком явно свидетельствовал о наличии боли и страданий, борьбы и ненависти. Надо было дать имя этим несчастьям, и оно было дано — дело рук Сатаны. Земля стала для людей адом, и церковь, чтобы сохранить свою

власть, объявила, что повелитель черного воинства явился на землю, чтобы утвердить свое господство на ней. Чем мрачнее становились времена, тем сильнее мерещился призрак дьявола. В XV—XVII веках на костре было сожжено бессчетное количество женщин всех сословий, как «одержимая дьяволом плоть, которую необходимо отсечь от тела Святой церкви, чтобы искоренить зло».

Чем больше ведьм жгла инквизиция, тем больше ведьм появлялось. «Им просто не было конца», — пишет, сокрушаясь, один просветитель, который пытался найти проблески разума в темную эпоху средневековья.

Если средневековый дьявол, скорее, символ неупорядоченного хаоса, безотчетного страха, то буржуазный дьявол вновь начинает напоминать люциферовский принцип «светоносца». Уже в Книге Иова этот дьявол непрестанно борется с богом за овладение душой человека, но в этой роли находит и поддержку Бога.

Это смеющийся дьявол, который вечно борется с Богом, но борьба эта происходит в душе самого человека. Вот как говорит об этом Гёте в «Фаусте». Господь обращается к Мефистофелю: «Тогда ко мне являйся без стесненья./ Таким, как ты, я никогда не враг./ Из духов отрицанья ты всех мене/ Бывал мне в тягость, плут и весельчак./Из лени человек впадает в спячку./ Ступай, расшевели его застой./ Вертись пред ним, томись и беспокой/ И раздражай его своей горячкой».

Дьявол — вечный противник Бога — является его антитезой. Всякое движение возникает из столкновения противоположных принципов, божественное добро не могло бы войти в сознание человека без противостоящего ему начала дьявола. Принцип дьявола представляет собой даже двойную антитезу принципу Бога: змея, как символ силы материи, противостоит силе духа, а смерть, как знак

Сатанинская печать. Изображение взято из средневековой мистической игры

Робин Гуд — фаллический дьявол танца и повелитель шабаша

Народ всегда видел в черте отпоргнутого, вечно проигрывающего. Отсюда и выражение «бедный чертяка» (из книги: L. Richter. Der geprellte Teufel)

конечности сопротивляется вечности, отождествляемой Богом.

Дьявол, как вечный разрушитель, как косарь (смерть), как его называют в народе, символизирует принцип времени — выражение конечности всех земных явлений. Поэтому ад часто изображается как бездна, поглощающая все живое. Мефистофель говорит Фаусту: «Я дух, всегда привыкший отрицать./ И с основаньем: ничего не надо:/ Нет в мире вещи, стоящей пощады,/ Творенье не годится никуда./ Итак, я то, что ваша мысль связала/ С понятьем разрушенья, зла, вреда/ Вот прирожденное мое начало,/ Моя среда».

Как Бог — принцип созидания, так дьявол — принцип разрушения. В конечном счете ни один из этих принципов не может взять верх над другим, ведь это означало бы прекращение всякого движения. Мефистофель постоянно пытается положить конец созиданию: «И безуспешно, как я ни упрям./ Мир бытия — досадно малый штрих/ Среди небытия пространств пустых./ Однако до сих пор он непреклонно/ Мои нападки ловит без урона./ Я донимал его землетрясеньем,/ Пожарами лесов и наводненьем — / И хоть бы что! Я цели не достиг:/ И море в целости и материк,/ А люди, звери и порода птичья,/ Мори их, не мори, им трын-трава./ Плодятся вечно эти существа,/ И жизнь всегда имеется в наличье./ Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски!/ В земле, в воде, на воздухе свободном/ Зародыши роятся и ростки/ В сухом и влажном, теплом и холодном./ Не завладей я областью огня,/ Местечка не нашлось бы для меня».

Дьявольский момент разрушения символизирует представление о конечности времени. Дьявол как косарь (смерть) есть сатурновский аспект сатаны. Время, олицетворяющее конечность всех вещей, противостоит вечности, которая лежит в боге.

Другой аспект дьявола заключается в стремлении материи бесконечно возобновляться в разнообразных формах. Природа, которая снова и снова порождает себя в каждом из своих видов, включая и человека, стала для христианского учения воплощением непристойности. Недаром средневековые демоны представлялись как incubi и succubi, разжигающие в человеке плотские вожделения.

Само христианство противопостав-

Католические священники и в наши дни все еще упражняются в экзорцизме, вслед за Иисусом, изгонявшим злых духов

ляло себя прежним примитивным религиям, утверждая превосходство духа над материей. Однако демон чувственных вожделений в тиши монастырей или на брачном ложе демонстрировал сопротивление плоти духу. В шабашах ведьм продолжали жить древние ритуалы оплодотворения, и дьявол становился символом природы, материи, зова плоти — и женщины. Вплоть до четвертого века нашей эры змей, который соблазнил Адама и Еву, изображался с лицом женщины.

Христианский путь избавления заключается в преодолении плоти. В то же время пламя, символ дьявола, одновременно есть и символ Святого Духа, то есть принципа всепримиряющей любви. Чистая любовь освободилась от оков материи — плоти — и слилась с чистым духом, а похоть и смерть остались в руках дьявола.

Четыре евангелиста

Знай. Желай. Дерзай. Молчи.

Четыре Евангелия Нового завета написаны Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Каждый из них по-своему возвещает возрождение Бога как человека в Иисусе Христе. Воплощение Бога, как всеобъемлющего духа, материализовавшегося в земной сфере, подчиняется законам четырех стихий: огня, воды, воздуха и земли. Каждый из евангелистов, соответственно, представляет один из этих элементов, которые способствовали проявлению бога.

Матфея относят к стихии возду-

Четыре евангелиста (изображение в церкви Св. Марии в Риме)

ха, его знак зодиака — Водолей, изображаемый как голова человека с крыльями. Матфей именно тот из евангелистов, кто подчеркивает земное происхождение Христа, уникальную способность человека помнить и связывать множество мыслей в единое целое. Задача человека заключается в том, чтобы понять, что бесконечное разнообразие мира имеет единое происхождение. Тем самым исчезают и различия между людьми, человек перестает воспринимать себя как отдельное, обособленное существо, открывая в себе историю рода, и сознает себя как часть целого. Кстати, таково и значение начинающейся около 2000 года эпохи Водолея.

Зодиакальный знак Льва и его стихию — огонь — приписывают евангелисту Марку. Его имя происходит от латинского, Mars — бог войны. Так же, как архангел Михаил, он олицетворяет силу бога, его способность выводить душу человека из заблуждений и смятения. Лев означает трансформацию необузданной воли человека в истинные превращения добродетели: мужество, силу и любовь. Отображением этого процесса превращения является лев, мирно возлежащий рядом с овечкой. В христианском учении это символ человека, который полностью управляет своими силами.

Знаком Луки является Телец, а его элементом — земля. Его латинское имя Lucius напоминает о падшем архангеле Люцифере, изгнанном из рая. Земля — его сила, а его знак Телец — земной аспект мужской энергии.

Знаком евангелиста Иоанна вначале считался Скорпион, а его стихией была вода. Его еврейское имя Iohanan означает «Божия милость». Иоанн — единственный из евангелистов, о жизни которого нам кое-что известно, пусть только в форме легенды. Рассказывают, что его вызвал в Рим император Домициан. Он завидовал необычной известности Иоанна и повелел отрезать ему волосы, поскольку знал, что Иоанн дал обет никогда не стричься. Таким образом император пытался лишить Иоанна его пророческого дара. После он велел бросить пророка в котел с кипящим маслом, но Иоанн остался невредимым. Вне себя от ярости, Домициан приказал сжечь Иоанна. Его отвезли в Патмос, где Иоанн и получил тайное Откровение. Ориенталист Аллегро полагает, что видения пришли к Иоанну не в последнюю очередь за счет употребления растений, обладающих свойствами психоделиков, возможно грибов, скорее всего — мухоморов.

Иоанн был учеником Господа. Известно, что Иисус любил его за его полную самоотверженность. Знак

Марк — Лев — символ торгового города Венеции

Скорпиона связан с принципом земной любви и возрождения. Иоанну удалось преодолеть идею этого знака за счет абсолютного пренебрежения к самому себе. Тем самым ему удалось приобрести новое духовное измерение. В своем послании всеобъемлющего Логоса Иоанн преодолевает границы пространства и времени, и в соответствии с этим ему приписан новый знак — Орла. В греческо-ортодоксальной церкви часто обнаруживают двуглавого орла как символ Иоанна, стоящего над двойственностью пространства и времени. Логос — это слово, христианская формула любви на абстрактном уровне; Логос, охватывая одновременно все вещи, снимает все противоречия благодаря любви, обнимающей всех и вся.

Символы четырех евангелистов изображаются с крыльями — указанием на то, что в них нашли выражение космические силы. Сходный символ этих четырех основных сил имеется в египетской мифологии, это сфинкс, который имеет голову человека, тело льва, хвост быка и крылья орла. В эпоху раннего христианства евангелистов часто изображали в виде существ с телом животного и головой человека, подобно существам греческой мифологии, таким, как Минотавр. Лишь позднее их стали изображать отдельно, то есть евангелиста и рядом с ним его животное. Эзотерики вкладывают в четырех евангелистов — Матфея, Иоанна, Марка и Луку — следующее символическое послание человеку: «Знай. Желай. Дерзай. Молчи».

Мария, царица небесная

Легенда о происхождении девы Марии сообщает, что ее родители долгое время оставались без детей. Ее отец Иоахим на 40 дней удалился в пустыню и молился о том, чтобы Бог даровал ему ребенка. И действительно, по прошествии положенного времени Анна, жена его, родила ребенка, как ей возвестил ангел, когда ее муж находился в пустыне.

Ребенок, как утверждает легенда, не был зачат во грехе, а был обязан своим земным существованием воле Божьей. Когда Марии было три года, родители привели ее в храм Господень, поскольку дали обет — посвятить своего ребенка Богу. «И (жрец) посадил ее у третьей ступени у жертвенника, и сошла на нее благодать Господня, и она прыгала от радости, и полюбил ее весь народ Израиля».

Когда она подросла, первосвященник Захария обручил ее, по знамению Господню, с Иосифом, старцем, библейский возраст которого ставил

Мария, Богоматерь

его вне всяких подозрений. Ангел Господень Гавриил явился ей и возвестил, что дева Мария родит Иисуса. «Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лука, I, 34—35). И случилось все так, как возвестил ангел.

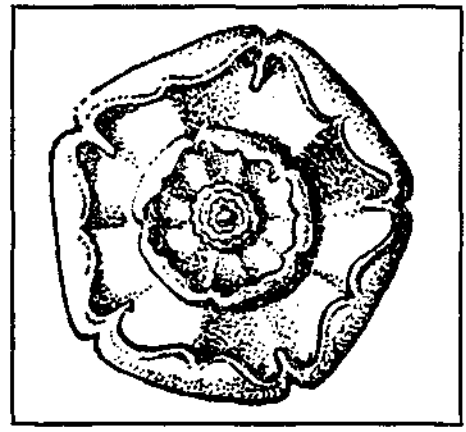
Долгое время отцы церкви не могли договориться, была ли дева Мария матерью Бога или она родила человека — Иисуса из Назарета. На 3-м Вселенском соборе в Эфесе в 431 от Р. Х. она была объявлена Богоматерью. В средние века она была возведена в более высокий ранг, в ней видели царицу небесную, которая была выше других святых и стала высшей заступницей за людей перед Богом. В XII—XIV вв. были основаны многочисленные ордены, посвященные Марии, а в церквах в ее честь стали устанавливать статуи на тех местах, которые дотоле сохранялись за ее сыном Иисусом Христом.

Культ дамы в средние века постепенно перемешался с культом Марии. Вот какое определение дает лексикон Мейера любовной поэзии: «Благоговейный страх любящего перед своей возлюбленной, робкие взоры и несме-

Вольфрам фон Эшенбах, как и Вальтер фон дер Фогельвайде, — великие певцы любви

лое желание избранной на расстоянии, смиренное разглядывание любимой женщины как существа, витающего, скорее, в сфере чистой любви, нежели обретающегося на грешной земле, находящееся в очевидной связи с культом девы Марии».

Платить за эту идеализацию женского существа пришлось бедняжкам, объявленным в XV—XVI веках ведь-



Роза — символ вечно меняющегося и открывающегося новыми гранями мира

мами и блудницами: за возвышением женщины в смене исторических течений средневековья последовало ее крайнее принижение.

Марии, царице небесной, которой «сам бог дарит любовь», были посвящены молитвы наподобие следующей:

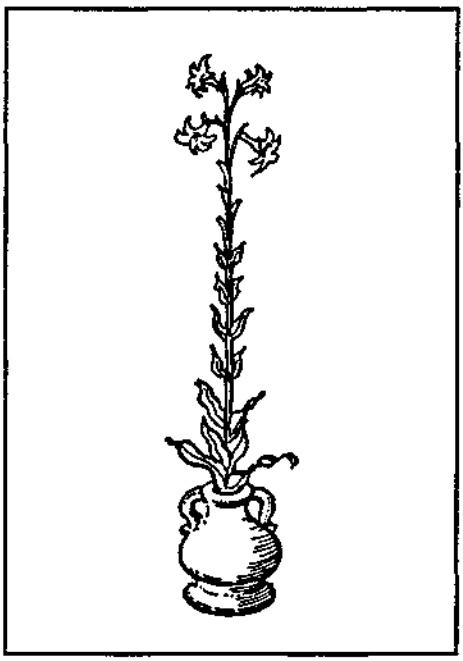
Я — прародительница страха и познанья
И мать любви прекрасной
И надежды скромной.
Любовью осеняю я дорогу
И правду честную.
И я дарю надежду
Всему живому,
Веря в добродетель.
Придите все сюда,
Кого влечет ко мне,
И ешьте досыта моих плодов.
И мысли обо мне бывают
Слаще меда.
Владение мое прельстительнее ясти.
И кто отведал от плодов,
Тот не насытил голод.
А кто отпил, тот жаждет до сих пор.
Кто слушает меня,
Тот выше подозрений.
Кто служит честно мне,
Тот будет без греха.
И кто увидит свет
Души моей, тому
Воздастся вечной жизнью.

Поклонение волхвов младенцу Иисусу

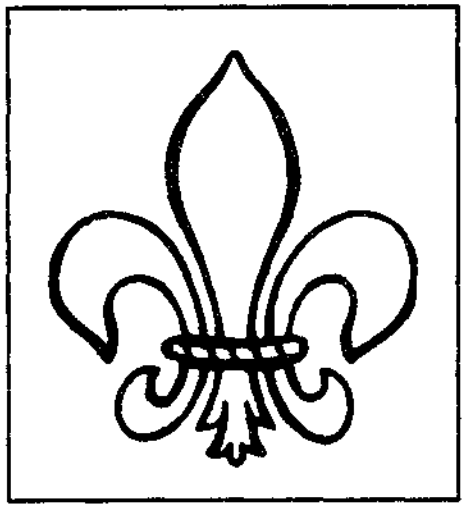
Прямую противоположность царице небесной в Библии символизировала грешница Мария Магдалина, из которой Иисус изгнал семь бесов. На изображениях распятия Мария стоит справа от креста, а Мария Магдалина — слева, символизируя соответственно путь Духа и путь плоти. Легенда рассказывает, что Мария Магдалина была обручена с евангелистом Иоанном. В день свадьбы к ним пришел Иисус, и Иоанн оставил невесту, чтобы следовать за Иисусом. От гнева Мария Магдалина, прикрывая наготу свою лишь длинными волосами, предалась греху. Но Иисус излечил ее от греха, и кающаяся Магдалина после его смерти стала странствовать по всей стране, проповедуя Евангелие.

Как Богу противостоит дьявол, так святому противопоставлена блудница. Физическая любовь понималась христианской мистикой как оковы, привязывающие к обманчивому земному существованию. Однако с веками смысл отхода от сексуальности был во многом утрачен, осталась демонизация чувственности, которая всячески отравляла отношения полов. Отношение к женщине как к бесплотному идеалу, какой являла собой царица небесная Мария, оказалось в реальной повседневности столь же малоперспективным, как и отношение к женщине как к ненасытной змее.

В образе Богоматери Марии, пусть в сильно и зашифрованной форме, продолжает жить Великая Мать, которую мы находим почти во всех мифологиях и религиях. Пусть она не сохраняет связи с матерью-землей, как старые богини плодородия, но остается Родительницей. Она родила Бога, как каждая мать рожает ребенка-Христа в том смысле, что в каждом ребенке дремлет душа, которая, познав тленность этого мира, воспаряет к Богу.



Лилия — символ Марии



Стилизованная лилия, Fleur-des Lis, эмблема французских королей начиная с 1147 года

Бронзовая змея, установленная Моисеем. Предполагалось, что евреи, укушенные ядовитой змеей, снова выздоравливали, взглянув на бронзовое изваяние

Тайну рождения сына Божьего от девственницы в духовном смысле не следует искать в буквально понимаемом чуде непорочного зачатия. Девственница, в данном случае, означает совершенство покоящегося в себе женского существа, которое не подчиняется мужскому, потому что носит его в себе.

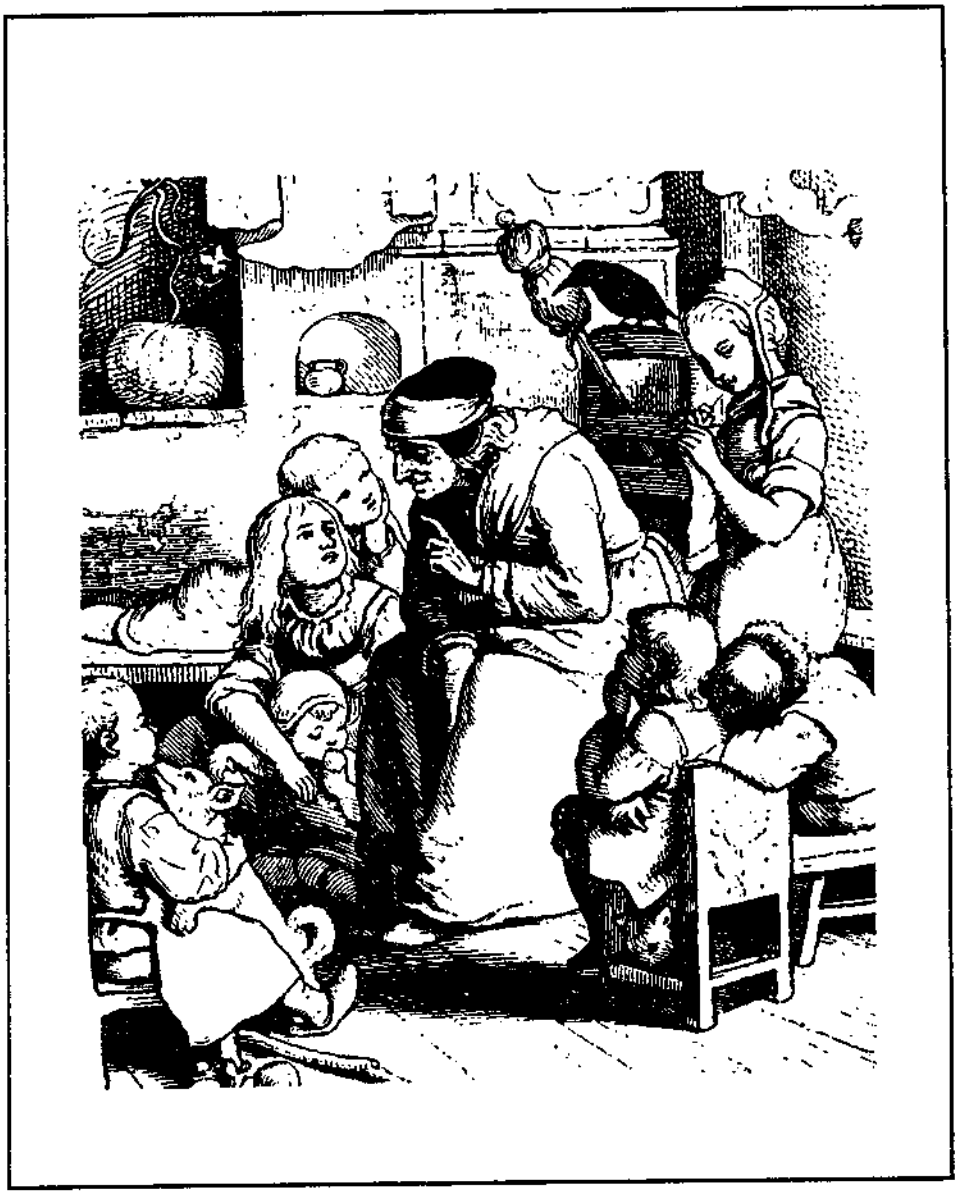
Если о деве Марии говорят, что она была без греха, это означает, что Мария не потеряла себя в физической любви, а осталась сама собой. Как невеста божья, родившая Бога, она находилась в состоянии милости и мудрости, в котором уже нет места разделению мужчины и женщины на два непримиримых и противоположных друг другу существа. Ее символ — лилия как знак совершенной любви, заключающейся в единении человека с Богом. Марию часто изображают с серпом луны — указание на связь с древними женскими божествами, которые всегда находились в тесной связи с Луной. В христианской мистике Мария с серпом луны обозначает женский принцип, приносящий свет в тьму ночи.

Литература

John M. Allegro: The Dead Sea Scrolls And The Christian Myth, Great Britain 1979
Ernst Bloch: Atheismus im Christentum, Frankfurt am Main 1968
George Fergusen: Signs & Symbols in Christian Art, London 1977
August Franzen: Kleine Kirchengeschichte, Freiburg im Breisgau 1965
Erich Fromm: Ihr werdet sein wie Gott, Hamburg 1980
Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Vorlesungen über die Philosophie der Religion, Frankfurt am Main 1971

Adolf Holl: Jesus in schlechter Gesellschaft, München 1974
Edward Hulme: Symbolism in Christian Art, Great Britain 1976
Hermann Leitz: Engel gibt es, Bad Liebenzell 1975
Heinrich Cornelius Agrippa's von Nettesheim: *Magische Werke, Meisenheim* Glan o. J.
Elaine Pagels: The Gnostic Gospels, London 1979
Giovanni Papini: Der Teufel, Stuttgart 1960
Edouard Ursch: Lexikon christlicher Symbole, Konstanz 1976
Herbert Whone: Church Monastery Cathedral, Great Britain 1977
Hans-Jürgen Wolf: Hexenwahn und Exorzismus, Kriftel/Ts. 1979
Gerhard Zacharias: Satanskult und Schwarze Messe, Wiesbaden 1970

Символика сказок



Символы народных сказок

Сказка возникла и получила широкое распространение в тех местах, где сказочные события составляли еще значительную часть человеческой действительности. Путешественник-англичанин рассказывает о священных бирманских садах: «Они населены поразительной жизнью, масса животных ищет укрытия в их тени, и никто не смеет нарушать покой животных. Жители деревни не собирают здесь хвороста, маленькие девочки не сры-

Прием у калмыцкого князя («Bildergalerie...», Karlsruhe, 1825/27)

вают орхидеи, охотники не смеют ступать на зачарованную почву. Мне рассказывали, что никто не знает, что там происходит, но ни один человек оттуда не возвратился» (Э. Юнг).

Любопытно понаблюдать, как связанные с определенным жизненным укладом представления в народной культуре европейских народов в результате развития городской цивилизации в конце средневековья постепенно оказались вытесненными в отдаленные приграничные районы: в Англии — на кельтский (шотландский, уэльский, ирландский) север и запад, во Франции — в Пиренеи, Альпы, Бретань.

Но и в эпоху последовательного подавления местных традиций живая вера в сказочное обновляется мигрирующими группами и целыми племенами из евразийского пространства. Упрощенно всех этих кочующих людей можно назвать «цыганами».

Свидетель XVIII века рассказывает, что и у немецких, и у русских цыган находили изображения божков, которые типичны для калмыков (самый западный из европейских народов, приверженный буддийской религии). В своей книге «О магических фигурах германцев» («De Imagunculis Germanorum magicum»), вышедшей в 1737 году, Г. Рот констатирует, что эти божки, которым люди тайно поклонялись у себя дома как хранителям домашнего очага, были поразительно похожи на тех, что находили в Сибири! Этих божков и их культ распространили вплоть до Центральной Европы и Альп кочующие торговцы.

Эти мигранты принесли в Европу и своих божков, и отдельные сказочные сюжеты, и способствовали таким образом реанимации прежних народных верований. Эти племена, постепенно интегрировавшиеся в европейскую среду, создали новое, живое поле

Четыре времени года (L. Richter)

Кот в сапогах (по рисунку Гюстава Доре)

притяжения и в рамках городской цивилизации. В наших сказках отразился путь трансформации, который прошли герои сказок, от прежних культов до историй, в которые уже никто не верит, то есть собственно «сказок».

Герой и героиня сказок

Сказочный герой, движимый неясным чувством своего высшего предназначения, отправляется в дальний опасный путь через бурные потоки, высоченные горы и темные леса. Целями его являются большая любовь, великолепная свадьба, царская корона.

Героиня занята на низких работах, например, как «золушка». Мужской герой также пребывает в бедности и одет в лохмотья, даже если допускаются намеки, что он — царский или королевский отпрыск. Нередко он, немытый и грязный, валяется в золе или лежит на печи или

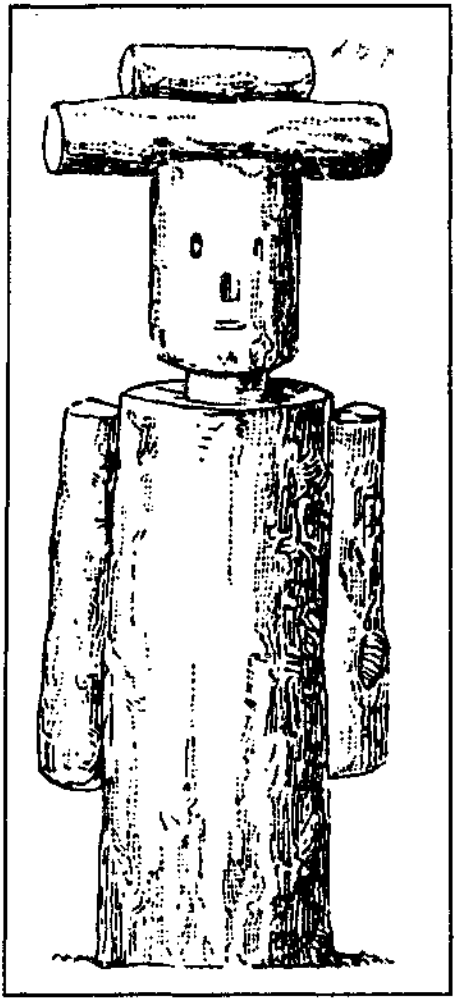
находится рядом с нею в доме. Из всего имущества ему принадлежит только кот (правда, потом он оборачивается всемогущим кобольдом, который помогает ему спасти царство от злого людоеда).

В индийской символике зола означает бренность, прошлое. Таким образом, сказка становится символом развития героя или героини из неблагоприятных исходных обстоятельств, в которых он (она) оказались из-за поражения (низложения) родителей или более отдаленных предков, герои овладевают новыми знаниями и тем самым могут более полно развить собственные скрытые возможности.

Чудесный лес

В сказках, как и в средневековой рыцарской поэзии, герой или героиня растут в лесу. Часто они вначале попадают в лес, где находят чудесные травы и зверей либо какие-то неведомые существа, которые владеют тайной развития магических способностей.

В индийских религиях местом обитания бога-созидателя считался лес Брахмы. Тут вся Вселенная понимается как священный лес, сознание отдельного живого существа бродит в этом лесу, пытаясь найти выход на поляну «к свету». Не исключено, что и астрологические представления о знаках зодиака восходят к этому гигантскому первородному лесу космоса как священному лесу, полному таинственных угрожающих и помогающих человеку сил. Этот лес, и тем самым самое существование смертного существа, видится, если взглянуть на него глазами меланхолика и пессимиста, страшной преисподней, на-



любовного переживания (вриндавана). И дальше дается такое пояснение: «Исчезнет Луна, исчезнет Солнце с исчезновением больших миров (согласно индийской мифологии — это так же неизбежно, как смена времен года), но люди божественного рода твердо знают, что нескончаема игра Радхи и Кришны в их саду упоения».

Лес, который еще в нашем ближайшем прошлом покрывал большую часть территории страны, в сказках — отображение мира, куда герой пускается в поисках тайн и их раскрытия. Лес полон опасностей, о которых он слышал, разве что, из родительских рассказов, но тот, кто «хочет идти своим путем», познает в нем и жизненные радости. Когда сказочный герой преодолевает лес, он, как пра-

селенной хищными животными и разбойниками.

Для приверженцев различных течений вишнаизма и кришнаизма, которые, подобно европейским миннезингерам, создали целый мир любовных сказок и рыцарских романов, мир — это «лес вечных радостей», поиска божественного, мистического

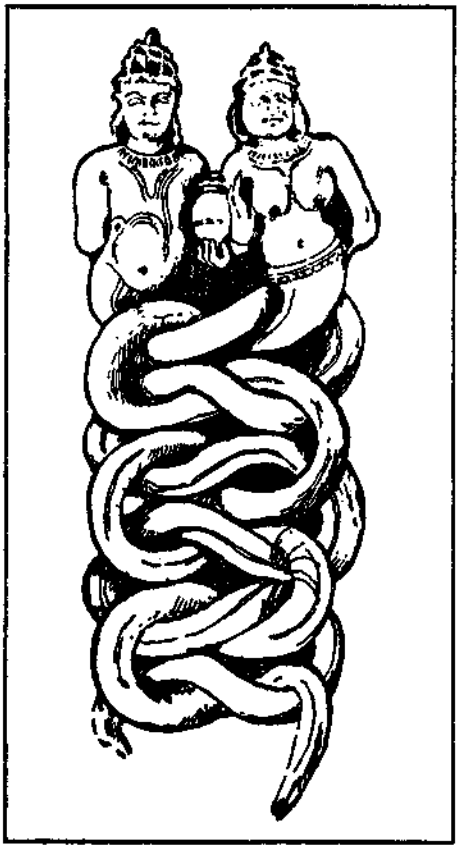
вило, находит любимую, с которой обретает счастье, а подчас и царскую корону. «И если они не умерли, то живы и по сей день».

Стихийные существа

Герой или героиня сказки часто встречают в лесу существа, сходные со стихийными духами элементов, которые описываются в трудах древних магов, таких, как Парацельс. Часто они называются по элементам, в которых они обитают, как, например, гном, то есть земной обитатель. Это могут быть также мудрые говорящие животные, которые, опять же, часто выступают как символы различных элементов: например, рыба, медведь, орел.

Без их совета и помощи немыслим счастливый конец сказки. Они могут принести «живую воду», знают, как омолодить героя, как продлить его существование. Они владеют искусством врачевания, переносят героя в другие царства, в морские глубины или к звездам.

В великих индийских эпосах (Рамаяна, Махабхарата) практически в каждой большой главе мы встречаемся с загадочными народами, которые то принимают человеческий облик (герои нередко берут в жены очаровательных царских дочерей этого народа), то вновь превращаются в медведей, обезьян, змей. Они изображаются и как первобытные люди, так сказать, людьми каменного века, обладающими невероятными магическими способностями. Индийские мудрецы нередко отождествляли их с племенами, живущими вне ведийских высокоразвитых культур. Эпические герои часто вступают в схватку с ними,



когда обитатели джунглей и гор покидают свою родину и приближаются к стенам замков и царских городов.

Но, с другой стороны, как только с высокопоставленными родителями случается несчастье или по отношению к ним совершается предательство, принцы крови, трусливо покинутые приближенными, спасаются бегством и находят приют у этих народов, а затем отвоевывают свой трон благодаря полученным тут бойцовским качествам, благодаря развитию тела и духа, благодаря «союзным обязательствам» этих народов.

Нужно понять: сравнение, или даже отождествление человека с сильным и умным животным в древней Индии, почитавшей в своих бесчисленных храмах священных животных, не содержит в себе ничего оскорбительного. В любовных позициях тантризма, в различных видах боевых единоборств житель Азии подражает животному, чтобы насытиться его энергией, чтобы вернуть свою сегодняшнюю жизнь к первобытному началу, пробудить дремлющие потаенные первобытные силы.

Парацельс, как и другие маги прошлого, советовал ученикам удаляться в одиночество, уходить в глухую, пустынную местность, чтобы учиться там у «элементарных духов».

И тот же Парацельс говорил, что истинными его учителями были аутсайдеры, отщепенцы, от которых он узнал много больше, чем в университетах. Иногда, писал он, полезно пойти в обучение к старым женщинам, ворожеям, цыганам, странникам, старым крестьянам, людям без роду и племени, которых современные Парацельсу ученые не принимали всерьез.

В старой немецкой народной книге о легендарном искателе истины докторе Иоганне Фаусте также рассказывается, что многие годы своей юности он провел в кибитках «кочующих татар», и именно они открыли ему основы оккультных наук, хотя Фауст читал и запретные еретические рукописи. Многие сюжеты наших сказок оказываются, на поверку, отображением истинных событий нашего не столь уж отдаленного прошлого, рассказами о встречах со своеобразными людьми и народами, которые сторонились большаков цивилизации и жили на ее окраине, исповедуя свои обычаи и культы.

Волшебства

Сказочные существа, с которыми герой встречается во время своих странствий и которые становятся его верными союзниками, помогают ему в конечном счете обрести жену и корону. Часто они пускают в ход свои магические силы, чтобы воспрепятствовать злым козням противника, а также нередко снабжают героя различными предметами, которые делают его невидимым и неуязвимым.

Чудесная сила таких предметов оказывается просто фантастической: вспомним хотя бы о шапке-невидимке или о скатерти-самобранке. Эти подарки сходны с теми, какие получают рыцари, и это правдиво изображается в средневековых хрониках: какого-то сверхбыстрого, не знающего устали коня или несокрушимый щит, или таинственное приворотное зелье.

За пределами средневековых королевских и княжеских дворов, замков и крепостей, за стенами небольших городов простирались нескончаемые леса, не рассеченные каналами болота, не прерываемые в своем беге плотинами реки. И здесь жили пле-

Шапка, исполняющая желания

мена, народы, образ жизни которых вполне объясняет их тягу к чудесному и отношение к ним горожан, как к непонятным, причудливым существам.

Вплоть до XVIII века и в Европе избегали представителей некоторых древних профессий: их сторонились, почти не вступали с ними в общественные контакты, не заключали браки с лицами этого круга (почти как в индийских кастах!). Объяснение кроется, по-видимому, в представлении, что эти слои народа хранили совершенно особенные магические знания и ритуалы, что они будто бы имели, в отличие от остальных людей, совершенно таинственное, только им известное происхождение.

Из народных поверий, бытующих в Альпах, можно заключить, например, что в кузнецах и углежогах видели прямо-таки людей огня, каких-то неземных существ, только напяливших на себя маску человека. В преданиях Германии и России магические свойства приписывали мельникам и рыбакам, которые властвуют над русалками и водяными, ночью вступают с ними в любовную связь, а может быть, и сами родом от водяных.

Если же эта профессия передавалась из поколения в поколение сотнями лет, то люди почти не сомневались, что под одеждой рыбака скрывается рыбья чешуя, а на ногах и руках растут плавники.

Рабочие рудников умели-де говорить с гномами. Если же какие-то люди или семьи жили в горах, то про них рассказывали, будто они знались с сильфами и воздушными духами и умели «летать по воздуху».

Окружающая среда и питательная почва для таких кланов и таких верований ушла с покорением рек, осушением болот, сооружением плотин и другим вмешательством цивилизации в природу. Однако и в наши дни люди, которые и по сей день продолжают профессию предков, любят рассказывать, что их деды с самыми примитивными инструментами создавали такие изделия, которые сейчас представляются чудом.

А в средние века, чтобы добиться победы над врагом или успеха в задуманном деле, перво-наперво следовало обзавестись мечом, «выкованным по старым секретам», выпить напиток, настоянный на травах, собранных на неведомых лугах, получить в подарок коня «от дикой кобылицы».

Герой, который в сказке получает «волшебные дары», олицетворяет человека, умеющего настроиться на «длину волны», на которой общаются представители совсем иных народов или слоев общества. Он получает от них знания, неведомые обывателю, вращающемуся только в кругу себе подобных.

Благодарные животные

До самого средневековья связь человека с живыми существами окружающего его мира была значительно теснее, нежели сегодня. В буддийско-индийских сказках рассказываются многочисленные истории (героем их всегда является сам божественный Будда), которые считаются воспоминаниями Будды о приключениях, пережитых им в многочисленных прошлых жизнях. Так вот, в этих воспоминаниях Будда нередко является в образе различных животных!

Превращения героев в животных в наших сказках, в особенности в

средневековых сказаниях о феях, возникших в западно-европейско-кельтском культурном регионе, восходят к тому же кругу представлений. Исследователь Эванс Венц, который пытался установить тесное родство подобных сказок с индийскими и тибетскими мифами, утверждает: «В средние века в Европе среди алхимиков и мистических философов втайне поддерживалось учение о вторичном рождении. И оно продолжало жить в некоторых орденах, например в ордене розенкрейцеров, а благодаря непрерывающейся традиции друидизма, оно не умерло и вплоть до новейшего времени».

Согласно Эвансу Венцу, эта концепция, которая в XX веке находит своих последователей в Англии, Германии, Франции и Соединенных Штатах, отражает не что иное, как возврат к той народной вере, которая в затаенном виде всегда жила в народе.

Превращение героя сказки в животное, его дружба с существами, населяющими окружающую природу, помощь, которую он за это получает от «умных зверей», представляется осознанием нашего родства с природой и тесной связи со всем живым и живущим. В качестве примера такого животного, с которым встречается и вступает в общение герой наших сказок, возьмем хотя бы медведя — самого крупного хищника северных лесов.

Медведь

Подобно льву медведь, самый мощный и, значит, самый царственный из зверей, населяющих леса Севера, стал символом силы и дикости. В индийских мифах и связанных с ними народных сказках рассказывается о «медвежьих народах с медвежьими царями» (равно как и об обезьяньих народах с обезьяньими царями). Рыцарский герой Кришна — одно из воплощений бога Вишну — женится на дочери такого медвежьего царя, которая затем превращается в прекрасную принцессу.

Индийские ученые, как мы уже упоминали, объясняли появление подобных сказочных медведей, сходных с «дикими людьми», «лешими» в европейской традиции, воспоминанием о «варварских племенах», которые очень долгое время жили вне ведической культуры, и с этим вполне можно согласиться, если сравнить десятки различных сообщений об этом. Такая интерпретация объясняет и

тему медведей в наших историях о святых. Эти медведи, на которых производит неизгладимое впечатление достойный образ жизни благочестивых отшельников, начинают ухаживать за ними и обслуживать их. Это также медведи, с которых за их добрые поступки снимается проклятие и которые превращаются в прекрасных принцев и принцесс.

Так медведь становится, заодно, и символом силы, обращенной на служение высоким целям. Русские, в частности, были убеждены, что медведь щадит слабого. Говорилось, что если охотник, либо женщина, собравшаяся в лес по ягоды либо по грибы, встретят в лесу медведя, то нужно только упасть на землю — и медведь оставляет человека в покое.

Отсюда и то обстоятельство, что медведь перерастает в символ благородства, предрасположенности к широким жестам, доброты сильного относительно слабого. Утверждалось, что эти животные являются на свет без какого-либо облика, и только тщательное облизывание матери придает медвежонку сходство с родителями.

В хрониках говорится: Берхтольд, герцог Царингский, основывая город Берн, воскликнул: «Как медведь — самый большой и мощный из зверей в стране, так пусть будет и названный его именем город самым богатым и сильным из городов» (Берн тогда находился в самом центре Бургундии).

В 1213 году император Фридрих II основал рыцарский орден Медведя — с медведем как символом храбрости в гербе. Первыми рыцарями ордена стали его сторонники, которые помогли Фридриху прогнать Отто IV. Именно этот символ впоследствии стали особенно часто вспоминать в связи с легендой о медведице, облизывающей своего малыша и придающей ему медвежье подобие. Члены ордена считали, что их главная задача — оказывать поддержку слабым и давать им возможность тоже набрать силу.

Учитель магии

В сказках мы встречаем множество диких людей, таинственных отшельников, горных духов, могущественных колдунов, которые живут где-то в лесах и горах. В старых книгах их рисуют обычно так, как они представлялись простым людям: дикими, полунагими, одетыми в звериные шкуры. Могущество их безгранично, если они захотят, они могут охранить человека от всех превратностей судьбы, но могут и погубить его, если он каким-то образом оскорбит их.

Соответствующие существа в индийских сказаниях не являются чис-

то сказочными образами в смысле мещанско-бюргерского европейского Просвещения. В Индии слушатели верят, что все эти сведущие в магии отшельники все еще обитают где-то в глухих, пустынных местах и посвящены в тайны Великого мага — бога Шивы. Их множество, уже в наши дни появилось сообщение, что по индийскому субконтиненту бродит до шести миллионов этих загадочных колдунов — садху.

Многие из них владеют древним знанием и умеют пользоваться им на практике. То, что герои наших старых сказок получают от такого рода «диких людей» полезные наставления, не должно больше удивлять, ведь и современные поклонники Востока рассказывают, что из общения со странствующими монахами, отшельниками, заклинателями, или как их там еще называют, они получили важные импульсы на всю дальнейшую жизнь.

Когда исследователи фольклора спрашивают цыганских сказителей, какой смысл кроется в их историях, те отвечают, что все эти истории абсолютно правдивы и герои, о которых рассказывается в сказаниях и которые были-де их предками или родственниками, действительно существовали и с ними воистину происходили чудеса. Ведьмы и колдуны, утверждают они, действительно существуют. Если слушатель выказывает сомнение, то они добавляют: «По крайней мере в стране, откуда родом наши предки» (здесь туманно называются различные регионы Восточной Европы: Венгрия, Румыния, Болгария, Россия).

Изображения индийских садху, которые все еще бродят по лесам и горам своей родины, сходны с изображениями «диких людей», населяющих наши сказки и предания. Эти садху, занятые поклонением Шиве либо другим богам, являются обычно нагими, выпачканными в золе, закутанными в листву или звериную шкуру, вооруженными трезубцем или дубиной, бородатыми и длинноволосыми.

Хотя технократическая Европа всеми средствами пытается «цивилизовать» свое население, и здесь еще встречаются такие отщепенцы, «аутсайдеры», которые находили последователей даже в городах. Один из

Мудрый Мерлин

крупнейших знатоков культурного андеграунда на пороге XX века французский фольклорист Ле Руж писал: «Волшебник средневековья не исчез и в наши дни, он даже не претерпел особенных изменений».

«Ведьмак все еще занимается необычным — по нынешним понятиям — ремеслом. Он — браконьер, рыбак, ловец кротов. Мы знали одного такого, который продавал отловленных жаб, ящериц и насекомых научным лабораториям. Другие — живодеры, и вход в их пещеры украшает, скажем, скелет лошади, до того отмытый и отполированный дождями, что он блестит, как слоновая кость. Колдунов можно встретить среди пастухов в Бри и в Альпах, среди нищих Бретани, среди цыган, нелегально проникших во Францию».

Если перелистать книги путешественников и естествоиспытателей XVIII и XIX века, можно увидеть, как часто эти образованные люди брали в провожатые подобного рода диких людей, знатоков разных корений и трав и кристаллов. Без них они не сделали бы своих открытий. И когда царский сын или царская дочь в сказке встречают в лесу леших, то это следует понимать в буквальном смысле, как встречу с носителями древней традиции, так как она продолжала существовать чуть ли не до наших дней.

Лесная ведьма

Принц или царская дочь, «сестрица Аленушка» или «братец Иванушка» нередко встречали в лесу страшную особу, колдунью, владеющую немыслимыми секретами. Она, например, знает секрет «молодильного кор-

ня», и все же встреча с ней чаще всего внушает страх.

В восточно-европейских и других славянских сказках, равно как и в сказаниях переселившихся на запад цыган, ведьме, очевидно, приданы черты древнейшего мифа. Эта ведьма — Баба-Яга. В белорусских сказках говорится, что она сидит в ступе и, помахивая огненным помелом, летает по воздуху. Как только Баба-Яга поднимается в своей ступе, вздрагивает земля, свищут ветры, воют лесные звери, а домашние животные испуганно сбиваются в стадо.

Подобно тому, как индийская богиня рождения Бхавани может превращаться в сеющую смерть Кали, так и Злата-Баба, которая по некоторым сведениям будто бы почиталась евразийскими племенами как великая богиня, превращается в Ягу-Бабу. И как о «Белой Женщине» рассказывают, что ее сопровождает целый сонм детских душ, так и (в Польше) говорится о Бабе-Яге, которую в ее странствиях сопровождает сонм духов.

Встреча с «ведьмой», Бабой-Ягой, в лесу является решающим моментом в испытаниях сказочных героев.

Было бы чрезвычайным упрощением представлять это существо как воплощение злых, темных, разрушительных сил в человеке или в окружающем его мире. В некоторых случаях можно заметить, что тот страшный вид, какой придается «ведьме» во многих наших сборниках сказок, она получила благодаря записям XVIII—XIX вв. Те, кто собирал и записывал еще жившие в народе предания, очевидно, находились под впечатлением от ужасов, сочиненных охотниками за ведьмами конца средневековья, гораздо в большей степени, чем сами «необразованные» сказители, последние знатоки и хранители предания.

«Ведьма», мудрая женщина, воплощает в себе разрушительные и добрые силы, подобно тому, как в индийских мифах, живущих и сегодня, их воплощает в себе великая богиня Бхавани или Кали: в хижине ведьмы, которая могла менять свою форму, трансформироваться («избушка на курьих ножках»), герои получают разные волшебные предметы, которые позволяют им достигнуть цели в их дальнейших приключениях. Принц, которого привлекали волшебные способности колдуньи, иногда даже брал дочь ведьмы в жены.

Имя «госпожи Холле», как называют это загадочное женское существо в немецких сказках, которой в северо-германской «Эдде» соответствует богиня подземного мира Хель, возводят к значению греческого «калиптейн» — «ферхюллен» (окутывать), то есть мы обнаруживаем полное совпадение самих существ и языкового обращения с ними как в индийских, так и в европейских мифах.

Именно в сказочном лесу герои народных преданий встречают таинственное существо — лесную женщину, ведьму, ее служанок или дочерей, и эта встреча оказывается решающей в их дальнейшей судьбе.

Бессмертные

В сказке герой или героиня нередко попадают в крепость (хижину, пещеру), где встречаются с бессмертными существами, которые, как правило, способствуют счастливому повороту в их судьбе: это бог с его святыми, само солнце с его супругой, звезды, месяц, гномы, карлики.

Гениальный рассказчик Льюис Кэррол заставляет Алису принять участие в чаепитии Шляпника и Мартовского Зайца. Они рассорились со временем (Time), которое является здесь как великий волшебник, и потому застряли в одном и том же времени — в послеобеденном чаепитии. Их часы перестали отбивать время, они навечно сидят за накрытым столом в саду и только могут перемещаться вокруг него. Нечто сходное можно увидеть в представлениях индийской мифологии, когда боги могут подсматривать со стороны за сменой дней, лет, человеческих жизней, рассветом и закатом государств, даже за творением и угасанием миров.

Опасности

Герой или героиня сказки часто попадают в пространство, полное опасностей, однако благодаря своему доброму сердцу и полученным знаниям, предметам и умениям герой выдерживает испытания, и весь мир вокруг вдруг трансформируется в свою противоположность: пещера, мрачные руины, убогая хижина превращаются в красивый царский дворец или обитающая в пещере ядовитая змея оборачивается прекрасной царевной и так далее.

Как в «Волшебной флейте» Моцарта, где в очаровательной манере синтезированы восточные мифы, волшебные персонажи из наших отечественных сказок и мистика образованных людей XVII—XVIII вв., мир вначале представляется герою угрожающим и непонятным, а затем райским садом фей. Превращению предшествует пробуждение любви и путь познания.

Семь гор

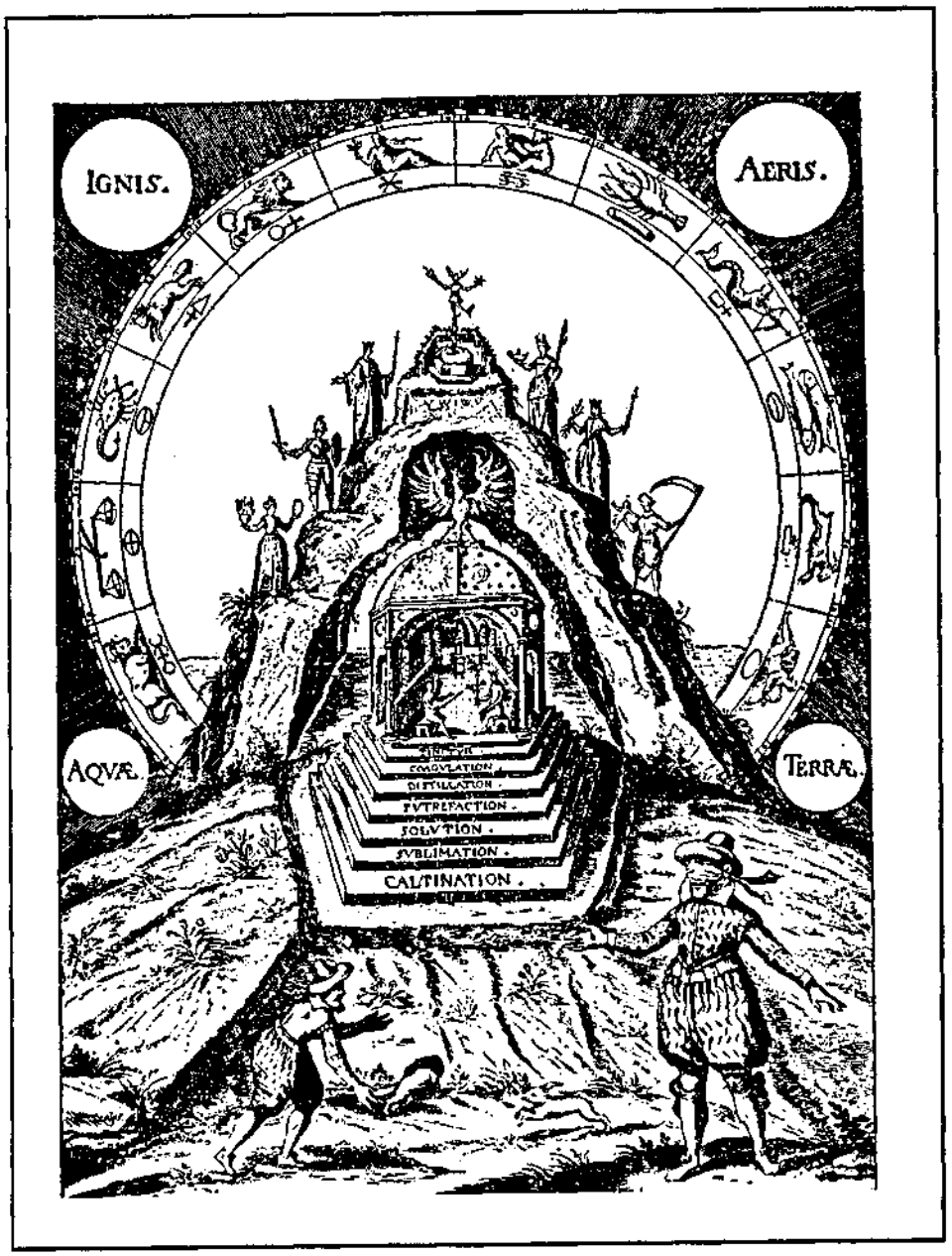
В немецких сказках царица ведьм прячет Снегурочку «у семи гномов за семью горами» (в русской сказке, поведанной великим русским поэтом Пушкиным, говорится о семи богатырях, то есть древних героях).

В символике алхимиков «горы» означали «металлы», как основные силы мира, поскольку сводились к числу семь. Любопытно отметить, что и семь гномов, собственно говоря, заняты тем, что ищут и обрабатывают металлы.

Принцесса

Дочь царя или короля, которую сказочный герой встречает в конце своих странствий, почти всегда сравнивается с солнцем, луной или утренней звездой. От нее исходит сияние или свечение, так что людям при ее появлении кажется, что «занялась заря».

Прежние толкователи кельтских, германских и славянских сказаний о феях видели в этом воспоминание о великолепии восточных, прежде всего индийских, царств, откуда будто бы вышли и европейские племена. В эпоху национализма и колониализма, когда утилитарная и продажная «наука» XIX века всячески пыталась принизить значение Азии для Европы, делалось все, чтобы вытеснить и подобные толкования. Тем не менее, в русских сказках вплоть до наших дней все еще говорилось об «Индии чудес,



Гора с семью вершинами, у алхимиков — с семью богами, планетами, металлами (S. M. Spacher, «Alchimia», 1654)

земле брахманов», где побывал потрясенный герой.

Цыгане также объясняли великолепие принцесс, которых впоследствии получал в жены поначалу нищий герой и победитель дракона, тем, что она явилась «из той чудесной страны на Востоке, откуда пришли наши предки». До разграбления Индии колонизаторами и сами истории о феях едва ли были преувеличены. Надежные источники свидетельствуют о богатых украшениях женщин благородного сословия «в этом царстве скачущего на пестром попугае бога любви (кама-лока)»:

«Обыкновенно они носили на шее не меньше трех—пяти нитей жемчуга, свешивающихся до середины живота, на голове пучок из жемчужин, спадающих на лоб. В эти жемчужины вплетены драгоценные камни в форме солнца, луны или звезд, или какого-нибудь цветка. Это очень идет им. В ушах — драгоценные камни, на затылке крупные жемчужины и драгоценности, а поверх них еще одно богатейшее украшение, в центре которого сверкает крупный бриллиант, рубин, изумруд или сапфир, обрамленный крупными жемчужинами. На запястьях богатые жемчужные браслеты, которые нанизываются на руки в восемь — девять рядов... На пальцах красивые кольца, на большом пальце правой руки всегда кольцо, где вместо камня вставлено маленькое зеркальце в оправе из жемчужин. Красавицы охотно и часто смотрятся в это зеркальце.

Кроме того, индийские женщины носят пояс из золота в два пальца шириной, усыпанный драгоценными камнями. Шаровары подхвачены лентами, на конце которых опять же скрученные в пучок пятнадцать нитей жемчуга длиною в пять пальцев. На лодыжках драгоценные металлические браслеты или цепочки из жемчуга. Костюмы принцесс дороги и роскошны, надушены розовой водой. Они меняют их по нескольку раз на дню. В Индии жарко, поэтому одежды шьются из тончайших тканей, через которые просвечивает тело...» (Manucci, Storia do Mogor, в пересказе Регины Хикман).

Культ женских украшений и их ослепительного блеска, который мы встречаем в великих эпосах Индии, восходит к представлению, что это богатство и блеск дорогих украшений есть только форма, внешнее выражение священных сил творения, энергий, которые благодаря «добродетелям женщины» способствуют возрождению человеческого рода и тем самым сохранению божественного творения — мира.

Об иллюстрациях

Иллюстрации к главам «Символика сказок» и «Символы из преданий о мудрых женщинах» взяты из книг, напечатанных в прошлом веке (Grimm/Musäus), а также из изданий «Dictionnaire Infernal» des Collin de Plancy, 1963, Iohann Friedrich Blumenbachs, «Abbildungen naturhistorischer Gegenstände» (Göttingen, 1810) и Joh. Sam. Halles «Die deutschen Giftpflanzen» (Berlin 1784). Иллюстрация «Мерлин» в главе «Учитель магии» взята из книги: Harold Fosters, Prinz Eisenherz.

Литература

A. A. Afzelius, Volkssagen und Volkslieder aus Schwedens ältester... Zeit, Leipzig 1842
J. N. v. Alpenburg, Deutsche Alpensagen, Wien 1861
K. Amersbach, Aberglaube... bei Grimmelshausen, Baden-Baden 1891–1893
R. Basset, Mille et un contes..., Paris 1924–1927
T. Benfey, Pantschatantra, Leizig 1859
J. Bolte/G. Polívka, Anmerkungen zu den Kinder- und Volksmärchen der Brüder Grimm, Leipzig 1913
Le Cabinet des Fées, Paris 1785 ff. (41 Bände!)
L. Caroll, The Complete Works, New York 1936
A. Castren, Vorlesungen über die finnische Mythologie, S. Petersburg 1853
O. Dähnhardt, Natursagen, Leipzig 1907 ff.
A. Faminzyn, Boschestwa drewnich salawjan (Die Götter der alten Slawen), S. Petersburg 1884
J. B. Friedreich, Die Symbolik und Mythologie der Natur, Würzburg 1859
G. Glinka, Drewnjaja religija slawjan (Die uralte Religion der Slawen), Mitau 1804
S. Golowin, Götter der Atomzeit, Bern 1980
J. Grimm, Deutsche Mythologie, 4. Aufl., Gütersloh 1876 ff.
A. de Gubernatis, Tiere in der indogermanischen Mythologie, Leipzig 1874
A. de Gubernatis, La mythologie des plantes, Paris 1878 ff.
I. J. Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythos, Lemberg 1842
R. Hickmann, Indische Albumblätter..., Leipzig 1979
Jataka, Hrsg. E. B. Cowell, Cambridge 1895–1913
E. Jung, Märchen aus Burma, Bern 1910
A. v. Kayssarow, Versuch einer slawischen Mythologie, Göttingen 1804
B. Kirk, The Secret Commonwealth of Elves, Fauns and Fairies, 1691, Neuausg., London 1893
H. Kornmann, Mons Veneris, Frankfurt 1614
M. Lüthi, Märchen, 5. Aufl., Stuttgart 1974
F. J. Mone, Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa, Leipzig 1822
M. Murray, The God of the Witches, London 1931
F. Nork, Mythologie der Volkssagen und Volksmärchen, Stuttgart 1848
A. Nutt, The Fairy Mythology of Shakespeare, London 1900
Otmar, Volkssagen, Bremen 1800
J. Prätorius, Anthropodemus Plutonicus..., Magdeburg 1666
W. Propp, Istoritscheskija korni wolschebnoi skazki (Die geschichtlichen Wurzeln des Zaubermärchens), Leningrad 1946
G. Le Rouge, La mandragora magique, Neudruck, Paris 1966
P. Saintyves, Les contes de Perrault..., Paris 1923
F. L. W. Schwartz, Die poetischen Naturerscheinungen..., Berlin 1864 ff.
J. N. Sepp, Die Religion der Deutschen..., München 1890

S. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, Rev. ed., Kopenhagen 1955 ff.
A. Tkany, Mythologie der alten Deutschen Slawen, Znaim 1827
B. Tschischwitz, Nachklänge germanischer Mythen in den Werken Shakespeares, 2. Aufl., Halle 1868
E. Veckenstedt, Wendische Sagen, Märchen, Graz 1888
T. Vernaleken, Alpensagen, Wien 1858
W. Vollmer, Vollständiges Wörterbuch der Mythologien aller Nationen, Stuttgart 1836
C. A. Vulpius, Handwörterbuch der Mythologie ..., Leipzig 1826
A. Wesselski, Deutsche Märchen vor Grimm, Brühn 1942
C. M. Wieland, Dschinnistan, Winterthur 1786–1789
H. v. Wlislocki, Volksdichtungen der ... Zigeuner, Wien 1890
I. v. Zingerle, Sagen aus Tirol, 2. Aufl., Innsbruck 1891

Символы из преданий о мудрых женщинах

Мудрые женщины в Европе

Народные предания все время упоминают определенные места, которые, видимо, были центрами поддерживаемой на протяжении долгого времени традиции племен: древние крепости и замки, горы, поросшие лесом, и тому подобное. Предания хранят память прежде всего о людях, обладавших знаниями и умениями, которые сделали их объектом преследования, начиная с конца средних веков.

Еще раз оговоримся: так называемые ведьмы как выражение культа дьявола совсем не «средневековое» изобретение, как это пытались представить со времен Реформации, а затем особенно в век поверхностного «Просвещения». Доказательством тому являются неоднократно повторяющиеся в более раннее время протесты правителей и отцов церкви против языческих обрядов в народе (особенно, если они поощрялись политическими противниками).

Теория о необходимости полного искоренения ведьм и попытки осуществить эту теорию на практике восходят к XV веку, когда, собственно, высокоразвитая культура средневековья уже находилась в упадке. Настоящая же война на истребление женщин началась во время Реформации и утихла лишь к XVII—XVIII вв., когда удалось подавить определенную тенденцию отечественной культуры.

В свое время Парацельс имел мужество заявить, что свои знания он почерпнул, в основном, от женщин-ведьм. Если современная медицина и химия вновь отдают должное великому странствующему рыцарю науки, то нам следует признать не только его научные заслуги, но и значение давней народной традиции для наших познаний природы.

Профессор психиатрии из Нью-Йорка повторяет за Миплс, что в конце средневековья церковь объявляла ведьмой, подлежащей уничтожению, любую женщину, «которая осмеливалась заниматься врачеванием, не имея соответствующего диплома»(!) Если некогда женщина-жрица занимала очень высокое положение в общественном мнении, то грубый рациональный подход, который начал утверждаться в европейской науке, постепенно свел на нет этот высокий ранг. Теперь, если кто-либо принимает роды, лечит людей, варит отвары из трав, умеет делать целебные ванны, как это делали предки, он

немедленно берется на подозрение.

В последнее время в Северной Америке и Европе возникли общины, где молодые женщины стараются возродить методы и приемы врачевания далеких прародительниц и вернуть уважение к древним женским занятиям. Они занимаются, в частности, проблемой безболезненных родов, когда мать приносит на свет ребенка (благодаря соответствующей естественной и эстетически подготовленной обстановке) не в муках, а, напротив, с восторгом и радостью. Как это видно из книг современных «мудрых женщин» и акушерок, они частично прибегают к приемам американских и азиатских кочевников, к индийской философии, а также к преданным поруганию в средние века потаенным приемам европейских повитух.

Моне и Норк, два ведущих исследователя преданий немецкого романтизма, указывают на полное соответствие между местными преданиями о ведьминых шабашах и греческо-восточными празднествами бога экстаза Диониса, или Вакха. Они пишут: «Зеленый цвет сатаны (считался основным цветом ведьминых шабашей к северу от Альп) — это и цвет Диониса. Его священным растением считались вечнозеленый мирт и плющ. Культ Диониса отправляли обычно в горах, и на горных вершинах празднуют ведьмы свой шабаш в первую майскую ночь. В Швабии, в Брайсгау вершины местных гор, а то и шпили местной церкви могут быть маяком для сборища ведьм».

Моне приводит множество точных соответствий между обоими культами. Он убежден, что культ Диониса был перенят германскими племенами еще в ту пору, когда они частично

населяли берега Черного моря. Во всяком случае, греки полагали, что бог экстаза навещал город Борисфен на Днепре. Под его влиянием оказались и скифы, которые населяли территорию нынешней России, а скифы несомненно относятся к предкам и германских, и славянских народов.

Норк полагает, что имя «Дионис» происходит от «Деванипи» — одного из названий индийского бога Шивы, который с трезубцем в руках и лунным серпом в волосах бродит по горам. И действительно, многими чертами Шива напоминает нашего «повелителя ведьминого шабаша»: «Дева» на санскрите «бог», а «нипи», наоборот, означает ночного бродягу, лунатика. У Шивы есть и другие имена (Бхутешвара, Бхутанатха, Бхутабхартр), которые значат повелитель, господин проказливого ночного народа.

Во всяком случае, культ ведьм очень древний. Ученые XIX века напрасно пытались найти какие-то односторонние германские, славянские, кельтские, античные либо семитско-восточные корни этого культа. Приходилось с удивлением констатировать, что этот культ существовал в

культуре всех этих народов, причем весьма тождественно, и существовал, очевидно, еще задолго до того, как выкристаллизовались упомянутые культуры. Современные общества ведьм, которых немало, прежде всего, в англоязычных странах, направляют паломников, в частности, к наскальным рисункам в долине Камоника в Северной Италии. Им кажется, что в таких местах можно найти символические изображения, которые передают основные детали отправления их культа в те далекие доисторические времена.

Древние старухи

Созданные в относительно недавнее время предания представляют ведьм всегда старыми, безобразными, отталкивающими во всех отношениях. В то же время в германских Альпах (да и в примыкающих горных областях Бургундии и Прованса) народная традиция изображает ведьму как женщину, которая благодаря употреблению разных снадобий и отваров из трав на долгие годы сохраняет красоту и свежесть. Ведьмы, собирающиеся на свои тайные сходки в горах и лесах, в сказках Сербии, Словакии, Польши, Украины также нередко красивы и молоды.

Старая мудрая женщина — архетипическая фигура сказок и преданий всех народов

В преданиях немецкого и итальянского происхождения ведьмы, вначале старые и безобразные колдуны, во время шабаша превращаются в прелестных девушек. Напротив, о кельтских, французских и английских феях, которые по своему колдовскому искусству не уступали немецким ведьмам, известно, что «обычно» они были писаными красавицами, но в «один день в году» вынуждены принимать безобразный, отталкивающий облик.

Образ ведьмы как «древней» старухи и странное вышеупомянутое представление, будто бы ведьмы или феи одновременно (!) стары и молоды, возможно, восходит к мистическо-магическому восприятию действительности: как «молодое и прекрасное» существо ведьм описывают, чтобы показать силу их колдовских чар. А их «глубокий возраст», напротив, есть символ древности традиции, которая в них живет и которую они представляют. (Аналогичным образом китайские алхимики даосисты называют и часто изображают своего мудреца Лао-Цзы «Старцем» не потому, что он в самом деле выглядел старым, а потому что благодаря своему знанию сделался бессмертным и тем самым пережил не один век.)

Глаза ведьм

«Красные воспаленные глаза считались в Германии признаком ведьмы», — констатирует Норк. Он сравнивает это представление с мифом о германской богине Хель (госпожа Холле в немецких сказках) и красными глазами Кали — великой волшебницы и супруги бога Шивы.

Восточно-европейские и венгерские цыгане утверждают, что глаза колдуний «светятся в ночи, как тлеющие угольки», и усматривают в этом способность этих женщин «видеть больше, чем другие люди».

У славян южной России ведьмы, которые собираются на Лысой горе, тоже сверкают красными глазами. Кстати сказать, слово «ведьма» происходит от слова «ведать» — эти женщины знают — ведают — больше, чем другие. Не забудем, что слово «красный» может означать не только цвет, но и понятие «красивый», красные глаза — значит, красивые глаза.

Помело

Согласно фрейдистским представлениям, веник, метла или помело, на котором ведьма отправляется на свой праздник, есть образ линги, принципа мужской творческой энергии. Фрейдисты считали, что подавление полового начала, отождествление чувственного с дьявольским, как это делала пуританская церковь, вызывало в женщинах, которых подозревали в служении дьяволу, эротически-сексуальные желания.

Картины ведьминого шабаша в народных преданиях убедительно показывают, однако, что «полет ведьмы на помеле» (или на волшебной палке) — постепенное упрощение тех всевозможных летательных снарядов, которыми пользовались слуги дьявола в древности — в более старых сказаниях в качестве подручных средств для полета могла использоваться всевозможная домашняя утварь — кадушки, лопаты, скамейки, грабли, кастрюли, не говоря уже о домашних животных.

В сказаниях крестьян альпийских долин, где еще и в послесредневековый период продолжали жить элементы первоначальной народной культуры, мы находим некоторые ключи к сказочным представлениям. Исследователь Ханеен полагает, в частности, что представления о ведьминых шабашах в швейцарском Вадте восходят к древним праздникам летнего солнцестояния, которые альпийские крестьяне отмечали пиршествами и веселыми буйными плясками в Альпах и пастушьих шалашах. Об этом

Сова (по рисунку Г. Доре)

свидетельствуют французские корни слов, передающих эти понятия. В старинных преданиях о пастушеских праздниках в Вадте и в других горных местностях, скажем в Тироле или Баварии, нередко упоминается, что во время такого буйного веселья начинали «танцевать» даже скамейки, метлы и прочие предметы.

Примечательно также, что на старинных изображениях шабаша ведьм и в преданиях об альпийских праздниках присутствуют и музыканты в причудливой одежде (а то и в масках!) — подобно восточному шаману. Потомки цыган и в наши дни любят рассказывать, что предки их владели искусством выдавать такую музыку во время танца, что даже мертвые предметы начинали приплясывать. Таким образом, «полет» или «скачка» ведьмы на каком-нибудь предмете из домашней утвари или на домашнем животном (козе, лошади, свинье, кошке) есть не что иное, как только воспоминание о способности в те стародавние времена вызывать неистовой музыкой и пляской состояние экстаза и, соответственно, видеть весь окружающий мир живым и сказочным в буквальном смысле этого слова.

Ночные тени

Особое место в преданиях о ведьмах занимают растения семейства пасленовых, — «дающие ночную тень». Прежде всего — альраун (корень мандрагоры), белена, дурман, красавка. Дурман и в Индии был символом культа Шивы, а его прекрасные белые соцветия — символом познания. Во многих рукописях утверждается, что растения ночной тени принесли мигрировавшие из стран Востока кочевники.

Возможно, и в самом деле каждая новая культурная волна с Востока заново оживляла интерес европейских народов к растительному миру, его окружавшему. Ведь городская цивилизация отчуждает человека от природы, и только благодаря новой волне миграции, новым людям, носителям еще живых знаний, — горожане восстанавливали утраченные знания.

Поляк Станислав Пшебышевский, который активно интересовался соответствующими народными преданиями, писал в 1897 году о возникновении «ведьминого шабаша» в средневековье: «Евреи и арабы популяризировали колдовство. Они научили готовить мази и фильтры. Цыгане же принесли в Европу обращение с пасленовыми, которые дурманят сознание». Этот же писатель констатирует: «Рецепты ведьмовских мазей средневековья можно встретить на каждом шагу». Он приводит рецепты Парацельса и Иоганна Вира, ученика Агриппы Неттесгеймского. В обоих

Полет ведьм (J. Scherr, «Germania»)

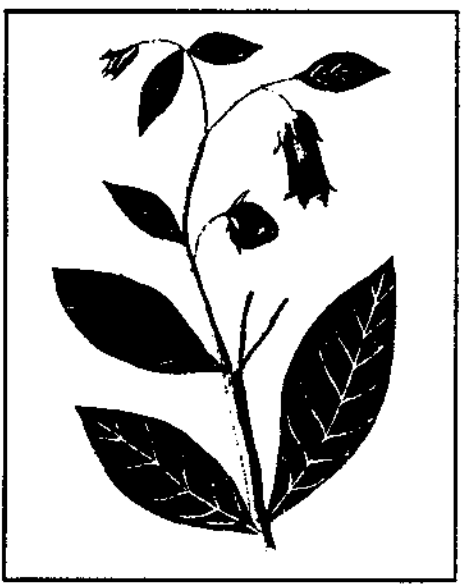
(линия, которая извивается как змея или похожа на домик улитки) как обозначение соответствующего состояния. Вещий колдун находится как бы в трансе, а его мужественный дух странствует, пока не дойдет до точки, где он вдруг «видит и прошлое, и будущее и может предсказывать».

Во всяком случае, Пршебышевский считал сказочные, то пугающие, то притягивающие картины ночной мистерии еретиков и ведьм следствием применения опасных наркотических средств: «Посещение шабаша действует как опиум. Достаточно испробовать один раз, и ты втягиваешься в употребление наркотика, и уже не можешь разорвать эти путы. Все ведьмы рассказывают, что шабаш это истинный рай, и они испытали на нем столько радости, что трудно передать».

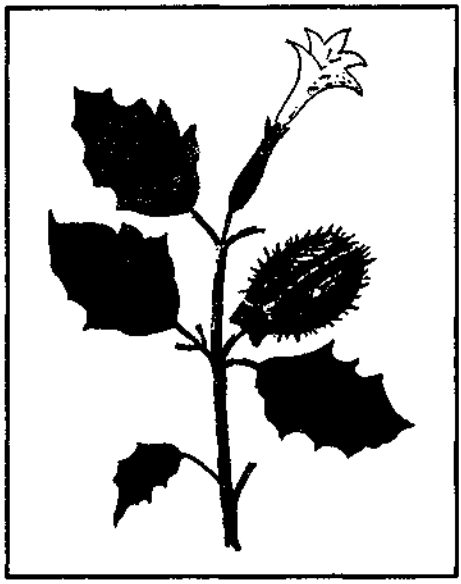
случаях основной эффект получен за счет добавления пасленовых как компонентов мази.

В Германии многие исследователи собирали сведения о средневековых колдуньях. Назовем, для примера, ученых XIX века Хорста и Кизеветтера. Они пытались, частично и с большой осторожностью, проверить действие этих рецептов. В частности, Кизеветтер, который дал импульсы исследованиям в наше время, проверил на себе действие мази, изготовленной с добавлением растений семейства пасленовых. Ему привиделось, что он летает по спирали, как будто его подхватил смерч.

В символике восточных цыган, которые в 30—40 годы прошлого века разбили свои шатры между Парижем и Лионом, тоже встречается спираль



Белладонна



Дурман

Пасленовые (очень важный компонент лекарственных составов во все времена!) даже после всех процессов над ведьмами остаются символом глубокого знания природы. Цыганки из Карпат и Восточной Украины, знатоки трав и корений, говаривали: «Кто не понимает, тот видит опасность и тьму, а тот, кто знает, кого обучили предки, тот находит счастье и здоровье».

Полет

Символ поэтического вдохновения в античной культуре — конь Пегас — имеет крылья. Сирены, девы сладостного пения, также крылатые и изображаются как смешанные существа — полуженщины-полуптицы. У

муз на голове также присутствуют крылья.

Крылья — это символ духовного, внеземного, божественного. Например, символическая фигура религиозной фантазии евреев — херувим, соединение воедино человека, быка, льва и орла — тоже имеет крылья и должен символизировать силу и мудрость Господа. Поэтому и в христианской символике крылья — атрибуты ангела, обозначающие движение духа, быстрое как мысль.

Крылья, приданные человеку или таинственному животному, на котором путешествует сказочный герой, обозначают переход героя в состояние «воодушевления», «экстаза», погружения в царство «духовного, внеземного, божественного».

Образ крылатых существ, на которых герой переносится в небесные миры (назовем здесь снова семитского херувима, индийского Гаруду, ездовых животных Кришны-Вишну и тому подобных), возможно передает те трудности, которые возникали для ясновидца доисторической эпохи, когда надо было наглядно показать свой «полет» в привычных образах.

Гора собрания

Пожалуй, самыми большими знатоками ведьм и их дел являются кочевые цыгане. По-видимому, они и принесли с собой шаманство, мигрируя из своей прежней родины в Гималаях. Согласно мифу, записанному Берковичи, их предки имели крылья, «а когда мы потеряли способность летать, мы вырыли пещеры на горных склонах и на крутых речных берегах. Мы — птицы. Когда мы смотрим на гору, мы всегда хотим оказаться на вершине. Но мы разучились летать, и нам остается только медленно карабкаться вверх... Когда-нибудь цыгане снова обретут крылья».

В свете этой цыганской легенды, магический полет и подъем на горную вершину оказываются взаимозаменяемыми понятиями! Человек стремится в высоту, чтобы вырваться из стесненности, из рутины повседневной жизни.

«Высота» означает близость к звездам, к солнцу, к «замкам богов», которые по индуистским представлениям находятся где-то «вокруг Меру», в высочайших горах мира, обычно отождествляемых с Гималаями.

«Культ ведьм» становится модным и в наши дни. Здесь древнейшие ритуалы перемешаны с новейшим опытом. Любопытно замечание, что быстрый подъем в горы вызывает в теле нечто родственное опьянению, которое будто бы приводит к усилению способности духовного восприятия (особенно если это сопровождается экстатической музыкой и хороводами).

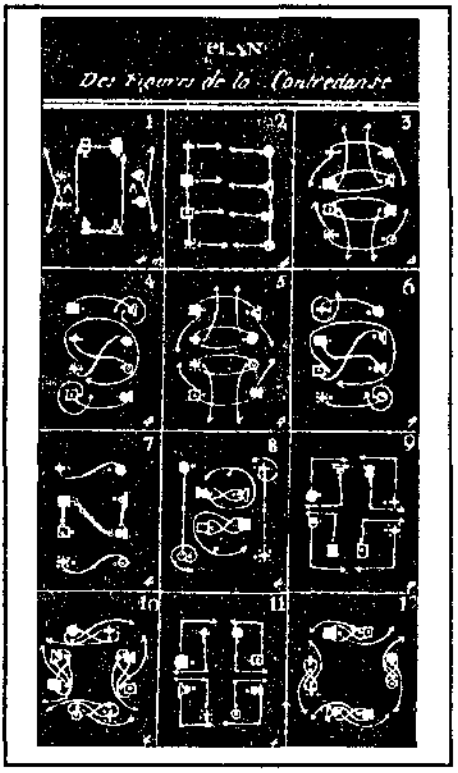
Танец

Исследователь древности Монье, занимавшийся мифами швейцарской и французской Бургундии, собрал большое количество изображений и преданий о ведьмах или феях, в которых они предстают обвитыми змеями. Монье видел в змеях древнейший символ космической жизненной силы и сравнивал европейские предания с родственными изображениями и легендами Индии. Монье высказал мнение (казавшееся его современникам в XIX веке чистой фантастикой), что мы имеем здесь дело с пришедшими из Азии культами, которые тайно продолжали жить

в средневековье и сохранились в памяти народа вплоть до наших дней.

Украшение в виде спирали, называемое «змейкой», было, по рассказам цыган, кочевавших одно время между Миланом и Парижем, «любимым украшением мудрых женщин, которым когда-то были ведомы все тайные силы звезд и растений».

По воспоминаниям жителей

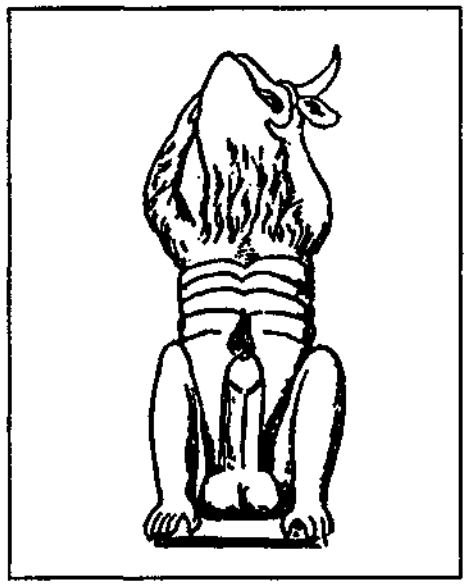


Это — не магические руны, а просто зарисовки балетмейстера, показывающие танцевальные па

швейцарских западных Альп, ведьмы кружились в хороводе по спирали вокруг возвышенности, «на которой горел огонь без углей», и их хоровод, сопровождаемый соответствующей музыкой и совершенно непонятными для посторонних возгласами, продолжался будто бы до тех пор, пока участники шабаша «не ощущали себя объятыми пламенем».

Таким образом, танец выступает как средство приведения собравшихся в экстатические состояния, каким он является до сих пор в культах

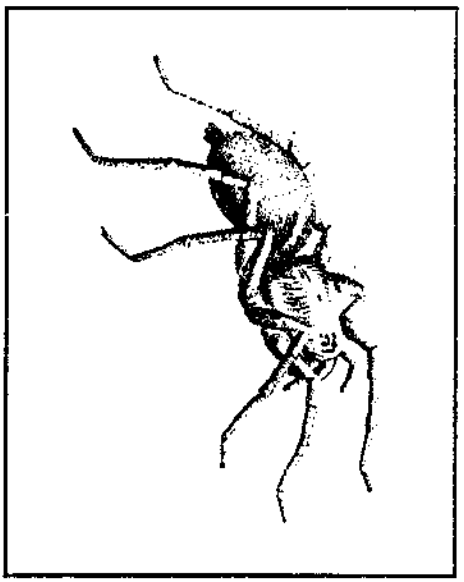
народов, находящихся под сильным влиянием шаманских представлений: «Стремительное совместное движение вызывало чувство, будто все тело наполняется жизненными силами, и чем острее подобные душевные состояния, тем сильнее ощущение того, что из всего окружающего мир струится (исходит) бесконечная полнота энергий».



Животные ведьм

На собрании (празднике) ночного народа (тут древние предания совпадают со свидетельствами современников о некоторых разновидностях культа вуду «вест-индского» Карибского бассейна и нынешних шабашах ведьм в англоязычных странах) неизменно царит неописуемая толкотня: вместе с людьми «танцуют» в причудливых языках пламени, которые исходят от земли и деревьев, самые разные животные! «Элементарные существа», выглядевшие сперва как животные, а также рыбы, головастики, рептилии, например, саламандры и жабы, начинают принимать человеческий облик, а ведьмы, наоборот, превращаются в кошек, волков, летучих мышей, змей, ящериц и в разных других существ.

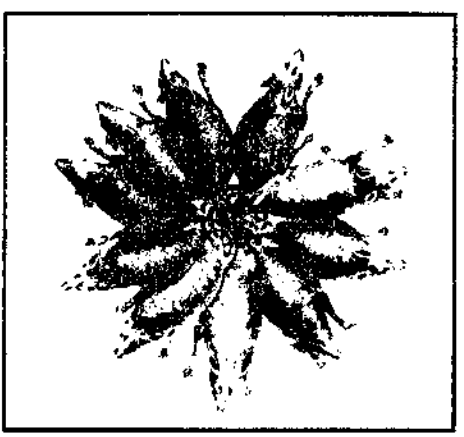
Туманные сообщения последователей Парацельса и розенкрейцеров — само собой разумеется, магических полутайных обществ дворян времен барокко и рококо, а также романтическое искусство, которое выросло из них, — там и тут содержат намеки на соответствующие образы, когда речь идет о «царстве стихийных духов»: сходные видимые превращения магического человека в «предков-животных» и перемещение их душ «через царства камней, растений, животных и звезд» мы находим в сообщениях о финско-сибирских шаманах, без влияния которых (как указывает, в частности, Амфитеатров) были бы совершенно немыслимы даже



некоторые явления в русском сектантстве нашего столетия.

Густав Шенк, занимавшийся пасленовыми растениями, которые использовали ведьмы, полагал, что человеческий дух в состоянии экстаза способен пробуждать воспоминания, чувствования, которые живут в глубине нашего подсознания еще со времен животных предков: «Дарования, свойства, физические и психические черты бесчисленных поколений длинной цепи живых существ, которые населяли до нас планеты, — все это наследие мы несем в себе».

«Давайте посмотрим в глубь времени, которое, возможно, всего лишь фантом, вперед или назад, завтра или сегодня — быть может, даже сама мысль об этом напрасна, и все-таки мы не только интеллектом понимаем, что все живое живет в нас. Мы низверглись с какой-то звезды не в человеческом облике. Амфибии и млекопитающие, растения и руда —



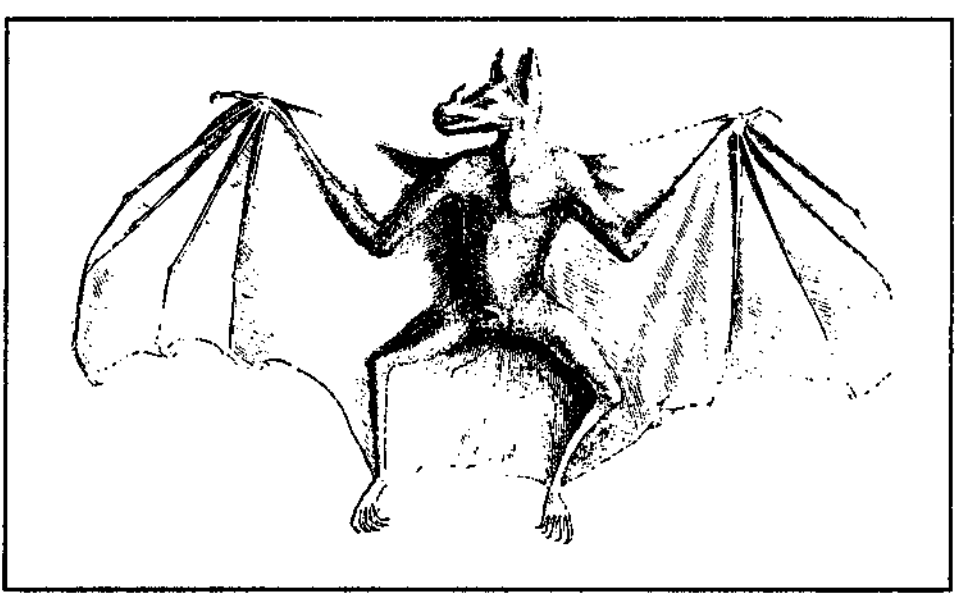
они скрыты в нас и управляют под корой нашего дневного бытия. Но вот пробуждаются тени ночи, дневное бытие разрывается, и мрак в ядовитом опьянении порождает невидимые, неосязаемые, недоступные чувствам и ощущениям явления. В экстазе, в одержимости, в утраченной памяти в дикости и ярости воскресают давнишние титаны и овладевают нами. Звери, боги... Мы переживаем их, мы можем их переживать, эту правду невозможно отрицать».

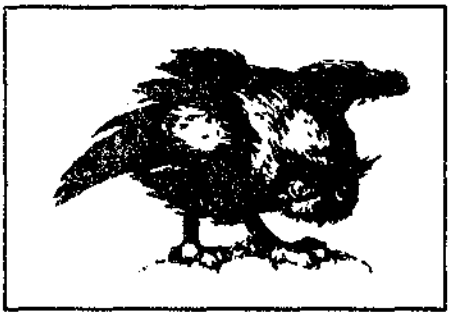
Летучая мышь

Летучая мышь, как известно, днем спит, а ночью летает. Несмотря на темноту, движения ее очень точны и даже в кромешной тьме она прекрасно ориентируется и не натыкается на преграды — способность, которая и по сей день остается во многом загадкой для естествоиспытателей.

Предводитель шабаша ведьм в преданиях цыган и на картах Тарот имеет крылья, как у летучей мыши. Эти крылья в свое время объявили признаком дьявола, и вплоть до нашего столетия это служило оправданием той жестокости, с какой преследовали и истребляли летучих мышей, этих полезных животных.

Согласно преданию, которое можно было услышать еще в нашем веке от цыган, кочевавших по Балканам, крылья летучей мыши — это указание на ночные собрания религиозных общин. Для прорицателей летучая мышь — символ способности чувствовать «так называемые скрытые» силы природы, которую человек с цивилизацией по большей части утратил, поэтому цыганки — гадательницы на картах Тарот в окрестностях Парижа и в Камарге еще и в 50-х годах нашего столетия украшали свои повозки изображением летучей мыши.





Сова в гербе Италии (рисунок из книги 1877 года)

Сова

«Поскольку она боится дневного света и вылетает только в сумерки или ночью, обитает по преимуществу в старых или разрушенных строениях, сй приписывают демоническое значение. Сова — символ опустошения и несчастья» (Фридрайх).

В наших преданиях она, как эквивалент летучей мыши, является символом таинственого ночного собрания: «Сова известна как ведьмина птица, она присутствует на шабашах ведьм, ведьмы как украшения носят совиные перья в волосах. Совы летают дикими стаями... Бабка дьявола принимает облик совы» (из одного справочника).

Цыгане, кочевавшие по Бургундии и Савойе, рассказывали (и такое же упоминание можно встретить и в немецких преданиях о ведьмах), что перо совы носят люди, «которые шастают по ночам и хотят избавиться от страха перед тьмой». Некогда сова была, очевидно, символом способности не испытывать страха и свободно перемещаться даже в темноте, то есть быть посвященным в тайны, обычно сокрытые для смертных. Но со временем, в поздней античности и в средние века, суеверие придало сове демонические силы.

Примечательно, что сова считается символом Минервы (Афины) — великой богини античности, олицетворяющей мудрость. Она также символ Тиля Уленшпигеля — шутника и весельчака, который, как рассказывают средневековые народные книги, бродил по миру, уличая и высмеивая глупость, невежество и суеверие.

Кошка

В индийских мифах великая богиня — хранительница всех новорожденных — скачет на кошке, поэтому индусы боятся причинить какое-либо зло этому животному.

В Германии существует такое поверье: тому, кто любит кошек, достанется в жены хорошая женщина, а тому, кто обижает их, — никакая, или очень злая, или, уж во всяком случае, у него не будет детей. Любопытно, что Фрея, германская богиня любви и брака, которую в

более поздних преданиях отождествили с королевой ведьминого шабаша, ездит на коляске, в которую впряжены кошки.

Плодовитость кошек, их способность видеть в темноте, их блестящие круглые глаза превратили кошку в народных поверьях в загадочного зверя, которому ведомы тайные силы. Ведьма, равно как и повитуха (обе фигуры в народных поверьях почти идентичны) имеют при себе «умную черную кошку» (черный цвет — символический цвет ночи, ее тайн и всяческих пришедших от земли таинственных существ — кобольдов).

В народных поверьях ведьмы часто принимают облик кошки, да и их повелитель нередко предстает в обличье кота. Автору довелось видеть в Париже в 1950 году нарисованные от руки, «предназначенные для настоящего цыганского гаданья» карты Таро, на которых «властелин ночи» был изображен в виде черного кота на горе, освещенной бледным светом луны. Да и немецкое слово «еретик» — Ketzer — некогда выводили от слова «кошка» — Katze, как и названия важнейших еретических движений — Katharer — от Kater (кот).

Рассказывают, что итальянские ведьмы раз в год собирались на горе близ Вероны в образе кошек. У лужицких сербов сохранилось поверье, что ведьма приходит в дом на четырех лапах, как кошка. Примечательно, что современные фантастические рассказы очень активно используют этот фольклорный мотив.

С 1939 года одной из самых популярных фигур в американских комиксах стал Бэтмен — человек, набросивший на себя костюм летучей мыши для того, чтобы пугать преступников, которые «особенно отличаются суевериями». Бэтмен защищает свой город от зла. Его главным противником является влюбленная в него женщина-кошка.

Когда сущности ведьм, женщинам и их свойствам вообще (как это видно из жутких книг гонителей еретиков — «Молот ведьм»!) стали приписываться демонические черты, подверглась демонизации и кошка. Если прежде в кошке ценились ее мягкость и независимый характер, то теперь

ее сущность стали считать фальшивой. Теперь кошка, в особенности черная, приносила только несчастье.

Нередко кошек сжигали живьем так же, как и их оклеветанных хозяек, чтобы спасти себя от всех порождений суеверия. Но и в наш просвещенный век нередко можно слышать о подобных жестокостях по отношению к животным, — будем понимать это как результат возросшего отчуждения человека от сил природы.

Свет и туман

Главная фигура, которая постоянно присутствует во всех преданиях о ведьмах, никогда, собственно, не выступает в отчетливом облике. В лучшем случае мы можем увидеть это лицо на более поздних изображениях и в записях преданий, которыми мы обязаны людям, не видевшим собственными глазами «ночных собраний».

Станислав Пшебышевский пишет: «Неопределенные высказывания, в которых все происходящее предстает словно бы окутанным дымкой, тонущим в тумане, указывают на использование гипнотических наркотических средств. Образ Сатаны отчетливо проступает крайне редко, порой он предстает как огромная масса тумана, а порой — как ствол дерева с «неким подобием человеческого лица, но затененным облаком» (Де Ланкр). Другой раз он выступает будто бы в человеческом облике, но красный и пламенеющий, вырывающийся из печи, причем формы его были видны лишь частично, и то на короткое время».

Как тут не вспомнить известного медиума XIX века Карла фон Райхенбаха, который в своих многочисленных трудах доказывал, что «сенсетивные», обладающие особо тонкой чувствительностью люди видят в темноте исходящее от живых существ и от мертвых предметов свечение, напоминающее порой сияющее облако, а порой даже языки пламени. Райхенбах назвал эти субматериальные силы «од», а Вильгельм Райх — «оргон». В последнее время говорят о русском исследователе Кирлиане, который пытается зафиксировать такое свечение на фотографии.

С тех пор, как сотни тысяч молодых хиппи в Северной Америке и Европе устремились на природу в попытке вести иной образ жизни вдали от шума и массовых развлечений, порожденных цивилизацией больших городов, подобная сенситивность в соответствующих слоях «нового общества» будто бы стала довольно частым явлением. В сообщениях о подобных восприятиях говорится как о нечто само собой разумеющемся и повседневном об «ауре» — «поле духовной энергии, которое окружает все

живые существа». Еще чаще говорится о движениях, волнах сил, «вибрациях»: «Это слово, кажется, использовалось многими членами духовных обществ для описания воспринимаемых духовных излучений (spiritual emanations)» (Ина Мей). Нам неважно, имеем ли мы в данном случае дело с действительными энергиями в понимании исследователей Райхенбаха, Райха, Кирлиана или с обозначением экстатических переживаний чувствительных к энергиям людей. Идет ли речь о шаманах или ведьмах более ранних времен или о хиппи 70-х годов, — все они видят лики мира в ночном уединении природы не как нагромождение только материальных вещей, но как бесконечную полноту волнующихся жизненных сил — каждый предмет, окруженный, так сказать, своей аурой.

Любопытно, что во множестве сообщений современных европейских и американских исследователей, проверявших древние легенды, как пра-

Ночной огонь

На горе или на вертикально поставленном камне, на котором появляется предводитель шабаша ведьм, согласно преданиям, «сам собой» возгорается костер. Иногда «повелитель шабаша» возникает непосредственно из пламени, «которое извергается из земли». Или все собрание бывает «объятым огнем, который не жаркий и никого не обжигает».

На картинах подобное существо держит в руке факел. Огонь может также пылать у него между рогами. На некоторых изображениях, наконец, у повелителя шабаша языки пламени заменяют пальцы! Пришебышевский, обобщая (в 1897 г.) древнее сообщение, говорит, что таким образом «весь шабаш освещен лучше, чем полной луной».

вило, всегда содержится упоминание о «таинственном свечении». Исследователь Мрзих, например, намазавшись «колдовской мазью», увидел перед собой магические картины в переливающихся клубах пара. «Неописуемой была картина привидевшегося мне ведьминого шабаша. Голые женщины несказанной красоты плясали вокруг. Были то феи, богини, дьяволицы? Я не знаю... Единственным созданием, которое в этом астральном сонме, несомненно, было женщиной, оказалась пышнотелая, невероятно чувственная негритянка, наверное, предводительница какого-нибудь племени, излучавшая, казалось, трепетный зов плоти».

Царица ночи

«Царица пламенеющих ночных звезд», как она появляется в соединении с Луной в «Волшебной флейте» Моцарта, сегодня нередко снова отыскивается в мифах, сильно занимавших розенкрейцеров и другие тайные общества образованных европейцев. Для нас в данном случае безразлично, идет ли речь при этом о гностических представлениях — они в то время вновь возродились в Европе — или об использовании образов из индийской религии, получивших распространение в Европе в эпоху барокко, рококо благодаря ее путешественникам на Восток.

В индийском тантризме известна богиня Кали (дословно означает «Черная»), символ женского аспекта мира, бессознательного, земных сил, ночи. В соответствующих ритуалах культа Кали она также часто появляется, сопровождаемая своими женскими почитательницами, на вершинах гор: эти женщины-Кали предстают в богатом убранстве или нагими, или, как чудесно выражаются индусы, «облаченными в одежды природы» — то есть весь окружающий мир вокруг жрицы — звезды, Луна, природа — воспринимается погруженными в экстаз участниками ритуала как одежды богини.

В преданиях о ведьмах Западной и Центральной Европы «повелитель шабаша», восседающий на вершине священной горы, выбирает одну из присутствующих женщин себе в жены. После этого она находится рядом с повелителем, и участники шабаша воздают ей почести, кружась в бешеном хороводе.

Трудно сказать, возникают ли подобные, как у Мрзиха, картины в состоянии экстаза из воспоминаний нашего подсознания или из предварительных знакомств нынешних ясновидцев с европейскими историями еретиков или с индийской религией, в которой Кали часто выступает как «черная княгиня». Очевидно здесь свою лепту внесли и племена кочевников, которые вплоть до XX века мигрировали через Восточную Европу в Западную и вливали свежую кровь в увядшие было народные предания. В своей книге, изданной в 1954 году, то есть задолго до широкого увлечения молодежи картами Тарот и магическими ритуалами, венгерский ученый Ракоши воспроизвел изображение цыганской карты, на которой «верховная жрица» или «папесса» имеет черное лицо (может быть, черная маска?) и рожки месяца на головном уборе: «Считается, что она верховодит во время посвящения молодых цыган и на самом деле является ведьмой или колдуньей. Цыганскую жрицу можно встретить на

«Шабаш ведьм» Уреа Графа

шаманов! Разумеется, находились, как в прошлой жизни, так и в наши дни, продувные книгоиздатели и торговцы, которые составляли, печатали и успешно продавали «волшебную книгу, возникшую из адского огня».

Еще один сходный пример: американский писатель Лавкрафт придумал как центральный пункт многих своих историй-фантазий демоническую книгу «Некрономикон». Впоследствии нашлись «адепты» оккультизма, которые добывали у антикваров за большие суммы «подлинный Некрономикон», и нашлись авторы, которые выпускали сочинения под этим названием.

Козел

Если предводитель шабаша появляется на собраниях ведьм украшенным рогами, напоминающими рога оленя или козла, то нередко у него просто бывает голова (или маска?) козла.

У этого животного отмечают, прежде всего, его умение высоко прыгать в разные стороны, воинственно бодаться, а также плодить потомство. Очевидно, поэтому козел еще в древности стал символом огненной, оплодотворяющей мир мужской силы, и видимо так надо понимать египетского божественного козла Мендеса, античных фавнов и сатиров, греческого бога Пана, священных козлов бога вина Диониса.

Германский Тор, размахивающий своим молотом-молнией, бог оплодотворяющей грозы, скачет на колеснице, в которую впряжены козлы. По немецким народным поверьям, козел в хлеву охраняет род от злых сил. И по русским поверьям, дух с козлиными рожками — домовой — приносит счастье. То есть козел и тут оказывается символом плодовитости, следовательно, служит гарантией продолжения рода и поэтому радует духов всех предков. (Примечательно, что славянский домашний дух — домовой — называется также старик, дед, прадед!)

Мифологи XVIII—XIX вв. объясняли происхождение фигуры козла — повелителя шабаша — от «чернобога», «злого божества» языческих славянских племен, который «изображался у них в виде козла» (Фридрайх): это имя означает дословно «черный бог», то есть божественную силу, которая действует также и в темноте.

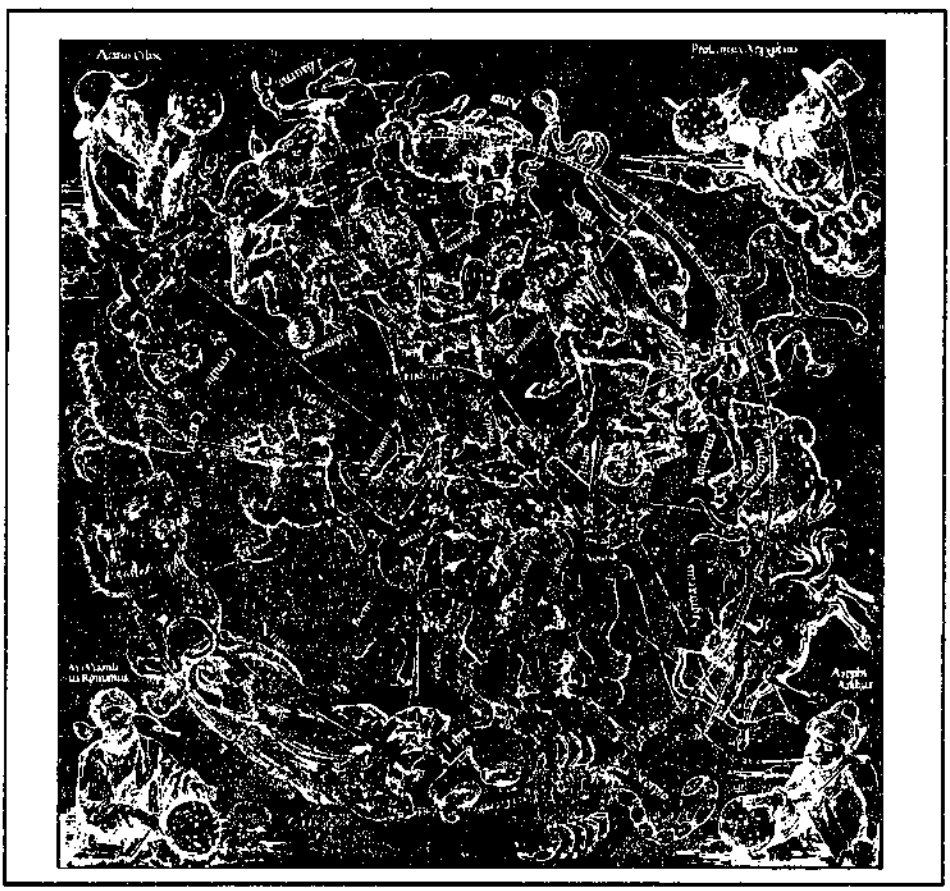
Литература

A. Amfiteatrow, Zarja russkoi schenschiny (Die Morgenröte der russischen Frau), Belgrad 1929

T. Arnkiel, Cimbrische Heyden-Religion, Hamburg 1691
J. C. Baroja, Die Hexen und ihre Welt, Stuttgart 1967
J. Bodin, De magorum daemonomania, Deutsch v. J. Fischart, Straßburg 1591
H. Boguet, Discours de sorciers, 3. Aufl., Lyon 1610
F. Byloff, Hexenglaube... in den österreichischen Alpenländern, Berlin 1934
F. Chabloz, Les sorcières neuchâteloises, Neuchâtel 1868
H. P. Duerr, Traumzeit, Frankfurt 1978
A. Estrada, Maria Sabina, München 1980
P. T. Furst, Hallucinogens and Culture, S. Francisco 1978
G. B. Gardner, Ursprung und Wirklichkeit der Hexen, Weilheim 1965
S. Golowin, Die Magie der verbotenen Märchen, Hamburg 1974
Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Berlin 1927 ff.
H. A. Hansen, Der Hexengarten, Hrsg. W Bauer, München 1980
J. Hansen, Quellen... zur Geschichte des Hexenwahns..., Bonn 1901
E. D. Hauber, Bibliotheca... magica, Ulm 1738–1745
G. K. Horst, Dämonomagie, Frankfurt 1817
G. K. Horst, Zauberbibliothek, Mainz 1820, 1826
K. Kiesewetter, Geheimwissenschaften, Leipzig 1895
C. G. Leland, Aradia..., London 1899
E. Maple, Hexensabbat, Mit Vorwort v. W. Bauer, Eltville am Rhein 1978
I. May, Spiritual Midwifery, Summertown (Tenn.) 1975
M. A. Murray, The Witch-Cult in Western Europe, Oxford 1921.
F. Nork, Die Sitten und Gebräuche der Deutschen..., Stuttgart 1849
S. Przybyszewski, Die Synagoge Satans, (Neudruck) Berlin 1979
G. Schenk, Schatten der Nacht, Stuttgart 1939
T. S. Szasz, Das Ritual der Drogen, Wien 1978
J. Wier, Von Verzauberungen..., Basel 1565

Астрологические символы

Созвездия северного полушария (Альбрехт Дюрер, 1515)



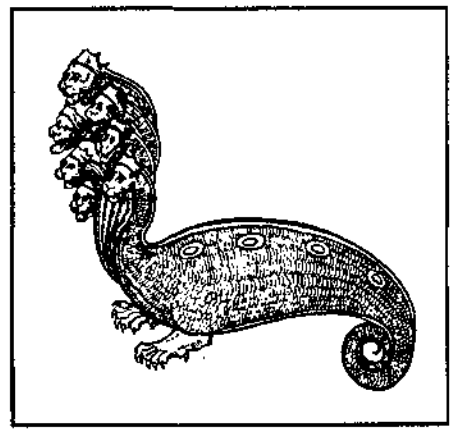
Семь планет

Во времена великого индийского астролога Варахамихира — считалось аксиомой: «Если царь не оказывает своему астрологу высочайших почестей, его преследуют несчастья. Как ночь без лампы и небо без солнца, так и царь без астролога».

Наука именовалась «йотиша». Йотис — это свет, блеск, источник всего мироздания. Астрология соответственно была наукой о свете, то есть она не сводилась к использованию звезд для предсказаний, она была еще и средством познания человека как части природы на пути его следования через вереницу веков, по которым путешествует его сознание. Поэтому астрологию называли еще хора-шастра — наука о времени.

Уже астроном при дворе французских королей Бэлли полагал, что в зодиаке нашли выражение наблюдения о природе какого-то мудрого народа. Бэлли искал следы этого народа в Северной Индии, на Тибете, в Монголии, в Сибири, то есть в тех регионах, в которых есть высокие горы. Именно с высоких вершин можно было видеть, как созвездия со временем медленно меняли свое положение относительно Солнца.

В течение жизни одного поколения (считая, что человек живет в среднем 71—72 года), начало весны смещается вперед на 1/360 так называемого зодиака, который, в свою очередь, делят по мифическим символическим изображениям на 12 сегментов. За 30 поколений, то есть примерно за 2000 лет, наступление теплого времени года смещается на 1 знак зодиака — к началу современного летосчисления начало весны сместилось таким образом из созвездия



Овна в созвездие Рыб, а теперь, когда мы приближаемся к порогу 3-го тысячелетия, весна очевидно перемещается от Рыб к Водолею.

В различных старинных рукописях мы подчас находим отклонения в расчете начала века, расходящиеся на две сотни лет. Дело в том, что созвездия не вполне четко разграничены, они накладываются друг на друга. Рыба — символ раннего христианства — толкуется такими астрологами как указание на начало эпохи Рыб в 1 веке нашего летосчисления.

В астрологических наблюдениях есть и толкование космического дня, равного продолжительности жизни одного человека, и космической недели, которая в 7 раз дольше, то есть длится примерно 500 лет. Космический месяц, таким образом, был бы в 4 раза дольше космической недели (4×7×72) и составлял бы около 2 тысячелетий, и наконец, космический год длился бы еще в 12 раз дольше и составлял бы 360 человеческих поколений, то есть 24000—26000 лет (в зависимости от варианта расчета).

Бэлли пытался растолковать эти знаки небес по древним индийским,

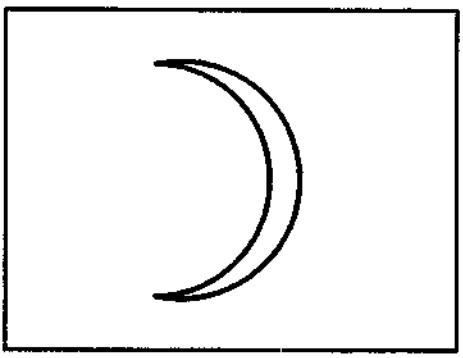
греческим и германским источникам, он думал, что любая мифологическая символика носит в себе определенные черты века, в котором она возникла: недаром египетский бог Солнца многократно изображался с головой барана, что соответствовало времени Овна в дохристианские тысячелетия, когда возник его культ. Во время бога Кришны (которое индийцы относят ко времени Тельца, то есть к 3 и 4 тысячелетиям до нашего летосчисления) все божества представлялись в виде коровьих пастухов.

Поскольку мы говорим сейчас о символике древнейших высокоразвитых культур, то мы будем обращать внимание прежде всего на 7 планет (блуждающих звезд), которые в средневековой астрологии и алхимии считались к тому же праисточником творения, а в индийской и семитской мифологии семикратно соответствовали энергии созидания (любопытно, что Змея Вечности, на которой возлежит верховное божество Маха-Вишну, нередко изображается с семью головами). Далеко удаленные от Земли планеты, которые только уже в новое время удалось обнаружить с помощью оптических приборов (Уран, Нептун, Плутон), людям древних культур были неизвестны и не нашли отражение в интересующем нас искусстве символики.

Астрологический символ Луны

Символ Луны, им обозначается и лунный день и лунный элемент — серебро, хорошо известен и понятен во все времена и всем народам, это — серп нарождающейся Луны.

Иногда лунное, как правило, женское, божество стоит на серпе,



который тогда мыслится чем-то вроде судна или чаши. В этом случае Луна становится символом женского начала мира: лона (йони), из которого рождается все земное, открытой вверх дуги, углубления, долины, впадины в земле, из которых все произрастает и возникает жизнь.

Это и чаша для омовения, и сосуд с жидкостью, и пруд (озеро, море), огражденный берегами, — то есть всевозможные вещи, которыми, как считали древние естествоиспытатели, «правит» Луна — ведь они видели влияние Луны на морские приливы и отливы, а также на приток и отток жидкостей в организме, особенно в женском (как известно, месячные у женщины, от которых самым непосредственным образом зависит возможность зачатия и беременности, имеют среднюю продолжительность лунного месяца, то есть 28 дней).

Лунный мир

Чтобы лучше понять принадлежность отдельных животных, растений, камней к планетам в представлениях магов и астрологов древности, мы приведем цитаты из научных трудов

(например, о возникновении насекомых из гниющих веществ).

Большой эрудит и путешественник Агриппа Неттесгеймский констатировал: «Лунарными (то есть относящимися к Луне) среди всех стихий являются земля, вода, в том числе речные и морские воды, все влажное, соки деревьев и животных, прежде всего, белого цвета, яичный белок, жир, пот, слизь и другие жидкости тела. За ними следуют кровь и месячные очищения, благодаря чему маги могут сотворить немало чудесного и странного. Если говорить о вкусовых ощущениях, то к Луне относится все соленое и невкусное».

Металлы: серебро.

Камни: хрусталь, марказит, имеющий серебряный цвет. Все белые и зеленые камни, куда, естественно, относят селенит или лунный камень, имеющий медово-желтый блеск и белый на просвет. Этот камень не только имеет форму луны, но и отражает ее ежедневное приращение и убыль. Жемчуг, что возникает в раковинах моллюсков из водяных капель. Берилл.

Растения: селенотроп, который поворачивается к Луне, подобно тому, как подсолнечник обращает свою головку к солнцу. Пальма, которая каждый месяц дает новые побеги. Иссоп. Маслина. Вообще, все растения набирают соки и силу с ростом Луны и становятся слабее, когда Луна убывает, за исключением луковичных, которые относятся к Марсу (они противоположны по фазе убыванию и приращению Луны).

Животные: среди животных к Луне относятся те, которые охотно живут рядом с человеком и которым свойственны различные естественные симпатии и антипатии, например, собаки всех пород (у них явно бывает различное настроение). Хамелеон, принимающий краски предмета, на котором он лежит (подобно меняющейся натуре Луны, которая, в зависимости от знака, в котором она находится, согласно астрологической науке, меняет природу своего действия). Свиноматки. Оленихи. Козы.

Все звери, которые следят за ходом Луны и подражают ей, например, собакоголовые обезьяны и пантера. Кошки, глаза которых после новолуния расширяются или сужаются. Гиены, которые меняют свой пол и могут быть заколдованными. Все животные-амфибии, которые могут жить и на суше и в воде, а также бобры и выдра. Вообще все звери, охотящиеся за рыбой. Сюда же относятся все чудища и звери, порождаемые незримым семенем или неведомым образом, например, мыши, которые возникают из земной гнили.

Из птиц лунными считаются гуси, утки, гагары и все водоплавающие, а также птицы, кормящиеся рыбой, например, цапли. Сюда же относятся птицы, которые возникают неизвестным образом.

Такими существами неизвестного

происхождения являются, например, осы, которые появляются из лошадиных трупов, пчелы, которые вылетают из разложившихся коров, мошки — из порченого вина и жуки — из ослиного мяса. Луне особенно соответствует двурогий жук, которого называют скарабеем: ведь он закапывает шарик и оставляет его на 28 дней, пока Луна не пробежит по всему звездному кругу. Но на 29 день, когда жук чувствует соединение планеты с Солнцем, он вновь откапывает свой шарик и бросает его в воду, а из шарика выползают молодые жуки.

Рыбы: рыба-кошка, глаза которой следуют за сменой Луны. А также всякие другие, на которые оказывает влияние движение Луны, например, трясучий скат, рыба-прилипала, рак, устрица, моллюски и лягушки.

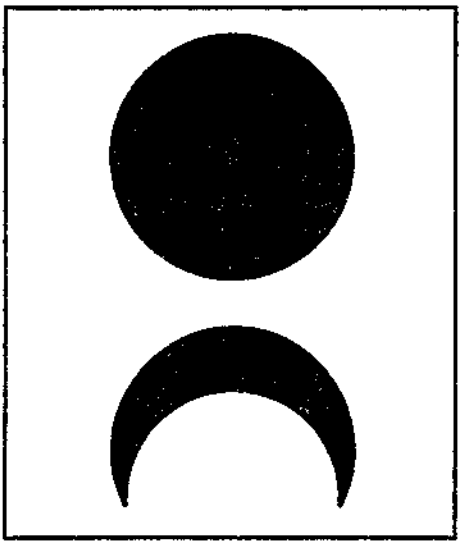
Местности: Луна владеет пустынями, лесами, скалами и большими камнями, горами, чащами, источниками, водохранилищами, реками, морями, берегами, кораблями. Лунная богиня «блуждает» по рощам, ей подвластны также большие дороги и амбары, где в закромах хранятся фрукты. (Интересно отметить, что в немецком издании Агриппы Неттесгеймского Луна нарисована как мужчина, ведь слово «луна» — der Mond — в немецком языке мужского рода, но в латинском издании изображена женщина. Агриппа трактовал созвездия, пользуясь прежде всего сведениями античных авторов, а у них утренняя заря всегда выступает как великая богиня).

Лунные люди и чем они характеризуются

В старинных учебниках по астрологии народ, который описывается как «лунный», характеризуется, главным образом, отрицательно. Это люди «ненадежные, самовлюбленные, непостоянные». Они трусливы, бесполезны, смутьяны, а то и просто дураки и глупцы.

Тут нельзя отделаться от впечатления, что мы имеем дело с демонизацией самой женской из планет, с явлением, характерным для переживающей упадок античной цивилизации, а также и для Европы начиная с позднего средневековья.

Такое отношение идет рука об



ментами воды и земли,— все они в своих занятиях «советуются» с Луной.

Если Луна показывает свою «темную сторону», то в этот момент начинают действовать люди, которые пытаются злоупотреблять своей силой, обращать ее во вред людям, то есть занимаются «черной магией»: насылают порчу, вызывают преждевременные роды, делают людей бесплодными.

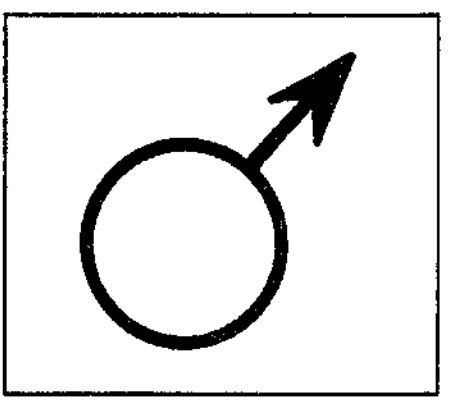
Подобные злокозненные «науки» отображаются в виде полной луны черного цвета (черной окружности) или черного серпа с обращенными вниз рогами — это перевернутая чаша, сосуд, из которого поэтому вытекает вся природная благодать.

руку с возрастающим презрением к большинству женских профессий, завершившимся войной против «ведьм», то есть против женщин, которым древние авторы, да и народное суеверие наших дней приписывают «поклонение Луне».

Если, согласно народным поверьям, Луна «управляет» всеми изменениями и превращениями в природе, такими как менструация, беременность, подъем и опускание воды не только в море, но и в реках и соков в растениях, значит, Луна (Диана) «владеет» и людьми, которые понимают толк в таких процессах. Халдейские цыгане, многие племена которых уже в нашем веке мигрировали с востока в Западную Европу, утверждают, что «мудрые женщины»: повивальные бабки, знатоки кореньев, из которых варят настойки для любви, зелье от хвори, от бесплодия, целительницы, которые пользуются в своей деятельности природными эле-

Астрологический символ Марса

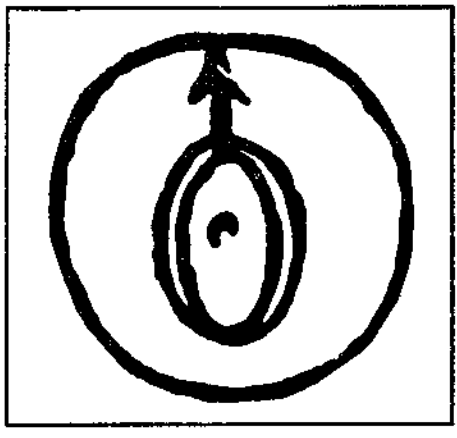
Если «человек, который следует закону Луны», видит мир в постоянном росте и увядании, то для «человека Марса» Земля — ристалище, поле вечного противоборства, бесконечной борьбы, активных действий. Металл Марса (он соответствует вторнику) — это, прежде всего, железо, без которого действительно невозмож-



но представить себе необходимое для марсианской жизни оружие, инструменты, кованые машины.

На картинах, на фигурах, украшающих фонтаны, Марс всегда предстает как человек, облаченный в металлический панцирь, с мечом или копьем в руке. Тем самым олицетворяется его астрологический или алхимический символ — это круг мироздания или цикла времени, из которого выступает стрела противостояния. «Наши дела, наша активность придают смысл жизни», — так утверждают и по сей день толкователи этого знака.

Если лунный серп — символ женского начала, то окружность, из которой выступает острие, часто становится символом мужского, активного действия: лук со стрелой, которые мы видим в руках богов любви Средиземноморья, а также Индии (Амур, Венера, Кама), — не что иное как соединение обоих символов, сопроницаемость женского с мужским, «извечный процесс, из которого все возникает, материальный мир, а также все идеи».



Мир Марса

Агриппа Неттесгеймский: «К Марсу из стихий относится огонь, равно как и все острое и обжигающее; из соков — желчь; из вкусов — горькие, острые, обжигающие язык и вы-

зывающие слезы; из металлов — железо, красная руда, а также все огненное, красное, сернистое».

Из камней: алмаз, магнит, кровавый камень, яшма, аметист.

Из растений: чемерица, хрен, редька, чеснок и тому подобное. «Все ядовитые растения, потому что в них в избытке заключено тепло, а также такие, которые вооружены колючками либо те, которые при соприкосновении с кожей вызывают жжение, покалывание или от которых вскакивают пузыри, например, чертополох, крапива, жгучий ломонос. Далее такие, от которых выступают слезы, например, лук, чеснок, горчица. И, наконец, священными для Марса являются все колючие кусты и деревья, например, терн.

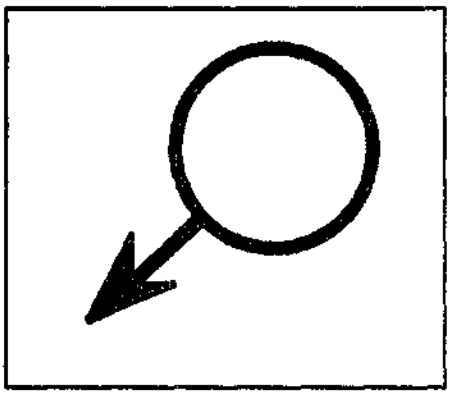
Из животных: «агрессивные, хищные, смелые и осмотрительные, такие, как лошадь, мул, козел, волк, пантера, дикий осел, а также ядовитые змеи и драконы, и все, что пре-

следует человека, например, блохи и комары... Далее все хищные, питающиеся мясом птицы, а также птицы, которые, как считают, предвещают смерть и несчастье, например, сова, сыч, лунь. А еще те, которые всегда голодны и гоняются за добычей, и те, которые каркают и издают сиплые звуки вроде ворон». К Марсу относят и дятла, потому что он стучит (и стук этот использовали в предсказаниях) либо потому, что его длинный изогнутый клюв напоминает оружие. Из рыб к Марсу относят «прожорливых и хищных», например, щуку, султанку, ската, морского волка.

Места: огненные и кровавые, например, печи, пекарни, бойни, кресты, виселицы, ристалища, пыточные камеры и подобные им.

Люди Марса и их занятия

«Они — превосходные воины, которые не боятся никакой опасности», — пояснял Георг фон Веллинг, который систематизировал астрологические и алхимические идеи последователей Парацельса и розенкрейцеров XVII века и который произвел неключительное впечатление на Гёте и поздних романтиков. Георг фон Веллинг идет дальше и считает, что благодаря этой планете и воплощенной ею мощи «рождаются смелые и мужественные люди, воители (капитаны мира): пылкие, яростные, носящие оружие люди, которые не любят подчиняться и презирают богатство». Они — выразители гордой свободной воли.

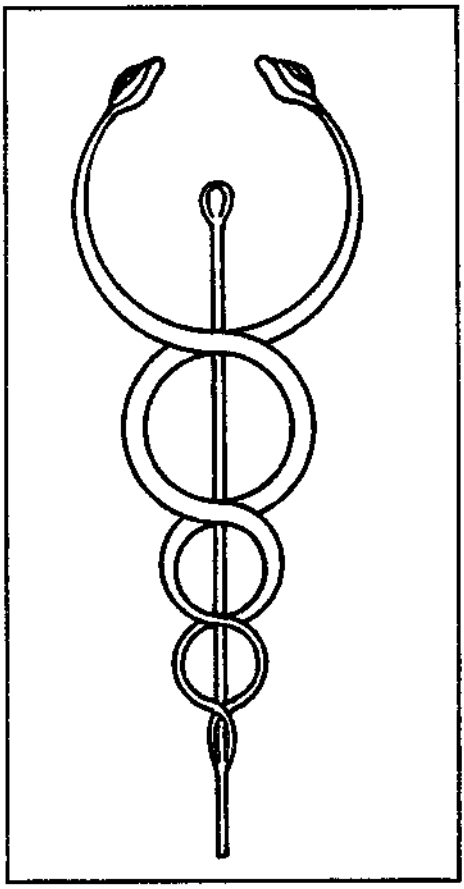


«Но если Марс расположен неудачно, — говорится в том же источнике, в человеке могут проявляться качества, которые прежде обозначали словом «недобрые», а теперь предпочитают обозначать понятием «асоциальные». В отрицательном смысле слова «марсианскими» являются люди, которые действуют напролом, пробиваются силой или хитростью, за счет других. Их активное агрессивное поведение не находит истинного оправдания.

В таком «отрицательном» случае возникают «негативные» марсиане, истинно жестокие люди, разбойники, кровожадные, склонные к колдовству, хвастливые, мстительные богохульники (кстати, под марсианским «кол-

довством» в средние века понимали изготовление «дьявольского» оружия, которое не давало противнику возможности защищаться «достойно и по-рыцарски»).

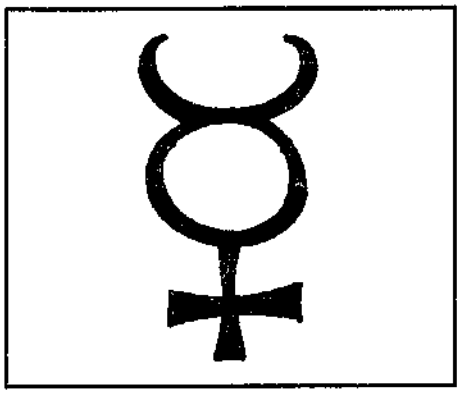
Для обозначения этих «обращенных во зло» марсианских сил и их слуг, всеми средствами стремящихся к власти и добыче, язык магии использовал следующий астрологический символ: стрела Марса указывала не вверх и вправо от того, кто смотрел на нее, а влево и вниз.



Астрологический символ Меркурия

Бог Меркурий в античности (а также у астрологов и алхимиков средневековья) изображался с крыльями на обеих ногах и на голове, это было олицетворение физического движения, как, впрочем, и полета духа.

Из металлов Меркурию принадлежит ртуть — изменчивый металл, который так сильно реагирует на холод и тепло. Меркурий (в греческой мифологии Гермес) — можно сказать, символ алхимии, и вообще всех древних наук, поскольку вся наука древности основывалась на вечном перемещении любознательного человека (путешествиях) по странам земли для собирания опыта и на неустанной передаче идей от одного человека к другому.



На старинных изображениях Меркурий носит магический жезл, вокруг которого обвиваются две змеи, их тела отходят друг от друга, но хвосты соединены и головы вновь обращены друг к другу. Это — также символ приобретения опыта путем познания противоположных сил, которые будто бы находятся в противоборстве,

но которые всегда должны быть, чтобы все возникало и существовало.

Знак Меркурия толковался как крест, символ мира, по верху которого располагалась петля с двумя рогами («змеиными головами!»), как обозначение противоборствующих, но образующих единство сил. Путь Меркурия, средней планеты (поэтому и день его — среда), это — возможность разумного, научного познания мира, возможность обосновывать свои действия, обогащать себя на основе накопленного опыта.

Мир Меркурия

«Меркурий один из всех элементов владеет водой, хотя он всему без различия придает движение, владеет соками, особенно смешанными; он управляет жизненным духом. А из вкусов Меркурий владеет разными смешанными и непривычными».

Металлы: ртуть, олово, висмут.

Камни: смарагд, агат, порфир, топаз и вообще многоцветные камни и такие, которые в природе являют пестрые фигуры. Равно как и минеральные вещества, которые создаются самим человеком, такие как стекло. А еще материалы, в которых желтое перемешано с зеленым.

Растения: копытень, наперстянка, пролесник, дымянка, майоран, петрушка, всякие растения с короткими и маленькими листьями, а также пестрые и причудливой формы.

Четвероногие: все звери с острым чутьем, хитрые, быстрые и такие, которые легко приучаются к человеку, например, собаки, обезьяны, лисы, ласки, олени и мулы. Двуполые и периодически меняющие свой пол, вроде зайцев, гиен и им подобных.

Птицы: по природе умные, подвижные, музыкальные и хорошо поющие, скажем, щегол, дрозд, в том числе черный и инжирный, жаворонок, соловей, деряба, попугай, сорока, ибис, фазан.

Насекомые: жук-единорог.

Рыбы: рыба-волчок, которая оплодотворяет сама себя, почему ее и зовут самкой-самцом. Скат из-за изворотливости. Кефаль, которая хвостом сбивает наживку с удочки. А

также коварный и многоцветный полип.

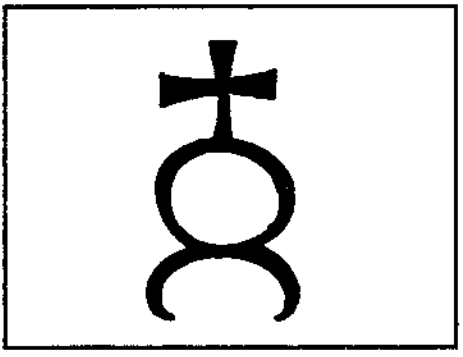
Места: мастерские, школы, торговые лавки, рынки и подобные им.

Люди Меркурия и их занятия

Меркурианцы склонны к научным занятиям и могут искусно применять свои знания «на практике». Не чужды они оккультных занятий. Они учены, хитры, осторожны. Особенно склонны к торговле, ко всякой хозяйственной деятельности. Люди Меркурия добиваются немалых успехов в музыке, живописи, скульптуре (а скульптора, художника и музыканта

нельзя представить себе без основательных знаний и практических навыков!).

Если свойства, которые в средневековой науке о характерах обозначались как «меркурианские», обернутся своей отрицательной, как говорили, «слабой», несовершенной стороной, то, по Веллингу, это непостоянные, коварные, лживые, злобные и склонные к воровству люди! А еще и та-

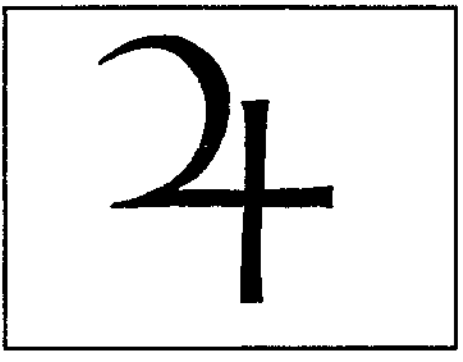


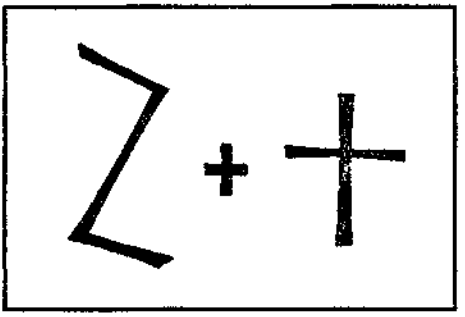
кие, которые выискивают «тайные» слабости у других и умеют извлекать для себя из этих слабостей, например, чувственности, немалую прибыль. В XVII и XVIII веках таких людей называли сводниками.

«Отрицательных меркурианцев» и их манеру использовать своекорыстно других людей обозначали символом Меркурия, повернутым на 180 градусов. Головы змей (или рога) в этом случае обращены вниз или, как говорили в прежние времена, «смотрят в преисподнюю, в ад, в Тартар».

Символ Юпитера

Бог-громовержец Юпитер предстает в мифах как царь богов Земли, подобно индийско-ведийскому, на

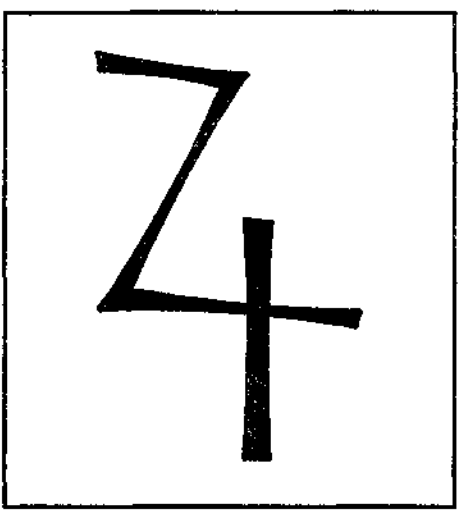




которого он похож и своими любовными приключениями.

В античности ему соответствовал день четверг. В немецком языке этот день соответствует их богу молний Доннару (отсюда — Donnerstag, четверг), а в английском — северогерманскому Thor'у — отсюда Thursday.

Металл — олово. Еще и в наши дни ученые-астрологи и предсказатели, которые опираются на предания кочевников-цыган, убеждены, что пить нужно из оловянных кружек, а есть — из оловянных тарелок, «и тогда вы всегда будете в чести у правителей и будете любимы и приближены ими».



Астрологический и алхимический знак Юпитера изображали часто в виде молнии, переходящей в крест, наподобие северогерманской руны «сиг», но без человечка с молотом, которого нередко можно обнаружить на скальных рисунках, и которого называют богом грома (Доннар, Тор) с молотком-молнией.

На старинных изображениях Юпитера, так же как и на изображениях индийского Индры, молния стилизована в скипетр и средневековые правители, как на Западе, так и на Востоке, держали в руках скипетр как символ власти, переданной им с небес.

«Человек Юпитера» видит «смысл мира» в организации общественной иерархической пирамиды, «божественного правопорядка», причем, верховный правитель своей добротой и праведностью стяжает сверху благодать и дарит ее всем стоящим внизу и взирающим на него.

Мир Юпитера

Юпитеру из стихий принадлежит воздух, из жидкостей — кровь, он же владеет жизненным духом и всем, что влечет за собой рост и питание. Из вкусовых ощущений за Юпитером — сладкое и приятное.

Металлы: олово, серебро и золото.

Камни: гиацинт, берилл, сапфир, смарагд, зеленая яшма и вообще все зеленые и красочные типы камней.

Растения: борода Юпитера (хлопковые цветы с серебристыми лепес-

тками), базилик, анхуза, цветки муската, лаванда, монстник, мастика, девясил, фиалка, плевел, белена. А еще такие деревья, которые считаются счастливыми, например, дуб, каштан, бук, орешник, тополь, фиговое дерево, груша, яблоня, виноградный куст, ясень, вишня, оливковое дерево, вообще все деревья, дающие масло. Кроме того, злаковые растения (ячмень, пшеница), а также изюм и сахар. Вообще все, что вкусно и сладко, и все, что имеет тонкий и острый вкус, например, орехи, миндаль, кедровые орешки, фисташки, фундук, корешки пеонии, ревень, манна.

Животные: все звери, отличающиеся достоинством и умом, которые легко приручаются и благородно себя ведут, например, олень, бык, слон. А также все кроткие звери, такие, как овца и ягненок.

Птицы: к Юпитеру относятся птицы со спокойным темпераментом, например, куры, куропатки, фазан, ласточка, пеликан. И еще аисты — птицы благородные и благодарные. А также символ императорских гербов и справедливости в сочетании с благосклонностью — орел.

Рыбы: дельфин и кит, характерный своей могучей державностью.

Места: всюду, где собираются высшие чиновники; трибуналы, кафедры, гимназии, школы. Всякие места, отличающиеся чистотой, благоуханием и блеском.

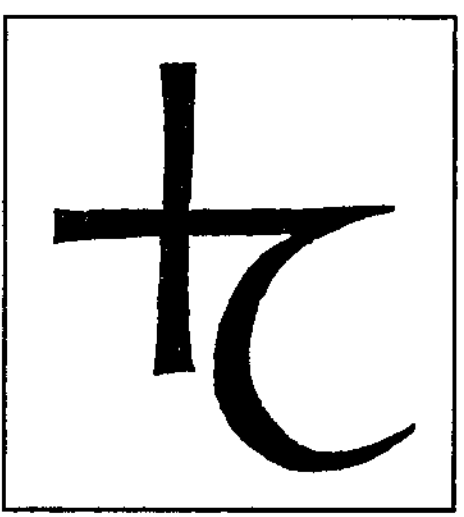
Люди Юпитера и их занятия

Юпитер, учил Георг фон Веллинг, «делает правителей честными, сосредоточенными, знаменитыми, откровенными, доброскловными (то есть приятными во всех отношениях для своих подчиненных и для окружаю-

щих — *С. Г.*), верными своему слову, благородными, надежными и щедрыми». Эти «высокие» представители «царской» планеты — «регенты, мысли которых устремлены к высоким идеалам», то есть они правят своими странами, основываясь на благородных примерах.

Сюда же относятся люди «серьезные и умеренные, которые хорошо знают, как вести свое дело, мудрые, добропорядочно живущие, откровенные, умелые».

Если Юпитер «дурно» расположен, то свойства этих людей обращаются в их противоположность, они перестают быть «откровенными и честными». Говоря современным языком, фон Веллинг относит сюда систему коррумпированной власти, людей, которые без зазрения совести используют свое положение в личных интересах и интересах «своих» сотрудников, ожидая от них вкладов в дополнительное личное обогащение. «Высокие слова», которыми они оправдывают свою власть, камуфлируют их дурные намерения, они сами не верят в то, что говорят, это для них — ширма, которая скрывает от простодушных исполнителей и подчиненных истинный смысл их поступков.

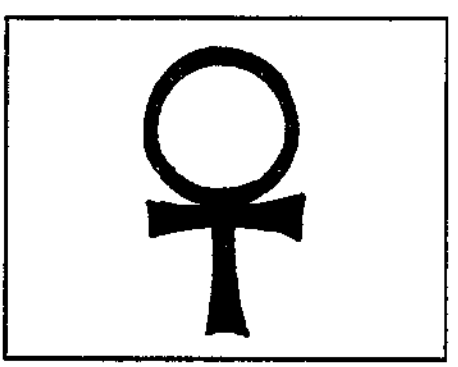


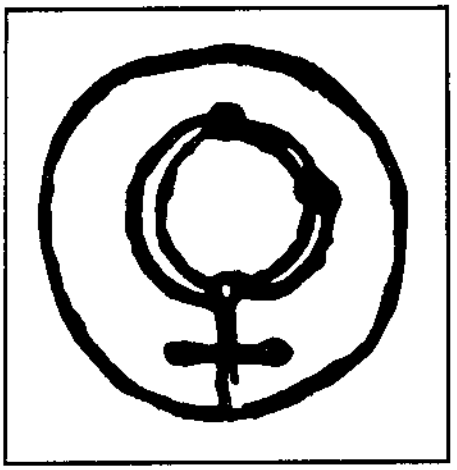
Предсказатели, обозначая таких «правителей», использовали «дьявольский», «демонизированный» знак Юпитера: перевернутый или стоящий на голове, во втором случае он до удивления схож со знаком «мрачного» Сатурна, который «часто означает разрушение и распад».

Астрологический символ Венеры

При попытке истолковать смысл символов, имеющих древнее происхождение, представляется невозможным рассмотреть все противоречивые теории их развития и происхождения. Знак Венеры — крест, переходящий в окружность,— часто истолковывали из египетского иероглифа анк, означающего жизненный ключ.

На средневековых изображениях, в частности, в эпоху Возрождения, влюбленного в искусство астрологической символики, да и в наши дни верхняя окружность напоминает зеркало, которое богиня Венера часто держит в руке.





«Человек Венеры» привержен, прежде всего, красоте, он эстетичен во всех своих поступках, он красив в своем жизненном стиле.

Интересно отметить, что и название металла, с которым сопряжено понятие Венеры, — медь, «купрум», происходит от названия «острова Венеры» — Кипра. В древности, в средние века, а для путешественников с Востока и в более поздние времена, именно здесь находилась страна богини любви и красоты, ведь Кипр был важнейшей перевалочной базой для товаров, относящихся к предметам роскоши, и через Кипр передавались в Европу идеи утонченной роскоши.

Мир Венеры

«Из стихий к Венере относятся воздух и вода, из жизненных жидкостей — наряду с кровью и спермой, также мокроты, из вкусовых ощущений — сладкое, жирное и приятное, из металлов — серебро, а также шафранно-желтая и красная руда» (Агриппа Неттесгеймский).

Камни: берилл, хризолит, смарагд, сапфир, зеленая яшма, сердолик, орлец, лазурит, и «всякие красивые, пестрые, белые или зеленые камни» (и кораллы).

Растения: вербена, фиалки, венерин волос, тимьян, валерьяна, сандал, кориандр, «все пряные растения». «Равным образом и все приятные и вкусные виды фруктов, сладкие груши, фиги, гранаты, которые, как утверждают поэты, вначале посадила на Кипре Венера. В особенности же Венере посвящены роза и мирт».

Животные: «Упитанные, шаловливые и ласковые, например, щенки и котята, кролики, овцематки, козы, а также козел, ведь он быстрее прочих животных вершит свой акт оплодотворения... А равно и бык в силу своей гордости, и теленок из-за своей шаловливой резвости».

Птицы: лебедь, трясогузка, пеликан, все они особенно любят своих птенцов. Далее для Венеры священны ворон и голубь, а равно и горлица... И еще воробей... А египтяне называли птицей Венеры еще и орла, всегда расположенного к любви: иной раз орлица на дню оплодотворялась

уже дюжину раз, но она подлетает снова и снова, стоит призывно проклекотать орлу.

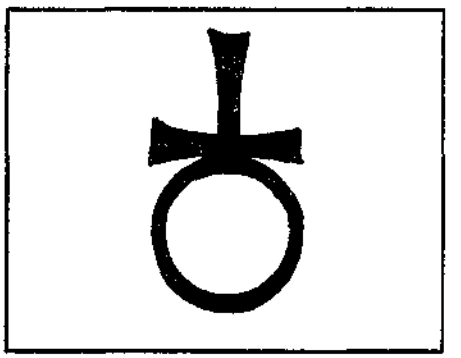
Рыбы: такие, которые известны своей похотливостью, любовью к своим малькам, равно как и такие, что имеют «пряный и приятный запах».

Места: укромные источники, зеленые луга, цветущие сады, цветочные клумбы, дома, где предаются любви, берега и курорты, танцевальные залы.

Люди Венеры и их занятия

По Георгу фон Веллингу, Венера порождает «красивых, статных любителей всяких увеселений». Они миролюбивы, щедры, снисходительны, склонны к затеям.

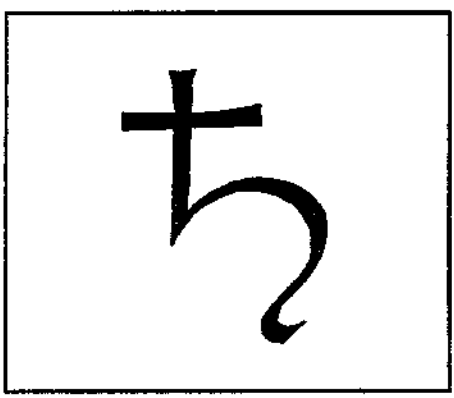
Они не любят свар и склок, благоговейны и сосредоточенны. Современные астрологи полагают, что их набожность проистекает из представления, что весь мир являет собой совершенное художественное произведение бога. Именно люди Венеры являются художниками, если под этим понимать способность придавать красоту своему поведению и окружающему тебя миру.



Если же влияние Венеры дурное, тогда люди Венеры — это только трусливые сладострастные натуры; развратники, прожигающие жизнь с потаскухами. Для обозначения этого пагубного влияния старый символ звезды ставили «на голову». «Это как будто перевернутое зеркало, в которое уже не хочется и заглядывать, потому что оно показывает человека только в его испорченном, пошлом, отвратительном виде».

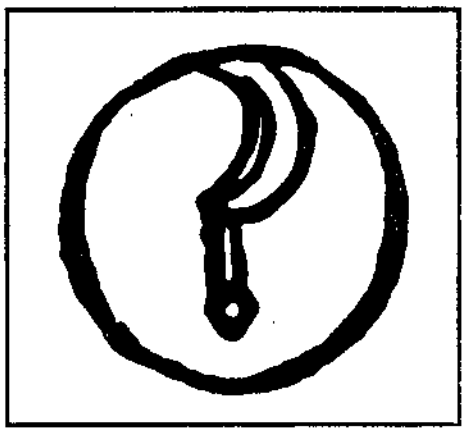
Астрологический символ Сатурна

Сатурн, планетный бог субботы (в английском языке день Сатурна, Saturday), дальше всех расположен от Земли, но из всех звезд особенно заметен наблюдателю.



Поскольку из всех видимых планет Сатурн имеет самую большую орбиту, то его движение кажется самым медленным. Не в последнюю очередь поэтому его металл — тяжелый и ядовитый свинец.

На изображениях Сатурн предстает в виде бога времени, который заставляет все умирать, делает преходящим. В руках он держит косу или серп,— наверное, знакомые всем образы «старухи-смерти с косой» восходят к древнему изображению этого мрачного планетного бога.



В отличие от существ, следующих за Луной, которые видят мир в вечном развитии, в подъеме жизненных сил, «дети Сатурна», планеты, стоящей в конце недели, видят жизнь как нечто печальное, меланхолическое, как постоянное погружение в старость, увядание, смерть. В некоторых течениях магических религий Карибского бассейна появляется «мастер Сатурн», «господин субботы» (барон Самди), как властитель всех враждебных живому знаний, «черной магии».

Дуга под крестом на самом известном астрологическом знаке Сатурна и сегодня понимается и как изогнутый нож, коса, серп — указание на то, что все в мире имеет конец, обречено на смерть.

Мир Сатурна

Здесь мы снова воспользуемся «оккультной философией» Агриппы Неттесгеймского: «К Сатурну из сти-

хий относятся земля и вода, из жидкостей — влажная черная желчь, как врожденная, так и появляющаяся со временем. Из вкусов — кислые, острые, неприятные. Из металлов — свинец».

Камни: оникс, сапфир, коричневая яшма, халцедон, магнит. Все бурые и черные почвы.

Растения: белокрыльник, рута, тмин, чемерица, зловонный девясил, мандрагора, мак. А еще такие, которые усыпляют, не несут плодов или дают черные плоды и ягоды, например черная смоковница — мрачная, с пряным вкусом и сильным запахом, с черной тенью и резкой смолой, обильно плодоносящая, также вечнозеленый плющ, которым в древности усыпали могилы, прежде чем положить туда труп (и именно поэтому на торжественных обедах можно было плести венки из любых трав, цветов и кореньев, но только не из плюща, потому что он возвещает печаль и не подходит веселью).

Животные: сатурнианскими считаются все ползающие, одиночные, печальные, ночные, склонные к созерцанию или совсем глупые животные. Но сюда относятся и жадные, боязливые, меланхоличные, неповоротливые, медлительные, нечистые, а также такие, которые пожирают своих собственных детенышей. К таким

Сатурн, властитель и патрон колдовства

животным относят крота, осла, волка, зайца, мула, кота, верблюда, медведя, свинью, обезьяну, дракона, василиска, жабу. Сатурнианскими являются и все ползучие и извивающиеся гады, скорпионы, муравьи, а также такие, которые рождаются из гнили в почве, в воде, в руинах разрушенных зданий (вроде мышей и всякого рода червей).

Птицы: с длинными шеями и крикливые, такие как журавли, страусы и павлины — священные птицы Сатурна и Юноны. А также филин, ночная сова, летучая мышь, удод, ворон.

Рыбы: угорь, что живет в стороне от всех прочих рыб. Особый род акулы, которая проглатывает своих детей. А равно и черепахи, устрицы, моллюски, морские губки и им подобные.

Места обитания: всякие дурно пахнущие, подземные, печальные и содержащие трупы, такие как кладбища, могилы, покинутые людьми, и разрушающиеся от старости дома. Мрачные и зловещие местности, одинокие гроты, пещеры и подземелья. А также рыбные пруды, лужи, болота.

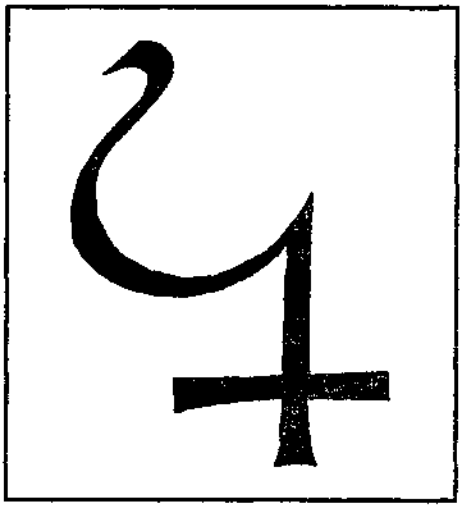
Люди Сатурна и их занятия

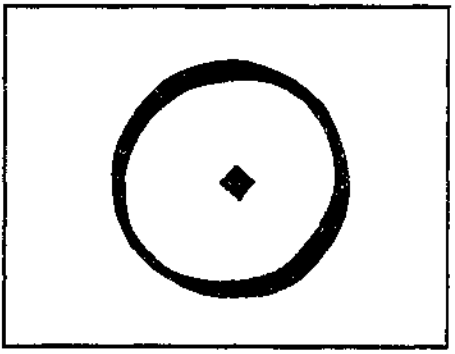
«Это — серьезные, почтенные, меланхоличные, задумчивые люди, любители тайных наук. Они скрытные, предпочитают одиночество, закрытые, неохотно следуют советам других и живут своим умом. Работоспособные, терпеливые, немногословные, властолюбивые, пекущиеся только о своем собственном удобстве. Они держат свое слово, но очень честными их не назовешь. Они любят земледелие и

горное дело. Им нравится быть повелителями и жить в замках. Если же планета Сатурн стоит дурно, тогда это люди недостойные, трусливые, для которых нет ничего святого» (Георг фон Веллинг).

Астрологи полагают, что под влиянием «отрицательного Сатурна» может сложиться мировоззрение, которое тяготеет к естественно-научному и экономическому материализму (в понимании сатурнианской религии), подобного типа мыслители утверждают, что мир — не что иное, как слепая бессмысленная игра природных сил, другими словами, хаос. Отсюда — нигилизм, представление о том, что нет ничего высокого, что умный и сильный имеет полное право беспощадно эксплуатировать слабого, всякого, кто оказался в его власти. Подобных людей и их взгляды знаток Тарот обозначает перевернутым символом Сатурна и называет его сатанинской вилкой или дьявольским крючком.

В прошлом (да нередко и в наши дни) с подобными представлениями было связано много суеверий и стра-





хов. Мы видим в этом лишь подтверждение известной истины, что злое не существует само по себе, «это — несовершенное, испорченное, слабо выраженное, деградировавшее добро», недаром пословица говорит, что дорога в ад вымощена добрыми намерениями.

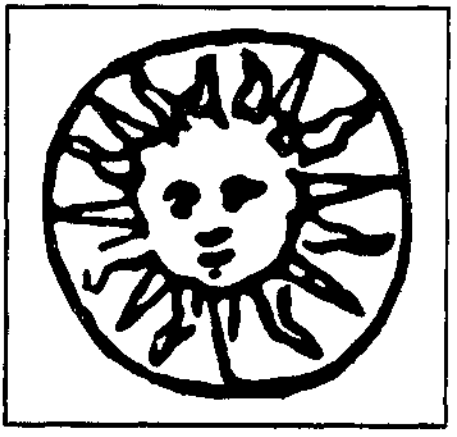
Астрологический символ Солнца

Круг с точкой посредине — вот знак Солнца, а также воскресенья. Металл его — золото, благороднейший из металлов.

Если шесть точек шестиугольной звезды (гексаграммы) означают шесть планет, то точка в середине — это Солнце, оно сообщает всем планетам свою энергию, то есть содержит в себе все силы и потому считается королем небес.

Круг — это мир и его круговращение, которое задает нам отсчет времени, именно движение Солнца определяет для человека понятия дня и года, им отсчитывается перемещение по зодиаку. Если люди других планет в своем действии являются «односторонними», то «человек Солнца» воплощает в себе все 6 откровений «дневных богов»: и понимание мира как бесконечного развития жизни, как борьбы без конца, как науки о превращениях, как величия порядка, как поиска полного счастья в прекрасном мире, как знания бренности и конечности всех вещей.

Будучи центром в хороводе планет, Солнце позволяет видеть круговорот всех возможностей: если бы мир был во власти только одной из шести основных астролого-алхимических сил, то он был бы юдолью печали. Мир



пестрый и разнообразный потому только, что все они в нем присутствуют, соприкасаясь, взаимодействуя и уравновешивая друг друга. После темного Сатурна вновь появляется ясная и благоприятная Луна, после умирания вновь побеждает жизнь. И чтобы понять это и утвердить созидание, между ними стоит Солнце — вечный символ озарения в мистериях различных религий.

Мир Солнца

«Из стихий солнечными считаются огонь и светлое пламя; из жидкостей — чистая кровь и жизненный дух, из вкусов — острые с привкусом сладкого».

Металлы: золото, которому Солнце придает укрепляющую сердце силу.

Камни: такие, в которых встречаются золотые точки — брызги солнечных лучей, например орлец, который помогает от обмороков и ядов. Камень этот — его еще называют «солнечный глаз», и он контуром напоминает зрачок, из центра которого выступает луч, — укрепляет мозг и лицо. Карбункул, светящийся в ночи, прогоняет все туманы и взвешенные в воздухе яды. В нежном, светлозеленом хризолите, если его держать против Солнца, мерцает золотая звезда. Хризолит укрепляет органы дыхания и помогает от удушья (если в таком камне просверлить отверстие и наполнить его ослиной шерстью, а затем привязать камень к левой руке, то он будет прогонять привидения, отгонит меланхолический страх и глупость). Радужный камень, который внешне очень похож на хрусталь и часто имеет шестигранную форму, собирает солнечные лучи и отсвечивает радугой на стене. Гелиотроп — такой же зеленый камень, как яшма или изумруд, только усеянный красными крапинками. Гелиотроп даст человеку, который его носит, стойкость, доброе имя и долгую жизнь, приносит славу. (Этот камень имеет еще одно волшебное свойство, а именно: человек, который носит гелиотроп, может, ослепив его сиянием другого, сделаться невидимым, что, однако, невозможно без помощи растения, которое называется, как и камень, гелиотропом!

Гиацинту Солнце дало силу бороться с ядами и чумными испарениями; человек, который носит при себе гиацинт, становится уверенным в себе и приятным в обращении с людьми, гиацинт помогает ему разбогатеть, он укрепляет его сердце и разум. Если же держать гиацинт во рту, это будет способствовать хорошему настроению. К солнечным камням относят также топаз, хризопраз, рубин. Да и солнечный пигмент и другие минералы светлой и золотистой окраски также принадлежат Солнцу.

Растения: те, что обращены к Солнцу, например подсолнечник, у которого после захода солнца лепестки сжимаются, а с восходом Солнца раскрываются снова, лотос, о солнечных свойствах которого говорят его плоды и листья. Солнечными растениями являются пион, цинанхум, энциан, ясеневый корень и вербена (она помогает предсказаниям и отгоняет злых духов). Священными для бога Солнца являются лавр, кедр, пальма, ясень, плющ и виноград — все, что прогоняет яды и молнии, остается вечнозеленым и не боится зимних холодов. Сюда же следует отнести мяту, мастикс, цитварный корень, шафран, бальзамин, желтый мед, алоэ, пряную гвоздику, корицу, аир, перец, ладан, майоран и розмарин, который Орфей называл солнечным благовонием.

Животные: все благородные и смелые животные, которые стремятся к победе и славе, такие как лев — царь зверей, крокодил, лиса, баран, козел, бык (король стада, египтяне посвящали его Солнцу). Солнечной является и песьеголовая обезьяна, которая ласт каждый час, то есть 12 раз на дню, а во время солнцестояния столько же раз испускает мочу; впрочем, она делает это и ночью, поэтому египтяне вставляли изображение песьеголовой обезьяны в водяные часы.

Птицы: феникс, орел (повелитель птичьего царства), также стервятник, лебедь и птицы, которые приветствуют восходящее Солнце песнопениями и криками, такие как петух и ворон. Далее ястреб, который, по египетским верованиям был символом духа и света.

Насекомые: солнечными являются все насекомые, подражающие действию Солнца, например светлячки, которые светятся в ночи.

Водяные животные: из всех них наиболее солнечным надо признать морскую корову, в которую никогда не ударяет молния. Также наперсточный моллюск и морское легкое, которые светятся ночью. Рыба-звезда, которая источает жар. И некоторые улитки с изогнутым домиком.

Места обитания: светлые и веселые, например, дворцы королей и знати. Сцены, театры, троны и вообще все торжественное и королевское.

Солнечные люди и их занятия

Солнце — самая совершенная звезда, и его знак (как и его металл — золото) указывает на людей с самыми лучшими чертами характера: темпераментные, мудрые, целомудренные, верные, надежные друзья. Люди Солнца весьма почитаются и высоко ценятся астрологами за их достоинства, они и сами высоко ценят людей, в которых могут обнаружить достойные черты.

Говорят, что их сны действительно сбываются, то есть их подсознание не заполнено низменными жела-

ниями и страхами. Как и Солнце, они распространяют вокруг себя все доброе, благодать во всякой мыслимой форме, они умеют пробудить в других лучшие задатки и дарования.

Знак Солнца — круг с точкой посредине, единственный среди семи символов важнейших планет, который нельзя перевернуть или поставить на голову. Солнце всегда доброе. Как сказал один предсказатель: «Можно представить себе, что солнце заходит, что мы не видим его из-за тучи или ночью, но в астрологии Солнце никогда не сочетается с мыслью о плохих воздействиях».

Двенадцать знаков зодиака

Четыре стихии астрологии.

Двенадцать знаков зодиака с древних времен разделяются по четырем основным астролого-алхимическим признакам, это всегда вначале огонь, потом земля, воздух и вода. Отсюда и соответствие сегмента из трех месяцев одному из основных типов поведения (темпераментов) земного создания по отношению к своему окружению.

Стихия «огонь» соответствует горящему, воспламеняющему все вокруг, берущему в плен волю и желания других. Такой человек старается наиболее полно раскрыть себя, утвердиться любой ценой. Это — олицетворение активной, бесконечно самоуверенной и постоянно возобновляющейся деятельности.

(Знаки Огня — Овен, Лев, Стрелец.)

Стихия «земля» соответствует осторожным, расчетливым, умело использующим все возможности людям, они понимают, владеют и контролируют все материальное, «земное».

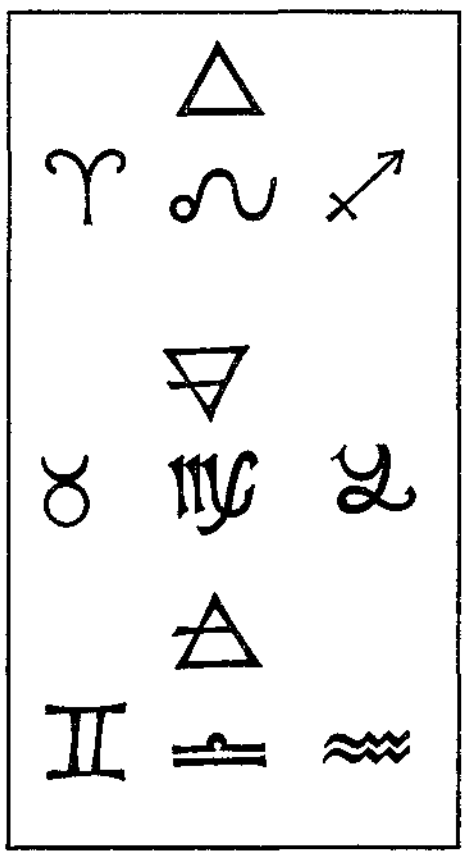
(Знаки Земли — Телец, Дева, Козерог.)

Стихия «воздух» соответствует порывистости, стремительным движениям души и тела в сочетании с умелыми и осмысленными действиями, всегда подчиненными желанию вести легкое, необремененное тягостями, веселое существование и не мешать другим жить.

(Знаки Воздуха — Близнецы, Весы, Водолей.)

Стихия «вода» соответствует любви к покою и миру, такой человек или даже целый народ хотят уйти от всех мировых напастей. Эти люди не стремятся к внешним проявлени-

Нострадамус — астролог и предсказатель



ям власти и могущества, а скорее — к накоплению внутреннего богатства, к своему душевному обогащению.

(Знаки Воды: Рак, Скорпион, Рыбы.)

Сила воздействия отдельных знаков зодиака (качество)

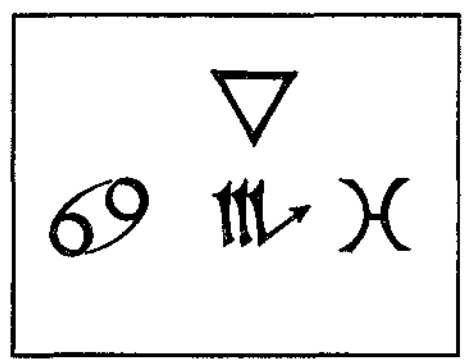
Астрологи древности подразделяли три знака, соответствующих каждому элементу, на три степени, в зависимости от их энергетической силы, в результате чего мы получаем тригон.

Малую (легко меняющуюся, изменчивую, слабую) силу обнаруживают Близнецы, Дева, Стрелец, Рыбы.

Энергия существ, у которых преобладает такой элемент, «поскольку они весьма неуверены в своей стихии и поэтому постоянно колеблются», очень ограничена, в своей деятельности они редко преуспевают.

Фиксированную (прочную, уравновешенную, стойкую) силу обнаруживают Телец, Лев, Скорпион, Водолей.

Люди этого знака умны и толковы, они стремятся к совершенствованию, к раскрытию всех своих возможностей, они стараются закрепить



достигнутое. Но их умственные способности и энергия оказываются недостаточными для того, чтобы рискнуть начать новое дело.

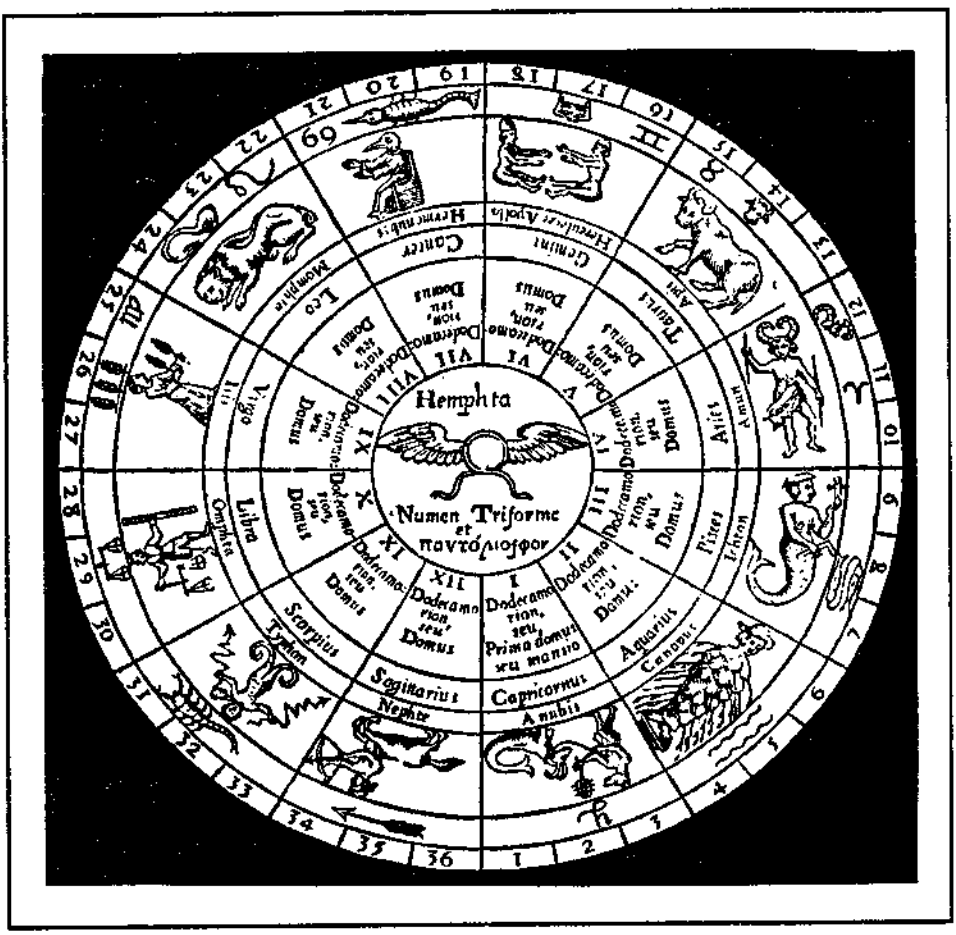
Главную силу стихий обнаруживают «кардинальные» знаки: Овен, Рак, Весы, Козерог.

Эти знаки раскрывают творческое разнообразие идей и дают толчок богатой, постоянно возобновляющейся энергии — способности без устали давать новые импульсы.

Планетарные дома

Наряду с делением по элементам и по трем ступеням энергии, которые соответствуют двенадцати различным типам, большую роль для астрологии (да и для суеверий, распространенных в Европе) играет соотнесение между знаками зодиака и планетами.

Только Солнце и Луна имеют собственные «дома», а именно Льва и Рака, потому что каждый из них занимает половину года: мужскую, пока Солнце поднимается до солнечного противостояния, и женскую, когда дни становятся короче и тьма ночи и Луна все больше начинают доминировать в сознании людей.



Знаки зодиака. (из книги: A. Kircher. Oedipus aegyptiacus, 1652)

Марс на мужской (восходящей) стороне имеет Овна, на женской — Скорпиона, Меркурий — Близнецов и Деву.

Юпитер — Рыб (восходящая, мужская) и Стрельца (нисходящая, женская половина года).

Венера имеет на мужской, активной, стороне в качества дома Тельца, на пассивной, женской, стороне — Весы.

И, наконец, дома Сатурна — Козерог и Водолей стоят рядом друг с другом. Поэтому Козерога, который расположен ближе к середине зимы, считают более относящимся к женской половине года, а Водолея, который ближе к солнцестоянию — к активной мужской половине.

Овен (Aries)

В эпоху Рыб: с 21 марта по 20 апреля*, в эпоху Водолея: с 21 апреля по 21 мая.

Афанасий Кирхер в своем знаменитом труде «Oedipus Aegypticus» (1652) характеризует Овна как сильного, прямодушного человека, который в каждой руке держит по жезлу — один жезл поднят вверх, второй обращен вниз (как изображается мир в аналогичном символе Тарот). Каждый виток развития, а Овен является его символом, будь то развитие отдельной человеческой жизни, развитие народов, культур, всегда имеет

Индийский бог огня Агни верхом на баране

две стороны и осуществляется за счет прежде существовавших состояний, за счет отмирания прежнего.

Человек с поднятым вверх жезлом и с изогнутыми рогами, которого Кирхер перерисовывает из старинных манускриптов, напоминает нам не только мастеров ночных шабашей в горах, о которых говорится в немецких и франко-бургундских преданиях о ведьмах, он имеет и определенное сходство с «шутом», «шпильманом» или «магом» на козырях карт Тарот.

Пара рогов Овна является для астрологов и астрономов тем знаком, который особенно характерен для этого животного, им обозначается начало весны, а в древних учебниках это было и символом скрытых в человеке душевных сил, уровня еще невыявленных познаний, умения отстраненно взглянуть на все феномены мира.

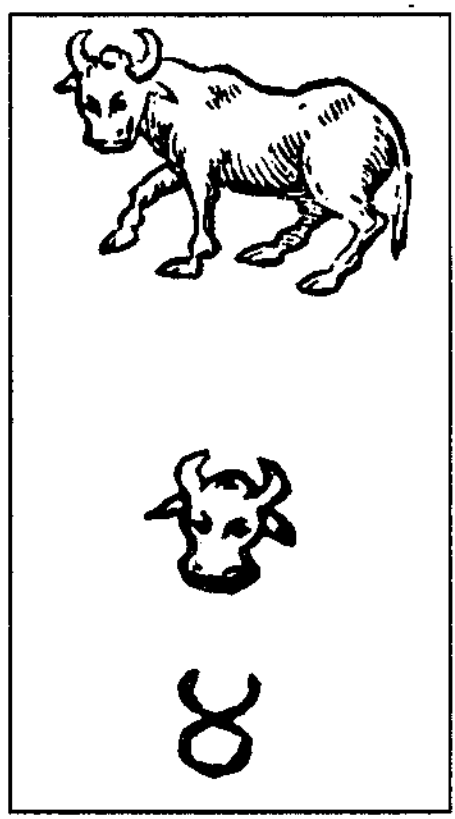
В индийской мифологии бога, который уничтожает все враждебное жизни, порождает все новое — Шиву, — сопровождают увенчанные рогами

*Имеется в виду, что в эту эпоху (началась около 150 г. до н.э. и заканчивается около 1950 — 2000 гг. до н.э.) Солнце находится в знаке Овна в период с 21 марта по 21 апреля, в эпоху Водолея (которая следует за эпохой Рыб) Солнце в знаке Овна с 21 апреля по 21 мая. *(Прим. ред.)*

животные — олени, косули, антилопы. Предтечей всех их был, по-видимому, Овен.

Части тела: согласно Георгу фон Веллингу, который систематизировал все эти учения, как мы уже говорили, в том числе основные положения последователей Парацельса, теософов и розенкрейцеров XVI — XVIII веков (они широко использовались романтиками XIX века), знаку Овна соответствуют голова, глаза, уши, лицо.

Характеристики знака: огненный, кардинальный, дом Марса (Солнце в асценденте).



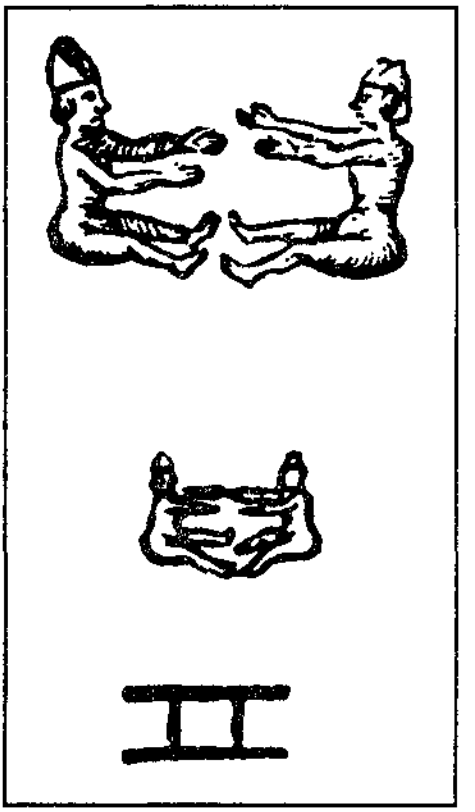
Телец (Taurus)

В эпоху Рыб: с 21 апреля по 21 мая, в эпоху Водолея с 22 мая по 21 июня.

В настоящее время для этого знака все еще используют символ «окружность с двумя рогами», то есть безусловно стилизованная голова быка. Сведущие в астрологии египтяне особенно почитали священного быка (Аписа). В этом символе ученые видели указание на то, что египетская культура возникла во времена Тауруса. То есть если исходить из того, что мы живем в начале эпохи Водолея, то, следовательно, эпоха Тауруса была 4-6 тысячелетий тому назад.

Части тела: к Тельцу относят шею, горло, затылок, гортань.

Характеристики знака: земной, суцедентный, дом Венеры (Солнце в асценденте).



Близнецы (Gemini)

В эпоху Рыб: с 22 мая по 21 июня, в эпоху Водолея: с 22 июня по 22 июля.

Как первичный образ Кирхер выбирает здесь две человеческие фигуры, которые сидят напротив и протягивают друг к другу руки и ноги, астрологи усматривают в этом знак любви ко всему живому, стремление воссоединиться, которое с особой энергией одолевает все существа весной.

В индийском тантризме можно найти примерно такое же изображаемое положение (некоторые последователи религии охотно воплощают его в натуре). Это — асана — символ мистической оболочки, который говорит о том, что когда некая пара соединяется таким образом, то их видимая близость отображает более глубокое — духовное — единение, отчего им посылается сверху поощрение и благодать.

И действительно: в индийском зодиаке знак Близнецов (митхуна) изображается в виде обнимающихся юноши и девушки. В народе иногда усматривали в них божественного героя Кришну и его вечную возлюбленную, прекрасную пастушку Радху.

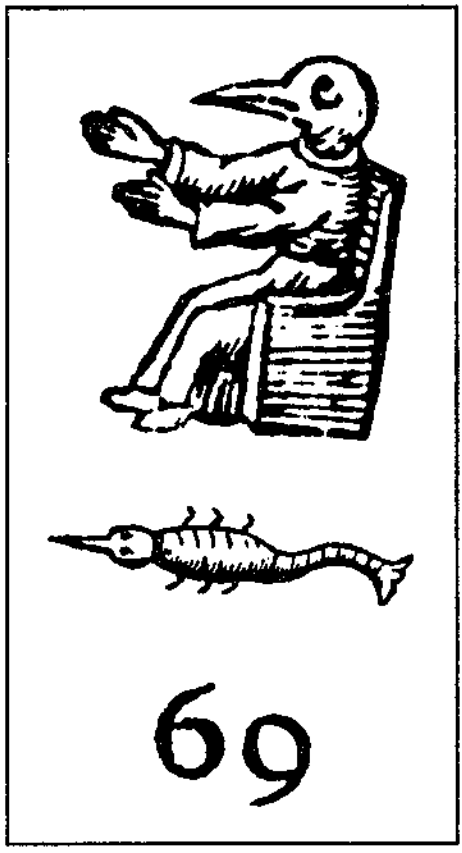
Части тела: к Близнецам относят все парные части тела, такие как руки, ноги, плечи, подмышки.

Характеристики знака: воздушный, подвижный, дом Меркурия (Солнце в асценденте).

Рак (Cancer)

В эпоху Рыб: с 22 июня по 22 июля, в эпоху Водолея: с 23 июля по 23 августа.

Кирхер видит здесь образ египетско-греческого бога Германубиса, которого он рисует по известным ему иероглифам как сидящего человека с поднятыми вверх руками. Это должно означать, что Солнце достигло высшей точки на небосклоне, и силы его подъема и спуска находятся в равновесии. К этому времени завершается сезон прибавления светлой части дня и тепла, начинается более темная и холодная часть месяца.



Предсказатели из старинных родов кочевников, эзотерики, гадатели по картам Тарот истолковывают это изображение, исходя из сути самого членистоногого — как известно, напуганный рак, пятясь назад, лезет в воду. Таким образом, это был бы символ Солнца, которое после середины года прекращает «продвижение вперед» и начинает пятиться назад в «море ночи».

Части тела: грудь, легкие, печень, селезенка, желудок, почки.

Характеристики знака: водный, кардинальный, основательный, дом Луны.

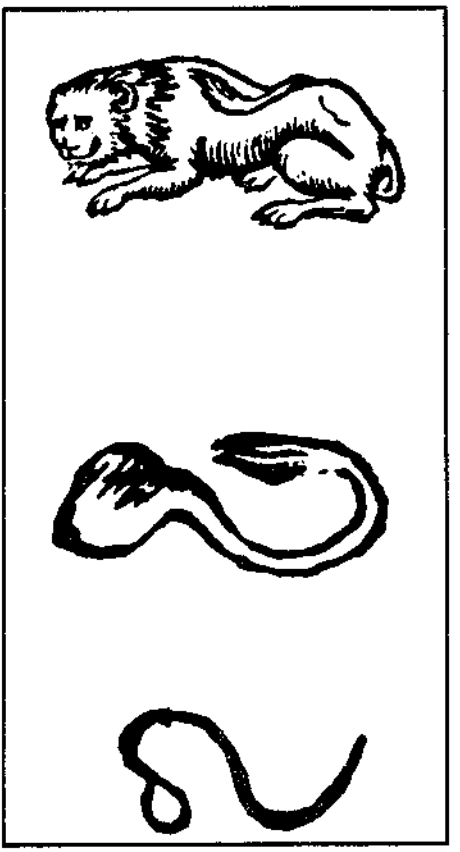
Лев (Leo)

В эпоху Рыб: с 23 июля по 23 августа, в эпоху Водолея: с 24 августа по 23 сентября.

В символе Льва Кирхер увидел изображение его хвоста, лев, лежа на земле (Земля ведь — его стихия), положил хвост себе на спину.

Лев был символом победы солнечной силы, которая поздним летом достигла максимальной мощи. Все другие животные (знаки зодиака) склоняются перед этой силой, однако, когда жара достигает своего предела, она может стать опасной для всего живого.

Части тела: древние относили ко Льву сердце, спину, бока, живот и нижнюю часть желудка.



Характеристики знака: огненный, постоянный, дом Солнца.

Дева (Virgo)

В эпоху Рыб: с 24 августа по 23 сентября, в эпоху Водолея: с 24 сентября по 23 октября.

Кирхер приравнивает Деву к египетской богине жизни Исиде и видит в знаке зодиака трехкратный колос — символ божественного благословления роста и приближения осени.

Части тела: к Деве относят нижнюю часть живота, диафрагму и внутренности желудка.

Характеристики знака: земной, подвижный, дом Меркурия (Солнце в десценденте).

Весы (Libra)

В эпоху Рыб: с 24 сентября по 23 октября, в эпоху Водолея: с 24 октября по 22 ноября.

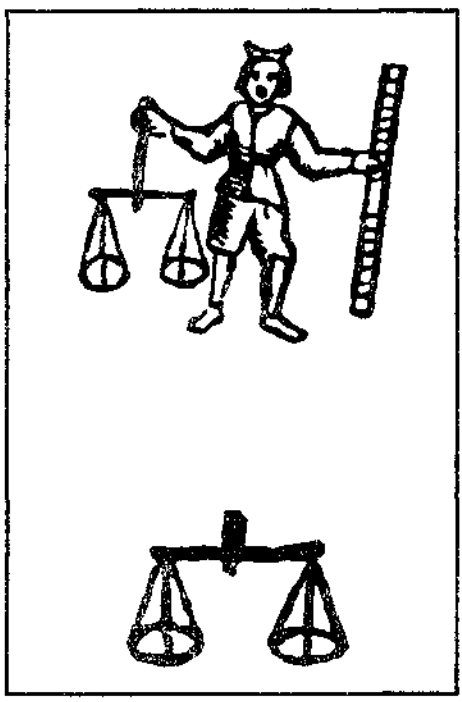
Если в поднятых вверх рогах Овна видят равновесие и приближение весны, то в астрологическом символе

Весов усматривают равновесие, уравнивание дня и ночи.

В то же время равновесие дня и ночи весной означает победу Солнца над зимой, призыв к новым делам нового года, а равновесие дня и ночи осенью есть знак завершения расчетов со всеми деяниями в этом году; знак обозначает урожай, обилие или скудость которого покажет, как удастся перезимовать. Отсюда и весы — знак справедливости.

Части тела: к Весам относятся важнейшие части нижней половины тела, такие как пах, пупок, почки, мочевой пузырь, нижняя часть живота.

Характеристики знака: воздушный, кардинальный, дом Венеры (Солнце в асценденте).

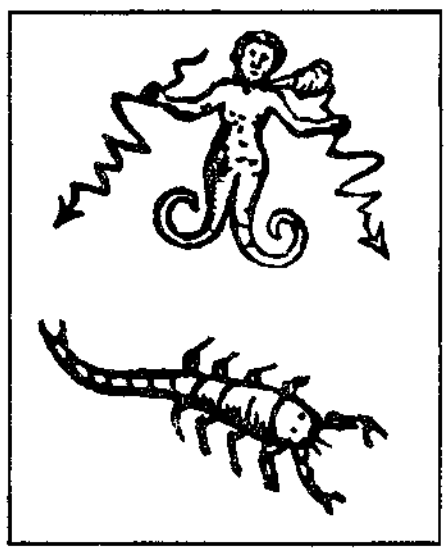


Скорпион (Scorpio)

В эпоху Рыб: с 24 октября по 22 ноября, в эпоху Водолея: с 23 ноября по 21 декабря.

Кирхер видел здесь образ египетского Тифона, который в поздней античности занимал религиозных философов всего Средиземноморья. Христианские писатели взяли его черты для изображения дьявола, ведь, согласно мифу, темный Тифон (Сет) убивает своего светлого брата Осириса — доброго повелителя Земли. Потом богиня любви Исида спасает Осириса и мстит властелину тьмы руками героя и врачевателя Гора.

Кирхер рисует Тифона с ногами, которые заканчиваются телами двух змей, и с руками, которые по обеим сторонам тела изливают разрушение: стрела указывает вниз, а, по астрологическим представлениям, это — знак месяца смерти, поэтому его можно понимать также и как ядовитый хвост Скорпиона.



Старая легенда, которая теперь уже известна всем, рассказывает, что на склоне жизни, когда жизнь ему уже не в радость, Скорпион убивает самого себя (а иначе, по народному поверью, он вообще жил бы вечно). И это можно понимать как почти полное умирание солнечной силы поздней осенью.

Части тела: к Скорпиону, по Георгу фон Веллингу, относятся детородные органы, оконечная часть мочевого пузыря и ягодицы.

Характеристики знака: водный, неподвижный, дом Марса (Солнце в десценденте).

Стрелец (Sagittarius)

В эпоху Рыб: с 23 ноября по 21 декабря, в эпоху Водолея: с 22 декабря по 20 января.

Для этого знака Кирхер рисует кентавра, человека с телом лошади, который победоносно устремляется на битву, накладывая стрелу на тетиву своего лука.

Стрела — знак Стрельца, такой же символ мужской потенции, как и античный кентавр. Здесь, без сомнения, усматривается связь средиземноморских мифов с индийским представлением о Калки и о Вишну — божественном предержателе мира, который в виде непобедимого всадника или кентавра обращает в бегство все темные силы.

В Стрельце для астролога олицетворяется возрождение новой солнечной силы, восстановление и новое начало теплого и светлого времени года.

Части тела: к Стрельцу относятся, как правило, паховые области и часть ноги выше колена. Поскольку стрела — главная составная часть символа — явно напоминает символ Марса и вообще мужское начало, то знак Стрельца астрологами очевидным образом толкуется как мужской член.

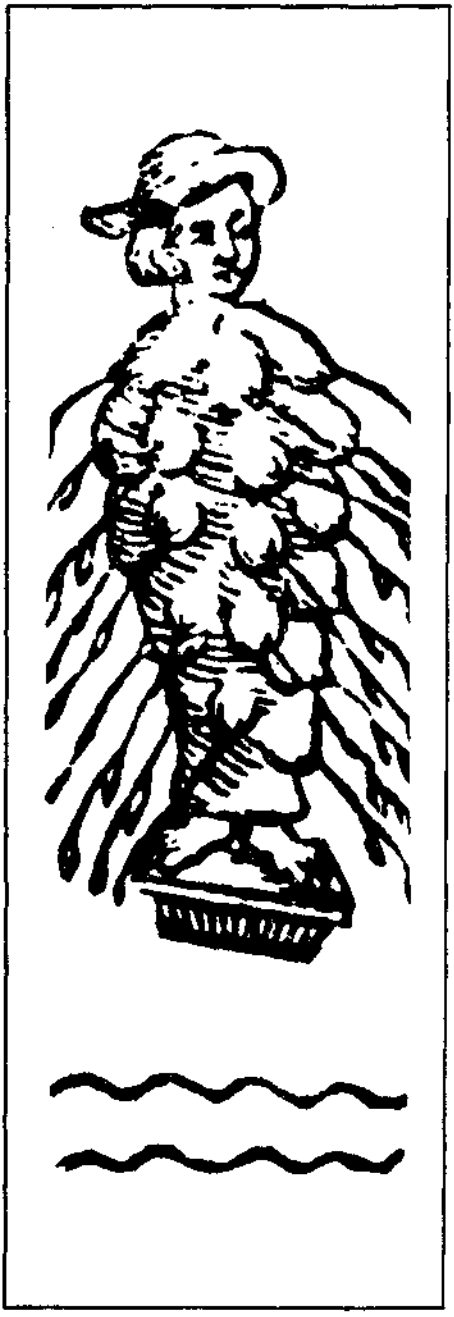
Характеристики знака: огненный, подвижный, дом Юпитера (Солнце в десценденте).

Козерог (Capricornus)

В эпоху Рыб: с 22 декабря по 20 января, в эпоху Водолея: с 21 января по 19 февраля.

На всех картинах этот знак зодиака изображается как чудесный гибрид с головой, рогами и передними копытами Козерога, однако с телом змеи, которое завершается рыбьим хвостом. Кирхер усматривал в астрологическом знаке этого лунного месяца стилизацию античного звездного мифа.

Козерога можно понимать как очевидный намек на Солнце, которое



снова начинает подниматься, тело змеи — указание на смену времен года, а рыбий хвост в воде — намек на то, что солнечная сила по большей части пребывает еще в темной глубине.

Части тела: Козерогу в человеческом организме соответствуют колени.

Характеристики знака: земной, кардинальный, дом Сатурна (солнечная сила незначительна).

Водолей (Aguarius)

В эпоху Рыб: с 21 января по 19 февраля, в эпоху Водолея: с 20 февраля по 20 марта.

В астрологическом знаке две волнистые линии, то есть отображение воды; некоторые толкователи видят в нижней линии мировой океан, а в верхней — землю с горами (или даже цветок лотоса), которая поднимается из вод первозданного океа-

на. То есть другими словами — картину сотворения мира.

Аналогичный смысл имеет и общее представление о Водолее: человек, жизнь поднимается на супу, то есть постепенно покидает темное время года, чтобы предаться своим занятиям в теплой половине года. В месяц Водолея проявляют себя первые признаки наступающей весны, для человека, который еще так тесно связан с окружающей его природой, это еще и наступающее каждый год чудо преображения Земли.

В индийской мифологии Водолея (Кумбху) охотно рисуют в виде юного мужчины с сосудом в руках.

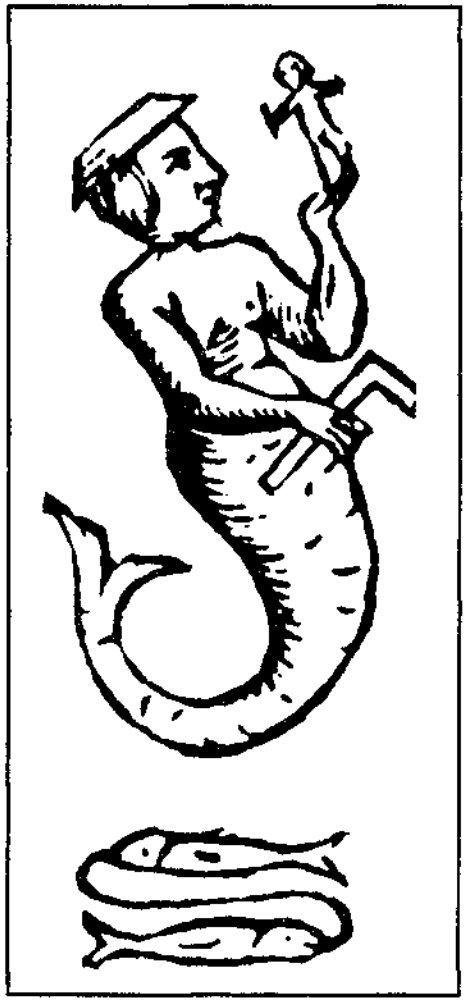
Части тела: знак Водолея «управляет» голенью и икрами.

Характеристики знака: воздушный, постоянный, дом Сатурна (Солнце в асценденте).

Рыбы (Pisces)

В эпоху Рыб: с 20 февраля по 20 марта, в эпоху Водолея: с 21 марта по 20 апреля.

Кирхер видел в прообразе знака египетское или эллинистическое изображение божества с рыбьим хвостом, которое в одной руке держит угольник (в виде трехгранного угломера с острием, обращенным вниз), другой же рукой приподнимает вверх человеческую фигурку. Тут, без сомнения, еще один символ зарождения мира, жизни вообще, более того — думающего существа (тригон трех знаков между началом прибавления дня зимой и весенним равноденствием дня и ночи кажется Кирхеру очень тесно связанным, ведь во всех этих случаях изображаются создания — гибриды водных и земных существ).



Этот знак зодиака часто охотно изображают в виде двух рыб, плавающих одна вокруг другой, — это символизирует движение в воде и жизненные силы, порождающие рост в новом году.

Части тела: к рыбам, по представлениям средневековья, по картинам эпохи Возрождения, а также по Георгу фон Веллингу, относят ноги,

пятки и стопы (астрологи иногда действительно так изображают обеих рыб, что они напоминают отпечатки двух ступней).

Характеристики знака: водный, переменный, дом Юпитера (Солнце в асценденте).

Литература

H. C. Agrippa v. Nettesheim, Magische Werke, Berlin 1916

Albertus Magnus, Das Buch der Versammlung, Strassburg 1508

J. S. Bailly, Histoire de lastronomie, Paris 1805

H. Biedermann, Handlexikon der magischen Künste, Graz 1968

F. Boll, Sternenglaube . . ., 4. Auflage, Berlin 1931

A. Crowley, Astrologick, Basel 1976

A. Drews, Der Sternenhimmel in der Dichtung . . ., Jena 1923

C. F. Dupuis, Origine de tous les cultes . . ., Paris 1795

R. Eisler, Weltenmantel . . ., München 1910

A. Frankhauser, Astrologie . . ., Bern 1928

J. Friedrich, Astrologie und Reformation, München 1864

G. A. Gregorius, Magische Briefe, Neudruck. Berlin 1980

W. Gundel, Sterne und Sternbilder . . ., Bonn 1922

W. Gundel / H. G. Gundel, Astrologumena, Wiesbaden 1969

W. Gundel, Dekane und Dekanesternbilder, Darmstadt 1969

Hartlieb, Buch aller verbotenen Kunst, Hrsg. D. Ulm, Halle 1914

A. Jeremias, Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, Berlin 1929

W. Kenton, Astrology, London 1974

A. Kircher, Oedipus aegyptiacus . . ., Rom 1652

A. Lehmann, Aberglaube und Zauberei . . ., Stuttgart 1898

C. Meyer, Der Aberglaube des Mittelalters . . ., Basel 1884

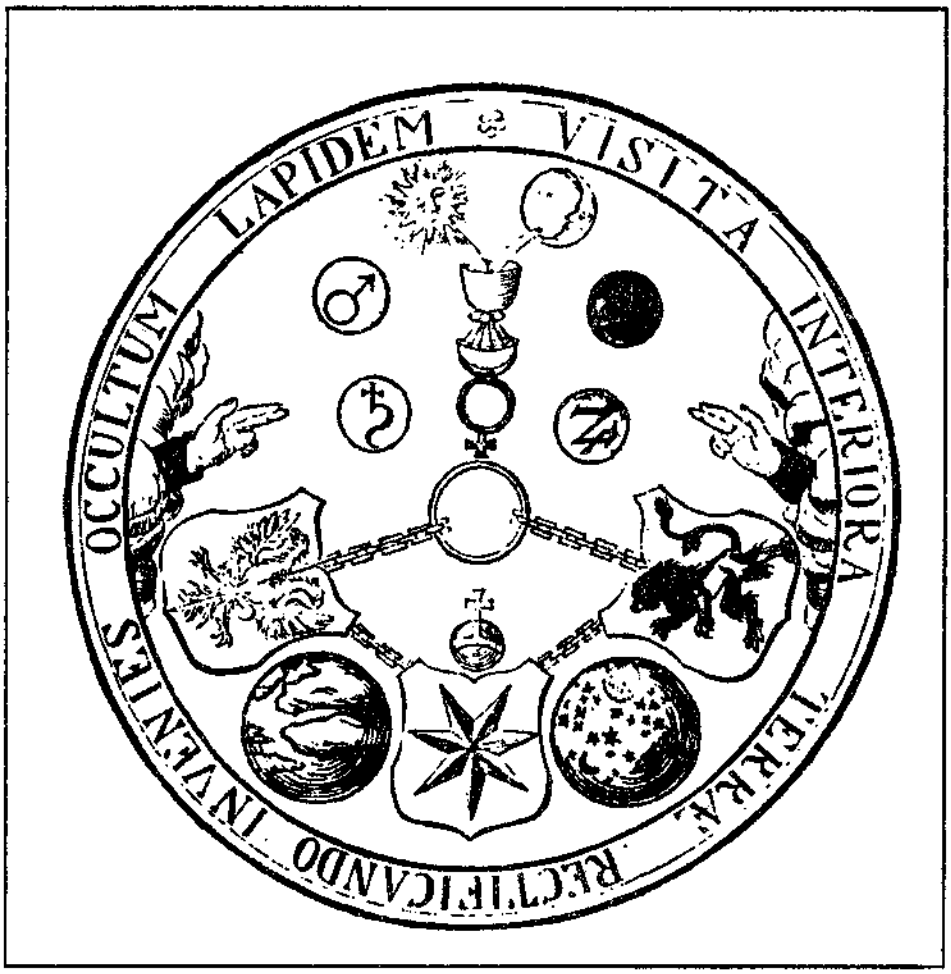
F. Nork, Der Festkalender, Stuttgart 1847

B. V. Raman, Hindu Astrologie, München 1938

L. Thorndike, A. History of Magic . . ., New York 1934–1958

G. v. Welling, Opus mago-cabbalisticum . . ., 3. Aufl., Frankfurt 1784

Символы алхимии



Алхимия, или герметические науки

Знаменитый маг Агриппа Неттесгеймский, которого мы знаем как ученого из ряда тех искателей истины, которые в конце эпохи средневековья попытались обобщить все научные данные, собранные в этот период, писал о воспетом алхимиками камне, который, подобно Мидасу, превращает все металлы в золото.

«Некоторые люди пытаются буквально истолковать рассказы и манускрипты о чудесных вещах и находят их малозначащими, надуманными и ложными. Между тем этот великий исследователь символов однозначно говорит: «Кто смеет брать на себя ответственность утверждать, что высказывания крупных и серьезных философов ложны? Нет, было бы тяжким обвинением упрекать их в этом. Другое дело, что смысл здесь не буквальный и принцип этих исканий следует усматривать не иначе как в нас самих — в нас живет дух, который вполне в состоянии сделать те чудеса и поразительные вещи, которые рассказывают о математиках, магах, алхимиках и некромантах».

В своих «Магических наставлениях» Парацельс требует от адептов герметической науки: «Вначале посмотри, изучил ли ты и действительно ли знаешь написание (начертание алхимических знаков), умеешь ли ими руководствоваться... Чтобы знать, как приступить к великому делу алхимии, молодой адепт древней науки должен уметь вызывать «все духи семи пла-

«Объединение противоречий» («Trésor des Trésors», 1620)

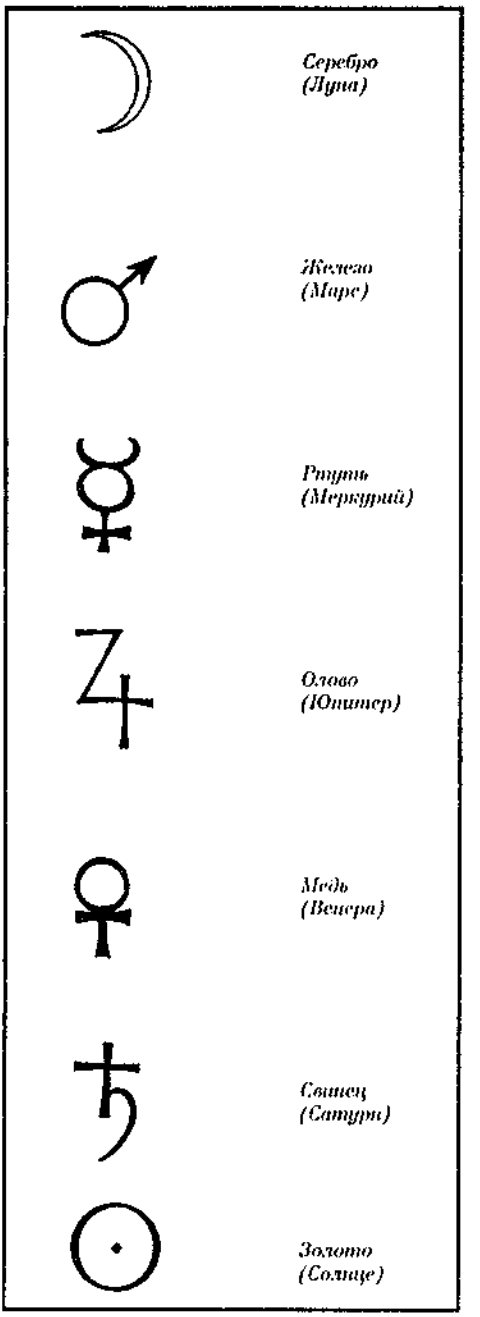
«Новый» морской царь из манускрипта: Salomon Trismosin. Splendor Solis, 1582

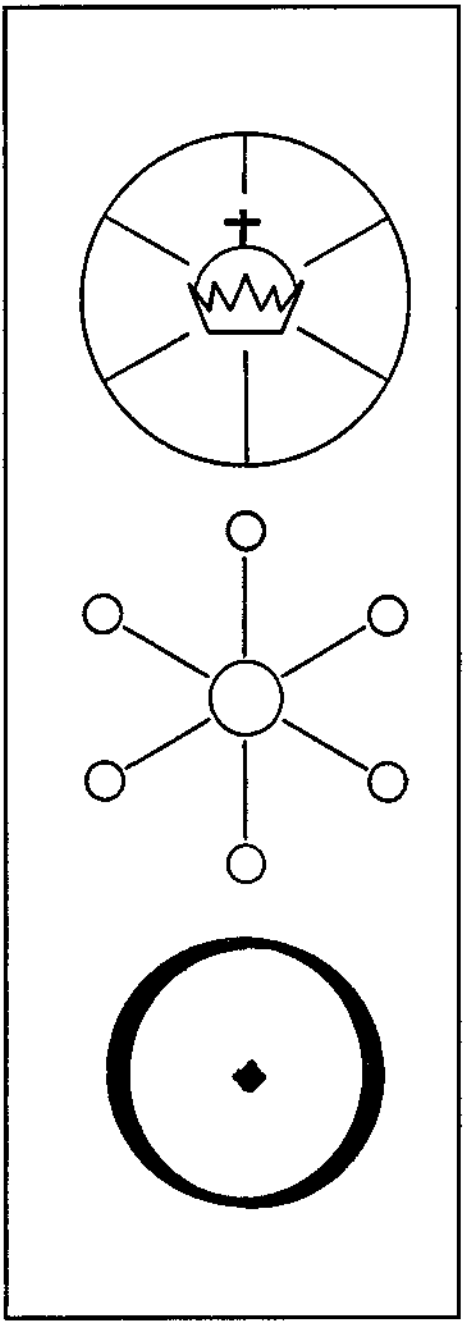
нет и металлов», и тогда они придут, явятся во всем своем дворянском, княжеском, графском достоинстве, и каждый — только в своей, ему одному присущей одежде». «Алхимия — это магический процесс, искатель истины погружается в нее, как в сказочный мир, и там ищет ответы на вопросы, обращенные к самому себе».

На обложке знаменитого труда Ламбспринка мы видим изображение средневекового дворянина с мечом на боку, со скипетром в руке и изображением орла на груди. Автор однозначно величает себя «немецким философом благородного состояния» и в предисловии еще раз подчеркивает, что он сам — свободнорожденный. В этом мы видим упор на то, что алхимия может быть понятна только абсолютно независимому человеку, обладающему необходимой глубокой эрудицией.

«Алхимия рассматривается ее адептами как королевское искусство, герметисты однозначно утверждают, что алхимия была занятием королей; Гермес, Гебер и другие праотцы алхимии упоминаются как принадлежащие к царским родам» (Зильберер). Нортон учил: «Еще в древние времена короли распорядились, чтобы свободными науками занимались только свободные духом люди, и тот, кто предастся этим наукам, должен посвятить штудиям всю свою жизнь. Поэтому древние называли свободные науки семью свободными искусствами, ведь тот, кто хотел совершенно владеть ими, должен был сам пользоваться неограниченной свободой».

Эти суждения побуждают нас усомниться в поверхностных заключениях, свойственных людям XIX века, когда в алхимии видели только детские попытки получить золото,





хотя и надо признать, что малообразованные и жадные «мастера котлов», появившиеся в новые времена, дискредитировали «герметические науки». Но и в это время находятся люди, подобно американскому исследователю Хичкоку и его последователю, тонкому мастеру психоанализа Зильберу (а затем и Юнгу), которые обнаружили в алхимии поразительное средоточие внутренних душевных процессов, трудностей и колебаний человеческой души.

Культура, пришедшая из Индии и Тибета, была хорошо знакома с колесом с шестью спицами, причем каждое возникшее поле означает определенный класс существ. Подобным же образом мы находим в известных «фигурах розенкрейцеров» круг состояний, причем каждое состояние соответствует планете или металлу: срединная точка соответствует «царю» — земному носителю высочайшего достоинства, среди семи планет это Солнце, среди металлов — золото.

По-видимому, вначале алхимия составляла совокупно с астрологией одну науку, как в Европе, так и на Ближнем Востоке и в Индии, и последующие искатели истины, будь то последователи Парацельса или теософы недавнего прошлого, видели смысл в утверждении этого единства. Принципиальная идея алхимии требовала, чтобы человек пустился в путешествие через «планетные царства», чтобы он прошел всю Землю, изучил все культуры и побывал в шкуре всякого гражданского состояния.

Все это должно было раскрыть многообразие и пестроту мира и не ставило задачу дифференциации человечества на высшие и низшие расы и классы в духе материалистической идеологии XIX столетия.

После осознания шести «планетных царств», металлов или типов человеческого поведения «искатели истины» открывали для себя многоликость мира и понимание его единства как общего и великого художественного произведения. При этом алхимики (герметисты) ставили в центр Вселенной, универсума, «царство Солнца», «золотой век».

Имеются многочисленные знаки для этого «золота философов», символизирующие результат исканий и обретений, но все они в конечном счете отображают знак Солнца.

Четыре стихии

Для человека, мыслящего алхимическими категориями, 4 стихии образуют крест, он же — мировой квадрат. Эта фигура может быть образована двумя парами основных состояний: горячее и сухое — холодное и влажное.

Огонь как раз горячий и сухой, вода — холодная и мокрая. Между ними находятся не столь противопоставленные друг другу элементы:

Земля = сухая и холодная,

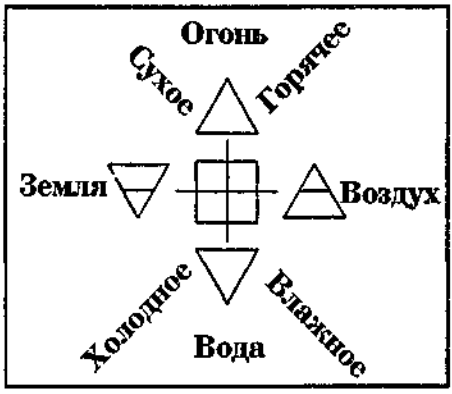
Воздух = горячий и влажный.

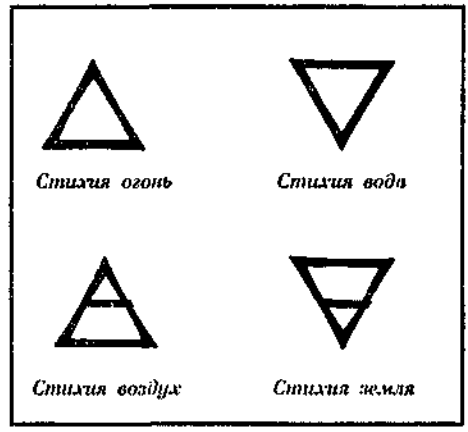
Ганс Рудольф Гримм (1665—1749) еще раз попытался обобщить связь между отдельными стихиями и круговоротом времен года, говоря о народном искусстве в барокко и рококо: «Четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля — каждая имеет свое время правления, например, от полуночи до восхода солнца правит Земля».

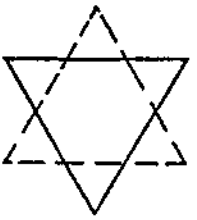
Здесь имеются различные параллели и связи, о которых упоминают последователи Парацельса. Например (в соответствии с учениями Тарот), можно привести такую таблицу:

Воздух	Восток	Весна	Утро
Огонь	Юг	Лето	День
Вода	Запад	Осень	Вечер
Земля	Север	Зима	Ночь

Обычно четыре времени года определяются по различным признакам, в которых отражаются народные поверья: весна — время ветров, прогоняющих снег, и до грозовых дождей,







оплодотворяющих землю, от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния; «огненное» лето — от летнего солнцестояния, самой короткой ночи в году, которая у европейских народов отмечается праздниками рождения Иоанна Крестителя, когда на вершинах гор жгут костры, до осеннего равноденствия; затем осень, «когда текут дожди и земля выказывает свое плодородие», — от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния, и, наконец, зима, которая подготавливает рождение всех проявлений жизни предстоящего года.

И здесь мы вновь видим перекличку с индийским учением о четырех «локапалах», властителях четырех основных сторон света (лока — мир, свет): Индра — прекрасный бог грозы и воздушных дворцов, населенных прелестными феями и играющими на музыкальных инструментах эльфами, правит востоком; Агни, бог огня, правит югом; Кубера, хранитель земных сокровищ и правитель кобольдов (они очень похожи на наших гномов), правит севером, и, наконец, Варуна — морской царь — правит западом, где солнце вечером погружается в морскую пучину.

Четыре царства и населяющие их существа

Парацельс, который всегда стремился совместить народные предания

Рюбецаль в образе гиганта (L. Richter)

и тайны алхимиков (в его время как раз начали преследовать ведьм и предавать анафеме все древние верования), очень много писал о тех существах, которые населяют царства стихий: живущих в воде он, вслед за античными и средневековыми немецкими авторами, называл ундинами или нимфами, живущих в земле — гномами или пигмеями, живущих в воздухе — сильфами, а также сильвестрами (лесными людьми), живущих в огне — саламандрами или вулканами.

Парацельс, живший во времена Реформации, требовал от своих учеников самим проникать в суть историй, которые они читают: «Ходите по земле, бродите по лесам, наблюдайте и размышляйте о сути тех вещей, о которых вам довелось прочитать».

В трудах розенкрейцеров можно найти учение о тайнах четырех царств, особенно известны, по крайней мере современным оккультистам, исполненные галльского юмора труды графа Кабали (под этим псевдонимом

Саламандра. Из книги: M. Majer «Scrutinium Chymicum» 1687

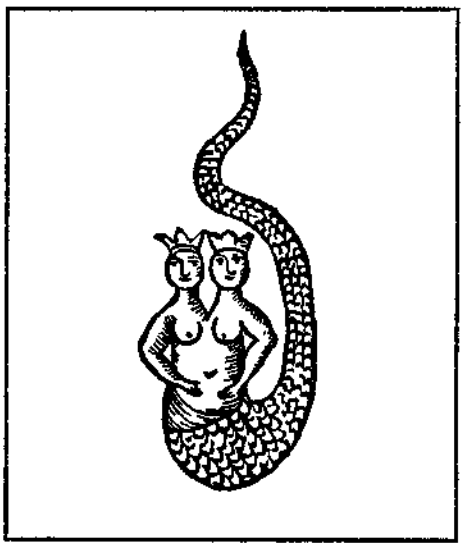
Рюбецаль, считающий свеклы. Из книги: L. Richter. «Rübenzählen»

скрыто имя реально существовавшего мудрого рыцаря из восточной Германии или даже Венгрии). Задумаемся над тем, что без мифов, собранных алхимиками, последователями Парацельса и розенкрейцерами, вообще было бы невозможно творчество романтиков, — они населили свою поэзию, музыку и живопись духами природы, с которыми встречаются их герои. Тем самым они вернули к жизни сказы и сведения, собранные в народных поверьях.

Рассказывая о чудесных существах, населяющих землю и воду, Парацельс постоянно указывает на их тайный смысл: «Имена, которыми мы их называем, — не их истинные имена, напротив — это имена, данные им людьми, которые их не знали». Иными словами, людьми, которые полученные ими сведения о событиях, случившихся с другими людьми, преобразовали в суеверные рассказни. Интересно отметить, что в тех областях, где прошла юность Парацельса, а это Альпы южной Германии, Швейцарии, Австрии, до сих пор живы предания, которые позволяют нам понять первоначальный смысл легенд, дошедших до нас из средних веков.

Четыре темперамента

Очень много для понимания учения о «четырех расах элементарных (стихийных) существ» содержит дошедшая до нас из античных и средневековых времен и переживающая в наши дни возрождение наука, согласно которой в людях имеется четыре рода жидкостей, «соответствующих четырем стихиям»: преоблада-



Мелузина. Из книги: A. Eleazar, Uralles Chymisches Werk

ние одной из основных жидкостей не только определяет внешний вид, но и внутренний мир человека. Многое из старых представлений о четырех основных типах поведения человека, о четырех состояниях или даже о четырех основных расах находит в этом аспекте новые естественно-научные и алхимические подтверждения и импульсы.

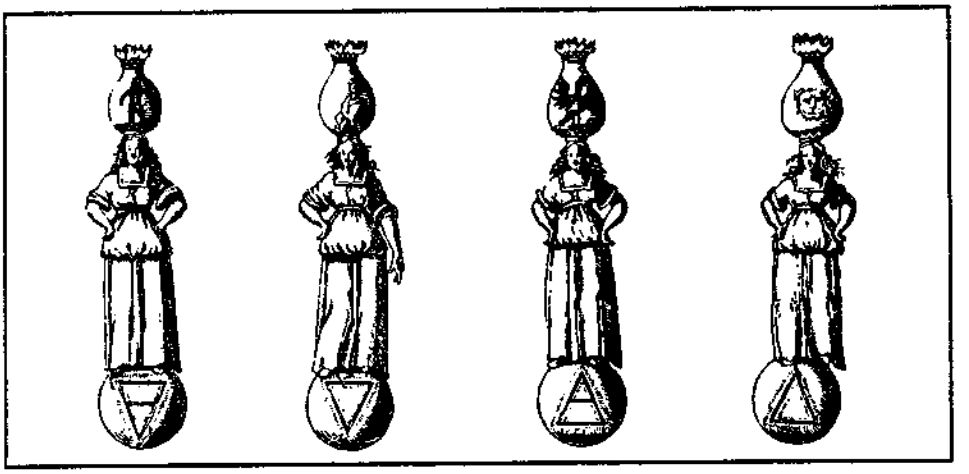
Из сути саламандр, огненных существ, пламенных людей приверженцы алхимии и астрологии пытаются понять поведение людей, «которыми управляет пламенная желчь», то есть холериков — «они подобны огню, они быстротечны и скоры во всех своих действиях».

Великий естествоиспытатель Линней (1707—1778) настолько был увлечен теорией темпераментов, что делил все человечество на 4 основных расы. Холерическими были для него американцы, причем под ними он явно имел в виду коренное население североамериканского континента — индейцев-охотников: «У американца кожа красного цвета, у него гордая походка, он легко возбуждается. У него густые черные волосы и широкие ноздри. На лице у него много веснушек (взято из представления о природном человеке, который всю жизнь свою проводит на открытом воздухе — *Прим. авт.*). Он упрямый (Линней очевидно понимал под этим нежелание индейцев принять так называемую «цивилизацию»), доволен жизнью и хочет жить в мире, жизнь его определяется его привычками...»

Стихии земли в этой классификации, без которой вообще невозможно представить себе астрологию, соответствует «меланхолический темперамент»: «меланхолический (черно-желчный), как земные минералы, глубокий, прочный, очень медлительный» (Хутер).

Древние говорили и о воздушном темпераменте — «сангвиническом» (легкокровном). Такой человек легок, как воздух, имея в виду не только подвижность тела, но и ума. У таких людей много фантазии, они остроумны и изобретательны.

Наконец, стихии воды в этой попытке классифицировать людей на четыре основных темперамента соответствует флегматик (от слова «флегма» — жир). Такой тип «течет спокойно, как вода» (Карл Хутер). Прежде всего в Альпах, где переселившиеся сюда когда-то племена в течение многих столетий жили уединенно и вырабатывали свой стиль жизни, а также в горных районах Прованса, там, где правили древние бур-



Стихия земля *Стихия вода* *Стихия воздух* *Стихия огонь*

гундские князья, там, где живут конфедераты, в Баварии, в Каринтии местные жители могут показать вам остатки лесных пещер и землянок, их нередко называют языческими или ведьмиными кухнями — именно здесь будто бы жили «земляные люди». Даже в наш век эти места посещают время от времени адепты мистических учений, чтобы получить от загадочных все еще живущих тут существ наставления по практике тайных наук.

Французский оккультист Альфонс Луи Констан (Элифас Леви) пишет в своей знаменитой «Истории магии» о европейских кочевых племенах: «В этой пещере с единственной дверью и отверстием для дыма отец кует на горне, дети помогают ему, мать варит пищу в котле... Вся обстановка — наковальня, молот и лом...» Если «добропорядочные» оседлые граждане видели в таких бродячих кузнечных семьях духов, кобольдов и демонов, то благородное сословие из городских поселений охотно навещало их. Еще и теперь в цыганских сказаниях можно встретить упоминание, что бродячие цыгане находили защиту от охотников за ведьмами у горожан.

Исследователи современных сказаний, бытующих в Западной Европе и у кельтов (M. Murray, G.B. Gardner), усматривают в многочисленных сообщениях о сказочных кобольдах, как союзниках дворян, указание на существование суверенных племен, живших в течение долгого времени в пустынных местах и не включенных в русло государства и церкви.

Швейцарский исследователь народных сказаний Альберт Миндер (1879—1965) сам вырос в таком племени. Его семья жила в малодоступных и труднопроходимых невысыхающих болотах. Людей его племени обзывали колдунами и оборотнями, но когда приходилось туго, именно к ним обращались за советами в тайных делах и за верными травками.

В сказах о духах очень много сохранилось от тех неизгладимых впечатлений, которые выносили странствующие алхимики, навещавшие дикие племена.

Триада герметистов

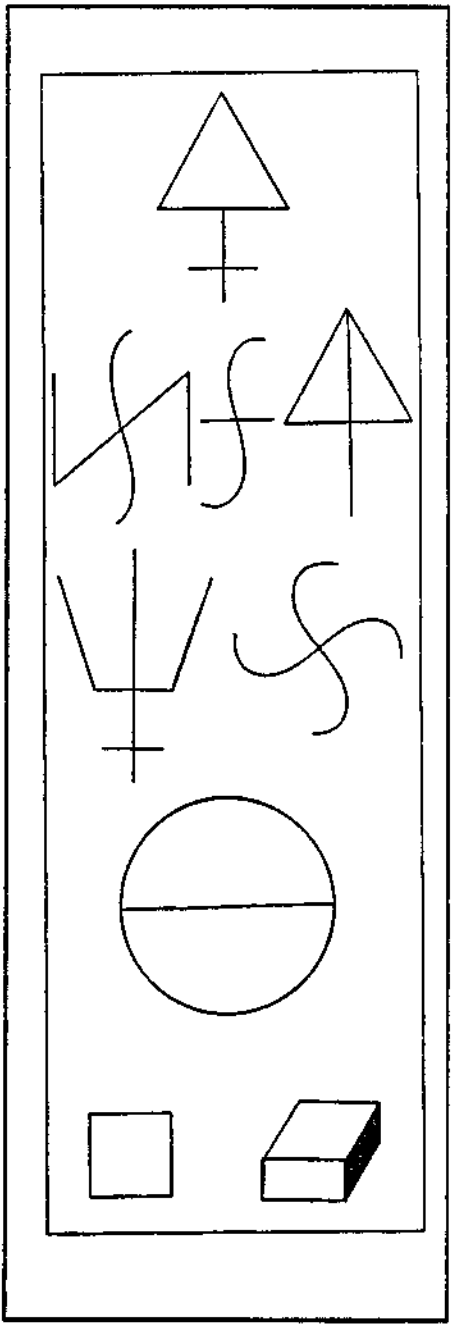
Чтобы познать мир, алхимики выработали понятие триединства — тригона, причем, как мы убеждаемся на каждом шагу, использовали материальные химические реакции, чтобы докопаться до сути тех процессов, которые происходят в человеческом сознании; напротив, в восточной и гностической мифологии они искали их материалистическое объяснение.

Сера была для них веществом, которое сгорает и превращается в пламя, улетающее в космос, другими словами, без остатка исчезающим из материи, испаряющимся.

Для этого универсального принципа герметической философии алхимики в качестве знака использовали крест (символ материального мира) и треугольник с острием, обращенным вверх — иероглиф стихии огня.

Другие знаки алхимии, которыми изображали серу, напоминают стилизованную букву S (sulphur — сера), змею или молнию. Все это — отображение жизненного огня, который, по представлению алхимиков, поднимается из глубины, вдохновляет все на земле и устремляется вверх (имеются также символы серы, напоминающие мистический трезубец или свастику).

Вторым основным элементом мира для Парацельса наряду с горючим (серой) была соль. Соль — это нечто «осязаемое», прочное, материальное, то, что остается, когда остальное сгорает.



В книгах алхимиков соль изображается окружностью с линией, проведенной посредине (это — пассивный элемент), иногда же соль может быть изображена как квадрат, которым вообще часто символизируют материю Земли (или даже как четырехугольная звезда).

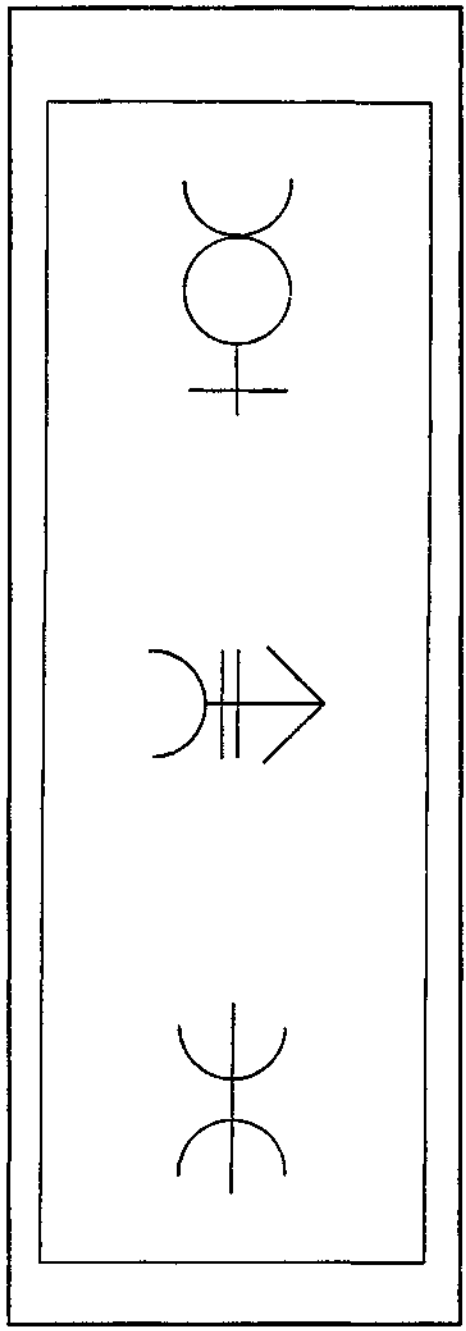
Если эти два «принципа» алхимиков, последователей Парацельса и розенкрейцеров, еще как-то можно свести к понятиям «бессмертный дух» и тело, то совсем трудно объяснить третий символ — ртуть.

Это, с одной стороны, — душа, которая познается лишь в ее «огненных» проявлениях, но одновременно и нечто осязаемое, прочное, другими словами, единство трудноуловимых энергий и сил, которые скрепляют два других принципа.

Как правило, для этого «Меркурия герметической философии» использовали тот же знак, что и в астрологии для планеты Меркурий, а в химии — для металла ртуть.

Среди прочих символов можно встретить стрелу, которая диаду превращает в единое, либо вообще просто вертикальную линию, соединяющую верхний и нижний миры.

В равной степени, и это особенно осложняет понимание книг алхимиков, Меркурий ставится рядом с богом Гермесом, который в течение всего средневековья считался «изобретателем» алхимии. Понимание Меркурия как «истинного элемента тайной науки Гермеса (герметизма)» использовалось для описания соотнесенности между божественным духом и миром материального познания, полученного нами с помощью органов чувств.



Искусство алхимии

Опубликованное в 1660 году в соответствии с указаниями средневекового мудреца Василия Валентина герметическое изображение убеждает нас в том, что мир понимался алхимиками как круговорот взаимодействующих сил. На земле лежит квадратный камень, это — материальное, тяжелое, соль. Над ним парит знак Меркурия, объединяющего мир вещественный с миром духовным.

В огненном треугольнике серы мы видим мифическую птицу Феникс, «которая, когда она старест, сжигает сама себя, чтобы обновленной и юной появиться снова».

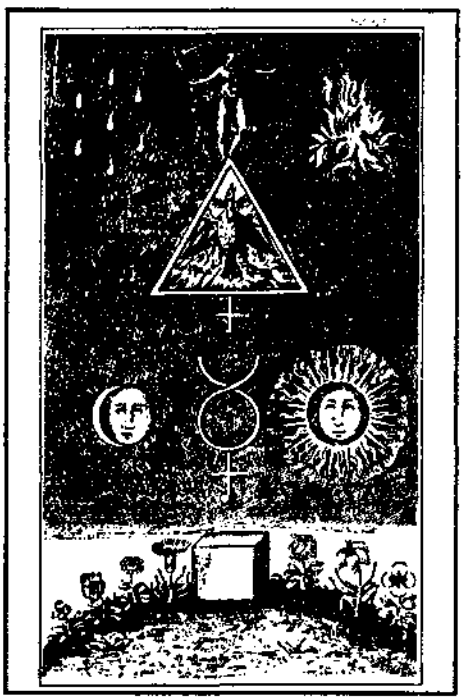


Рисунок из книги «Basilius Valentinus», 1660

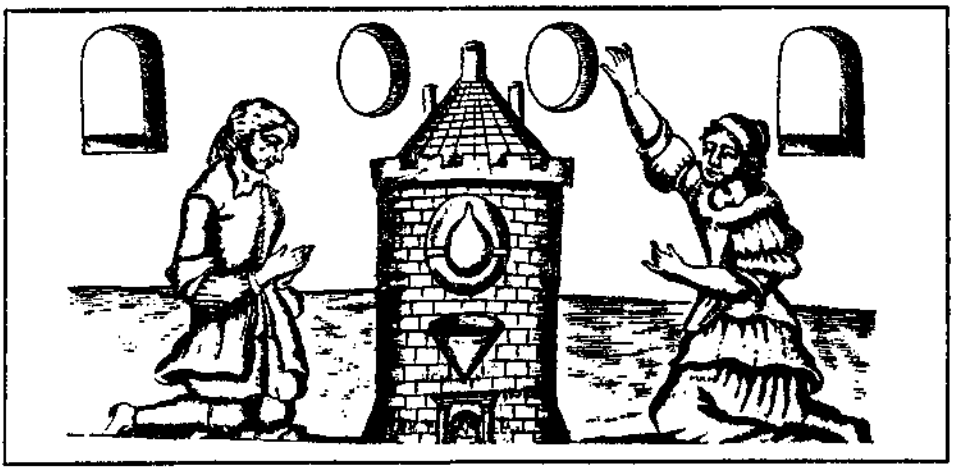
Справа и слева — Солнце и Луна (мужчина и женщина), над ними — оплодотворенная роса и всепожирающий огонь.

На самом верху картины мы узнаем коронованного мужчину с косой Сатурна в одной руке и циркулем — олицетворением понимания окружности (круговорота всего существующего) — в другой.

Двойное существо Ребис. Из книги «Alchimist», Frankfurt, 1618

Зильберер, впрочем, видел в этом изображении не Сатурна, а Гермеса древних европейских мистерий, ведь здесь можно, вглядевшись, увидеть и посвященного, для которого суть мира видится как арена постоянных превращений, за что он и награжден короной.

Аналогично изображение, отысканное Зильберером в книге об алхимии, изданной в 1618 году во Франкфурте: внизу — земной шар, у которого имеются крылья, то есть шар летит через время и пространство. И на этом изображении можно увидеть



Алхимик за работой («Mutus Liber», 1667)

знаки триады и тетрады — треугольник и квадрат — они, по-видимому, обозначают материю и скрытую в ней стремящуюся вверх жизнь.

На земле покоится летающий дракон, у него тело змеи с крыльями — очевидно, вновь символ вечности и тем самым вечного круговорота мировых сил. Его попирает победоносное двойное существо Ребис (res bina), которое вбирает в себя планетарные силы, в руке у него циркуль и угольник — инструменты, означающие понимание мировых законов (и умение их применять).

Посвященный имеет одновременно две головы — мужскую и женскую, нередко они вместе изображаются в книгах алхимиков как олицетворение идеи совместной работы над «великим делом».

Подобно тантризму древних индусов алхимия средневековья учит нас, что для человека путь к совершенству открывается только в тот момент, когда мужчина и женщина работают совместно.

Ступени превращения

Чтобы объединить астрологию и алхимию, герметисты отработали процедуру своего «великого дела», таинственного изготовления «философского камня», состоящую из 12 ступеней, соответствующих 12 знакам Зодиака, причем для каждого «химического»

Единение алхимиков («Rosarium Philosophium», 1550)

этапа имеется целый ряд различных символов, в ряде случаев при этом используются те же знаки, что и в астрологии, как мы видим у Антуана-Жозефа Пернети.

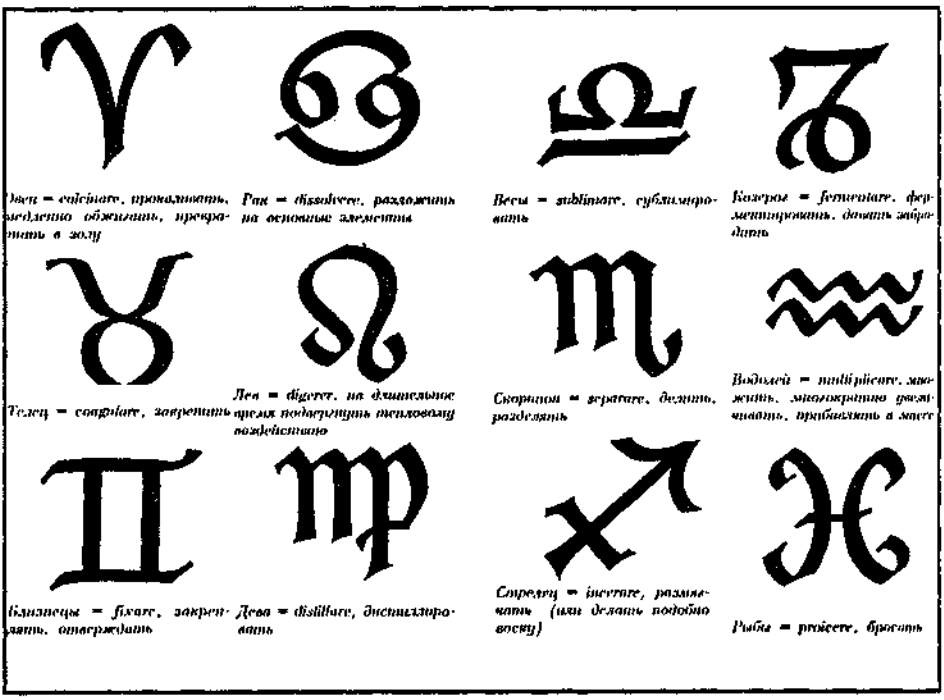
Рыбы, например, означают такой процесс в алхимии, который завершает великую работу: в массу неблагородных растворенных веществ бросают некоторое количество полученного «философского камня», чтобы превратить эту массу в желаемый благородный металл.

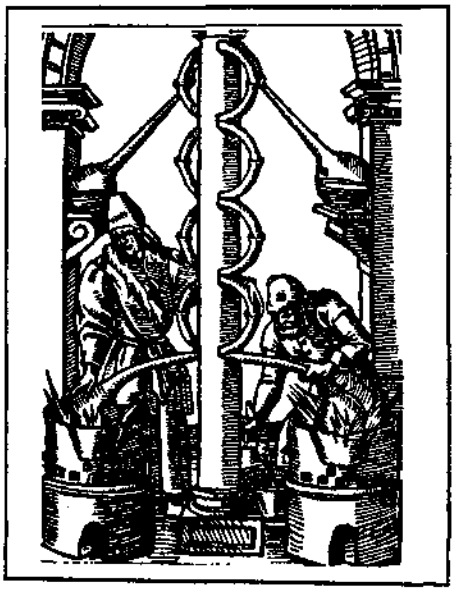
Поскольку знаки Зодиака, с которыми мы познакомились в главе об астрологии, соответствуют разным частям и органам человеческого тела (к примеру, Овен = голова и т.д.), то эти части тела присутствуют и в качестве символов алхимических процессов!

Значение отдельных знаков:

Ученые усматривали сокровенный смысл своей науки в различных мифах античности (об этом свидетельствует множество доказательств, начиная с конца средневековья и кончая учебником Пернети). Например, в двенадцати подвигах Геракла видели отображение алхимической мудрости древних времен.

То же самое следует сказать и о многочисленных историях о переселениях души: «Эту науку надо держать в секрете и говорить о ней только тайными знаками и недомолвками, подобно тому, как выражались древние египтяне, брахманы Индии, первые философы Греции — они понимали, что нельзя опрокидывать порядок и гармонию в устоявшемся обществе» (Пернети).



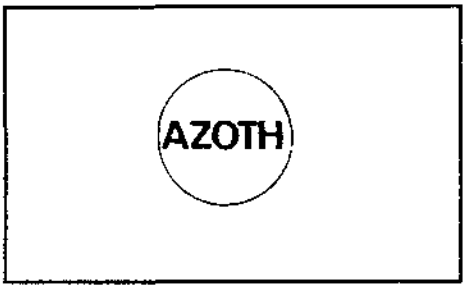


Алхимики, работающие над превращением металлов (P. Ulsladius. «Coelum Philosophorum», 1550)

Меч Парацельса

Великий странствующий маг Теофраст Парацельс, как рассказывают, всегда носил на боку тяжелый меч: в картах Тарот и в родственном ряду символов меч, использовать который могут только люди, искусные в кузнечном мастерстве и фехтовании, означает некое повышение «ранга» символа палки, означающей грубую мужскую силу, как физическую, так и детородную, в то время как меч обозначает высокое умение, одухотворенное знанием и служащее духу.

Согласно старинному народному преданию, странствующий рыцарь в круглой головке эфеса прятал свой «дух», который помогал ему творить всяческие чудеса. Другие утверждают, что в эфесе прятали философский камень, чтобы рыцарь мог при необходимости добыть себе золото либо средство омоложения.

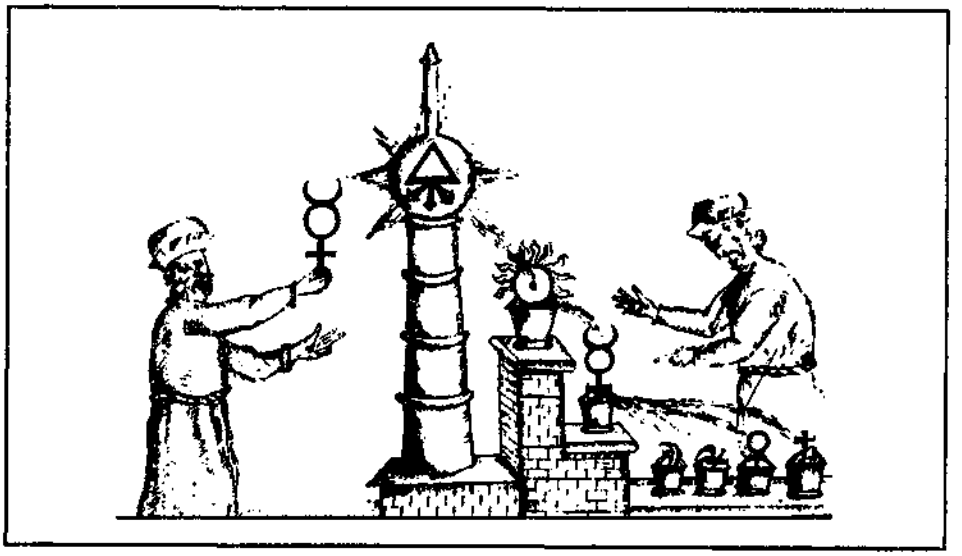


На набалдашнике нередко был изображен круг, в центре которого было начертано магическое слово AZOTH — *оно содержало в себе всю тайну алхимии.* Магическое слово составлено из первой и последней букв различных алфавитов и означает таким образом возможность счастливого познания тайны мира во всей его совокупности — «aleph и thau евреев, alha и omega эллинов, A и Z латинян» (Пернети).

Литература

Alchimistisch Sieben-Gestirn, Frankfurt 1756
Arnold de Villanova, Opus Aureum..., Frankfurt 1604
Basilius Valentinus, Chymische Schriften..., Hamburg 1700
T. Burckhardt, Alchemie, Olten 1960
Eröffnete Geheimnisse des Steins der Weisen, Hrsg. K. R. H. Frick, Graz 1976
Figuren der Rosenkreuzer, Altona 1785 ff.
F. Freudenberg, Paracelsus und Fludd, Berlin 1921
C. W. Gessmann, Die Geheimsymbole der Alchimie..., Graz 1899
„Gabalis" in: Voyages imaginaires..., Graz 1899

S. Golowin, Adrian von Bubenberg und die Krone von Burgund, Bern 1976
H. R. Grimm, Buch der Natur, oder Planeten-Buch . . ., Burgdorf 1716
H. R. Grimm, Buch der Natur, oder Beschreibung des großen Welt-Gebäus . . ., Burgdorf 1727
Hermetisches ABC, Berlin 1778 ff.
E. A. Hitchcock, Remarks upon Alchemy . . ., Boston 1857
E. J. Holmyard, Alchemiy, London 1956
C. Horlacher, Kern und Stern der vornehmsten chymisch-philosophischen Schriften, Graz 1975
E. Kelly, Alchemical Writings, Neudruck, New York 1973
Lamsprinck, Traite de la pierre philosophale, Hrsg. B. Roger, Paris 1972
Limojon de Saint-Didier, Le triomphe hermétique, Hrsg. E. Canseliet, Paris 1972
E. v. Lippmann, Entstehung und Ausbreitung der Alchemie, Berlin 1919–1931
Nizami, Die sieben Geschichten der sieben Prinzessinnen, Hrsg. R. Gelpke, Zürich 1959
C. H. de Nuysement, Les visions hermétiques. Hrsg. S. Mauon, Paris 1974
Paracelsus, Magische Unterweisung, Hrsg. F. Spunda, Leipzig 1923
Paracelsus, Magische Unterweisungen, Hrsg. S. Kappstein, Bern 1980
A. J. Pernety, Dicitionnaire mytho-hermétique . . ., Paris 1758
E. E. Ploss (u. a.), Alchemia, München 1970
F. Roth-Scholtz, Deutsches Theatrum Chemicum, Nürnberg 1732, Nachdruck Hildesheim 1976
K. L. Schmieder, Geschichte der Alchemie, Halle 1832
M. Sendivog, Chymische Schriften, Nürnberg 1718
H. Silberer, Probleme der Mystik und ihrer Symbolik, Wien 1914
J. Tanckius, Promptumarium alchemiae . . ., Hrsg. K. H. Frick, Graz 1976



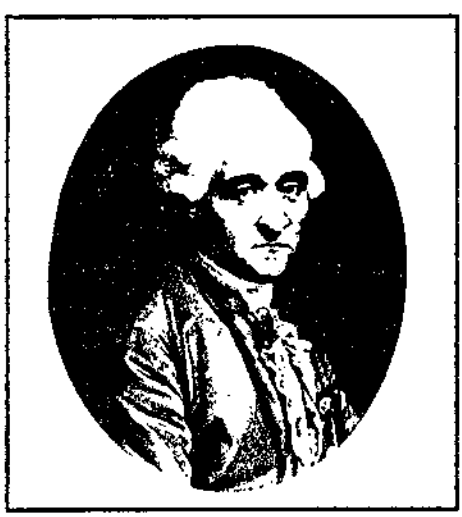
Символы Тарот

Часть плаката, посвященного Тарот. Художник Аликс Турнер (Берн, 1978)

Карты Тарот

Курт де Гебелин, большой знаток символики, живший в XVIII веке, видел в картах Тарот, которые с незапамятных времен использовались для гадания, ключ к мистериям средневековья да и более древних времен. Он считал, что в этих картах как бы отражаются древнеегипетская религия и восточное общество, построенное на системе каст. Гебелин полагал, что символика эта включает в себя понятия Восточной Азии и Индии.

Ученые, занимавшиеся этой темой, весьма скоро стали думать о наличии темной связи между этими игорными картами (и другими, несколько более простыми европейскими картами) и восточными символами, о которых мы упоминали, говоря об аватарах Вишну. Для де Гебелина и его многочисленных последователей было очевидным, что распространителями симво-



Антуан Курт де Гебелин, великий исследователь символики XVIII века

Индийские карты Тарот Элифаса Леви

лов Тарот являются цыгане, переселившиеся в Европу в средние века, некогда их называли еще «египтянами» и «богемцами». Цыгане рассказывали о картах чудеса и использовали их (как, впрочем, и сегодня) для предсказаний.

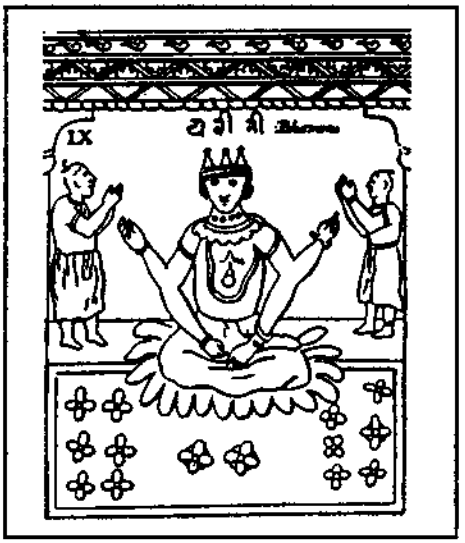
Ведущий оккультист XIX века Элифас Леви считал, что знает о миграции этих восточных племен практически все, и рассказал о ней в своей «Истории магии». Он писал, в частности: «При гадании они используют различные странные знаки, а также аллегорические формы и свойства чисел».

Колен де Планси, собравший в XIX веке самые противоречивые сведения о магических символах мира, упоминает и о таких сведениях, что эти племена будто бы подолгу жили под землей (!): «Полагают, что именно они вырыли обширные пещеры, которые и по сей день можно найти в Германии... Пребывание в уедине-

Индийские карты Тарот Элифаса Леви

нии и темноте позволило этим людям открыть в себе магические свойства, которые народное суеверие часто приписывает всем кочевникам!»

Индийские карты Тарот Элифаса Леви

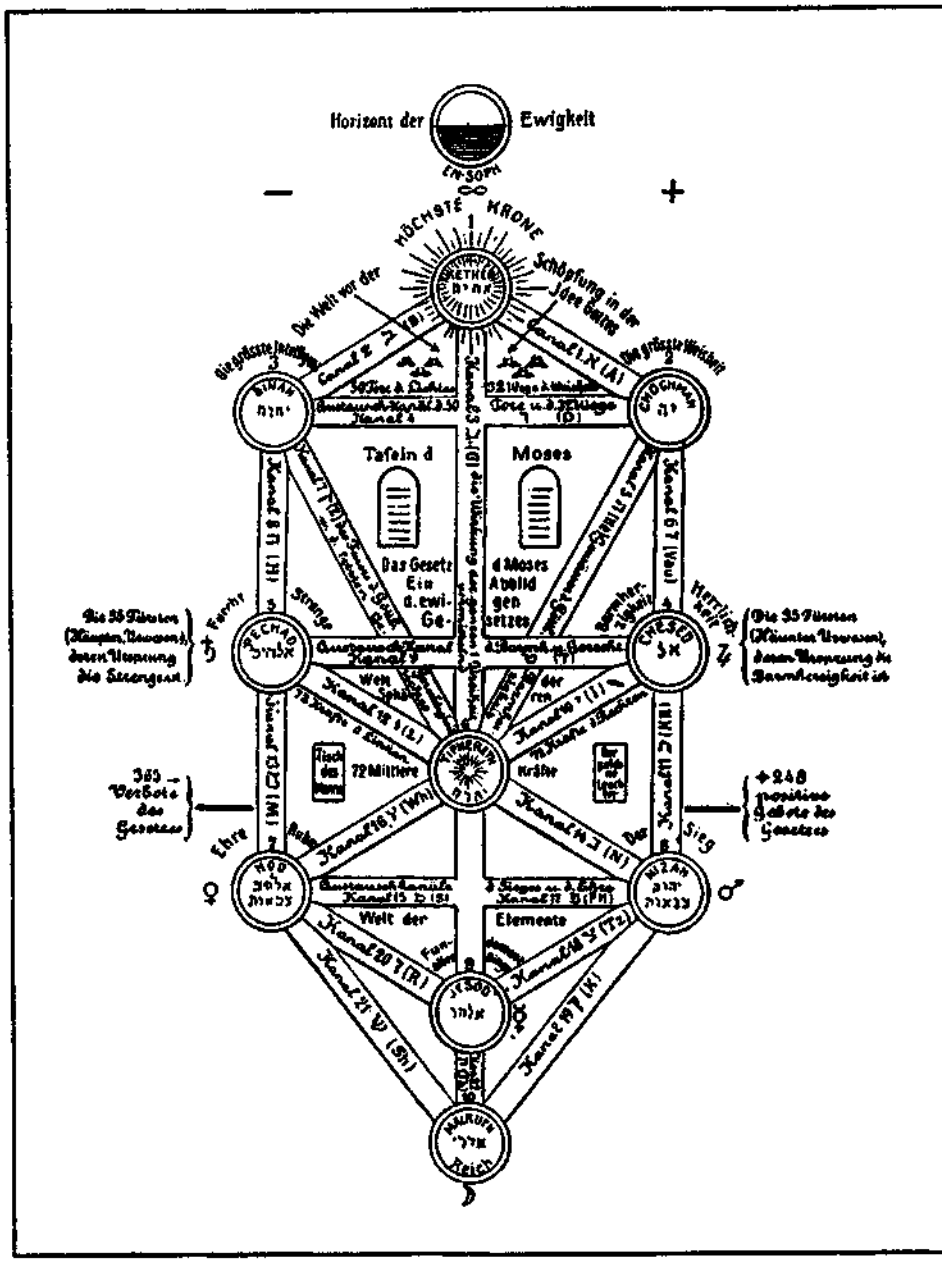


Индийские карты Тарот Элифаса Леви

Леви тоже любил повествовать о жизни азиатских племен в пещерах и землянках, о которых можно найти упоминание в преданиях народов, населяющих Альпы — от Бургундии до Баварии и Тироля:

«И я утверждаю ныне, что в этом заключается (речь идет о столетиях европейской истории культуры. — *Прим. авт.*) великое свидание Любви и Веры, Девственницы и Рыцаря, Придворной дамы и Пажа, всяк из них протягивает свои белые руки навстречу всепроникающему взору предсказательницы... Отсюда начинали свой путь шуты и гадатели в платье, украшенном звездами, с островерхим колпаком мага на голове».

В настоящее время нередко обращаются к идее, согласно которой карты Тарот пришли на север Европы через рыцарей, когда-то отправлявшихся в крестовые походы, через пилигримов и купцов, которые при-



22 «истинных» пути, которые соединяют друг с другом 10 сефиротов «каббалистического древа»; по своему значению они соответствуют якобы 22 картам Высшего Аркана Тарот:

несли эти магические листки в Прованс, Бургундию, Италию. Как бы то ни было, они — свидетельства тайной духовной жизни, без которых мы мало что можем постичь из нашего прошлого.

В XIX—XX веках появилось множество школ правдоискателей, которые создали сотни (!) новых систем Тарот, каждая из которых тщилась найти истинный смысл картин мироздания. По-видимому, и в средние века дворяне искали советов у странников и жителей пещер и пытались получить от них знаки счастья и мудрости, сохранившиеся от тайных языческих наук.

Во всяком случае, рисунки на картах, пришедших к нам в XV—XVIII веках, передают почти весь набор символов, которые можно обнаружить в европейских культурах и весьма внутренне родственных им высокоразвитых культурах восточного средневековья.

Идея, высказанная в трудах Курта де Гебелина, Леви и великого те-

а — горизонт Вечности; б — Эн-Зоф; в — Бинах; г — Хохман; д — Пехад; е — Хесед; ж — Тиферед; з — Ход; и — Низах; к — Малрут, царство; л — Кетер; м — Езод; 1 — высшая корона; 2 — мир до осуществления Божьей идеи; 3 — высшая интеллигентность; 4 — высшая мудрость; 5 — канал; 6 — 50 ворот Света; 7 и 9 — канал обмена 50 ворот и 32 путей; 8 — 32 — пути мудрости; 10 — передача действия 1-й триады; 11 — таблицы Моисея; 12 — канал огня Божьей справедливости и Страшного Суда; 13 — канал вод Божьей милостью; 14 — закон Моисея, слепок Вечного Закона; 15 — Строгость; 16 — Страх; 17 — Милосердие; 18 — Величие; 19 — 35 князей (первородных правителей), правящих Строгостью; 20 — 35 князей (первородных правителей), правящих Милосердием; 21 — стол Манны; 22 — 72 серединные силы; 23 — 72 силы ночью, 72 силы одесную 24 — золотой светильник; 25 — Честь; 26 — Слава; 27 и 28 — каналы обмена Победы и Чести; 29 — Победа; 30 — 248 добрых заветов закона; 31 — мир стихий; 32 — основа всех вещей; 33 — 365 запретов закона

Индийские карты Тарот Элифаса Леви

ософа Елены Блаватской (и ее разделяют также многочисленные цыганские гадатели), что в картах Тарот мы можем найти ключ к великим преданиям нашего прошлого, находит, таким образом, несомненное подтверждение.

В книге «Мир Тарот» автор подробно рассматривал значение карт и их интерпретацию современными гадателями. Сейчас он мог бы добавить, что поразительная увлеченность ими хиппи, которые появились в Америке и в Европе в 60-х годах, свидетельствует не столько о любви к парапсихологическим наукам предсказателей, сколько о том, что люди заново открывают для себя символику как сконцентрированную форму мистической философии, и карты Тарот становятся самым популярным ключом к вратам духовной жизни нашего прошлого.

Шут (маг, шпильман, уличный певец)

На карте 1 козырей Тарот изображен человек. Иногда отчетливо видно, что он стоит на горе, на возвышении. Его часто называют шутом, еще чаще «шутом на ярмарке».

Края его шляпы похожи на восьмерку (исследователи полагают, что на старых картах это получалось случайно, сейчас же так рисуют сознательно). 8 есть знак вечного круговорота.

На шуте пестрое платье. Часто цвет и даже покрой обоих рукавов может быть совершенно разным. Так любили одеваться ярмарочные шуты в средневековье, а порой и на нынешних ярмарках. В руке шут держит волшебную палочку, конец ее приподнят вверх, другая рука опущена к столу, возможно, для того, чтобы незаметно сместить или убрать какой-то предмет и ошеломить и порадовать зрителей одним из своих бесчисленных трюков. На столе уйма различных предметов, на более современных картах это, как правило, всего четыре предмета, символизирующие четыре касты или четыре стихии (кардинальные силы мира).

На многих же картах предметы самые беспорядочные, какие носят скоморохи или знахари: сосуды для мазей и напитков всяких форм, игорные кости, подчас самые различные символы, о которых мы упоминаем в этой книге.

Стол стоит на четырех ножках — по-видимому, символ мира, состоящего из четырех стихий и регулируемого кругооборота четырех времен года. Если мы видим только три нож-

Шут по Курту де Гебелину

Шут на картах Тарот из Марселя

ки стола, как, например, на картах Тарот из Марселя, то это — не ошибка художника и не случай — многие предсказатели Тарот все еще верят в «триединство, определяющее наше бытие», они, скажем, когда раскладывают карты, зажигают три свечи.

Для европейской культуры это, скорее всего, символ Троицы, для оккультистов современного толка, которые находятся под сильным влиянием индийской философии, это — три стороны первородной божественной силы: созидание, разрушение, сохранение (Брама, Шива, Вишну).

Под столиком шута иногда можно углядеть цветок или поставленный вертикально камень — символ поднимающейся и приносящей счастье жизненной энергии.

Таким образом, шут, или маг, означает (в этом сходятся почти все толкователи) человека, который обрел внутреннее равновесие и поэтому без труда находит себе место в центре мира (на «ярмарке» или даже «на горе»). Левая и правая половины его платья различны по цвету и украшениям. Но это не обременяет шута: как показывает восьмерка на его шляпе, этот человек познал божественное единство мира, он сумел вычленить добро из различных противоборствующих в мире сил.

Другими словами, этот человек не односторонен, не «слеп на один глаз» — он видит хорошее, доброе, правое у обеих сторон, может носить цвета и гербы различных борющихся между собой партий на своем платье, он может говорить с людьми, стоящими по разные стороны баррикад.

Скомороху доступны ценности, символы, монеты различных каст,

сект, народов, за человеческими мечтами, стремлениями, хитростями, мировоззрениями он видит общее. Мистики — толкователи Таро — усматривают в нем символ божества, находящего свое проявление во всем зримом и открытом и приводящего к счастливому концу все завихрения и превратности судьбы, подчас недоступные разуму.

Верховная жрица (папесса, царица ведьм, богиня Земли)

Эта карта содержала, особенно в средние века, явный намек на женщину-папу Иоганну. Согласно легенде, она достигла папского трона — престола, доступного только мужчинам — благодаря тому, что всегда носила мужское платье и не признавалась в своем женском естестве. Возможно, мы видим здесь и отголосок того факта ранней истории и культуры стран Средиземноморья, согласно которому женщины нередко выступали в роли жрецов; это было вполне допустимым явлением среди германцев, кельтов, славян, проникших на закате древнего мира на юг и основавших там свои государства.

В различных системах Таро постепенно еретико-языческий образ женщины-папы исчезает и заменяется Юноной — супругой верховного греческо-римского бога (Зевса, Юпитера). Последствия такой замены оказались для ортодоксальной римской церкви еще более «еретическими». Ведь это был шаг, который начиная с эпохи Возрождения вновь придавал различным магическим изображениям еретический смысл, независимо от того, шла ли при этом

Папесса по Курту де Гебелину

речь о гадальных или игорных картах, об астрологии или алхимии.

У цыган, по меньшей мере у представителей некоторых главных родов, существует особое почитание женщины как хранительницы преданий и знатока магии, в этом они совпадают с представлениями, сохранившимися в культурах кочевых народов раннего средневековья, для которых верховная жрица часто отождествлялась с Сарой — святой в Южной Франции, которую иногда называли также Черной. Специалисты по тайным знакам Таро учат: «Второй ключ Таро — это укутанная в покрывало богиня, которую посвященные называют Жидой. На ней — двойная корона и рога, на коленях она держит книгу познания. «Я предпочитаю называть ее Сарой — верховной жри-

Папесса по марсельским картам Тарот

цей наших мистерий» (Штарки). С этой картой связано представление о высоком статусе женщины-избранницы, который был невозможен для более позднего времени. Отсюда и современные «ведьмины общества», которые получили большое распространение в 60-х годах в Северной Америке и Европе. Члены этих обществ охотно видели в карте Тарот верховную жрицу исконной культуры, вещего знатока всех мистерий, касающихся зачатий и родов, лекарственных трав и любовных напитков, наперстницу богини Земли.

Они видели в ней «царицу ведьм», которая, несмотря на все преследования дьявола, характерные для позднего средневековья, пережила все напасти. На некоторых старых картах Тарот жрица действительно сидит на своем кресле (троне) либо на покрытом травой холме: по представлению современных толкователей культа ведьм, это — святая гора или святой гроб предков, именно на этом месте ведьмы проводили свои таинственные собрания, обращали в свою веру и учили неосвященных.

Рожки месяца на головном уборе, равно как и покрывало, окутывающее фигуру и даже частично закрывающее лицо «папессы», рассматриваются как символ таинственности, «тайн ночи» (конечно же, есть и иные толкования, например, лунный серп или открытая вверх дуга, на голове папессы могут истолковываться как объединение мужского и женского основных символов. В этом случае верховная жрица выступает как хранительница всех знаний о священном взаимодействии всех мировых стихий, о вечном взаимопроникновении пассивных и активных сил).

Открытая книга на ее коленях всеми толкуется как символ передачи тех заветных тайн, «которые надо знать, чтобы идти дальше». В то же время лицо и тело укутаны в покровы, то есть, даже если знать все тайны, содержащиеся в книгах, ты не продвинешься дальше, пока не поднимешь покрывало, то есть не применишь свои знания, прочитанное и услышанное в практической жизни.

Госпожа (царица)

Третья карта открывает иную возможность увидеть мир. Если «верховная жрица» — символ познания действительности как совокупности жизненных закономерностей, то Госпожа правит землей, человеческой

Королева на карте Таро по Куртю де Гебелину

Королева на марсельских картах Таро

культурой, благородством, хорошими манерами, искусством куртуазности. Для астрологов это сама богиня Венера.

Средние века знали оба женских типа: верховная жрица, «ведьма», акушерка и ворожея, знаток трав и кореньев, которая следит за здоровьем людей и животных, за их процветанием; и царица, королева, дама, воспеваемая миннезингерами, окруженная поэзией и превращающая будни в праздники.

Такая царица держит в руке скипетр (древко, увенчанное сферой земного шара и крестом). В другой руке она держит щит с гербом в виде орла. Прежде всего это символ царского достоинства, но иногда тут усматривают и намек на высокий полет мыслей, к которому побуждали окружающих эти величественные дамы. Так же можно толковать и обращенный острием вверх треугольник, который нередко венчается золотой короной, усыпанной драгоценными камнями.

На некоторых картах трон, на котором восседает дама, скорее напоминает два крыла за ее спиной, в этом случае еще более наглядно проступает намек на божественность, на ангелов, фей, на женщин, превратившихся из лебедей или орлиц (валькирии), как рассказывают мифы. Снова это прежде всего символ высокого полета мыслей, согласно которому в средневековье (здесь надо отметить совпадение европейской и индийской культур) отмечена вся

Король на карте Тарот Курта де Гебелина

Король на карте Тарот из Марселя

придворная жизнь, а также образование, искусство и культура.

Господин (король)

Некоторые из современных исследователей, опирающиеся на предания цыган, убеждены в том, что в картах содержатся указания на те миграции, в результате которых Тарот в средние века пришел в Европу: «Головной убор короля на четвертой карте, равно как и орел на щите показывают, что русские великие князья, под которыми когда-то ходили цыгане, еще не имели претензий на владение императорскими регалиями» (Штарки).

Здесь можно было бы увидеть также намек на возможность проникновения в символику Тарот каббалистического, иудейского знания. Уместно еще раз вспомнить о хазарском царстве, возникшем к северу от Черного моря во II половине первого христианского тысячелетия; его сменили затем русские княжества, но остатки этого царства можно было обнаружить в Крыму вплоть до исхода средних веков. Спор оккультистов, имеем ли мы в символах Тарот следы цыганского или «семитско-татарского» происхождения, становится бессмысленным — все культуры обогащали друг друга, проникали друг в друга на той территории Евразии, которую в настоящее время в основном занимает Украина.

Княжеский трон установлен на щите с орлом, который иногда изображается почти круглым, подобным

колесу. Сам же трон подчас выглядит как парящий над поверхностью челнок, на некоторых картах Тарот (так же, как мы видели в предыдущем случае) его несут два крыла. Князь почти стоит, к тому же на одной ноге, другую ногу он согнул в колене, так что ноги образуют как бы угол.

Толкователи Тарот видят в таком положении ног как бы число 4 — намек на четвертый ключ Тарот, а также и на материальный мир, которым владеет князь (число четыре нередко выступает как знак материального благополучия).

В орле, который поддерживает трон, а также в опоре только на одну ногу видят символ того, что высокие образцы, идеи, идеалы позволяют человеку осуществить очень трудные задачи, и даже облегчают их выполнение (по тем же соображениям в индийской мифологии бог и герой Кришна часто изображается летающим на орле Гаруда и стоящим на одной ноге).

Священник на карте Тарот Курти де Гебелина

При раскладке карт Тарот король укладывается рядом со своей противоположностью — королевой (карты 3 и 4). Это толковали таким образом, что самая высокая творческая идея, благодаря которой князь стал князем, — это любовь к миру.

Первосвященник (папа, верховный жрец, посвященный)

У священника на голове — тройная корона, в руках — жезл с тремя поперечными полосками. Здесь можно усмотреть намек на крест с тремя поперечинами, особенно популярный на Востоке. «Изображение папы в пятом ключе Тарот указывает на то, что цыгане в своих странствиях на запад на долгое время задержались в стране, где правила византийская церковь» (Штарки). Здесь тоже можно увидеть намек на долгое пребывание кочевых племен на территориях вокруг Черного моря, русские князья переняли из Византии христианство, а вместе с ним и крест с тремя поперечинами, что затем со временем привело к исчезновению иудейско-хазарского царства.

Некоторые идут в трактовании символики Тарот еще дальше: три поперечных полоски на головном уборе священника — это напоминание о трех поперечинах либо даже о трезубце Садхуеов, святых людей, окружающих индийского бога Шиву (И в самом деле, цыгане, памятуя о своих корнях, все еще называют жезл первосвященника на картах Тарот, так-

Священник на марсельских картах Таро

Решение на картах Таро Курта де Гебелина

же как и византийско-русский крест, да и вообще все другие христианские кресты, трисгулом, то есть трезубцем — именно так, как индийцы называют бога Шиву).

Первосвященник сидит между двумя стульями, которые наверху поделены натрос — это старый символ противоречия, спора, человеческих разногласий, этот символ мы нередко встречаем у розенкрейцеров или масонов, у современного ордена храмовников и так далее.

Два человека на коленях перед папой, первосвященником. Независимо от того, как толкуют это различные интерпретаторы, видим ли мы тут бога Шиву, иудейско-хазарского, византийско-русского или римско-католического священника, ясно, что перед нами — авторитетный человек, который своим учением помогает рассеять, устранить сомнения последователей, дарит им (хотя бы на время) душевное спокойствие.

Решение (влюбленные)

Молодой человек (рыцарь) стоит между двумя женскими фигурами, иногда он выглядит нерешительно и держит скрещенные руки на груди.

Это понимают как необходимость принять решение в любовных делах и как предсказание, если кто-то поднимет именно эту карту. Можно усмотреть и колебание между двумя духовными мирами, например, между выбором пути в соответствии с предшествовавшими картами — либо к царству священника (Луна), либо к властительнице (Венера).

Сверху мы видим целящегося во

Решение на картах Тарот из Марселя

Карта Курта де Гебелина

влюбленных стрельца. Он нередко окружен лучами или даже звездами.

Это — бог любви, которого изображают с луком и стрелой как на мифологических символах европейского средневековья, которое находилось под сильным влиянием греческой культуры, так и на мифологических символах Индии той же эпохи.

Предсказатели толкуют это таким образом, что правильное решение позволяет принять нам лишь наше внутреннее чувство, «во всяком случае, если мы поймем в себе ту внутреннюю силу, которая объединяет нас со звездным небом Бога».

Повозка (триумф, победитель)

Седьмую карту Тарот можно понимать по-разному, здесь мы также обнаруживаем самые смелые предположения и очевидные указания на то, что символы Тарот немало попутешествовали по свету.

В древних индийских сказаниях Махабхарата и Рамаяна герой на колеснице въезжает в битву — этот молодецкий обычай был распространен в древние века на всем переднем Востоке вплоть до скифов на юге России (еще в нашем веке в 1917—1921 гг. по украинским степям разъезжали на боевых колесницах — тачанках!)

Повозка становится, таким образом, не только символом гордой мирской победы «царя», но и символом путешествия в царство божественного откровения: в Бхагавад-Гите царь Арьюна впервые увидел со своей колесницы величие и огромную фигуру бога Вишну-Кришна.

Марсельская карта

Карта Курти де Гебелина

Для старухи-цыганки из Южной Франции, предки которой пронесли карты Тарот через всю Европу, здесь изображен гордый цыган на своей повозке. Цыганка поясняет исследователю кочевников Штарки:

«Знай, что для нас, цыган, лошадь — священное животное, мы никогда не едим лошадиного мяса, нам это запрещено. Мы и о других людях судим по тому, как они относятся к лошадям».

Крыша повозки покоится на четырех столбах, иногда они выкрашены в различные цвета. Это — картина мира с его четырьмя стихиями, четырьмя сторонами света, открытыми для рыцаря, короля, героя, вождя цыганского племени, странствующего школяра — как бы мы ни называли человека в повозке.

Два колеса под повозкой указывают в разные стороны, кажется, что они катятся одновременно и вправо и влево и два коня тащат повозку в противоположные стороны. Эта карта учит тому, что успех придет, лишь когда научишься в каждом случае, (при различных вариантах) выбирать единственно правильный и возможный.

Справедливость (равновесие)

Тут мы снова видим коронованную женщину на троне. Она держит меч правосудия — символ земной и божественной справедливости. В символике Тарот меч иногда выступает также как символ «небесного огня», то есть молнии, которая разрушает все неправедные силы.

Женщина сидит между двумя

Марсельская карта

опорами и держит весы, чашки которых находятся в равновесии — абсолютно уравнены. Это говорит о том, что все дела в мире имеют две стороны, могут быть рассмотрены и оценены с двух различных точек зрения: «ведь всякому свой сыч дороже соловья».

Примечательно, что, по Дейтерну, на лбу этой фигуры — драгоценный камень, по Вирту — маленький солнечный круг: он напоминает нам, как и во многих других изображениях нашего средневековья, «третий глаз» богов и героев индийской мифологии.

Это — указание на глубокое познание, на способность разумного, взвешенного рассмотрения и оценки обеих сторон, что позволяет принять решение не в пользу одной из сторон, а найти наилучшую возможность для обеих на будущее.

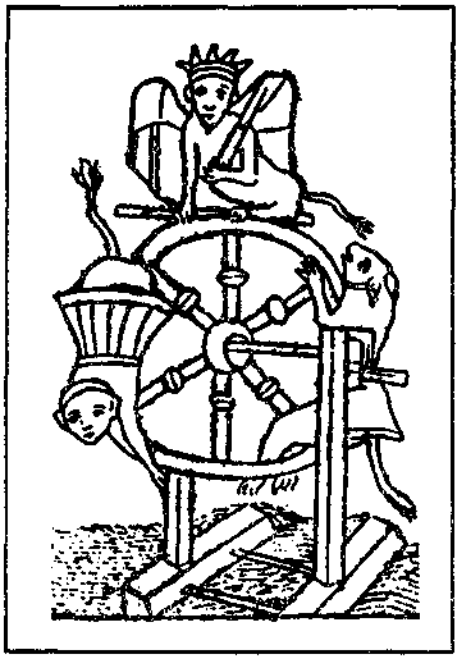
Мудрец (отшельник)

Цыгане, возможно, под воздействием ученых авторов европейских оккультных книг, видят здесь образ мудреца, который в своем уединении хранит «мудрость древних».

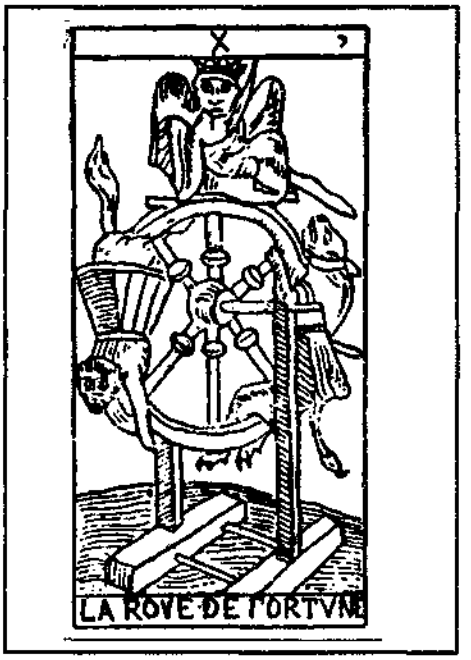
Европейские легенды, хроники и путевые очерки (достаточно вспомнить о столь популярном в конце средневековья Жане де Мандевиле) немало повествуют о таких отшельниках, интерес к этим историям вновь оживился после путешествий и паломничеств в Азию уже в новое время госпожи Блаватской, Гурджиефа, Рериха, Терапиано, Оссендовского, беженцев из революционной России. Не меньше чем средневековые паломники на Востоке верят сегодня в Северной Америке и Европе в великих мастеров (махатм), которые живут где-то между Кавказом, Иранскими горами и гималайскими странами Тибетом и Непалом в недоступных долинах и там хранят «святые науки глубочайшей древности».

Рассказ одной старухи-цыганки находим в книге Штарки: «И дальше шли (из Индии в Европу) наши племена, пока не достигли пещеры Древнего Человека, который держал в правой руке лампу оккультной мудрости, а в левой — свой волшебный жезл. Как часто мы выкликали за пятьсот лет нашего странствия Древнего Человека гор, чтобы он... помог нам, в наших предсказаниях и в нашем волшебстве! Он научил нас отдаваться на волю судьбы и колеса счастья с семью спицами».

Жезл мудреца напоминает посох паломника — символ вечных странствий по земной юдоли, и он же,



Карта Курта де Гебелина



Тарот из Марселя

свернутый наподобие змеи, вновь напомнит нам о волшебном жезле. Знаток Тарот Вирт еще более усиливает этот символ, помещая рядом с жезлом загадочную по виду красную змею. То есть мудрость горного отшельника означает познание им круговорота энергий мира. Мудрец высоко держит лампу, это — древняя лампа философа, который даже при солнечном свете идет с огнем по стране, «чтобы найти человека». В любом случае мудрец одинок на шумной и пустой ярмарке в суетности мира.

Лампа, которую мудрец высоко держит над головой, должна означать также, что только мудрый человек внимательно приглядывается ко всякой вещи в своем окружении. «Мы пренебрежительно относимся и не замечаем как раз предметы, которые ежедневно находятся перед нашим носом, — утверждают толкователи Тарот, — поверхностный человек всегда надеется найти ответы на свои вопросы, прибегая к дорогим, далеким и редким вещам, между тем достаточно оглядеться вокруг себя, и ты легко найдешь ответ».

Колесо счастья (колесо удачи)

Спицы колеса удачи образуют шестиконечную звезду, это — наиболее часто встречающийся символ круговорота мира с его взаимодействием всех стихий, противоположностью мужского и женского начал, земных и небесных сил.

При движении колеса обезьяноподобные существа то поднимаются

Карта Тарот Курта де Гебелина

Тарот из Марселя

вверх, то спускаются вниз. Этим символизируется смена удачи и неудачи, подъем и падение в пучину несчастий и отчаяния.

На самом верху, с короной и скипетром в руке, восседает сфинкс — существо, знакомое прежде всего по египетским и греческим мифам, у него тело льва и лицо человека, птичьи (орлиные) крылья.

На колесе счастья наверху может оставаться только то человеческое существо, которое не гонится за внешним счастьем и преходящей властью, другими словами, преодолело в себе «обезьянье начало».

Сфинкс «наверху на колесе счастья» — образ «просветленного (то есть достигшего высшего понимания), который знает, что в нем таится сила звериных страстей, но благодаря своему разуму (человеческой голове) он научился владеть ими.

Это сознание того, что не стоит погружаться в пучину отчаяния, поскольку понимание божественного начала (крылья) поднимает человека над его земной юдолью.

Сила

На ключе Тарот 11 красиво одетая женщина, шляпа которой очень часто напоминает положенную на бок восьмерку (в точности так же, как у шута или мага), открывает обеими руками пасть льва — напоминание о невероятном подвиге, победе над чудовищем, запечатленном в мифах о Геракле или библейском Самсоне. На

карте же это — скорее игры со львом во время какого-то празднества.

С полным правом мы снова видим здесь уважение к женщине — черта, свойственная древним народам на всей территории от Индии до Прованса. Такие утонченные женщины умели превратить дремучие силы, рожденные чувственностью и страстями, в «высокий» стиль жизни, в прекрасное искусство, в прелестную игру одухотворенной эротики. «Это — фея, которой мы обязаны достижениями науки и прогрессом культуры» (Вирт).

В свое время господствовало ошибочное убеждение, что все пришедшие с Востока в Европу цыганские племена были потомками «парий», которые находились на самой нижней ступени индийского кастового общества и состояли из уголовного и асоциального элемента.

Различные сказания, исследования таких высокоученых цыган, как, например, Кохановский, убеждают, что среди различных цыганских племен, пришедших в Европу, мы можем найти и потомков высокородных рыцарских родов. Они вынуждены были эмигрировать, потому что их страны пали под натиском исламских завоевателей. Леланд и другие исследователи высказали предположение, что среди группы кочевников были и женщины, носители знаний тантризма — науки высокой эротики. Проникнув в Европу, они постоянно находили последователей своего учения как среди знати, так и среди низкорожденных.

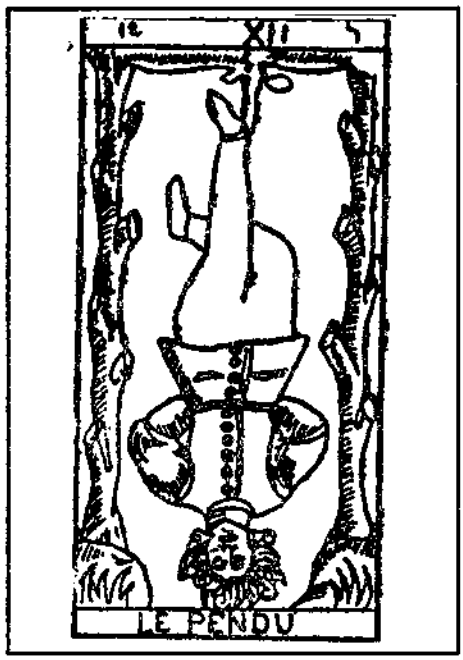
Карта учит тому, что истина — сила духа, убежденного в своей вечности, отсюда исходит и «очищение» чувственной «львиной силы», облагороженное чувство становится основой для выражения высокой культуры.

Тарот Куртна де Гебелина

Отсюда идет также и умение образованного человека одержать победу над «горой мышц» — азиатские системы единоборств, да и боевая техника рыцарей средневековья породили немало тупоголовых силачей.

Испытание (повешенный)

Человек на ключевой карте 12, висящий между двумя деревьями или двумя горами, отнюдь не производит на нас впечатления страдающего: одну ногу он согнул, примерно так, как мы это видели на карте повелителя или как это делает божественный спаситель мира Кришна в индуистских изображениях. Вся эта картина скорее производит на нас впечатле-



Тарот из Марселя

ние, что человек просто испытывает свое мужество. Об этом свидетельствует и его юношеский спокойный вид.

В германской Эдде божественный герой Один висит на «закоченелом дереве», чтобы проникнуть в тайны магических символов (рун). Можно вспомнить и о труднейших физических упражнениях североамериканских и азиатских шаманов, из их упражнений, возможно, развились в глубокой древности и некоторые упражнения искусства индийской йоги. Здесь можно увидеть и объяснение различных испытаний на мужество у многих народов, когда юноша должен был научиться владеть собой и, таким образом, выработать физическую выносливость.

В современном гадании на картах Тарот испытание означает необходимость сохранять равновесие при столкновении мнений, «между обеими противоположными горами», умение вырабатывать собственную точку зрения.

Оба дерева (колонны) из символа противоречий (а если они соединены горизонтальной перекладиной, то и из символа приспособления для пыток с подвешенным за ноги вниз головой человеком) превращаются в довольно оптимистический символ, в намек, что, несмотря на все трудности, испытание можно выдержать, что можно найти равновесие (мост, дугу) между двумя полюсами и тем самым — путь к освобождению.

Смерть

В различных рядах Тарот название этой картины — «смерть» — вообще не пишут. Причина тут, как утверждают знатоки символики Тарот, кроется в том, что смерти как таковой вообще нет, что различные разрушения в мире существуют только для того, чтобы могла развиваться новая жизнь.

Коса (иногда серп) напоминает о жатве растений, но корни, семена остаются, и они дадут новой росток весной. Коса и серп в астрологии часто выступают как символы Сатурна — «господина времени». Это, несомненно, (как и более древний бог времени в индийской мифологии Махакала) — прообраз христианских средневековых изображений смерти. И серп и коса своим видом напоминают лунный серп, да и в наши дни в изображениях на цыганских повозках или в крестьянском искусстве альпийских стран это — красноречи-

Тарот Куртна де Гебелина

Тарот из Марселя

вый символ приливов и отливов во всех природных явлениях, исчезающего и возникающего вновь.

Более или менее явственно на карте 13 в различных рядах Тарот можно различить внизу человеческие лики, часто с коронами, которые как бы «вырастают из земли». С этой карты с нами говорит древнейшая философия, «королевское искусство» (равно как и на всех картинках алхимиков, где знаки были приписаны различным существам). Здесь мы вновь встречаемся с познанием вечной смены и постоянного превращения всего внутри нас и вокруг нас.

Только тот, кто победит страх перед смертью, увидит рождение новой жизни и победу жизненных сил, только он сможет выйти из темноты к свету и преодолеет все разрушения.

И конечно, и страх перед числом 13, которое для суеверных предсказателей всегда означало недоброе: и они приходили в ужас, когда вытаскивали карту Тарот 13, означающую смерть (Сатурн или «Господин Суббота»!).

Умеренность

В ключе 14 мы вновь видим красивую, похожую на фею даму с крыльями. На лбу у нее часто изображена звезда, солнце или драгоценный камень.

Дама переливает из одного сосуда в другой жидкость, показывая тем

Тарот Курта де Гебелина

Тарот из Марселя

самым, что высокие познания (крылья, звезда во лбу) означают в мире постоянное равновесие сил.

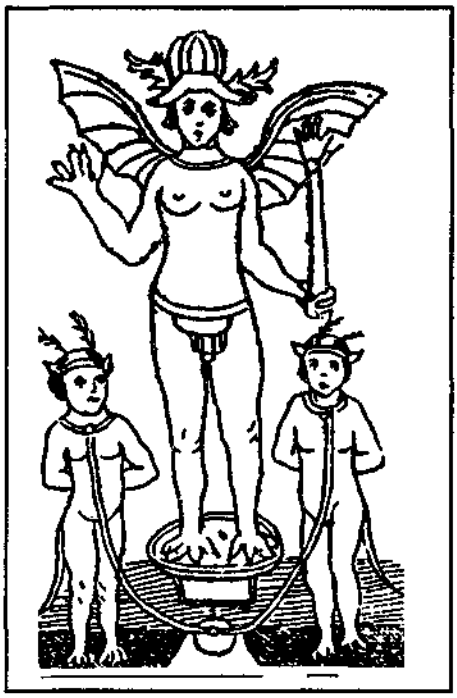
Понимание меры, которое стоит за круговоротом всех вещей в подлунном мире, для философии Тарот, как и для философии алхимии, есть первопричина успеха и удачи: если ее понимать, то вникнешь и в «великое дело», которое дает нам творчество.

Дьявол (господин ночи, мастер шабаша ведьм)

Знатоки цыганских преданий говорят: «Отправляемся дальше, до ключа 15, на котором вы видите нашего цыганского дьявола Бенгорро с крыльями летучей мыши, орлиными когтями и козлиной головой. Он руководит шабашом ведьм» (Штарки).

Фигура стоит, по-видимому, на камне, на каком-то небольшом постаменте. Рядом стоят два маленьких, похожих на него существа с хвостами (дети?); канатом или ремнями они привязаны к постаменту. Руки их спрятаны сзади, возможно, они связаны.

Иногда обоих этих созданий трактуют как магических слуг правителя шабаша — кобольдов, которые населяют царство дьявола и которых он иногда дарит в качестве помощников своим приверженцам среди людей, «чтобы они приносили им в дом счастье и достаток».



Тарот Курта де Гебелина

Марсельский Тарот

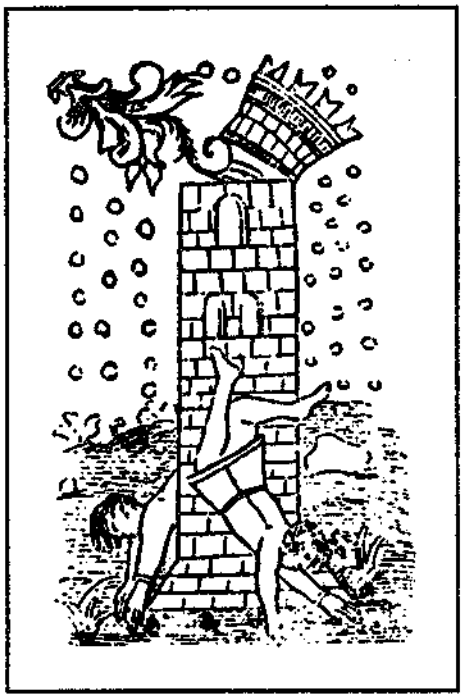
Как утверждают многие знатоки Тарот, карта «господин ночи» сама по себе ничего плохого не означает: крылья летучей мыши, символического существа мрака, означают просто, что надо избавиться от суеверного страха, если ты хочешь проникнуть в темноту неведомого, чтобы распознать его тайны.

Ты обретешь опыт на одиноких тропах познания, ведущих к вершинам мудрости, если только не будешь бояться ночи. Поэтому фигура на 15-й карте Тарот держит в руке факел, второй факел (горящий драгоценный камень) может находиться на лбу либо в короне.

Разрушение
(храм, Вавилонская башня)

Познания своего племени об этом древнем изображении канадский цыган Ли резюмирует следующим образом: «Человек никогда не может дерзнуть примерять к себе роль Бога и вмешиваться в естественный ход событий. Храм можно построить на трупах рабов, но однажды ударит молния, храм обрушится и сбросит возомнившего о себе строителя в грязь и в погибель, которую он создал себе сам».

Башня на ключе Тарот 16 имеет, как правило, сверху 4 зубца. Как мы



Тарот Курта де Гебелина

Марсельская карта Тарот

уже говорили, число четыре есть отражение и символ материального мира, то есть увенчанная короной башня олицетворяет только власть и богатство ее строителей, «не способных на более высокие идеи».

Небесный огонь может низринуться на землю и уничтожить, как в библейской легенде, сложнейшее Вавилонское сооружение, которое должно было возвеличивать тех, кто его возводил.

Подобным же образом были уничтожены молниями все творения высокомерных титанов, которые хотели низвергнуть богов — будь то индогерманские боги грома, ведийский Индра, греческий Зевс, римский Юпитер, германский Тор или славянский Перун.

Башня падает, корона (власть над материальным миром) рушится, а возомнившие себя богами строители низвергаются в пучину.

Шарики, падающие с небес на землю, часто отождествляли с градом и дождем. Поскольку окружности и круги в символике почти всегда имеют положительное значение, то их толкуют как плодородную энергию, «жизненное семя», падающее со звезд на почву благодаря божественному благословению.

Некоторые из предсказателей Тарот толкуют эту карту таким образом: любое разрушение тупой, по сути

Тарот Курта де Гебелина

Тарот из Марселя

своей поверхностной и устремленной только на обретение власти цивилизации — во благо, оно приводит к новому творческому началу, «к счастливой весне новых начинаний и новых миров».

Звезда

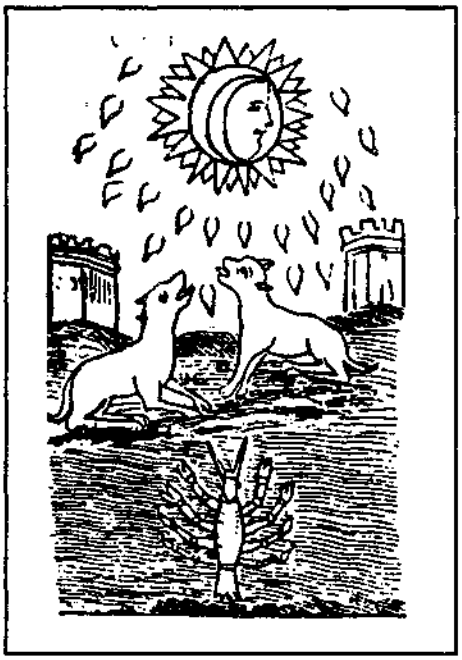
На ключе Тарот 17 мы видим большое светило (часто понимаемое как исходная божественная сила — предтеча всех видимых предметов) в окружении семи маленьких звезд — известных нам символов алхимии и астрологии.

Под звездами — нагая женщина, которая из двух кувшинов льет воду на землю.

Кто видит в картах Тарот свидетельства аристократических воззрений средних веков, тот узнает в ней даму, воспетую миннезингерами, — счастливую звезду странствующего рыцаря, которая своей любовью приносит ему удачу на дорогах жизни.

Для многочисленных современных почитателей Тарот, которые склонны видеть в картах свидетельства цыганской и ведьминой мудрости, это — мудрая женщина, «познавшая все тайны природы, трав и звезд, мужской силы и женского плодородия».

Старуха-цыганка рассказывает Штарки: «Наш народ верит в верхов-



Тарот Куртиа де Гебелина

Марсельский Тарот

ную жрицу, которая в 17-м ключе выливает из двух сосудов воду на землю, над жрицей сияет звезда мудрости, окруженная семью маленькими звездочками, а рядом с ней порхает бабочка, опускающаяся на цветок, — символ души».

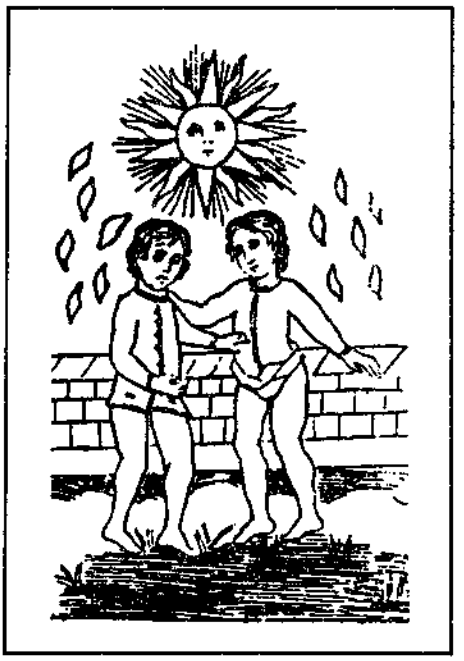
Рядом с женщиной иногда изображают некое существо с крыльями — то птицу на дереве, то бабочку на цветке. В расцвете своего движения хиппи очень интересовались этим изображением, видя в нем символ высокого «невесомого» бытия или бессмертия.

«Мы придем к нему, если познаем мудрость богини Земли, законы звезд и всей природы, и снова будем жить в согласии с окружающим нас миром и всеми существами, его населяющими».

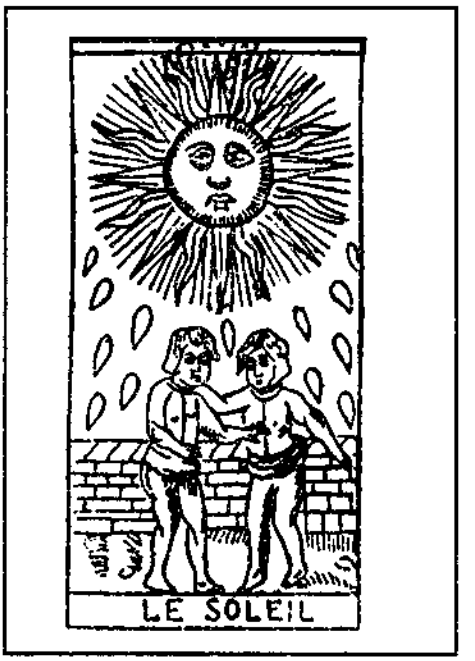
Луна

«Лицо в луне — это Диана, богиня кочевников, — рассказывает цыган Ли. — Это, прежде всего карта мечтателя, предающегося иллюзиям, молодого человека, размышляющего о смысле жизни. Это карта романтика, художника, мыслителя и студента...» (в средние века, наверное, сказали бы: карта странствующего рыцаря и школяра).

На переднем плане картинки — вода, падающая вниз, — символ бессознательного. В воде — рак, кото-



Тарот по Курту де Гебелину



Тарот на марсельских картах

рый пятится назад, — символ создания, которое боится двигаться вперед и бежит обратно, в темную глубь.

На многих новых картах Тарот, особенно популярных сегодня у молодежи (все они отчетливо восходят к традиции Тарот Прованса, «Тарот из Марселя»), мимо «моря рака» проходит дорога, ведущая снизу вверх. Нередко сравнивают варианты, которые возникли на основе изучения преданий современных кочевников и предсказаний оккультистов, возникают ряды Тарот Вирта и Вегмюллера. Полагают, что на этом пути снизу вверх могут встретиться неприятные духи или привидения, а также рушащиеся здания (крепости, башни, в которых заточены узники, пограничные будки).

Цыгане, например, говорят: «На этой картинке ты видишь черную собаку — отродье дьявола,— которая лает на луну, и оборотня или кровососущего вампира, который выискивает свои жертвы по ночам. И на этой же карте ты видишь две башни — это Геркулесовы столбы, о которых в древности полагали, что они указывают направление в сумерки, по другую сторону от этого мира» (Штарки).

Но человек, который не боится всяких суеверий, пройдет и между обоими угрожающими ему башнями либо, как говорят гадалки, «возможно, и часовые, которые охраняют эти крепости, такие трусливые и суеверные, что ночью не высовывают носа наружу». Тогда странствующий шко-

ляр увидит, что в царстве лунной богини может быть светло как днем от сияющей луны, что здесь таятся не только ночные страхи, но и могут сиять огненные шары, искры, капли росы, они оплодотворяют землю и утверждают победу жизни.

Солнце

На карте 19 мы видим двух людей (можно видеть обнявшихся мужчину и женщину). С солнца вниз на них капают капли (искры, маленькие кусочки пламени). Люди стоят на цветущем лугу, Вирт добавляет еще и магический круг вокруг ног этих людей. Позади — небольшая стена, которая защищает их и скрывает от посторонних глаз.

В средневековых изображениях мы также видим вечную любовную пару в их «Райском садике» (саду любви). Беспристрастный наблюдатель без труда увидит здесь сродство символики Тарот с изобразительным рядом европейской культуры, хотя, конечно же, мы имеем здесь дело с весьма своеобразным преломлением известных мифов.

Знатоки Тарот видят на этой карте светлое, теплое и счастливое время года. «Дети, которые сблизились друг с другом под солнцем, по астрологическим воззрениям,— близнецы, причем тут уместно вспомнить, что именно под знаком Близнецов проходит самый долгий месяц» (Вирт).

Человек может быть истинно счастлив — а счастье здесь олицетворяется солнечным днем и летом — если его счастье во всяком смысле разделяется другим близким ему человеком. К тому же человек скрыт от постороннего глаза стеной, потому что жизненные цели и счастье человека не всегда разделяются и могут быть поняты посторонними.

Воскресение (Страшный суд)

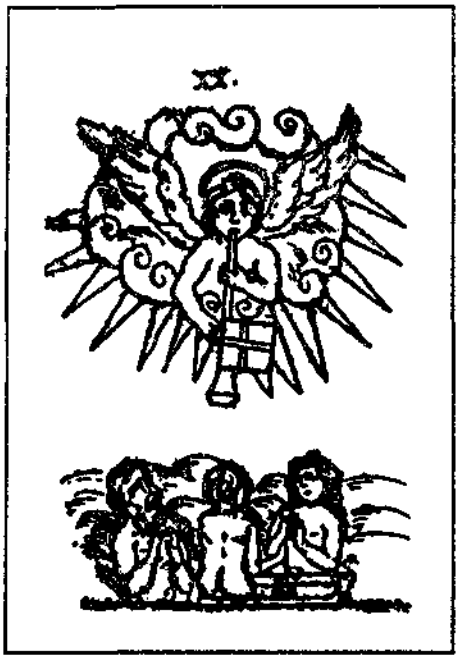
Из сверкающего круглого облака выглядывает лицо божественного существа, вокруг его головы — нимб (на некоторых картинках также драгоценный камень во лбу).

Бог играет на трубе, украшенной флажком, на котором вышит крест. Внизу мы видим могильный прямоугольник — символ смертности и преходящего. Но при звуках небесной трубы, которые выражают волю небожителей, под теплом лучей из земли восстают мертвые, они воскресают, они молитвенно подняли руки вверх, они благодарят Господа за прекрасное чудо воскресения.

Знатоки поясняют, что из каменной могилы восстает только одна, средняя, фигура (она обращена к нам спиной, то есть мы не можем определить пол этого человека), именно этот человек рождается заново, а по представлениям цыган, рождается много раз.

Мужская и женская фигуры окружают четырехгранную могилу, они полны ожидания и готовы прийти на помощь. Это значит, что для рождения человека необходимы три силы: мужская воля породить жизнь, желание женщины родить и, наконец, их общая вера, что зачатием и рождением они исполняют небесную (божественную) волю.

Хазарские евреи, жившие в Крыму, говорили уже в нашем столетии, что «чем больше мужчина и женщина желают ребенка, чем больше они готовятся к зачатию, как следует



Тарот Куртна де Гебелина

Тарот по марсельским картам

готовиться к церковной службе, тем большее благородство разбудят в них божественные силы». На картах цыган, равно как и на изображениях в культурах многих народов, населяющих Гималаи, на совокупляющуюся молодую пару и на беременную женщину благосклонно взирают с небес боги. В зависимости от того, насколько набожно и истово ведут себя родители, родившийся ребенок будет красивым и одаренным.

Мир (время)

Это — ключ 21 (или 22) и завершение Высших Арканов рядов Тарот. Молоденькая девушка стоит на одной ноге — символ легкомыслия — в кругу, который толкуется как магический круг, венок из цветов, катящееся колесо веков, а иногда даже как «мировое яйцо».

Вирт обнаружил на этой карте ту же идею, которую он нашел и в древнейших преданиях для объяснения свастики: «Мир — это вечный танец, череда поворотов, в которой нет ничего постоянного, все вращается, потому что только движение проявляет назначение вещей».

Карта показывает нам первозданную божественную мощь, которая обеспечивает круговращение мира, своим волшебным жезлом божество устанавливает равновесие сил и заботится, чтобы ничто не стояло на месте.

Вокруг венца жизни мы видим

Тарот Курта де Гебелина

Тарот по марсельским картам

изображение четырех основных сил, стихий, времен года, сторон света, иногда, кроме них, на карте изображаются ветры, которые дуют с этих четырех направлений к центру: орел, ангел, лев, бык — все они хорошо известны как символы творцов четырех Евангелий и по астрологическим знакам.

По Штарки, цыгане трактуют овал как «мировое яйцо» или исполнение всех желаний.

Понимание картины мира как постоянного превращения всего, символами которого являются окружность, венок, танец и «мировое яйцо» (символ возрождения всех вещей), причем эти символы нередко переходят друг в друга, должно способствовать выработке в человеке внутреннего спокойствия и бодрости.

Дурак

Этой картинке присвоен номер 22 либо 0, она находится вне круга 21 (3×7) ключевого аркана. «И в то же время это — ключ к игре игр, которая помогает нам философски осмыслить мир».

Человек одет в пеструю, местами рваную одежду. Он, спотыкаясь, бредет по миру, все его пожитки связаны в узелок, который он несет на палке через плечо. Он с любопытством смотрит на мир и при этом совсем не замечает, как дикий зверь

*Таро*т *Курта де Гебелина*

*Таро*т *по марсельским картам*

(сторожевая собака, волк, а иногда из породы кошачьих) рвет зубами его штаны, а то и само тело.

Штарки говорит: «Мы (маги) называем эту карту «мат». Она означает помешательство и слепую человеческую глупость». Ли, говоря о родственном изображении, принесенном его племенем, перебравшимся в Северную Америку, истолковывает эту карту так: «Дурака окружают похоть, пороки, фальшь, недостойное поведение и самоуничижение». Этот поэт и знаток преданий своего народа считает, что мир дурака обрел свою полную реальность в трущобах, в которых остатки его народа нашли прибежище после иммиграции.

Независимо от того, обрели ли карты Таро известную нам форму в эпоху декаданса рыцарской культуры в Провансе, Бургундии или Северной Италии, либо когда слетела позолота великолепия с царства хазар или же во времена странствий цыганских племен из Индии на запад, в Европу, они представляют собой предостережение человеку: стоит ему покинуть родину, как в чужой для него обстановке он — не что иное, как дурак, не имеющий корней, без руля и без ветрил, он судорожно цепляется за жалкие остатки прежних ценностей, он готов броситься вслед за любым поманившим его огоньком надежды, а на самом деле остается игрушкой недружественного ему случая.

Для истинных предсказателей кар-

ты Тарот — не только оракул для доверчивого суеверного клиента. Нет, они содержат и элементы подлинного учения. «Надо много размышлять о смысле 21 аркана, которые содержат ключи к миру, иначе ты так и останешься дураком — созданием, которое устремляется за различными постоянно меняющимися соблазнами, то обретая надежду, то впадая в отчаяние и не давая себе труда разобраться в причине собственных смятений».

На карте знатока Тарот Вирта дурак взят, по преимуществу, из представлений розенкрейцеров и масонов, здесь появляются еще и дополнительные символы. «Рысь (именно в виде рыси представлен у Вирта зверь, нападающий сзади на дурака!) заставляет дурака бежать в направлении поверженного обелиска, за которым в засаде сидит крокодил: тот готов проглотить то, что все равно обречено вернуться в хаос...»

Некоторые знатоки Тарот придают большое значение драгоценному золотому поясу, который, по Вирту, украшен знаками зодиака (по другой версии — изображениями 21 или 22 ключей Тарот) и который дурак носит на теле. Золотой пояс — символ остатков некогда великого прошлого, воспоминание о познаниях предков, которые всегда могли помочь беспомощному человеку, когда он попадал в нужду. Необходимо только восстановить эти познания в своей памяти и применить их в сегодняшней обстановке.

Младший Аркан Тарот

К 22 высшим «ключам Тарот» (Высший Аркан, или главная колода) добавляются 4×14 = 56 ключей меньшей колоды, которые в свою очередь подразделяются на 4 класса — соответственно 4 стихиям, да и многим другим символам, обозначаемым четверкой в соответствии с представлениями астрологии или алхимии.

В каждом классе имеются числовые карты от 1 (туз) до 10, затем идут валет (паж), рыцарь, дама и король.

Четыре класса (цвета, масти) называют обычно вот как: булавы, монеты, мечи и кубки.

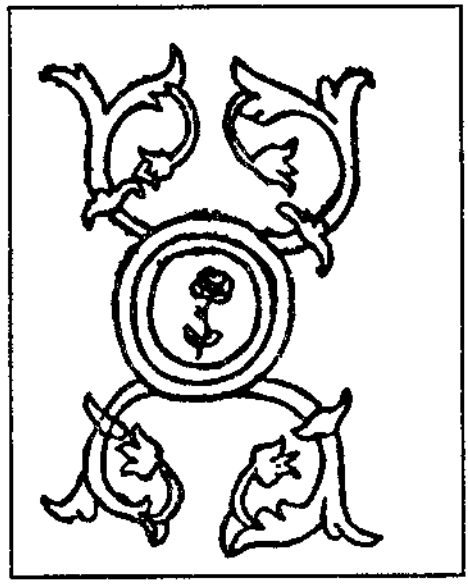
Высокоученый Курт де Гебелин, крупнейший исследователь карт Тарот в XVIII веке, считал, что эти масти — отражение четырех каст в восточно-египетском, а также и в средневековом европейском обществе: одна каста — крестьяне и ремесленники, вторая — торговцы и финансисты, третья — рыцари и дворяне, четвертая — священнослужители.

(Именно такие касты существовали в ведийской индийской культуре, в чем некоторые усматривают еще одно доказательство цыганско-индийского происхождения Тарот.)

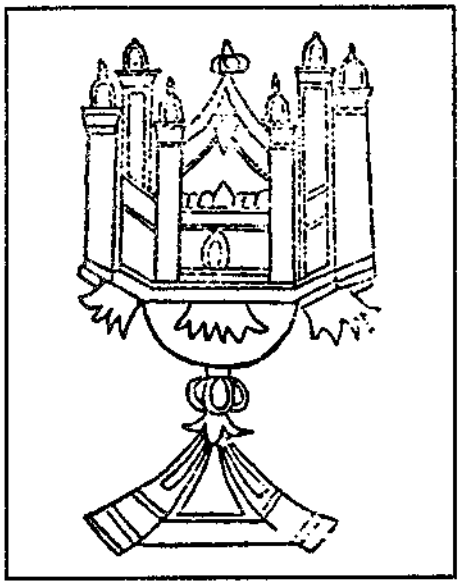
Во всяком случае, уже издавна предсказатели относили четыре класса Тарот (и другие виды карт) к символам стихий: булава — огонь, монета — земля, меч — божественное пламя молнии, другими словами — воздух, и, наконец, кубок — вода. Примечательно, что на картах Курта де Гебелина туз булав и туз мечей окружены языками пламени или огненными искрами.

Еще и в наши дни многие гадатели отождествляют эти четыре стихии с четырьмя темпераментами, которые они приписывают различным людям. Согласно их учению, которое в этом отношении близко к представлениям индийской философии, четыре цвета

Туз мечей (по Гебелину)



Туз монет (по Гебелину)



Туз кубков (по Гебелину)

Туз булав (по Гебелену)

Карта Тарот «Маг», художник Лео Леохард

и четыре касты — вовсе не признак иерархии и тем самым угнетения человека, а всего лишь отражение разнообразия и сходства человеческих способностей и, соответственно, жизненных занятий человека.

Относительно иллюстраций

Приведенные в этой книге карты Тарот взяты (если нет иных указаний) из опубликованной в 1899 году книги «Le Tarot des Bohemiens» («Цыганский Тарот»).

Карты Курта де Гебелина были приведены им в монографии «Du Jeu des Tarot», 1787. На титуле приведен плакат, посвященный Тарот и созданный художником Аликсом Турнером (Берн, 1978).

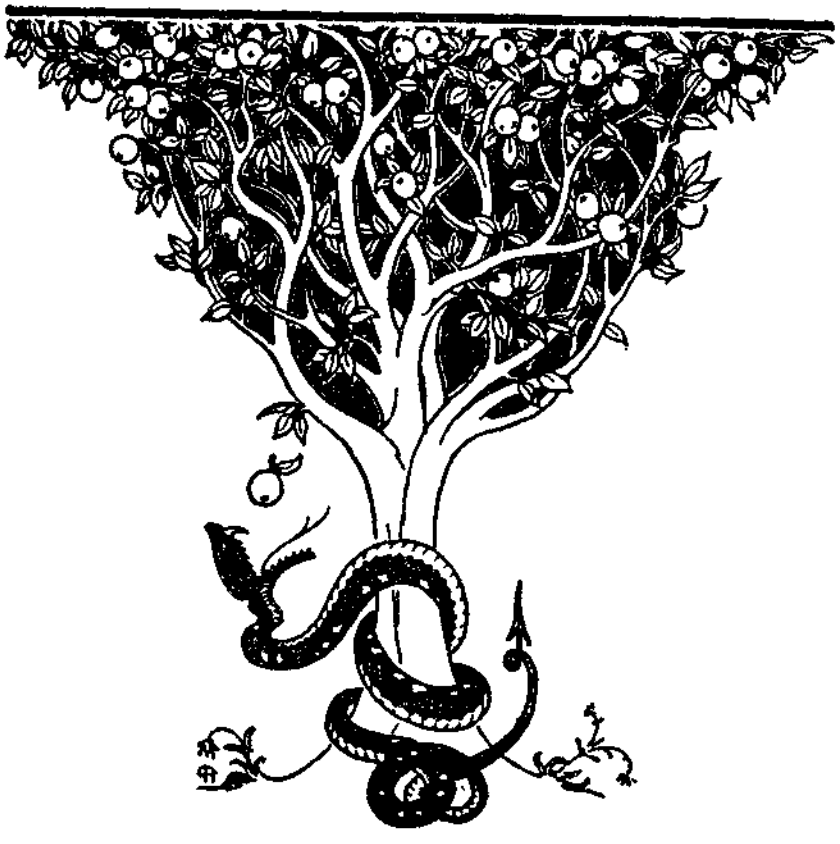
Каббалистическое древо взято из книги «Die Kabbala», автор Papus, издана в 1981 году.

Литература

K. Bercovici, The Story of Gypsies, New York 1928
J. G. I. Breitkopf, Versuch den Ursprung der Spielkarten ... zu erforschen, Leipzig 1784
W. A. Chatto, Facts ... on the Origin ... of Playing Cards ..., London 1816
J.-P. Clébert, Les Tziganes, Paris 1961
A. Court de Gebelin, Le monde primitif, Paris 1775–1784
P. Derlon, Unter Hexern ..., Basel 1976
P. Derlon, Im Garten der Einweihung, Basel 1978
S. Golowin, Zigeunermagie im Alpenland, Frauenfeld 1973
S. Golowin, Die Welt des Tarot, Basel 1975
B. Innes, The Tarot, London 1977
S. R. Kaplan, The Encyclopedia of Tarot, New York 1978
M. C. Leber, Etudes historiques sur les cartes. Paris 1842
R. Lee, Verdammter Zigeuner, Weinheim 1978
C. G. Leland, Gypsy Sorcery ..., New York 1963
E. Lévi, Geschichte der Magie, (Neudruck), Basel 1978
Papus, Le tarot des Bohémiens, Paris 1889
Papus, Le tarot divinatoire, Paris 1909
B. I. Rakoczi, La roulotte initiaque, Initiation bohémienne ..., Paris 1967
S. W. Singer, Researches into the History of Playing Cards ..., London 1816
W. Starkie, Auf Zigeunerspuren, München 1957
M. Steiner/S. Golowin, Das Tarot – Die Welt als Spiel, Zürich 1968
J.-A. Vaillant, Les Romes, Paris 1857
F. de Ville, Tziganes, Bruxelles 1956
W. Wegmüller: Die Welt des Tarot, Basel 1978
O. Wirth, Le tarot ..., Paris 1966

Символы повседневности

«...И вкусили они от него, и открылись глаза у них...»



«Имеется немало убедительных доказательств, свидетельствующих о том, что привычка — не что иное, как реакция нервной системы на какие-то сбои, имеющие обратную связь. Это — как бороздки на грампластинке: чем чаще игла проезжает по этой бороздке, тем больше шансов, что она снова попадет на нее».

Тимоти Лири. «Политика экстаза»

Введение, или Новое платье короля

Мы привыкли к тому, что мифы пришли к нам из седой древности, мы привыкли приписывать суеверные культы и ритуалы мрачному средневековью, мы допускаем возможность появления насильственных политических структур или то, что человек может быть лишен возможности проявлять свою индивидуальность в будущем, и всякий раз поражаемся, что на самом деле все эти явления — особенности сегодняшнего дня. Каждый из нас, как правило, отдает симпатии какой-либо политической партии, а партии противостоят друг другу в жизни как белые и черные фигуры на шахматной доске.

Достаточно послушать по радио либо увидеть по телевизору новости, достаточно полистать «светскую хронику» иллюстрированных журналов, чтобы увидеть, что крупные политики нашего времени видят мир как огромную шахматную доску, на которой мы — маленькие пешки. Они воздвигают барьеры между людьми, и мы, как будто под чарами черной магии, признаем эти барьеры и эти

Если внимательно присмотреться, то кажущиеся нам столь серьезными реальности наших будней — не что иное, как игра в поддавки

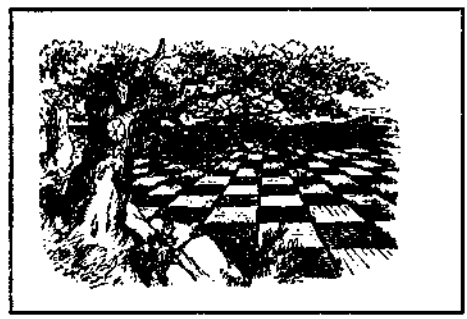
Осторожно — нас могут услышать футболисты или их болельщики

разграничения. Бароны финансов и промышленности в каждой стране отчуждают людей друг от друга, воздвигая все новые Вавилонские башни то в виде атомных электростанций, то автобанов, химических фабрик, подземных ракетных установок или взлетно-посадочных полос для самолетов.

Стоит немного поцарапать лакированную поверхность столь очевидной и рациональной действительности, как это делали писатели Генрих Циммер и Джеймс Джойс, как это делают сегодня такие мыслители и художники, как Сергиус Головин, Ганс-Петер Дюрр, Станислав Лем, Рор Вольф, Х.Р. Гайджер и Вернер Фукс, и мы внезапно окажемся по другую сторону привычных будней и увидим, что мир населен символическими фигурами, известными нам разве что из детских сказок, уйма различных ритуалов и сторон нашей деятельности превратятся в обернутые в ритуальную упаковку суеверия, правила игры, навязанные нам извне «черным спископом» или «дамой пик». Чтобы убедиться в ирреальности нашей жизни, давайте послушаем беседу двух спортивных комментаторов, точнее футбольных комментаторов (футбол — еще один фетиш сегодняшнего дня), процитированную из книги Рора Вольфа «Точка есть точка».

Одного комментатора (условно обозначим его буквой А) мы видим на экране телевизора. Другой комментатор (Б) в настоящее время находится на Кипре.

А. Ну что, попробуем связаться с Никозией. Алло!
Б. Да.
А. Ну вот, я вас и застал. Как прошла игра?
Б. Я не понял вашего вопроса.
А. Я спросил, как прошла игра?
Б. Игра?
А. Ну конечно же.
Б. Какая игра?



Мир — шахматная доска для сильных мира сего

А. Я имею в виду игру, о которой вы хотели нам рассказать, — встреча национальных сборных.
Б. Что?
А. Национальных сборных по футболу.
Б. Сборных?
А. Вы не знаете, как она закончилась?
Б. Я не могу судить об этом, я игры не видел.
А. Как, вы не видели этой игры?

Б. Что?
А. Вы говорите, что не видели игры? Я рад, что мы наконец-то понимаем друг друга.
Б. Что?
А. Я говорю, я рад, что мы понимаем друг друга.
Б. Что вы имеете в виду? Я вас не понимаю.
А. Вы меня не понимаете?
Б. Почему же, я вас хорошо понимаю.

Чтобы хоть что-то понять в нашей аналогичной повседневности, лучше всего, как это порекомендовал один американский социолог, почитать фантастический роман — может быть, тогда мы разберемся в нашей жизни лучше, чем если будем изучать сложные и полезные научные трактаты.

Ниже мы поговорим о символах повседневности, но оговоримся сразу, что ни в коей мере не претендуем на их полноту. Любой заинтересованный читатель сможет дополнить наш список и сбросить покров однозначности с сегодняшних реалий, чтобы иметь возможность, как дитя в сказке Андерсена, воскликнуть: «А король-то голый!»

Литература

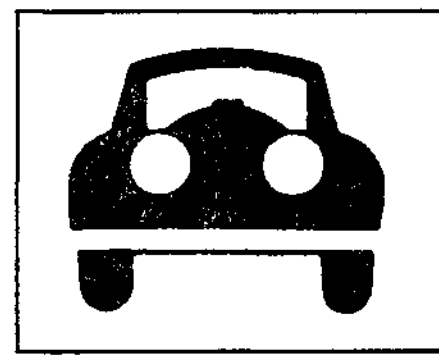
J. Campbell: Myths to live by, New York 1972
H. P. Dürr: Traumzeit, Frankfurt/Main 1978
W. Fuchs: Todesbilder in der modernen Gesellschaft, Frankfurt/Main 1969
S. Lem: Die vollkommene Leere, Frankfurt-Main 1973
F. Leiber: Schwerter – Zyklus, München 1976 f. (mit den Abenteuern der beiden Helden, des Fafhrd und des Grauen Mauslings, auf dem Planeten „Nehwon" bildet Leiber den wahren „Film der Realität" mit einer schon fast „schurkischen" Offenheit ab)
H. R. Giger: Alien, Basel 1980
Sergius Golowin: Magische Gegenwart, Bern 1970 (Neudruck München 1980)
James Joyce: Ulysses, Frankfurt/Main 1963
Ror Wolf: Punkt ist Punkt. Alte und neue Fußballspiele, Frankfurt/Main 1978
Heinrich Zimmer: Abenteuer und Fahrten der Seele, Köln 1977

Автомобиль

Если в прошлом немцы считали лошадь священным животным, то теперь в сознании их нынешних потомков ее место прочно заняла автомашина. Для миллионов она — еще и в некотором смысле символ статуса, тщательно оберегаемая зеница ока, фамильная драгоценность, о которой много говорят в пивных и на работе, балованное дитя всей семьи.

Только на покупку новых автомобилей в Федеративной Республике Германии в 1977 году было потрачено 33,8 миллиарда марок и еще на 27 миллиардов было куплено подержанных автомобилей. На приобретение бензина, на ремонт и текущий уход за автомобилем было израсходовано еще 56,8 миллиарда марок.

То, что некогда было по карману



Как рыцарь на турнире, водитель окружен со всех сторон железом

только благородному рыцарю — а именно, явить зрителям на турнире свое железо, — стало во всем мире видом национального спорта.

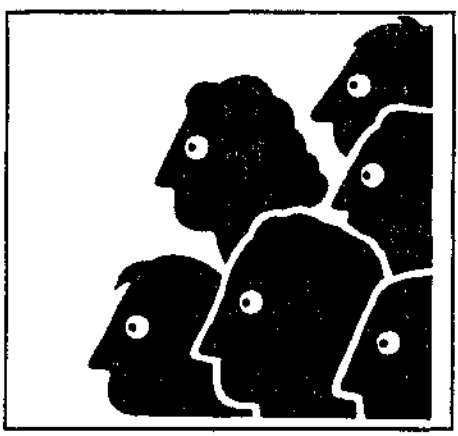
Вряд ли что-нибудь может так взволновать потерпевшего и многочисленную публику, как проводимый по всем четко оговоренным правилам спор по поводу ущерба, нанесенного владельцу при столкновении двух автомобилей.

Роберт Шекли, пожалуй, один из лучших фантастов современности, анализирует подобный «турнир» на чужой (на самом деле, удивительно знакомой нам) планете Айон с великолепным юмором и иронией:

«Две машины столкнулись на перекрестке. Удар был незначительным, оба водителя не пострадали и вышли из машин. Хотя один из них был маленьким и коренастым, а другой — тощим и высоким, оба напоминали бухгалтеров средней руки. Оба улыбались.

Высокий осмотрел свою машину и спокойно промолвил:

— Похоже, длинная рука провидения свела нас друг с другом. Очень любопытно услышать, разделяете ли вы мою точку зрения, что это вы проехали на красный свет и, таким образом, несете всю ответственность за происшедшее. Я не хочу, чтобы вы обязательно признавали свою вину, я хочу только с максимальной объективностью и спокойствием изложить суть обстоятельств.



Для многих глазеть — главное занятие в жизни

Зрители, которые набежали со всех сторон, одобрительно загудели. Глаза их устремились на коротышку, который, заложив руки за голову, покачивался на каблуках, как, возможно, делал Фрейд, когда размышлял на тему, существует или нет инстинктивное ощущение предстоящей смерти. Он промолвил:

— Не полагаете ли вы, что оправдания, основанные на признании собственной объективности, нечестны, если не сказать большего?

Толпа кивнула в знак согласия. Длинный бросил:

— Вполне согласен с тем, что личное мнение всегда пристрастно. И все же мнение — это единственный аргумент, которым мы оперируем, чтобы отличить одно от другого, и наша задача как мыслящих существ — вырабатывать мнение, которое послужит для нас основой последующих суждений. Так называемые объективные факты основываются на парадоксе субъективности, и именно это даст мне основание утверждать, что вы не правы, и никакие ссылки на дилемму «видел — не видел» не смогут это изменить.

Публика одобрительно загудела, некоторые что-то записывали, возникли небольшие группки спорящих.

Коротышка смекнул, что сделал тактически неправильный ход, позволив длинному продолжительный мо-

нолог. Он отчаянно пытался вернуть себе инициативу, переведя дискуссию на другой уровень:

— Не кажутся ли вам собственные слова немного подозрительными? — спросил он с улыбкой Яго. — И у вас всегда такая неодолимая тяга считать себя обязательно правым? Давно ли вы пытаетесь создать ситуации, в которых другая сторона неизменно не права, и отодвинуть момент, чтобы взглянуть в глаза неприкрытой истине, говорящей о вашей неоспоримой вине?

«Я — великий, по крайней мере, в моем автомобиле!»

Длинный, предвкушая очевидную победу, возразил:

— Друг мой, это все — чистая психологическая беллетристика. Вас смутил демонический аспект вашего собственного поведения, который и побуждает вас непременно отстаивать собственную правоту.

— Похоже, вы любитель читать в мыслях, — бросил коротышка. Публика встрепенулась.

Длинный парировал:

— Ничего подобного, я не читаю чужие мысли, я просто анализирую те многочисленные небольшие доказательства, которые позволяют мне делать очевидные логические выводы. Мне думается, каждому это ясно.

Это замечание вызвало аплодисменты.

— Черт побери, — сказал коротышка, обращаясь к зевакам, — разве вы не видите, что он всего лишь играет словами. Конкретные факты говорят против него, как бы он ни прибегал к детским уловкам всесилья.

Люди неодобрительно запумели, а один из зевак прошептал на ухо Кромптону:

— Если они не договорятся ни до чего путного, мы всегда можем привлечь обоих к суду ad hominem, не так ли?

Высокий приближался к своему победному финалу:

— Вам кажется, что я не прав, мой бедный друг? Ну что же, я признаю, что я не прав, если это утверждение поможет вашей больной и изломанной психике, но не могу не заметить, что символические победы вряд ли приносят большую пользу. Мой добрый друг, взгляните в глаза тому миру, который нас окружает, выплесните свою грусть и печаль, отдайтесь радости, неизбывному счастью пусть непродолжительного, но столь приятного пребывания на этой зеленой планете!

Наступил момент полной тишины, нарушаемой только жужжанием многочисленных кассетных магнитофонов. Потом коротышка вдруг закричал:

— Да катись ты к черту, оратор фитов!

Длинный иронически поклонился, публика бушевала. Маленький пытался объяснить свой всплеск темперамента желанием перевести беседу в сатирическое русло, но он уже никого не мог убедить».

Robert Sheckley: Die alchimistische Ehe, München 1979

Нищие

Нищие — почти исчезнувшее в настоящее время древнейшее занятие. До появления современного общества потребления нищие играли очень важную роль в социальном общении людей друг с другом. Именно нищие, бродяги, воры, влюбленные и герои были носителями столь необходимой обществу информации, они же обеспечивали возможность побегов лицам, преследуемым законом. Нищий давал человеку уникальную возможность почувствовать себя богаче другого в тот момент, когда он протягивал просящему милостыню.

Сегодняшние нищие, которые все еще пытаются вести себя профессионально, представляют ничтожное меньшинство, закон их преследует. По распоряжению городских властей полицейские прогоняют нищих и бродяг из центральных кварталов на окраины. В 1978 году Совет городского самоуправления Германии предложил поместить такого рода людей, которых большинство населения воспринимает как асоциальную прослойку, в некие специальные рабочие лагеря.

Так что остается только ждать, что вот-вот борцы против нищих примут закон, по которому будут запрещены либо появятся с вырезанной цензурой сценами такие фильмы,

Нищий (из книги Л. Рихтера)

как «Колокола Нотр-Дама», «Багдадский вор», «Робин Гуд» и множество других кинолент про пиратов и авантюристов. Ведь во всех этих фильмах героям помогают нищие.

Кстати, что бы ни говорили о высокомерных баварцах, но именно они все еще разрешают нищим заниматься их привычным ремеслом, по крайней мере, в больших городах. В Мюнхене подчас не знаешь, чему поражаться больше — великолепию ли резаных деревянных фигур святых в церквах или спокойно и с внутренним достоинством сидящим на церковных папертях нищим.

В центре Кельна снова разрешили появляться профессиональному нищему. Говорят, что он даст туристам необходимые пояснения или говорит «спасибо», только если милостыня составляет не меньше 5 марок.

Согласно старинным преданиям и сказкам, такие монархи, как Гарун-аль-Рашид или такие боги, как Христос, Кришна, Зевс и Вотан, обожали рядиться в нищих.

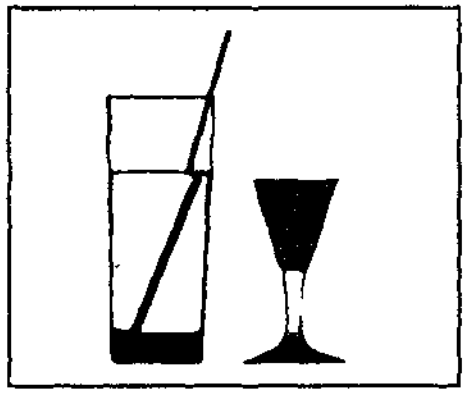
Здесь вы можете выпить чашечку кофе и взбодрить таким образом свою психику кофеином, а заодно и никотином

Наркотики

Если не случается никаких других происшествий, то уж о наркотиках вы всегда найдете в прессе что-нибудь новенькое. Это тема, которую постоянно пережевывают, глотают и выплевывают средства массовой информации, тема, которая постоянно присутствует в речах политиков. Противники наркотиков утверждают, что все любители гашиша грязны, ленивы, длинноволосы и асоциальны, хотя, наверное, такие писатели, как Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, старик Дюма, Герман Мелвилл, а также такие американские президенты, как Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон и Джон Кеннеди, вряд ли согласились бы с ними.

И никто не скажет, что это описание может быть отнесено к Рудольфу Аугштайну, основателю и владельцу крупнейшего журнала ФРГ «Дер Шпигель».

С другой стороны, утверждения богемы, что все творческие люди не



Наркотики и алкоголь недалеко ушли друг от друга

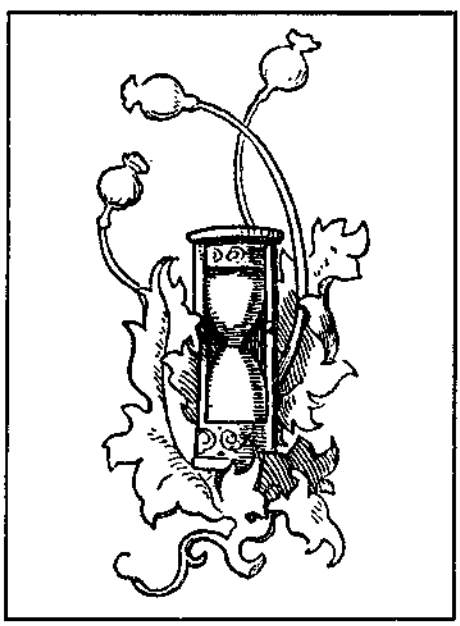
А здесь вы можете получить упаковку барбитуратов или седативного средства «векамин»

выпускают сигарету изо рта, пьют одну чашку кофе за другой, все время глотают таблетки — одни, чтобы заснуть, другие — чтобы проснуться, глотают успокоительное средство "валиум" и постоянно думают о том, когда им лучше принять новую дозу наркотика, — такое же преувеличение, как и восклицания пуристов.

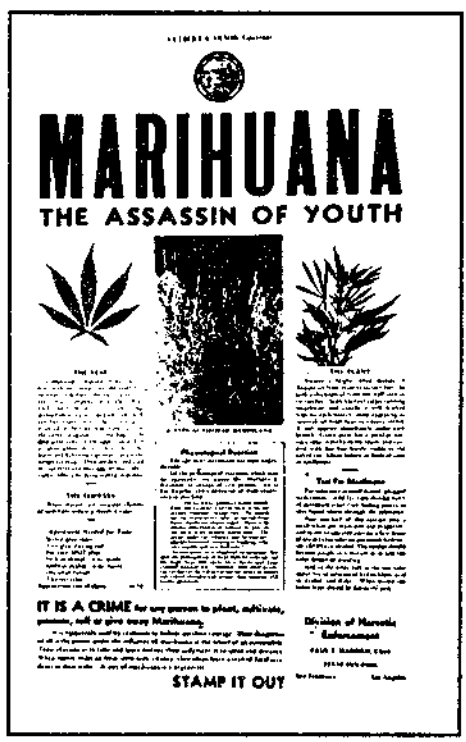
Противники психоделитических препаратов постоянно говорят по меньшей мере о двух «чудовищах из Лох Несса», но мы пока не видели ни одной Несси.

Пренебрегая всякими законами логики и вероятности, нас пытаются убедить, что тот, кто начинает с гашиша, кончает смертоносным наркотиком героина. Если следовать этой логике, то можно смело утверждать, что к героину ведут и телевидение, и поездки в метро, и чтение иллюстрированных журналов, и получение профессионального образования, и любовь к шоколадкам «Марс», и проживание в многоэтажных домах. В реальности же практически нет по-настоящему солидных исследований в этом отношении, да и быть не может.

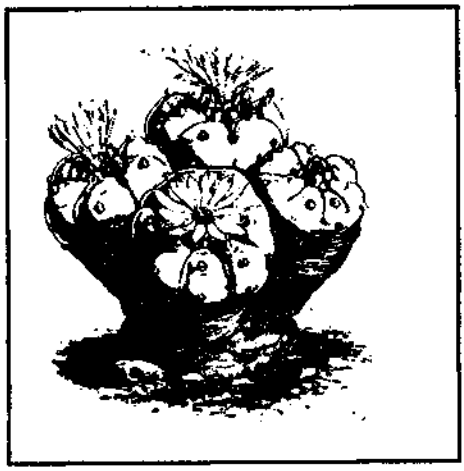
Еще один любимый «враг» — это ЛСД. Утверждают, что этот наркотик опасен. Еще в конце 60-х годов психолог из Гарварда Тимоти Лири напрасно требовал проверить ЛСД в строго контролируемых и проверен-



Символ бога сна Гипноса — мак (основа для получения опия и героина)



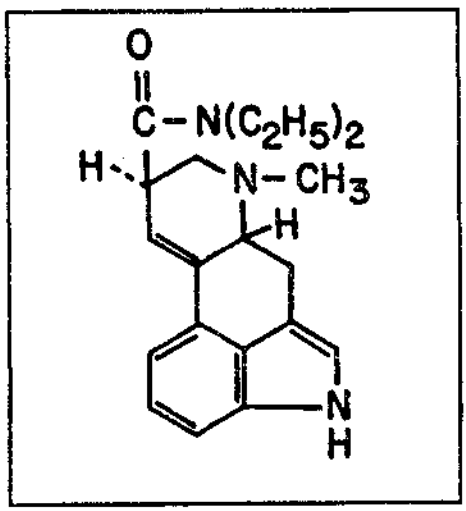
Плакат против гашиша, изданный в Америке



Пеоит — волшебный кактус индейцев

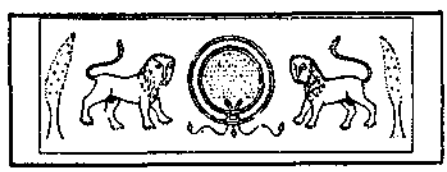
Знак «курить воспрещается»

ных опытными учеными условиях. Все кончилось тем, что ЦРУ проводило эксперименты на ничего не подозревавших солдатах, больных, заключенных: люди сходили с ума или даже умирали.



Химическая формула ЛСД. Обратите внимание на индоловое кольцо, типичное для всех психоделиников

По мнению английского знатока религий Аллегро, Иисус был основателем экстатического культа грибов

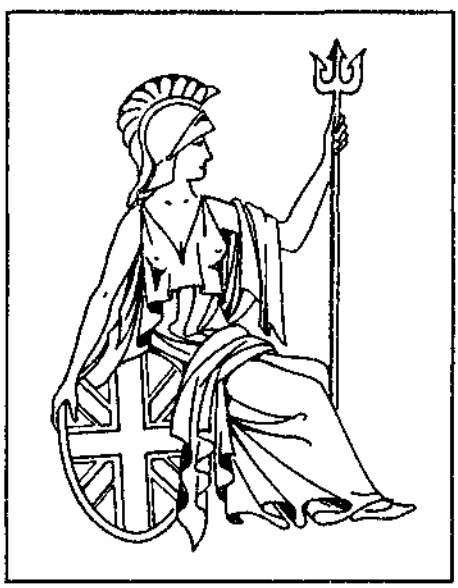


Литература

Hermann Sülberg. „Unser täglich Gift gib uns heute", Stern 26, 1980
Giuliano Ferrieri: „Gesu era un fungo"? (War Jesus ein Pilz?), in: d'Europeo № 19, 6.5.1980
R. Gordon Wasson: Soma, Divine Mushroom of Immortality, New York o.J.
John Allegro: „Der Geheimkult des heiligen Pilzes – Rauschgift als Ursprung der Religionen". Wien 1971
P. Stafford: Psychedelics Encyclopedia, Berkeley 1977
„Wer war Jesus wirklich?", The observer, 23.12.79

Столовый прибор

Трезубец, который мы видим на изображениях в руках Шивы, Нептуна, ирландского бога Мананнана, сына Лера, который украшает скипетр дьявола и который используется современными философами, начиная с Гегеля в идее триады, присутствует с XVIII века и на нашем столе в виде такого трио, как ложка, вилка и нож, а с появлением экспериментальной науки нож и вилка относятся к набору инструментов сумасшедших ученых, которые надеются рассечь этими инструментами космос и обнаружить таким образом «философский камень».

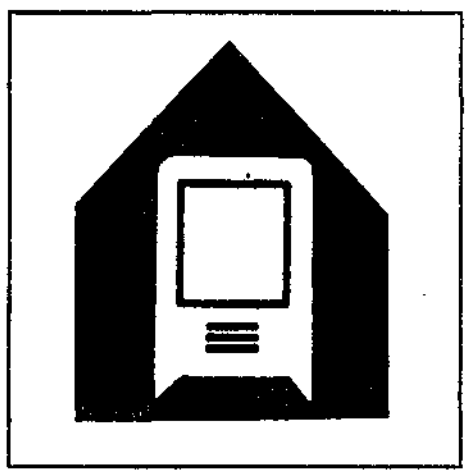


Британия, английская богиня, с трезубцем в руках

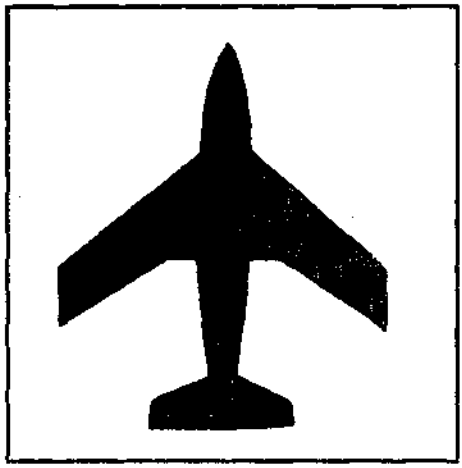
А строители терзают асфальт больших и малых городов бульдозерами и бурами, но ведь это не что иное, как те же столовые приборы, только в измененной форме.

Телевизор и самолет

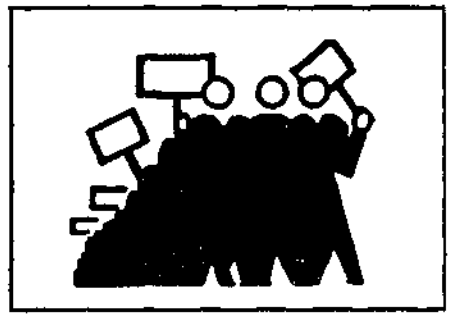
Исследования, выполненные различными учеными, в том числе и по поручению обеспокоенных владельцев телевизионных студий, не подтвердили того опасения, что фильмы, показывающие насилие, будут развивать агрессивное поведение у детей и подростков. На самом деле выяснилось, что телевизор — инструмент домашнего очага, который вносит свою лепту



Во многих семьях телевизор — важнейшее лицо в доме



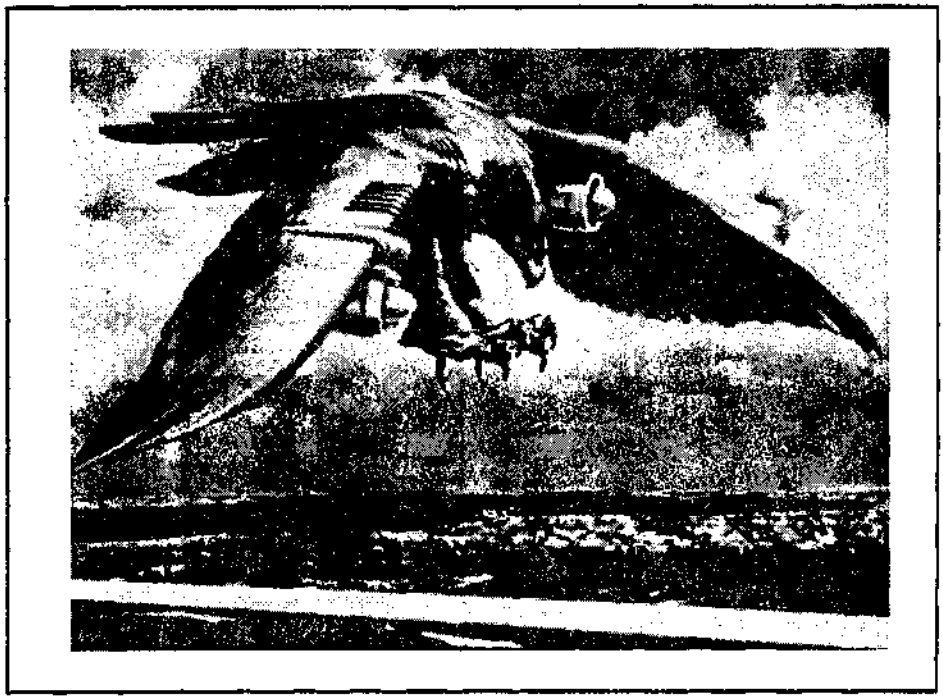
Самолеты населяют сегодняшнее небо, как некогда по нему летала птица Рух



Демонстрация за собственную программу

в оживление семейного вечера, (хотя в действительности и не очень оживляет его, но и не вносит депрессивное настроение).

Если сравнить с символами, то мы увидим в телевизоре не что иное, как волшебное зеркальце колдуньи



Аэроплан — малоубедительная копия ковров-самолетов из сказки

либо хрустальный шар мага, в которые они вглядывались и говорили, что истинно и что на самом деле творится на свете.

Тут следует указать только на одну принципиальную разницу, а именно: если колдунья всматривалась в зеркальце и видела то, что хотела в нем увидеть, то наши центральные программы показывают по телевизору то, что хотят их создатели.

Если раньше волшебники встречались в аэропорту «ковров-самолетов» и развлекали друг друга рассказами о том, что они увидели в своем хрустальном шаре, то сегодня на остановке автобуса люди рассказывают друг другу одно и то же: о том, что увидели вчера по телевизору. Забавно, что люди не перестают смотреть телевизор, тупо уставившись в экран и надеясь каждый вечер, что появится что-то новенькое.

Большинство телезрителей понимают, что ожидать каких-либо предсказаний на основе увиденного по телевидению не приходится, ведь утверждать, дескать что-то является истинным, потому что об этом говорили по телевизору,— это же курам на смех.

Untersuchung ARD/ZDF/Bundeszentr. f. polit. Bildung: Auswirkungen von Gewaltdarstellungen im Fernsehen auf die Zuschauer, speziell Jugendliche, 1972–1976

Культ домашних божков

Первый национальный синод был собран в Германии в 742 году, епископы говорили о необходимости искоренять все еще популярные среди населения языческие обычаи. Годом позже на эту же тему выступил папский легат святой Бонифаций. Он составил «Индекс языческих и суеверных обычаев» для того, чтобы точно определить, какие «ядовитые побеги» следует искоренять. Особенно это касалось садов и защитных насыпей, которые немцы создавали, чтобы отгородиться от ведьм и злых колдунов с помощью определенных растений.

Тогда же были изданы указы, запрещавшие держать в домах и отдавать почести божкам, особенно изготовленным из корня мандрагоры, на которых вдобавок надевали тряпки как одежду.

Аббатисе Хильдегард из Бингена, которую впоследствии объявили святой, четыре века спустя удалось вернуть мандрагору не только в дом

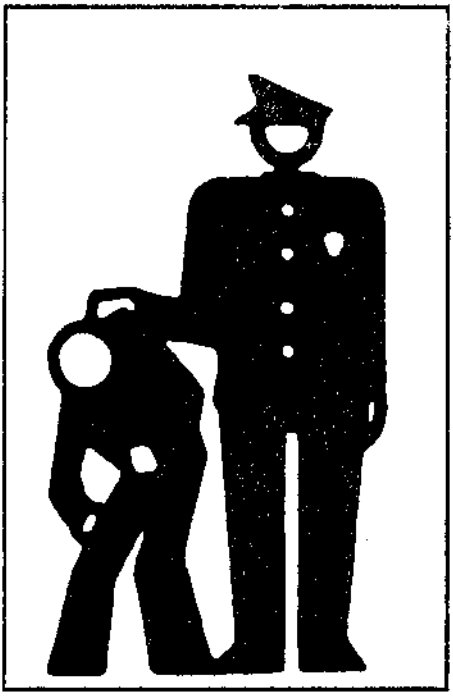
Лопух. Сначала с ним боролся Бонифаций, потом в XVII веке от него отказались как от приправы, которую добавляли к пиву

Шабаш ведьм, в котором участвует альраун

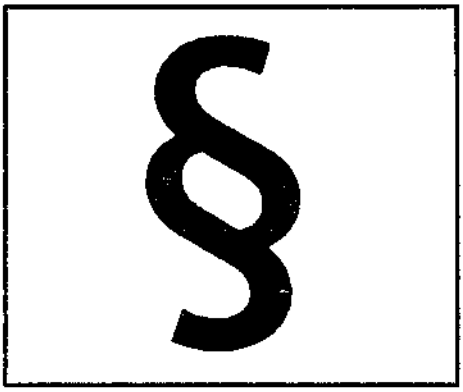
немецких верующих христиан, но даже и в их постель.

Хильдегард аргументировала свои действия следующим образом: мандрагора выпила из той же земли, что и Адам, и поэтому она не более дьявольское растение, чем остальные. Поэтому нет ничего дурного, если опечаленный и страдающий человек положит предварительно обмытый свежей водой корень мандрагоры, напоминающий человечка, с собой в постель, корень сначала впитает в себя пот больного, а затем отдаст ему часть собственного тепла.

А когда человек почувствует тепло, он должен сказать: «О господин мой, ты, *создавший людей из глины* и страданий, вот я кладу рядом с



Ага, кажется, тебе нравится крапива?



Сколь многие люди, не ведая того, нарушают законы

собой землю, не совершавшую никакого греха, чтобы моя грешная земля обрела мир, который некогда был ниспослан на нее».

А в XIX веке наука, которая становилась все более приверженной материализму, использовала мандрагору как оружие против церкви, в 1858 году известный ботаник и исследователь физиологии растений Франц Ксавьер Унгер написал памфлет против «растений как средства волшебства», в нем он обзывал «черныо» людей, которые верят в чудодейственные силы корешков.

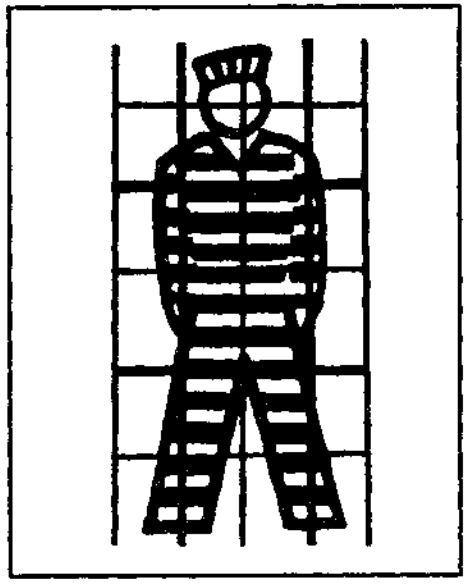
Если памфлет Унгера считается типичным для нигилистского духа XIX века, то можно только удивляться закону о защите растений, изданному в земле Гессен, который ополчается против сорняков. В нем говорится, например: «На основании параграфов 2 и 3 указания о соответствии наложенных штрафов закону и несоблюдении внутреннего распорядка поддержания чистоты на земельных участках и в соответствии с распоряжением от 15 октября 1970 года (Бюллетень законодательных актов, том I,

стр. 673, статья 12, номер 5) о соблюдении чистоты в городах, не относящихся к окружным, и в селениях, относящихся к округам Дармштадт и Кассель, рекомендуется выпалывать и уничтожать иным образом такие растения, как чертополох, галинсога, лебеда, крапива большая, крапива малая, канадский золотарник и другие».

Если Святой Синод в VII веке грозил ослушникам епитимьей продолжительностью 30 дней, когда следовало употреблять только «хлеб и воду», то теперь им придуманы более грозные кары: «При несоблюдении этого предписания согласно параграфу 25 Закона о защите растений от 2 октября 1975 года (Бюллетень законодательных актов, том 1, стр. 2591) в редакции закона от 16 июня 1978 года (Бюллетень законодательных актов, том 1, стр.749) назначается (если в отдельных случаях не предусмотрено более жесткое (!) наказание) штраф в размере до 10 тысяч немецких марок».

Десять тысяч марок соответствуют по законодательным нормам примерно 330—660 дням тюремного заключения, и это в условиях каторжного питания, которое, если верить статьям Фрица Тойфеля (а он — знаток тюремных дел и юридических казусов) значительно менее здорово, чем хлеб и вода, которыми наказывали в VII веке!

Негативные последствия этой нелюбви к определенным растениям, которой вот уже более тысячи лет, можно видеть в форме искусственных растений, заполонивших квартиры в Германии, а также в состоянии многих газонов, что окаймляют со всех сторон дома — они закованы в бетон, засеяны и обстрижены по



Кажется, этот человек угодил за решетку за то, что сажал сорняки

Может быть, законы так сложно понять потому, что они приходят сверху?

ранжиру, на монотонной гладкой зеленой поверхности разрешено расти только двум-трем экзотическим монстрам.

Однажды мы проезжали с другом-иностранцем по предместью большого немецкого города, он немало удивлялся геометрически правильно высаженным рядам деревьев, у корней которых были рассыпаны мелкие камни, и спрашивал, зачем немцы строят мавзолеи при жизни...

Только в самое последнее время люди стали возвращаться к естественным садам и вновь допустили к поселению сорняки.

После того как охотники за ведьмами истребили в средние века любителей всяких волшебств и запретили класть с собой в кровать загадочных человечков—альраунов из корней мандрагоры, их место в доме и кровати заняло другое существо, которому некогда было определено место на улице, это — собака.

В ходе последних опросов выяснилось, что четверть всех владельцев пускают собаку в свою постель либо укладывают с собой на ночь.

Если примерно до 60-х годов нашего века европейцы немало шутили и издевались над суеверными туземцами из стран третьего мира, которые протягивали своим божкам еду и питье, а иногда мыли и украшали их, то теперь пора прикусить себе язык: стоит сравнить эти «языческие» обычаи с той заботой, которой мы окружаем «наших милых животных». Ведь их не только кормят, поят и моют, их еще и выгуливают, дрессируют и даже, хотя в это особенно трудно поверить, — с ними беседуют.

Эта языческая страсть немцев к своим собакам поглощает ежегодно миллиарды марок и делает абсурдными обвинения, что-де у неразвитых народов шаманы нарочно поддерживают суеверия и усугубляют невежество туземцев.

Когда собака — хозяйка квартиры

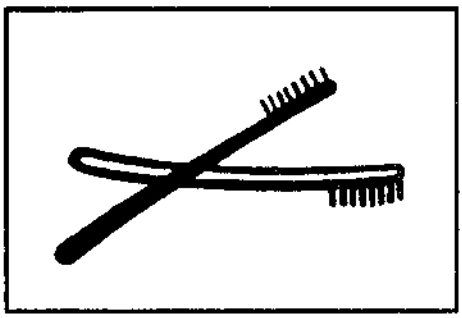
Franz Widlak: Die abergläubischen und heidnischen Gebräuche der alten Deutschen..., Znaim o.J.
E.F. Knuchel: Die Umwandlung in Kult, Magie und Rechtsbrauch, Basel 1919, in: Schriften der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde

Гигиена

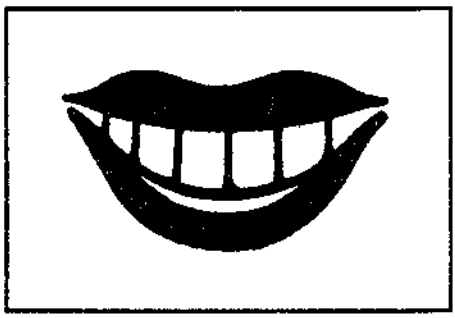
Один пожилой человек (он живет на окраине города в заброшенном доме с ручной совой и множеством кошек и чрезвычайно доволен своей жизнью) рассказал нам как-то следующую историю.

Некогда существовали на земле сверкающие существа, их называли «гении», они с удовольствием подсаживались к столу людей, и тогда вся комната заполнялась нестерпимым блеском.

Но, как только земля оказалась наводнена техникой, эти сверкающие



Чистота превыше всего



Надо иметь хорошие зубы и улыбаться

существа исчезли с лица земли. И тогда современный человек ввел понятие гигиены (в память о «гениях»), чтобы навести внешний лоск и блеск на собственное тело, которое раньше сверкало от одного только присутствия «гениев».

Чтобы блестеть и сверкать, человек непрестанно полирует поверхности, уголки и выемки своего тела, пытаясь заменить мудрость отбеливателями, чистящими и моющими средствами, «которые белят добела».

Улыбайтесь, улыбайтесь!

Наши предки смеялись гораздо чаще нас, как об этом рассказывает Гомер (недаром есть выражение «гомерический хохот»), они умерли бы от смеха, если бы знали, до какой жизни мы себя довели.

Чтобы не выглядеть все время серьезными в наше не располагающее к смеху время, солидные люди изобрели идею, которую американцы назвали «кип смайлинг» (улыбайтесь во что бы то ни стало).

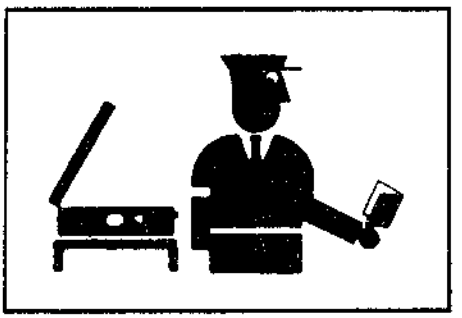
И вообще, если вы устали говорить со своим собеседником о всякой ерунде, крикните «сыр» (по-английски «cheese»), и ваш собеседник поневоле улыбнется.

Изобретение так называемого «мешка смеха» — игрушки, которая издает смех, стоит лишь нажать на кнопочку, показывает, насколько нам не хватает смешного в этой мрачной жизни.

Даже Зигмунд Фрейд, великий врач и психоаналитик, труды которого, несмотря на всю критику, и по сей день оказывают очень большое влияние на современную науку, считал необходимым написать произведение о природе шутки.

Контроль

У так называемых «примитивных» народов человек, если хочет знать что-либо о другом, просто спрашивает: «Как тебя зовут?» — и полагает, что этого достаточно — ведь человек-то действительно знает, кто он такой. В «цивилизованных» странах вместо этого существуют паспорта, и только они удостоверяют личность человека, без удостоверения, без паспорта ты — никто. Большинство цивилизованных людей вынуждены подчиниться этому насилию, ведь паспорт прове-



А ты кто такой, незнакомец?

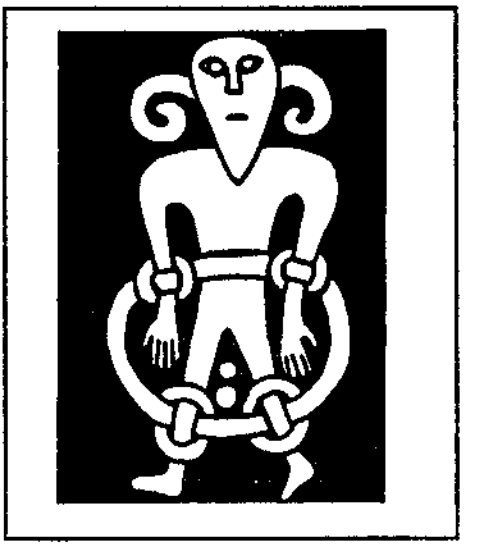
ряют на каждом шагу, между тем нецивилизованные люди придумали способы избежать паспортного контроля.

Так, например, несмотря на строжайший контроль из-за поиска террористов, группе цыган удалось прилететь во Франкфурт и покинуть строжайше охраняемый аэропорт так, что их никто не заметил. Так же незаметно они снова вернулись в аэровокзал, потому что забыли свой багаж.

Я бы посоветовал управлению криминальной полиции выложить солидную сумму, чтобы цыгане раскрыли свой секрет.

Человек с большой головой

Это изображение мы находим на рисунках, оставленных викингами. Долгое время исследователи характеризовали его как «сатану с лентами», на самом деле уже викинги хотели отметить в этом человеке с непомерно большой головой изъяны цивилизации, когда человек уделяет мало внимания своему внешнему виду и физической форме и полностью погружается в умственную деятельность — голова в этом случае у него начинает походить на группу.



Да и рожки на голове — это не рога черта, как думают некоторые, а крючья, которыми интеллектуал цепляется за свои болезненные представления.

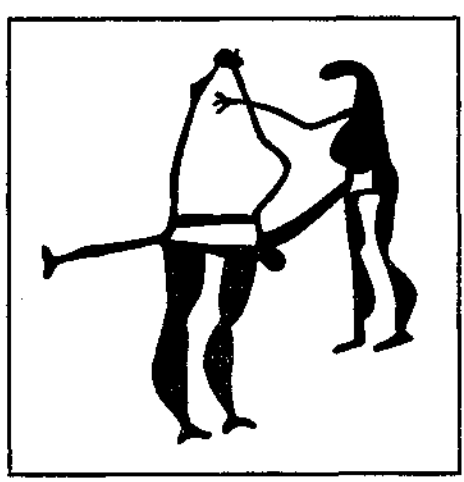
Современные Дельфы

Если раньше люди ездили к дельфийскому оракулу, чтобы тот предсказал им будущее, то теперь на окраине больших городов возникают новые «дельфийские храмы», в которых молятся божкам. Чем больше и богаче такой божок, как бы его ни называли: Сименс, Ай-Би-Эм или Дойче банк (как сказано в Евангелии, «имя им «легион»), тем роскошнее и помпезнее его храм, украшенный, как правило, по ночам знаками своего демона

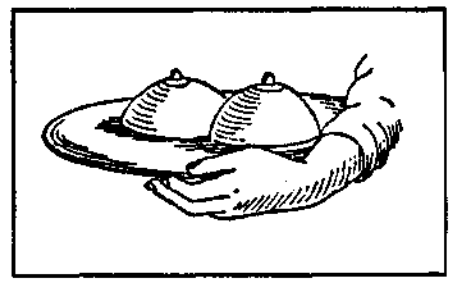
Целые толпы священнослужителей и храмовых прислужников, которых называют почему-то инженерами и менеджерами, прикладывают

Пифия — она предсказывала судьбу в храме Аполлона в Дельфах

все усилия, чтобы обратить в свою веру язычников-покупателей и уговорить их потратить свои кровные де-



Доисторическая реклама секса в пещерах каменного века



Реклама секса в наши дни

нежки. Купив, человек становится обращенным и ставит свою икону — купленный им предмет — в свой дом, до тех пор пока не заменит этого божка на другого.

Священнослужители, то есть, извините, менеджеры, постоянно изобретают все новые молитвы во славу своего бога и все время задают себе следующие вопросы:

1.Почему, собственно, этот божок имеет такой большой успех (или неуспех) у покупателя?

Божок потребления поглощает поклоняющихся ему людей (граффитти на стене большого универсального магазина)

Божок покоится на спинах своих обожателей под музыку рекламных фанфар

2. Насколько доверяют в данный момент покупатели (верующие) своему богу?

3. Как будет выглядеть наш бог в будущем, будут ли на него молиться и впредь?

Чтобы ответить на эти вопросы, они обращаются к прорицателям, которых называют теперь институтами маркетинга, а служители этого храма обращаются к своим божкам — компьютерам. Надо сказать, что предсказания компьютера имеют подчас форму распечатки длиной в несколько километров, и тогда ответ машины так же трудно однозначно истолковать, как некогда ответы дельфийского оракула.

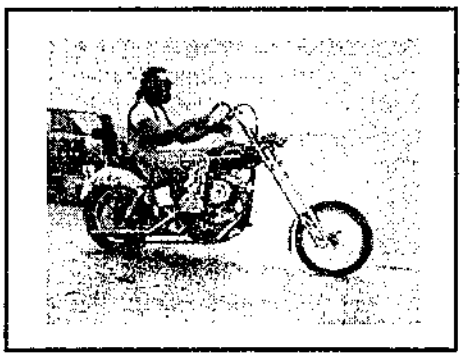
Если хорошенько умаслить бога, священники получают искомый ответ, и тогда начинается нескончаемая молитва во всех молельнях (читай — газетах и журналах), начинаются храмовые песнопения по телевизору и радио, верующих увещевают с плакатов. Но для божков нет ничего хуже, если вчерашние верующие вдруг перестают быть таковыми, в этом случае храмы посылают своих слуг (специалистов по опросам) в каждый дом, чтобы вновь вызвать священный интерес к себе.

Мотоцикл

После появления таких фильмов как «Лихой наездник» и других, стало вполне очевидным, что мотоцикл для молодежи — не просто современное и рациональное средство передвижения.

«Фаны», собирающиеся в своих клубах с названиями типа «Дьяволь-

Вот они, символы безудержной скорости



Когда-нибудь ты обязательно вылетишь из седла (фанатик мотоцикла Эд Керр)

ские ангелы», недаром используют такое выражение, как «езда на горячем стуле» (чем не «полет на помеле»?). Современные рыцари мотоцикла говорят, что при бешеной езде по дороге мотоциклист ощущает «океанический подъем чувства свободы и полета».

Недаром Артур Уилкинсон назвал езду на мотоцикле «наукой, религией, сплином, наркотиком».

Для Айзека Хайеса «не существует ничего, что можно было бы сравнить с мотоциклом. Это не опишешь словами, я знаю только одно — это потрясно!»

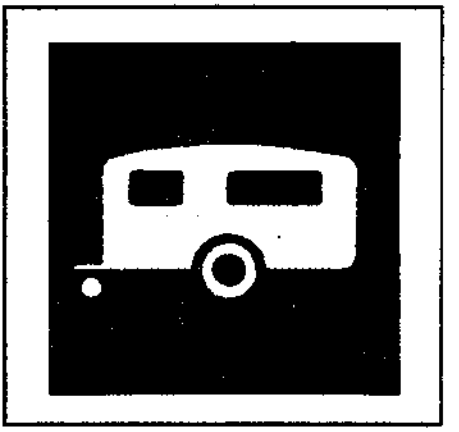
Другой фанатик этого спорта, Ральф Снайдер по прозвищу Бой, говорит: «Ради мотоцикла я мог бы на всю жизнь отказаться от секса». А некий Джерри Гарланд добавляет: «Машину надо любить, ей нужно закласть (!) свою душу, и тогда она тебя не выдаст».

Вот и носятся по нашим дорогам тяжелые мотоциклы, украшенные магическими надписями и амулетами, как некогда всадники-рыцари топтали копытами своих породистых коней крестьянское жнивье...

Robert M. Pirsig: Zen in the Art of Motorcycle Maintenance, London 1974 (deutsch 1976)
Chopper (fotografiert von Rainer Drexel), Herrsching 1977
Motorradtanks (fotografiert von Rainer Drexel), Herrsching 1978

Кочевники

«Быть свободными, какими были некогда наши отцы (вместо последних двух слов можно подставить: цыгане, индейцы, кельты), — под этим лозунгом цивилизованный чело-



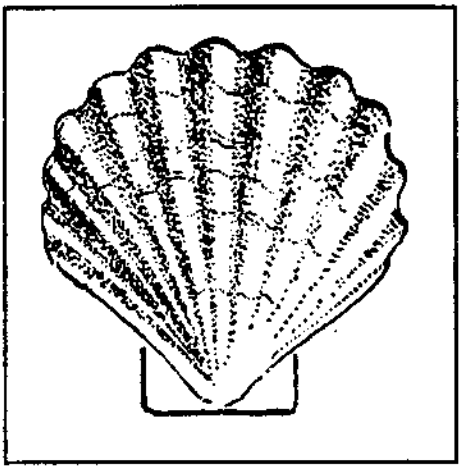
Такие прицепные фургончики на колесах можно ставить прямо в чистом поле

век создает себе иллюзию свободного пространства и, оказавшись в своем крохотном садике, украшенном гномами и нимфами, или приехав в кемпинг, он воображает себя в первобытном лесу или в степи.

Правда, цыгана в современной Германии даже в кемпинг не пустят, разве что он выдаст себя за испанца, но, как только его разоблачат, немедленно выставят вон.

Современные немцы находят, что жизнь в палатках, в которых они

В фильмах, песнях и книжках цыгане — предмет поклонения и восхищения, в жизни же от них стараются держаться подальше



Некогда раковина была знаком Святого Иакова, ныне — нефтяной компании «Шелл»

могут подражать индейцам, «почти как в жизни», слишком неудобна и малокомфортабельна.

Теперь появились прицепные фургоны, в которых обыватель может таскать за собой все предметы культуры (а правильнее было бы назвать — культа) типа телевизора, холодильника, стереоустановки и часов с кукушкой, а также гардин с кружевами, как улитка.

А во время отпуска, когда возникают пробки на дорогах, все эти автомобили превращаются в подлинных улиток — так медленно они движутся.

Современные рыцарские ордены

В средние века пилигримы для своего путешествия должны были запастись на дорогу «моторной жидкостью», которая способствовала перемещениям во времени и пространстве. Для этого у ведьм покупали всевозможные масла, либо у могилы Святой Вальбурги за небольшую мзду наполняли склянки так называемым «вальбургским маслом». В наши дни изготовление и распределение таких масел целиком находится в руках четырех могущественных братств — орденов, которые называются нефтяными компаниями.

Продукт этой фирмы, получаемый из сырой нефти, раздается верующим в тысячах небольших молельнях, которые именуют бензозаправочными станциями, правда, отнюдь не за небольшое вознаграждение.

Если обратиться к официальным лицам, то они будут утверждать, что эмблемы этих молитвенных домов совершенно случайно имеют тот или иной цвет, но мы-то видим за этой окраской тайные знаки. Подобно тому, как тибетские монахи носят только оранжевую одежду, так и бензоко-

лонки фирм и обслуживающий персонал выдерживают только один цвет: фирма «Шелл» — желтый, «Эссо» — красный, «Арал» — синий, «Бритиш петролеум» — зеленый. Как в храме, первослужителя зовут «старший мастер», а прислужника — просто «заправщик».

Если в практике католической церкви женщин к верховному престолу не допускают (это вновь было подтверждено недавним папским указом), то в бензиновых молельнях женщина стоит у аналоя (в просторечье именуется «кассой»).

На бензоколонках, как, впрочем, и в современных храмах, все больше

Средневековый монах наливает в кувшин нефть

Средневековый пилигрим-испанец, на нем типичная одежда странника, на шляпе — раковина Святого Иакова

и больше входит в моду самообслуживание.

Возможно, и этим процветающим организациям грозит то, на что в последние годы жалуются священнослужители, а именно — на массовый выход прихожан, в данном случае обращение их к таким культам как ходьба пешком, катание на лошадях или езда на велосипеде.

Кстати сказать, статистики подсчитали, что средняя скорость езды на автомобиле по дорогам Федеративной Республики Германии не очень велика. Вот подсчеты газеты «Тагесцайтунг» от 23 июля 1980 года: «Социальная» средняя скорость на немецких дорогах составляет 14 километров в час, другими словами, несмотря на невероятные усилия промышленности, несмотря на миллионы часов убитого напрасно рабочего времени и злодейское разрушение природы, никак не удается превысить скорость, с которой могут ездить велоси-

— церковь
— руины храма
— монастырь
— замок, крепость
— руины замка, крепости
— памятник
— ветряная мельница
— башня со смотровой площадкой
— радио- или телевизионная башня
— маяк
— рынок
— крупное сооружение, гостиница
— молодежное общежитие
— кемпинг
— кемпинг для людей, приезжающих в отпуск
— шлюз
— водопад
— пещера
— открытый водоем для купания
— площадка для гольфа
— солдатское кладбище
— место для дельтапланеристов
— место приземления
— аэродром местного значения

В атласе автомобильных дорог, изданном фирмой «Шелл», значки показывают порой направление к загадочным и таинственным местам

педисты (15—25 км/ч), автобусы или трамваи медленно передвигаются именно потому, что им мешает автомобильное движение. По-видимому, решение этого вопроса лежит на пути увеличения доли общественного транспорта и сокращения индивидуального».

Фирма «Дойче Шелл» всеми мерами пытается приостановить этот процесс.

Даже выбор эмблемы намекает на традиции средневековья, когда миллионы паломников тянулись к мощам святого Иакова в церкви Сантьяго ди Компостелла.

Фирма «Шелл» даже издала собственный атлас автомобильных дорог, чтобы еще больше поощрить любителей моторизованного транспорта.

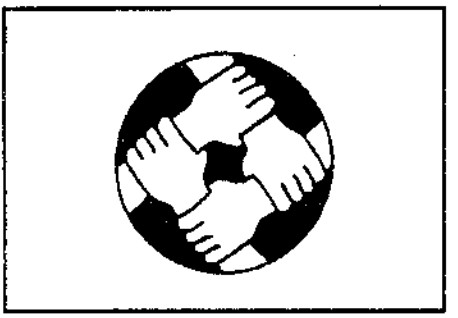
В атласе подробно указаны все дороги, но имеются также указания, где найти всяческие развалины, старые монастыри, могилы известных людей, пещеры, ветряные мельницы и тому подобное.

«Шелл» периодически обновляет свои атласы, побуждая автомобилистов ко все новым путешествиям. Даются также указания, как ухаживать за автомобилем, как чинить и даже где лучше продавать машины.

Здесь моют автомобили

В конце недели миллионы немцев идут в свои гаражи и начинают полировать до блеска своего четырехколесного друга, как если бы то была лампа Алладдина.

Volkmar Mair (Hrsg.): Der Große Shell-Atlas. Deutschland/Europa. 78/79
Shell-Ratgeberhefte 1–12



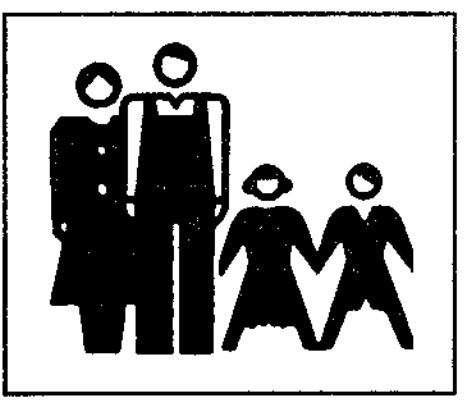
Символ групп «Помоги самому себе»

Группы «Помоги самому себе»

Мы говорили об автомобиле, о наркотиках, о телевидении и гигиене. Пора поговорить о семье — теме, пользующейся в Германии с незапамятных времен особым вниманием.

Новейшие исследования по поводу этого «государства в государстве», зародышевой клетки нации, заставляют бить тревогу: традиционно большие семьи исчезают, различные поколения отделяются друг от друга, от молодых людей требуют, чтобы они полностью отдавали себя работе, люди проживают в раздельных клетках, именуемых квартирами, а города разрастаются в монстры; все это разрушительно влияет на семью.

Все больше женщин вынуждены в одиночку воспитывать ребенка, и это влечет за собой не только повышенную нагрузку на мать, но и психологический стресс для ребенка с различными отклонениями в психике.



Семья — самое главное богатство нации

Бабушка, рассказывающая сказки многочисленному выводку детей, уступила место телевизору

Семья как ячейка общества находится под угрозой (иллюстрация из книги Ф.К.Пане, изданной в 1919 году в Нью-Йорке)

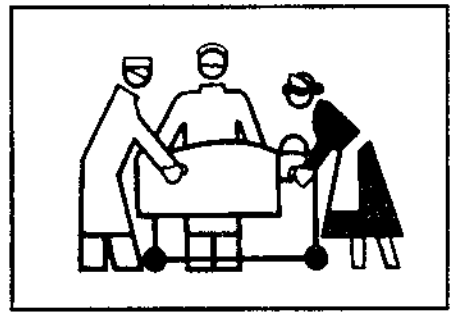
Группы «Помоги самому себе» пытаются компенсировать утраченный обычай посидеть за кружкой пива или бокалом вина на открытом воздухе за столиками в деревенской таверне и поболтать с приятелями

Ребенку часто не хватает человека, с которым он мог бы поговорить, кто ухаживал бы за ним и помогал бы его воспитанию.

Как показали различные исследования, материалы относительно воспитания детей, которыми пичкают нас средства массовой информации, не решают проблем, а нередко добиваются обратного — молодые родители не чувствуют себя более компетентными в вопросах воспитания и становятся зависимыми от веяний моды в этом деле.

Вот уже около 10 лет родители детей, живущих в больших городах, пытаются компенсировать это отсутствие «воспитательного лица» созданием групп, в которых родители помогают друг другу (так делают американцы). Создаются «комнаты для ползунков», детские и школьные «магазины» и другие подобные объединения.

Иногда, например раз в неделю, родители собираются без детей, что-



Акция «Ребенок в больнице» ставит перед собой задачу помочь ребенку, который попал в клинику и оказался один-одинешенек

бы поговорить о проблемах воспитания за круглым столом.

На основе этой инициативы такие группы взаимопомощи появились и для поддержки, скажем, лиц, страдающих от недостаточной социальной защиты, и для людей с психическими

R. Gronemeyer/H.E. Bahr (Hrsg.): Niemand ist zu alt. Selbsthilfe und Alten-Initiative. Frankfurt/Main 1979
Broschüre „Eltern helfen Eltern". Erhältlich über die Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung, Postfach, 5000 Köln 100
Michael/Lukas Möller: Selbsthilfegruppen. Selbstbehandlung und Selbsterkenntnis in eigenverantwortlichen Kleingruppen, Hamburg 1978

Символ возможности для землян перекинуться словечком, не вступая в личный контакт

отклонениями, для алкоголиков, для стариков и т.д. Появились предложения по возрождению связей между поколениями (ведь признано, что существует проблема непонимания между молодежью и взрослыми людьми).

Телефон

Известный астролог, врач, философ и маг Петрус де Абано (1250—1317) опубликовал «Гептамерон магических элементов» — свой трактат о том, как надо вызывать духов.

В книге подробно перечислены знаки, имена и числа, которые надо знать, чтобы вызывать духов. Абано даст этот перечень, напоминающий

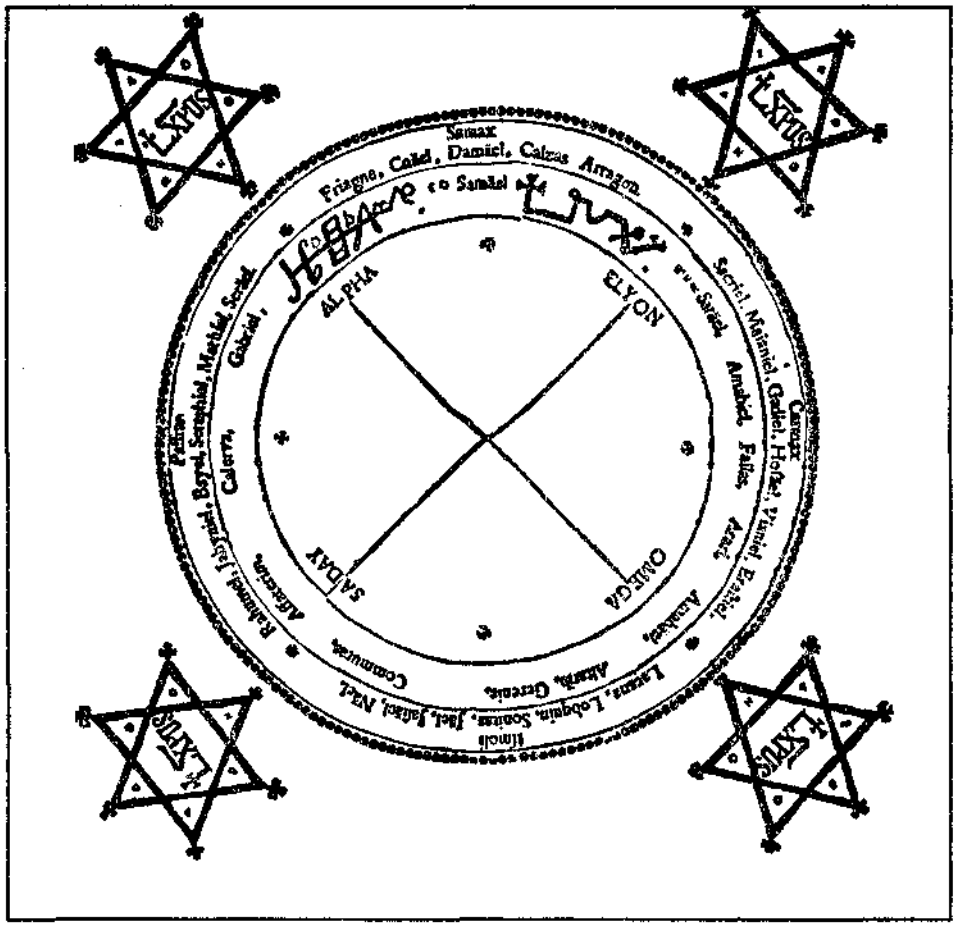
Набор и вызов архангела Рафаэля (Рафаила), обитающего в высоких небесных сферах

Титульный лист книги Петруса де Абано, где он собрал для нужд Ватикана различные знаки, с помощью которых можно осуществлять общение между галактиками

нашим современникам телефонную книгу, в которой дается список телефонов по различным отраслям, упоминается даже возможность установления контактов между разными планетами — всякий раз приводится символ соответствующей планеты. По-видимому, автор исходил из того, что ангелы и архангелы должны знать эти обозначения, чтобы «правильно набрать номер».

Уже тогда участников беседы призывали говорить коротко, недаром Абано пишет:

«После этого (после того, как контакт установлен) скажи, что хочешь, и это произойдет, и сразу затем попрощайся». Уже в те времена линии связи в рабочее время были совершенно перегружены, наверное,

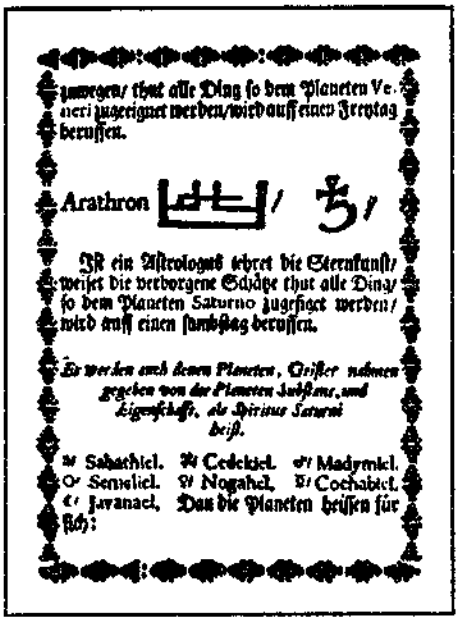


Диск межгалактического телефона Абано

существовало и нечто наподобие ночного тарифа.

«Признаюсь, — писал Абано, — что в часы «сабахай» и «мадим» очень трудно произвести нужное действие, гораздо лучше попытаться сделать это в часы «задек» и «нога», в другие же часы по-разному, иногда неплохо, иногда совсем никак».

К большому неудовольствию инквизиции, воодушевленные дамы и господа вскоре начали вызывать с помощью этого изобретения не только добропорядочных христианских духов, но и девушек и юношей легкого поведения — «incubi» и «succubi» — низких сексуальных демонов мужского и женского рода, которые, по не-


zuwegen/ thut alle Ding so dem Planeten Ve-
neri zugeeignet werden/wird auff einen Freytag
beruffen.

Arathron

Er ein Astrologus lehret die Sternkunst/
weiset die verborgene Schätze thut alle Ding/
so dem Planeten Saturno zugeficet werden/
wird auff einen Sonntag beruffen.

Es werden auch denen Planeten, Geister nahmen
gegeben von der Planeten Substanz, und
Eigenschafft, als Spiritus Saturni
heiß.

Sabathiel. Cedekiel. Madymiel.
Senteliel. Nogahel. Cochabiel.
Javanael. Dan die Planeten heissen für
sich:

Набор и вызов интеллигенции планеты Сатурн

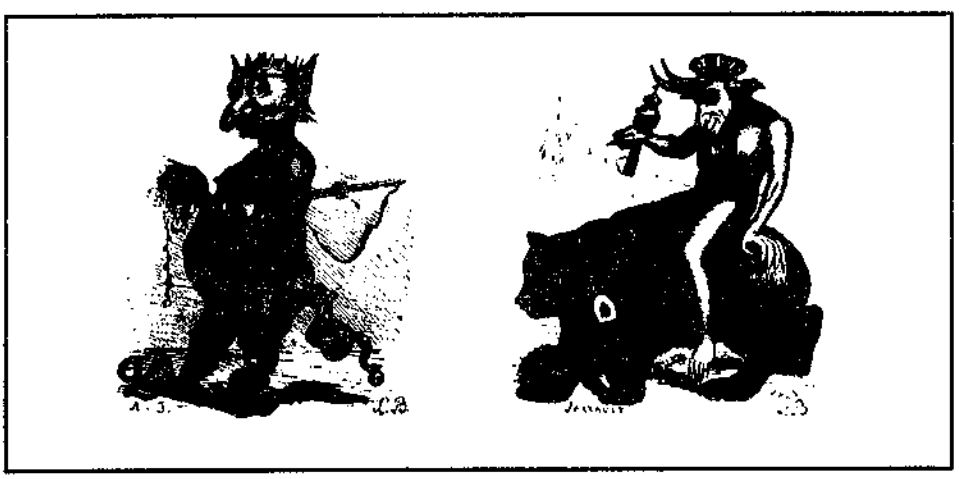
которым свидетельствам, использовались для половых извращений в разных положениях (сверху и снизу).

Как это часто бывает, благодарность современников оказалась сомнительной. Хотя Абано был близким другом папы Иоанна XXII, он стал жертвой инквизиции и последние 8 лет своей жизни провел в тюрьме. По другим источникам, его забрал дьявол, потому что Абано «не платил по счетам за телефонные разговоры».

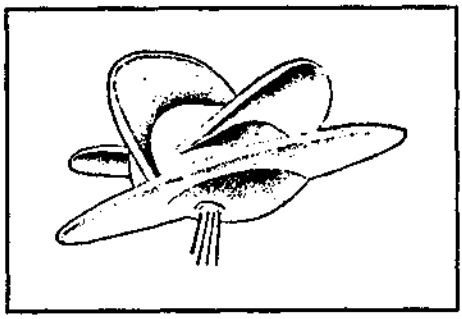
Ludovico Maria Sinistrari: Von den Dämonen und dem Verkehr mit Incubi und Succubi, in: R.E.L. Masters: Die teuflische Wollust, München 1968 (enthält die vollständige deutsche Übersetzung des von Sinistrari um 1680 geschriebenen Traktats)
Petrus de Abano: Heptameron der magischen Elemente, Bilingen 1971, Reprint der deutschen Übersetzung von 1567

НЛО

В прежние времена существовало немало историй о встречах с ангелами, феями, гномами и нимфами,



Два демона секса, которых особенно охотно вызывали современники Абано



С тех пор как поредела толпа прихожан в церквах, все больше людей начали верить в инопланетян

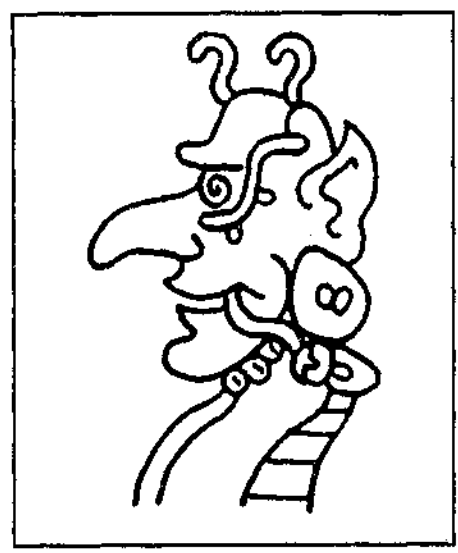
которые забирали людей с собой в иные миры и царства; в наши дни на их место пришли неопознанные летающие объекты, причем земляне даже якобы встречаются с пилотами НЛО, а порой те забирают их с собой.

Неважно, попал ли рассказчик в

Встречи иного рода: для этого надо поискать сокровища в собственном подсознании

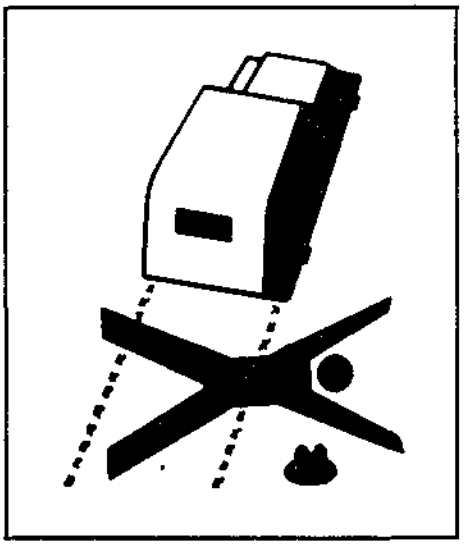
Раньше люди утверждали, что видели нимфу, сегодня все чаще людям видятся инопланетяне довольно мерзкого обличья

набитое сокровищами царство подземных гномов или на чужую планету, где видел невероятные сооружения и фантастическую технологию — есть нечто общее во всех сообщениях такого рода: герой этого рассказа во



время пребывания в «чужеземье» получает массу впечатлений, а также стимулов и полезных советов для своей земной жизни. Кстати сказать, россказни о сокровищах подземных царств или о посланиях с иных планет, предсказания инопланетян вполне можно объяснить тем, что внезапно оказались задействованы творческие источники нашего собственного подсознания.

Если прежде к подобным рассказчикам относились как к сумасшедшим и участливо спрашивали: «Может быть, ты съел что-нибудь тяжелое?», то теперь отношение к ним скорее почтительное, особенно после того, как Джимми Картер, тогдашний американский президент, заявил на пресс-конференции, что встреча с НЛО была для него «самым невероятным происшествием в жизни».



Ежегодно в жертву божку автодороги приносятся около 16 тысяч человек

Sergius Golowin: Götter der Atomzeit, Bern 1980
Tim Hildebrand: Rotwang, oder die irre Präzision der Träume, Basel 1980
Johannes von Buttlar: Das Ufo-Phänomen. München 1978 (enthält Berichte über die Meinung von Prominenten zum Thema Ufo)

Несчастные случаи

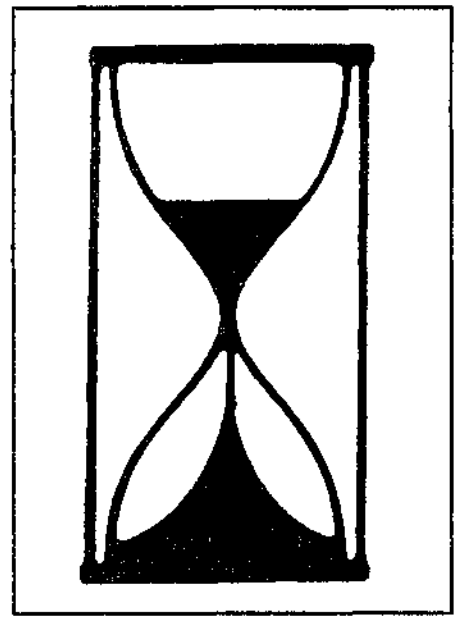
В различных книгах, повествующих о древних культурах, мы находим главы об ужасных ритуальных жертвоприношениях. Ацтеки и кельты приносили в жертву богам человеческие жизни, и этот обычай внушает современному читателю омерзение к подобной ужасной практике.

У кельтов эти жертвоприношения были связаны с празднествами по случаю смены времен года.

Историки, которые будут изучать наше время, скажем, через полторы тысячи лет, заметят, что и в наши дни существовал такой ритуальный обычай — люди надевают свою самую красивую одежду, берут с собой домашних и, особенно это случается также во время праздников, посвященных смене времен года, таких, как Рождество, Пасха, Троица, летние и зимние каникулы, усаживаются в особое устройство для принесения жертв — так называемый «автомобиль», на котором они выезжают на дорогу навстречу собственной гибели. При этом, в отличие от ацтеков и кельтов, делают они это сугубо добровольно.

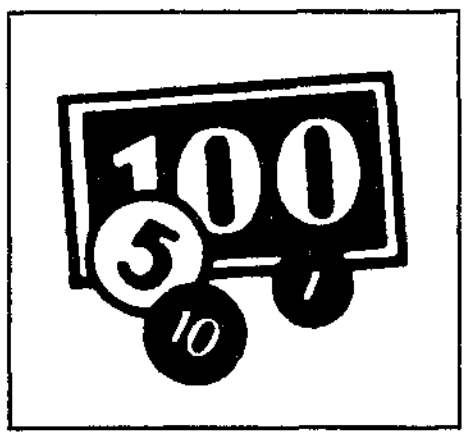
Объектами таких ритуальных

Белый Кролик с карманными часами из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»



Песочные часы — символ бесконечного потока времени

жертвоприношений за десятилетие 1968—1977 гг. в ФРГ стали 165 тысяч человек.



Время — деньги, а деньги правят миром

Время — деньги

Со времен египетского бога Тота, который много тысяч лет назад, ко всеобщей радости, придумал понятие времени, люди ломают себе голову, как получше обойтись с полученным ими подарком. Если древние воспринимали время только днем, ведь в их распоряжении были только солнечные часы, то в XVI веке благодаря изобретениям европейцев Фризиуса, Гюйгенса и Гаррисона, придумавших часовой механизм, люди начали измерять время в течение всех суток.

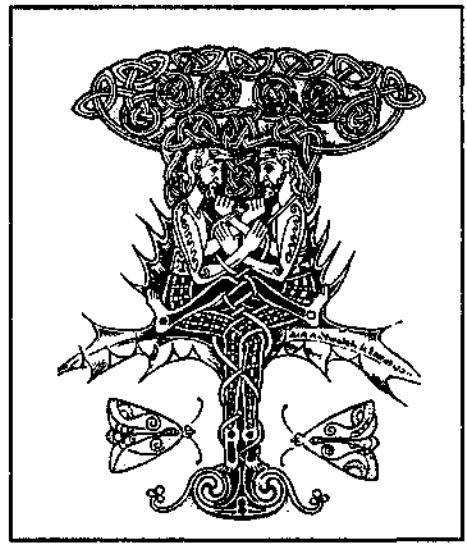
Если в течение последующих трех веков время, о котором сообщали

каминные, стенные, башенные часы, текло более или менее спокойно, то в наше время (с тех пор как стало ясно, что время — деньги) оно прибавило в темпе.

Похоже, что Льюис Кэррол предвидел это. Недаром его Белый Кролик носится по Стране Чудес и все время восклицает: «Времени нет! Времени нет!»

Многие наши знакомые уподобляются этому Белому Кролику и постоянно восклицают: «Нет времени!», если вообще нам посчастливится встретиться с ними хотя бы на бегу.

Пустые хлопоты



Люди мешают друг другу и причиняют самим себе много хлопот. Подчас они готовы вцепиться друг другу в волосы. Иллюстрация из книги VIII века «Book of Kells»

Альберт Эйнштейн следует за уроженцем этой планеты на вручение ему почетного звания доктора Оксфордского университета в 1931 году. Он улыбается, как Чеширский Кот, явно посмеиваясь над этим ритуалом

«Простите, это Эйнштейн. Я снова забыл свой ключ!»
Эйнштейн, известный своей забывчивостью,— привратнице, которую он нередко будил по ночам

Введение: воплощение реальности в волшебном круге представлений

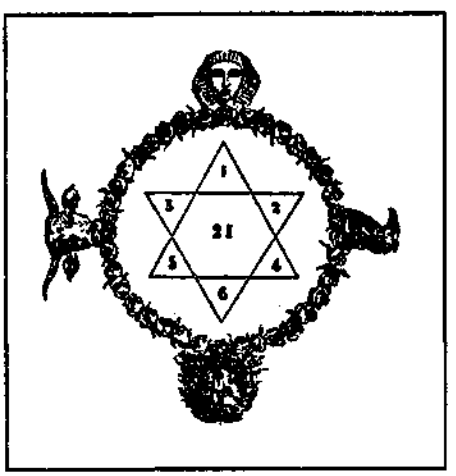
На пятый год своего «путешествия по ночному морю» швейцарский психолог Юнг все более превращал духов, которые перед его глазами материализовывались до осязаемости, в абстрактные формы, пока наконец из хромого рогатого «Филемона» и женского духа, который Юнг вылечил бесплатно, не вырисовывались магические квадраты и круги.

Сошествие в ад, таящийся в нас самих, — это вход в темную (правую) половину нашего мозга, насчитывающего 20 миллиардов клеток, туда, где нас подкарауливает демон (то есть темная сторона нашего «я»). Это «вхождение в ад» либо поглощает нас, либо, как это удалось Юнгу, позволяет нам открыть завесу над тайной ночной жизни нашего мозга

Юнг вернул духов, которых вызывал, в их первоначальное состояние, идя при этом противоположным путем, как средневековые маги, которые с помощью ряда ритуальных приемов вызывали из волшебного круга «подсознательного желаемый феномен духа, Бога или демона» и материализовали их перед собой.

Для тибетолога Детлева-Инго Лауфа «...так встречаются два разных мира, антиномии реального и наружного проявления с ирреальным и скрытым, сознательного и бессознательного из целостности человеческого духа».

Здесь Лауф следует за Юнгом,



После долгой внутренней борьбы со своими духами в «мире ночи» своего подсознания Юнг, обнаружив свои «четыре угла», снова обрел свою середину — замкнутый, наконец целостный круг своих представлений

который в своей ранней работе «Психологические типы» выразился следующим образом: «Символу всегда свойствен этот двойственный характер реального и ирреального... Символическим может быть только то, что включает в себя и иное, ему противоположное».

Кстати, символом изображаемого в абстрактной форме Святого Духа являются наряду с голубем и языки пламени. Зато сошествие Святого Духа на Троицу было для апостолов на другом уровне испытанием и раскрывающимся в них феноменом; другое, более глубокое качество символа: апостолы чувствуют себя пронизанными огнем.

В этом же смысле интерпретируется «высшая» карта Тарот — изображение шута и мага. Это — человек, будь то мужчина или женщина, достигший во всех отношениях мастерства. Перед ним — круглый или прямоугольный стол, который трактуют как земной или мировой круг, и на этом столе маг демонстрирует искусство вызова из полноты своих возможностей различных явлений.

Можно выразиться и так: он придумывает для имеющихся в его распоряжении (как в его внутреннем мире, так и в его внешнем мире) символов все новые «формулы смешения». «Поэтому многие толкователи Тарот нового времени видят в этой карте символ высокой магии либо даже самого бога, который творит мир ради удовольствия всех своих ипостасей — частей своего вечного существа».

Если согласиться с этим, то мы согласимся и с тем, что мир существует лишь постольку, поскольку мы представляем его себе в виде символов и затем соответственно познаем его.

Новые представления: билет в другие реальности

Говорят, что гениальный математик Гаусс как-то сказал: «Результат был мне известен давно, оставалось только найти пути, чтобы достичь этого результата».

Например, Гаусс нашел формулу быстрого вычисления христианской и еврейской пасхи, и лишь много лет спустя профессор из Браунберга Фельдт сумел вывести и доказать, следовательно, «узнать» и проверить в реальности, правильность этой формулы!

Не без основания Уоррен Кентон пишет, что «в античности символ был тем, чем для нас является наша современная терминология: это был синтез в слове и изображении тех законов, на которых покоится здание

Вавилонская Богоматерь Анна согласно представлению вавилонян (идентична богине Иштар) изображалась в виде голубки. Позднее голубка стала символом богини любви Венеры, а у христиан голубь служил для обозначения Святого Духа (барельеф из Британского музея)

знания».

При ближайшем рассмотрении нет большой разницы между магическими заседаниями средневековых чернокнижников, которые пытались познать тайны таких волнующих мир элементарных существ, как нимфы, феи, гномы и саламандры, и ученых нашего времени, которые смотрят как зачарованные в свои синхрофазотроны, чтобы найти конечные движители материи — элементарные частицы.

Того, что мы не можем понять, строго говоря, не существует: мир столь мал, столь велик, столь сложен, столь прост, столь прекрасен, столь ничтожен, столь скучен, как мы его себе представляем.

Именно исходя из этого американский психолог Тимоти Лири пришел к следующему заключению: «Нет никаких сомнений, что, пока мы работаем нашим мозгом, модель Вселенной будет продуктом работы нашего мозга. Вселенная — это гигантский мозг. Мы ограничены и в то же время ведомы анатомией, психологией и динамикой нашего мозга, соответственно Вселенная — не что иное, как огромный мозг, галактики в нем образуют центры, а солнечная система — нервное сплетение. Но платформу для наблюдений образует все-таки наш собственный мозг, и он рисует нам все дальнейшие изображения».

Тот, кто раньше искал в природе нимф, теперь ищет в природе пустяки?

Как выглядят эти «карты реальности», зависит от того, какие символы видят те, кто заглядывает в гигантский ведьмин котел под названием «мир», а также от того, насколько им удается убедить других участников «шабаша реальности» в действительности увиденного.

Если это удается, то мир действительно может измениться в один миг.

Чтобы снять чары, которые «черные маги» Ватикана набросили на человечество в средние века, или, выражаясь иначе, чтобы придать движение неподвижной Земле, какой она была согласно представлениям Птолемея, и чтобы опрокинуть представление о хрустальных стенах сфер, окружающих мир, потребовалась целая группа «белых магов», таких, как Коперник, который ушел от старого представления гелиоцентризма, как Браге, которому показались не по вкусу пряности нового магического пряника, как Кеплер, который еще раз тщательно вымесил и уложил тесто в новую форму, как Галилей, который изготовил новые сласти для ума, как Джордано Бруно, который сказал, что вкус нового печенья способствует взгляду в безграничное пространство.

Но, когда 20 июля 1969 года речь

пошла о том, чтобы мир и американские астронавты действительно убедились, что они летят к Луне, побывали там и вернулись обратно, потребовались еще и другие, более мощные заклинания: когда при возвращении космического корабля астронавтов спросили, кто вел их корабль, они в один голос назвали имя человека, который за 250 лет до того представил благодаря своей математической магии «синьки» для полета, — имя Исаака Ньютона.

Глоток из склянки новых представлений, надкус магического печенья — и Алиса уже видит самое себя, и тем самым ее мир становится соответственно больше или меньше...

После путешествия в другие миры теперь путешествие в другое время?

Человечество охотно играет в игру, называемую «нахождение новых реальностей». При этом можно выявить одну закономерность: то, что одним кажется важнейшим и необходимым фундаментом их картины мира, например Ньютоновы формулы о времени и пространстве как постоянных величинах, другим уже снова представляется пробкой в бутылке, в которой, на их взгляд, остался плененный человеческий дух.

Когда Эйнштейн в 1905 году своим коротким, всего в тысячу слов, трактатом раскупорил «бутылку», то прямо-таки перевернул представление о пространстве и времени и начал убеждать нас в том, что и пространство, и время очень изменчивы.
В вышедшем в свет в том же году сочинении Эйнштейн своей знаменитой формулой $E = m \times c^2$ указал на двоякий аспект материи, и это дало на высшем научном уровне новое понимание многих других, так называемых «сверхъестественных» переживаний и событий.

Физик и философ XIX века Густав Теодор Фехнер (1801—1887), основатель психофизики, написал свой знаменитый труд «Сравнительная анатомия ангелов», где под феноменом «ангела» он понимал энергетическую форму, наделенную сознанием, которой на Земле соответствует менее осознанная и менее колеблющаяся энергетическая форма, имеющая большую массу, а именно человек. Если бы Фехнер знал открытие Эйнштейна, которое появится впоследствии, ему не было бы нужды подписывать свой труд псевдонимом.

Теория относительности Эйнштейна позволяет сделать более представимыми и такие казавшиеся невозможными и смущающими события, как те, которые описаны в «Апос-

тольской истории Иоанна» — одном из тех немногих гностических текстов, которые забыли уничтожить отцы церкви.

Там говорится, например, о том, как апостол Иаков впервые увидел Иисуса ребенком на берегу. В то же время сам Иоанн видел нечто совсем иное: «Ты не точно видишь, брат Иаков. Разве ты не видишь мужчину, стройного и радостного?»

«Но Иаков, — как повествует далее Иоанн, — сказал мне: Я не вижу этого человека, брат мой».

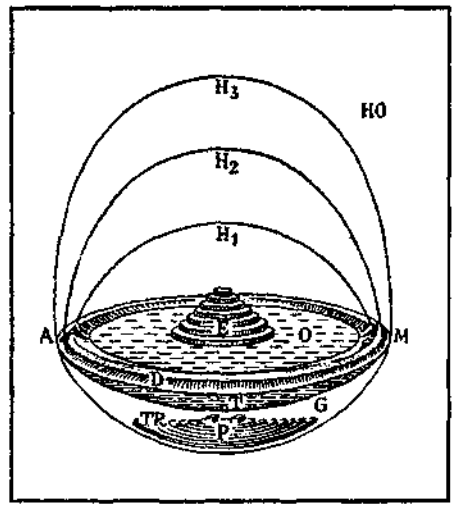
Когда оба подошли ближе к берегу, видимое ими еще более раздвоилось. Иоанн: «Я увидел снова довольно лысого человека с большой окладистой бородой, Иакову же виделся молодой человек, борода которого только начала пробиваться».

Затем Иоанн сообщает, что когда он прикасался к Иисусу, то иногда чувствовал материальное тело, иной же раз ощущал нечто нематериальное, духовное, «как если бы никакого тела вовсе не существовало».

Под впечатлением теории относительности некоторые лингвисты (достаточно назвать известного ученого Уорфа) пытаются проверить, действительно ли все люди имеют одинаковое представление о событии, происходящем в пространстве и времени (а мы всегда полагали, что так оно и есть), действовало ли во все времена то же логическое разделение прошлого, настоящего и будущего, взаимосвязь причины и следствия или раздражения и ответной реакции, которые свойственны современному человеку.

Интенсивные сравнительные не-

Три лика Иисуса, ведающего прошлым, настоящим и будущим



Астрономы Вавилона представляли себе мир в виде нескольких сфер (E — земля, H_1, H_2, H_3 — различные небесные сферы, O — земной океан, T — глубина и толща океана до земли, A — вечер (запад), M — утро (восток), Д — небесная ограда, TR — семь ступеней и P — дворец царства мертвых

следования европейских «временных» языков и «безвременного» языка североамериканских индейцев позволили Уорфу прийти к поразительному заключению: «В отличие от мировосприятия индейцев наше более объективирующее восприятие времени заставляет нас выдвигать на первый план историчность и все, что связано с записью событий. Миросозерцание индейцев очень сложное и тонкое, они видят все события в их непрерывном развитии, чтобы допустить простые и ясные ответы на вопросы о «начале» одного события и «конце» другого. Если все, что когда-либо произошло, на самом деле еще существует, но только в иной форме, нежели в той, в какой запечатлевается в памяти или в изображениях, то пропадает стимул к изучению прошлого. В соответствии с таким взглядом настоящее нужно не записывать, а использовать для предуготовления к тому, что наступит. Наше объективированное время лежит перед нами вроде линейки с разделенными рисками пустыми пространствами, каждое из которых нужно заполнить записью. Письменность, несомненно, способствовала нашему языковому обращению со временем, равно как и языковое освоение времени способствовало появлению письменности...

Исаак Ньютон, формулы которого позволили осуществить полеты к Луне (гравюра Дж. Смита)

Очень большой вопрос — могла ли такая цивилизация, как наша, быть соединенной с другой, имеющей совершенно иное языковое обращение со временем. В нашей цивилизации наши языковые структурные схемы и наше поведение, приспособленное к порядку времени, совпадают, и это свойственно только нашей цивилизации. Для нашей культуры характерно использование календарей и часов, постоянное все более детальное уточнение измерения времени. Они помогают науке, наука в свою очередь возвращает культуре постоянно растущую массу возможностей применения открытого, затем культура снова руководит наукой. Но что лежит вне этой спирали? Наука подошла к тому этапу, когда она вот-вот обнаружит, что в космосе существует нечто, что не может быть объято понятиями, выработанными в прохождении по спирали, поэтому она пыталась сконструировать НОВЫЙ ЯЗЫК, с помощью которого она освоит расширенную Вселенную».

(Можете представить себе изумление ученых, которые обнаружили способности к такому мышлению у народа, коэффициент интеллекта которого, вычисленный американскими психологами в 50-х годах, был даже якобы ниже, чем у негров.)

Запад давно уже подозревал, что существует что-то такое, чему на

Эмблема полета американских астронавтов на Луну

Одна очень умная крестьянка среднего возраста, с которой мы познакомились в небольшой деревне, совершенно огорошила нас, когда заявила, что на Луне еще никто не бывал. Когда мы начали спорить с ней и сослались на то, что по телевизору любой мог увидеть, как «приземлился» американский космический корабль на Луне, она хлыкнула: «То-то и оно, что по телевизору». Она призналась нам, что эта передача якобы «с Луны» привела ее в такое веселое состояние, она так хохотала, что забыла даже вовремя вынуть пироги из плиты.

Западе не находят подходящих слов и объяснений, это знание пришло из фантастических рассказов Востока.

Стюарт и Рома Гелдер в своей книге «Виза на Тибет» (издана в Вене в 1965 году) рассказывают о посещении тибетского ламы: «...Было бы очень непросто опровергнуть представления живого Будды. Двенадцатый Далай лама однажды дискутировал со своими теологами, как вдруг один из них сказал, что Далай лама утверждает нечто прямо противоположное тому, что говорил в XVII веке «Великий Пятый». Далай лама совершенно обескуражил своих оппонентов, спросив: «Так что же говорило воплощение в XVII веке, известное под именем Великий Пятый?»

Путешествие во времени — естественный шаг в эволюции человечества?

Иоанна и Тимоти Лири в 1973 году обратились к общественности с открытым письмом, в котором утверждали, что в людях заложено умение путешествовать во времени, так же, как и в пространстве.

Оба Лири, следуя указанию английского врача Артура Вайгена на функциональные особенности двух полушарий нашего мозга, нашли в правом полушарии (у правшей) совершенно новый мир представлений — мир немой или недоминантной

Густав Теодор Фехнер; ветчина, которую сварила его сестра в бургундском вине, вернула его в нормальное состояние из бессознательного, которое длилось несколько лет

половины мозга, открытой до сих пор только для шаманов, немногих мистиков, магов и потребителей психоделитических наркотиков.

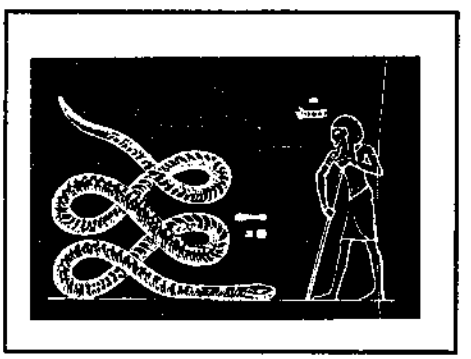
«Самое странное заключается в следующем: половина нервной системы остается нетронутой, но когда привычные синаптические круги вдруг взрываются, сознание больше не фиксируется, оно не ограждено обычным насилием социальной, ментальной и эмоциональной жизни, и тогда можно приступить к изучению неведомых путей молчащего полушария... Правое полушарие мозга существует как Новый Мир, который можно изучить и гармонически использовать. Очень может быть, что открытие и изучение молчащего неврального полушария мозга станет еще более значительным в эволюции человека, чем открытие пятьсот лет назад географического полушария. Неврологи думают, что освобождение от прежних навязанных представлений и доступ к «молчащему полушарию» — это естественная стадия в эволюции, но она происходит так драматично, что уместно назвать эту стадию метаморфозой. Мы должны предположить, что код ДНК конструировал нервную систему.

Природа, очень расточительная в эксперименте, всегда экономна по части полезной структурной нагрузки; она не стала бы трудиться над созданием такой конструкции, в которой половина нервных возможностей оставалась неосознанной и неиспользованной».

Лири полагают, что эволюционная функция молчащей половины мозга и содержащиеся в ней три «временных отпечатка» позволят человеку совершать путешествия от планеты к планете. В то же время межзвездные путешествия требуют понимания невропсихологических трудностей формул пространства—времени Эйнштейна — Лоренца. Интересно отметить, что неврологи, которые изучают эти формулы, предпочитают называть их путешествием во времени, а не в пространстве. Когда мы покидаем планету, мы оказываемся в категории времени и покидаем пространство. Путешествие через кору головного мозга, через corpus callosum (соединительный элемент между обоими полушариями) — неврологический эквивалент преодолению гравитации, когда корабль покидает планету.

Путешественники во времени — вечные агенты эволюции

Всякий раз, когда нас одолевают видения и мы, как выразился однажды Эйнштейн, перестаем удивляться и, следовательно, оказываемся пленниками собственных представлений, за решеткой наших представлений



По некоторым дошедшим до нас рисункам и документам ученые приходят к выводу, что еще египтяне и гностики имели представление о значении двойной спирали ДНК и заложенного в ней генетического кода (изображение египетского демона змей Апофиса)

Национальность как агент воли слишком часто оказывается в плену собственных представлений, как шляпник на картинке

вдруг, «как из ничего», всплывают личности, которые в силу их внушения или — если хотите — в силу их волшебных формул способны удерживать маятник от равномерного качания и предлагают человечеству игру с новыми «осколками символов».

«Символы нуждаются в медиумах», — утверждает Лауф. Лири говорит примерно о том же, когда констатирует, что «необходима встреча двух или более лиц, чтобы начать создавать новую структуру реальности»

Эти «медиумы», которые, подобно брошенному в воду камню, могут вызвать настоящие волны символов, нередко кажутся современникам чужими, порой просто страшными существами, выставляются как помешанные или еретики, преследуются и изгоняются или приветствуются и почитаются как сознательные мутанты, пришедшие к нам из будущего. Таким пришельцем из будущего казался рыцарям Круглого стола волшебник Мерлин.

В книге Уайта Мерлин говорит королю Артуру:

«Обычные люди рождаются вперед во времени, если ты понимаешь, что я хочу сказать, да и вообще почти все в мире устремлено вперед. Это сильно облегчает жизнь обычным людям... Но лично я родился на другом конце времени, я должен жить в обратном времени, окруженный массой людей, которые живут в противоположном направлении. Некоторые называют это так: — «иметь второе лицо». Тут нетрудно и запутаться. Вот, скажем, смешиваются формы времени. Если ты знаешь, что произойдет с человеком, но не знаешь, что с ним уже произошло, то довольно трудно предотвратить это происшествие, если не хочешь, чтобы это произошло. Ты понимаешь, что я имею в виду?»

Теперь кот исчезал совсем, постепенно от хвоста и до улыбки, которая оставалась еще некоторое время после того, как уже исчезло все другое

Но такие существа, которые знают наперед, что произойдет, а среди них можно упомянуть Эйнштейна, Мону Лизу, Тимоти Лири и чеширского кота из «Алисы в Стране Чудес», вовсю насмехаются над нами:

«— Котик! Чешик! — робко начала Алиса. Она не знала, понравится ли ему это имя, но он только шире улыбнулся в ответ.

«Ничего, — подумала Алиса, — кажется, доволен». Вслух же она спросила:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть?

— Мне все равно... — сказала Алиса.

— Тогда все равно, куда и идти, — заметил Кот.

— ...Только бы попасть куда-нибудь — пояснила Алиса.

— Куда-нибудь ты обязательно попадешь, — сказал Кот. — Нужно только достаточно долго идти.

С этим нельзя было не согласиться. Алиса решила переменить тему.

— А что здесь за люди живут? — спросила она.

— Вон там, — сказал Кот и махнул правой лапой, — живет Болванщик. А там, — и он махнул левой, — Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме.

— На что же мне безумцы? — спросила Алиса.

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот, — все мы здесь не в своем уме — и ты, и я.

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась».

Шива: король танца

Шива, особенно в своем воплощении как Расаяна, представляется индийцам прежде всего как волшебник, как учитель всех грядущих великих магов, которые, согласно индуистским воззрениям, суть не что иное, как все новые воплощения постоянно возвращающегося в мир бога.

Именно Шива приводит в движение своим трезубцем все предметы, имеющиеся в представлении человека, и тем самым изменяет их, создавая все новые чудеса из превращения

Шива, учитель магов, убивает демона: по сути силой своей магии ему удается разрушить закоснелые представления, которыми люди могут быть одержимы, как демоном

знакомого и старого. Если присмотреться к такому атрибуту Шивы, как лунный месяц, который он носит в волосах, то мы поймем, что он в придачу еще и повелитель ведьм, и великий врачеватель.

В облике Шивы Рудра он живет на кладбищах, где сжигают тела умерших и где обитают страшные существа, то есть он заодно и глава всех духов и вампиров.

Своим трезубцем и лунным серпом (на Западе их интерпретируют как рога) он предвосхищает образ христианского черта; его можно идентифицировать с князем вампиров Дракулой, как его описал английский писатель Брем Стоукер. Как разрушитель, трансформатор, ниспровергатель старого — и тем самым как обновитель миров — Шива как король танца определяет ритм миров. «Вообще Шива — танцор, король танца, его зовут еще Натарайя», — пишет в своем эссе об индийской мифологии Дж. Херберт.

Нередко Шиву представляют в позе совершенной гармонии, в середине большого венка, из которого вспыхивают и гаснут языки пламени. Так появляются и исчезают миры. На ногах Шивы сидит на корточках Трипуразура — демон трех городов, трех миров, готовый служить Шиве в качестве табуретки для ног, и Шива опирается на него как на подножие, ведь триединая Вселенная и составляет основу танца.

(Представление о творении мира путем ритуального танца лежит и в основе культовых танцев североамериканских индейцев гопи, они исполняют этот танец без устали в течение нескольких суток.)

В отличие от европейских представлений о белой и черной магии, Шива объединяет в себе обе, чтобы синтезировать их, творя «чудесный новый мир».

Ananda K. Coomaraswamy: The Dance of Shiva, New York 1957
J. Herbert: Die Mythologien der Inder, in: Pierre Grimal (Hrsg.), Mythen der Völker, Frankfurt/Main 1967

Заратустра: извечная борьба света и тьмы

Когда Заратустра увидел мир, один голос сказал ему: «Мир — прекрасен!», и почти в тот же момент второй голос сказал: «Мир — ужасен!»

И именно из-за этого вечного противоборства внутри себя Заратустра должен был непрерывно смеяться. Обе половины его мозга были настолько возбуждены (как извлек из старинных источников Фрэнсис Беррет), биение его мозга становилось настолько сильным, что это могли ощущать руки, когда их прикладывали к голове.

Многие годы Заратустра провел в пустыне, где питался одним кислым молоком, а затем на горе, где жил в полном одиночестве, после чего, весь в языках пламени, он явился персидскому царю и его придворным и возвестил свое учение о двойственности мира:

Ахурамазда, повелитель света, высшее существо, создатель космического порядка, находится в вечной борьбе с Ариманом, злым духом, повелителем тьмы, разрушителем всего.

Оба принципа способны творчески проявить себя, оба — не тварные существа, существуют от века и будут существовать вечно.

Из того обстоятельства, что пер-

Царь убивает единорога, символ вечной борьбы огня и тьмы, добра и зла, души и тела

сы считали солнце глазом Ахурамазды, вовсе не следует, как часто неверно полагают, что они были огнепоклонниками: солнце и возжигавшийся во славу Ахурамазды при богослужении огонь были лишь символом истины, олицетворением которой является высшее божество.

Если Ахурамазда во всех своих проявлениях напоминает Варуну, верховного бога индийских вед, то Аримана нетрудно узнать в Ахи — старой мстительной змее.

Христиане и иудеи (особенно в своих церемониях и культах) много взяли от учения Заратустры, например от его представления о всемирном цикле, который повторяется каждые 12 тысяч лет.

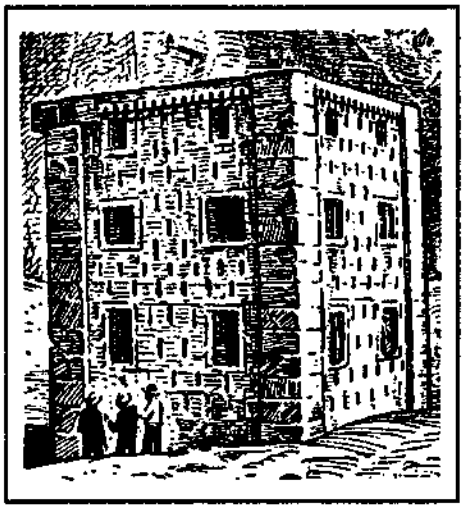
Античные авторы нередко приравнивают Заратустру к Моисею либо к пророку Иезекилю.

Пророчество о Мессии в персидской религии — о рожденном девой Мессии, который в конце света снова воскресит всех мертвых, — было полностью включено в христианскую мифологию.

Влияние учения Заратустры можно найти в культе митры, который распространился во времена римского владычества с Ближнего Востока в Европу, и в религии мани (III век от Р. Х.).

В учении Заратустры мы находим шаманские мотивы — детали культа персов, которые во время священнослужения приносили в жертву маленькие пирожки, освященное мясо и сок психоактивного растения хаома (священная сома индусов).

Заратустра написал 21 книгу, но до нас дошли лишь небольшие фрагменты, их сохранили живущие на Ост-Индии священнослужители парсизма, эти фрагменты собраны воедино в священном писании Зендавеста.



Одна из многих предполагаемых могил, где якобы погребен Заратустра (храм огня V века до Р.Х. в Персеполе)

Крылатый солнечный диск как символ Ахурамазды (рельеф на персидской могиле, 520 г. до Р.Х.)

Самая старая часть Зендавесты содержит в пяти Гатах, или песнях, суть учения Заратустры.

В более позднюю эпоху (V век от Р.Х.) вожди разных сект парсизма реформировали учение Заратустры и попытались представить противоположность обеих полярных сил в новом, более высоком единстве (время, пространство, судьба) как лежащем в основе всего первопринципа.

Что касается времени, когда жил Заратустра, то здесь наблюдаются сильнейшие колебания — от 6 тысячелетия до 6 века до Р.Х. Предания даже говорят о пяти различных Заратустрах, которые появлялись в разное время и в разных местах. Одного из них будто бы встречал Пифагор в своих странствиях.

Именно Зороастр («золотая звезда»), как называли его греки, наверняка и Пифагора посвятил в высшую, уже при рождении открывшуюся ему тайну мира, и поэтому его ближайшие ученики, маги, считали Заратустру сыном бога и сыном мудрости и истины. «И буду я говорить об обоих духах, которые стоят у истоков жизни, и никогда не придут в полное согласие наши обоюдные мысли, наши познания, наш опыт, наши слова, наши дела, наши души».

Моисей: эксперименты в пустыне

Человек, которого евреи называют Моисеем (вытащенным из воды), по сведениям египетского жреца и историка Манефона, был жрецом Осириса и звался египтянами Осар-

Картина Пьетро Франкавилла «Моисей»

сиф. Манефон утверждает, что Моисей был сыном принцессы Термутис, сестры фараона Рамзеса II (Термутис — имя ядовитой змеи, священной для богини Исиды).

А еврейские источники считают, что Моисей был сыном Амрама и Иохаведы из колена Левия — касты священнослужителей, которые служили когда-то культу змеи канаитского происхождения.

Поскольку к моменту рождения Моисея всех новорожденных детей евреев по приказу фараона бросали в воду, родители сплели для него «корзинку из тростника и, осмолили ее асфальтом и смолою; и положивши в нее младенца, поставили в тростнике у берега реки». Дочь фараона, которая пришла в это место мыться, нашла его и воспитала как собственного сына...

Возможно, истина где-то посредине: история о положенном в корзинку и «случайно» найденном ребенке должна сделать более приемлемым расхожий сюжет о любви египтянки и еврея.

Более поздние историки, такие, как грек Страбон (жил на рубеже эпох) или Клеменс Александр (II век от Р.Х.) также рассказывают, что Моисей был посвящен в тайное знание Египта.

Когда Моисей, уже в 80-летнем возрасте, обратился к фараону с просьбой освободить еврейский народ из рабства и разрешить вывести его в Палестину, фараон воспротивился, но Моисей силой магии принудил его это сделать.

При всех творимых им чудесах

Картина Эколя Гранди «Исход из Египта»

Картина Лира «Моисей»

Моисей использовал «змеиный жезл», который впоследствии особенно почитался евреями. Он дает дополнительное указание на то, что Моисей вначале получил воспитание как египетский жрец, ведь змеиный жезл и леопардовая шкура принадлежали к обычным культовым атрибутам жреца Осириса.

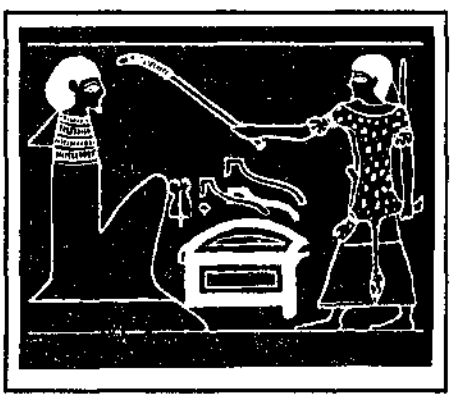
Сейчас нам трудно судить, можно ли принимать буквально те чудеса Моисея, о которых повествует Библия.

Многое говорит, например, в пользу того, что описанные как разделенные во времени события, скажем, выступления Моисея и Аарона перед фараоном, на самом деле части одного длительного сеанса, отдельные фрагменты которого позднейшими рассказчиками расписывались все более сказочно.

(То, что опытный маг в манипуляциях со змеей способен вызвать в своем визави впечатляющие изменения в сознании, не прибегая к наркотикам и физическому контакту, показывает случай, о котором сообщает в своей книге «Бог — мое переживание» Ром Ландау: «Грудьев сидел за столиком в ресторане, а за соседним столиком сидела абсолютно незнакомая американка, которая практиковалась в технике дыхания; она нечаянно заглянула ему в глаза, отчего Грудьев испытал внезапный оргазм»).

Когда Моисей встретился с фараоном, он пришел из Синайской пустыни, где, как рассказывает Библия, он несколько десятков лет провел среди кочевого народа у священника Иофора: Моисей женился на его черноволосой дочери Сепфоре (Библия называет ее мавританкой).

Наверное, тогда Моисей совершенствовал свое магическое искусство в общении с Иофором и Сепфорой, не случайно же он впоследствии неоднократно вступал в спор со своим братом Аароном, также искушенным в магии, и его женой Мириам.



Верховный жрец Осириса со змеиным жезлом и леопардовой шкурой при исполнении ритуала «третьего глаза»

Моисей выбивает жезлом Аарона воду из скалы. С точки зрения более глубокой символики, здесь речь идет о символе — жаждущей идеями «воде истинного знания» (из книги: «Les mysteres de la science», 1893)

Самый выдающийся подвиг Моисея состоял в том, чтобы после того, как он вывел евреев из Египта, в плавильном котле пустыни, по которой он водил их в течение многих лет (Библия называет 40 лет, другие источники — 3 года), сделать их тем, чем они мнят себя и по сию пору, а именно: избранным народом!

Моисей последовательно утверждал идею Авраама относительно существования единого бога.

В основанной им религии Моисей так искусно переплел всевозможные запреты, наставления и предписания с практическими и социальными условиями, что его учение превращается в универсальный закон повседневной жизни.

Годы в пустыне Моисей использовал также для того, чтобы добиться определенного генетического состава в народе; он заново поделил евреев на роды, кланы и семьи, причем он отвел особое место своему колену священников.

Одно довольно темное место в Библии, в котором рассказывается, что все мужчины, которые при выходе из Египта были в зрелом возрасте, погибли в пустыне, следует понимать, наверное, символически в том смысле, что Моисей взял у них прежнее «я» и наполнил их новым знанием их идентичности и их существа как евреев.

Также известное место Библии, где Моисей — снова с помощью жезла — выбивает источник воды в скале, следует понимать в том смысле, что он открыл источник другого, более глубокого знания своей жаждущей истинного познания дружине. Примечательно: сегодня мало известно, что помимо изготовления различных культовых предметов Моисей призывал евреев изготовлять бронзовых змей — эти «изваяния» спустя два столетия правоверные евреи снова вынесли из храма.

Когда Моисей умер, он оставил евреям веру и культ Иеговы, другими словами, памятник самому себе — образ часто несправедливого и иррационально вспыльчивого, подчас мудрого, но всегда могущественного и сильного патриарха.

Произошло — при трезвом рассмотрении — почти невероятное: формы и структуры, увиденные в себе Моисеем при его многочисленных «уходах к богу», становились в устах Моисея могущественными заклинаниями — такими, что еще и 3 тысячелетия спустя люди выводили всю свою

Моисей и Аарон показывают фараону чудеса со змеями (по рисунку Шнорра фон Карольсфельда)

реальность из них не только теоретически, но и претворяли в действительность.

Еще в античности появляются книги, якобы написанные Моисеем, исполненные магического священного содержания, которые уже тогда пользовались большой популярностью. В музее голландского города Лейден хранится папирус II века до Р.Х., якобы содержащий восьмую и десятую книги Моисея.

Как известно, в Ветхом завете имеется пятикнижие Моисея; отсюда делался вывод, что существуют еще пять книг, которые передавали бы его тайные познания.

Народное поверье в средние века утверждало, что эти пять магических тайных книг не допущены церковниками в официальные издания Библии, но что все они, отпечатанные, хранятся в библиотеках некоторых монастырей.

Хотя опубликованные в XIX веке под именем Моисея «шестая и седьмая книги Моисея» на самом деле — детский лепет и издевательство над

доверчивыми покупателями, народ по-прежнему питал высочайшее почтение к имени Моисея: уже само владение этими книгами будто бы придавало некую волшебную силу и магическую защиту владельцу — крестьяне охотно прятали ее под порогом своего дома или под застрехой на крыше.

Das Alte Testament: 1. bis 5. Buch Mose (nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers), Luzern 1964
Das Sechste und Siebente Buch Mosis, sein wahrer Wert und was das Volk darin sucht (Einleitung Wolfgang Bauer), Berlin 1979, Nachdruck der Ausgabe des Buchversands Gutenberg von 1930. (Enthält auch das zuerst 1849 in der Edition des Stuttgarter Antiquars Scheible erschienene Beschwörungsbuch nach einer alten Handschrift.)
Johannes Kruse: Hexen unter uns, Glückstadt 1951

Соломон: нет ничего нового под солнцем

Соломон (993 — 953 гг. до Р.Х.) был сыном царицы Вирсавии и царя Давида и, соответственно, его преемником на израильском троне. Соломон противопоставил строгой и пуританской патриархальности Моисея и его последователей роскошь и чувственное наслаждение жизнерадостного Востока.

За счет браков с дочерьми властителей других земель (в частности, женой его была и дочь фараона) он сумел обеспечить безопасность границ своего государства и уже тем показал здесь пример приписываемой ему мудрости.

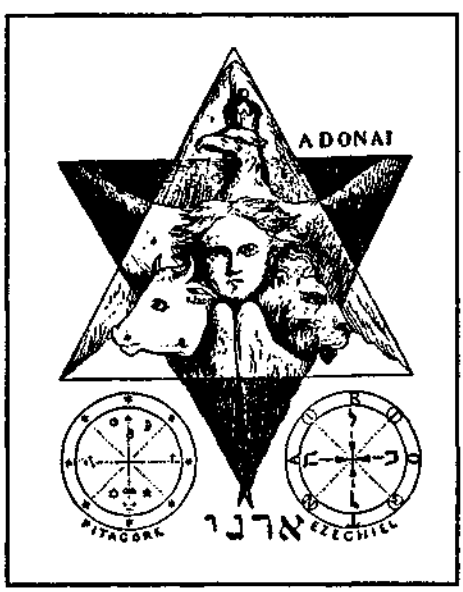
Соломон — «миролюбец»

Совершенно очевидно, что Соломон, у которого, по сообщению Библии, было семьсот жен и триста наложниц, испытывал больше радости от множества женщин, нежели от военных походов и войн.

Две магические гексаграммы Элифаса Леви, которые символизируют макрокосмос

Последующие поколения назвали его «миротворцем», однако, похоже, не все исследователи истории жизни Соломона считают это его достоинством. В частности, энциклопедический словарь Мейера издания 1890 года укоризненно пишет об этой пацифистской черте царя: «Соломон, предпочитавший роскошную, изнеженную жизнь, чурался войны настолько, что за 40 лет своего правления почти ни разу не прибегнул к услугам своего войска». Мудрость свою он черпал не столько из книг, сколько из погруженности в самое жизнь, прежде всего в эротическую игру полов — путь к мудрости, который индусы издревле примечательно называли «кратчайшей дорогой к озарению».

О Соломоне особенно громко заговорили, когда он построил большой храм на горе Мориа и воздвиг великолепный дворец на горе Сион. Соломон поощрял и искусства, по его приказу для певцов сделали арфы и переписали псалтырь.



Соломон серьезно изучал тайные предания народов, что принесло ему еще при жизни славу великого мага и мудреца (а арабы считают его таковым и сегодня).

«И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его... И весь мир хотел увидеть Соломона, чтобы послушать мудрости, которую дал ему Бог», — это признают даже авторы библейской Книги Царств, которые не особенно лестно должны отзываться о Соломоне из-за многих чужестранных женщин, которых любил царь и которым он разрешал чтить своих богов:

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его.

И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской.

И делал Соломон неугодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его.

Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской.

Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам».

Его слава мудреца привела наконец в Иерусалим богатую и мудрую царицу Савскую, которая решила испытать царя загадками. Она подарила царю «сто двадцать талантов золота, и великое множество благовоний, и драгоценные камни», и еще «корабль Хирамов привез из

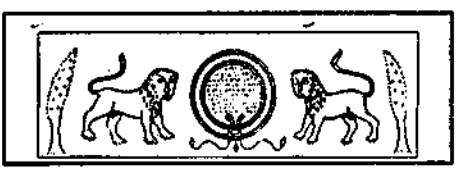
Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней», и после этого царь «Соломон дал царице все, чего она желала и чего просила!»

Для современников Соломон вскоре сделался не тольцо великим царем, но и повелителем духов, над которыми он имел власть благодаря своему магическому кольцу, как утверждает предание.

В этом загадочном кольце была вырезана гексаграмма, так называемая «печать Соломона», которая и сейчас присутствует на флаге государства Израиль.

Гексаграмма символизирует, как и китайский знак инь-ян или христианский крест, взаимопроникновение и сплав противоположных сил (например, небо — земля, дух — материя, время — пространство, сознание — тело и так далее). Силы, принципы, которые вообще определяются и открываются путем нахождения и ощущения иного в двусторонних встречах. «Мы всегда опираемся на то, что нам противостоит, противоречит», — говорит Элифас Леви.

Sergius Golowin: Die Legende vom weisen Salomo . . ., Bern 1964



Гермес Трисмегист: что наверху — то и внизу

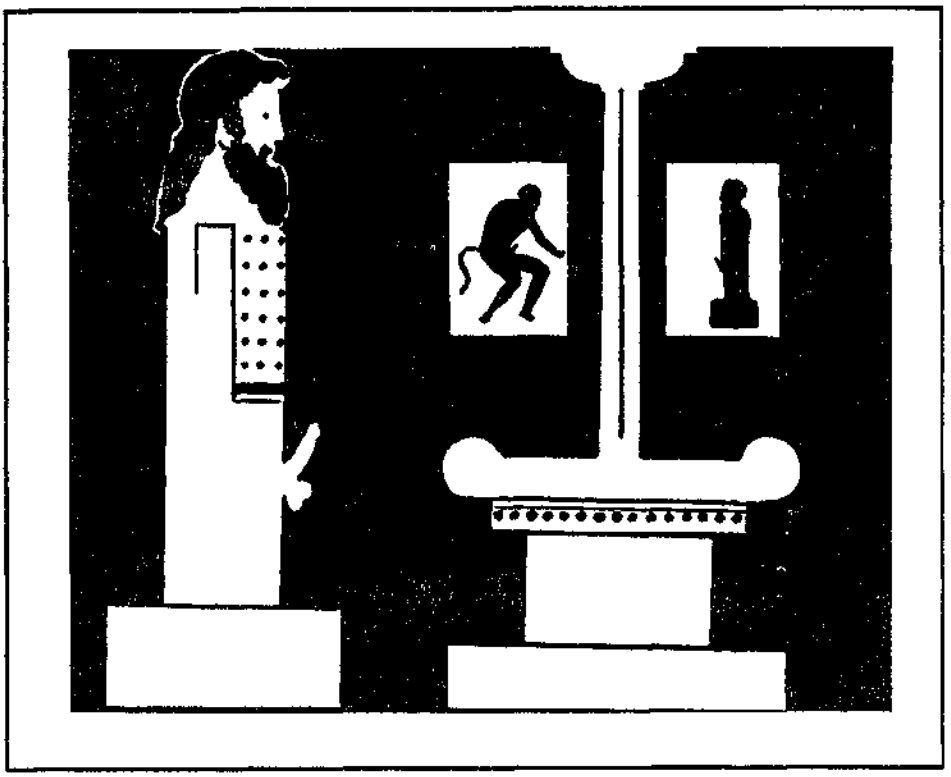
Именно учения божественного Гермеса Трисмегиста алхимики средневековья называли решающим источником их инспирации.

Гермес Трисмегист: природа радуется природе, природа побеждает природу, природа царствует над природой (из книги: Jacques Boissard «De Divinatione et Magicis)

В фигуре «трижды великого» Гермеса, как называли его греки, сливаются существа, по меньшей мере, двух божеств Средиземноморья — египетского бога великой мудрости и владыки всех чар Тота и основателя алхимии греческого бога Гермеса.

Тот — учитель богини Исиды, изобретатель меры, счета и музыки, а также основатель науки о звездах. Он также врач, который владеет могущественными целительными заклинаниями.

Гермес — знаток и хранитель всех путей (в древности их отмечали насыпями камней, отсюда Гермес («груда камней») — покровитель путников и «искатель» в любом значении этого



Изображения Гермеса, как и изображения Шивы, сопровождались знаком фаллоса

слова, то есть заодно и хитрец, и знаток всяких уловок.

Гермес — сын Зевса и нимфы Майи имел во многих местах культовые площадки, которые он делил с нимфами. Этого бога волшебства с незапамятных времен люди чтили в гермиях — на площадках с четырехгранными колоннами, украшенными головой бородатого Гермеса и фаллосом.

Тот к кому Гермес прикасался змеиным жезлом, тот получал благодать, сны и богатство.

Согласно Гомеру, именно Гермес сообщает «трудам всех людей изящество и блеск».

По преданию, утерянные книги Гермеса Трисмегиста будто бы были вновь найдены сначала тианским магом Аполлоном (жил в I в. от Р.Х.), затем они каким-то загадочным образом попали в руки жреца и врача Сергия Рис-Айна (VI в. от Р.Х.), который перевел тексты с древнесирийского на арабский. Способ, каким Аполлон приобрел свои знания, читается как отрывок из фантастической литературы, спроецированной в далекое прошлое:

«В моем родном городе стояло каменное скульптурное изображение на золотой колонне, на которой было написано: «Смотри, я — Гермес,

Аполлон из Тианы спасает юношу (офорт XIX века)

трижды мудрец; я поставил чудесный знак перед глазами всех, а затем опустил на него покров своей мудрости, чтобы никто не познал этот знак, кроме мудреца вроде меня». Но на торце изваяния на древнесирийском было написано: «Кто хочет узнать тайны творения и изображения природы, тот пусть посмотрит мне под ноги». Но люди не понимали, что он этим сказал, они смотрели обыкновенно себе под ноги и не видели ничего. Я был тогда молод и слаб, но, когда повзрослел и окреп, я прочел, что было написано на торце, много думал над этим и начал копать под колонной. И тогда я попал в подземную кладовую, куда не проникал ни один луч солнца. Но в кладовой все время тянуло сквозняками, поэтому я никак не мог разглядеть чего-либо в подземелье из-за темноты, а ветры все время гасили пламя. Я ничего не мог поделать и очень расстроился. Тут меня одолел сон, и во сне я продолжал думать о том, что тяготило меня. И во сне мне явился старик, очень похожий на меня обликом, и сказал: «О Балинус (= Аполлон), встань и спустись в подземелье, чтобы там постичь тайны творения и природы».

Я ответил: «Я ничего не вижу в темноте, а ветер гасит любой факел». И тогда старик ответил мне: «О Балинус, помести свой свет в прозрачный сосуд из стекла, он сохранит твой свет от ветра, тогда ветер не будет задувать свет, который осветит тебе мрак». Тут сердце мое исполнилось благодати, я понял, что достиг своей цели и спросил: «Кто ты, кто дарит мне такую благодать?» Он ответил: «Я — суть твоя, твое благородное «я».

Тогда я проснулся, поместил свет в стеклянный сосуд, как мне подсказал мой добрый дух, и вошел в подземелье. И тут я увидел старика, который сидел на золотом троне, а в руке держал поднос из зеленого изумруда, на котором было написано: «Это — описание природы». А перед ним лежала книга, на которой было написано: «Это — тайна творения и знание о первопричинах вещей». Тогда я взял спокойно книгу и покинул подземелье. Я узнал из книги о тайнах творения и изображениях природы и первопричинах всех вещей.

Имя мое стало известно благодаря моей мудрости, я делал талисманы и совершал чудеса, вызывал смешение четырех стихий, их соединение, различия и связи.

Я пишу эту книгу для тех, кто придет за мной, как кто-то раньше написал ее для меня».

Силой своего мифического жезла Гермес освобождает свою душу из темницы материи

Обнаружение подземной кладовой, в которой царит полная тьма, встреча со стариком, обликом сходным с рассказчиком, — все это скорее напоминает процесс извлечения новых возможностей в самом себе, который происходит с каждым человеком, а не описание подлинного события.

Текст, который Аполлон обнаружил на изумрудном подносе в руках «мумии Гермеса», стал первоосновой веры для позднейших магов, астрологов и алхимиков, веры в то, что макро- и микрокосмос встречаются:

Это — правда, правда, нет никаких сомнений!

Смотри, самое верхнее идет из самого нижнего, это — чудо, сотворенное одним. Вообще все вещи возникли из одного материала и одним методом. Отец его — Солнце, мать его — Луна, ветер носил его в своем животе, земля кормила его своей грудью.

Он — отец чудес, хранитель загадок, повелитель всех сил, возжигатель всякого света.

Огонь, который становится землей.

Возьми землю от огня, тонкое от грубого, будь искусен и осторожен.

И таится в нем сила самого высшего и самого низшего. И станешь ты повелителем Высшего и Низшего.

Несешь ты свет всякого света, и бежит от тебя тьма.

Египетский бог Тот считается изобретателем мерной линейки и измеряемого времени

Несешь ты силу всех сил, и сможешь одолеть любую трудность, и сможешь проникнуть в суть всех вещей.

Как возникает большой мир, так возникает и малый мир, и это — моя слава.

Так возникает малый мир, и так учат все ученые.

И потому я — Гермес трижды мудрый.

(Цитируется по Фрику)

Julius Ruska: Tabula Smaragdine. Ein Beitrag zur Geschichte der Hermetischen Literatur, Heidelberg 1926

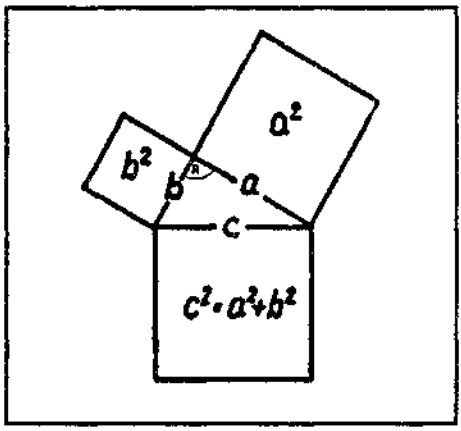
Пифагор

Пифагор: мудрость от брахманов

Учение Пифагора жило лишь в устной традиции: либо он сам ничего не написал, либо его сочинения утеряны. Все известное позволяет лишь угадывать гигантскую тень мощной личности. Даже сведения о его возрасте разноречивы: по некоторым данным, он умер в возрасте 80, по другим — 104 лет. Его расцвет, как сообщают источники, приходится на 540 г. до Р.Х..

Он был сыном резчика по камню и провел свою юность при дворе Поликрата Самосского. Долгое время Пифагор путешествовал по свету, был посвящен в мистерии греков и варваров, учился у индийских брахманов.

Но самое главное, пожалуй, это годы, проведенные в Египте, где он стал членом ордена египетских жрецов. Когда Пифагор вернулся в Грецию, он увидел, что родину захлестнули политические страсти, и предпочел уехать в Южную Италию. Там он основал орден, другими словами — союз, где и учил, что «самый совершенный плод философии — это освобождение от круга рождений». Еще при жизни ученики Пифагора почитали его как бога, в своей школе он собирал вокруг себя мужчин и женщин, которые должны были подчиняться строгим законам ордена. Утром, как только проснешься, нужно было заново пережить все события предшествовавшего дня, разобраться, справедливо или несправедливо поступал в этот день и что предстоит делать. К ежедневным упражнениям относились музыка, борьба, бег, метание диска, чтение текстов Гомера и Гесиода. Ученики Пифагора вместе принимали пищу, но воздерживались от мяса, ибо считали животных жи-



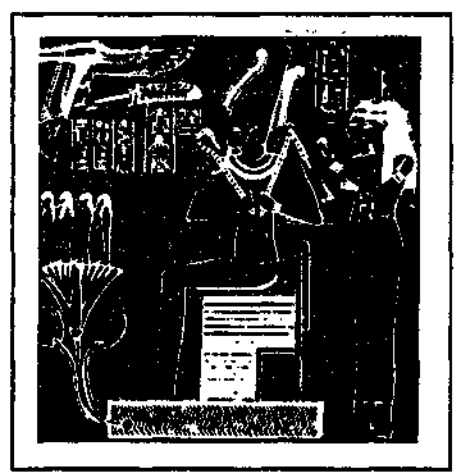
Теорема Пифагора: магические формулы реальности пространства

выми существами, наделенными душой, которые, как и люди, должны пройти через ряд обличий. Целью пифагорейцев было привести странствие своей души к счастливому концу. Пожалуй, союз пифагорейцев представлял раннюю, если не вообще самую раннюю, форму европейского монастыря.

Пифагор будто бы уверял, что мог вспомнить, кем он был в прежних жизнях. В своем первом воплощении он будто бы был сыном бога Гермеса, а затем участником троянской войны, а в своей последней инкарнации был рыбаком на острове Делос. Одно из чудесных деяний, которое ему приписывают, имеет поразительное сходство с чудом, совершенным Иисусом Христом, и, как это часто бывает, уже нельзя сказать определенно, кто же из них первый совершил это чудо. Во всяком случае, рассказывают, что Пифагор навестил как-то рыбаков в Тарентском заливе. Они пожаловались, что улов плохой.

Пифагор будто бы сказал им, чтобы они снова закинули сети, и точно предсказал, сколько рыбы они поймают. Его предсказание подтвердилось, но Пифагор велел рыбакам бросить рыб обратно в море, потому что пифагорейцы не ели не только мяса, но и рыбы, поскольку считали, что и рыбы имеют душу. При подсчете рыб ни одна из них не погибла, так пишет Порфирий в своей истории «Жизнь Пифагора».

Основная максима Пифагора, которой он учил своих учеников, заключается в том, чтобы принять противоречие — дуализм — как основной принцип мира, который правит всеми вещами. Пифагорейцы пытались обнаружить нетелесный принцип, который объяснял бы все вещи, и нашли его в числах, которые являют собой одновременно как абстрактные символы мышления, так и определенные чувственные предопределения. Числовая символика Пифагора ведет



Многие исследователи символов античности, возможно, и Пифагор, пытались понять, что кроется за загадочной смертью и чудесным возрождением «немного» бога Осириса

свое происхождение, по-видимому из Египта. Единство, или иначе единица или монада, было для них символом бога-гермафродита и формой всех вещей. Двойка — диада — означала для них материю, женское начало, дающее жизнь, египетскую богиню Исиду.

Триада — это объединение монады и диады, формы и материи, бесконечного Бога и конечной материи. Телесное, кроме тройки, не имеет более никакой величины, говорил впоследствии Аристотель об учении Пифагора. Число три царствует повсюду во Вселенной, пространство имеет три измерения, время мыслится в прошлом, настоящем и будущем, и все, что имеет реальность, подчинено троичности начала, середины и конца. Начало — это простое, единое, единица; середина — это его иностановление, диада, а конец, триада, — новое единство единицы и двойки. Четверке, или тетраде пифагорейцы придавали особую важность

Египетский бог Луны Хонсу: как посвященный египетский жрец, Пифагор мог заглянуть в тайны древнего эзотерического знания

— не только потому, что она есть число четырех элементов, но и потому, что она представляла еще более совершенное единство, чем тройка: как удвоение двойки, противоположности, которая уничтожается в четверке. Следует назвать еще число десять, образуемое из сложения первых четырех чисел и заключающее в себе, по мнению пифагорейцев, десять пар противоположностей, к которым, по их убеждению, сводится мир.

Для европейской истории, правда, понимание того, что мир развивается в противоположностях (противоречиях) и из противоположностей (противоречий), было менее важным, чем принцип троичности, который был воспринят христианством и сделан одним из центральных догматов веры. Единица как абсолютное единство Бога противостоит двойке как Богу Сыну, конечному человеку, и снова соединяется в Святом Духе, тройке, образуя новое единство. Но в отличие от пифагорейцев христианско-католическое учение устранило двойку в ее значении порождающего, женского, и по сей день отказывает женскому полу в праве быть священниками или прислуживать во время мессы.

Гераклит: все находится в становлении

«Все движется, и ничто не остается на месте». Это изречение греческого философа Гераклита (535—475 гг. до Р. Х.) через две тысячи лет вдохновило Гёте на стихотворение «Прочное в сменах», в котором содержатся следующие строки:

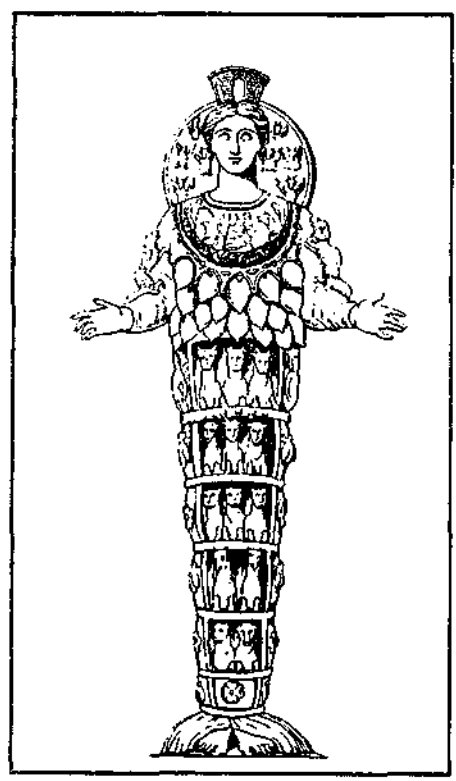
И — увы! — в одну и ту же
Реку дважды не ступать.
(Пер.И.Вильмонта)

Ведь та вода, что была в реке, уже утекла, да и человек изменился.

Гераклит, будто бы высказавший эту мысль, родился в Эфесе в знатной семье, члены которой из поколения в поколение были жрецами Деметры. Сам Гераклит, однако, не захотел быть жрецом, отошел от политики, которой одно время успешно занимался, и даже ответил отказом на предложение царя служить при его дворе. Удалившись в святилище Артемиды, он вел уединенную жизнь, и единственным развлечением для него было, как говорит предание, играть с детьми. Дети были для него символом становления, движения: «Век (эон) — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!»

Время было для Гераклита единственным измерением, единственным принципом вечной непрерывности в постоянной смене событий, природных процессов и ликов. Отдельные явления, считал Гераклит, сомнительны и непостоянны, а «прекраснейший мир» был для него едва ли не «беспорядочно рассыпанной кучей сора». Это кажущееся пренебрежение к отдельному, единичному, принесло Гераклиту нелюбовь современников; сам же он смотрел на толпу свысока, как на чернь, безмозглую и безрассудную: люди «не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как этого не помнят спящие». Война, говорит Ге-

Гераклит



Гераклит отказался от должности жреца Деметры и стал пламенным почитателем богини Артемиды, «Дианы Эфесской»

раклит, «отец всех и царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних — рабами, других — свободными».

Человек, по Гераклиту, есть часть этого бесконечного процесса, в котором «бытие — не более чем небытие», и остается только движение. Все находится в становлении; становление — вот великий принцип. Материальное соответствие времени есть огонь, в котором другое исчезает и который сам в себе исчезает. «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся и мерно угасающий». Из вечного огня через вражду, через войну, отца всех вещей, рождается всякая вещь, это, по Гераклиту, путь вниз, а через застывание, умирание отдельного (единичного), всякая вещь вновь обращается в огонь, это, по Гераклиту, путь вверх. Но оба одинаково важны: «Путь вверх — вниз (или: путь туда — сюда) один и тот же».

Гераклит считал душу «искоркой звездной субстанции», или эфирного огня, и когда после смерти тело человека сожжено, она, совершая «путь вверх», возвращается в космический огонь... Таким образом, боги и люди, по Гераклиту, сделаны не из принципиально разного вещества: «Люди — смертные боги, а боги — бессмертные люди, те живут в смерти, а эти умирают в жизни». (Смерть богов есть жизнь, умирание — жизнь богов, добавляет Гегель в своей «Истории философии», интерпретируя это положение Гераклита).

Гераклит советует человеку склониться перед бесконечным процессом становления, в котором нет ничего, кроме чередования и смены, и тем доставить радость душе, а это — высшее счастье.

Эмпедокл: победитель смерти, пророк любви

Эмпедокл, чудотворец и колдун, врач, жрец и — как впоследствии назовет его француз Эрнест Ренан — смесь Калиостро и Ньютона, жил в Южной Сицилии в 495—435 гг. до Р. Х., уважаемый и почитаемый современниками. В политической борьбе в Акраганте он выступил сторонником народной партии и, когда ему предложили стать единственным правителем, ответил отказом. Его помыслы были устремлены в более высокую сферу:

Эмпедокл

«Друзья! Вы, что живете в большом городе на берегах золотистого Акраганта,

На самом акрополе, радеющие о добрых делах,

Вы — почтенные гавани для чужестранцев, не ведающие худа,

Привет вам! А я — уже не человек, но бессмертный бог для вас —

Шествую, почитаемый всеми как положено,

Перевитый лентами и зеленеющими венками:

Ими — едва лишь я прихожу в цветущие города —

Почитают меня мужчины и женщины. Они следуют за мной

— Тьмы и тьмы, — чтобы выспросить, где тропа к пользе:

Одним нужны предсказания, другие по поводу болезней

Всевозможных спрашивают, чтобы услышать целительное слово,

Давно уже терзаемые тяжкими муками.

Да что я напираю на это? Будто я делаю что-то важное,

Если превосхожу смертных, гибнущих от множества напастей людей»*.

Рассказывают, что Эмпедокл облачился в пурпурную мантию и носил на голове золотую повязку или дельфийский венок и что он ходил по городам и лечил людей, исцеляя подчас даже таких больных, которых врачи признавали безнадежными; рассказывают также, что он уберег страну от неурожая, а еще от мирового поветрия, рекомендовав канализировать болотистую местность.

Если у Гераклита все находится в непрерывном изменении, то у Эмпедокла действуют два принципа: разъединение и соединение. Гераклит называет разъединение, войну, отцом всех вещей, Эмпедокл же выдвигает еще второй и вместе с тем более высокий принцип: соединение, «любовь».

Эмпедокл — воссоединение с огнем Этны

«Когда Распря достигла самого дна

Вихря, а в середине круговерти оказалась Любовь,

Тогда в ней все это [видимый мир] сходится вместе, чтобы быть

Одним-единственным,

Не сразу, но добровольно собираясь одно отсюда, другое оттуда.

По мере того как они [элементы] сходились вместе, Распря уходила вон из них к самому краю».

Элементов четыре: огонь, вода, воздух и земля, их взаимное стремление и отталкивание Эмпедокл осмысляет и обозначает как «любовь» и «распрю», или «ненависть». По словам Аристотеля, Эмпедокл был первым греческим философом, который добавил к первым трем элементам еще четвертый — землю. Эта теория «четырех элементов» оставалась основным принципом химии вплоть до XVIII столетия, пока Лавуазье не предложил новую классификацию элементов. Хотя соединение элементов выше их разъединения, все же «разъединение также необходимо, как соединение, ибо нет вообще соедине-

* Здесь и далее цитируется по книге: «Фрагменты ранних греческих философов», часть I, М. «Наука», 1989. *(Прим. ред.)*

ния без разъединения, а разъединения без соединения».

Исходя из взгляда, что мировой процесс есть не что иное, как сменяющееся в вечных ритмах формы смешения и разделения, Эмпедокл заключает, что в мире ничто не возникает и ничто не исчезает — знание, которое в XIX столетии формулируется как всеобщий закон сохранения энергии, а именно, что энергия не возникает из ничего и не исчезает бесследно, но что все процессы изменения суть формы превращения энергии. Эмпедокл, излагавший свою философию в стихах, выражает эту мысль следующим образом:

«Еще скажу тебе: изо всех смертных вещей ни у одной нет ни рожденья,
Ни какой бы то ни было кончины от проклятой смерти,
А есть лишь смешение и разделение смешанных [элементов],
Люди же называют это «рождением».
Всякий раз, как люди заприметят, что [элементы] смешались в облике человека,
Или же в виде породы диких зверей, или в облике древес,
Или в облике птиц, тогда они говорят: «Это родилось».
Когда же они разделятся, то называют это «злосчастной смертью».
Так принято, и я тоже следую обычаю.
Несмышленыши! Сколь недальновидны их мысли,
Ежели они полагают, что может родиться то, чего прежде не было,
Или же нечто умереть и изничтожиться совершенно.
Из того, чего нет нигде, не может возникнуть [нечто],
Равно как недостижимо и несосуществимо, чтобы изничтожилось то, что есть:
Сколько и откуда его ни выталкивай, всякий раз [на его месте] окажется [другое существо]».

Но тот, кто постиг принцип непрерывного разъединения и соединения элементов, может влиять на эти процессы смешения. Своему ученику Павсанию Эмпедокл обещает:

«Сколько ни есть лекарств от болезней, защиты от старости,
Ты их узнаешь все, ибо я исполню все это для одного тебя.
Ты прекратишь неутомимые ветры, которые налетают на землю
И губят своим дыханием нивы.
А если захочешь, то наведешь и ветры возмездия.
Из черного ливня ты сделаешь людям своевременное вёдро,
А из летней засухи ты сделаешь
Древопитающие потоки, обитающие в эфире.
Ты вернешь из Аида умершего человека».

Подобно орфикам, секте, которая будто бы пришла в VI столетии до Р. Х. из Индии в Грецию, Эмпедокл верил в переселение душ. Тело — темница души, учили орфики, а Эмпедокл видел свою судьбу в этом мире так:

«Есть оракул [рок] Необходимости (Ананкэ), древнее постановление богов
Вечное, скрепленное, словно печатью, пространными клятвами:
Если какой-нибудь демон (божество) осквернит свои члены кровью [убийством] по прегрешению
И, следуя Ненависти, поклянется преступной клятвой,
— Из тех, кому досталась в удел долговечная жизнь —
Тридцать тысяч лет скитаться ему вдали от блаженных,
Рождаясь с течением времени во всевозможных обличьях смертных [существ],
Сменяя мучительные пути жизни.
Мощь Эфира гонит его в Море,
Море выплевывает на почву Земли, Земля — к лучам
Сияющего Солнца, а Солнце ввергает в вихри Эфира.
Один принимает от другого, но все ненавидят.
По этому пути и я иду ныне, изгнанник от богов и скиталец,
Повинуясь бешеной Ненависти...»

Песнопевцы, прорицатели и врачи будто бы отбыли, полагал Эмпедокл, уже большую часть этого 30000-летнего наказания, и неудивительно, что Эмпедокл, победитель смерти и пророк любви, не умер, рассказывает легенда, а был перемещен, подобно китайским бессмертным, в инобытие. Его хвастливые противники, однако, утверждали, что он прыгнул в огнедышащий кратер Этны, желая своим таинственным исчезновением создать впечатление, будто он стал бессмертным.

Глаз Гора — могущественный магический амулет египтян. В борьбе со своим противником Сетом Гор потерял левый глаз — луну, но бог Тот вернул ему глаз. Глаз Гора — символ преодоления смерти, возрождения всего

Клеопатра: воссоединение разделенных полушарий

Последней царицей из рода Птолемеев была Клеопатра. После ее смерти Египет стал при царствовании Августа провинцией Римской империи. Род Птолемеев ведет свое начало от Диадохов, генералов Александра Македонского, который покорил Египет в IV веке до Р. Х.

Клеопатра — «нильская змея»

Александр сам заложил основу города в том месте, где в море впадает западный рукав Нила. Город был назван Александрией, он стал впоследствии культурным центром эллинистическо-египетского мира.

За три века правления Птолемеев в Египте эллинская традиция смешалась с несравненно более древней египетской культурой. Когда 18-летняя Клеопатра в 51 году до Р. Х. вступила на трон, она вышла замуж за своего брата Птолемея XIV: так с незапамятных времен повелось у фараонов, что супруга царя всегда была одновременно его сестрой.

Брат и муж прогнал Клеопатру, но вскоре нашел свою смерть в битве с Цезарем. Цезарь снова сделал Клеопатру царицей, и она как его возлюбленная (с 48 по 44 гг. до Р.Х.) разделяла все его триумфы.

Исида кормит грудью своего сына Гора — символическое соответствие утреннему солнцу

Ра — египетский бог Солнца, он пересекает в лодке небесный океан, управляя миром

Сама Клеопатра видела в себе воплощение древних египетских богинь, поэтому она изображается с головным убором из перьев грифов, который носила богиня Мут, с рогами богини Хатор или с солнечным нимбом богини Исиды. Мифологические значения этих трех богинь совпадают: Хатор понимается как более рання форма Исиды, обе считаются матерями бога утреннего солнца Гора, в то время как Мут — супруга бога солнца Амона Ра — позднее почитается и как его мать. Все же, по-видимому, ближе всего Клеопатре был образ Исиды: рассказывается, что на большие празднества Клеопатра облачалась в одежды Исиды, народ почитал ее как Исиду и погребена она была в мавзолее, соединенном с храмом Исиды.

Исида — женский элемент в триаде великих египетских божеств: Осирис — Исида — Гор. Исида бродит по свету, отыскивая и собирая разрубленное на куски тело Осириса. Символ Осириса, или, лучше, его космологическое соответствие, — это заходящее солнце. Исида снова собирает тело Осириса, умершего бога, зачав от него, рождает нового бога — Гора, утреннее, или восходящее, солнце.

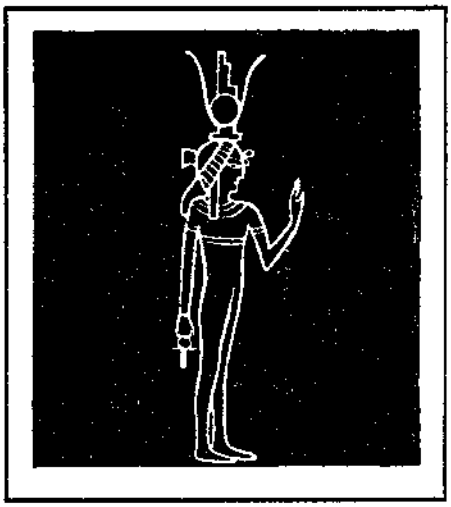
Может быть, Клеопатра увидела в Цезаре, который вел бесконечные сражения в различных странах, своего Осириса.

Сохранилось предание о долгом путешествии Цезаря и Клеопатры по Нилу, когда Цезарь решил ознакомиться с пределами своего нового царства, где он соприкоснулся с египетской культурой.

Гораций пишет о нем: «Покоренный Восток взял в полон своего дикого завоевателя». А вскоре появился и Гор, сын Осириса и Исиды: в 47 году до Р. Х. родился Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры.

Когда Клеопатра, по желанию

Многие исследователи символов античности пытались понять, что кроется за загадочной смертью и чудесным возрождением «темного» бога Осириса



Осирис — бог заходящего солнца, который, по преданию, был убит своим братом Сетом и снова возвращен к жизни своей супругой и сестрой Исидой

Цезаря, приехала в Рим, народ подозревал ее в том, что она околдовала императора, чтобы стать императрицей Рима и заставить сенаторов целовать ей ноги. Ей придумали обидные прозвища «александрийская блудница» и «нильская змея», считали, что она очаровала Цезаря своим длинным носом и тайным искусством любви. Вполне можно предполагать, что Клеопатра, которой тогда минул уже 21 год и которая не была писаной красавицей, лишенная трона дщерь потерявшей свое могущество династии, на самом деле использовала древние магические сексуальные чары, чтобы завладеть увенчанным лаврами полководцем, беспокойный дух которого влек его ко все новым и новым завоеваниям. В 48—44 гг до Р. Х. Цезарь и Клеопатра осуществили мечту возродить империю Александра Великого и тем самым воплотили в реальность египетский миф об Осирисе, Исиде и Горе.

Однако, как убеждает история, мировое господство разрушающе действует на тех, кто его достигает. Когда Цезаря закололи кинжалом сенаторы-заговорщики, предводимые Брутом, его тело расчленили на куски, как умершего Осириса. Клеопатра, став возлюбленной Антония, пытается реализовать мечту Гора — Цезариона, восходящего солнца мертвого Цезаря. Но эта мечта оказалась тщетной — в 31 г до Р. Х. Антоний был наголову разбит в сражении Августом и покончил с собой. Легенда рассказывает, что и Клеопатра свела счеты с жизнью, подставив себя укусу ядовитой змеи, чтобы не попасть в плен к ненавистному Августу, а также потому, что ее мечта соединить Запад с Востоком в лице Цезариона после победы Августа стала неосуществимой.

К тому же, говорит легенда, яд змеи был средством трансформации тела Клеопатры из сферы человеческого существования в сферу ее предков, богов.

Надо сказать, что по меньшей мере в умах людей Клеопатра подтвердила свое божественное бессмертие, об этом, в частности, говорит невероятный успех фильма «Клеопатра» с Элизабет Тейлор в главной роли.

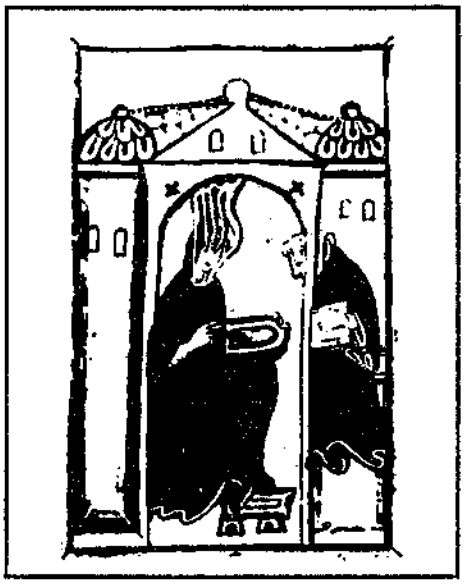
Benoist-Mechin, Kleopatra, Ein Traum vom Weltreich, München 1979

Grant, M., Cleopatra, London 1972

Görlitz, W., Kleopatra, Bildnis einer dämonischen Frau, Hamburg 1936

Хильдегард из Бингена: видение космического человека

Аббатиса монастыря города Бинген на Рейне (родилась десятым ребенком в незнатной семье в 1098 году, умерла в 1179 году) относится к одной из немногих ярких личностей этого весьма «темного» столетия. Ее незаурядные способности, многие из которых нелегко укладывались в прокрустово ложе ортодоксальных воззрений, принесли ей отлучение от церкви: Хильдегард открывались другие миры, ей являлись люди, которым



Святая Хильдегард со своим помощником Вольмером

были открыты тайны макро- и микрокосма, она замечательно лечила людей лекарственными травами, она очень откровенно писала о сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной и без колебаний принимала в своем монастыре мужчин.

Ей удалось предотвратить многие неблаговидные деяния благодаря интенсивной переписке с папами, императорами, королями и высокими иерархами, например с аббатом Бернаром из Клерво.

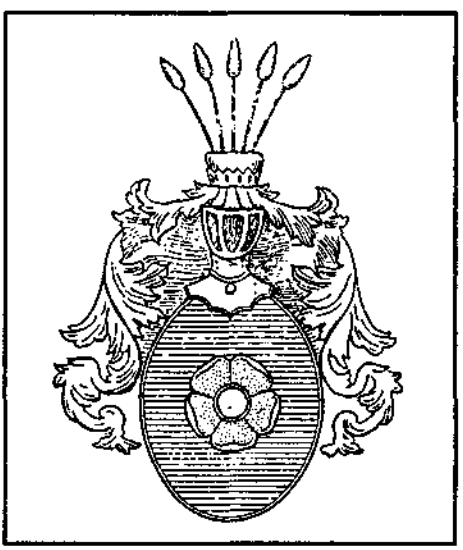
Хильдегард была остроумной и деятельной женщиной, некоторые высказывали предположение, что она была из знатного рода, но скрылась в монастыре под платьем монахини, однако это предположение вряд ли имеет под собой реальное основание.

Как аббатиса, она имела под руками любую рабочую силу своего мо-

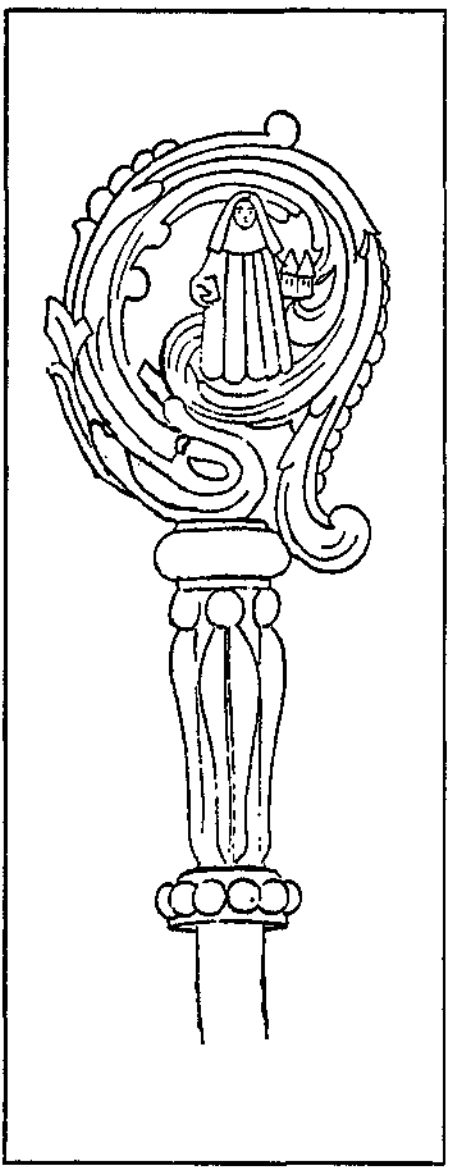
настыря, и над перепиской ее многочисленных трудов не покладая рук работали ее помощник Вольмер и еще одна из любимиц-монахинь, которые практически были замурованы в келье для переписчиков.

Аббатиса путешествовала в иные миры и, скорее всего, использовала при этом психоделитические свойства растений, ведь ей ведомы были все секреты флоры. Прорицательница очень любила зеленый цвет, ей казалось, что зеленое правит миром:

О, благородная зелень,
Тебя дарит само солнце.
Ты сверкаешь в свете дня
И источаешь божественный блеск.
Тебя обнимают объятия
Божественных тайн.
Ты бросаешь алмазы под лучами восходящего солнца.



Герб последней аббатисы монастыря Святого Руперта с мистической розой на гербовом поле. (В ходе секуляризации монастырь в 1814 году закрыли. В 1929 году монастырь Святой Хильдегард неподалеку от деревни Айбингеи открылся вновь.)



Посох аббатисы из древнего монастыря в Айбингене; изогнутый жезл пап, епископов и аббатов трансформировался из простого пастушьего посоха, но самое позднее с жезла Моисея ему приписываются чудодейственные силы

(Эксперты утверждают, что видение всего в зеленом цвете — одно из явлений, сопровождающих потребление некоторых наркотиков растения паслен.)

Хильдегард рассказывает, как у нее открылся третий глаз:

«В году 1141 от Рождества Христова, мне было тогда от роду сорок два года и семь месяцев, опустился на меня с ясного неба огненный свет с молниями. Свет этот проник через мой мозг и пронзил мое сердце и грудь, как будто пламенем, которое, однако, не жгло, а только согревало, как солнце нагревает предмет, на который падают его лучи. И вдруг мне открылся смысл всех писаний псалтыря, Евангелия и всех католических книг Старого и Нового завета».

Уже с пяти лет Хильдегард постигала многое «внутренним зрением»:

«Еще маленькой девочкой я познала силу и тайны скрытого чудесного зрения. Но я не открывалась никому, кроме тех немногих, кто, как и я, относился к монашескому ордену. Я все скрывала до тех пор, пока Господь не простер на меня свою милость и не разрешил открыться».

Хильдегард развила редкую способность видеть обоими полушариями головного мозга, то есть во всех своих видениях она в то же время оставалась и в мире реальности:

«Лица, которые я вижу, приходят ко мне не во сне, не в сновидениях, не в состоянии помешательства, я воспринимаю их не физическими глазами, и не где-нибудь в потаенных местах, я принимаю их в состоянии бодрствования, не помраченного, но ясного разума, глазами и ушами моего внутреннего «я», на виду у всех и в любом месте, как пожелает того Господь... Мои обращенные вовне глаза остаются открытыми, и все мои чувства сохраняют свою активность».

Эти черты видений, о которых рассказывает Хильдегард, были известны и у другой монахини бенедиктинского монастыря, которая жила намного раньше, чем Хильдегард. Мы говорим о святой Вальбурге, умершей в 778 году будучи аббатисой монастыря Хайденхайм близ Айхштетта.

Вальбурга происходит от немецкого слова Walburg, что означает «спасшая павшего». Видеть в ней — вопреки ее монашескому званию — валькирию, или сражающуюся (на поле брани) девственницу, можно было только в переносном смысле: Вальбурга была дочерью английского князя, а, согласно германской мифологии, княжеские дочери еще при жизни воспринимались как валькирии. Канонизация же ее (причисление к лику святых 1 мая, делает ее в христианской легенде «охранительницей от колдовства».

Поскольку это предание признает за ней, будто бы она имела силу над ведьмами и духами в Вальпургиеву ночь, то уже мистифицирующие ее сочинители легенд того времени представляют ее как госпожу (правительницу) ведьм и духов.

Вот соответствующее описание, составленное, правда, несколько позже:

«Ночь перед 1 мая есть Вальпургиева ночь, когда, по народному поверью, ведьмы и духи могут еще раз веселиться вволю до наступления нового дня, перед которым они отступают в вечную тьму. В символической картине Вальпургиевой ночи и Вальпургиевого дня вновь отражается появление посвященных богу девственниц (типа Вальбурги) в гер-

Святая Вальбурга — во время Вальпургиевой ночи она повелевает ведьмами, духами и демонами (рисунок Л. Рихтера). Одновременно, по христианским легендам, она — царица всех сил тьмы

манских лесах. Там, куда они приходили, отступали жрецы Водана, кобольды и ночные кошмары, исчезали священные рощи с жертвенными камнями и звериными черепами, из болот и развалов поднималась пашня, в чащобах просветлялись поляны, свет истины озарял души погрязших в язычестве людей».

Знаменитый маг XVI века Иоганн Тритемий родился на 4 века позже и не мог лично познакомиться с великой аббатисой, но он, по крайней мере, засвидетельствовал почтение ее останкам, когда в 1498 году торжественно был открыт гроб, в котором покоилась Хильдегард.

Этот некромант явно хотел использовать магическую силу, которая исходила даже от останков умершей:

В 1498 году гроб Святой Хильдегард был вскрыт с высшей почтительностью и в присутствии всех монахов. При этом присутствовал и аббат из Спонгейма Иоганн Тритемий, который, по просьбе аббатисы и монахов, извлек руку из мощей Святой Хильдегард (впоследствии ее вмонтировали в деревянную досочку, и так она свято хранится в его монастыре.)

Der hl. Hildegard von Bingen Wisse die Wege – Scivias. Nach dem Urtext des Hildegardiskodex ins Deutsche übertragen von D. Maura Bockeler O.S.B., Berlin 1928
Carmina Sanctae Hilgardis (lateinisch und deutsch), München 1928
Hildegard von Bingen: Gotteserfahrung und Weg in die Welt, herausgegeben von Prof. Heinrich Schipperges. Olten 1979 (Schipperges hat auch eine Reihe anderer Hildegard-Werke, hervorragend editiert und kommentiert, herausgegeben)
Die heilige Hildegard als Äbtissin im Rahmen des 12. Jahrhunderts, in: Benediktinische Monatsschrift XI, 1929, S. 433 ff.
Wolfgang Bauer: Die Kraft im Kraut, in: H.A. Hansen: Der Hexengarten, München 1980

Альберт Магнус: погрузиться в полноту творения

Юный граф фон Больштедт из Швабии (1193—1280) вынужден был искать приюта во время пурги в стенах монастыря. Атмосфера монастыря так понравилась ему, что он решил вступить в орден как монах-доминиканец. Позднее он стал епископом Регенсбургским. Епископ считается одним из самых заметных ученых средневековья. Еще при жизни он был удостоен почетного звания Doktor universalis.

Благодаря научным комментариям трудов Аристотеля и научному истолкованию Каббалы, он сумел не только объединить античную, «языческую», философию с христианской теологией — своими многочисленными трудами он открыл в Европу доступ учениям арабов и евреев.

Магнусу, первому из естествоиспытателей, изучавших науку на основе эксперимента, удалось получить поташ, и он же был первым, кто показал состав киновари и свинцовых белил. Он построил удивительную теплицу, в которой пораженные зрители могли видеть зимой цветущие растения.

Для себя он выработал форму созерцательной медитации — техники любовного погружения в живое многообразие творения, — он научил ей и своих учеников, среди которых наиболее известным был Фома Аквинский.

Эта тяга к мистическому и его учение о «реальной целостности» (космос виделся ему наполненным реальными энергичными существами) делают Магнуса предтечей гуманистов и натурфилософов и придают его трудам о тайнах и особых свойствах

Альберт Магнус: интересно, смог ли бы он с помощью своего «автомата» принимать сигналы радиостанций, работающих на ультракоротких волнах?

растений, минералов и металлов непреходящее очарование. Если эти его работы резко раздвинули узкий горизонт догматических представлений отцов церкви, то своим сочинением «О тайнах мужчин и женщин» он и вовсе бросал вызов общепринятому учению, ведь он утверждал, что от месяца зачатия зависит будущая судьба человека, которую направляют планеты.

Уже современники видели в Магнусе мастера всяких волшебств и сочиняли о нем всевозможные истории и легенды: так он будто бы при дворе императора-отступника Фридриха II воскрешал мертвых, а в соборе Святого Петра в Риме заклинал змей. Говорили также, что он построил для себя робот, который, как сообщает Курт Зелигман, «имел человеческую фигуру», отдельные части робота были выкованы под «влияни-

ем определенной звезды». Этот механический слуга мог говорить, отвечал на все вопросы и сам беседовал, не дожидаясь подсказок.

Последнее свойство робота раздражало невероятно прилежного, но довольно медлительного и неуклюжего Фому Аквинского (поэтому, наверное, его называли «молчаливым быком»), так что он — как говорит легенда — не долго думая сломал робот.

С XVII века в народной среде появляются книги о заклинании и волшебстве, якобы написанные Магнусом, «маленьким» и «великим Альбертом», а он был действительно очень маленького роста (во время аудиенции у папы тот попросил Альберта встать с коленей — возникла неловкая ситуация, когда папе сказали, что Альберт уже стоит), это свидетельствует о посмертной народной славе этого удивительного духа. Для церкви этот универсальный ученый всегда был несколько подозрительным, и только в 1932 году, то есть через шестьсот лет после своего ученика Фомы Аквинского, Альберт Магнус был причислен к лику святых.

Albert Magnus: Opera Omnia, 21 Bände, Leiden 1651 (eine neue Werkausgabe erscheint seit 1951)

Жанна д'Арк: почему Святому Михаилу надо было обрезать волосы?

Орлеанская девственница родилась в 1412 году в Домреми, деревне в Лотарингии, в доме зажиточного крестьянина. Она стала символом французского сопротивления в борьбе против английских захватчиков,

Жанна д'Арк: фея, святая, ведьма?

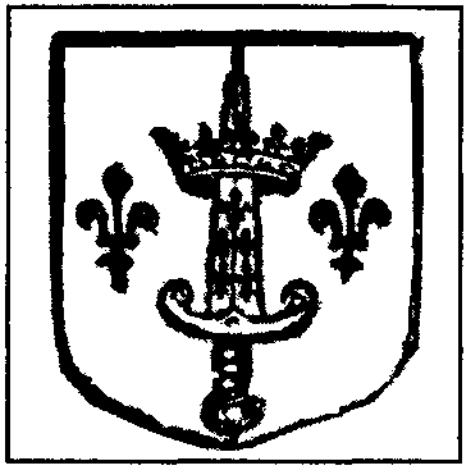
которые вот уже более ста лет терзали французскую землю. Жанна, в которой народ видел спасительницу Франции, была сожжена судьями и священниками, стоявшими на стороне англичан, как колдунья на старом рынке в Руане в 1431 году. После победного похода Карла VII, венчанного Жанной королем Франции, вернувшего стране и Париж и Руан, состоялся процесс, на котором честь Жанны была восстановлена, а еще через 5 веков, при папе Бенедикте XV, ее причислили к лику святых. Еще при жизни вокруг Жанны д'Арк складывались противоречивые легенды — народ Франции видел в ней ниспосланную с небес освободительницу Франции, судьи и святоши, которые осудили Жанну, считали ее «упорствующей еретичкой и ведьмой» и, тем самым, орудием сатаны.

Когда ей было тринадцать лет, так рассказывала Жанна на суде, она впервые услышала голос, который руководил ею в борьбе за Францию: «Вначале я очень испугалась. Голос я услышала днем, это было летом в саду моего отца. За день до этого я постилась. Голос пришел ко мне с правой стороны, оттуда, где была церковь, и с этой же стороны шла великая святость. Этот свет, который всегда приходит с той же стороны, что и голос. Голос показался мне очень возвышенным, я подумала, что он был послан Богом. После того как я услышала его трижды, я поняла, что то был голос ангела. Этот голос всегда руководил мной, и я всегда хорошо понимала его... Голос говорил мне, что я должна хорошо себя вести и часто посещать церковь».

Позднее голос стал являться Жанне каждый день, и этот голос приказывал ей, что нужно идти во Францию. Голос по два, а то и по три раза в неделю подсказывал Жанне, что нужно уходить во Францию, но так, чтобы отец не заметил ухода дочери.

«Голос сказал мне, что нельзя оставаться, а надо идти и снять осаду с города Орлеан».

Голоса называли ее «Жанна де Пюселль, дщерь Бога» — помимо первого голоса, который принадлежал, как думается Жанне, архангелу Михаилу, присоединились вскоре голоса Святой Маргариты и Святой Катарины. Иоанна, девственница, Божия дщерь, действительно сумела проникнуть в палатку Карла VII, французского дофина. Всем тем, кто пытался преградить ей путь, Жанна напоминала древнее пророчество, которое говорило, что «Францию погубит женщина, а спасет девственница».



Герб Жаны д'Арк

(Первая часть пророчества сбылась, когда Изабелла Баварская заставила своего мужа, французского короля Карла VI, объявить своего сына Карла VII незаконным, в результате чего ко времени Иоанны Карл VII был не королем, а только дофином.)

Жанну подвергли длительным испытаниям, чтобы проверить, действительно ли она ниспосланная Господом дева.

Когда один доминиканский монах по имени Сеген Сеген спросил, на каком языке говорят с ней голоса, она остроумно ответила: «На языке, который краше вашего», а на вопрос, верит ли она в Бога, она воскликнула: «Да, и куда более истово, чем вы». В конце концов она смогла убедить своих экзаменаторов, и ее отправили с небольшой свитой в Орлеан.

По дороге, в городе Пуатье, для нее изготовили кольчугу белого цвета и дали знамя, на котором был изображен Бог Отец, усыпанный лилиями, правой рукой он благославлял

мир, а в левой держал вселенную. После этого Жанна потребовала дать ей меч, который, как подсказали ей голоса, был спрятан в часовне Святой Катарины де Фиербуа за алтарем. В указанном ею месте в самом деле обнаружили лишь немного заржавевший и испачканный землей меч. Теперь гербом Жанны стал украшенный лилиями меч, над которым парит корона... Возможно, эта корона была намеком на первую встречу Жанны с Карлом VII, во время которой она передала ему послание Господа: «Благородный дофин, меня зовут Жанна, я девственница. И через меня царь небесный возвещает Вам, что Вы будете помазаны и коронованы в городе Реймсе и станете наместником небесного царя на земле, каким является король Франции». Ангел, а в день казни Жанна призналась, что это была она сама, держал корону над головой Карла в знак повеления божьего.

Белая кольчуга Жанны, ее герб с парящей над мечом короной, история самого меча и корона над головой Карла VII — все это мы без труда обнаруживаем в другом мифе: рассказывают, что в первой своей битве молодой король Артур был одет во все белое, его королевский меч хранился в потаенном месте, а воспитатель и защитник Артура Мерлин видел как знак при рождении Артура именно такой меч — с парящей над ним короной. Немало было всяких толкователей, которые полагали, что Жанна была внебрачным ребенком — отпрыском княжеского рода, чем и объяснялись ее сила и ум. Говорили, что, желая оградить Жанну от интриг двора, ее еще ребенком отдали в крестьянскую семью в Домреми, где и прошло ее воспитание, точно так же сделали и с юным Артуром.

Подобную версию отстаивают французский журналист Герен и англичанин Палмер-Уайт в их изданной в 1963 году книге «Дело пастушки. Тайна Жанны д'Арк»: «Невозможно поверить в низкое происхождение Жанны, будто бы безграмотной дочери пастуха (Жанна, как говорили, не умела ни читать, ни писать). Но вполне можно верить в прекрасно инсценированную политическую комедию с главной героиней — героиней блистательного трюка мировой истории».

Кем бы Жанна ни была — внебрачным ребенком знатного происхождения или простолюдинкой, но ей удалось так вдохновить изнуренное поражениями французское войско, что в 1429 году Орлеан был освобожден от осады англичан. Орлеан был последним оплотом французов против англичан, рвавшихся в область южной Луары. С освобождением Орлеана военное счастье улыбнулось французам.

Жанна скакала навстречу королю, который обнял ее — однократный жест благодарности. Жанна настаивала, что король должен короноваться — ее голоса будто бы приказали ей заставить его это сделать как можно скорее: «Благородный дофин, не теряйте времени в совещаниях, торопила его Жанна, — поезжайте как можно скорее в Реймс, чтобы принять корону, как следует королю». Жанна рассказала, что пожаловалась Богу, что ей все еще не верят, и после молитвы она услышала голос, который сказал: «О, Божия дщерь, иди, иди, иди, я тебе помогу!»

И «Божия дщерь» пошла, и в июле 1429 года в Соборе Нотр-Дам в Реймсе, где со времен короля франков Хлодвига в течение тысячелетия со-

Карл VII

вершалось помазание на царствование французских королей, Карл VII был увенчан короной. После коронации, во время которой Жанна стояла со знаменем рядом с алтарем, она обхватила колени Карла и обратилась к нему со следующими словами: «Благородный король, теперь все произошло в угоду Богу, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела Вас в город Реймс, чтобы здесь над Вами был совершен обряд помазания. И это — доказательство, что Вы — истинный король и именно тот, кому должно принадлежать королевство».

Как выяснилось впоследствии, коронованием Карла и завершилась божественная миссия Жанны: в боях за Париж она была взята в плен англичанами. Во время организованного против нее процесса Жанна ответила на вопрос судей, говорили ли ей голоса, что нужно освободить Париж: «Нет, тут мне голоса ничего не приказывали. Я пошла, потому что полководцы рвались в бой и потому, что и я сама охотно перемахнула бы через валы города». Если до этого Жанна была дщерью Божией, то теперь она стала дочерью дьявола, англичане передали ее в руки связанных с ними религиозных и светских французских судей.

Голоса предсказывали Жанне, что она попадет в плен, и вот теперь она стояла лицом к лицу с бесчисленным сонмом священников и судей, их было шестьдесят человек, искушенных во всех уловках и трюках схоластической традиции. Но мужество и голоса не покидали Жанну. Ее упрекали, например, что, попав в плен, она несколько раз пыталась бежать, она отвечала: «Это правда, что я пыталась убежать, да я и теперь попытаюсь это сделать, бежать — право каждого пленника». Судьи спрашивали, есть ли волосы на голове Святого Михаила, на что Жанна насмешливо отвечала: «А почему их надо было ему отрезать?»

Судьи поинтересовались, являлся ли Жанне Архангел нагим, на что она ответила: «Неужели вы думаете, что Богу не во что его одеть?»

Спрашивали, говорила ли Святая Маргарита по-английски, на что Жанна резонно возразила: «Зачем ей говорить по-английски, если она не на стороне англичан?»

В своей замечательной работе о Жанне Д'Арк ее биограф Х. Нетте замечает, что она «обезоруживала хитро замаскированную агрессию с прелестной простотой и во всем превосходила противника».

Жанну подозревали не только в том, что она входила в сношения с

дьяволом в образе архангела Михаила, но также в том, что она сама является языческой ведьмой. Неподалеку от деревни Домреми, где выросла Жанна, росло очень красивое дерево, «прекрасное, как лилия», как заметил один свидетель; у дерева по воскресеньям собирались деревенские юноши и девушки, они танцевали вокруг него и умывались водой из соседнего источника.

Дерево называли деревом фей, говорили, что в незапамятной древности вокруг него танцевали чудесные существа, феи. Они не появляются, как заявил перед высоким судом один крестьянин из Домреми, с тех пор, как под деревом начали читать вслух евангелие от Иоанна. Жанна также нередко ходила к дереву с подружками, о чем она рассказала на суде, только она никогда не видела под деревом ни одной феи и никогда не бывала там одна.

А ведь можно сказать, что феей была сама Жанна, ведь она вдохнула мужество во французский народ, вывела из спячки безвольного дофина и деморализованное войско и этим актом вызволила Францию из сна, в который страна погрузилась, как в сказке.

Жанна пробудила Францию от непробудного сна

Хотя Жанну неоднократно проверяли, действительно ли она девственница (дело в том, что, по воззрениям отцов церкви того времени, девственница не может стать одержимой дьяволом, а Жанна была девственницей), но, убедившись в этом, все же судьи сочли, что «дьявол хитростью проник в ее душу». Ей угрожали сожжением на костре, и тогда Жанна подписала признание, от которого отказалась три дня спустя, однако это ей не помогло, и она нашла смерть на костре.

Ведущим принципом церкви было: Ecclesia abhorret sanguine, то есть церковь не принимает кровь, и поэтому дщерь Божию Жанну Д'Арк сожгли в мае 1431 года. Пока она стояла на костре и ждала смерти, зачитывали приговор, который гласил, что «она отсекается от тела церкви, дабы не были заражены другие члены».

Сердце и внутренности Жанны были брошены в Сену, и все же, хотя палачи поливали их маслом, серой и углем, им ничего не сделалось. Свершилось пророчество отца, о котором говорится в актах процесса: он-де сказал однажды ее братьям, когда она была еще маленькой: «Право же, если то, чего я боюсь, случится с моей дочерью, лучше бы ей умереть ребенком. А если бы она не стала тем, чем станет, то лучше бы я ее утопил».

Когда король Карл VII после освобождения Парижа начал процесс по реабилитации Жанны в 1456 году, обнаружилось, что ее судьям был уготован плохой конец. Епископ Пьер Кушон, бывший председателем на

процессе, умер от кровоизлияния в мозг, когда ему отрезали бороду. Промотор (обвинитель) Жан д'Эстиве был найден мертвым в руанской клоаке, а заместитель главного инквизитора Жан де Мэстр загадочным образом нашел свой конец на голубятне.

Таким образом, сбылось проклятие Жанны, которая сказала своим судьям: «Если вы это со мной сделаете, и душу и тело ваше найдет злая смерть».

Herbert Nette, Jeanne d'Arc, Hamburg

dev dokumente: Der Prozeß Jeanne d'Arc 1431 - 1456, München 1961

Тритемий

Тритемий: магия — это высшая наука

Иоганн Гейденберг (1462—1516), которого называли Тритемием по месту, где он родился (неподалеку от города Трира), уже в юные годы стал аббатом бенедиктинского монастыря в Спонгейме. Под его руководством аббатство быстро превратилось в духовный центр всей Европы.

Сам Тритемий, учитель Агриппы, считал себя учеником Альберта Магнуса и, соответственно, видел свою задачу в поощрении эллинистического, гностического и каббалистического знания и в реабилитации магии как высшей науки.

И Агриппа и Тритемий считали это одной из главных задач своей жизни, — об этом говорит отрывок из посвящения учителю и другу, который Агриппа предпосылает своему труду «Тайная философия», написанному им под воздействием Тритемия:

«Когда я недавно посетил Вас, высокочтимый отец, в Вашем монастыре под Вюрцбургом, мы много говорили о химических, магических, каббалистических и других тайных науках и искусствах, мы тогда поднимали вопрос, почему магия, которая, по единодушному мнению древних философов, чтилась превыше всего, стала ненавистной и подозрительной для католической церкви и, наконец, была отвергнута теологами и проклята Св. Собором и повсюду запрещена законоположениями. После тщательных размышлений я пришел к выводу, что, после того как времена и люди изменились к худшему, появилось много псевдофилософов и лжемагов, которые взяли себе на вооружение многие самые мрачные, дурные и суеверные церемонии различных еретических сект и фальшивых

религиозных партий и обратили их против природной гармонии и истинной религии на погибель людей».

Как выдающийся алхимик, астролог, каббалист и всеведущий маг Тритемий казался гуру не только императору Максимилиану, но и многим другим князьям.

Его способности вызывать духи была известна всем, подтверждение — слова Лютера. Вот цитата из книги Иоганна Вейера (1563 год), рассказ о сенсационном заседании при дворе императора в Инсбруке:

«Романтически настроенный император Максимилиан I и его придворные спорили о том, были ли воспетые Гомером герои выше и сильнее современных воинов. Тритемий, который также присутствовал как гость при дворе императора, взялся за определенную мзду (!) решить этот спор, он сказал, что вызовет духов двух героев — Гектора и Ахилла. Он потребовал от присутствующих, чтобы они хранили полное молчание, когда явятся духи.

Маг очертил вокруг трона, на котором сидел император, большую окружность, произнося непонятные формулы из книжки. Тут весь дом потряс стук в дверь. Появился Гектор, значительно выше обычного человека, глаза его пылали. За ним явился Ахилл, не уступавший ему в мощи. Они учтиво поклонились императору, трижды прошли мимо него вперед и назад и потом исчезли. Потом явился царь Давид, на голове у него была корона, в руке — арфа. Видеть его было приятнее, чем Гектора и Ахилла. Давид также трижды прошелся перед Максимилианом, но не поклонился ему. Дело в том, что, как пояснил маг кайзеру, род Давида, из которого вышел Христос, выше всех родов, даже Габсбургов.

Таким образом, Тритемию удалось не только вызвать изумление придворных, но и разбудить в них желание поближе познакомиться с магией, которая считалась языческой и нехристианской.

Сам Тритемий, похоже, черпал свои знания из какого-то неведомого источника в форме таинственного посвящения, например, он сообщал в письме своему другу, монаху-кармелиту из Женевы, что, благодаря ночному видению духов, которые осведомляли его обо всем (!), он стал обладателем знаний, «которые скрыты от всех остальных людей».

Тритемий мог вызвать изменения в сознании людей, рассказывают, например, об одной женщине из придворных курфюрста, которая после магического эксперимента, выполненного на ней Тритемием и Агриппой, смогла предсказывать наперед, кто умрет из членов дома курфюрста.

Johannes von Trittheim: Von den siben Geister oder Engel, den Gott die Himmel zu füren von Anfang der Welt bevohlen hat, ein wahrhafftig Büchlein, 1534
Johannes Trithemius: Steganographia, Darmstadt 1621

Фауст: избавление с помощью Елены

От исторического Георга, или, как он называл себя впоследствии, Иоганна Фауста, который родился в 1480 году в Книттлинген-Вюртенберге, а умер в 1540 году в Штауфене/Брайсгау, Гёте взял для своей великой трагедии разве только его имя и некоторые анекдотические подробности. Другими своими чертами его Фауст боль-

Фауст и Мефистофель

ше похож на современников Фауста Агриппу и Парацельса.

В этом триумвирате магов Фауст был, очевидно, самой прагматической и гедонистической личностью: «Доктор Фауст прожил день и ночь в эпикурейской среде», — говорится о нем в одной народной книге уже в 1587 году.

В то время как Парацельс еще старался получить свои три докторских титула, а Агриппа уже получил свои три докторских звания и старался подтвердить их, Фауст купался в восхищении окружающих.

Агриппа все время писал ученые труды, и пальцы его болели от писания, Парацельс диктовал свои двести сочинений, Фауст вообще не давал себе труда ни писать, ни диктовать.

Если Парацельс постоянно конфликтовал со своими оппонентами, публиковал листовки, вел судебные тяжбы, если Агриппу постоянно сопровождали различные слухи, оскорбления и подозрения, отчего он был вынужден спасаться, то Фауст подтверждал свою славу не только тем, что рассказывал о своем договоре с чертом, но и никак не возражал, когда ему приписывали разную чертовщину и волшебные трюки других магов.

Если уже Парацельс считался изрядным пьяницей, то у Фауста насчет вина тем более губа была не дура. Жители Лейпцига видели в 1525 году, как Фауст летал на винной бочке (причем народ справедливо видел в этом, что он — повелитель вина, а не его раб).

Если Парацельс скорее избегал контактов с женским полом, а Агриппа был хорошим семьянином, Фауст практиковал свободную любовь. Меланхтон, боевой соратник Лютера, аттестовал Фауста как человека, который ведет столь развратную жизнь, «что не раз мог погибнуть из-за своих любовных похождений».

А Тритемий, которого очень огорчало, что вызывание им духов Гектора, Ахилла и Давида перед двором императора Максимилиана приписывали Фаусту, даже обвиняет его в том, что он «предается постыдному разврату с мальчиками».

В связи с этим он называл Фауста «бездельником, пустомелей и обманщиком, которого следовало бы выпороть, чтобы, добавлял уважаемый церковник, он не проповедовал больше вещи, противные Святой церкви».

Одной из своих способностей Фауст владел мастерски: искусством внушения — суггестии, которое нередко спасало его в трудных ситуациях. Иногда оно принимало форму массового гипноза, как, например, в 1609 году зимой, когда он пообещал не очень трезвой компании собутыльников, что заставит вырасти из стола виноградную лозу со спелыми ягодами.

Фауст скачет на винной бочке

«Собственно говоря, он пообещал им, что они получат все, что хотят, и все они возжелали виноградную лозу со спелыми ягодами, поскольку думали, что в это время года (была зима) ему никак не удастся найти виноград. Фауст пообещал, что виноград тут же вырастет из стола, он только поставил условие, чтобы все хранили полное молчание и сидели спокойно, пока он не разрешит отрезать грозди, в противном случае им угрожает смерть. После того как присутствовавшие обещали ему исполнить это требование, он затуманил глаза и чувства подвыпившей компании, так что всем показалось, что из стола вырос виноградный куст, увешанный крупными виноградными гроздьями. Пораженные виденным, одурманенные люди схватились за ножи, чтобы начать отрезать кисти. Фауст довольно долго держал их в этом гипнозе, пока видение с ягодами не рассеялось, и тут люди увидели внезапно, что принимали за ягоды носы своих собутыльников и собирались их отрезать».

Вообще, Фауст был тертый калач и везде вел себя подобно Уленшпигелю. Так, например, францисканскому монаху из Эрфурта доктору Клинге, который хотел «вырвать его из

Мефистофель показывает Фаусту богатства мира: корону, митру епископа, драгоценные камни и прекрасную женщину (из романа Клингера о Фаусте «Жизнь Фаустна, его похождения, нисхождение в ад»)

лап дьявола и обратить в истинную веру», он гордо ответил: «У меня есть свое письмо и печать, которые я скрепил собственной кровью. Мне во многом помог черт, он был честен со мной, и я буду честен относительно всего, что я сказал и пообещал черту».

Фауст изрядно преуспел в различных волшебных и магических делах, пусть даже он не был таким ученым, как Агриппа или Тритемий, иначе архиепископ из Бамберга Георг III не наградил бы его по-царски за составленный к дню рождения гороскоп, а аббат из Маульброннера Иоганн Энтенфус не пригласил бы его к себе в качестве алхимика.

Фауст был неплох, похоже, и как прорицатель. Например, в 1540 году Филипп фон Хуттен, участвовавший в экспедиции в Венесуэлу, подтвердил, что Фауст предсказал неудачный исход экспедиции. Фауст не подкачал и предсказав собственную судьбу. Меланхтон с раздражением удостоверяет, что Фаусту удалось избежать ареста не только в Виттенберге, но и в Нюрнберге, где «ему в самом начале трапезы стало жарко» (видимо, он уже почуял под собой костер). Меланхтон повествует дальше: «Он тотчас же встал и заплатил хозяину, что был должен. Только он вышел за дверь, как тут же явились сыщики и спросили, где Фауст».

Когда Фауст был студентом и как бродячий школяр познал разные трюки и фокусы магии, а вскоре приобрел известность как странствующий маг на ярмарках — Фауст, видимо, встречался с носителями древнего, преследуемого как еретическое знания. Ведь уже в молодые годы он называл себя Фаустом (по-латыни «приносящий счастье, счастливчик»).

В то же время Фауст было прозвище проклятого христианами современника Иисуса мага Симона Магуса, который, как и последователи индийского тантризма до него, в своем учении практиковал сексуальность как космический принцип. Для последователей его учения — симонистов — соединение полов было священной мистерией, в которой может быть найдено избавление людей: совокупляясь с любимой Симон освобождает себя и свою противодушу — Елену,

Фауст с помощью Мефистофеля вызывает Елену

— которую он нашел в этом мире, от оков материи.

Так же как Симон Магнус, который, говорят, вызывал на спор апостолов, Фауст похвалялся тем, что может творить такие же чудеса, как и сам Христос. Снова послушаем Тритемия: «Как-то приехал он (Фауст) в Вюрцбург и будто бы похвалялся там в присутствии многих людей, что в чудесах Спасителя нашего Христа нет ничего удивительного, что, дескать, он, Фауст, может сделать все, что делал Христос, когда и где угодно».

И когда Елена бросает ему упрек в том, что он влеком похотью своей плоти, то нам кажется, что все же Фауст скорее не развратник, а пропагандист и сторонник учения и практики сексуальных магов древности.

Оправдалась хвала, возданная Фаусту в Циммерской хронике 1541 года, что «его сверкающий образ не будет забыт»: такие писатели, как Кристофер Марло, Гёте, Клингер, Шамиссо, Байрон, Пушкин, Граббе, Гейне, Булгаков и Томас Манн запе-

Фауст и Мефистофель

чатлели его образ в художественной литературе. Мюрно поставил фильм о жизни Фауста, Шпор, Лист, Берлиоз, Вагнер, Шуман, Гуно и Эйслер увековечили этого бессмертного «удивительного никроманта» в своей музыке.

Historia von Doktor Johann Fausten des weitbeschreiten Zauberers und Schwarzkünstlers, Frankfurt/Main 1587
Anderer Teil D. Johann Fausti Historien, von seinem Famulo Christoph Wagner, 1593
Klaus Völker (Hrsg): Faust. Ein deutscher Mann, Berlin 1975

Фронтиспис главного труда Агриппы Неттесгеймского «De Occulta Philosophia»

Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский: уважайте и любите женщин!

Если его современник Парацельс черпал свои знания и практические навыки из народных преданий, как он всегда подчеркивал, то родившийся в 1487 году в Кельне Агриппа больше был склонен изучать и собирать магическую мудрость, доставшуюся людям из трудов древних.

Если Парацельс вырабатывал взгляд о едином, взаимосвязанном и населенном душами мире, основываясь на собственных умозаключениях, то Агриппа построил сходную картину мира, основываясь на возрождении языческих и античных традиций. Он попытался заново соединить в новое целое аристотелевские идеи схоластиков, начиная с Фомы Аквинского, и неоплатонические идеи Плотина, Прокла и Ямблихуса, с одной стороны, и восточные и арабские учения о мистериях, с другой.

Агриппе было 24 года, когда он, вдохновленный своим учителем ученым аббатом Тритемием из Спонгейма, в 1510 году написал свое основное произведение в трех томах «De Occulta Philosophia», в котором он изложил свои воззрения, пронизанные алхимией, астрологией, магией и каббалистикой. «Это — истинная и тайная философия о чудесах природы», — говорил о своем сочинении сам Агриппа.

Тритемий о нем отозвался восторженно:

«С каким великим удовольствием, дражайший Агриппа, мы приняли Ваш труд о тайной философии, который вы переслали нам через посыльного, не может описать ни смертный наш язык, ни жалкое перо. Мы восхищаемся Вашей чрезвычайной ученостью, которую Вы, будучи еще совсем молодым человеком, обнаружили, проникнув в тайны, недоступные многим ученым мужам, причем выразили эти знания не только истинно и точно,

Магическая печать Агриппы

Иоганн Рейхлин (1455—1522): он помешал доминиканцам сжечь манускрипты, хранившиеся в библиотеках

но и в превосходном стиле... Мы всячески одобряем Ваш труд, который не устанут восхвалять и ученейшие люди, и мы взываем и просим вас не останавливаться на выбранном вами пути и не давать заснуть в себе великим духовным силам, а, напротив, и дальше развивать и совершенствовать их, чтобы свет истины, которым освящает Вас Творец, открылся благодаря Вам и другим людям».

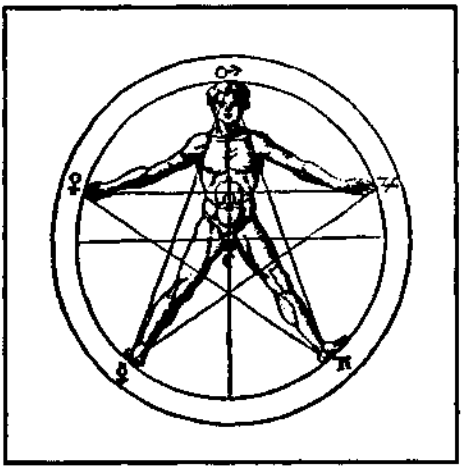
Этот труд, но прежде всего лекции, которые читал просвещенный Агриппа в различных европейских университетах, тезисы и представление его философии, комментарии к трудам каббалиста Иоганна Рейхлина (1455 — 1522), пропаганда трудов Гермеса Трисмегиста сделали Агриппу важнейшей фигурой среди гуманистов тех лет, но и навлекли на него преследования и обвинения, особенно со стороны монашеских орденов.

В те времена, когда Фома Аквинский, опираясь на Ветхий завет и на божественного Августина, провозглашал, что женщина — существо низшего порядка по сравнению с мужчиной как по своему биогенезу, так и качественно и функционально (мнение, которое, пусть не вполне, но разделял и Лютер), когда по Европе повсюду воплощалась инквизиторская идея преследования ведьм, Агриппа отважился написать книгу «Преимущества женщин», где, в частности, воспевал красоту и обаяние женщин.

Агриппа явно находился под впечатлением восточно-гностических учений о мистериях, которые понимали роль женщины совершенно иначе, чем предававшийся аскезе учитель Агриппы Тритемий или очень сдержанно относившийся к женщинам Парацельс, достаточно почитать письмо этого трижды счастливо женившегося ученого к своей первой жене, в котором он восхваляет ее как «наделенную всеми достоинствами» и как женщину «ему по сердцу».

В предисловии к своей «Occulta Philosophia», где он говорит о том, что лица, которых обычно упрекают в дьявольских шашнях, на самом деле являются подлинными магами, Агриппа прямо говорит, что женщины имеют дар пророчества не меньше, чем мужчины.

«Нет, я маг, а маг — это значит, как ведомо каждому ученому, не волшебство, не суеверие, не связь с злыми духами, маг — значит мудрец, жрец, пророк; магами были Сивиллы, которые так точно предсказали приход Христа, и маги же предсказали рождение Иисуса Христа и первыми пришли поклониться ему; у философов и теологов древности понятие маг было в большой чести, да и в Евангелии оно упоминается с большим почтением».



Человек в магической пентаграмме, символизирующей микрокосмос (из книги Агриппы «Оккультная философия»)

Агриппа: женщина — не только волшебница и чародейка, но и как человек не уступает мужчине

Агриппа много размышлял о «философском камне», он считал, что здесь таится главный принцип мироздания — «объединение противоположностей», идею эту он осуществлял на практике, ежедневно прогуливая своего любимого черного пуделя по кличке Месье к соседской собаке. Он кончил тем, что купил эту собаку, дал ей кличку Мадемуазель и таким образом объединил противоположности!

Выступление Агриппы в защиту женщин не ограничивалось только частной и литературной сферами: в 1519 году в Метце Агриппа успешно защищал перед судом крестьянку, которую обвинили в ворожбе и которая под пытками призналась в том, что она ведьма.

Агриппа о женщинах: «Женщина — самое совершенное из всех креатур Господа, потому что она была создана последней, она — лучшее из того, что сотворил Господь»

В качестве инквизитора выступал доминиканский монах Николай Савини, он велел арестовать женщину, потому что мать ее была сожжена как ведьма, и, естественно, она должна была посвятить свою дочь уже при рождении демонам. Агриппа возразил: «Если бы было так, как вы утверждаете, разве можно было бы говорить о благословенном влиянии крещения? Значит, священник напрасно повторяет при крещении слова: «Уйди, нечистый дух, уступи место святому духу»? Если бы дочь не верящей в Бога матери сразу была бы отдана дьяволу, крещение теряло бы свой смысл.

Христианское учение говорит, что все мы грешны и прокляты, и только благословение крещения спасает нас от сатаны. Теперь вы видите, каким еретическим и недоказательным является ваш приговор?»

Суд посчитал женщину невиновной, что было по тем временам сенсацией, и это побудило жителей города выступить против самого инквизитора Савини, и все обвиненные им женщины были освобождены.

Этот мужественный акт Агриппы против могущества инквизиторов, которых он называл «хищниками, жаждущими крови», был каплей в полыхающем костре. Но влияние Агриппы на его ученика Иоганна Вируса (1516—1588), родом из Дюссельдорфа, ставшего впоследствии личным врачом герцога фон Клеве, весьма терпимо относившегося к вопросам веры (а Вирус написал несколько горячо обсуждавшихся книг против преследования женщин как ведьм), и было одной из решающих причин, что костры инквизиции стали затухать.

В своих книгах, вызвавших оживленную дискуссию, Вирус использовал ту же искусную аргументацию, что и Агриппа; он говорил: «Сатана изобрел процессы ведьм будто бы для того, чтобы предавать мучительной смерти кротких невинных женщин, но в сущности он обрекает на вечный огонь ада их легкомысленных судей. Сатана охотится не за душами бедных, простых женщин, которых противозаконно сжигают, а за душами правоведов и теологов, бургомистров, князей и королей!»

Агриппе не удалось опубликовать свою работу о страшных преступлениях доминиканцев (а именно в их руках с XII века в Европе была вся инквизиция), наверное, поэтому его ненавидела, как отмечает Колин Уилсон, только «половина всех монахов в Европе». Агриппа умер в Гренобле в 1535 году.

Подобно Парацельсу, Агриппа нигде не находил себе покоя. Он постоянно перемещался с места на место, но нигде не задерживался надолго. Его повсюду называли шарлатаном, обвиняли в колдовстве (за что в конце своей жизни он угодил в брюссельскую тюрьму), он почти все время вынужден был скрываться от преследовавших его палачей. Везде, где бы он ни останавливался, он был неудобным и нежелательным гостем, как для светских, так и для церковных авторитетов.

Когда герцог Вандомский решил воспрепятствовать дальнейшему путешествию Агриппы, то разорвал его паспорт со словами, что он не желает давать «добро» на проезд «прорицателю»; он выразил по сути общую для властей предержащих и духовенства в Европе боязнь перед людьми, которые способны бесстрашно, как Агриппа, говорить правду!

И все же несмотря на преследования Агриппа всегда находил друзей и покровителей, которые помогали ему открыто или тайно. При этом иногда возникали и курьезные ситуации: скажем, в университетах Парижа и Луана книга Агриппы Неттесгеймского «О сомнительности и ничтожности всех наук» была признана еретической, и в то же время папский легат писал автору лестные письма об этом сочинении.

В этой своей поздней сатирической работе, опубликованной в 1530 году в Антверпене, Агриппа, который был юристом и университетским теологом, офицером и шпионом (на службе императора Максимилиана), врачом и астрологом, математиком и магом, демонологом и основателем тайного общества, алхимиком и, пожалуй, вообще одной из мудрейших голов своего времени, позволил себе еще шутку утверждать, что если ты много знаешь, то это дает тебе только разочаровывающую уверенность, как мало на самом деле ты знаешь (конечно, в этой книге была и глава «О тщеславном искусстве инквизиторов»).

После смерти Агриппы инквизиторы в лице ученых палачей Бодэна и Дельрио пытались всячески принизить его авторитет, которым он пользовался несмотря на все нападки. Одновременно пытались опорочить и Вируса, который приобретал все большее признание в глазах общественности.

Так Бодэн, к примеру, утверждал, что черный пудель Агриппы будто бы был духом преисподней в образе собаки, с которым Агриппа заключил дьявольский договор. Кличка собаки — Месье — была для Бодэна именно доказательством связи с дьяволом, которого Агриппа называл своим господином.

А Дельрио утверждал, что свои попойки Агриппа оплачивал хозяину, которого загипнотизировал, не золотом, а рогами.

Agrippa von Nettesheim: „De occulta Philosophia", Köln 1933 (deutsch: „Magische Werke"), Berlin 1921

Agrippa von Nettesheim: „De incertitudine et vanitate scientiarium", Köln 1527, (deutsch: 1913)

Johannes Reuchlin: „De verbo mirifico (Über das wunderwirkende Wort)

Johannes Wierus (Weyer): „De praestigiis daemonum et incantionibus ac venificiis" (Über die Blendwerke der Dämonen sowie von Bezauberungen und Vergiftungen), Basel 1563

Jean Bodin: „De la Démonomanie des Sorciers", Straßburg 1581 (deutsch: „Vom ausgelassenen wütigen Teufelsheer", Straßburg 1591, Nachdruck Graz 1973)

Martin Delrio: „Disquisitiones magicae (Untersuchungen über Zauberei)", Löwen 1596

H. Morley: „Life of Cornelius Agrippa", London 1856, (zwei Bände)

Филипп Аурелий Теофраст Парацельс: мудрость только «в книге природы»

Парацельс родился в 1493 году в швейцарском городке Айнзиделн в семье врача Вильгельма фон Гогенгейма (из знатного и влиятельного швабского рода Бомбастов фон Гогенгеймов, предок которых был, например, в семидесятых годах XV века

Парацельс (по слухам, в рукоятку его меча вставлен философский камень)

Парацельс, видимо, почерпнул немало сведений из индийских учений, как до него Пифагор и многие другие искатели истины («Бог и баядерка», рисунок Л. Рихтера)

комтуром Немецкого ордена и ордена иоаннитов). Парацельс всеми признан как основатель новой фармакологии и медицины, которая пыталась строить теорию и практику медицины на наблюдении за природой:

«Моя философия, — говорил Парацельс, — основана не на фантазии, она взята из книги природы».

Парацельс с его представлениями, идеями и рецептами и по сей день жив в памяти народа, и в этом ему не смогли помешать ни завистливые современники, которые хулили его как еретика, сумасшедшего, плагиатора, бездельника, бродягу и шарлатана, ни позднейшие критики — представители агрессивной консервативной науки. Процитируем, например, ученого Й.Г. Циммермана, который писал в 1763 году: «Парацельс жил как свинья, выглядел как извозчик, самое большое удовольствие для него было общаться со всякой чернью; чуть ли не ежедневно он безобразно напивался, и все его книги написаны как будто в пьяном угаре».

«Лексикон ученых» 1773 года сообщает, что у Парацельса будто бы был союз с дьяволом. Даже в трактатах XIX века Парацельса упрекают в том, что у него «не было научного образования» и он был «помешанным».

И даже знаменитый врач Рудольф Вирхов на конгрессе врачей, проходившем в Лондоне в 1893 году, обвинил Парацельса в том, что он практиковал «дикий и бесплодный мистицизм».

Между тем идеи Парацельса оказали решающее влияние на такого мистика, как Якоб Бёме, на такого врача-натурфилософа, как ван Гельмонт, на математика Юнгиуса, на ранние общества розенкрейцеров и поздних теософов, в частности, на близкого к Блаватской врача Франца Хартмана.

Эразм Роттердамский (портрет Гольбейна, 1623 г.)

Идеи Парацельса можно обнаружить и в началах психоанализа и в связанной с ним психосоматической медицине, ведь Парацельс писал, что «настоящий философ — тот, кто умеет обратить внешнее во внутреннее» и что «бренная оболочка человека не есть сам человек, а лишь одежда внутреннего человека».

Парацельс вначале изучал медицину у отца (тот также обучал его металлургии), затем у ученого аббата Бруно фон Спонгейма и алхимика Зигмунда фон Футтера, после чего превратился в «странствующего школяра в мировом университете Бога». В течение девяти лет он странствовал по Европе, и даже сопровождал татарского хана в его путешествии из Москвы в Константинополь.

Хартман считает, что именно тогда Парацельс столкнулся с тайнами индийской магии. Известный в ту пору живший в Константинополе маг и алхимик Соломон Тризмозис будто бы подарил Парацельсу Азот (философский камень), в котором тот, правда, видел не столько средство делать золото, сколько средство исцеления людей от немощей и болезней.

В 1527 году по ходатайству Эразма Роттердамского Парацельс назначается профессором медицины города Базеля, он символически сжигает все медицинские сочинения и заявляет потрясенным студентам: «Волосы на моем затылке знают больше, чем все ваши писатели вместе взятые, а в пряжках моих башмаков больше мудрости, чем у самого Галена и Авиценны».

Подобные поступки, разумеется, не могли не вызывать раздражения у коллег Парацельса, равно как и его заявления типа, что «врач далеко не все, что ему надлежит знать и уметь, узнает из университетов», но что ему

Иоганн Опоринус — ученик Парацельса

Лютер. Он боялся чертей и нимф

«следует учиться также у старых бабок, крестьян, чернокнижников, цыган, у странствующего и бродячего люда — ибо они знают больше, чем все университеты!»

К тому же Парацельс читал свои лекции не на латыни, как было принято, а на немецком языке, «не менее пригодном для описания всяческих предметов, чем греческий, древнееврейский или латынь».

Между тем Парацельс нередко излечивал даже самые тяжелые болезни, что принесло ему всеевропейскую славу чудесного лекаря, но одновременно и зависть многочисленных недругов. То, что он запросто общался с «людьми низкого звания» и часто вступался за них, настраивало против него власть имущих и даже приводило к конфликту с властями: так, например, в 1526 году Парацельс был на короткое время арестован властями города Зальцбурга по подозрению в общении с восставшими крестьянами (а те действительно вскоре захватили город).

Кроме непродолжительного пребывания в Базеле, Парацельс нигде не задерживался надолго: если до Базеля его носило по свету как «странствующего школяра», то теперь он путешествует из города в город уже как «странствующий профессор».

Мысли и дела Парацельса настолько опережали его время, что он действительно казался «гостем из будущего»; гений Парацельса не могли по достоинству оценить ни современные ему ученые, ни даже близкие ему ученики.

Отрывки из письма его ученика Иоганна Опоринуса (впоследствии книгоиздателя и профессора) знаменитому врачу Иоганну Вирусу показывают, сколь эгоцентричным, непонятным, странным и путающим представлялся Парацельс обычным людям.

Вот что он пишет, к примеру, о его мнимом пьянстве:

«Почти два года я общался с

Парацельс сторонился женщин, может быть, его тянуло к нимфам?

Водяные домогаются людей

Парацельсом и жил у него, и за это время видел, что он пьет и днем и ночью, и вряд ли хоть час или два в сутки бывает трезвым, особенно после того, как уехал из Базеля и поселился в Эльзасе, где и благородные дворяне, и низкий люд чествовали его как второго Эскулапа. Но даже когда он приходил домой в стельку пьяным и начинал диктовать что-либо из своей философии, все выходило у него столь складно и умно, что ни один трезвенник не смог бы улучшить ни строчки».

А вот о его алхимических опытах:

«На огне у него всегда стоял тигель, и он подбрасывал в него то щелочь, то мышьяковое масло, то Crocus martis, то свой удивительный оподельдок, и что трудно было сказать, что за бурда варилась там у него».

Об обращении с магическим мечом (который Парацельс любовно величал «Азотом»):

«На ночь, сколько я помню, он никогда не раздевался, что я приписал его опьянению, а он очень часто приходил домой к полуночи, не вяжущий лыка и заваливался в постель, не снимая ни одежды, ни меча, который ему якобы подарил какой-то палач; нередко он, едва улегшись в кровать, с шумом вскакивал с обнаженным мечом и вонзал его в стену, я боялся, как бы он ненароком не отрубил мне голову».

О его тайном знании:

«Он говорил мне, что может предсказывать всякие чудеса и знает много таинств и мистерий, так что я ни о чем таком не заговаривал с ним, ибо испытывал сильный страх».

О его способности делать золото:

«Он тратил очень много денег, так много, что порой у него не оставалось ни гроша, а на другой день снова был полный кошель золота, и, что меня весьма удивляло, откуда у него вдруг снова столько много взялось».

Об искусстве Парацельса врачевать:

«В лечении язв он нередко являл чудеса, при этом он разрешал своим пациентам есть и пить что угодно и предавался с ними день и ночь обильным возлияниям, так что врачевал их (как он сам выражался) с набитым животом. Свой «лауданум» — так он называл пилюли в форме мышиных какашек, которые давал больным в разных количествах только в случаях крайней необходимости, — он превозносил до небес и хвастливо заявлял, что может им одним вернуть к жизни даже мертвого, оно и в самом деле бывало так: человек, лежавший, казалось, уже при смерти, вдруг снова вставал на ноги».

Приятнее описывать нимф, нежели членов ордена...

О его отношении к церкви:

«Я никогда не видел, чтобы он молился или обращался к евангельскому учению, напротив, Парацельс не только пренебрегал им, но и не раз грозился, что вправит мозги Лютеру и папе, как он это сделал относительно Галена и Гиппократа, он утверждал, что никто еще не понял истинного смысла Священного Писания, как Ветхого завета, так и Нового, что трактуют только внешнюю оболочку, не «проникая в суть».

В отличие от мнения церкви, и особенно в противоположность Лютеру, который своими рассуждениями о дьявольских водолеях в немалой степени способствовал демонизации стихийных сущностей, Парацельс в одной из своих книг, пожалуй, самой поэтической и прекрасной, «Книге о нимфах, сильфах, пигмеях и саламандрах», разделяет все стихийные существа на принадлежащие воде, земле, воздуху и огню. Если Лютер видел в них только отродье, то Парацельс полагал, что их создал Бог; если в сказаниях и сказках говорится о гибридах между людьми и этими сказочными существами, то Парацельс не видит в этом ничего противоестественного, наоборот:

«Вот, скажем, водолеи, или водяные, они выходят к нам из воды, знакомятся с нами, потом вновь опускаются в воду, потом снова поднимаются. Да они те же люди, только на звериный манер, без души. Отсюда мы видим, что они могут жениться на людях, так что нимфа может взять себе мужчину из Адамова колена, и она будет жить с ним в доме и рожать детей. А как родится ребенок, то отец-то из корня Адамова, он вольет душу в ребенка, и тот будет в точности как человек, и с душой. Но дальше и женщина может получить душу, если она замужем, и она будет как и другие женщины, и Господь снизойдет к ней... Нимфы стараются заполучить мужчину и сделать его прилежным, подобно язычнику, который хочет, чтобы его крестили. И вот со всей страстью они стремятся к людям, ведь по пониманию и уму они такие же люди, разве что без души».

Парацельсу кажется, что лучше заняться описанием «четырех полов людей-духов», нежели порядков монашеского ордена. «Куда более приличное занятие описывать нимф, чем орден, или происхождение великанов, чем придворный этикет, или Мелузину, чем кавалерию и артиллерию; и куда приятнее описывать гномов, чем фехтовать и служить дамам».

24 сентября 1541 года на 48-м году жизни умер человек, который сказал, что умрет «той смертью, какую он сам для себя выберет». Он умер в Зальцбурге через 3 дня после того, как написал свое завещание!

Его смерть до сих пор дает повод для различных спекуляций: одни считают, что причиной смерти Парацельса была больная печень в результате постоянного пьянства, другие — что ему пробили голову в драке. Некоторые полагают, что ему подсыпали яд или что на него «вероломно напали слуги враждебно настроенных врачей и нанесли ему смертельный удар по голове».

Обследование его черепа, произведенное в 1812 году, действительно показало трещину в левой височной кости, врачи пришли к заключению, что такая трещина, скорее всего, могла возникнуть только в результате «повреждения головы у живого человека».

Тематическое разнообразие сочинений Парацельса, большая часть которых была опубликована лишь после его смерти, показывает его не только как крупного врача и натурфилософа, но и как универсального ученого, занимавшегося изготовлением искусственного человека (так называемого гомункулуса), а также тайнами алхимии, магии, астрологии и искусства продления жизни.

Его огромное наследие, содержащее множество темных и загадочных мест, большей частью еще нуждается в истолковании.

Оценка, которую Франц Хартман дал Парацельсу в написанной им в 1898 году биографии, сохраняет свою актуальность и по сей день: «Когда в наших университетах появятся аудитории, где человек будет не только развивать свой животный ум, но и узнавать на практике свою собственную, более высокую природу, тогда обратятся к изучению Парацельса. И увидят, что современная наука — малое знание, а научная система Парацельса — великое знание. Одни только названия сочинений Парацельса указывают на неизмеримо более величественное мировоззрение, чем наше. Так, например, слово «paramirum» говорит об изумлении и восхищении, которые наполняют человека при виде действующего в космосе духа, а «paragranum» указывает на зерно божественной мудрости, которое содержится в человеке и благодаря развитию которого вырастает не просто «ученый», а «сверхчеловек», «гений».

Гравюра в начале главы изображает Парацельса за год до смерти, опирающегося на свой меч Азот. Над портретом его слова: «Alterius non sit, qui suus esse potest» («Кто принадлежит самому себе, тот не раб никому!»).

Franz Hartmann: „Theophrastus Paracelsus von Hohenheim", 1898 (neu aufgelegt: Stuttgart o.J.)

G. Kolbenheyer: Paracelsus, 1917 bis 1926 (biografische Romantrilogie)

W.E. Peuckert: „Die Rosenkreutzer. Zur Geschichte einer Reformation", Jena 1928

Ernst Darmstaedter: „Paracelsus-Studien" Leipzig 1931 (Kommentar der paracelsischen Rezepte aus der Perspektive der heutigen Chemie)

Karl Sudhoff: „Paracelsus. Ein deutsches Lebensbild aus den Tagen der Renaissance", Leipzig 1936 (Briefe/Dokumente)

W.E. Peuckert: „Deutscher Volksglaube des Spätmittelalters", Stuttgart 1942

Walter Pagel: „Das medizinische Weltbild des Paracelsus, seine Zusammenhänge mit Neuplatonismus und Gnosis", Wiesbaden 1962

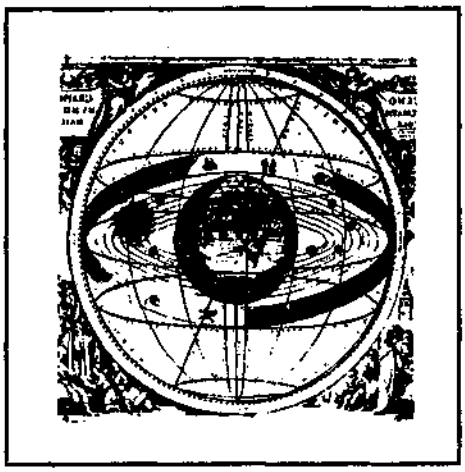
Sergius Golowin: „Theophrastus im Märchenland. Aus der Volksüberlieferung des ausgehenden Mittelalters", Bern 1962 (wiederaufgelegt Basel 1980)

Николай Коперник: Земля вращается

Со времен Птолемея на протяжении 1400 лет ни у кого не вызывало сомнения, что Солнце вращается вокруг Земли. Да и как было усомниться в этом, если Солнце ежедневно всходило на востоке, а заходило на западе. В лучшем случае можно было поспорить, движутся ли по круговой орбите вокруг Земли божественные существа или, как их называли ионийские философы, планеты.

Правда, еще Аристарх Самосский (310—230 гг. до. Р. Х.) ставил в центр мира Землю и Солнце, но этот взгляд не нашел широкой поддержки.

Коперник с ландышем в руке



Изобретенный Птолемеем круг мира («Harmonica Macrocosmica», 1660)

Через арабских ученых это учение проникло в Северную Италию, где, возможно, с ним познакомился Николай Коперник (1473—1543): в 23 года он приехал в Болонью изучать право, но под влиянием своего учителя Доминико Мария Новарра увлекся математикой и астрономией, а также греческим языком и литературой.

Коперник поставил Солнце в центр планетных орбит по той простой причине, что ему показалась слишком сложной та астрономическо-математическая часть, которую требовала картина мира по Птолемею. А с его новыми данными ее можно было значительно упростить.

То, что еще Коперник полагал, что планетные орбиты — правильные окружности, восходит к представлению Платона о гармонии сфер, Платон считал, что планеты открывают свою божественность через соразмерность, регулярность их совершенных круговых орбит.

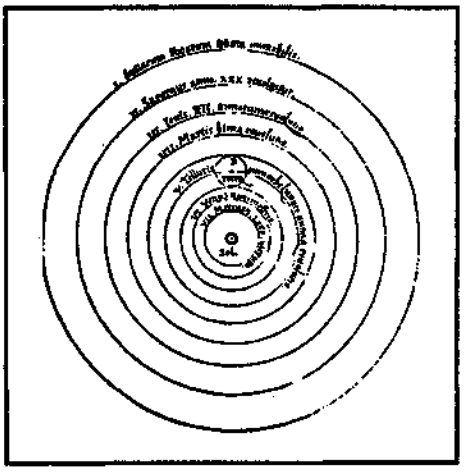
«Но в центре всего находится Солнце. Ибо кто поместил бы этот светильник в этом чудесном храме в иное или более лучшее место, чем то, откуда оно может освещать сразу все целое? Тем более что его вполне уместно одни называют светом, другие — душой, а третьи — движителем мира.

Трисмегист обозначал его как видимого бога, а Электра у Софокла — как Всевидящего. И потому именно Солнце, восседая на царском троне, управляет кружащей вокруг него семьей звезд».

Коперник считал свою теорию незавершенной. Этим, быть может, объясняется поздняя публикация его труда «О вращениях небесных сфер» (1543), который он не без умысла посвятил папе Павлу III.

Однако основные мысли были высказаны им уже в «Commentariolus» — кратком докладе, который он разослал своим ученым друзьям.

Один из них, теолог Андреас Осиандер, опубликовал труд Коперника с предисловием, извращающим смысл целого: гелиоцентрическая система Коперника была представлена лишь как возможная гипотеза.



Модель мира по Копернику

Только уже законы вращения Кеплера, механика Галилея и формулы гравитации Ньютона устранили всяческие сомнения и возражения и возвели гелиоцентризм в закон.

Сегодня теория Коперника считается символом преимущества мышления, особенно научного, перед очевидным, «здравым человеческим смыслом».

После Эйнштейна, однако, с представлением о «покоящемся пространстве» было покончено. Преимуществом гелиоцентрической системы остается фактически только более простой способ вычисления по сравнению с геоцентрической. Мы все еще могли бы, не противореча законам физики, считать Землю неподвижной, а Солнце движущимся. И все же благодаря Копернику скучная неподвижность вечного однообразия была нарушена. Мир раздвинулся. А с Джордано Бруно, который выдвинул представление о бесконечном пространстве, Земля уменьшилась до капли в море...

Браге и Кеплер: телевидение в космических сферах

Когда Джордано Бруно своими тезисами разрушил последнюю из фиктивных стен — ту внешнюю хрустальную сферу с укрепленными на ней, как еще полагал Коперник, неподвижными звездами, Вселенная стала безграничной.

Прежде такого определения удостаивался только Бог.

Иоганн Кеплер: чтобы отыскать путь к утраченным тайнам, надо расшифровать загадки мироздания

Браге и Кеплер развили представления Коперника.

Датчанин Тихо Браге (1546—1601), общепризнанный «князь астрономов», каждый вечер делал то, что каждый вечер делают миллионы наших современников — он смотрел в трубу, только не телевизора, а телескопа.

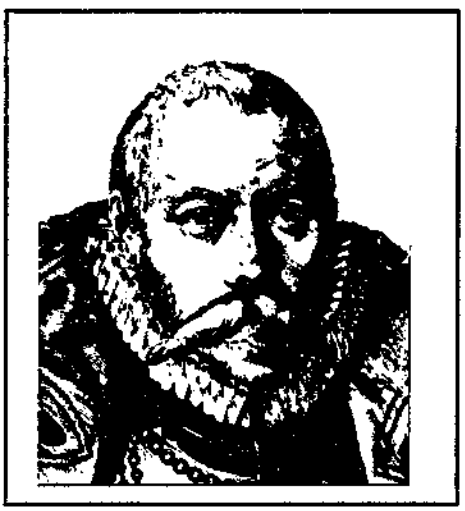
Тихо Браге имел в своем распоряжении самые совершенные для того времени оптические приборы, что позволило ему быстро обнаружить ошибки и недостатки в системе Коперника.

Его ученик и последователь Иоганн Кеплер, математик при дворе императора Рудольфа II, приверженного эзотерике, подправил систему Коперника «рудольфовыми таблицами».

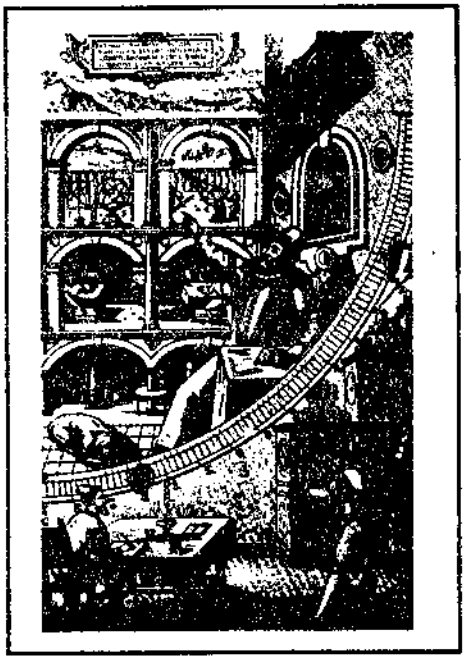
Отсутствие чувственного восприятия собственного движения Земли очень скоро снова породило сомнения (в том числе научные) в правильности теории Коперника. Не без помощи церкви гелиоцентрическая система утратила свой шарм и начала терять сторонников.

Нужен был новый Атлас, чтобы поддержать грозивший обрушиться небесный свод. Им стал Кеплер. В предисловии к своему главному труду «Новая астрономия» (1609 год) он писал: «Вначале я исследовал орбиты планет и ту страшную опасность, какая грозила треснувшим стенам, поскольку начали шататься опоры мироздания. Оставалось выяснить причины. Сонм искателей истины доверяет пруденскому мастеру» (имеется в виду Коперник).

Путь к утерянной человеком тайне ведет через познание тайны мира. На основе побочных наблюдений, сделанных Тихо Браге, и открытых им самим законов обращения планет Кеплеру удалось построить новую научную систему, сохранявшую свое значение свыше ста лет.



Тихо Браге, «князь астрономов»



Звездные лаборатории Тихо Браге, оснащенные новейшими приборами, сначала в построенном им самим замке Ураниенбург на острове Хвен, а затем во дворце Бенак дали возможность ему еще чуть-чуть приблизить звезды к Земле

Кеплер находился под сильным влиянием пифагорейско-мистической магии чисел.

Эта мистическая ориентация обнаруживается уже в названиях двух его трудов «Mysterium Cosmographicum» («Космографическая мистерия», 1596) и «Harmonices mundi» («Гармония мира», 1619).

Кеплеру было 55 лет, когда он ходатайствовал о кафедре астрологии в Страсбурге.

Им составлены многочисленные гороскопы, в частности для полководца Валленштайна, впрочем этот гороскоп был не очень приятен заказчику.

Особую популярность принесли Кеплеру несколько точных прогнозов для календаря года, издание которых вменялось в его обязанности как математику Граце.

Кеплер имел лишь некоторое отношение к церкви и ее учению, хотя или, может быть, именно потому, что первоначально намеревался стать теологом.

Он не подписал составленную Якобом Андреа в 1577 году Лютерову формулу согласия, которая, несомненно, обеспечила бы ему карьеру теолога в Тюбингере, но он не перешел и в католическую веру, когда, активно притесняемый контрреформацией, он не раз мог лишиться жилья и жизненно важного заработка.

Первую главу своей «Космографической мистерии», посвященной защите гелиоцентрической системы, он начинает следующими словами:

«Хотя благочестие и требует от

Император Рудольф II — искатель утраченных магических знаний

нас в самом начале этого естественно-научного исследования спросить, не содержится ли в нем чего-то, что противоречило бы Священному Писанию, тем не менее я не вижу необходимости обсуждать здесь этот спорный вопрос, пока меня оставляют в покое».

Можно только удивляться, что церковь оставила Кеплера в покое, даже когда против его матери был возбужден процесс против ведьм.

Кеплер, который, еще будучи студентом, читал сочинения Пифагора и считал себя его учеником, а также читал сочинения других ученых, предшествовавших Сократу, и неоплатоников в подлинниках, обнаруживает мало христианского духа: ведь он сам признается в своем сочинении «Гармония мира»: «Я украл золотые сосуды у египтян, чтобы построить из этого материала священную хижину моему богу».

Своего бога, Солнце, Кеплер восхваляет — прямо-таки как жрец Осириса — словами: «Все это побуждает меня признать, что от Солнца, центра, или глаза, мироздания, не только на весь мир исходит свет, подобно тому, как жизнь и тепло из сердца: в Солнце как в фокусе соединяется все, что истекает из мира. По праву короля Солнце словно бы собирает дань: чудесно милые звуки гармонии...»

Узкий научный взгляд отрывает именно этого Кеплера мировой гармонии от астронома Кеплера, сформулировавшего три закона движения планет. В Кеплере видят только одного из тех, кто разрушил старую картину мира, и пренебрегают Кеплером, который в смертоносные времена Тридцатилетней войны искал совершенства и согласия.

Кеплер, как говорит его биограф Иоганн Хемлебен, «с юности стремился к преодолению дисгармонии среди людей поиском гармоний, лежащих в основе всего творения».

Кеплер видит мировую тайну в гармоническом единстве всего, что есть в природе: «Небесные движения есть не что иное, как непрерывающееся согласное звучание...»

В наследии Кеплера было обнаружено своеобразное произведение под названием «Мечта, или Посмертное произведение о лунной астрономии».

Вслед за «путешествиями на Луну» Лукиана, Святого Брандана и Святого Патрика до «путешествий на Луну» Жюля Верна и Лавкрафта, Кеплер «ступил» на свою Луну, при этом оставив читателю — как он пишет — столько же проблем, сколько страниц: «Но кто возьмет на себя груз их решения?»

Johannes Kepler: Gesammelte Werke, München 1937 f.
Somnium seu opus posthumum de Astronomia Lunari. Divulgatum a M. L. Kepplero Filio, Frankfurt/Main 1634
Max Brod: Tycho Brahes Weg zu Gott, Leipzig 1915
Gustav Keppler: Familiengeschichte Keppler, Görlitz 1930/31
Johannes Hemleben: Kepler, Hamburg 1971

Галилео Галилей: и все-таки она вертится!

В истории естествознания Галилео Галилей (1564—1642) считается не только основателем кинематики и первооткрывателем спутников Юпитера и фаз Венеры, он — первый современный естествоиспытатель. Галилей считал, что задача математизированного естествознания состоит в

Галилей — воображатель законов

установлении общих положений, объясняющих явления, а также в расчленении отдельных явлений (на измеримое и мешающий фактор) с целью проверки гипотезы.

Экспериментальный метод Галилея противоречил аристотелевской схоластике и учению церкви.

Открытый конфликт возник в вопросе о доказуемости новой системы мира по Копернику. В своем диалоге (1623 г.) об обеих системах (Птолемея и Коперника) Галилей высказался в пользу последней (5 марта 1616 года учение Коперника было признано церковной цензурой еретическим), на процессе, организованном инквизиторами в 1633 году, Галилей под угрозой пыток был принужден отказаться от своих гелиоцентрических идей.

После объявления приговора Галилея заставили преклонить колени и произнести следующую формулу отречения:

«Я, Галилео, сын Винченцо Галилея из Флоренции, семидесяти лет, лично предстал перед судом, и я преклоняю колени перед Вашими высокопреосвященствами и в Вашем лице перед всем христианством, борющимся с еретическими воззрениями. Передо мной лежит Священное Евангелие, я кладу на него руку и клянусь, что я всегда верил и впредь верю и с Божьей помощью буду продолжать верить во все, что проповедует католическая и апостольская церковь.

От меня справедливо требовали, чтобы я отказался от своего ошибочного мнения, что центром мироздания является Солнце, а не Земля. От меня требовали, чтобы я отбросил это ложное учение, не защищал его и не проповедовал ни устно, ни письменно. Мне объяснили также, что это учение противоречит Священному Писанию. Но я, однако же, написал и опубликовал книгу, в которой излагаю это признанное еретическим учение и искусно привожу доводы в его пользу, хотя и не делаю окончательных выводов. Поэтому я навлек на себя сильное подозрение в ереси, каковая заключается в том, что я выразил мнение, будто Солнце является центром мира и неподвижно, а Земля не является центром мира и движется. Я хотел бы очиститься от того тяжкого подозрения, о котором я только что говорил, в глазах Ваших высокопреосвященств и в глазах всякого верующего христианина. Поэтому я искренне и чистосердечно раскаиваюсь в своих заблуждениях, проклинаю и отрекаюсь от тех заблуждений и еретических взглядов и вообще от всяких вредных заблуждений ереси или сектантства, которые противны Святой церкви. Я клянусь, что

впредь ни устно, ни письменно не буду высказывать ничего, что бросало бы на меня тень подозрения. Если же я заподозрю кого-либо в ереси, то покажу на такового инквизиторам или местным церковным властям. Клянусь также самым неукоснительным образом соблюдать и выполнять все епитимьи, которые на меня положили или еще положат. Если я нарушу, не дай Бог, какое-либо свое обещание или клятву, пусть меня подвергнут любым наказаниям, какие каноническое право и другие всеобщие и частные предписания предусматривают против подобных грешников. Да поможет мне Бог и Святое Евангелие, которого я касаюсь сейчас рукой. Я, Галилео Галилей, отрекаюсь, клянусь, обещаю и обязуюсь исполнять. В подтверждение этих слов я собственноручно подписал это заявление о моем отречении и прочел его слово в слово в Риме в монастыре Святой Минервы 22 июня 1633 года. Я, Галилео Галилей, отрекся и собственноручно подписал».

Трудно представить, чтобы психически и физически измученный старик, который за день до этого подвергся, как выражались инквизиторы, «строгому допросу», действительно произнес в этот момент знаменитую фразу: «И все-таки она вертится!» — но про себя он несомненно это подумал.

Делом Галилея, как и делом Джордано Бруно, руководил кардинал иезуитов Роберто Беллармино. Американский философ Б. Данхем писал, что Беллармино был одним из самых опасных и жестоких инквизиторов, «потому что он был одним из самых ученых теологов: он вошел в историю своим требованием сжечь всех юных еретиков, обосновывая это тем, что чем дольше они живут, тем большему проклятию подвергнуты. В то же время он высказал чистую правду, когда утверждал, что открытие Коперника разрушает весь христианский план избавления человечества. Инквизиторы заблуждались во многих вещах, они полностью заблуждались в области моральных принципов, но они почти никогда не заблуждались относительно тенденции развития, они угадывали будущее любой идеи, как собака чувствует дичь, когда схватывает след».

Как и в случае с Джордано Бруно: не могло быть иного центра для Земли, чем Ватикан, куда должно было смотреть все человечество, подгоняемое христианскими догмами.

Признать, что Земля движется, значило бы признать, что в движении могут находиться сознание, представления и мысли людей.

Приговор над Галилеем вызвал неудовольствие почти всех ученых и способствовал развитию новой экспериментальной науки, особенно в протестантских странах.

Дело Галилея стало не только пиком наступления на старую космологию, но и символом опровержения картины мира Птолемея.

Гравюра на дереве, XVI век. Мир по Птолемею

А сорок лет спустя законы Кеплера были объединены с учением о движении Галилея в общей теории гравитации Ньютона.

И лишь в 1835 году книги Галилея были изъяты из «списка запрещенных церковью книг», лишь в 1979 году Галилей был реабилитирован католической церковью.

Галилей, как просвещенный и прогрессивный естествоиспытатель, стал символической фигурой не только в пьесе Брехта «Жизнь Галилея».

Было бы ошибкой полагать, что Галилей всегда использовал один метод экспериментального исследования: часто он оперировал лишь гипотезами или просто воображал себе результаты, какие могли, по его мнению, быть получены в ходе того или иного эксперимента, вытекающие из них закономерности Галилей «заклинал», причем своих читателей он просто заверял, что проверил весь эксперимент сотни и тысячи раз.

Не каждому из последующих ученых, которые проводили галилеевские эксперименты, удавались подобные «заклинания». Вот пример: в своих «Discorsi» Галилей выдвигает, к примеру, гипотезу, что все тела одинаково быстро падают как в небе, так и в вакууме. Если его гипотеза верна, то легкий и тяжелый маятники должны колебаться синхронно (у маятников снимается фактор «трения о землю»).

Галилей точно описывает построение и течение эксперимента:

«После того как они (шарики) раз 100 качнулись в обе стороны, стало ясно, что более тяжелый маятник настолько совпадал в движении с легким, что ни за сто, ни за тысячу колебаний нельзя было отметить ни малейшего расхождения — они двигались в одном темпе». Даже при отклонении на 30° сопротивление воздуха не сказывалось на движении более тяжелого шарика маятника.

А между тем Жан Пукье, в отличие от Галилея, установил, «что в этих условиях эксперимента уже при втором качании замечается отчетливая разница в частоте колебаний тяжелого и легкого маятника, они движутся вовсе не синхронно. Эксперимент удается только при очень малых отклонениях маятника (0°) и при сравнительно небольшом числе колебаний. Это говорит о том, что Галилей, видимо, не проводил эксперимента, который так подробно описал».

Проводить-то он и без того, пожалуй, не проводил, но, вероятно, неверно «вообразил». «Неверно вообразил», что, как правило, и было его методой, о чем он пишет в письме: «Я поставил один эксперимент, но еще прежде здравый смысл подсказал мне, что явление должно протекать именно так».

В соответствии с этим Галилей никогда не занимался данными опыта, а сразу же предлагал «воображаемую» закономерность. Относительно описания падения тел — первого эксперимента в области естественных наук — он утверждает: «При, пожалуй, стократном повторении мы всегда обнаруживали, что отрезки соотносятся как квадраты времен».

В других, правда немногих, экспериментах этот человек, ставший символом эмпиризма и индукционизма, и вовсе не заверял читателей — «я часто это проверял»: «Я и без всяких экспериментов знаю, что результат будет таким, как я вам говорю, ибо только так и может быть». Это свободное и нефанатичное отношение к эксперименту можно объяс-

нить уверенностью Галилея в его методическом «ритуале» и успехами, которых он при этом достигал.

Хотя до сих пор (почти) все выходило так, как предсказывал Галилей, тем не менее Блуменберг пишет в своем предисловии к «Sidereus Nuncius»:

«Если бы в углу той комнаты, где проводил свои эксперименты Галилей, сидела маленькая мышка и подглядывала за его опытами, она была бы, пожалуй, разочарована, сколь «стократная проверка», которая обеспечивает Галилею его закон о свободном падении, соответствовала реальности, сколь экономен был экспериментальный материал».

Правда, Галилей, наверное, только посмеялся бы над подобными упреками и ответил своим магическим: «А это так, — разве это не так?»

Galileo Galilei: Opere Complete, Florenz 1842–1856
L. Olschki: Galilei und seine Zeit, Halle 1927
F. Dressauer: Der Fall Galilei und wir, Frankfurt 1943
Johannes Hemleben: Galileo Galilei, Hamburg 1969
J. Pukies: Das Verstehen der Naturwissenschaften, Braunschweig 1979

Джордано Бруно: существует бесконечно много миров

6 февраля 1600 года в Риме собралась группа из девяти кардиналов, так называемая конгрегация инквизиторов, чтобы вынести приговор выдающемуся мыслителю Ренессанса, «князю еретиков»:

«Мы признаем, называем и объявляем тебя, Джордано Бруно, нераскаявшимся, упорствующим и безответственным еретиком. Поэтому ты подлежишь осуждению и всяческим наказаниям церкви в соответствии со священными предписаниями, законами и установлениями, как общими, так и особыми, какие налагаются на таких, как ты, явных, упорствующих и нераскаявшихся еретиков. Как такового мы исключаем тебя из духовного сословия и объявляем о лишении тебя прав на любой большой и малый церковный чин. Ты должен быть отлучен от церкви, милосердием которой ты недостойно пользовался. Мы передаем тебя светскому суду и суду присутствующего здесь губернатора Рима, чтобы он наложил на тебя подобающее наказание — при этом мы настоятельно просим смягчить наказание для тебя и, по возможности, не подвергать смертной казни и четвертованию.

Джордано Бруно, «князь еретиков»

Мы также осуждаем и запрещаем все твои книги и сочинения как ере-

Как огромный демонический паук, инквизиция раскинула по всему миру гигантскую сеть шпионов и доносчиков — «мировых полицейских», которые должны были выискивать людей с иным, опасным для церкви мышлением

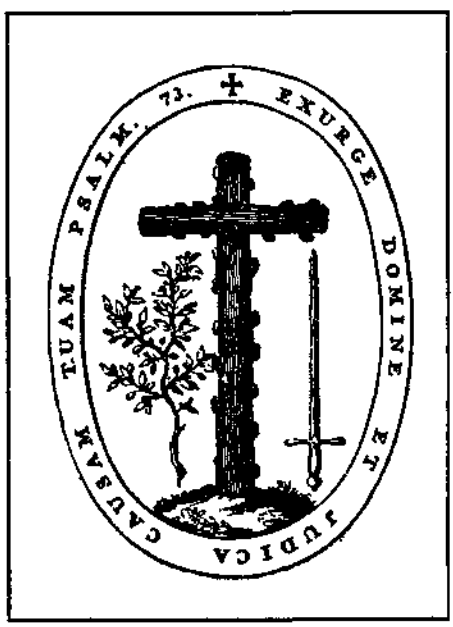
тические и ложные, содержащие ересь и заблуждения.

Мы приказываем, чтобы отныне все твои книги были публично разорваны и сожжены на площади Святого Петра и внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы говорим. Итак, мы торжественно заявляем, что осуждаем и исключаем тебя из духовного звания и отлучаем от церкви, и мы поступаем по отношению к тебе еще очень милосердно, хотя с полным правом могли и должны были бы обойтись с тобой более сурово. Это объявляем тебе мы, кардиналы инквизиции».

После оглашения приговора, на который Джордано отреагировал знаменитым замечанием: «Вы, похоже, с большим страхом объявляете мне приговор, чем я его выслушиваю», в церкви Святой Агнессы была проведена церемония исключения Бруно из духовного звания и отлучения его от церкви.

«Церковники подвели Бруно к алтарю. Он был в полном облачении, соответствующем его духовному званию. Епископ, который проводил эту церемонию исключения из духовного звания, был облачен в белую мантию с кружевами и епитрахиль алого цвета. На голове у него была митра, в руках епископский жезл.

Епископ взошел на алтарь и сел в кресло лицом к собравшимся судьям и народу. Джордано Бруно заставили взять в руки предметы церков-



Герб испанской инквизиции. О доминиканцах («псах господних»), державших в руках всю инквизицию, Джордано Бруно сказал: «Это — раса варваров, которые хватают зубами и осуждают все, что выше их понимания. Эти жалкие псы бессовестным образом облаивают всех незнакомых, будь это даже добродетельные люди, виляют хвостом перед знакомыми, будь это даже отъявленные злодеи»

ной утвари, которые применяются во время богослужения, как если бы он сам собирался служить, а затем заставили поклониться перед епископом до земли. Епископ произнес предписанную формулу: «Властью всемогущего Бога Отца, Сына и Святого духа и властью нашего звания мы лишаем тебя и исключаем тебя из духовного звания».

После этого епископ подрезал особым инструментом кожу с большого и указательного пальцев обеих рук, чтобы снять помазание, которое было совершено некогда над Джордано Бруно. Затем он снял с Бруно его облачение священника и уничтожил следы тонзуры, произнося обязательные для этого случая формулы» (Сообщение иезуита Праветты, который при сем присутствовал.)

А 17 февраля 1600 года светский суд приговорил Бруно к сожжению на Кампо ди Фиоре («Цветочная площадь»). Исполнение процедуры сожжения было поручено палачам «Братства обезглавленного святого Иоанна Крестителя». Вот их сообщение:

«Он упорствовал в своих заблуждениях до самого конца, пока его вели на Кампо ди Фиоре, снимали с него одежды, привязывали к столбу и предали сожжению. При этом наши братья, которые постоянно были при нем, пели молитвы, а представители духовенства до последнего момента старались убедить его оставить свое упрямство, с которым он оканчивал свою жалкую и несчастную жизнь».

При этом умалчивается, как отмечает Григулевич, что «палачи вели Бруно к месту казни с кляпом во рту (так что он не мог ни каяться, ни упорствовать в заблуждениях!), что его приковали железной цепью к столбу, стоявшему в середине костра, и обвязали мокрой веревкой, которая под действием огня скручивалась и впивалась в тело».

Эмблема святого Доминика, «изобретателя» инквизиции

«Преступление» Джордано Бруно, которого инквизиция с помощью своего агента патриция Джованни Мосениго заманила в Венеции в ловушку, 8 лет держала в тюрьме и пытала, заключалось в том, что он публично высказал следующий взгляд на мир, от которого не отказался даже под жестокими пытками:

«В моих книгах можно найти воззрения, которые сводятся к следующему: я считаю, что Вселенная бесконечна, что она — творение безграничной божественной силы. Я считаю недостойным божественной милости и силы, чтобы всемогущий Бог, который во власти сотворить, помимо этого мира, еще и другие многие

Когда император Юлиан умирал, он сказал близким, которые были с ним рядом в эту минуту: «Что плакать о душе, которая готова соединиться со звездами?»

миры, сотворил только один конечный мир. И поэтому я признаю, что существует бесконечное множество миров, миров, подобных нашей Земле, которую я (вместе с Пифагором) считаю звездой, подобно Луне, планетам и другим звездам, которым несть числа. Я считаю, что все эти небесные тела суть миры, что им нет числа, что все они образуют бесконечную совокупность в безграничном пространстве, которая называется бесконечной Вселенной, в которой находятся бесконечные миры. Из этого, в частности, следует, что истина находится в противоречии с верой. В этой Вселенной я вижу божий Промысел, благодаря которому каждая вещь живет, растет, движется и совершенствуется в этом мире. Он находится в мире, как душа в теле. Все во всем, и все в любой части, и это я называю природой, тенью и одеянием Божества» (Бруно на третьем допросе инквизиции.)

Хотя сегодня в это трудно поверить, но представители ортодоксальной церкви сочли воззрения Бруно столь же опасными и внушающими отвращение и страх, как и «отступничество» римского императора Юлиана (331—336), который был настолько потрясен преступлениями, совершенными его «христианскими» предшественниками на троне, что пытался возродить культ греческо-римских богов.

Как сильно Бруно поколебал догматические устои церкви, видно из официальных высказываний о нем еще сравнительно недавнего времени.

В 1889 году Джордано Бруно был поставлен памятник, на что папа Лев XIII отозвался следующим образом: «Он (Бруно) не обнаружил сколь-нибудь значительных достижений ни в области науки, ни в общественной жизни. Он действовал нечестно, исподтишка и абсолютно эгоистично, он был нетерпим к чужим мнениям, очень злобен и любил лесть в ущерб истине».

Даже еще в 1942 году кардинал Анжело Меркати считал приговор, вынесенный Джордано Бруно, справедливым: «Церковь могла и должна была принять меры — и она приняла их. Документы процесса показывают, что все было сделано по закону, и, если мы видим, что обвиняемый осужден, мы должны искать причину не в приговоре, а в самом обвиняемом».

При этом для церкви речь шла, наверняка, не о правильности или ложности научных выводов Бруно. Испугало другое: признание бесконечно многих (да еще обитаемых) ми-

ров низводило папу, кардиналов с пьедестала «пупа земли» до уровня полной ничтожности. Более того, представление Джордано о существовании бесконечно многих миров можно было понимать как во внешнем, так и — вслед за гностиками — во внутреннем смысле, как возможность жить в различных мирах сознания; странная мысль для сторонников учения, которое признает за человеком только одну жизнь в узких догматически установленных границах, ведь учение Бруно таило в себе возможность избежать христианского «пространства-времени», как оно было определено отцами церкви и как оно контролировалось инквизицией.

Giordano Bruno: Gesammelte Werke, Hrsg.: Ludwig Kuhlenbeck, Leipzig 1904–1909
W. Strauß: Der Romantiker auf dem Thron der Cäsaren oder Julian der Abtrünnige, Mannheim 1847
Landseck, Rudolf (Ludwig Kuhlenbeck): Bruno, der Märtyrer der neuen Weltanschauung, Leipzig 1890
Angelo Mercati: Il sommario del processo di Giordano Bruno, Bibl. Apostolica, Vatikanstadt 1942
F.A. Yates: Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, London 1964
Wolfgang Bauer: Was nicht normal ist, stammt vom Teufel! in: bibliotheca magica, curiosa et folkloristica no. 11: Hexenwesen – Drogen – Dämonologie (Teil 1), BMCF – Antiquariat Rainer G. Feucht, Allmendingen 1979
Jochen Kirchhoff: Giordano Bruno, Hamburg 1980

Якоб Бёме: соединение противоречий

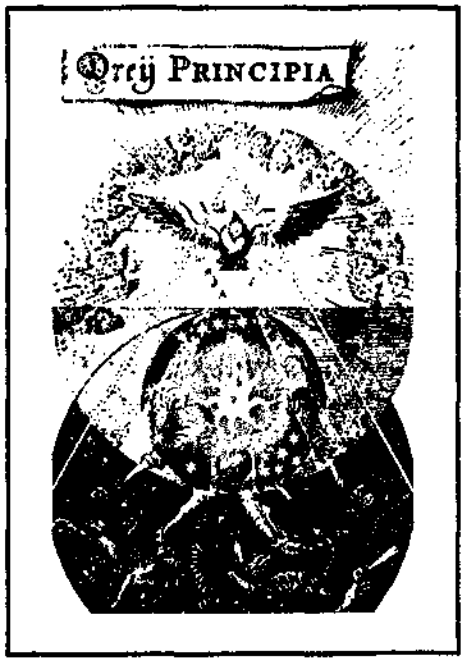
Якоб Бёме, сапожник из местности Эрцгебирге в Германии, человек, которого Гегель назвал первым немецким философом, возродил почти

Якоб Бёме, сапожник-философ, заново открывший тайны диалектики

совсем забытую со времен античности идею необходимого единства противоречий, идею, на которой основывается вся диалектика.

Бёме (1575—1624), родившийся в семье крестьянина, был отдан в обучение сапожному ремеслу; как подмастерье он немало путешествовал по всей стране, познакомился с доступными сочинениями Парацельса и почувствовал себя, по его собственному признанию, непримиримым противником догм, которыми церковь пичкает верующих в качестве жизненного подспорья; свое душевное состояние он обозначал как меланхолия. Его занимали вопросы, которые волновали многих людей на переходе от средневековья к новому времени, а именно: каким образом могло прийти в мир зло, если всемогущий Бог, создавший мир, есть абсолютное добро.

В отличие от схоластов, которые обычно решали эту проблему риторическими увертками, сапожнику Якобу Бёме, уступавшему в общеобразовательной подготовке любому тогдашнему гимназисту, выпало на долю переживание «внутреннего зрения». Через год после женитьбы на дочери мясника, когда родился его первый сын, Бёме преодолевает свою меланхолию благодаря одному событию: однажды утром его взгляд упал на висевшую на стене в его сапожной мастерской оловянную тарелку, которая сияла, по словам сапожника, как Юпитер (олово, по представлениям алхимиков, принадлежало Юпитеру). И Бёме, глядя на этот сияющий, как Юпитер, серый и невзрачный металл, вдруг подумал, что свет без темного фона столь же мало виден, как и мрак без сопоставления его со светом: «Ни одна вещь без противодействия (то есть без своей противоположности. — *Прим. автора*) не может открыться сама, ведь если у нее нет ничего, что ей бы противодействовало, то она всегда исходит из себя и не приходит снова в себя; таким образом, поскольку она приходит в себя только в том состоянии, в каком она вышла первоначально, то она ничего не знает о своем первичном состоянии».



Фронтиспис книги Бёме «...о трехкратной жизни человека в соответствии с тайнами трех принципов божественного откровения» (Амстердам, 1682 год)

Со смелостью, позволительной только наивной невинной душе, Бёме переносит это понимание на образ христианского Бога:

Если зло и добро взаимно обусловлены и могут существовать лишь только в более высоком единстве, значит, добро и зло заложены уже в самом Боге. Бог и дьявол — суть не независимые друг от друга принципы, но сам Бог есть, как выражается Бёме, «святой дьявол, живущий на границе добра и зла».

Так же, как Бог, природа и человек несут в себе разрушающее и созидательное. Как утверждает Бёме, «повсюду одно противоречит другому, не для вражды, но для того, чтобы самому за счет этого быть и открываться».

Революционное и эволюционное послание сапожника Бёме преодолевает непостижимый дуализм противоречий — быть может, самый мучительный вопрос для западно-европейского мышления.

15 лет спустя Декарт в своей работе «Discours de la méthode» («Рассуждение о методе») уже декларировал эту несовместимость противоречий как философскую программу

нового времени. Бёме же, благодаря своему внутреннему видению, оставил сферу представлений, где добро борется со злом, и вступил в область по ту сторону морали, где разрушительное означает возможность созидательного, и наоборот.

Постижение этого принципа, который поистине движет миром, Бёме описывает как опыт второго рождения, почему он и назвал свое первое произведение (при его жизни оно не было напечатано) «Авророй», то есть «утренней зарей».

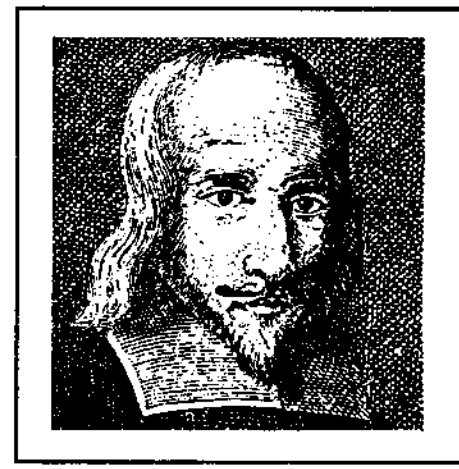
Реформация в понимании Бёме отличается от той, какую незадолго до него пытался осуществить Мартин Лютер: для Бёме каждый человек должен приобрести этот опыт второго рождения, в то время как Лютер делал ставку на реформирование официальных догматов веры.

Но путь к просветлению, по мысли Бёме, равно как и многих других ищущих, героев и магов, ведет через ад: «Вся наша жизнь есть непрерывная война с дьяволом».

Просветление, которое снизошло на Бёме, он описывает как процесс душевного превращения:

«После многих жестоких боев дух мой пробился сквозь врата адовы до самого внутреннего рождения Божества и был там объят любовью, как жених обнимает возлюбленную невесту свою. Каково же было ликование в духе, я не могу ни описать, ни высказать; и это не может быть сравнимо ни с чем, как лишь когда посреди смерти рождается жизнь; еще можно сравнить это с воскресением из мертвых».

Сам Бёме выражает снизошедшее на него просветление относительно единства противоречий в терминах троичности божества:



Портрет Якоба Бёме

Бог Отец — это гнев, как адский огонь, Христос — священный огонь любви, объединение их — это Святой Дух. Но как только человек открывает этот принцип, он открывает и еще один момент — момент истины, которую Бёме называл Софией.

«Благородная София прикасается к существу души, и целует ее дружески, и усмиряет светом любви мрачный огонь души, и пронизывает душу в ее теле перед великими радостями силою целомудренной любви, ликует и прославляет великого Бога силою благой Софии».

Благодаря мудрости, пишет Бёме, отверзлись «небесные врата» в его духе.

Трудно сказать, соответствовал ли принципу Софии какой-либо земной женский образ, но первое «внутреннее зрение» пришло к Бёме в момент рождения его первого сына.

«Небесные врата», которые отверзлись его душе, напоминают китайское представление о просветлении, включающее путь через «таинствен-

ные врата квадрата», что обозначают также как открытие третьего глаза. Путь любви, не только как чисто духовный, но и реально протекающий процесс, согласно древним мифологиям, дает возможность переживать просветление или второе рождение.

Сочинения Бёме, распространявшиеся в рукописных копиях, враждебно настроили против него представителей протестантско-лютеранского духовенства, особенно ожесточенным противником его был Грегор Рихтер. Но Бёме, в соответствии с принципом единства противоречий, благодарит своего противника: «Его хула укрепляла меня и дала мне рост. Его нападки взращивали мои мысли».

Грегор Рихтер, умерший, кстати, на полгода раньше Бёме, был для него побуждающим молотом Бога, с помощью которого он осуществлял свое дело.

Сапожник из Силезии вернул к жизни диалектический принцип, забытый со времен античности. Сидя в своей сапожной мастерской, вдыхая запах кожи и смолы и тачая сапоги, Бёме не только открыл мир фантастических духов, но и дал человеку возможность вспомнить о его «первой родине», о его божественном происхождении и тем самым начать путь через ад к небу, который для Бёме достигал высшей точки в познании любви и мудрости, включающей в себя злое и разрушительное.»

Бёме открывал для человека самый верный путь:

«Нет, никто не должен больше ждать время, оно уже тут, кто бодрствует, тот это видит, кто спит, тот не видит этого.

Знайте, что для вас, полуночных стран доброй воли, цветет лилия!»

Jacob Böhme: Theosophia Revelata./Das ist: /Alle Göttlichen Schriften/des Gottseligen und Hocherleuchteten Deutschen Theosophi /Jacob Böhmens//Gedruckt im Jahre des ausgebornen grossen Heils 1730 – hiervon Faksimile-Ausgabe Jacob Böhme: Sämtliche Schriften, Stuttgart 1955f, begonnen von August Faust, neu herausgegeben von Will-Erich Peuckert.
Hans Grunsky, Jacob Böhme, Stuttgart 1956
Gerhard Wehr, Jacob Böhme, Hamburg 1971

Калиостро: великий принцип природы есть любовь

Когда французская революционная армия вошла в 1796 г. в Рим, то солдаты, отправившиеся на поиски Калиостро в замок Сан Лео, не нашли его — палачи инквизиции уже давно казнили этого человека. Калиостро был задушен 28 августа 1795 года после 8-летнего заточения в тюрьме. А ведь это был тот самый Калиостро, который после освобождения из французской тюрьмы в 1786 году предсказал из Лондона штурм Бастилии, а во время собрания масонов в доме князя де Гебелина — смерть королевской четы под ножом гильотины.

Калиостро (настоящее имя Джузеппе Бальзамо) родился в 1743 году в семье неудачливого торговца из Палермо, жену которого Гёте назвал «простой и добродетельной женщиной». Короткие, но важные встречи Джузеппе с богатыми путешественниками в годы юности позволили ему сколотить кое-какое состояние и возбудили желание сменить свой статус сицилийского разбойника на более престижное общественное положение, сходное с тем, какое занимали его жертвы.

Граф Калиостро

19 сентября 1780 года, после многолетней, исполненной приключений бродячей жизни, за время которой он исколесил вдоль и поперек всю Европу, Калиостро, «эта самая загадочная личность всех времен», как характеризует его Льюис Спенс, появляется в обществе своей красавицы-жены в Страсбурге как граф Алессандро Калиостро и Великий Кофта египетского масонства. Калиостро въезжает в город в черной лакированной коляске, сплошь покрытой изображениями магических символов. Пожалуй, еще больше, чем коляской с давно ожидаемым магом, горожане были потрясены шестью ливрейными слугами, скакавшими на черных жеребцах впереди коляски.

Калиостро остановился не в дорогой гостинице, а в маленькой меблированной комнате в бедном квартале, он щедро раздавал милостыню и бесплатно лечил больных (по сообщению одной газеты, Калиостро за время его пребывания в Страсбурге будто бы посетил 15 тысяч больных), чем снискал признание в народе, но не у богатых и власть имущих, которых Калиостро наотрез отказался принимать.

Цюрихскому пастору Иоганну Каспару Лафатеру, автору известной в то время книги о физиогномике, который пожелал встретиться с Калиостро, граф будто бы заявил: «Если из нас двоих более образованный человек — вы, тогда вы не нуждаетесь во мне, а если это я, тогда я не нуждаюсь в вас».

На письменный вопрос, в чем заключается его наука, Калиостро в духе Парацельса лаконично ответил: «In verbis, herbis et lapidibus», то есть в словах, травах и камнях!

Калиостро всюду, где бы он ни появлялся, вызывал к себе необычайный интерес. В 1785 году он буквально стал человеком года в Париже, как рассказывает Райнхард Федерман:

«Парижские салоны буквально охотились за таинственным графом, и если не удавалось заполучить его самого, то уж по крайней мере бюст «divo Cagliostro» обязательно украшал залу. Возникла настоящая мода на Калиостро; бесчисленные рисовальщики и художники были заняты украшением вееров, табакерок, колец, кофейных чашек и целых сервизов физиономией графа. В области портрета тон задавал в то время модный художник Жан Антуан Гудон. Он изваял Калиостро в мраморе, изобразил его на каминных часах. 1785 год был для Парижа поистине годом Калиостро, об этом алхимике говорили в салонах, его имя мелькало на страницах газет, его изображение встречалось на изысканных туалетах парижских модниц и на памятных су-

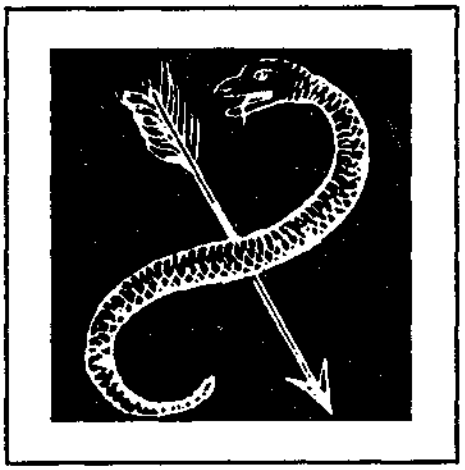
венирах, плебеи могли получить мага в виде переводных картинок или пряников, благородная публика носила его изображение на батистовых платках, кольцах, брошах».

Когда в 1786 году с Калиостро было снято обвинение в соучастии в пресловутом деле с ожерельем и его выпустили из Бастилии, восторженные парижане устроили фейерверк.

Вскоре после этого король изгнал его из Франции, и Калиостро отправился в Англию; рассказывают, что до Булони, откуда отплыл корабль, его сопровождала процессия из 5 тысяч человек и там на берегу прощалась с ним, стоя на коленях.

Этот рассказ странно противоречит первой, написанной по заказу инквизиции, биографии Калиостро, где он изображается только как мошенник, шарлатан, грубиян, дурак, бандит, сводник и развратник.

Именно эта биография вплоть до наших дней служила основанием для исключительно негативного представления о Калиостро.



Печать Калиостро

Уже его внешний облик, поведение и умственные данные описываются весьма недружелюбными красками, с расчетом на антисемитизм читателя:

«Ростом он был очень невелик, цвет лица темный, Калиостро был тучен, глаза его косили, говорил он с сицилийским акцентом с примесью еще какого-то наречия, почти как еврей. У него отсутствовала всякая элегантность, он не был ни образован, ни умен...»

В то же время друг и патрон Калиостро кардинал Роган нашел лицо мага исполненным невероятного достоинства. Как рассказывал аббат Жоржель, Роган от этой встречи находился под огромным впечатлением, маг внушал ему «нечто вроде благоговейного религиозного чувства».

Калиостро осмелился основать по всей Европе женские ложи, благодаря чему вернул европейской даме некоторое самоуважение, но это принесло ему и много врагов, прежде всего среди самих свободных каменщиков, ведь «женские иллюминаты» угрожали нарушить заведенный обычай и порядок.

Вместе с женой Калиостро устраивал так называемые «египетские посвящения», о которых немецкая газета «Фоссише Цайтунг» писала в 1875 году: «Главная жрица (имеется в виду Лоренца) занимается со своими ученицами такими вещами, что всякая немецкая душа, доведись ей увидеть это, испытала бы отвращение».

И даже в 1978 году Карл Р. Фрик в своей книге «Посвященные» несколько кисло отзывается о Калиостро: «В противоположность официальному масонству он по непонятным причинам защищал точку зрения, согласно ко-

торой женщины при приеме в члены должны быть уравнены в правах с мужчинами».

О пугающем всякую немецкую душу событии сообщает журнал «Серое чудовище» в № 15 за 1785 год:

«7 августа (1735 года) состоялась церемония посвящения. Собрались в 11 часов вечера. При входе каждая ученица должна была оставить все свои шиньоны, корсеты и прочие женские безделушки. Взамен она получала пропуск в ложу в виде особого белого платья с цветным шарфом.

По этим шарфам сестер делили на 6 категорий в зависимости от цвета: черный, синий, фиолетовый, розовый, смешанный и немыслимый.

После того как они переоделись, их ввели в прекрасно освещенный храм, где стояло 36 черных тронов. На одном троне восседала сама верховная жрица, вся в белом и сверкающая, как Юнона. По обеим сторонам от нее две трудно описуемые фигуры: непонятно, люди или духи, мужчины или женщины.

Постепенно свет начинал меркнуть, и зал погружался в темноту. Предметы можно было различать лишь с трудом. Верховная жрица дала знак, чтобы ученицы подняли вверх левую ногу, одновременно вытянув вперед правую руку. В этот момент в зале появляются два женских духа, они опускаются на колени перед троном жрицы и получают из ее рук пучок розовых лент, которыми они связывают руки и ноги учениц.

Таким образом, ученицы стоят связанные, своим строем образуя крест. Жрица обращается к ним с речью. Она объясняет посвящаемым, что их нынешнее состояние — символ их положения в обществе. «Понимаете ли вы, дочери мои, что вы — рабыни мужчин. Но предоставим им вести войны, придумывать законы и иметь свои слабости, а мы будем управлять мнениями и нравами, давать направление духам, расширять царство чувств, доброты и красоты».

К концу этой речи, прелесть которой невозможно описать, снова появляются духи и снимают с женщин путы. Жрица объявляет, что главный экзамен сдан. Теперь каждая ученица должна подойти к трону и произнести клятву. Вслух произносили законы.

В числе законов был и такой, согласно которому жрица, не устоявшая перед искушением, будет безжалостно изгнана. После этого женщины делились на группы, по цветам шарфов. Каждую группу отводили в свой кабинет, граничивший с залом, и оставляли там, но не надолго — вскоре им наносили визит. Прекрасные юноши, отборные экземпляры мужской расы, полные грации и исполненные всех достоинств тела и духа, должны были подействовать на воображение женщин, ослепить их и ввергнуть в соблазн. Напрасный труд! Ни все их ухищрения, ни слезы, ни вздохи, ни заклинания не могут заставить ни одну из учениц нарушить обет. Желания женского сердца, оказывается, можно заковать в броню данного обета.

Затем, как занимается алая заря, так раздается сигнал, и вновь открываются двери храма. Ученицы покидают свои кельи. Они снова видят на троне жрицу. Жрица подносит палец к губам — знак того, что следует хранить молчание. Тут она поднимает хлыст и бьет им по нише, спрятанной в торце зала.

Занавес поднимается, и все видят абсолютно нагого мужчину, стоящего

на золотом глобусе. В руках он держит змею, на лбу его сверкает пламя.

«Тот, кого вы услышите, невесты мудрости, — возвещает жрица, — это знаменитый, великий, божественный Калиостро, который без зачатия вышел из лона Авраама, он хранитель всей мудрости, которая была, есть и будет на земле... Дочери истины, если хотите ее увидеть — сбросьте эту земную оболочку и станьте, как она!»

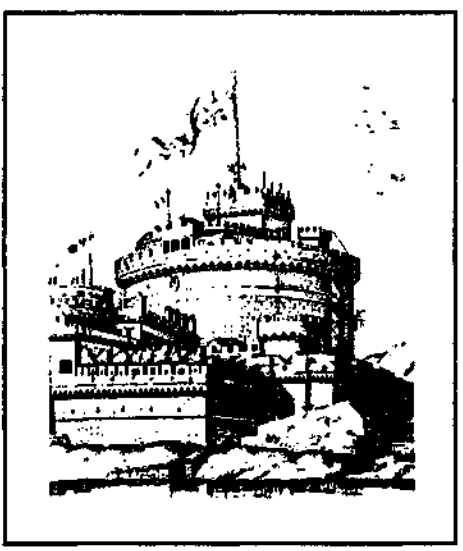
Теперь слово брал Калиостро: «Нет смысла, мои подруги, скрывать от вас далее свет, познайте же самую главную истину: это — удовольствие! Оно — единственно прочно, бессмертно, постоянно, все прочее — мишура. Представьте себя через 50 лет. Пусть вы будете глубокомысленны, как Локк, философичны, как Бейль, бойки пером, как Руссо. Что толку? Великий закон природы — это любовь, в чем убеждают нас все наши чувства. К чему вам глаза, если не для того, чтобы видеть картины, радующие сердце? Зачем уши, если мы не воспринимали бы с их помощью звуки любви и гармонии. И что значили бы зрение и слух без чувства, той сладкой игры нервов, какая возвышает нас выше ангелов, ведь ангелы не знают этих чувств. Короче говоря, все чувства работают для удовольствия. Явитесь, сыны неба, выберите себе нимф и посвятите их в сладкую тайну блаженства...»

Тут змея издает свист, и появляются 36 гениев, облаченных в белую кисею.

«Вы, — возвещает Калиостро, — те, кого судьба призывает, чтобы продолжили мое дело...» — и исчезает».

Неудивительно, что инквизиция — когда она арестовала Калиостро в 1789 году в Риме — приговорила его как опаснейшего еретика к смерти. Инквизиция была обозлена еще и тем, что среди учеников Калиостро числился один кардинал. Будучи в гостях у него в монастыре Картежироне, Калиостро во время вечернего причастия вместо имен святых называл при чтении текста имена известных городских проституток. Говорят, что пытки, которым подвергался Калиостро перед процессом, были столь мучительны, что прохожие слышали его истошные крики даже через толстые монастырские стены Энгельсбурга.

Что же касается жрицы Калиостро Лоренцы, то она ушла в монастырь, где подверглась такому суровому обхождению, что умерла через 5 лет, не достигнув сорокалетнего возраста.



Рим, крепость Энгельсбург, здесь заседала тогдашняя инквизиция (гравюра Мериана)

Сен-Жермен: жить вечно, и быть кем (чем) хочешь

Этот загадочный человек словно возник из небытия в 1735 году и очень скоро стал предметом разговоров во всех салонах. О Сен-Жермене говорили, что он-де действительно обладает философским камнем.

В некотором смысле ему вполне можно было поверить — Сен-Жермен жил по принципу, что он может быть в этом мире всем, чем пожелает, и в одном месте он представлялся маркизом де Белламаром, в другом — графом Сюрмонтом или — как в Москве — генералом Вельдоном.

Подобным образом он поступал и со своим происхождением: то он намекал на то, что он — внебрачный сын вдовы короля Карла II, то давал понять, что он — старший сын последнего князя Трансильвании Франца II Ракоши, другой же раз похвалялся, что он — настоящий кочевник, рожденный от цыганки.

Он ошеломлял своих собеседников сообщением, будто бы ему уже более чем две тысячи лет. В доказательство, к примеру, он описывал некоторые подробности свадьбы в Кане Галилейской, где он будто бы советовал Петру быть более умеренным в питье, и даже давал советы, как себя вести, Господу нашему Иисусу Христу (как раздраженно замечал корреспондент журнала «Берлинер Монатсшрифт»).

Корреспондент отмечал далее: «Этот умерший два года назад в Датской Голштинии авантюрист был достойным подобием графа Калиостро... У него тоже было бесчисленное множество поклонников и приверженцев. И как же они его боготворили!

Бессмертный граф Сен-Жермен

Передо мной — большая гравюра на меди, на которой Сен-Жермен изображен в роскошных мехах.

Под портретом — в высшей степени примечательные стихи, содержание которых настолько вопиет, что, мне кажется, каждый должен понимать: человек этот должен был бы постыдиться открывать рот и вслух произносить подобные непристойности».

А вот эти «примечательные и провокационные» стихи:

«Как Прометей украл огонь, благодаря чему существует наш мир,
Так природа внимает его голосу.
Если он не сам Господь Бог,
То его направляет могущественный Бог, внушая, подсказывая ему...»

Если поклонники и не ставили Сен-Жермена рядом с Богом, то уж наверняка видели в нем высокого «посвященного» алхимика или «насто-

ящего Розенкрейцера». Если о других говорили, что они делают золото, то о Сен-Жермене думали, что он умеет делать бриллианты.

Госпожа Блаватская впоследствии причисляла Сен-Жермена даже к великим тайным тибетским мастерам.

Во многих сообщениях Сен-Жермена описывают как чрезвычайно остроумного и находчивого человека, по-видимому, он действительно обладал способностью внушать людям, чтобы они видели в нем то, что он хотел и что ему было нужно.

Когда в 1745 году он был арестован в Англии в связи с попыткой государственного переворота, ему удалось очень быстро выйти на свободу. Английский политик Гораций Уолпол, который вел его дело, рассказывал, что Сен-Жермен прикинулся невинным «дурачком», умевшим, однако, прекрасно петь и играть на скрипке.

Греческий бог Нерей, который мог принимать любой образ, то есть «быть всем, чем хотел»

Ничто так не раздражало современников, как то, что поклонники Сен-Жермена почитали его как бессмертного бога (Л. Рихтер «Христос воскресе»)

Наверное, из чувства зависти к Сен-Жермену Казанова распространял слухи, что граф на самом деле — всего лишь итальянский скрипач по имени Каталани.

Обычному человеческому представлению о смертности бытия Сен-Жермен противопоставлял убеждение, что он будет жить вечно, потому что владеет «эликсиром жизни». Такие мысли завораживали современников Сен-Жермена, как потрясают в наши дни утверждения американских ученых о том, что, стоит изменить программу, заложенную в клетках, и можно будет продлевать жизнь насколько угодно долго — для тех, кто этого захочет!

Впрочем, Сергиус Головин полагает, что слова графа о жизненном элек-

сире следует понимать скорее в переносном смысле:

«Возможно, легенда о «бессмертии» этого человека и его сторонников восходит к представлению, которое мы находим в разных индийских философиях — посвященный считает себя вечным, потому что он убежден, что его сознание бесконечно и постоянно пробуждается к новой жизни, что меняется только внешний образ и поэтому смерти как таковой не бывает».

Автор статьи в берлинском журнале, о которой мы упоминали выше, не скрывал своего удовлетворения от того факта, что Сен-Жермен действительно все-таки умер в Эккернфёрде 2 марта 1784 года (по одним источникам в возрасте 75 лет, а по другим — в 88 или даже в 93 года!). «Я знаю, что многие и сейчас еще думают: он жив и вскоре воскреснет среди нас! А между тем он — труп, и труп этот уже разлагается и воняет, как труп любого смертного, который не мог совершать никаких чудес...»

И все же еще и тридцать лет спустя находились люди, которые клялись, что видели Сен-Жермена и разговаривали с ним.

Isabel Cooper-Oakley: The Count of Saint-Germain, New York 1970

Казанова: все женщины в мире — суть одна женщина

Джакомо Казанова, шевалье де Сенгалт, родился в 1725 году в Венеции, умер в 1798 году в замке Дю в Богемии.

Казанова в возрасте 49 лет (портрет написан в 1774 году)

Свой жизненный путь он успешно начал как священник, но однажды во время проповеди Казанова вдруг внезапно прервался на полуслове. Дело в том, что он был мертвецки пьян, и только симулируя приступ обморока, избежал серьезного скандала.

В наши дни Казанова считается олицетворением классического любовника и обольстителя, причиной тому — его бесчисленные галантные приключения, которые водили его по всей Европе.

Слово «Казанова» стало даже нарицательным, и словари приводят его как обобщенное выражение понятия «дамский угодник, соблазнитель». Между тем Казанова был не только «Казановой» — его мемуары рисуют нам способного дипломата, умного философа, толкового коммерсанта, сведущего каббалиста и алхимика и —

не в последнюю очередь — даровитого писателя.

Князь Шарль де Линь, один из самых образованных и авторитетных личностей своего времени, который познакомился с Казановой в замке Дю, ставил его в один ряд с Фридрихом Великим и Хьюмом: «Любое его слово — настоящее откровение, каждая его мысль заменяет целую книгу. На свете буквально нет ничего такого, что было бы Казанове не под силу».

Казанова был способен на невероятные подвиги, он находил выход из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций, достаточно вспомнить его побег из пресловутых свинцовых камер венецианской инквизиции, куда он, по решению Совета Десяти, был заточен в 1755 году сроком на 5 лет за распутный образ жизни и сочинение богохульных произведений.

Или вот описание его жизни в небольшом курляндском городке Миттау. Именно здесь Казанова дал образчик своего учения, который можно было бы озаглавить так: «Как получить сотни золотых талеров, если ты отдал один».

«Другая душа» Казановы, согласно его собственному определению, и таких было немало

На Казанову произвела сильное впечатление служанка, которая принесла ему чашку шоколада, и он дал ей на чай последний золотой. Для Курляндии такой жест был в диковинку, и слух о нем распространился по всей округе с быстротой молнии. Во всяком случае, к Казанове является еврей-ростовщик, который предлагает ему быть посыльным в не вполне легальной валютной операции и тут же вручает целую кучу талеров, благодаря которым Казанова вновь приобретает имидж богатого кавалера-иноземца.

Теперь уже курляндский князь предлагает ему на следующий день пост инженера-надзирателя — Казанове дают государственную коляску, и он разъезжает по стране, отыскивая такие сокровища, как соли и металлы.

Мало того, что в этом путешествии он ни в чем себя не стесняет — после его отчета об «изыскательских работах» князь вручает ему еще несколько сотен талеров.

Начавшие выходить с 1960 года сочинения Казановы в полной несокращенной редакции, добротно переведенные с оригинала, в значительной мере изменили представление о нем как о «надутом волоките» и «язвительном архиреакционере».

Роберто Гервазо, например, трактует теперь Казанову даже как «феминиста в подлинном значении этого слова», «защитника естественных прав женщины, ее друга и поверенного».

Казанова любил женщин, а они любили его, потому что чувствовали,

как он увлекался женщиной, если она отдавала ему себя. Чтобы понять истинную сущность Казановы, нужно, видимо, перевернуть с головы на ноги утверждение Гервазо: «Он упрямо осуществлял простое повторение вечно одного и того же акта на все новом и новом объекте» и сказать: «В тех 200 женщинах, которыми он обладал и которые им обладали, он любил «один и тот же объект», но всегда по-новому».

Казанова пытался со своей партнершей до конца слиться с женским, подобно тому, как индийский бог Шива в вечном стремлении найти свою женскую половину, «шакти», ищет и находит ее, но она всякий раз ускользает от него, чтобы встретиться с ним в новом обличье, в другой женщине.

Наверное, потому-то Казанова кажется нам и по сей день бессмертным, что его отличало свойство отдаваться своему чувству полностью, без ограничений, что придавало ему какую-то неземную прелесть.

Владел ли Казанова женщинами, или они владели им?

Пожалуй, он и сам отдавал себе в этом отчет, когда писал в письме: «Если моя душа существовала до меня, то она меня переживет, потому что она существовала прежде, чем материя сформировала мое тело. Но если дело идет о том, что надо умереть, чтобы убедиться, что я бессмертен, то я с этим доказательством не спешу.

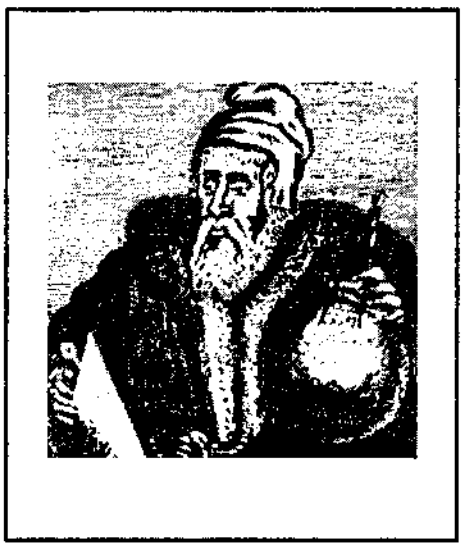
Истина, которая стоит жизни, слишком дорога. Но если со мной и случится такое, что я умру, но сохраню все свои чувства, то я ни за что не признаюсь, что я — мертвец».

Как выразился П. Чиара: «Казанова давно уже перекочевал, подобно доктору Фаусту или маркизу де Саду, из истории в область новейших мифов».

Aus den Memoiren des Venezianers Jacob Casanova de Seintgalt, 12 Bände, Leipzig 1822–1828
Erich Loos (Hrsg.): Geschichte meines Lebens, 12 Bände, mit dem vollständigen nach der Urfassung aus dem Französischen, Berlin 1964–1967
Aldo Rava und Gustav Gugitz (Hrsg.): Frauenbriefe an Casanova, München 1913
Stefan Zweig: Drei Dichter ihres Lebens: Casanova, Stendhal, Tolstoi, Leipzig 1929
Hermann Kesten: Casanova, München 1952
Roberto Gervaso: Casanova, Verführer und Weltmann, München 1979

Джон Ди: беседовать с ангелами

21 ноября 1582 года известному астрологу, учителю и советнику английской королевы Елизаветы Джону



Джон Ди. «Озаренный»

Елизавета I, королева Англии (портрет XVII века), Ди называл ее «своей благодарной ученицей»

Ди (1527—1608) у западного окна его кабинета явился архангел Уриил в облике четырехлетнего ребенка и передал «магический кристалл» — позднее выяснилось, что это был кусок отполированного каменного угля. Это событие заставило Ди еще более усердно заниматься контактами с миром ангелов, которые он устанавливал с 1581 года, используя в качестве медиума бывшего аптекаря Эдварда Келли. Ди пытался при этом соединить в новой оккультной системе математическо-каббалистическое знание с теми сведениями, которые доставляли ему ангелы.

Записи о своих «кристалломагических действиях» Ди вел на неизвестном никому генохическом языке — как утверждал Ди, на языке ангелов.

Шведский «духовидец» XIX столетия Эммануэль Сведенборг и немецкий психолог Густав Фехнер активно изучали экспериментально полученные Ди «высокие состояния сознания». Часть экспериментов Ди повторил в XX веке Алистер Кроули — в Эшмолианском музее в Оксфорде можно найти открытые Кроули «ключи», или «знаки» для заклинания стихий и ангелов.

Кроули работал с топазом, вставленным в деревянный крест Голгофы:

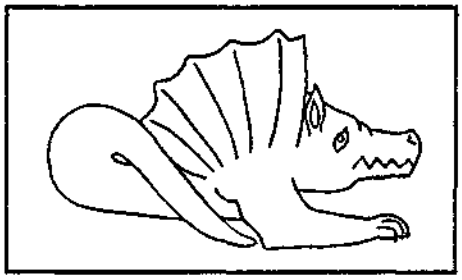
«Как правило, я держал его в руке. Вначале я должен был отыскать место, где знал, что мне ничто не помешает. Тут я брал камень в руку и, убедившись, что вызванные духи присутствуют, повторял формулы на генохическом языке, при этом топаз играл примерно такую же роль, что зеркала в «Алисе» (имеется в виду «Алиса в Стране Чудес»).

Кроули видел в камне не только ангелов, он мог проникать в «мир в

Д-р Ди и Эдвард Келлер заклинают мертвых

камне», в одну из 30 обнаруженных Ди сфер или «эфиров», подобно тому, как Алиса могла войти в Зазеркалье.

«Я понял, что нет смысла заниматься путешествиями в различные места с помощью астральных тел, я познал, что пространство не является вещью в себе, оно — всего лишь пригодная категория (из многих), с помощью которых мы отличаем объекты друг от друга. Таким образом, когда я говорю, что находился в эфире, я просто обозначаю этим соответствующее его природе состояние.



Этим способом мои чувства могли воспринимать тонкие ощущения, к которым я заранее подготовился. Следовательно, я мог воспринимать явления тех миров в точности так же, как люди в этом мире».

John Dee: Monas Hieroglyphica, London 1564 (das kabbalistische Hauptwerk Dee's)
J. v. Halliwell (Hrsg.): Private Diary of John Dee, London 1852 (enthält die Aufzeichnungen über die Engelvisionen)
Carl Kiesewetter: John Dee, ein Spiritist des 16. Jahrhunderts, Leipzig 1893
Aleister Crowley: The book auf Goetia of Salomon the King, London 1904 (sozusagen ein Wörterbuch: henochische Texte in Frakturschrift mit englischen Unterzeilen)
Gustav Meyrinck: Der Engel vom westlichen Fenster, Frankfurt/Main 1972
John Symonds: The great Beast. The life and magick of Aleister Crowley, Frogmore 1973

Декарт: человек, робот

В философии Рене Декарта (1596—1650) впервые в европейской истории отношение человека к миру поставлено как принципиальная проблема. Если до Декарта никто не сомневался, что человек может познать мир и нужно только найти правильный путь к познанию, то теперь эта уверенность пошатнулась, и встал вопрос: возможно ли познание вообще?

Всякое суждение о мире, человеке или природе в принципе подвергается сомнению, всякое восприятие может быть иллюзией: может ли человек вообще понять, постигнуть мир и тем самым самого себя, или ему уготована судьба чужака в чуждом мире?

При всех сомнениях в способности человеческого восприятия и познания остается существовать все же и само сомнение. Декарт определяет

Декарт: тело и дух — это две пары ботинок

сомнение как единственно неоспоримый факт и приходит к мнению, что сомнение, и тем самым мышление как его медиум, есть единственная бесспорная истина: я мыслю, значит, я существую (cogito, ergo sum).

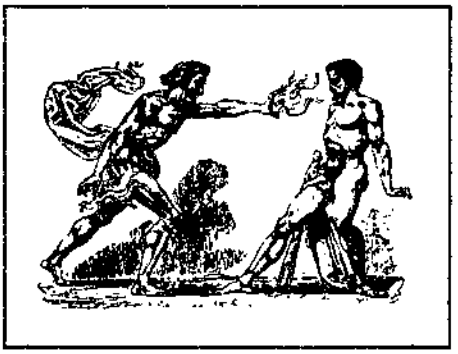
Все, что не относится к области мышления, противопоставлено ему как нечто принципиально иное. Мир управляется механическими законами удара и давления, которые, хотя и могут быть рассчитаны с помощью математики, высшей из наук, но не подпадают под влияние человеческого духа. Самые тела человека и животных — не что иное, как механические машины, так сказать, роботы, вставленные в огромный шестеренчатый механизм мира.

Тем самым Декарт создал строго дуалистическую картину духа и материи, души и тела (res cogitans и res extensa), в которой нет места представлениям об одухотворенной природе и материализовавшемся духе. Человеческий дух стоит беспомощный перед механизмом мира и пытается математическими расчетами постигнуть его суть.

Тем самым Декарт предугадал будущее развитие науки, а может быть, и повлиял на ее развитие: на разделение на естественные и гуманитарные науки и на их несовместимость, несмотря на все усилия совместного исследования. Ученый нового времени, если даже измеряет и рассчитывает природу по исторически изменяющимся формулам, он все же потерял ощущение, что сам, как человек, является частью природы и что всякое научное суждение отмечено печатью и его собственного духа.

Месмер: если можно внушить, что тебе больно, то внушения могут и исцелять

Венский врач Антон Месмер (1734—1815), основатель «животного магнетизма», в последние годы перед французской революцией пользовал в Париже светских дам. Он проводил рукой по телу заболевшей, приводя в гармонию «неуравновешенную магнитную сферу», во всяком



Месмер — лечение магнетизмом

Франц Антон Месмер

случае, так думали Месмер и его пациентки. Конечно, не все верили в метод Месмера; век, который провозгласил просвещение и надеялся найти объяснение любой тайне, не мог не считать Месмера шарлатаном. Например, одну из дам, которую Месмер освободил от нестерпимой боли, уверяли, что он смог это сделать только потому, что она эти боли внушила себе. «Внушила или нет,— ответила дама, — но теперь-то я не чувствую никаких болей».

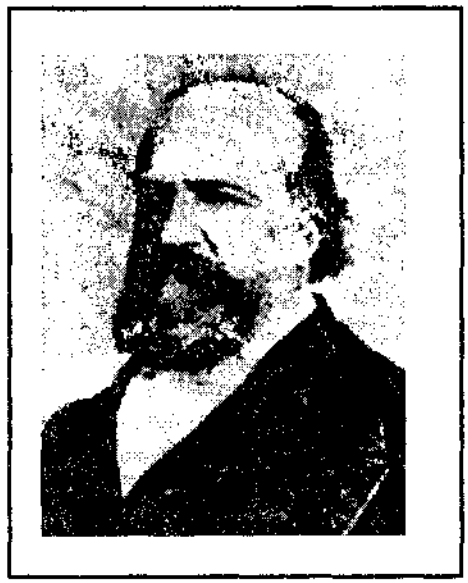
Элифас Леви: заклинание мертвецов

В век все более утверждавшего себя материализма аббат Альфонс-Луи Констан (1810—1875), который позднее назвал себя Элифасом Леви, не боясь удивления, а то и насмешек современников, целиком посвятил себя исследованию магических наук.

В результате многолетних исследований и экспериментов — прежде всего, благодаря новому истолкованию символики карт Тарот — ему удалось заново открыть целый ряд «магических ключей», которые казались безвозвратно утерянными.

Для своих интерпретаций и догадок Леви использует не только книжное знание: лик всей планеты для него — «книга за семью печатями», которую маг, однако, может прочесть:

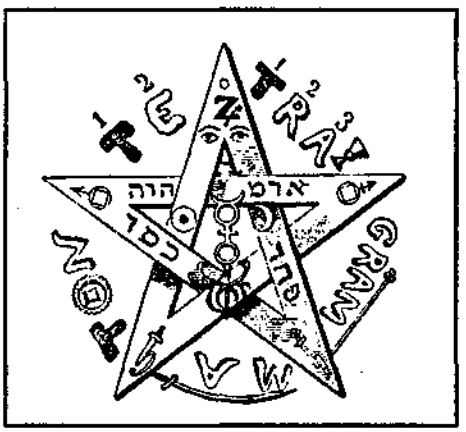
«Сквозь покров всех церковных и мистических аллегорий, старых догм, сквозь все темные и странные ритуалы посвящения в мистерии, под печатью всех священных книг, в руинах Фив и Ниневии, в развалинах древних храмов, на потемневшем от времени лике ассирийского или еги-



Элифас Леви: поиски утерянных «магических ключей»

петского сфинкса, в невероятных и чудесных изображениях, в которых верующие индийцы полагали найти священные ведические письмена, в причудливых символах старых книг по алхимии, в церемониях приема в тайные организации проступают следы одной и той же повсюду тщательно скрываемой доктрины. Во времена, когда оккультная философия служила исключительно воспитанию жрецов и царей, когда она была кормилицей или крестной матерью всех религий, она была тайным рычагом всех духовных сил, ключом к божественному мышлению и, несомненно, правила обществом».

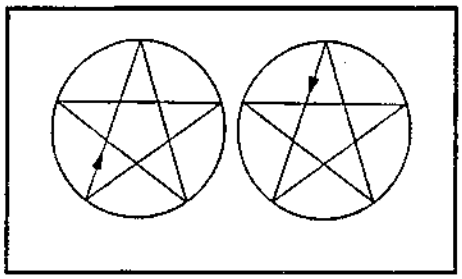
Смысл своих магических заклинаний Леви видел не в том, чтобы построить еще один магический спектакль — при заклинании (вызове) мертвецов для него речь шла скорее о том, чтобы оживлять в себе духи наших предков и тем самым знание давно прошедших эпох, другими словами, вызволять на свет божий скрытые сокровища подсознания.



Пентаграмма (знак микрокосма). Она была врезана в мраморный алтарь, стоявший перед Леви; с помощью этой пентаграммы Леви вызывал дух Аполлония. Леви пишет о магической силе пентаграммы: «Стихийные духи подчиняются этому знаку, и, если поместить пентаграмму в круг или на волшебный стол, можно вызвать духов или, как выражаются маги, сковать их»

Самый известный эксперимент такого рода Леви провел в июне 1854 года в Лондоне, когда он выполнял заклинание с помощью пентаграммного ритуала. Леви подробно описывает это событие в первой части своей «Трансцендентальной магии»:

«24 июня все было готово. Мы собирались вызвать дух божественного Аполлония и спросить его о двух тайнах: одна касалась меня самого, другая — одной дамы. Правда, эта дама захотела присутствовать при сем акте со своей подругой, но в последний момент эту подругу обуял страх, а поскольку магический ритуал строго требует триады или монады, то мне пришлось остаться одному. Приготовленный для вызова духов кабинет представлял собой комнату в башне. В комнате имелись четыре выпуклых зеркала и нечто вроде алтаря, верхняя часть которого была сделана из белого мрамора и опутана цепью из намагниченного железа. В мрамор была врезана позолоченная пентаграмма. Такой же знак, выполненный в разных цветах, имелся на белой свежевыделанной шкуре ягненка, которая была натянута под алтарем. Посредине на мраморной плите стоял маленький медный поднос, наполненный древесным углем из ольхи и лаврового дерева. Передо мной на треножнике находилась вторая жаровня. Я был облачен в белую ризу, подобно той, какую носят наши католические священники, только длиннее и шире, а на голове у меня был венок из вербены с вплетенной золотой цепью. В одной руке я держал



Вызов духов *Сковывание духов*

Ритуал пентаграммы, как его выполняли члены ордена «золотого рассвета». К английской ложе этого ордена относились, помимо Алистера Кроули, также такие известные оккультисты и поэты, как У. Б. Йитс, Моншего Саммерс, Израиль Регарди, Дайен Форчун, Брэм Стоукер

новую шпагу, в другой — ритуал. Я возжег огонь на обеих жаровнях со всеми необходимыми, заранее подготовленными благовониями и начал читать формулы ритуала, вначале тихим, а потом все более громким голосом. По комнате распространился дым, пламя дрожало, трепетало над предметами и, казалось, оживляло их, потом оно погасло. Белый дым медленно поднимался над мраморным алтарем, и тут мне показалось, что пол вздрогнул, как будто началось землетрясение. У меня звенело в ушах, сердце колотилось. Я бросал в жаровню ветви и благовония, и при свете ожившего пламени явственно увидел перед алтарем фигуру человека значительно выше человеческого роста, она вскоре растворилась и исчезла. Я вновь начал вызывать духа и встал в круг, который заранее очертил, между алтарем и треножником. И тут увидел, как глубина зеркала, которое висело за алтарем передо мной, постепенно начала светлеть, и там, в глубине, стала подниматься светлая фигура, она увеличивалась в размерах и, казалось, все больше приближалась ко мне. С закрытыми глазами я трижды выкрикнул имя Аполлония, и когда я открыл глаза, то передо мной стоял мужчина, целиком закутанный в льняное полотно, которое показалось мне скорее серым нежели белым. Лицо его было искажено, печально и без бороды, оно мало соответствовало образу того Аполлония, каким я его себе представлял. Меня обдало ледяным холодом, а когда я открыл рот, чтобы заговорить с призраком, то не смог произнести ни звука. Тогда я положил руку на знак пентаграммы и подвигал острием шпаги перед ним, приказывая себе не впасть в ужас и сохранять контроль над собой. После этого фигура стала терять очертания и вскоре совсем исчезла. Я приказал ей явиться вновь. Тут я почувствовал, что нечто касается меня, как дыхание, а потом дотрагивается до руки, в которой я держал шпагу. В тот же момент рука моя окоченела до самого плеча. Я подумал, что шпагой, возможно, оскорбляю дух, и поэтому воткнул ее острием в очерченный круг.

Человеческая фигура тут же появилась снова, но я чувствовал такую слабость во всех членах и был настолько близок к обмороку, что мне пришлось сделать два шага и сесть. Я сразу же погрузился в глубокий сон.

Меня посетили сновидения, от которых при пробуждении осталось только смутное воспоминание. В течение многих дней рука моя все еще оставалась скованной и болела. Дух не заговаривал со мной, но мне казалось, что на все вопросы, с которыми я хотел обратиться к нему, я от-

части получил ответы внутри меня самого.

На вопрос дамы голос во мне ответил: «Мертв» (речь шла об одном господине, о котором она хотела знать, что с ним случилось). Сам же я хотел знать, примирились ли два человека, о которых я думал, и тот же внутренний голос сказал: «Оба мертвы!»

Леви произвел такое огромное впечатление на Алистера Кроули, что тот считал себя новым воплощением этого человека или, по меньшей мере, его учеником, хотя Кроули родился в год смерти Леви.

Werke von Eliphas Levi:
Transzendentale Magie (2 Bände), Basel 1975
Geschichte der Magie, Basel 1978

Маг Гурджиев: обрети свою форму!

Гурджиев: вся алхимия свидетельствует на самом деле об одном — родиться заново!

Гурджиев родился в 1873 году в городке Александрополе на Кавказе. Отец как-то спел мальчику песню о великом герое Гильгамеше, и она определила судьбу Гурджиева: почти всю свою жизнь он посвятил поискам сути тайного знания, знания, которое передается из века в век только посвященным. Ведь отец пел песню, содержание которой, как прочел Гурджиев позднее в одном журнале, стало известно науке из найденных во время раскопок Ниневии древних клинописей.

Когда Гурджиев основал в 1920 году во дворце Приере в Фонтенбло «Институт гармонического развития человека», он был уже пожилым человеком, который беседовал со своими учениками и друзьями, «одетый в безупречно белый смокинг и покуривая египетские сигареты», в бывшем ангаре для самолетов и очаровывал их своей простотой, столь неожиданной в этом человеке — маге для одних, мудреце для других, остроумнейшем собеседнике для третьих.

Во время таких встреч Гурджиев сам музицировал (говорят, что его собственные композиции трогали слушателей до слез) и призывал других танцевать и музицировать. Особенно он поощрял «священные» танцы, которые его группа довела до такого совершенства, что выступала впоследствии на сценах в Нью-Йорке.

Голый, гладко выбритый череп Гурджиева, его пышные черные усы с загнутыми кончиками, его спокой-

ные манеры готового к любым неожиданностям укротителя могли напоминать незнакомым людям внешний облик Эркюля Пуаро, тем более что Гурджиев, и этим он сильно отличался от других «просветленных магов», любил хорошо поесть, смаковал добрый арманьяк и отдавал должное слабому полу.

Но если Пуаро все время заставлял работать при решении детективных загадок «маленькие серые клетки», то Гурджиев считал, что «наш мозг — не есть тот орган, с помощью которого следует искать истину, это — всего лишь мышца».

Сегодня о Гурджиеве высказываются самые различные мнения. «В высшей степени сомнительное учение» (Анна Катарина Портер), «шарлатан» (Франсуа Мориак), «не один человек, а миллион человек в одном» (Маргарет Андерсон), «блестящий и поразительный психолог, не уступающий Ницше» (Колин Уилсон), «один из великих инспираторов шестидесятых годов» (Сергиус Головин).

Дж. Б. Уотсон, основатель бихевиоризма, приглашенный на неофициальное чтение отрывков из рукописи главного сочинения Гурджиева «Все и вся: сказки Вельзевула, рассказанные внуку», через некоторое время прервал Гурджиева восклицанием: «Это либо отличная и тонкая шутка... либо полный вздор!»

И хотя в дальнейшей беседе он нашел Гурджиева блестящим собеседником, он строго отсоветовал ему публиковать книгу. В то же время Гурджиев разделял мнение Уотсона, что человек — это «машина», но в отличие от него все же считал, что человек не должен оставаться машиной, а может становиться всем, чем он хочет.

Помимо всех мистификаций, Гурджиев стремился найти «математическое и материалистическое объяснение творения и цели универсума», а также определить «место человека, его функцию и задачу в этом универсуме».

В своей оценке человечества Гурджиев исходит из того, что оно в своем сегодняшнем состоянии пребывает в глубоком сне, оставаясь совершенно погруженным в собственный личный мир: «Тело, — говорит Гурджиев, — бодрствует, но человеческое «я» спит».

Чтобы разбудить это «я» и поднять его на другую ступень сознания, другими словами, чтобы разрушить повседневный ритуал нашей жизни, Гурджиев предлагает — в сравнении с путями факира, монаха и йоги — четвертый, «творческий», путь, или, как он его называет, «путь искусного (cunning) человека».

Искусный человек, как считал Гурджиев, не позволяет своему прошлому стать будущим, он пытается капля за каплей отыскать в себе божественную искру, истинную свою сущность и начинает — все больше и больше освобождаясь от сценариев прошлого — писать собственный сценарий будущего.

Важнейшая цель этого процесса трансформации — заново рождаться к новой жизни от малого к большому.

В своей книге «Агенты разведки» Тимоти Лири выработал очень точные правила, которые применял Гурджиев, чтобы повысить уровень своего сознания (и тем самым свой интеллект):

1. Пытайся добраться до сути событий, от которых остальные люди отмахиваются, как от таинственных и загадочных.

2. Никогда не делай чего-то только потому, что это делают другие.

3. Никогда не думай, так же, как думают другие.

4. Доверяй только собственному видению мира, а не тому, как видят его другие, да и собственному мнению доверяй не очень надолго.

За всеми этими правилами кроется убежденность Гурджиева, что окружающий мир и без того определяет нашу жизнь на 99%, и поэтому необходимо активизировать самого себя и, как он выражается, «в постоянном напряжении и добровольном страдании» противостоять инертности и вечному повторению повседневной рутины то есть «стараться быть не листом на ветру», а самому управлять собственной жизнью.

Способ, которым Гурджиев доносил свои воззрения до своих учеников, остается дискуссионным и по сей день. Если поклонники видели в нем нечто вроде «прикладного даосизма», то автор видит в нем вариант лагеря принудительных работ: «Попавшие в замок Приере пациенты все время были заняты на каких-то принудительных работах. Кетрин Менсфильд, которая надеялась вылечиться от болезни легких, буквально была заперта в хлеву».

В то же время писательница Маргарет Андерсон, которая была доверенной ученицей Гурджиева и знала его работу, описывала действие его методов как очень благотворное: «Даже и теперь я толком не знаю, как мне охарактеризовать Гурджиева. Я чувствую себя так, как будто кто-то просил бы меня описать все возможные проявления природы. Я не могу сказать ничего определенного о принципе его учения, его метода или его значения. Его метод нельзя сравнить ни с психоанализом, ни с каким-либо иным интроспективным методом. Да к тому же: интроспекция куда? Во что? В какую отсутствующую реальность?

Это было скорее очищение и снова наполнение самого себя. Его наука заключалась в точности, с какой он видел человека, и в способе, каким ему помочь: достаточно медленно, чтобы не разрушить вас целиком, достаточно быстро, чтобы держать вас в состоянии удивления, потрясения, муки, шока, огорчения и наслаждения от владения всеми своими потенциальными возможностями».

Гурджиев говорил о своем учении: «Я никак не могу продвинуть вас дальше, я могу только создать условия, в которых вы сможете продвинуться».

Как Сен-Жермен и Калиостро, Гурджиев учил, что имеются возможности избегнуть индивидуальной смерти, и этот способ — психологически объективное продолжение индивидуальности, постоянное рождение собственного «я», которое все громче заявляет о себе в нашем сознании. Гурджиевф полагал, что в этом и заключается высшая скрытая мудрость алхимии.

«Бессмертие, — говорил Гурджиев, — возможно, ведь у возможности гораздо больше вероятностей, чем у действительности».

Даже мертвый Гурджиев производил сильнейшее впечатление — устроитель похорон, который не знал Гурджиева при жизни, был настолько поражен достоинством и благородством, которое излучало даже само тело усопшего, что не мог сдержать рыданий у открытой могилы Гурджиева.

G. Gurdjieff: All and Everything, Beelzebub's tales to his grandson, or „an objectively

impartial Criticism of the life of man", London 1973
Fritz Peters: Gurdjieff remembered, New York 1971
Margaret Anderson: The unknowable Gurdjieff, London 1973
P. D. Ouspensky: Auf der Suche nach dem Wunderbaren, Weilheim 1966

Мадам Блаватская: нет религии выше истины

Если бы Блаватская родилась не в XIX веке (1831—1891), *а, скажем,* в XV или XVI, горсть бы ей на костре как ведьме. Ее огромные голубые, будто из Атлантиды, глаза буквально горели огнем, а когда она подходила к людям, наполнялись таким необыкновенным сиянием, что многочисленные поклонники и поклонницы Блаватской, следовавшие за ней по пятам, говорили о ней скорее с ужасом, чем с восхищением. После смерти Парацельса вновь появился человек, который мог управлять стихийными духами — феями, нимфами, сильфами, саламандрами.

Госпожа Блаватская. В Индии ее сравнивали со священным животным — бегемотом

Была зима, на дворе стоял лютый мороз — Блаватская открыла окно комнаты, выгнулась из окна, приветливо поманила — и вот, в комнату уже влетела бабочка, описала круг под потолком и затем растворилась в воздухе.

Блаватская унаследовала от своих родителей поразительную способность устанавливать контакт с мирами, которые находятся вне нормального человеческого разума. Мать Блаватской, дочь русской принцессы и тайного советника, также умела заставлять духов материализовываться вблизи и много раз подвергалась процедуре изгнания дьявола. Чтобы не повторить судьбу матери, Елена Петровна Хан фон Роттенштайн в возрасте 17 лет вышла замуж за 60-летнего генерала Блаватского — вице-губернатора провинции Ереван на Кавказе, но затем вскоре оставила его.

Следующие 25 лет Блаватская путешествовала по всему миру, она беседовала с индийскими мудрецами, отыскивала тайны египетских пирамид, *с вооруженным эскортом* проникла в самое сердце Африки и даже попала в недоступный в те времена для европейцев Тибет.

Рассказывают, что за это время она успела и выступить на арене цирка как наездница, и в мужском военном мундире сражалась в рядах итальянских партизан за освобождение Италии от французов.

В 1873 году Блаватская покинула Старый Свет и покорила Новый. В Америке тех лет процветал спиритизм, так что мадам Блаватская обрела

Один из таинственных тибетских гуру

вскоре сонм поклонников. В отличие от американских медиумов, которыми управляли вызванные ими духи, Блаватская, напротив, сама контролировала духов, которых она вызывала. При этом Блаватская не зависела при вызове духов, как американские медиумы, от определенной обстановки — она могла вызывать их когда и где хотела, при этом речь шла далеко не только о белых бабочках.

Долгие годы путешествий по Старому Свету сделали из средневековой ведьмы восточную верховную жрицу. Американские спириты мало что могли ей противопоставить, они предпочитали виться вокруг Блаватской, надеясь быть инициированными ею, причем сама Блаватская скорее предостерегала их от этого, нежели поощряла. Она предупреждала полковника Генри Стила Олкотта, с которым впоследствии основала Теософское общество: «Подумай, Генри, прежде чем бросаться очертя голову в это дело. Еще есть время одуматься. Если ты примешь письмо, которое я тебе написала, и примешь звание неофита, то тебе придется повариться, мой друг. На тебя обрушатся искушения и испытания. Подумай, что я сама семь лет билась в тенетах, пока дух мой не просветлел. На тебя обрушатся все опасности, тебе придется вступить в борьбу со всеми воплощенными демонами и целым сонмом чертей, так что еще раз хорошенько подумай, прежде чем принять решение».

Но полковнику Олкотту больше всего на свете хотелось «свариться», чтобы уйти от скуки жизни, как поясняет биограф Блаватской Джон Саймондс.

Верховная жрица стала к этому времени уже солидной дамой, на лице которой оставили следы все приключения, которые выпали на ее долю. Она дымила как паровоз, к большому неудовольствию светского общества, в котором она вращалась, не отказывалась от удовольствия вызвать различные видения, накурившись гашиша, и была весьма скептически на-

Эмблема Теософского общества

строена как к институту брака, так и к сексу вообще. Брак делает женщин рабынями, говорила она, а что до секса, то она желала ему провалиться в тартарары и проповедовала смирение «животных желаний». Но даже критики Блаватской были заворожены взглядом ее огромных голубых глаз, одна скромная американская учительница, которой довелось жить на том же этаже, что и Блаватская, признавалась, что в ее присутствии чувствовала себя, как будто рядом работала мощная динамомашина.

К себе Блаватская относилась с большой долей самоиронии — когда она позднее как-то посетила Индию, она была приятно удивлена, что индийцы с терпением и вниманием слушали лекции «старого западного бегемота» о тайнах их собственной культуры. Иногда госпоже Блаватской не вполне удавалось сконцентрировать свои внутренние силы, и она давала волю своему гневу. Дважды Блаватской удалось победить смерть: она поднималась со смертного одра и вновь принималась за работу.

Она хотела создать предпосылки мировой религии, в которой нашли бы себе место все религиозные течения.

Блаватская лечила больных накладыванием рук и месмеризмом (прикосновением руки).

Самое большое свое сочинение «Исида без покровов» она написала в кратчайший срок в настоящем творческом порыве. В книге рассматриваются различные мировые религии, она заканчивается утверждением, что существует много путей раскрыть истину, которая лежит по ту сторону границы человеческого восприятия и ощущения. Бесконечная борьба религий друг против друга — источник однажды порожденной ошибки. Если бы удалось объединить различные системы друг с другом, тогда получившаяся в результате мировая религия представляла бы некую вечную истину. Именно этому была посвящена работа Теософского общества.

В представлениях госпожи Блаватской уже в конце XIX века проглядывается такое отношение человека к религии, которое должно было бы стать господствующим в XX веке: человек более не связан тесно с какой-либо определенной религиозной традицией, у него есть свобода изучать различные системы, предоставляя им возможность сосуществовать.

Различные религии — это еще не сама истина, а только попытка постигнуть истину.

Отсюда замечательная фраза Блаватской: «Необходимо правильно воспринимать объективные факты, что

бы в конце концов открыть для себя, что единственный истинный мир субъективен».

H. P. Blavatsky, Isis unveiled, California 1972
John Symonds, Madame Blavatsky, London 1959

Кэрролл: одному — Мартовский заяц, другому — шляпный мастер

Лири, Вацлавик и другие эксперты показали, что у левшей более развито аналоговое, нелогическое, мышление и видение. Такое своеобразие ведет, с одной стороны, к активному асоциальному поведению, с другой же стороны, левшам легче удаются прорывы в подсознательные области человеческого духа.

Одним из самых известных левшей был профессор математики и логики в Оксфордском колледже

Кэрролл — тонкие шутки, касающиеся пространства и времени

Знал ли Кэрролл тайны магических грибов друидов и «загадочную страну» символов? Иллюстрация к книге «Алиса в Стране Чудес»

Христовой церкви и диакон англиканской церкви Чарлз Лютвидж Доджсон (1832—1898), более известный под своим литературным псевдонимом Льюис Кэрролл.

Школа в Рэгби была известна своей строгой дисциплиной, мальчикам запрещали писать левой рукой.

Но детям планеты Земля невероятно повезло — это правило «односторонней доминантности», как назвал его Лири, не затронуло великого мастера — он остался левшой и оригиналом.

Вместе со своими коллегами (сюда входили и студенты, и учителя) Кэрролл пытался дать вежливый, но стойкий отпор этим пусть анонимно установленным, но очень строго соблюдавшимся абсурдным правилам. Кэрролл вообще держался несколько в стороне, что принесло ему репутацию неотзывчивого, угрюмого человека.

«Дети, похоже, были его единственными друзьями, — пишет Энценсбергер, — только среди них

Фотография Алисы Лидделл, музы-нимфы Кэрролла

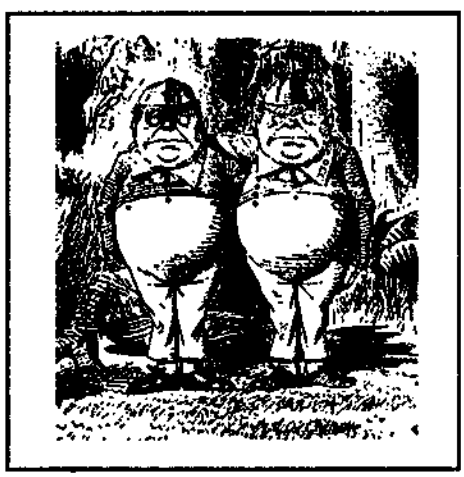
он чувствовал себя раскованно и становился неподражаемым остроумным рассказчиком, выдумкам которого не было конца».

Правда, добавим: когда Кэрролл говорил «дети», он вкладывал в это понятие только юных девочек, общество которых скрашивало ему всю жизнь.

Своим «лолитам» Кэрролл писал длиннейшие письма, приглашал их на чай и фотографировал их в романтических позах и костюмах.

Больше всего он любил фотографировать «нимфочек» нагими, естественно, с разрешения мамаш.

Но, в отличие от набоковского Гумберта — героя романа «Лолита», любовь Кэрролла к девочкам была абсолютно платонической: десять миллионов поцелуев, которые он посылал своим маленьким девочкам, содержались только в письмах.



Во второй книге про Алису Кэрролл рассказывает еще более причудливые истории: близнецы Труляля и Тралляля, которых Алиса встречает за зеркалами, живут в одном и том же доме, но каждый утверждает, что это — его собственный дом. Труляля не только «логический» противник своей другой половины, он дает Тралляля всегда только свою левую руку, в то время как Труляля все делает наоборот

Одна из таких девочек, ее звали Алиса Лидделл, особенно очаровала Доджсона. В ней он вновь обрел то существо, которое явилось ему однажды на выставке в Лондоне среди многолюдной толпы в образе «совершенно неземной красоты». Именно ей он посвятил свою первую историю «Приключения Алисы под землей».

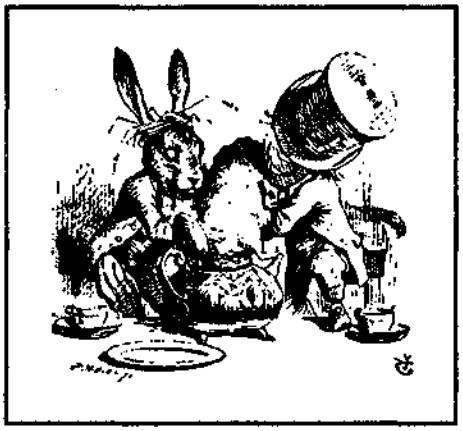
В 1864 году на столе среди рождественских подарков Алиса обнаружила написанную каллиграфическим почерком книгу, которая стала впоследствии одной из самых популярных детских книг.

Причудливые рассказы о путешествиях Алисы в Стране Чудес и в Зазеркалье задают больше загадок взрослым, чем детям.

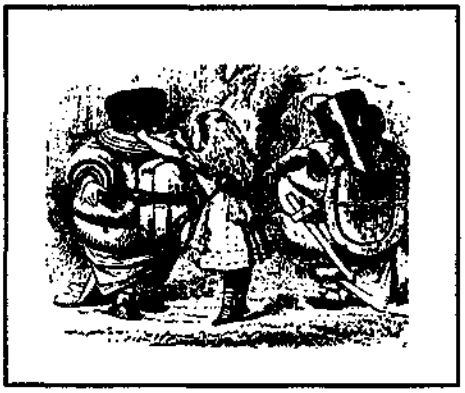
То, что одним казалось всего лишь забавными выдумками для детей, для других стало предметом научных штудий. Две книжки о приключениях Алисы исследовались и трактовались и с точки зрения скрытых в них политическо-исторических, аллегорических и психологических подоплек.

Лишь в новейших работах указывается на то, что Кэрролл во многих местах обнаруживает как точное знание психоделитического действия мухомора (растущего и в Англии), например, в главах первой, второй и пятой «Алисы в Стране Чудес», так и знакомство с вызывающими видения и галлюцинации методами зеркаломатики (науки о зеркальных отражениях, смотри, например, Ди).

Известно также, что Кэрролл занимался панорамными явлениями и феноменами «автоматического письма». В 20-х годах XX века сюрреалисты, группировавшиеся вокруг Бре-



Мартовский заяц (символизирует иррациональное в человеке) окунает вместе с шляпником (он — олицетворение рационального) сою (человеческое сознание) в чайник с «горячим чаем», пытаясь искусственно соединить вечные противоречия человека и хотя бы на короткое время пробудить человеческий дух



Когда Труляля и Траляля вместе пьют «чай», обе половины вступают в вечный спор друг с другом, постоянно опасаясь, что другой отрубит ему голову

тона, вновь использовали метод «автоматического письма», чтобы вызвать из спящих глубин бессознательного не контролированную сознанием возможность самовыражения.

Каламбуры, новые изобретения в области словотворчества, новые словосочетания сделали Кэрролла одним из первых экспериментаторов в этой области.

(Можно только догадываться, испробовал ли Кэрролл известные ему отечественные растения, обладающие наркотическими свойствами и действием, на самом себе.)

Помимо не потерявших свое значение первостепенных психологических анализов, Мартин Гарднер видит тайну книг об Алисе в том, что в изощренных эзотерических картинах Кэрролл спрятал свое собственное, имеющее мало общего с христианским видение Вселенной (Гарднер называет его «языческим»): «Жизнь, если посмотреть на нее рационально и без иллюзий, представляется не более чем абсурдной историей, которая рассказывается слабоумным математиком. Когда наука докапывается до сути вещей, она обнаруживает там лишь нескончаемый сумасшедший танец черепашьих волн и грифоновых частиц. В какой-то момент частицы и волны сплетаются в гротескном, сложном мозаичном танце, способные при этом отдавать себе отчет в собственной абсурдности. Все мы живем абсурдной жизнью, необъяснимым образом приговоренные к смерти.

Когда мы пытаемся выяснить, что хотят власти, один бюрократ посылает нас к другому. При этом у нас нет никакой уверенности, что граф Вест-Вест — владелец замка — вообще существует».

Бесчисленные тонкие шутки Кэрролла по поводу относительности времени и пространств (например, в сцене безумного чаепития в «Алисе в Стране Чудес») и его намеки на пу-

тешествие во времени (например, в 23-й главе его повести «Сильвия и Бруно»), в которых он опережает идеи Уэллса, Гурджиева, Эйнштейна и Лири, делают этого невысокого ростом человека, чьи голубые глаза были как-то несимметрично расположены на лице и который всегда встречал посетителей странной усмешкой, пионером в области исследования человеческого сознания. Он сместал, казалось бы, стойкие границы наших представлений и открывал новые пространства представлений, можно сказать, что Кэрролл был предтечей важнейших открытий в современной философии и физике.

Смысл жизни для Кэрролла, который, подобно Гераклиту, видел в детях высшие и мудрые существа, заключался в любви.

Самое лучшее стихотворение, написанное им, напоминает тексты битлов и других вдохновленных музыкантов наших дней:

Потому что я думаю, что это — любовь,
Потому что я чувствую, что это — любовь,
Потому что я уверен, что это — любовь.

Werke von Lewis Caroll:
Roger L. Green (Hrsg.): The diaries of Lewis Caroll, 2 Bände, Cassell 1953 (ausgerechnet längere Ausführungen von Caroll zu seinem Verhältnis zu „den kleinen Mädchen" sind ausgelassen)
Symbolic Logic/Game of Logic, New York 1958
Pillow Problems and a Tangled Tale, New York 1958
Alice im Wunderland (Nachwort von Christian Enzensberger) / Alice hinter den Spiegeln, Frankfurt/Main 1963
Briefe an kleine Mädchen, Frankfurt/Main 1966
Die Jagd nach dem Schnark, Frankfurt/Main 1968
Deutungen zum Werk von Caroll:
Phyllis Greenacre: Swift and Caroll, International Universities Press, 1955 (die interessantere von mehreren Studien aus psychoanalytischer Sicht)
Martin Gardner (Hrsg.): The annotated Alice, New York 1960 (eine hervorragend komentierte Werksausgabe)

Распутин: человек с семью жизнями

Какое бы жизнеописание Распутина мы ни взяли, мы обязательно найдем тенденциозные, чаще всего негативные оценки этого человека, родившегося в 1876 году в крестьянской семье, в роднe которой были сибирские шаманы.

В зависимости от целей жизнеописания его делали то демоном и вампиром, то черным магом, который строил злые козни, то сладострастным монахом, служившим дьяволу, а то и самим дьяволом.

Денис Уитли, например, в ужасе рассказывает об обмене поцелуями между Распутиным и царем и царицей, как будто он был прокаженным или как будто его происхождение от крестьян и шаманов делало его проклятым (а ведь род шаманов более благородный род, чем род Романовых). Уитли содрогается, когда пишет, как Распутин, этот «немытый монах» с «грязными ногтями», хотел «удовлетворить свою похоть, прикасаясь к царице и ее юным дочерям».

Как и многие другие, Уитли видит во влиянии Распутина на царскую семью причину начала русской революции. А есть авторы, которые представляют Распутина даже немецким шпионом.

Местный поп из зависти к его славе и популярности у простого народа как целителя и святого человека донес на Распутина церковным влас-

Распутин — кудесник из Сибири

тям, что тот якобы принадлежал к тайной секте хлыстов, отмечал церковные праздники похотливыми оргиями.

Распутин не был аскетом — о своих многочисленных любовных похождениях он говорил открыто, да и ценимый им принцип (максима) «все живущее свято» указывает на его достаточно светскую и терпимую позицию, но в то, что он будто бы заставлял нагих женщин танцевать вокруг огня, а потом раздавал их стоявшим вокруг мужчинам со словами: «Грешите, только через грех вы можете стать святыми», — не верил даже местный архиерей. В молитвенных собраниях Распутина нет ничего необычного, считал архиерей, который, впрочем, сам мог принадлежать к кругу его приверженцев.

Распутин иногда подолгу находился при императорском дворе: дело в том, что он трижды непонятным для окружающих образом останавливал кровотечение цесаревича, который был болен гемофилией.

Естественно, что царская семья чувствовала себя обязанной Распутину и приглашала его ко двору и по другим поводам.

Придворная камарилья не могла простить Распутину совет, данный им царю — держаться подальше от войны на Балканах.

Когда в июне 1914 года был убит в Сербии австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, имевший влияние на царскую семью, Распутин был единственным человеком, кто бы мог отговорить царя от вступления в войну и тем самым избавить (уберечь) мир от первой мировой войны, но как раз в это время на Распутина в его родной деревне (случайно?) было совершено нападение, в результате которого он был опасно ранен.

Как показали исследования Колина Уилсона, покушение на Распутина было совершено не только в тот же день, когда был убит Франц Фердинанд, но, пожалуй, даже в тот же час (с пересчетом поясного времени).

В 1916 году у Распутина возникло предчувствие своей близкой смерти, и в одном из писем он так же точно предсказал свою смерть, как в свое время Калиостро предсказал начало революции во Франции.

Если меня убьют крестьяне, писал Распутин, то Россия останется еще на сотню лет цветущей монархией, но если меня убьют дворяне, то царь и его семья погибнут в ближайшие два года!

Князь Юсупов позаботился о том, чтобы сбылась вторая часть предска-

зания — он пригласил Распутина в свой дом отведать вина и пирожных. В пирожные Юсупов положил цианистый калий, но он не оказал быстрого действия, и князь для верности выстрелил в Распутина.

Когда он вместе с другими заговорщиками вернулся, чтобы забрать труп, то с ужасом увидел, что Распутин встал и пытался взломать дверь во двор. Юсупов снова выстрелил в него, но поскольку Распутин все еще обнаруживал признаки жизни, заговорщики добили его окончательно, как они думали, ударами железной палки.

«Мертвое» тело Юсупов сбросил в реку. Однако, как показало позднее медицинское обследование, Распутин в итоге утонул!

Так что можно сказать, Распутин взял верх над Юсуповым, которого долгое время таскали по судам, не веря его рассказам об убийстве.

Colin Wilson: Rasputin and the Fall of the Romanovs, London 1964
Dennis Wheatley: The Devil and all his works, London 1971

Г.Ф. Лавкрафт — один из первых психонавтов, пытавшихся исследовать невидимую сторону Луны (рисунок Нейла Остина в книге «Знаменитые фантастические мистерии»)

Говард Филипс Лавкрафт: путешествие к обратной стороне Луны

Лавкрафт (1890-1937) был единственным ребенком в семье и вырос практически без отца (когда мальчику было три года, отца поместили в больницу для умалишенных).

Почти всю свою жизнь Лавкрафт не покидал родного города Провиденс в штате Род-Айленд, за исключением двух лет, которые он провел (с 1924 по 1926 год) в Нью-Йорке после женитьбы. Он постоянно находился под опекой своей неврастеничной и пугливой матери (в 1921 году она умерла в доме для нервнобольных). Он жил в унаследованном от деда доме с двумя тетками жизнью эксцентричного чудака, работал, как правило, по ночам, а если и днем, то с тщательно занавешенными окнами; правда, иногда он совершал многодневные прогулки по девственным лесам Новой Англии, которые приводили в восхищение также Юнга и Фрейда во время их совместной поездки в Америку в 1909 году.

Во многих своих историях Лавкрафт высказывает предположение, что Землю в доисторические времена посетили представители чужой расы («серое, слизистое — порождение звезд»), что делает его предтечей те-

ории пришельцев из космоса, наиболее известным представителем которой является швейцарский писатель Эрих фон Деникен.

Современная литературная критика ставит его «наравне с великими мастерами американского рассказа ужасов Эдгаром По и Амброзом Бирсом». Джоржио Манганелли называет его «не визионером, а хронистом ужаса», «хронистом глубин подсознания, который находил удовольствие в изобретении мифологии, или псевдомифологии, описывая закрытые, тотальные миры».

Этот иной мир, скрытый от обыденного сознания, и составлял внутренний мир Лавкрафта, это был мир его грез, который он называл «невидимой стороной Луны». Эти миры ужасали и одновременно притягивали его. «Когда, — пишет критик Манганелли, — Лавкрафт, как беззастенчивый и достоверный хронист описывает те чудовищные лики, которыми наполнено его бытие, он описывает на самом деле того единственного, уродливого монстра, в общении с которым у него есть немалый опыт, а именно — себя самого».

Вечная борьба между человеком и его демоном — между «я» и подсознанием (иллюстрация Ханнеса Бока к рассказу Лавкрафта «Модель Пикмана», 1951)

Лавкрафт писал, чтобы оставаться в «бодрствующем мире», на уровне реальности этого пространства и этого времени, не спал сутками, чтобы сознательно избегнуть сна и тем самым своих сновидений; постоянная работа над словом дала потрясающий литературный результат — помимо собственных рассказов, помимо корректуры бесчисленных присылаемых ему на рецензию манускриптов, он написал более ста тысяч писем!

То, что Лавкрафт обнаруживал, проникая внутренним взглядом в темную, «спящую», алогичную, «женскую» половину нашего мозга, он делал снова и снова повторяющейся темой своих великих космических историй ужасов: бесформенный хаос, за который ратуют вызванные гением Лавкрафта слепые, безмолвные, мрачные и бездушные демонические божества мифа Чулу.

В своих историях Лавкрафт уже выразил в символической и поэтической форме в настоящее время живо обсуждаемый в научной среде тезис о подавлении функций нашего правого полушария мозга «рационально-логически» ориентированным левым полушарием.

«Все мои истории, какими бессвязными бы они ни казались, основываются на исходной предпосылке или легенде, согласно которой этот мир прежде был населен иной расой,

Эдгар Аллан По — портретист темных сновидений

которая, упражняясь в черной магии, потеряла почву и была вытолкнута из этого мира, но все еще живет (в правой половине мозга?) и готова в любой миг вновь оккупировать землю».

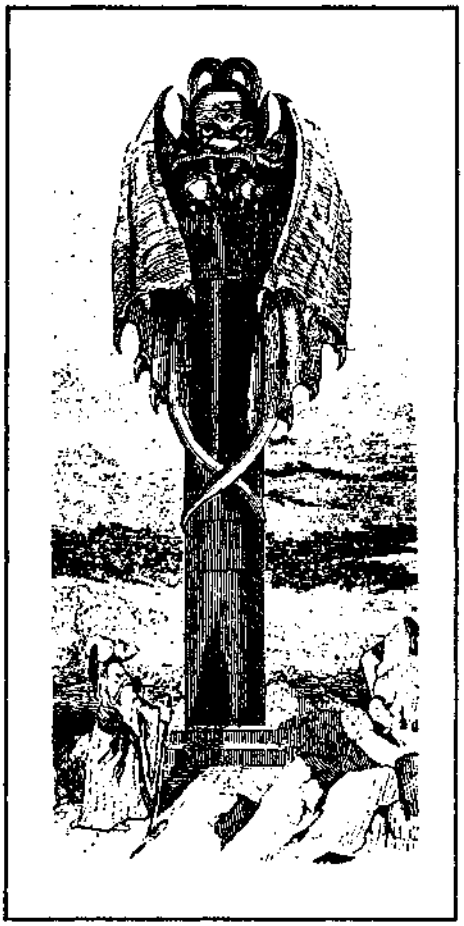
Чтобы упорядочить хаос внутри себя, чтобы придать какую-то структуру всему бесформенному, угрожающе-засасывающему, подстерегающему, пожирающему, Лавкрафт гениально проецирует архетипические составные части своего гонимого страхом «я» на героев своих фантастических миров.

Его биографы, например известный автор фантастических и приключенческих рассказов Спрег де Камп, считают, что герой многих историй Лавкрафта Рандольф Картер — это идеализированное представление автора о себе самом — несколько оторванном от жизни, очень ученом, аристократическом холостяке из Бостона, который владеет древним и «запретным» знанием. Разница между Лавкрафтом и Картером в двух весьма существенных обстоятельствах: у героя достаточно денег, чтобы вести жизнь джентльмена, и (любопытная деталь, говорящая о скрытых желаниях автора) одно время он служил во французском иностранном легионе.

В другом герое историй Лавкрафта — бывшем художнике, опустившемся до пожирателя трупного мяса, Ричарде Антоне Пикмане — без труда можно увидеть внушавшее страх писателю животное начало, «человека-зверя».

Король сновидений Куран, который в стране грез навсегда придумал

Лами и мертвец. Если в восточной мифологии описываются святые люди, живущие за счет того, что едят трупное мясо, то в литературе Старого Света они теряют свой благородный контур и становятся героями бесчисленных рассказов о вампирах (Dict. Infernal.)



Рассказы Лавкрафта населены демонами — некромантьяками, пришедшими якобы со страниц арабских рукописей. На самом деле в основу этих рассказов положены легенды Ближнего Востока о злых духах джинах. (На рисунке — злой джин Дасмуш из «Тысячи и одной ночи» в переводе Густава Вайля, 1865)

себе кусочек викторианской Англии и взамен за это вынужден был в реальном мире дать умереть своему земному телу после приема большой дозы наркотиков, — еще одна ипостась Лавкрафта — его желание после нынешнего смертного бытия попасть в рай чистого духа.

При анализе новелл Лавкрафта бросается в глаза, что в потоке его повествований женский элемент существа почти полностью отсутствует, а если и появляется, то лишь в образе губящих, сталкивающих героев в пропасть злых вампиров и ведьм.

Более или менее нейтральное описание женской сущности находим лишь при упоминании о каменном сфинксе или иных загадочных существах (полулюдях-полуживотных), либо когда автор рассказывает о кошечке, спящей у ног героя.

В той мере, в какой Лавкрафт очищает свои сновидческие мифы от всего женского, в той же мере он заставляет женский принцип — разумеется, только в негативно описываемых ситуациях — в вечном противнике, отраженном в образе и душе своих героев, противостоять «трансвестическому богу Ниарлатотепу». Ниарлатотеп олицетворяет бесформенный, неупорядоченный хаос, из которого могут родиться любые страшные формы и фигуры.

Этот безотчетный ужас, который По символизирует в виде Мальстрема или водопада, проглотившего Артура Гордона Пима, по Лавкрафту гнездится в безднах Вселенной, в бездонных глубинах, где «в чумном облаке в центре бесконечности восседает демонический Азатот (как его последнее, совершенно не структурированное прежнее ego), он бродит в непостижимо темных покоях по ту сторону времени и вечно подстерегает свою жертву».

В ключевой новелле «Загадочный Кадат и его сновидения», пожалуй, самой блистательной из ранних рассказов, в которой темные миры сно-

видений Лавкрафта и демонические образы мифа Чулу счастливым образом соседствуют с причудливыми фантазиями «Тысячи и одной ночи» Дюнзани, возводимыми Лавкрафтом в своего рода «космическую порнографию», — все приходит к конфронтации противоречий и их алхимическому разрешению.

Картер — рыцарь, отправившийся на поиски Грааля, который полагает найти в загадочном городе заката солнца, где живут боги Земли, — надолго опускается в подземные глубины другого «я» Пикмана и здесь вступает в союз со стоголовым Гулом и ночным чудовищем Гонтом, похожим на летучую мышь. С их помощью он побеждает агентов и сторонников Ниарлатотепа и, наконец, — без своей страшной свиты — вступает как «свободный и могучий властитель всех мечтателей» в замок Кадат, высеченный из оникса.

Таким образом, Лавкрафт заставляет своего героя Картера пройти тот путь, который намстил Алистер Кроули для всех искателей истины. Путь в небо ведет через ад! Или, как выразился Мангаселли, «ад — это основная карта, по которой читаешь масштабы Вселенной».

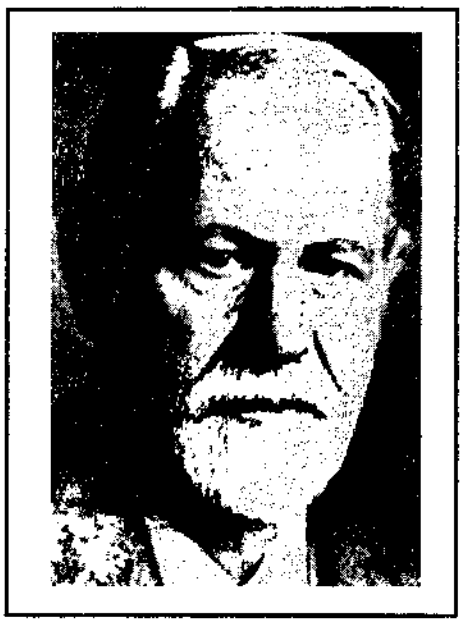
Этот будто бы предполагаемый антагонист Картера — Ниарлатотеп, — который в маске «молодого фараона», «со всем волшебным очарованием, исходящим от темного бога, или падшего архангела», примиряется с искателем типа Фауста Картером, отсылая его назад в принадлежащий ему мир людей, где уже давно неплохо живется богам, хорошо замаскированным и уставшим от холодной вечности их мраморных дворцов.

Получив такой совет, Картер (а возможно, и сам Лавкрафт?) должен был выдержать еще самое трудное испытание — он должен был избавиться от искушения ринуться в бездну безумия, где человек освобождается от всех своих обязанностей и от себя самого и где он полностью отдается дьявольскому Азатоту, и перестать прислушиваться к зову «омерзительных барабанов и пустому, монотонному вою флейт»!

Von H. P. Lovecraft sind in deutsch erschienen:
Cthulhu Geistergeschichten (Übersetzung Manganelli), Frankfurt/Main 1972
– Stadt ohne Namen. Frankfurt/Main 1973
– Berge des Wahnsinns. Frankfurt/Main 1975
– Der Fall Charles Dexter Ward. Fankfurt/Main 1971
– Das Ding auf der Schwelle (Nachwort von Kalju Kirde).
Frankfurt/Main1976
– Die Traumfahrt zum unbekannten Kadath. Stuttgart 1980
August Derleth/Donald Wandrei (Hrsg.): H. P. Lovecraft, Selected Letters I–V, Sauk City, 1965
L. Sprague de Camp: H. P. Lovecraft, New York 1975
Abdul Alhazred: The Necronomicon, New York 1977, Avon Books (eine der besser gemachten Ausgaben des von Lovecraft erdachten „schrecklichen" Zauberbuchs des „wahnsinnigen" Arabers Alhazred)

Зигмунд Фрейд: влечения — всего лишь иная форма проявления сознания (и наоборот)

Зигмунд Фрейд (1856—1939) вошел в анналы науки как основоположник психоанализа, исследователь бессознательного. Пара противоположностей: сознательное и бессознательное, разум и влечение, дух и природа, или как бы их еще не обозначить, сами по себе являются результатом



Зигмунд Фрейд — основоположник психоанализа

исторического развития Западной Европы с эпохи Просвещения или с начала буржуазной истории. Об открытии бессознательного можно осмысленно говорить лишь на фоне этого разделения Разума и Природы, которое в буржуазном обществе достигло таких масштабов, какие едва ли можно обнаружить за пределами европейской истории.

Представление, которое сегодня вполне общеприемлемо, в средние века, однако, или во внеевропейских культурах не являлось ни в коей мере само собой разумеющимся и не принимается сейчас.

В буржуазном обществе внутренняя природа человека, равно как и внешняя природа, становится противоречащим господству духа хаосом, который необходимо укротить.

Заслугой Фрейда является исторический компромисс: столь проклятую природу, влечения, которые властвуют над людьми, снова вернуть (подчинить) себе, что во фрейдистской терминологии звучит так: где было «оно» (то есть природа, влечение, бессознательное), должно быть «я» (то есть сознание и познание).

Психоанализ как терапевтическая техника, которую Фрейд развил в последнем десятилетии прошлого века, в своих истоках многим обязан магической практике гипноза и внушения. Успехи внушения оказались, однако, не слишком долговременными, и тогда Фрейд разработал метод, с помощью которого психоаналитик постоянно лишает пациента возможности искать причину своих страданий в зле внешнего мира, а обращает его внимание на самого себя и тем самым на древнюю мудрость «познай самого себя». Среди ученых нет единого мнения по поводу того, насколько это самопознание преодолевает господство разума над страстью или хотя бы, по крайней мере, даст возможность перенести их противостояние.

Как никакому другому ученому, Фрейду удалось темные, иррациональные стороны человеческой психики поднять до сознания самой науки и заявить об их праве.

Понимание того, что то, о чем человек думает, и то, что движет им в поступках, могут быть различными моментами в одном процессе, Фрейд должен был всю жизнь упорно отстаивать перед «научностью», которая стояла на том, чтобы рассматривать мир как математический расклад.

Sigmund Freud, Gesammelte Werke, London 1952

Карл Густав Юнг: архетип заявляет о себе

Еще при жизни профессор Карл Густав Юнг (1875—1961), сын швейцарского священника, психиатр, психотерапевт и основатель «Аналитической психологии», как провозвестник и пророк «действительности души» стал для молодежи, примыкавшей к движению андерграунда, так же как и Герман Гессе, предметом культа и поклонения.

Научные открытия, труды и воззрения Юнга реформировали современное учение о неврозах и психотерапию и произвели глубочайшие изменения и в других отраслях науки.

Несмотря на то, что научный вклад Юнга несомненен, недаром он был почетным доктором шести университетов, мистическо-трансцендентальный налет, присущий его трудам, нередко вызывал весьма суровую критику. Для ортодоксов Юнг оставался визионером и мистиком. Всю свою жизнь он посвятил изучению темных уголков бессознательного, плохо контролируемых рациональными началами в человеке, и в этом отношении был подобен Лавкрафту.

И. В. Гёте — «дедушка» Юнга

К.Г. Юнг

Кстати сказать, это влечение было традиционным для семьи — дед Юнга по материнской линии, как говорили, общался с духами, хотя и возглавлял протестантскую общину Базеля, а дед по отцовской линии был гроссмейстером всех масонов Швейцарии, посвященным в эзотерические тайны. К тому же поговаривали, что он — внебрачный сын Гёте, и сам Юнг намекал на это в своих беседах с Фрейдом.

Мать Юнга могла, выполняя какую-то работу по дому, внезапно впадать в транс и издавать странные слова и звуки, как пифия. Эта «демоническая мать, которая в своем эк-

Беседы дьявола с девушкой. Иллюстрация взята из книги знаменитого Колена де Планси «Словарь инфернальности», но герои книги Юнга «Филемон», наверное, выглядели примерно так же

Юнг с психиатром и мастером психоанализа доктором Отто Гросом. Грос считал, что подавление в себе сексуального начала благотворно влияет на усиление элемента сознания в человеческой психике. По совету Фрейда, Юнг в течение двух недель непрерывно расспрашивал и подвергал психоанализу поведение и мысли Гроса. Тот не выдержал наконец такого психологического марафона и сбежал из клиники Бургхольци

зальтическом состоянии могла беседовать с духами и астральными телами», в огромной степени повлияла на духовное развитие своего сына, как считает один из его биографов Пауль Штерн. «Фигура матери — женщины и ведьмы-гарпии — была для него разными ипостасями одного и того же существа, она позволяла заглянуть в самую глубокую из пропастей человеческого духа, эта пропасть и страшила, и тянула его».

Уже в четыре года Юнгу приснился сон, который уверил его в приобщенности к сокровенным тайнам Земли, как он признавался впоследствии. Лишь в возрасте 65 лет Юнг описал подробности этого сна, в котором ему открылись картины, столь привычные нам по рассказам Лавкрафта, и которые преследовали его всю жизнь:

«Я оказался в царстве тьмы. Вначале я ничего не видел, но меня неудержимо влекло попытаться рассмотреть, что же меня окружало. Я увидел каменную лестницу, которая вела куда-то вниз. С большой осторожностью я начал спускаться по ступеням. Внизу оказалась арочная дверь, прикрытая зеленым занавесом. Занавес был большим и тяжелым, он был соткан из струящегося узорчатого материала вроде парчи. Мне было ужасно любопытно, что же могло скрываться за занавесом, так что я отодвинул материю и увидел в сумеречном освещении длинную, метров десяти, прямоугольную комнату.

Изогнутый потолок был сделан из камня, и пол был также покрыт каменными плитами. По центру комнаты, от входа до невысокого помоста, был выложен красный ковер, на котором стоял богатый золотой трон. Я не помню наверняка, но, пожалуй, на троне лежала красная подушка. Надо сказать, что трон был потрясающе роскошным, это был настоящий королевский трон! На трон опиралось нечто огромное, оно доходило почти до потолка. Вначале я подумал, что это — ствол дерева, ведь оно было в поперечнике до шестидесяти сантиметров, а высотой — метров до пяти.

Но, присмотревшись, я понял, что это не может быть деревом, ведь все это странное образование было комом живого мяса, покрытого кожей, сверху оно венчалось чем-то вроде головы без лица и волос, только на самой макушке можно было рассмотреть один глаз, который неотступно смотрел вверх...»

Битва героя с драконом — вечная схватка индивидуума с теми мрачными неизведанными тайнами души, которые хотят побороть его

Мысль о том, что это нечто подобное «червяку в склепе» может броситься на него, обратила ребенка в панику, многие годы спустя воспоминание об этом сне повергало Юнга в трепет.

Еще ребенком Юнгу казалось, что он ведет двойную жизнь и что его вторая жизнь протекает вне современного времени в различных веках. Подчас ему представлялось, что он — школьник из XIX века и одновременно убеленный сединами могущественный князь из века XVIII, «который лично знаком с Богом как с таинственным и всемогущим существом».

В 1902 году Юнг написал диссертацию «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов». Материалом для нее послужили его личные впечатления, Юнг всегда предпочитал анализ того, что он пережил лично, всевозможным вторичным источникам, и поэтому активно черпал из материала, который ему в изобилии представляли сеансы, проводимые в доме его матери с девушками из круга родственников и знакомых.

Первые эксперименты в качестве навигатора в неведомых пространствах души Юнг назвал «великим опытом», который перечеркнул всю его прежнюю философию и позволил выработать собственную психологическую позицию.

В 1910 году Юнг был врачом в больнице для душевнобольных Бургхольци в Цюрихе и проводил здесь эксперименты по выявлению смысла в, казалось бы, совершенно бессмысленных и витиеватых высказываниях шизофреников. Он просил их называть определенные слова, которые будили у шизофреников вполне осмысленные ассоциации, эти эксперименты Юнга позволили положить конец доктрине, согласно которой тяжелые душевные заболевания представляют собой всего лишь органические заболевания мозга.

Эти открытия Юнга позволили найти пути к эффективному лечению. Юнг вступал в тесный душевный контакт со своими пациентами, и все его аналитические работы пронизаны атмосферой дружеского откровения, возможно, потому, что образ матери, общавшейся с духами, позволял лучше понимать душевнобольных и видеть в них нормальных людей, лишь с некоторыми отклонениями от стандартной психики.

В 1912 году произошел разрыв Юнга с Фрейдом, который до того видел в Юнге своего преемника. Это произвело тяжелейшее впечатление на Юнга, и он сам начал погружаться в те темные глубины бессознательного, где надеялся найти свое истинное «я».

Разочарованный во Фрейде и его учении, Юнг постоянно вызывает в своих видениях рогатое существо с хромой ногой — дьявола!

Это существо зовут Филемон, и Юнг сообщает о длительных беседах и диалогах с этой эзотерической фигурой. Контакт с Филемоном углубился настолько, что Юнг был готов почти признать его как физически реальное существо, с которым он беседует, гуляя по саду.

Столь же интенсивно, как с Филемоном, Юнг общался с женским духом; его он, правда, воспринимал скорее как нечто подобное демонической наложнице, что-то вроде духов Лавкрафта, нежели того духа, который он искал:

«Она поднимается из первородного ила, страшная, в сопровождении всех жутких и мрачных чудищ ада».

Юнг вел дневник, в котором день за днем записывал все свои видения. Эта работа пяти лет, которую он назвал «красной книгой», позволила ему вернуться из ада подсознания. Юнгу удалось научиться контролировать причуды своего мозга и найти баланс между рациональным и иррациональным. Это равновесие, названное им «индивидуация», стало центральным понятием психологии Юнга.

Подобно Тесею, который выступил против «пожирающего людей» Минотавра в лабиринте своей души и победил его, подобно Кроули, который цитирует демонов своего собственного «я», выступающих перед его внутренним взором, Юнг также является одним из тех мужественных рыцарей и алхимиков духа, которые, как мечталось ему в детстве, делали золото из духовных элементов, преодолевая в себе дракона и забирая у него «сокровища».

Будучи активным критиком Юнга, Пауль Штерн, однако, отдает должное именно этому аспекту личности психоаналитика и пишет:

«Мужественная и не безуспешная дуэль Юнга с «драконом» шизофрении — не что иное, как современная версия мифа о герое, который всю жизнь занимал Юнга. Юнг, провозгласивший себя защитником субъективности, в ходе этой дуэли вызывает из подсознания на свет объективного критического рассмотрения все темные уголки и извилины».

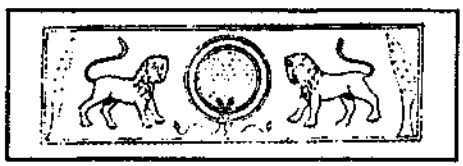
В сложной символике сочинений средневековых алхимиков Юнг обнаружил поразительное сходство с фантазиями и снами своих клиентов, а в языке символов и образов алхимиков он усматривает подтверждение своего тезиса о «коллективном бессознательном» и связанного с этим учения об общих для всех людей «архетипах».

Пауль Штерн пишет по этому поводу: «Юнг полагал, что алхимики бессознательные содержания своей душевной жизни проецировали в процессы, поэтому алхимия для Юнга стала огромным полотном проекции бессознательных процессов мышления, «чудесным подспорьем», которое поможет нам расшифровывать символический язык нашего подсознания».

Согласно Юнгу, эта наивная проекция, эта артикуляция протекает параллельно с материальными процессами, и дилетантские попытки превратить свинец в золото представляются более глубоким стремлением постичь тайны материальной и духовной природы — найти «философский камень». Мистическая химическая трансмутация была одновременно хождением души в поисках самой себя, ее попыткой облагородить и освободить себя от всего наносного,

лишнего, от того, что не даст металлу быть золотом. Бесконечные опыты с материей, переливание жидкостей из одной реторты в другую — на самом деле эксперимент с собственной душой, попытка ее кристаллизации.

C. G. Jung: Gesammelte Werke, (20 Bände), Zürich 1958ff.
C. G. Jung: Erinnerungen



Алистер Кроули, зверь 666

Алистер Кроули: любовь и сознание. Делай что хочешь

В этой подозрительно простой формуле — квинтэссенция всего учения Кроули. Трудности своих учеников, которые никак не могли понять смысл идеи «делай что хочешь», Кроули объяснял следующим образом: некоторые люди, хотя и кончали Оксфорд, не могут понять слов длиной больше одного слога, они умеют читать буквы, но не понимают смысла того, что видят на бумаге.

Идея «делай что хочешь» — это указание человеку искать в себе самом, что же он действительно хочет, искать точку приложения, в которой твое действие соответствовало бы твоему истинному желанию, твоим потребностям. Идея эта означает такой образ действий, при котором человек идентичен самому себе и, следовательно, миру, частью которого он является. Истинный мир — это такая степень сознания, когда человек действует не так, как получится, как «бог на душу положит», без рефлексий и осмысления, как полощется флаг на ветру, это — осознанное действие углубленного в себя и осознающего свое место человека. «Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда», — говорит Кроули. Он имеет в виду, что в каждом человеке есть искра божья, то есть потенция реализовать свою волю и стать сияющей звездой, полем притяжения.

Алистер Кроули основал на Сицилии Телемское аббатство, где вместе жили мужчины и женщины, посвятившие себя поиску своей истинной воли. Их задачей было найти себя по ту сторону всех тех структур, зако-

нов и искушений, которые царили в повседневности в 20-х годах в таких столицах мира, как Лондон, Париж или Рим. В Телемском аббатстве не было иного закона, кроме как «делай что хочешь»: люди спали, работали, мечтали и медитировали по строго установленным часам, следуя своим индивидуальным потребностям. Своим аббатством Кроули вновь вызвал к жизни идею, которую до него пытался реализовать Пифагор в южной Италии. Пифагор основал «институт», где мужчины и женщины жили вместе и работали над совершенствованием своей души.

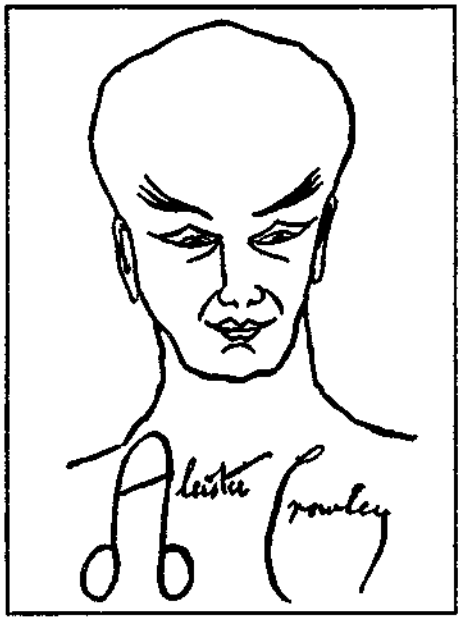
Примерно тысячу лет спустя подобную концепцию «антимонастыря» разработал в XVI веке французский гуманист Франсуа Рабле в своем романе «Гаргантюа и Пантагрюэль»:

«Монах попросил у Гаргантюа разрешения учредить свой собственный монастырь, не похожий на все остальные.

— В таком случае, — сказал Гаргантюа, — не следует возводить вокруг него стен, ибо все остальные аббатства окружены неприступными стенами.

— Само собой разумеется, — сказал монах, — и понятно почему: там, где спереди и сзади стоят стены, там и зависть, и ропот, и взаимные козни.

— А поскольку в иных монастырях существует обычай — в тех случаях, когда туда войдет женщина (речь идет о целомудренных и приличных), очищать место, по которому она прошла, — у нас будет постановлено, чтобы самым тщательным образом очищались те места, по которым случайно пройдет какой-нибудь монах или монахиня. И так как в монастырях все бывает размерено,



Причудливая подпись: Алистер Кроули

рассчитано и распределено по часам, у нас особым указом будут запрещены всякого рода часы и циферблаты, и все дела будут отправляться соответственно удобству и надобности, потому что самая великая потеря времени, какую я знаю, — говорил Гаргантюа, — это отсчитывание часов. Какая от этого польза? Нет ничего глупее, как руководствоваться звоном колокола, а не указанием здравого смысла и разума. Далее: так как в наши дни в монастырь поступают только женщины кривые, горбатые, уродливые, некрасивые, глупые, тупые, хворые и порченые, а из мужчин — только хилые, худородные, бездельники и никудышные...

— Кстати, — спросил монах, — на что годится женщина не добрая и не красивая?

Даже Кроули видел, что на мир человека очень часто бросают тень могучие демоны

— В монастырь, — сказал Гаргантюа.

— Правда, — ответил монах, — да еще рубашки шить.

— ...то у нас, — продолжал Гаргантюа, — будет установлено, что в наш монастырь будут принимать только красивых, хорошо сложенных и несварливых мужчин и женщин. Далее: так как в женский монастырь мужчины входят только украдкой и тайком, у нас будет предписано, чтобы женщины не имели права бывать там тогда, когда нет мужчин, а мужчины тогда, когда нет женщин. Далее: так как мужчины и женщины, по принятию их в монастырь, после годового послушничества насильно принуждаются оставаться там всю свою жизнь, то у нас будет установлено, что все принятые к нам мужчины и женщины имеют право уйти, когда им вздумается, вполне свободно и беспрепятственно».

Надо сказать, что концепция Кроули была более утонченной, чем у Рабле: он делил людей не на уродливых и никчемных, с одной стороны, и красивых и добрых, с другой, он считал, что в каждом человеке одновременно заложено и то и другое. Кроули дал в нью-йоркских газетах объявление, что ищет горбатых, одноглазых и хромых женщин, которые должны были в телемской обители превратиться в красивых и обладающих замечательной фигурой. И действительно, он нашел так несколько многообещающих возлюбленных, своих «scarlet women», как он их называл, с помощью которых он учился испытывать действие самой мощной из всех природных сил — любви — для алхимической трансформации сознания.

Принцип любви, вторую, наряду с «истинной волей», центральную формулу, Кроули обобщает в заклинании «love under will», то есть любовь под контролем воли, или «любовь с сознанием». Подобно своим предшественникам в области магии и мистики, Кроули открыл таким образом самую древнюю первоначальную силу мира, объединение противоречий, как алхимический принцип в объединении противоречий между мужчиной и женщиной. Реторта алхимика находится, как считает Кроули, не в лаборатории, она — само человеческое тело. Подобно идеям тантрических и даосистских школ в Китае и Тибете, для Кроули изготовление золота — это не смешивание металлов и прочих природных субстанций, а процесс, направленный на поиски бессмертия.

В то же время мы должны признать, что европейцы мало что понимают в этом самом великолепном из процессов, в котором в полном объеме должен привлекаться человеческий опыт.

— Он влюблен, — говорят люди, покачивая головой, как будто о сумасшедшем. Предполагается, что влюбленный или влюбленная должны только немного подождать, и жизнь не покажется им усыпанной розами, максимальный срок, отводимый на нежные чувства — медовый месяц, а потом начинаются унылые будни.

Будни, которыми люди пугают друг друга — это неизбежный круговорот одного и того же, механическое повторение бездушных действий, которые, если присмотреться к ним, лишены всякого смысла.

Отцы церкви и в наши дни пытаются вести войну против великой силы любви между полами, объявляя ее «смертным грехом», в то время как цыгане, кочевники и некоторые азиатские культуры причисляют науку любви к своим самым заветным таинствам и сокровищам.

Волшебная формула Кроули «любить сознательно» предусматривает объединение двух дуальных пар: с одной стороны, тем самым преодолевается противоречие между телом и душой, с другой — поощряется соединение мужчины и женщины. Средневековое представление алхимиков о «conjunctio oppositorum» реализуется в пробирке человеческого духа и тела: дух производит определенные картины (в азиатской традиции это мистические окружности — прообраз Вселенной). Их функция — превратить тело в транспортное средство, в звездный корабль, в котором можно было навещать иные, неподвластные обычным чувствам измерения. «Горючее» для странствий по этим галактикам дает любовь между мужчиной и женщиной, которая приводит тела в иное энергетическое состояние. Осознанно переживаемый оргазм, осуществление «сознательной любви», совпадает с озарением, которое вызывает в человеке скрытого в нем бога.

Вслед за определенными школами индийского тантризма Кроули полагал, что эта форма озарения высвобождает в человеке силу, которой ничто не может противостоять ни в этом мире, ни по ту сторону его. Бог преодолел состояние разобщенности с миром и тем самым раздвоенности в самом себе; он воссоединился с собой и с миром. Все есть часть бога, и бог — часть всего, стало быть, нет ничего, что могло бы оказать ему сопротивление.

Примерно в те же годы, что и Кроули, Зигмунд Фрейд открыл главенствующее значение полового влечения, диктующего поведение человека. Правда, Фрейд, который, кстати сказать, ценил возбуждающее ясность ума действие определенных наркотиков, прежде всего кокаина, усматривал скорее отрицательные последствия любви, которая несет в себе разочарование и соответствующие проблемы. Кроули же видел в любви возможность открывать новые миры. Но и тот и другой признавали, что мотор человеческого развития — в напряженном отношении полов.

Если Фрейд с научной тщательностью констатировал симптомы гибнущей культуры, смерти которой он ничего не мог противопоставить, то Алистер Кроули направил свою энергию на создание нового века, «нового эона». По Кроули, новый эон начался в 1904 году. Гурджиев, одна из не-

многих личностей XX века, которая могла бы померяться силами с Кроули (наверное, поэтому оба избегали такого соревнования), относил начало нового эона к 1940 году.

Если использовать методы исчисления каббалы, то получается одно и то же суммарное (общее) значение чисел, так что мы имеем здесь дело, скорее всего, с проблемой интерпретации.

Создание нового эона Кроули видит как процесс, в котором универсальное сознание разрушает определенную ступень своего выражения, чтобы создать новую. Именно в таком смысле Кроули интерпретирует упадочническое настроение, которое было характерно для времени, предшествовавшего обеим мировым войнам XX века (именно в этой позиции Кроули часто видели черномагическую, сатанинскую тягу к разрушению). Такие фантасты, как Лавкрафт, Мейкен и Блеквуд, которые пытались выразить это апокалиптическое настроение в своих произведениях, развили представление, будто бы внеземной интеллект может разрушить достигнутую на земле ступень эволюции.

Кроули же, напротив, понимает разрушение как момент в процессе расширения самого сознания, которое вбирает в себя энергию звезд и, таким образом, становится на более высоком уровне частью космического процесса.

Европейской догме умирающего Бога Иисуса Христа Кроули противопоставляет формулу скрытого бога. По египетской мифологии, каждый день снова происходит воскресение бога Осириса, заходящего (вечернего) солнца, в форме восходящего (утреннего) солнца. Глаз Гора Кроули выбрал в качестве своего знака, равно как и вообще он чувствовал себя египетским жрецом Солнца. Но для него речь шла не только о воскресении индивидуального существования, но и о воскресении целой культуры. Состояние мира в начале XX века Кроули сравнивал с эпохой упадка Римской империи, которая настолько расширилась, что потеряла контроль над самой собой: «Мы играем в шахматы, в которых ни один игрок не видит больше, чем на два — три поля перед собой, и поэтому невозможно выработать единый план стратегии».

В своем Телемском аббатстве Кроули пытался совершенствовать выбранных им людей так, чтобы они могли действовать как своего рода «мировой мозг» в современном состоянии мира, которое близко к катастрофе.

Правда, разрушение центральной нервной системы этого мира иногда могло испугать даже и такого оптимиста, как Кроули; он говорил, что только юмор спасает его от сумасшествия при виде того бедственного положения, в какое человечество поставило само себя.

В себе и своих единомышленниках Кроули видел «пионеров человечества, которые проводят отчаянный эксперимент во благо человеческой расы».

В то же время он разделял точку зрения Гурджиева, что человек сам может сделать себя таким, каким захочет. Так же как Кроули призывал людей найти свою истинную волю, так и Гурджиев говорил: «Если ты разовьешь свою истинную сущность, ты станешь настоящим индивидуумом и перестанешь быть одним из тысячи листьев на дереве. Ты станешь семенем». (Это значит, что весь мир дремлет в тебе, как в семени).

Кроули советовал своим ученикам заниматься самосозерцанием (метод, похожий на психоанализ Фрейда) и отрицать все навязанные законы и моральные представления.

«Делай что хочешь — вот твой закон», — проповедовал он к вящему неудовольствию общества, которое неумолимо преследует всякого, кто преступает его законы. Неудивительно, что общество видело в Кроули ниспровергателя моральных устоев. Преодолевая фикцию своей совершенно особой личности, свое тщеславие и свой эгоцентризм, человек находит свой центр, становится «всем в одном, богом, Паном, нулем».

Ноль в системе карт Тарот — это дурак, которого Кроули в присущей ему манере перевертывания возводит из самой малой карты в высшую: все возможности лежат в том, что не определено.

В своем альбоме «Сержант Пеппер» битлы поставили памятник человеку, который низводил бога до дурака и поднимал дурака до бога. Нет сомнения, что такой подход нашел бы одобрение самого бога, ведь такого поощрения заслуживает человек, который в рационалистическом и отчаявшемся XX веке нашел силы снова поверить в сказочных героев, в своих бесчисленных приключениях искавших не что иное, как самих себя.

Для Кроули обнаружить истинную волю так же просто, как найти решение в сказке. Одному скучающему английскому аристократу, который пытался заполнить пустоту своей жизни с помощью героина, Кроули помог осознать его истинное желание — оказалось, что тому с раннего детства хотелось построить вертолет.

«Делай что хочешь» — динамичная формула, символизирующая бесконечное движение сознания, и в конце этого движения сознание не будет таким, как в начале (поэтому формула и не сформулирована «будь, кем ты есть»), оно находится в постоянном процессе становления.

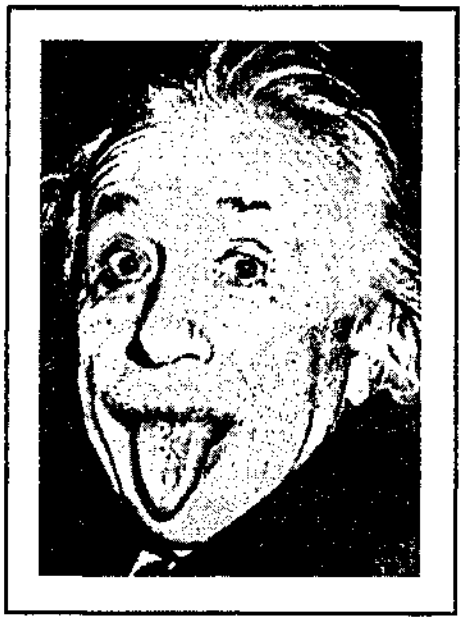
«Все течет, — учил Кроули вместе с греком Гераклитом, — и все, что пытается противодействовать этому закону, застывает и превращается в камень. То, что старается остановиться, ломается непрерывно накатывающимися волнами времени». Нет какой-то конечной истины.

«Не теряйте духа, — говаривал Кроули своим ученикам, — ваша проблема в том, что вы ищете вечность не там, где она находится».

Aleister Crowley, The Book of Lies, New York 1974
Gems from the Equinox, Minnesota 1974
The Book of Thoth, New York 1974
John Symonds, The Great Beest. The Life and Magick of Aleister Crowley, Great Britain 1971
François Rabelais, Gargantua und Pantagruel, Frankfurt 1977
Jürgen vom Scheidt, Freud und das Kokain, 1975

Альберт Эйнштейн: материя — лишь иная форма проявления энергии (и наоборот)

Тридцатистраничная статья Альберта Эйнштейна (1879—1955), опубликованная в 1908 году в «Физических анналах», выбила из-под ног науки две самые фундаментальные опоры, а именно: представление об абсолютном времени и представление об абсолютном пространстве. Эйнштейн работал в патентном бюро в Берне, где выдавал патентные сертификаты, когда ему пришла в голову мысль о



Эйнштейн — открытки, которую он рассылал друзьям по случаю своего 55-летия в 1951 году

том, что классическое представление о времени и пространстве не выдерживает критики. Одному другу он рассказывал, что эта идея осенила его как-то утром, как только он проснулся, а затем от самого появления концепции специальной теории относительности до публикации статьи прошло 5-6 недель.

Исаак Ньютон — отец классической механики, рассматривал пространство и время как неизменные константы, и это представление с XVII века доминировало в мировой науке.

«Время течет само по себе и имеет такую природу, что ничто не может изменить его», а «...абсолютное пространство по своей природе не имеет никакого отношения к внешней среде и всегда остается одинаковым и неподвижным».

Эйнштейн показал несостоятельность представления, что время одинаково относительно любой системы, с какой бы оно ни соотносилось. Несостоятельным оказалось, например, утверждение, что событие А на Земле происходит в то же время, что и событие Б на Луне.

По Эйнштейну, каждая система имеет свое «собственное время», которое отлично от движущейся относительно этой системы другой системы. Да и пространство, по Эйнштейну, можно определить лишь относительно другого пространства, а не только независимо от всего остального, как представлялось Ньютону.

Макс Планк в 1909 году оценивал теорию относительности как новое учение пространства-времени, которое предъявляет самые высокие требования к способности к отвлеченному мышлению и к способности физика фантазировать. В письме к Джеймсу Франку Эйнштейн описывает, как он пришел к идее, опрокинувшей многовековые догмы:

«Когда я спрашиваю себя, как получилось, что именно я изобрел теорию относительности, то причину этому я вижу в следующем: нормальный взрослый человек никогда не задумывается над проблемой времени и пространства. Все, что надо знать по этому поводу, полагает он, было сообщено ему уже в раннем возрасте. Я, напротив, развивался так медленно, что начал задумываться над временем и пространством, когда был уже взрослым. Естественно, что к этому времени я более глубоко окунулся в эту проблему, нежели обычный ребенок».

В 1939 году Эйнштейн еще раз повлиял на ход мировой истории, правда, теперь уже с трагическими последствиями, о которых он не переставал глубоко сожалеть. Он написал письмо американскому президенту Рузвельту, в котором подчеркивал необходимость «провести крупномасштабные эксперименты по выявлению возможности создать атомную бомбу», потому что он предполагал, что «немцы, возможно, тоже работают над этой же проблемой и имеют шансы на успех». Рузвельт начал гонку за приоритет, которая оказалась марафоном с только одним участником — Соединенными Штатами. Трагический финиш этого марафона состоялся в августе 1945 года, спустя три месяца после окончания войны с Германией, — бомбардировка Хиросимы и Нагасаки.

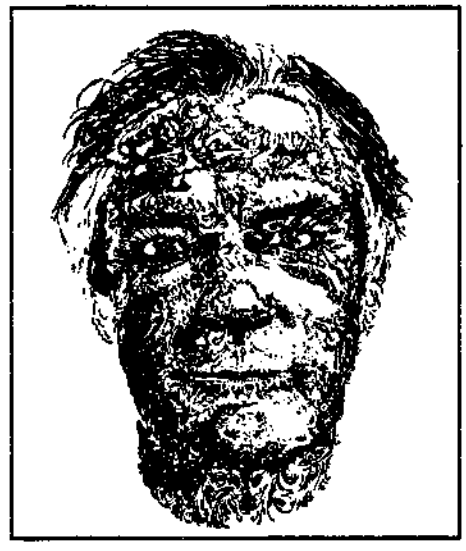
Потрясенный этой катастрофой, Эйнштейн начал разрабатывать идею мирового сообщества, которое объединяло бы все нации и могло бы предотвращать международные конфликты мирным путем, однако на этот раз Эйнштейну не удалось вмешаться в ход мировой истории, хотя и он приложил руку к созданию Организации Объединенных Наций. До последнего часа Эйнштейн сохранял поразительную свободу духа, которая была основой его научных прозрений. Для Эйнштейна философский камень — это умение удивляться:

«Самое прекрасное, что выпадает на нашу долю,— это таинственное. Именно тайна лежит в основе того чувства, из которого вырастают искусство и наука. Тот, кому неведомо удивление, кто не умеет поражаться, тот, можно сказать, мертв, и глаза его потухли».

Sir Isaac Newton: Mathematische Prinzipien der Naturlehre, Darmstadt 1963
Max Planck, Acht Vorlesungen über theoretische Physik, Leipzig 1909
Helle Zeit – Dunkle Zeit. In memoriam Albert Einstein, Hg. von Carl Seelig. Zürich, Stuttgart, Wien 1956
Albert Einstein, Mein Weltbild, Frankfurt am Main, Berlin 1968

Тимоти Лири: в этой игре ты можешь стать, кем хочешь!

Благодаря своим тезисам о том, что «наш процесс воспитания наносит прямой физический ущерб нашей нервной системе», что «библиотечные книги являются опасными наркотиками», что стареющие белые люди, которые управляют этой планетой, всяческими способами пытаются до-

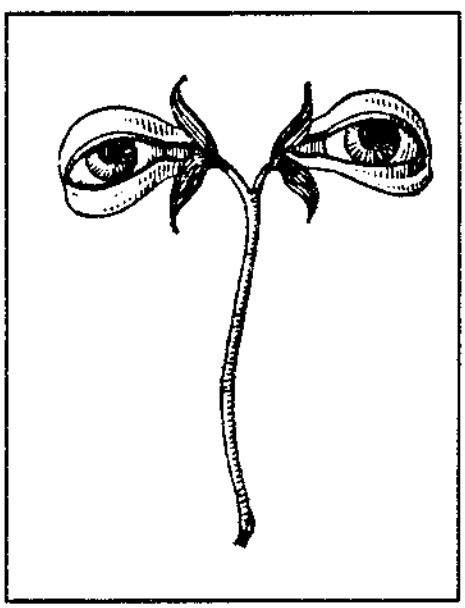


Тимоти Лири с «третьим глазом» (рисунок Аллена Антвелла)

биться механического однообразия и разрушить индивидуальность, многообразие и независимость мысли, и своими ставшими сенсационными исследованиями наркотического средства ЛСД, открывающего новые возможности мозга, профессор Гарварда Тимоти Лири стал для молодежи западного мира учителем, пророком и зачинателем новой философии, а для эстеблишмента — заклятым врагом.

После того как в пепельнице его машины был найден пепел от сигареты с марихуаной, Лири был осужден на 30 лет тюремного заключения, потом его удалось выкрасть из тюрьмы, но затем ЦРУ снова вышло на след Лири в Непале.

Когда Никсон ушел из Белого дома, Лири снова оказался на свободе и целиком посвятил себя исследованиям в области стимуляции интеллекта и сознания, а также проектам колонизации мирового пространства.



Лири полагает, что возможности нашего мозга постигать различные реальности далеко еще не исчерпаны. Лири считает, что, исходя из возможностей нашего мозга, мы — все еще гусеница, которой только предстоит превратиться в бабочку. Представление Лири о скрытых возможностях мозга может показаться, на первый взгляд, фантастическим, но так же фантастичны были в свое время предсказания об изобретении подводной лодки, телефона, телевидения, автомобиля, самолета и космических кораблей.

Лири считает, что надо преодолеть присущую нам косность, которая на 99% делает из человека биомеханического робота, и обратиться к клеточным знаниям, заложенным в ДНК-архивах наших клеток. Как только человеку удастся это, он сможет овладеть временем и стать бессмертным, а затем, в качестве дальнейшего этапа, прорваться к архивам своих возможностей на атомном и субатомном уровнях. Умея по своему желанию управлять пространством и временем, человеческое сознание сможет обретаться там, где ему хочется.

Если говорить об академическом признании, то Лири находит его скорее в Европе, где молодые психологи все больше отходят от описательного бихевиоризма. Вот что пишет о нем, например, психолог, сотрудник Берлинского «Института исследования будущего» Вулф-Рюдигер Лутц:

«Тимоти Лири, к сожалению, очень часто понимают превратно. Он отнюдь не «флипин» (легкомысленный. — *Прим. ред.*), каким представляется. Его выступления и статьи выражают его совершенно особенное понимание эволюции и эмансипации. Не гедонизм, а расширение возможнос-

тей интеллекта и сознания — вот его первоочередные цели. Начиная с исследований о психоделитических веществах и заканчивая его нынешними статьями о колонизации мирового пространства, Лири остается верен своей теме, он пионер исследований развития сознания».

Werke von Timothy Leary:

Politik der Ekstase, Berlin o. J.
Neuropolitics, Los Angeles 1977
Exopsychology: A Manual of the Use of the Nervous System, Los Angeles 1977
Was die Frau will, Basel 1980
W. R. Lutz: Die Revolution des Bewußtseins entläßt ihre Kinder, in: Psychologie Heute, 1979

Научно-популярное издание

Вольфганг Бауэр,
Ирмтрауд Дюмотц,
Сергиус Головин

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИМВОЛОВ

Главный редактор *Л. Михайлова*
Редактор *А. Гремицкая*
Технический редактор *Т. Кулагина*
Корректоры *С. Жук, Л. Уланова, Т. Нарышкина*
Компьютерная верстка *И. Колобовой*

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.07.98.
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Бодони. Усл. печ. л. 41,6. Тираж 10 000 экз.
Заказ 1666.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, д. 6
Тел.: 218-30-03, 219-82-14

ОАО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049 г. Ярославль, ул. Свободы, 97

А.МАЙКАПАР

НОВЫЙ ЗАВЕТ В ИСКУССТВЕ

«Новый Завет в искусстве» — первое фундаментальное исследование в отечественном искусствознании, посвященное проблемам иконографии западного искусства.

В книге анализируются наиболее распространенные сюжеты из Нового Завета, к которым обращались как великие, так и неизвестные мастера на протяжении почти двух тысячелетий.

Формат 84×108 1/16.
Переплет 7, суперобложка

ВПЕРВЫЕ ПЕРЕВЕДЕННАЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК, КНИГА ВОБРАЛА В СЕБЯ БОГАТЕЙШИЙ МАТЕРИАЛ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУР МНОГИХ НАРОДОВ МИРА.

АВТОРЫ ПРЕДЛАГАЮТ СВОЕ ТОЛКОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ИНДЕЙСКИХ, ГРЕЧЕСКИХ, ИНДИЙСКИХ И ХРИСТИАНСКИХ СИМВОЛОВ, НО НЕ НАВЯЗЫВАЮТ ЖЕСТКОЙ ТРАКТОВКИ, СКОВЫВАЮЩЕЙ ВООБРАЖЕНИЕ.

ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИМВОЛИКЕ, УЗНАЕТ, ЧТО И НАШЕ ВРЕМЯ РОЖДАЕТ СВОИ СИМВОЛЫ, И, НАКОНЕЦ, ПОЗНАКОМИТСЯ С БИОГРАФИЯМИ ДЕЯТЕЛЕЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ, СТАВШИХ СВОЕГО РОДА СИМВОЛИЧЕСКИМИ ЛИЧНОСТЯМИ.

ISBN 5-232-00896-X
9 785232 008963 >